АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Г. Е. КОЧИН

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НА РУСИ КОНЦА XIII–НАЧАЛА XVI в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

Г. Е. КОЧИН

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НА РУСИ

В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

КОНЕЦ XIII - НАЧАЛО XVI В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1965

Ответственный редактор

В. Г. ГЕЙМАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Развитие сельского хозяйства — результат трудовой производственной деятельности сельского населения. Избирая в качестве темы исследования историю сельского хозяйства на Руси, мы имеем в виду изучение трудовой деятельности земледельцев-крестьян в XIII—XV вв., итогом которой явилось широкое применение, а затем и господство на Руси паровой трехпольной системы земледелия, освоение под полевое земледелие большой доли лесных массивов Северо-Восточной Руси, Новгородской и Псковской земель и строительство здесь десятков тысяч деревень и сел, названия и прочное местоположение которых указываются в писцовых книгах конца XV—начала XVI в.

Предметом изучения являются сельские (в своей массе земледельческие) хозяйства этих деревень и сел, сложные по составу, но легко отличимые как от хозяйств (мастерских) ремесленников, так и от специальных промысловых хозяйств, изучение и история которых являются задачей историков ремесла, промышленности и торговли.

Вкладывая такое содержание в нашу работу, мы тем самым определяем ее как исследование о жизни сельского трудового населения, как исследование о народной жизни в древней Руси времени феодальной раздробленности.

Начальная дата изучаемого нами периода — последние десятилетия XIII в., время, когда хозяйство Руси, постепенно оправлявшейся после монголо-татарского нашествия, пришло в норму, а указание на период образования Русского государства (в отношении отдельных земель-княжеств) достаточно конкретно определяет его конечную дату.

При характеристике состояния сельского хозяйства и его отдельных отраслей к началу изучаемого нами периода естественно воспользоваться тем, что сделано нашими предшественниками по изучению сельского хозяйства раннего периода (до середины XIII в.). Но далеко не со всем этим наследием можно было согласиться, и потому в ряде случаев (например, при изучении земледе-

лия и особенно при изучении техники земледелия — орудий обработки земли) мы нарушили указанные хронологические рамки и начали свое изложение с более раннего времени, отведя особое место разбору высказываний историков — наших предшественников — о состоянии отдельных отраслей сельского хозяйства в это время.

Предмет исследования — сельское хозяйство русских земель-княжеств, составивших к концу XV—началу XVI в. Русское государство, — так определяются территориальные рамки изучаемого нами объекта. Нередко по ходу изложения приходилось говорить не о всей этой области, а лишь о частях ее; в этих случаях, кроме естественных для изучаемого времени указаний на отдельные земли-княжества (а для позднего времени — на уезды), мы еще различали Северо-Западную Русь и земли Северо-Восточной Руси, совершенно условно именуя Северо-Западной Русью совокупность Новгородской и Псковской земель (хотя хорошо сознаем, что историческая область Северо-Западной Руси — иное понятие: гораздо шире, чем указанные земли), а остальные земли-княжества — Северо-Восточной Русью.

Состояние источников вынуждает нас строго ограничить свои задачи. Источники, относящиеся к изучаемому нами времени, сохранились плохо, в очень малом количестве, да к тому же они неравномерно распределяются по времени и по районам. Источников же, содержащих сведения о сельском хозяйстве, вообще ничтожно мало. В хозяйственной жизни отдельных политически самостоятельных земель-княжеств естественно было бы ожидать и искать некоторые особенности и своеобразие, но состояние источников исключает возможность самостоятельного изучения истории народного сельского хозяйства по землям-княжествам. В равной мере оказалась невыполнимой и задача по изучению его истории раздельно по хронологическим этапам внутри изучаемого нами периода. Поэтому мы ограничиваем свою задачу изучением и установлением общего процесса развития сельского хозяйства.

Этой задачей — познать и раскрыть общий процесс развития сельского хозяйства — определилось и наше особое внимание к источникам массовым, и выделение в документах на первое место тех показаний, которые позволяют с большей ясностью понять и установить этот процесс развития сельского хозяйства и развития земледелия как его основы.

При неравномерности распределения источников по времени и районам и при общей бедности сведений в них о сельском хозяйстве все же встретились и случаи, благоприятные для нас, — когда сохранившиеся от некоторого отрезка времени источники по отдельным землям-княжествам оказались необычно богатыми по содержанию. Естественно, что мы постарались ввести в нашу работу их данные, указав на приуроченность их к определенному району. Так, в главе II (о земледелии) под заголовками «Писцовые книги

о земледелии в Новгородской земле» и «Летописи о сельском хозяйстве и о земледелии в Псковской земле» мы раскрываем материалы о земледелии Новгородских писцовых книг и Псковских летописей; мы указываем, что источники в данном случае говорят о том, что было в Новгородской и Псковской земле во второй половине XV в., но вместе с тем отмечаем, что показания Псковских летописей и материалы Новгородских писцовых книг раскрывают и общий процесс развития земледелия на Руси. В обозрении источников мы отмечаем, что и в землях-княжествах Северо-Восточной Руси также имелись писцовые книги, сходные с Новгородскими, но они, к сожалению, безвозвратно утрачены. Мы уверены, что они включали столь же богатые сведения о сельском хозяйстве, как и Новгородские писцовые книги. Случайно сохранившиеся выписи из них, одна-две сотные грамоты и свидетельства других источников Северо-Восточной Руси позволяют нам считать рассказываемое в Новгородских писцовых книгах пригодным и для познания сельского хозяйства в землях-княжествах Северо-Восточной Руси и в Псковской земле. Материалы Новгородских писцовых книг 1495—1505 гг. — ценнейший источник сведений о народном хозяйстве не только Новгородской земли, но и других изучаемых нами русских земель-княжеств. И потому мы во всех последующих главах привлекаем Новгородские писцовые книги без особых оговорок в общем ряду других источников.

Изучая в целом процесс развития сельского хозяйства, при изложении мы делим материал соответственно основным его отраслям. Самою большою по объему является глава о земледелии (в общем счете это глава II, она следует за вводной главой I — об историографии и источниках по истории сельского хозяйства древней Руси), следующая глава — о скотоводстве, а за нею — глава о сельских промыслах: об охоте, рыболовстве, бортничестве, о лесном деле и домашней промышленности.

Изучение сельскохозяйственного производства раскрывает основу производственных отношений между земледельцами-крестьянами и феодалами-землевладельцами, вместе с этим помогает глубже познать материальную основу русского феодализма, а через это — и существо социальных классовых отношений в древней Руси. Освещение этих вопросов составляет содержание главы V, подытоживающей в указанном плане материал предшествующих глав.

В советской историографии отведено большое место исследованиям по истории землевладения, оценке социальных отношений и развитию феодализма в древней Руси. Тем не менее наш конкретный материал о жизни деревни позволяет внести ряд корректив и дополнений в то, что об этом написано. По указанным здесь большим вопросам — о феодальной зависимости крестьян и развитии крепостничества, об организации крестьянства (о сельской общине), об отражении классовых противоречий в материалах о сель-

ском хозяйстве, о формах и размере феодальной земельной ренты, — мы отметили лишь самое основное из подсказанного нашим материалом, именно то, что в силу ясности приводимых показаний источников не требовало специального разбора и оценки высказывавшихся в литературе мнений. Подробный разбор каждого из этих вопросов исключен из опасения выйти далеко за рамки основной нашей темы. Мы рассчитываем, что в будущем представится возможность высказаться в специальной работе как по вопросам тесной связи между развитием сельского хозяйства, развитием феодализма и эволюцией форм феодальной ренты, так и по вопросу об организации крестьянства (о сельской общине) и организации господствующего класса.

Преднамеренно очень кратко изложен и материал о хозяйстве феодала-землевладельца; выделено лишь основное, главное, что необходимо для понимания существа связей между хозяйством землевладельца-феодала и крестьянским хозяйством. Вместе с тем нельзя упускать из виду и того, что конец XV в. и первые десятилетия XVI в. являются временем больших перемен: быстро эволюционировали монастырские крупные хозяйства, в среду землевладельческих хозяйств входили помещичьи. Многочисленный материал источников XVI в. создает для их изучения несравнимо более благоприятные условия, чем имеем мы. Поэтому естественно объединить изучение владельческих хозяйств разного типа, перенеся его на более позднее время.

* *
*

В момент завершения работы над книгой, когда уже подошло время подписания ее к печати, скоропостижно скончался ответственный редактор Василий Георгиевич Гейман. Скорбя о большой потере, автор с глубокой благодарностью вспоминает о постоянной всесторонней, по ходу всей работы, поддержке Василия Георгиевича; вместе с тем автор считает необходимым отметить особое ее значение поскольку, когда по долгу исследователя ему приходилось по-новому, вразрез с некоторыми установившимися мнениями авторитетов, решать важные вопросы по истории крестьян и народного хозяйства, неизменная поддержка редактора в этих случаях была особенно ценна, своевременна и потому очень памятна.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XIII — НАЧАЛА XVI в.

ИСТОРИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ДРЕВНЕЙ РУСИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В старой дореволюционной историографии было широко распространено мнение о низком уровне народного хозяйства древней Руси, об отсталости и примитивности техники сельского хозяйства, о господстве подсечного земледелия в лесной полосе — в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси — вплоть до XV в. Такое ложное представление о народнохозяйственной жизни древней Руси легко объяснимо у представителей дворянской историографии XVIII—начала XIX в., для которых пренебрежительное отношение к экономике прошлого и малое внимание к истории народного хозяйства являлось обычной чертой. Естественная в этих условиях плохая осведомленность могла привести к неверным оценкам.

Но это ошибочное мнение нашло распространение и в трудах представителей буржуазной историографии. Именно в таком виде сельское хозяйство древней Руси было обрисовано в капитальном труде «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева [1] — основоположника русской буржуазной историографии.

Широкое использование новых источников, привлечение архивных материалов, дотоле не известных историкам, делало труд Со-

[1] Первый том «Истории России с древнейших времен» вышел в свет в 1851 г.; последний, 29-й том подготовлен в 1879 г., он доводит изложение до 70-х годов XVIII столетия. «История России» неоднократно переиздавалась. В настоящее время выходит советское издание этого труда в 15 книгах; вышли кн. 1—11 (М., 1959—1963). Мы пользуемся изданием: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1—5. Изд-во «Общественная польза», СПб., [без даты].

ловьева для своего времени не только интересным, но и содержательным.

В этом произведении С. М. Соловьев, наряду с вопросами политической истории, социальных отношений, рассматривает и вопросы истории культуры, народного хозяйства и быта. История России раскрывается и излагается им как закономерный исторический процесс, протекающий под воздействием ряда исторических факторов, направлявших развитие и жизнь человеческого общества.

Из исторических факторов С. М. Соловьев на первое место выдвинул воздействие на историю каждого народа общих природных свойств и условий страны, т. е. влияние географической среды. Он безмерно преувеличил роль этого фактора. Природными географическими особенностями Восточной Европы С. М. Соловьев объяснял важнейшие особенности политической истории, экономики и культуры древней Руси. Беспредельно широки равнинные пространства Восточной Европы, велико их влияние на жизнь населявших ее народов. С этих указаний, устанавливавших, по мнению Соловьева, важнейший фактор, направлявший историю древней Руси, начинает он свой труд. Источники (в основном летописи и повествовательная литература древней Руси), как передает их содержание С. М. Соловьев, рассказывают о перемещениях князей из одного города в другой, с одного стола на другой, о том, что дети киевских, черниговских князей со своими дружинниками переезжали в Северо-Восточную Русь и оседали здесь; говорят о боярах и слугах, следовавших за князьями. А затем Соловьев и его единомышленники переносили эти упрощенно и вместе с тем тенденциозно истолковываемые показания источников и на широкие массы трудового населения. Соловьев говорит о постоянных переездах, о сменах места жительства земледельцами, т. е. сельским населением лесной полосы Северо-Восточной Руси. Соловьев напоминает читателям в отношении Русской земли: «То была обширная девственная страна, ожидавшая населения, ожидавшая истории...»; вслед за этим он делал вывод: «Отсюда — древняя русская история есть история страны, которая колонизуется. Отсюда постоянное сильное движение народонаселения на огромных пространствах: леса горят, готовится богатая почва, но поселенец недолго на ней останется; чуть труд станет тяжелее, он идет искать нового места, ибо везде простор, везде готовы принять его».[2]

С. М. Соловьев многократно говорит об этом колонизационном процессе — отдельно об XI—XII вв., особо о Новгородской земле в XII—XIII вв.[3] и о Северо-Восточной Руси в XIII—XV вв.,[4]

---

[2] С. М. Соловьев. История России..., кн. 1, стр. 1335.
[3] Там же, стр. 718.
[4] Там же, стр. 1215.

о конце XVI в. в отношении некоторых удаленных от центра районов:[5] «...продолжалась постоянная колонизация (речь идет о XIV—XV вв., — *Г. К.*) северо-восточных пространств, постоянное переселение, брожение; земледельцу невыгодно было оставаться долго на одном месте по самому качеству почвы на Северо-Востоке, которая нигде не обещала продолжительного плодородия. Через несколько времени после первого занятия, после выжиги леса, земля требовала уже больших трудов, и земледельцу выгодно было оставлять ее и переходить на новую почву».[6] Чрезвычайно низким изображает С. М. Соловьев общий уровень материальной жизни русских людей этого времени. Земледелие в Северо-Восточной Руси и Новгородской земле было, по мнению Соловьева, лишь огневым подсечным, без каких-либо намеков на прогресс до конца XV в.

Рисуя в столь мрачных красках народнохозяйственную жизнь древней Руси, С. М. Соловьев считал, что непосредственным виновником политической и экономической отсталости Руси являлся привыкший к бродяжничеству земледелец-крестьянин. «От такой расходчивости, — пишет С. М. Соловьев, — расплывчивости, привычки уходить при первом неудобстве, происходила полуоседлость, отсутствие привязанности к одному месту, что ослабляло нравственную сосредоточенность, приучало к исканию легкого труда, к безрасчетливости, к какой-то междоумочной жизни, к жизни день за день».[7] Параллельно с этими высказываниями Соловьев настойчиво выдвигал мысль о положительной организующей роли «государственного начала», как некоей важнейшей силы, определявшей развитие человеческого общества. По мнению С. М. Соловьева, в развитии Руси от родового строя к общине, а потом к государственности — к созданию единого русского государства — выражен прогрессивный ход исторического процесса, естественный и необходимый. «Государственная власть упорядочивает, организует, устраняет то, что мешает нормальному здоровому развитию. Привычке крестьянина к расходке противостоит стремление правительства ловить, усаживать и прикреплять», — писал С. М. Соловьев.[8]

---

[5] Там же, кн. 2, стр. 650.

[6] Там же, кн. 1, стр. 1215.

[7] Там же, стр. 1335. — С. М. Соловьев не был первым среди историков, столь искаженно изображавших жизнь и трудовую деятельность земледельца древней Руси. Еще за 30 лет до него Н. М. Карамзин, рассказывая о царских указах конца XVI в., закрепощавших крестьян, в оправдание и одобрение этих мероприятий правительства оценивал право крестьянина на переход от одного владельца к другому в Юрьев день как обычай вредный, мешавший ему «обживаться, привыкать к месту и к людям для успехов хозяйства» и якобы умножавший «число бродяг и бедность». Карамзин называл крестьян «кочевыми жителями», нерадивыми «хозяевами временными своих ветхих хижин» (Н. Карамзин. История государства Российского, кн. 3, т. X. Изд. Эйнерлинга, СПб., 1842, стр. 120).

[8] С. М. Соловьев. История России..., кн. 3, стр. 664.

Эта точка зрения была характерна для большинства представителей буржуазной историографии. О свободном переходе крестьян как повсеместном явлении в древней Руси писали Б. Н. Чичерин, А. Д. Градовский, И. Д. Беляев[9] и еще раньше их Н. М. Карамзин, причем эта свобода перехода истолковывалась именно как бродяжничество, тормозившее развитие народного хозяйства, общественной и политической жизни древней Руси.[10]

Рассуждениями о бродячем духе народонаселения древней Руси подменялось раскрытие подлинной картины происходившего в XII—XV вв. в древней Руси процесса — развития феодально-крепостнических отношений. Буржуазная историография давала ложную оценку социальным отношениям древней Руси, она не смогла правильно определить существо ее общественного строя. Производство и производственные отношения оставались вне сферы наблюдения С. М. Соловьева и не нашли места в его «Истории России».[11] Не без оснований еще современники упрекали его в том, что «народу не нашлось места в его труде». Классовая борьба, народные движения против эксплуататоров расценивались Соловьевым с позиций, враждебных восставшим, — как бунт, как нарушение правопорядка.[12] Критическая оценка «теории о бродяжничестве крестьян», в отраженных в ней взглядах на взаимоотношения между землевладельцами и крестьянами и в высказываниях по вопросам о феодализме, о феодальной земельной собственности и вообще о собственности на землю, дана Б. Д. Грековым в его труде о крестьянах на Руси.[13]

Описываемая С. М. Соловьевым постоянная перемена земледельцами места жительства по существу означала указание на господство подсечного земледелия в древней Руси до конца XV в. С. М. Соловьев, идеалист по существу своего мировоззрения, бродяжничество крестьянина считал внутренним свойством его натуры, склонностью, выросшею под влиянием общих природных условий.[14] Крестьянин-земледелец изображался искателем легкого

[9] Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права. М., 1858, стр. 173—175 и 369; А. Д. Градовский. История местного управления в России, т. I. СПб., 1868, стр. 1—5; И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси. Изд. 4. М., 1903, стр. 36—37, 43—47.

[10] С формальной критикой высказываний о свободе перехода крестьян в древней Руси от одного владельца к другому, со стороны соответствия этого мнения свидетельствам документов, выступил Д. Я. Самоквасов, метко назвавший такие мнения «теорией о бродяжничестве крестьян» (см.: Д. Я. Самоквасов. Крестьяне древней России по новооткрытым документам. М., 1909, стр. 5—9).

[11] Н. Л. Рубинштейн. Развитие буржуазной историографии и труды С. М. Соловьева. В сб.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, М., 1955, стр. 361, 363.

[12] Там же, стр. 356 и 360.

[13] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1946, стр. 515—516, 617—622 (изд. 2, испр. и доп., кн. 1 и 2, М., 1952, 1954).

[14] С. М. Соловьев. История России..., кн. 1, стр. 1335.

труда, человеком без прочных привязанностей, склонным к полукочевой жизни, чуждым целеустремленной трудовой деятельности. Отсюда отрицание С. М. Соловьевым какой-либо положительной роли трудовых масс в истории. Эта точка зрения характерна для представителей дворянской (в частности, для Н. М. Карамзина) и буржуазной (богато представленной крупнейшими ее представителями — Б. Н. Чичериным, К. Д. Кавелиным,[15] А. Д. Градовским, П. Н. Милюковым [16] и др.) историографии. Все они единодушно писали о первостепенном значении государственной власти и господствующего класса в развитии народного хозяйства, экономики государства. Разница состояла лишь в том, что одни отводили главную роль в среде господствующего класса родовой боярской знати, другие — мелкопоместному служилому дворянству, а третьи — уже поднимающейся городской буржуазии. С. М. Соловьев не изучал сельскохозяйственного производства и земледелия древней Руси. Его аргументация основывалась на общей, отвлеченной оценке характера исторического процесса.

Одновременно с выходом первых томов «Истории России» С. М. Соловьева появилась статья И. Д. Беляева, специально посвященная изучению земледелия в древней Руси.[17] И. Д. Беляев, так же как и С. М. Соловьев, писал о легкой, непрочной связи русского земледельца с землей, о подвижности сельского населения в древней Руси — и именно о подвижности, связанной с подсечным земледелием, когда, по его мнению, даже в XIV и XV столетиях было в обычае на Руси поднимать целину, «чертить, подсушивать и выжигать» и после нескольких посевов бросать истощенную землю.[18] Новым по сравнению с тем, что писал С. М. Соловьев, было прежде всего то, что И. Д. Беляев говорил о непрерывности колонизации в древней Руси и природных свойствах слабо заселенной Северо-Восточной Руси не только на основе общих рассуждений, но пытался подкрепить свое мнение ссылками на документы. Так, он писал: «... сельское население у нас было самое подвижное, что доказывают изумительные по своей многочисленности ряды пустошей, селищ и деревнищ, а также починков и новоселков, свидетельствами о которых переполнены дошедшие до нас старые официальные памятники».[19] Далее И. Д. Беляев добавляет: «При первом чтении свидетельств о пустошах, деревнищах и селищах можно подумать, что мор, война и другие бедствия ежегодно опустошали Русскую землю, тогда как на самом деле главною при-

---

[15] К. Д. Кавелин. Соч., т. I. СПб., 1897, стр. 552; Н. Л. Рубинштейн. Развитие буржуазной историографии..., стр. 346—347.

[16] П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 1. Изд. 5, М., 1904, стр. 54—55, 74—75.

[17] И. Д. Беляев. Несколько слов о земледелии в древней России. Временник, кн. 22, М., 1855, стр. 37—50.

[18] Там же, стр. 46.

[19] Там же, стр. 48.

чиною такого множества пустошей был указанный нами порядок сельского хозяйства».[20] Автор имеет в виду подсечное земледелие, по его мнению, долгое время господствовавшее в древней Руси.

И. Д. Беляев вводит в заблуждение читателя. «Старые официальные памятники», переполненные свидетельствами об «изумительных по своей многочисленности рядах пустошей», — это писцовые книги, но не конца XV—начала XVI в., а второй половины XVI и начала XVII в. Они составлены действительно по указам правительства и рассказывают о тяжелом сельскохозяйственном кризисе в это время. В писцовых книгах второй половины XVI—начала XVII в. действительно отмечены сотни пустошей, но все эти пустоши — не подсеки в прошлом, а опустевшие, заброшенные в связи с кризисом (т. е. в самое недавнее время) деревни с паровым трехпольным земледелием. Отмеченное писцовыми книгами массовое запустение селений в ряде областей Русского государства хорошо известно историкам. И никто из близко изучавших материал писцовых книг XVI—начала XVII в. не связывал эти сотни указанных в писцовых книгах пустошей с подсеками.[21] А если бы, взамен поздних писцовых книг второй половины XVI в., И. Д. Беляев стал знакомиться с крестьянским хозяйством по Новгородским писцовым книгам конца XV—начала XVI в., то нашел бы там ясное описание широко и повсеместно распространенного трехполья и многие сотни и тысячи деревень, давно и прочно сидевших на своих местах. Пустоши, упоминаемые как в Новгородских писцовых книгах конца XV—начала XVI вв., так и в писцовых книгах Московского государства XVI в. и в актах XIV—XVI вв., — это старые, когда-то запустевшие деревни, и свидетельством господства подсечного земледелия в рассматриваемое нами время они служить не могут.

Но было бы неверно И. Д. Беляева безоговорочно относить к сторонникам «теории бродяжничества». Он далеко не единомышленник С. М. Соловьева в оценке земледельца древней Руси и его роли в народном хозяйстве; тем более он не может быть поставлен рядом с Н. М. Карамзиным в оценке законодательства о крестьянах последних десятилетий XVI в.[22] В более поздней работе о крестьянах И. Д. Беляев пишет о переселениях: «Нельзя сказать, чтобы переселения крестьян с одной земли на другую были общим правилом, это скорее были исключения, по крайней мере в XIV и XV столетиях; ибо мы почти во всех грамотах встречаем упоминания о старожильцах как на общинных, так и на частных землях, а старожильцы нередко говорят, что иной живет на занимаемой им земле

[20] Там же.

[21] См., например: Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899; Н. Ф. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области в XVI в. (по писцовым книгам). Киев, 1915.

[22] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 94.

20, иной 30, 40, 50, 80 лет, что и деды и отцы их жили на той же земле, на какой живут и они».[23]

И. Д. Беляев знал источники и особенно материалы о крестьянах; он издавал их и широко привлекал в своих работах; среди них были и материалы о частых переселениях крестьян, высказывания о состоянии земледелия, но, поверхностно воспринимая их, он ошибочно толковал эти материалы. И не удивительно, что сторонники разбираемой нами «теории» пользовались работами Беляева, ища поддержки высказываемых ими положений.

Важным событием в изучении хозяйства древней Руси был выход в 1866 г. книги Н. Я. Аристова «Промышленность древней Руси».[24] В ней автор дал первую сводку сведений из письменных источников о сельском хозяйстве — о земледелии в древней Руси, о ремесле и торговле. В общей оценке состояния сельского хозяйства и жизни деревни Аристов пошел за Беляевым. В своей работе он говорит о постоянных передвижениях с места на место земледельцев древней Руси, о подсечном земледелии как господствующей его форме; при этом он ссылается на работу Беляева и приводимые им указания на источники.[25] Важно отметить, что Аристов принимал во внимание необходимость при малоплодородной почве в лесной полосе Северо-Восточной и Северо-Западной Руси вносить удобрения, но считал это дело сложным, недоступным для крестьянина XIV—XV вв.: «Лучше было делать новую гарь, чем заниматься удобрением... И земледелец идет искать нового места на просторе, где полюбится. И оттого в древних памятниках до XV в. не встречается ни одного намека, чтоб земли где-нибудь удобрялись».[26] Аристов стремился вникнуть в существо сельскохозяйственного производства, близко интересовался всеми сельскими промыслами и ремеслами, что сделало очень ценной при изучении сельского хозяйства и его обзорную работу.

Сказывалось влияние «теории о бродяжничестве» и на трудах тех немногих специалистов по сельскому хозяйству и агрономии, которые посвятили свои работы истории земледелия в древней Руси. К их числу надо отнести и исследование Александра Васильевича Советова, автора вышедшего в 1867 г. труда «О системах земледелия»,[27] который «и по настоящее время является наиболее значительным трудом по истории развития земледелия в нашей стране».[28]

В 1866 г., за год до выхода указанной работы, в «Трудах Вольного экономического общества» была напечатана статья «О земле-

[23] Там же, стр. 34.

[24] Н. Я. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб., 1866.

[25] Там же, стр. 58—59.

[26] Там же, стр. 58.

[27] А. Советов. О системах земледелия. СПб., 1867.

[28] Так характеризует этот труд редакция в предисловии к «Избранным сочинениям» А. В. Советова, изданным в недавнее время (см.: А. В. Советов, Избр. соч., М., 1950, стр. 12).

делии в древней России» без указания автора. В этом же году статья была опубликована отдельным изданием за подписью Василия Советова.[29] Ее содержание близко тем местам работы А. В. Советова «О системах земледелия», в которых рассказывается о земледелии в древней Руси. Создается впечатление, что то и другое написано одним лицом; но в более позднюю работу автор внес исправления в оценку роли крестьянина.

В. Советов почти дословно повторил рассуждения С. М. Соловьева о малочисленности населения в древней Руси, об огромных пространствах плодородной, никем не занятой земли,[30] что якобы исключало побуждения у русского народа к тому, чтобы «увеличивать труды и средства для поднятия плодородия земли».[31] Он говорит о будто бы развившейся в этих условиях «страсти у нашего землевладельца к привольному разгулу по земле, к постоянным переходам с места на место, к полукочевой и полуномадной колонизации... Развилась страсть к расходчивости, расплывчивости по широкому пространству Русской земли, склонность к брожению врознь».[32] Сходные высказывания мы находим и у А. В. Советова.[33]

Всю вину за отсталость сельского хозяйства В. Советов возлагал на крестьянина и, как бы следуя за Карамзиным, одобрял меры правительства по закрепощению крестьян. Только когда правительство, «наконец, вследствие разных причин, сделало их совершенно крепкими земле, — пишет В. Советов, — тогда начинает мало-помалу зарождаться другая система сельского хозяйства — хозяйство трехпольное...».[34]

А. В. Советов, подготавливая свой труд, стремился дать оценку современного ему (середины 1860-х годов) состояния земледелия в пореформенной России, определить пути его перестройки и дальнейшего развития. Далекий от мысли написать работу о земледелии в древней Руси, он тем не менее в своем труде привел яркую общую картину развития земледелия в России и на этом фоне показал, как мало современное ему земледелие ушло вперед от того, каким было в крепостнической России. Гневные слова вызывала еще не изжитая подсека; этим объясняется резкое осуждение подсеки и в древней Руси, и притом не только самой подсеки, но и тех, кто ее применял, кто упорно цеплялся за нее.

Можно считать естественным, что, не будучи специалистами по истории, В. Советов и А. В. Советов поддались ошибочным, но убежденно высказанным взглядам С. М. Соловьева и других сто-

[29] О земледелии в древней России. Тр. ВЭО, 1866, т. I, вып. 3 и 4; т. II, вып. 1. Мы ссылаемся на отдельное издание: В. Советов. О земледелии в древней Руси. СПб., 1866.

[30] В. Советов. О земледелии в древней Руси, стр. 26—27.

[31] Там же, стр. 22.

[32] Там же.

[33] А. В. Советов, Избр. соч., стр. 256—258; в первом издании стр. 25—28.

[34] В. Советов. О земледелии в древней Руси, стр. 27.

ронников «теории бродяжничества»; на этот же путь толкали и материалы источников о крестьянах, сообщавшиеся И. Д. Беляевым. А. В. Советов, отдав дань «теории о бродяжничестве крестьян», неверно оценил темп развития земледелия в древней Руси и ошибочно определил время перехода от подсеки к пашенному земледелию и трехполью. Но это не помешало ему правильно наметить и ясно показать основные этапы в развитии земледелия.

В других красках, нежели С. М. Соловьев, рисует А. В. Советов роль крестьянина, его отношение к труду. «Не из пустого же удовольствия или прихоти покидалась им родина и то, что приобреталось, может быть, долгим и тяжким трудом, — пишет А. В. Советов, — всякий знает, что от добра добра не ищут...». «Неужели в самом деле было легче расчистить новину из-под леса, чем вспахать землю пашенную?» — ставит он вопрос и поясняет: «... очевидно, что к брожению врознь древнего русского земледельца вынуждала *не страсть, а крайняя нужда*, которую вызывала выпашка земель не только усадебных, но и ближних».[35] А. В. Советов не забыл оценить огромный созидательный труд земледельцев.

Подводя общий итог процессу развития земледелия в древней Руси, А. В. Советов писал: «Из всего сказанного мы можем ясно видеть, что класс крестьян, и главным образом безземельных, играл важную роль в древнерусском земледелии. Это был такой элемент, которому обязана разработкой территория большей части России. Им расчищены древние вековые леса, распаханы пашни и покосы, построены села и деревни. Без этой народной силы, без русского крестьянства, и дворцовые, и боярские, и богатые монастырские земли остались бы вечно пустынями».[36]

Естественно, что те, кто специально работал над историей земледелия в России и следовал по пути А. Советова, повторял и его ошибки.[37]

Большую роль в разработке истории народного хозяйства сыграли писцовые (а для XVII в. и переписные) книги. Как источник, дающий в руки исследователя массовый материал о хозяйстве крестьян в деревне и ремесленников в городах, писцовые книги позволяли по-новому, шире ставить вопросы о народнохозяйственной жизни, о состоянии сельского хозяйства, земледелия, ремесла, об организации сельскохозяйственного производства в конце XV в. и полностью в XVI и XVII вв. К сожалению, более ранние писцовые книги (конца XV в.) сохранились только для Новгородской земли.

Изучение писцовых книг и издание их происходило постепенно, отражая характерный для буржуазной историографии рост инте-

---

[35] А. Советов. О системах земледелия. СПб., 1867, стр. 25—26 (в издании 1950 г. это место пропущено).

[36] А. В. Советов, Избр. соч., стр. 326.

[37] Сергей Дремцов. Рассказ о том, как у нас на Руси началось и шло земледелие с самых древних времен и до наших дней. М., 1899.

реса к экономике, к вопросам народного хозяйства. Параллельно с привлечением писцовых книг в качестве базы для изучения экономики прошлого ставились и решались вопросы о писцовых книгах как историческом источнике, о методе их разработки.[38]

Прежде всего привлекли внимание исследователей Новгородские писцовые книги. Раньше других воспользовался писцовыми книгами в качестве основного источника при изучении деревни XV—XVI вв. П. А. Соколовский (в его распоряжении были лишь писцовые книги Деревской и Вотской пятин).[39] П. А. Соколовский не входил в существо сельскохозяйственного производства, хотя и описывал экономический быт сельского населения. Выступая с критикой работ представителей государственной школы (Б. Н. Чичерина), П. А. Соколовский дал яркий материал о трудовой деятельности сельского населения древней Руси и показал важную роль сельской общины, высказавшись за существование у нас общины типа описанной Г. Л. Маурером германской общины.[40] В этом же плане решает вопрос о существовании и о роли крестьянской общины и А. Я. Ефименко.[41] Она основывалась на материалах северных двинских актов XV—XVI вв. и широко использовала бытовой этнографический материал. В отличие от П. А. Соколовского, А. Я. Ефименко, характеризуя общину на севере, говорит не о волости-общине, а о малой складнической долевой общине-деревне. Развернутая ею теория трудового начала в обычном праве по существу являлась тяжелым ударом по тем, кто распространял «теорию о бродяжничестве крестьян».

Издание писцовых книг началось, сравнительно с другими источниками, с большим запозданием и велось медленно, с длительными перерывами.[42] Тем не менее изучение экономики Новгородской земли и сельского хозяйства благодаря привлечению Новгородских писцовых книг сделало большие успехи уже в последнее десятилетие XIX в. В старых работах о Великом Новгороде историки отводили первое место торговле. Материалы писцовых книг заставили отказаться от такой точки зрения и ближе заняться изучением сельского хозяйства и ремесла. Уже в первых работах,

---

[38] Все эти вопросы освещены в работе: Г. Кочин. Писцовые книги в буржуазной историографии. ПИ, сб. II, М.—Л., 1936, стр. 145—186.

[39] П. А. Соколовский. 1) Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877; 2) Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб., 1878. — О П. А. Соколовском см.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. II. М., 1960, стр. 197—202.

[40] П. А. Соколовский. Очерк истории сельской общины на севере России, стр. 60—66; Г. Л. Маурер. Введение в историю общинного подворного сельского и городского устройства и общественной власти. Перевод с нем. В. Корша. М., 1880, стр. 42—61.

[41] Александра Ефименко. Исследования народной жизни. Крестьянское землевладение на крайнем Севере. М., 1884, стр. 183—382.

[42] Г. Кочин. Писцовые книги в буржуазной историографии, стр. 147, 157—158, 161—162.

написанных на основе Новгородских писцовых книг, указывалось на широкое распространение трехполья в конце XV в. в крестьянских хозяйствах Новгородской земли.

Большую положительную роль в изучении экономики Новгородской земли сыграл труд А. И. Никитского,[43] хотя в нем по-прежнему преувеличена роль торговли. Работы Тихомирова (архимандрита Сергия),[44] В. Ф. Загорского,[45] А. М. Гневушева,[46] Н. Ф. Яницкого,[47] А. А. Кауфмана[48] в части, касающейся разработки материалов писцовых книг по отдельным сторонам хозяйственной жизни Новгородской земли, не утратили своего значения и в настоящее время. В качестве полезных сводок они широко используются советскими учеными. Важны труды А. М. Андрияшева по исторической географии Шелонской пятины, написанные также на основе материалов Новгородских писцовых книг.[49] Богатое содержание писцовых книг Северо-Восточной Руси XVI в. раскрыто в работе Н. А. Рожкова о сельском хозяйстве Московской Руси в XVI в.[50] По своему содержанию она выходит за хронологические рамки изучаемого нами периода (в ней исследован материал о сельском хозяйстве с 40-х годов до конца XVI в.), но как опыт решения вопросов, аналогичных изучаемым нами, — и притом решения их на основе столь важного источника, как писцовые книги, — работа Н. А. Рожкова важна для нас. Н. А. Рожков еще раньше, в статье «К вопросу о степени достоверности писцовых книг», писал о необходимости внимательного изучения каждой пис-

---

[43] А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. — А. И. Никитский мог пользоваться только Новгородскими писцовыми книгами Вотской и Деревской пятин. Отзыв об этой работе см.: А. С. Лаппо-Данилевский. Критические заметки по истории народного хозяйства в В. Новгороде. СПб., 1895.

[44] Архимандрит Сергий [Тихомиров]. Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Вотской пятины 1500 года. СПб., 1905. (В качестве приложения был издан атлас карт погостов Вотской пятины).

[45] В. Ф. Загорский. История землевладения Шелонской пятины в конце XV—XVI веках. СПб., 1909.

[46] А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения ее к Москве. Киев, 1915.

[47] Н. Ф. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области в XVI в. (по писцовым книгам).

[48] А. А. Кауфман. 1) Отзыв о сочинении Н. Н. Нордмана «Опыт статистической обработки писцовых книг около 1498 г.». Отчет о 53-м присуждении наград гр. Уварова. Записки АН, VIII серия по Ист.-филолог. отд., т. IX, № 5, 1912; 2) Новгородские писцовые книги в статистической обработке. Вып. 1. Погосты и деревни Шелонской пятины по письму 1498—1501 гг. Пгр., 1915.

[49] А. М. Андриашев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. I. Списки селений. II. Карты погостов. СПб., 1913—1914.

[50] Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.

цовой книги как источника.[51] Придя к выводу, что писцовые книги — достаточно достоверный статистический источник, Рожков в своем труде «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» подверг статистической обработке материал писцовых книг XVI в., — правда, без учета специфических особенностей их. Последнее, естественно, сказалось на качестве приведенных в книге многочисленных таблиц и на обоснованности его выводов,[52] но все же общая характеристика системы и состояния земледелия не вызывает сомнений. Рожков впервые раскрыл и ярко осветил тяжелый кризис, который переживало сельское хозяйство Московской Руси во второй половине XVI в. Естественно, что изучающий сельское хозяйство древней Руси должен обращаться к труду Н. А. Рожкова.

Для буржуазной историографии конца XIX—начала XX в. остаются характерными взгляды, развитые С. М. Соловьевым, хотя следует отметить, что когда прямо ставился вопрос об истории деревни и сельского хозяйства, то далеко не все исследователи повторяли точку зрения С. М. Соловьева. Важным событием в буржуазной историографии следует считать появление в конце 90-х—начале 900-х годов работ Н. П. Павлова-Сильванского о феодализме на Руси.[53] До него отдельные историки находили лишь некоторые черты сходства, сближавшие общественные порядки древней Руси с западноевропейским феодализмом. Павлов-Сильванский признал феодализм особым периодом в истории России, отметив, что он не отличался от феодализма западного. Но Павлов-Сильванский расценивал феодализм не как общественную формацию, покоящуюся на определенной основе производительных сил и производственных отношений, а лишь как систему юридических, правовых институтов и политических отношений. Такое сходство он искал и сравнивая социальные отношения в древней Руси с тем, что было в Западной Европе. Все же это не помешало ему верно подметить характерные черты этих отношений, признать крупное землевладение и сеньериальную власть землевладельца над населением вотчины-боярщины на Руси. Отмечая сельскую волостную общину и боярщину как два важных учреждения средневекового строя, Павлов-Сильванский отмечал стремление феодалов к захвату общинных земель, к подчинению себе всего волостного мира, указывал на борьбу общины с боярщиной. На ряде ярких приме-

[51] Н. А. Рожков. К вопросу о степени достоверности писцовых книг. Древности, Тр. Археогр. комиссии Моск. археолог. общ., т. I, вып. 2, М., 1898, стр. 185—208.

[52] Г. Кочин. Писцовые книги в буржуазной историографии, стр. 167—175.

[53] Н. П. Павлов-Сильванский. 1) Закладничество-патронат. СПб., 1897; 2) Иммунитет в древней Руси. СПб., 1900; 3) Феодализм в древней Руси. СПб., 1907 (изд. 2 — Пгр., 1924); 4) Феодальные отношения в удельной Руси. СПб., 1901; 5) Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. В кн.: Н. П. Павлов-Сильванский, Соч., т. I, СПб., 1909; 6) Феодализм в удельной Руси. Там же, т. III, СПб., 1910.

ров, подкрепленных документами XII—XVI вв., он нарисовал жизнь крестьянских волостей-общин, при этом он решительно расходился с теми представителями буржуазной историографии, которые говорили о бродяжничестве крестьян.[54] Собранный и живо поданый материал о жизни волости-общины делает работы Павлова-Сильванского весьма важными при разработке нашей темы.

В борьбе с буржуазной историографией, с ее классово враждебной позицией при оценке деятельности и исторической роли трудящихся масс особая заслуга принадлежит историку-большевику М. Н. Покровскому. Значение ее особенно возрастет, если учесть сложные условия и обстановку, в какой приходилось Покровскому вести эту борьбу. Его четырехтомный труд (в первом издании он вышел в пяти томах) «История России с древнейших времен»[55] был написан в эмиграции. М. Н. Покровский попытался в нем с марксистских позиций изложить исторический процесс, противопоставив свою работу «Курсу русской истории» В. О. Ключевского; он стремился показать общественное развитие России с точки зрения взаимоотношений общественных классов и борьбы между ними, выступив против трудов Соловьева и его последователей, в основе которых была задача — показать формирование и эволюцию самодержавия в России. Принимая то, что было высказано Н. П. Павловым-Сильванским о феодализме, М. Н. Покровский внес ряд важных исправлений и дополнений в характеристику феодализма, раздвинув хронологические рамки его. Еще в этой работе М. Н. Покровский внес важные уточнения в понятие феодализма: «...последний (т. е. феодализм, — *Г. К.*), — пишет он, — гораздо более есть известная система хозяйства, чем система права».[56] Он обратил внимание на раннее появление крупного феодального землевладения на Руси, указав, что крупные феодальные боярские вотчины существовали в Киевской Руси уже в X—XI вв., что, по мнению М. Н. Покровского, отмечено еще в Правде Русской. Он выступил с решительной критикой дворянской и буржуазной историографии по поводу «теории о бродяжничестве крестьян» и изображения их «странствующими земледельцами, смотревшими на свою избу как на что-то вроде гостиницы». «Ни один спор о земле, — писал М. Н. Покровский, — не решался в то время без участия старожильцев, иные из которых „помнили“ за тридцать, другие за сорок, а иные даже за семьдесят и девяносто лет. Эти старожильцы обнаруживали нередко удивительную топографическую память относительно данной местности... Чтобы так его

[54] Н. П. Павлов-Сильванский. 1) Феодализм в древней Руси; 2) Феодализм в удельной Руси.

[55] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен (в 4 томах). М., 1933. — Первое издание вышло в Москве в 1913 г. (в 5 томах) при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева.

[56] М. Н. Покровский. Русская история..., т. I, стр. 53.

(спорное мнение, — *Г. К.*) знать, в нем нужно было родиться и вырасти, — бродячий арендатор, случайный гость в вотчине, даже за десяток лет не изучил бы всех этих деталей...».[57] И далее: «Словом, представление о древнерусском земледельце как о перехожем арендаторе барской земли и об оброке как особой форме арендной платы приходится сильно ограничивать, и не только потому, что странно было бы найти современную (периода капитализма, — *Г. К.*) юридическую категорию в кругу отношений, так мало похожих на наши, но и потому, что они прямо противоположны фактам».[58]

К Великой Октябрьской социалистической революции М. Н. Покровский пришел как известный историк-марксист, имевший заслуги в критике буржуазной историографии.[59] После победы Октябрьской революции борьба с буржуазной историографией за перестройку исторической науки стала особенно острой. М. Н. Покровский выступает с докладами, лекциями и статьями как передовой боец и руководитель в этом важном деле.[60] Возникла острая необходимость в популярной книге, которая давала бы связный марксистский курс русской истории. Эту важную, ответственную работу взял на себя М. Н. Покровский. Вышедшая в 1920 г. «Русская история в самом сжатом очерке» сыграла огромную роль в переоценке старой историографии, в выработке новой точки зрения на прошлое. «Сжатый очерк» был встречен с одобрением. В. И. Ленин расценил выполненную М. Н. Покровским работу как большой успех и писал, что книга чрезвычайно понравилась ему: «Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом».[61] Но не все в этой книге было безупречным. Коренная перестройка исторической науки требовала предварительной подготовки многих фундаментальных марксистских трудов по отдельным разделам этой науки. М. Н. Покровский не смог показать закономерную смену исторических формаций, допустил ошибки в их характеристике. В дальнейшем он уточнял свои формулировки, пересматривал, равняясь по ленинским марксистским установкам.

М. Н. Покровский шел первым.[62] Рядом с ним шла и училась советская молодежь.[63]

---

[57] Там же, стр. 34.

[58] Там же, стр. 35.

[59] О. Соколов. Об исторических взглядах М. Н. Покровского. Коммунист, 1962, № 4, стр. 69—79 (см. особенно стр. 71).

[60] М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. 1 и 2. М.—Л., 1933.

[61] В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 488 и 658. См. также: М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. I и II. Изд. 5. М., 1934, стр. XII—XIV.

[62] О. Соколов. Об исторических взглядах М. Н. Покровского, стр. 73—75.

[63] Там же, стр. 76, 79.

То, к чему пришла буржуазная историография в разработке истории народного хозяйства, не могло удовлетворить советских историков; притом требовалась не доработка, а разработка заново, пересмотр всего сделанного как по истории народного хозяйства, так и по истории сельского хозяйства.

Достижения в изучении сельского хозяйства в Новгородской земле, о которых мы говорили выше, лишь умножали количество фактического материала о состоянии сельского хозяйства и различных его отраслей, но не раскрывали существа покоящихся на его основе производственных отношений. Каким путем перестраивалось сельское хозяйство, чьим трудом и усилиями когда-то примитивное подсечное земледелие за XII—XV вв. превратилось в организованное, ведущееся уже на уровне паровой трехпольной системы земледелия, — все это оставалось нераскрытым даже в отношении лучше изученной Новгородской земли. Марксистско-ленинская теория направила по новому пути работу историков народного хозяйства. Изучение материальной основы жизни человеческого общества, определяемых ею производственных отношений — вот та первоочередная задача, без правильного разрешения которой была невозможна верная оценка существовавших в изучаемое время социальных отношений.

30-е годы отмечены крупными успехами советской историографии. Ставится и успешно разрешается вопрос об общественном строе Киевской Руси, а это служит основой для столь же успешной разработки вопроса о социальном строе на Руси в период феодальной раздробленности. Правильное решение этой важнейшей проблемы, нашедшее общее признание советских историков, покоилось на признании засвидетельствованного документами господства сельского хозяйства в Киевской Руси.[64]

За этим последовало решение вопроса о дальнейшем развитии феодального строя в древней Руси. Встал большой и сложный вопрос о причинах и условиях объединения политически разрозненных земель-княжеств Северо-Западной и Северо-Восточной Руси в единое Русское государство.

С решением этой задачи и была связана дискуссия по вопросу об исторических основах образования Русского централизованного государства, проведенная редакцией журнала «Вопросы истории» в 1946 г. В ходе дискуссии обозначилась с особой ясностью важность изучения народного хозяйства, земледелия и сельскохозяйственного производства Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в период феодальной раздробленности. Дискуссия была полезна для

---

[64] Б. Д. Греков. 1) Рабство и феодализм в древней Руси. Изв. ГАИМК, 1934, вып. 86 (доклад и прения по нему); 2) Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1935 (изд. 2 — 1936 г.; изд. 3 — 1937 г.); 3) Киевская Русь. М.—Л., 1939 (изд. 2 — 1944 г.); С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939.

более глубокого освещения основного ее вопроса, но она не внесла ничего существенно нового в изучение сельского хозяйства.[65]

Работа над историей народного и сельского хозяйства облегчалась появлением крупных трудов по общим вопросам социально-экономических отношений в древней Руси. Из них в первую очередь следует отметить капитальные труды Б. Д. Грекова о крестьянах и социальных отношениях в древней Руси,[66] а также исследование М. Н. Тихомирова о городах древней Руси,[67] важное и для историков сельского хозяйства. По смежной области народного хозяйства — о ремесле древней Руси — была издана монография Б. А. Рыбакова.[68] Исследуемый в этой работе период истории ремесла охватывает и изучаемое нами время, а единая закономерность развития народного хозяйства находит отражение в совпадении важнейших этапов в развитии сельского хозяйства и ремесла. Все это делает труд Б. А. Рыбакова важным для изучающего сельское хозяйство.

Советские историки много внимания уделяют вопросам истории землевладения. Это внимание легко объяснимо: вопросы истории землевладения входят в комплекс основных вопросов истории развития феодализма, они связаны и с общими вопросами истории народного хозяйства. Интерес к истории землевладения естествен еще и потому, что источников по этому вопросу несравнимо больше, чем по истории сельского хозяйства, и содержание их богаче. История землевладения в древней Руси явилась предметом ряда специальных работ С. Б. Веселовского. Крупнейший знаток архивных материалов XIV—XVII вв., он лучше, чем кто-либо другой, знал материалы о родословной знати и служилых людях Московской земли, об их вотчинах и поместьях. К этому присоединялось хорошее знание истории местного (центра Северо-Восточной Руси) края. Многие выводы и наблюдения С. Б. Веселовский изложил в комментариях к издающимся документам XIV—XVI вв.;[69] подготовленные С. Б. Веселовским документы и особенно коммен-

---

[65] П. Смирнов. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. ВИ, 1946, № 2—3, стр. 55—90. — См. статьи И. И. Смирнова, В. В. Мавродина, С. В. Юшкова (там же, № 4), К. В. Базилевича (там же, № 7) и итоговую статью редакции (там же, №№ 11—12).

[66] Б. Д. Греков. 1) Крестьяне на Руси...; 2) Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958.

[67] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946; изд. 2. М., 1956.

[68] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948. — Много существенных дополнений в части, касающейся добычи и обработки железа и особенно производства земледельческих сельскохозяйственных орудий, сделано Б. А. Колчиным; см.: Б. А. Колчин. 1) Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, М., 1953; 2) Железообрабатывающее ремесло Великого Новгорода. Тр. НАЭ, т. II, стр. 7—120.

[69] См. комментарии к «Актам социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI вв.» (т. I. М., 1952; т. II. М., 1958); см. также сб.: Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв. М., 1955, стр. 13—46, 369—393.

тарии к ним очень ценны при работе с источниками по истории сельского хозяйства.[70] Но если все, что касается фактического содержания материалов о землевладении, собранных и систематизированных С. Б. Веселовским, без оговорок принимается в советской историографии, то многие высказанные им положения по истории феодального землевладения и характеристика феодального хозяйства, крупного владельческого и крестьянского, вызывают серьезные возражения по существу оценок автора и толкования, даваемого источникам.

Через год после выхода в свет капитального труда Б. Д. Грекова о крестьянах появилась работа С. Б. Веселовского о феодальном землевладении в Северо-Восточной Руси.[71] Внимательный рецензент и глубокий знаток истории социально-экономического строя древней Руси и вопросов истории феодализма И. И. Смирнов, оценивая этот труд Веселовского, пришел к выводу, что развиваемая Веселовским схема возникновения феодального землевладения и его рассуждения о путях развития земельной собственности безнадежно устарели по сравнению с тем, чего достигла советская историческая наука, и с тем, что очень ярко изложено и убедительно обосновано в труде Б. Д. Грекова.[72] В схеме С. Б. Веселовского нет крестьянского общинного землевладения, его заменяют девственные «пустые земли». Не понята или не признана сущность процесса феодализации и процесса образования феодальной земельной собственности как результата превращения общинных земель в феодальные владения. Не признавая крестьянской земельной общины, С. Б. Веселовский не увидел и труда земледельца, создавшего земледельческие хозяйства, основного производителя в феодальной древней Руси.

Среди работ по истории землевладения есть и такие, которые по существу являются ценными работами по истории сельского населения и народного хозяйства. К ним можно отнести монографию А. И. Копанева по истории землевладения в Белозерском крае.[73] Ниже мы остановимся на работах по истории Новгородской земли.

Медленно шла разработка собственно истории сельского хозяйства. По этому вопросу можно отметить докторскую диссерта-

---

[70] В дореволюционных работах С. Б. Веселовского большое место занимали исследования и материалы по писцовому делу. В них высказаны и его взгляды на источники и на задачи историка, их изучающего; см.: Г. Кочин. Писцовые книги в буржуазной историографии, стр. 180—183.

[71] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947. — Этому труду предшествовали и с ним связаны по содержанию другие работы ученого; см.: С. Б. Веселовский. 1) К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926; 2) Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936.

[72] И. И. Смирнов. С позиций буржуазной историографии. ВИ, 1946, № 10, стр. 113—124.

[73] А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951.

цию В. М. Слободина «История систем земледелия от возникновения его на территории СССР до Октябрьской революции».[74]

Успешному изучению народного хозяйства способствовало введение в научный оборот многочисленных вновь открытых археологических материалов. Однако в связи с этим наметилась тенденция переоценки новых источников, признание особой важности их и недостаточное внимание, а иногда и пренебрежение к старым. В открываемых археологических материалах пытались найти легкое решение сложных вопросов истории развития земледелия в древней Руси. По ходу работы мы подробно разберем ряд подобных примеров, когда внимательное исследование оказывается подмененным смелой, но по существу ничем не оправданной гипотезой и ссылкой на новые археологические находки. Планомерная публикация новых археологических материалов помогает своевременному ознакомлению с этими источниками.

Государственным историческим музеем изданы два сборника «Очерков по истории русской деревни».[75] Авторы их выполнили большую и очень нужную работу. Они свели воедино богатые археологические материалы по таким важным темам, как сельские поселения в лесной полосе Северо-Восточной Руси в X—XIII вв., земледелие, сельские промыслы.

В. П. Левашева в очерке о сельском хозяйстве дала полную сводку материалов об орудиях обработки земли и уборки урожая, о собранных археологами зерновых культурах, но допустила поспешные выводы в общей оценке состояния земледелия. В. П. Левашева, к сожалению, мало уделила места показаниям письменных источников.[76] В этом отношении выгодно отличается очерк В. А. Мальм[77] о древнерусских промыслах. Проделана большая работа А. В. Успенской и М. В. Фехнер по разработке огромного материала о поселениях древней Руси. Столь же ценен и полезен и второй сборник «Очерков по истории русской деревни X—XIII вв.», содержащий сведения о сельских промыслах и домашней промышленности в древней Руси.[78] Специально истории сельского

---

[74] В. М. Слободин. История систем земледелия от возникновения его на территории СССР до Октябрьской революции. Свердловск, 1952. (Автореф. докт. дисс.). — Основную, лучше разработанную часть своей диссертации он опубликовал в качестве статьи: В. М. Слободин. К вопросу о развитии и смене систем земледелия. В сб.: Матер. по истории земледелия СССР, I, М., 1952, стр. 9—65. — В статье «Системы земледелия» (БСЭ, т. 39, стр. 169—172) В. М. Слободин существенно уточнил характеристику сменяющихся систем земледелия, этапы и время их распространения.

[75] Тр. ГИМ 32, 33.

[76] В. П. Левашева. Сельское хозяйство. Тр. ГИМ 32, стр. 19—105. — Ниже (в гл. II, § 1) мы разбираем случай ошибочного истолкования В. П. Левашевой текста одной судной грамоты (см. стр. 60—62).

[77] В. А. Мальм. Промыслы древнерусской деревни. Тр. ГИМ 32, стр. 106—138.

[78] Тр. ГИМ 33, стр. 9—104.

хозяйства и крестьян Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. посвящены статья и монография А. Д. Горского.[79]

Особенно успешно в советской историографии велась разработка истории сельского хозяйства Новгородской земли. Положительную роль здесь сыграл содержательный, надежный источник — Новгородские писцовые книги.

Среди исследований о народном хозяйстве Новгородской земли прежде всего следует отметить работы Б. Д. Грекова[80] и А. В. Арциховского.[81] Внимание историков направлялось на изучение отдельных вопросов этой большой темы. С. А. Тараканова-Белкина избрала темой своего исследования боярское и монастырское землевладение в Новгородской земле.[82]

Изучая отдельные частные (но важные) вопросы истории хозяйства и социальных отношений на материалах отдельных небольших районов Новгородской земли, советские ученые за последние годы добились хороших результатов.

На первом месте следует отметить работы В. Н. Бернадского,[83] который не только сам много сделал для изучения социальных отношений, классовой борьбы, народного хозяйства и политической истории Новгородской земли, но помог и молодым исследователям в этом деле.

Несколько раньше основных трудов В. Н. Бернадского вышла книга Л. В. Даниловой по истории землевладения и хозяйства

---

[79] А. Д. Горский. 1) Из истории земледелия в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. В сб.: Матер. по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, III, М., 1959, стр. 5—40; 2) Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960. — В 1960 г. была напечатана наша статья «Развитие земледелия на Руси с конца XIII по конец XIV в.» (в сб.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков, М.—Л., 1960, стр. 257—305). Эта статья является сокращенным вариантом главы II данной работы, в ней выброшен § 1 («Орудия обработки земли») и материалы о земледелии Северо-Западной Руси. Основные положения этой статьи были изложены автором в докладе в Институте истории АН СССР (сектор феодализма) в июне 1956 г., а ранее — в ЛОИИ (в декабре 1955 г.).

[80] Б. Д. Греков. 1) Что такое обжа? Изв. АН СССР, серия 6, т. 20, 1926, № 10—11, стр. 1017—1040; № 13—14, стр. 1229—1252; 2) Крестьяне на Руси... (в части, касающейся характеристики экономики социальных отношений в Новгородской земле).

[81] А. В. Арциховский. 1) К истории Новгорода. ИЗ, т. 2, 1933, стр. 108—131; 2) Археологическое изучение Новгорода. Тр. НАЭ, т. I, стр. 7—43.

[82] С. А. Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939.

[83] В. Н. Бернадский. 1) Общественное разделение труда и феодальная рента в Новгородской земле XV в. Уч. зап. ЛГПИ, т. 102, 1955, стр. 117—164; 2) Новгород и Новгородская земля в XV веке, ч. I. Уч. зап. ЛГПИ, т. 138, 1958. (Полностью этот труд — исправленная и дополненная диссертация — издан после смерти автора: Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961).

в Новгородской земле,[84] а еще раньше — статья И. Л. Перельман о новгородской деревне по материалам погостов Обонежской пятины.[85]

Работы А. П. Шурыгиной посвящены изучению боярского землевладения и хозяйства,[86] М .Г. Копачевой — экономике и социальным отношениям в г. Яме и Ямском уезде.[87] Следует указать также работу М. В. Витова по исторической географии Севера Новгородской земли.[88]

Мы можем отметить, что в советской историографии заметно усилилось внимание к изучению вопросов истории народного хозяйства в феодальный период. Предметом специального исследования стала и история сельского хозяйства древней Руси.

Обзор трудов по истории сельского хозяйства древней Руси указывает все же на недостаточную разработку этой проблемы. При этом имеются основания говорить о высоком интересе к ней как со стороны буржуазной историографии в конце XIX—начале XX в., так и со стороны советских историков, особенно в последнее время. Обращает на себя внимание наличие у занимающихся этой проблемой резко расходящихся мнений по основным ее вопросам: с одной стороны — высказывания о низком уровне сельского хозяйства в древней Руси, о господстве подсеки в лесной полосе вплоть до конца XV в., а с другой стороны — мнение о паровой системе земледелия и широком распространении трехполья в Новгородской земле и в Северо-Восточной Руси уже в XI—XII вв. Причину этих резких расхождений во мнениях естественно видеть и в малочисленности источников, и в том, что в них отсутствуют прямые, ясные показания о земледельческом производстве.

Отсюда — необходимое и обязательное условие для успешного изучения сельского хозяйства древней Руси: привлечение всех дошедших до нас источников по этому вопросу, мобилизация источников всех видов, всего, что может содержать сведения о сельскохозяйственном производстве, об организации его, о состоянии

[84] Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV—XV вв. М., 1955.

[85] И. Л. Перельман. Новгородская деревня в XV—XVI вв. ИЗ, т. 26, 1948, стр. 128—197.

[86] А. П. Шурыгина. 1) Новгородская боярская колонизация в XIV—XV вв. Уч. зап. ЛГПИ, т. 78, 1948, стр. 31—62; 2) Новгородская боярская вотчина в XV в. (по материалам вотчины Марфы Борецкой). (Дисс.). — Мы пользуемся ее данными по книге Л. В. Даниловой.

[87] М. Г. Копачева. 1) Феодальная рента в Новгородской земле на рубеже XV—XVI вв. (на примере одного из передовых районов Новгородской земли на рубеже XV—XVI вв.). Уч. зап. ЛГПИ, т. 131, 1957, стр. 305—341; 2) Яма и Ямской уезд на рубеже XV—XVI вв. Л., 1953. (Автореф. канд. дисс.).

[88] М. В. Витов. 1) Приемы составления карт поселений XV—XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины). ПИ, сб. V, М., 1956, стр. 231—264; 2) Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962.

на разных этапах его развития. Пересматривая эти источники в их общем комплексе, мы должны наряду с источниками письменными в равной мере иметь в виду и вещевой материал, какой в большом количестве дает нам археология, а также использовать материал этнографический и языковый.

Такая, может быть, необычная по сложности постановка вопроса о разысканиях источников по истории сельского хозяйства древней Руси определяется тем, что источников, прямо отвечающих на вопросы об организации и состоянии сельскохозяйственного производства XIII—XV вв. (равно как и IX—XII вв.), нет. Все приходится вылавливать, выискивать в попутных замечаниях, в случайных, мимоходом сделанных указаниях, в косвенных свидетельствах о явлениях смежных, соприкасающихся с сельским хозяйством.

ИСТОЧНИКИ О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Более подробное знакомство с источниками по отдельным их видам естественно начать с источников письменных, среди которых по истории древней Руси на первом плане стоят летописи. В летописях и в других повествовательных источниках имеется большой материал о политической жизни в древней Руси. Сообщения же о хозяйственной жизни в летописях случайны, немногочисленны и обычно ограничиваются записями о неурожаях, о стихийных бедствиях, сопровождавшихся гибелью хлебов. За изучаемый нами период таких сообщений может набраться немало. Но так как они случайны, не систематичны, то создать верное представление о состоянии сельского хозяйства на их основе нельзя.

Летописи очень различны по содержанию, а поэтому различны и по ценности как источники. Имеются летописи, составители которых живо интересовались народной и хозяйственной жизнью. В этом отношении особо выделяются Псковские летописи,[89] отличающиеся богатством сведений о местной жизни; они уделяют большое внимание событиям в самом Пскове и во всей Псковской земле. Псковские летописи особенно важны при изучении экономики и сельского хозяйства Псковской земли в XIV и XV вв., когда Псков стал самостоятельным, так как актовый материал о Пскове очень скуден.

Из актового материала изучаемого нами периода лишь очень малая доля могла по содержанию отвечать нашей теме, но ознакомление с актами во всей доступной полноте мы все же считали для себя обязательным. О пути выполнения этой задачи можно сказать коротко: мы извлекли и заново изучили все, что касалось сельского хозяйства, что с достаточной полнотой и законченностью

[89] Псковские летописи заново переизданы А. Н. Насоновым; им же дана характеристика их как источников. См.: Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941; вып. 2. М., 1955.

было отмечено в наших «Материалах для терминологического словаря древней России».[90] Это позволило использовать как весь изданный до 1935 г. актовый материал, так и материал других письменных источников X—XV в. Собранное и изученное мы пополнили материалами последующих изысканий и изучения документов в архивохранилищах Москвы (в Центральном государственном архиве древних актов, в рукописных отделах Государственного исторического музея и Библиотеки им. В. И. Ленина) и Ленинграда (в рукописных отделах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Академии наук СССР и в Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР). На этом втором этапе своей работы, когда пришлось вести разыскания в архивах, автор опирался на новые труды советских историков, исчерпывающе заново исследовавших документальный материал древней Руси в наших архивохранилищах и особенно документы изучаемого нами периода.

Капитальный труд Л. В. Черепнина[91] о русских феодальных архивах служил постоянным пособием в нашей работе над источниками, особенно над теми, которые не были изданы и которые необходимо было разыскивать в архивах. При работе в архивохранилищах Москвы облегчением и надежным источником являлись «Путеводители» по архивам,[92] и самым ценным справочным пособием был «Обзор...», составленный В. Н. Шумиловым.[93]

Изучение советскими историками законодательных документальных материалов периода феодализма сопровождалось подготовкой ими новых изданий этих документов.[94] Широко задуманный, методично выполняемый план издания документов феодальной эпохи, охватывающий как изданные ранее, так и хранящиеся в архивах документы, обеспечил историков рядом ценнейших пособий при работе над историей древней Руси. Уже то, что из-

---

[90] Материалы для терминологического словаря древней России. Сост. Г. Е. Кочин. М.—Л., 1937. — В этих «Материалах» приведены подробные указания на источники, в которых встречается тот или иной термин. Когда по ходу работы необходимы ссылки на эти источники, мы для краткости будем ссылаться на указатели в соответствующих статьях «Материалов».

[91] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I. М.—Л., 1948; ч. II, М., 1951.

[92] Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. ч. I. М., 1946; ч. II. М., 1947; Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.—Л., 1958.

[93] Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. Сост. В. Н. Шумиловым. М., 1954.

[94] Правда Русская. I. Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940; II. Комментарий. Сост. Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин. Н. Ф. Лавров и Б. А. Романов. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1947; Судебники XV—XVI вв. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1952.

дано за послевоенные годы, составляет семь томов.[95] И все же автору постоянно приходится ссылаться на малочисленность документов, на трудность решения многих вопросов из-за исключительной бедности сведений о сельскохозяйственном производстве в дошедших до нас источниках.

Малочисленностью источников и трудностью изучения вопросов истории народного хозяйства в древней Руси объясняется и то, что историки избегали браться за исследования истории народного хозяйства в целом. Актовый материал является богатейшим источником при изучении истории феодального землевладения, наиболее важный период которго падает как раз на XIV—XVI вв.[96] Но акты мало касаются основных вопросов нашей темы. Только в редких актах можно уловить случайные сведения о сельском хозяйстве, и притом лишь в косвенных намеках, при рассказе о вопросах, не связанных с сельскохозяйственным производством. Трудность положения изучающего историю сельского хозяйства заключается прежде всего в том, что по интересующему нас периоду ни в одном из источников нет прямых высказываний о сельскохозяйственном производстве, о труде земледельца, сведения же об организации сельского хозяйства исходят от землевладельцев и потому подлежат строгой проверке. При сравнительно большом числе дошедшего до нас актового материала, насчитывающего за XIV—XV вв. свыше тысячи номеров,[97] лишь несколько десятков документов содержат некоторые указания на состояние земледелия в изучаемое нами время. При всем этом в силе остаются и те общие свойства актового материала, из-за которых очень суживается познавательное значение имеющихся в актах показаний. Акты сообщают об единичных явлениях, причем по самому со-

---

[95] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI вв., т. I. М., 1952; т. II. М., 1958; т. III. М., 1964; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. I. М., 1951; ч. II. М., 1956. — Перечень изданий документов, выпущенных до 1935 г. и использованных нами в качестве источников, см.: Г. Е. Кочин. Материалы..., стр. 11—12, 470—476.

[96] Л. В. Черепнин. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. ПИ, сб. IV, М., 1955, стр. 307—349. — В Москве в 1955 г. защищена (к сожалению, до сих пор не изданная) кандидатская диссертация Н. Н. Покровского «Актовые источники по истории феодальной собственности в России (XIV—начало XVI вв.)». Следует отметить также ценное комментариями издание ряда актов в «Памятниках русского права» (вып. 2. Сост. А. А. Зимин. М., 1953; вып. 3. Ред. Л. В. Черепнина. М., 1955).

[97] Об общей численности актового материала XII—XV вв., о том, как он распределяется во времени и по районам Северо-Восточной Руси, Новгородской и Псковской земель, см.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I и II. — Наглядно об этом рассказывают и сборники документов, изданные за последние 20—25 лет, в которых документы приведены в систему.

держанию акта нельзя определить степень типичности отраженного в нем явления.

Необходимо учесть еще ряд особенностей в состоянии наших источников, затрудняющих работу и вынуждающих суживать тематику и отказываться от решения некоторых важных, но неразрешимых вопросов. Материал очень неравномерно распределен во времени. Единичные акты приходятся на XIII в. и на первые три четверти XIV в. В сравнительно большем количестве они встречаются начиная с последних лет XIV в., а потом число их возрастает с каждым десятилетием XV в. и особенно во второй его половине. Такая картина наблюдается, когда мы учитываем все акты. Но в то же время следует помнить, что среди них исключительно редкими являются документы с материалами, интересующими историка сельского хозяйства. Материалы неравномерно распределены и географически, по землям-княжествам.

Л. В. Черепнин и другие исследователи[98] отмечали не только гибель огромного количества актов XIII—XV вв., но установили факты преднамеренного уничтожения документов во многих землях-княжествах политическими противниками правительств этих княжеств.[99] Создалась некоторая нарочитость в составе дошедших до нас источников, в их отборе.

Из-за отсутствия источников невозможно ставить вопрос об изучении народного хозяйства Рязанской земли, Тверского великого княжества, Суздальско-Нижегородского, Галичского, Новгородской земли в XIII—XIV вв. и т. д.

Актовый материал — это, с одной стороны, документ о пожалованиях великих князей и князей удельных землевладельцам-феодалам, а с другой стороны — это акты о сделках между теми же землевладельцами, акты, исходящие от представителей господствующего класса. Документов же, исходящих от тружеников-земледельцев, от феодально зависимого населения, нет.[100] Оценка явлений, их разъяснение дается в таких актах с позиций господствующего класса — землевладельцев. Так, акты конца XIV—начала XVI в. сохранились только в монастырских архивах, откуда и взяты в архивохранилища. Они являются фондами, образовавшимися в результате деятельности монастырской вотчин-

---

[98] И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР, ч. I. М., 1941, стр. 55—56, 64—65, 73—77.

[99] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, стр. 99, 160—162, 189, 337, 353, 458.

[100] Лишь очень немногие такие документы можно найти среди северных актов в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова», «Сборниках грамот Коллегии экономии» (т. I. Пгр., 1922; т. II. Л., 1929), в публикациях Н. С. Чаева «Северные грамоты XV в.» (Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг., вып. 35, Л., 1929, стр. 121—164) и А. А. Шахматова «Исследования о двинских грамотах XV в.» (СПб., 1903).

ной администрации. Монастыри же — очень пристрастный рассказчик в этом случае.

При разработке вопросов земледельческого производства, равно как и вопросов организации сельского хозяйства и взаимоотношений между земледельцем-крестьянином и феодалом-землевладельцем, мы часто пользовались различными документами судебного делопроизводства: правыми грамотами, судными и докладными списками. В документах Северо-Восточной Руси земледелец-крестьянин встречается лишь в актах судебного делопроизводства. Он может выступить здесь и в роли представителя одной из тяжущихся сторон, и в роли свидетеля, знахоря-старожильца. В высказываниях крестьян о спорных земельных и других угодьях, о том, кто, когда и как ими пользовался, имеются ценные своей конкретностью сведения о сельскохозяйственном производстве, но и здесь эти высказывания случайные, мимоходные, касающиеся единичных мелких явлений.

Документы судного делопроизводства дошли до нас в очень небольшом количестве и лишь начиная с середины XV в. Они все же существенно обогащают наши сведения о сельском хозяйстве и об общинной организации земледельцев.

При работе с актовым материалом одной из первоочередных задач является внешняя критика акта, начинающаяся с определения его подлинности, полноценности его как источника. За долгие годы работы с актовым материалом такого рода очистка его в основном произведена. Однако важно отметить, что проводимый советскими историками пересмотр дошедшего до нас актового материала позволил внести ряд поправок и в этом направлении.[101] В упоминавшиеся нами издания документов XII—XV вв. они внесли много дополнений, относящихся к внешней критике актов, к датировке их, к установлению разновидности. Есть важные заключения о подложности отдельных актов.

Советские археологи умножили число письменных памятников находкой берестяных грамот. Общее число их, зарегистрированных Новгородской археологической экспедицией, уже превысило четыре сотни; правда, руководители экспедиции, зорко следя за этими находками, особо отмечают каждый обрывок бересты, если на нем заметны какие-либо следы письма. Влажность почвы в Новгороде способствовала сохранности бересты, но при высыхании она легко разрывалась по слоям, отсюда фрагментарность находок. Ценность берестяных грамот заключается прежде всего в их большой древности: ранние датируются концом XI в., а основная масса — XIV и первой половиной XV в. Являясь частными письмами и памятниками-записями, берестяные грамоты раскры-

---

[101] В. И. Корецкий. Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря. Археогр. ежегодник за 1957 год, М., 1958, стр. 437—450.

вают хозяйство и быт новгородских землевладельцев, их отношения со слугами и с крестьянами, деловые связи между собой. Большая доля грамот исходит от ремесленников, торговцев, рыбаков и других слоев населения города. Как некое исключение, встречаются записи, напоминающие содержанием деловые акты, — отрывки из духовных завещаний, долговых расписок.

Особый интерес для нас представляют распоряжения и письма землевладельцев своим слугам, ключникам и ответные письма их и крестьян; многочисленны документы по хозяйству бояр Онцифоровых.

Регулярная регистрация и публикация грамот с общим порядковым номером для всех находок создает удобства для пользования ими. Метод датировки — по слою, в каком найдена грамота, а точнее по ярусу мостовой. Некоторую сложность представляет чтение грамот из-за нечеткости письма и плохого состояния документа (из-за фрагментарности его и порчи).[102]

Слабая сторона актового материала как исторического источника состоит в том, что документы этого вида рассказывают лишь о единичных, случайных фактах или явлениях, зачастую нетипичных; поэтому даже собранные в большом количестве такие документы не могут дать представления о явлениях крупного масштаба (что служит предметом исследования историка).

Рядом с актовым материалом среди дошедших до нас письменных источников стоят писцовые книги — источник, и по содержанию и по характеру отраженных в нем явлений имеющий первостепенное значение. Составление писцовых книг было задумано и осуществлялось как регистрация именно в массовом порядке, в форме сплошного описания (переписи) хозяйств в масштабе целого княжества, или земли-княжества, например такого, как огромная по территории Новгородская земля, и притом это — регистрация явлений народной экономической и социальной жизни.

В более полном виде из описаний конца XV в. до нас дошли только писцовые книги нескольких пятин Новгородской земли: писцовые книги Деревской и Вотской пятин полностью, Шелонской пятины — около половины, писцовые книги Бежецкой и Обонежской пятин в отрывках (описание нескольких погостов). Из описаний же этого времени других земель-княжеств и уездов

---

[102] Издания берестяных грамот см.: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г., №№ 1—10). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г., №№ 11—83). М., 1954; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг., №№ 84—136). М., 1958; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г., №№ 137—194). М., 1958; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг., №№ 195—318). М., 1963; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг., №№ 319—405). М., 1963.

Московского великого княжества сохранились лишь небольшие выписи из писцовых книг. Естественно, что наше внимание будет сосредоточено именно на Новгородских писцовых книгах.[103]

Новгородские писцовые книги — самые ранние из числа дошедших до нас источников этого вида. Они датируются 1495—1505 гг., но содержат материалы о сельском хозяйстве Новгородской земли не только конца XV в., но и последних десятилетий политической самостоятельности Великого Новгорода. Они составлены по заданию правительства молодого Русского государства. Находившееся в стадии становления Русское государство стремилось прежде всего надежно обеспечить доходами свою казну. Писцовые книги должны были учесть тяглые хозяйства налогоплательщиков. С другой стороны, важно было обеспечить поместьями военных слуг, служилых людей — опору власти. Великий князь Иван III Васильевич взял в свои руки огромный земельный фонд Великого Новгорода. Этот фонд нужно было учесть (и особенно со стороны доходов) как фонд господствующего класса. В НПК занесены результаты этого учета.

Великий князь конфисковал все земли у новгородских феодалов (у бояр, житьих людей, купцов, у монастырей и владыки — у последних они были частично конфискованы), а их самих с семьями переселил в пределы основной территории Московского великого княжества. Все, что когда-то, в период существования Новгородской боярской республики, составляло богатство новгородских бояр, новгородского владыки, монастырей и других крупных и мелких землевладельцев, поступило в распоряжение московского великого князя и было роздано по его усмотрению (или предназначалось к раздаче) землевладельцам, присланным Москвой. Из нероздапных владений часть была оставлена в дворцовом ведомстве великого князя, а часть зачислена в разряд его оброчных земель. Эти оброчные волости великого князя, деревни и села оставались запасным фондом для испомещения новых служилых землевладельцев.

Вся работа по подготовке Новгородских писцовых книг хронологически, по этапам, представляется в следующем виде: начальным ее моментом следует считать время первых конфискаций земельных владений у новгородских бояр — 1477—1478 гг. 1480-е годы — разгар конфискаций и отписывания новгородских земель за великого князя московского. Вероятно, в это же время происходило переселение новых московских землевладельцев в волости новгородских бояр, раздача и запись этих новгородских земель за новыми владельцами. Тогда же подготавливались и материалы о том, как жили новгородские боярщины — боярские волости —

[103] Далее Новгородские писцовые книги называем сокращенно — НПК, а писцовые книги отдельных пятин — НПК, I, II, III, IV, V, VI; ВПК I, II; ОВПК, ОПК (см. список сокращений).

в старое новгородское время. Учитывалось число дворов, людей в этих боярщинах, собирались сведения о феодальных повинностях крестьян: о повинностях трудовых, о натуральных оброках и денежных, т. е. обо всем, что потом было указано в НПК под наименованием «старого дохода».

Процесс землевладельческой перетасовки усиливался в отдельные годы (1484 г.). Великий Новгород был окончательно лишен политической самостоятельности, а в 1489 г. были завершены меры по конфискации владений новгородских феодалов и передаче их в распоряжение московского великого князя — государя Русской земли. Работа великокняжеских московских писцов была тесно связана со всей этой коренной ломкой в земельных владениях феодалов и вместе с тем была фиксацией вновь созданного положения в феодальном землевладении в Новгородской земле. Так определялась одна сторона в важной, ответственной работе писцов.

Была произведена смена землевладельцев. На место новгородского боярина водворился испомещенный Москвой новый землевладелец. Основное же, наиболее трудное, что требовало много времени и внимания, заключалось в конкретном описании крестьянских хозяйств, сельских поселений, волостей-боярщин с их угодьями, в характеристике и оценке их как хозяйственных единиц и комплексов, в оценке их мощности. Такая в высокой степени важная работа, естественно, поручалась людям большого практического служебного опыта, пользовавшихся полным доверием властей.

Еще А. М. Гневушев указывал на материалы о хорошей служебной репутации и последующей карьере Никиты Семеновича Моклакова, одного из составителей писцовой книги по Вотской пятине.[104] Мы можем добавить, что имя составителя писцовой книги Обонежской пятины Юрия Константиновича Сабурова встречается еще в 1480-е годы в нескольких московских документах как представителя влиятельного служилого рода; там он выступает в роли и составителя акта, свидетеля и соучастника сделки.[105] В 1501 г. Юрий Константинович Сабуров именуется наместником Карелии и боярином, а в дальнейшем играет большую роль как боярин и тесть великого князя Василия III.[106]

Работу московских составителей НПК, конечно, нельзя приравнивать к тому, что выполнялось статистиком-регистратором во время земской переписи крестьянских хозяйств в конце XIX—

[104] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 17; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 45, 58, 68, 141—142.

[105] Акты социально-экономической истории..., т. I, № 444 (1474—1484 гг.); т. III, №№ 231, 233.

[106] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., стр. 291—292, 306; Полное собрание русских летописей, т. XXVI. М.—Л., 1949, стр. 297; Акты социально-экономической истории..., т. III, № 48.

начале XX в. Материалы статистических переписей предназначались для специальной статистической обработки, оценка описываемых явлений в данном случае производилась в единицах с заранее определенным содержанием. Писцы, составители НПК, были представителями государственной власти, и первой их задачей был учет всех подлежащих обложению хозяйств. На писцов, описывавших Новгородскую землю непосредственно после включения ее в состав единого Русского государства (Московского великого княжения), после ликвидации боярского новгородского землевладения и замены новгородских землевладельцев московскими, была возложена еще особая задача — регистрация «доходов», которые получали старые новгородские и вновь испомещенные московские землевладельцы с крестьян. Это делает НПК исключительным по ценности источником сведений о феодальной земельной ренте в Новгородской земле.

Писец стремился к полному учету всех важных явлений в каждом хозяйстве, но он отмечал лишь то, что прямо диктовалось его служебной обязанностью. Так, имея дело преимущественно с земледельческими хозяйствами, выплачивающими обежную дань и оброки, писцы были внимательны к учету площади посева хлебов. Там же, где объектом обложения являлись не земледельческие хозяйства, а хозяйства, занятые рыболовством или охотой, писец не дает сведений о практике земледелия, о посевах зерновых хлебов в этих районах. Так поступил писец при описании Задней Корелы; можно подумать, что там земледелием совершенно не занимались, между тем это не так.[107]

Другой пример со сведениями о «доходе старом» и «новом». Для изучающего сельское хозяйство материалы об основном «доходе», т. е. о том, какой натуральный оброк выплачивался земледельцем феодалу, являются важным косвенным показателем того, какие зерновые хлеба и какую продукцию получал земледелец-крестьянин от земледелия и других отраслей своего хозяйства. Но осталась некоторая категория земельных владений, в отношении которых эти сведения о «доходе» не приводятся.[108]

Используемые нами в качестве источника Новгородские писцовые книги (описи 1495—1505 гг.) являются большой ценности документом по учету сельского хозяйства в Новгородской земле, и притом по состоянию этого хозяйства не только в конце XV в., но и в последние годы самостоятельной политической жизни Новгородской земли. Они служат надежным источником сведений о всех отраслях сельского хозяйства Новгородской земли.

Новгородские писцовые книги 1495—1505 гг. дошли до нас не полностью, но все же это массовый материал, несравнимый по количеству с тем, что есть по Северо-Восточной Руси. Мы имеем

---

[107] Более подробное изложение этого вопроса см. в гл. IV (стр. 286—287).
[108] См. гл. V, табл. 6 и пояснения к ней (стр. 321).

сплошное описание всех хозяйств более чем на $^1/_2$ территории Новгородской земли. Почти полностью [109] сохранились описания Деревской и Вотской пятин; в первой учтено свыше 20 тысяч дворов, а во второй свыше 15 тысяч.[110] По Шелонской пятине описано свыше 40% дворов и селений, числом около $7^1/_2$ тысяч дворов.[111] В меньшей доле дошли до нас описания Обонежской (описано 8 погостов, с числом учтенных дворов 1374) [112] и Бежецкой пятины (лишь 4 бывших боярских волости в 919 дворов).[113]

Ряд важных дополнений, а где нужно — и исправлений к Новгородским писцовым книгам можно найти и в более поздних описаниях. Такие дополнения касаются прежде всего угодий рыбных, сенных. Они позволяют проверять данные НПК за 1495—1505 гг. и по другим отраслям хозяйства.

Еще одна категория письменных источников — известия иностранцев. Это источник, требующий большой осторожности при его использовании. Сведения, сообщаемые иностранцами, зачастую ошибочны уже в силу того, что редко иностранцы имели возможность длительно и серьезно изучать хозяйство и быт древней Руси. Мы редко и с большим выбором пользовались этим источником, всякий раз мотивируя свой выбор. В изучаемый нами период немногие из иностранцев побывали в России и оставили записки о ней. Мы сочли возможным воспользоваться более поздними известиями, но зато тех, кто долго жил в России: записками С. Герберштейна, Г. Штадена. Сделали еще одно исключение — воспользовались высказываниями Ал. Гваньини о земледелии в пределах Белоруссии, в областях, соседних с изучаемыми здесь.

Очень важны археологические (вещевые) материалы. Изучающему сельское хозяйство — земледелие, сельские промыслы (охоту, рыболовство, бортничество) и ремесла — необходимо знать, чем пашет земледелец, каковы орудия охоты, лова, каков инвентарь бортника, инструменты ремесленников. История развития земледелия, как и всякого другого производства, — это прежде всего история орудий обработки земли, орудий труда. Важнейшими необходимыми источниками при изучении всех этих вопросов являются вещественные памятники — сами орудия

---

[109] За исключением испорченных и нескольких недостающих в рукописях листов.

[110] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 102, 155, 229.

[111] А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли, стр. LXIV—LXV. В таблице (стр. LXVI—LXIX) о численности селений и о числе дворов в погостах Шелонской пятины, полностью описанных в дошедших до нас НПК, автор насчитал 2784 селения с 7369 дворами. Общее же число дворов Шелонской пятины А. М. Андрияшев определяет в 15 900.

[112] И. Л. Перельман. Новгородская деревня в XV—XVI вв., стр. 148; В. Н. Бернадский. Общественное разделение труда..., стр. 123.

[113] НПК VI, стр. 1—34 (подсчет наш).

труда или сохранившиеся от них части, остатки этих орудий труда: рала, плуги, сохи, орудия лова зверей, рыболовные снасти и т. п.

Небогаты были археологические материалы, собранные в дореволюционное время. На разыскание, изучение и хранение вещественных остатков орудий производства обращалось мало внимания. Для советских археологов поиски и изучение орудий труда стали задачей первостепенной важности. Особенно богатыми по результатам явились археологические разыскания послевоенного времени.

В первую очередь следует отметить разнообразный сельскохозяйственный инвентарь, найденный при раскопках городищ Киевской Руси на местах городов, разрушенных монголо-татарами в 1239—1241 гг.[114] Здесь найдены железные части от нескольких десятков рал, плугов, серпов, топоров и т. п., причем найденные вещи ясно и надежно датируются 1230—1240 гг. Археологические экспедиции ставят специальной задачей изучение древних сельских поселений. При работе их в разных районах Северо-Восточной Руси удалось найти много материалов и по технике обработки земли. Ценны материалы, открытые экспедициями, которые были организованы местными (республиканскими) научно-исследовательскими организациями, музеями. Среди богатых материалов Новгородской археологической экспедиции для изучающих земледелие особенно важны находки сошников.[115] Хорошая сводка этих материалов, с глубоким пониманием достигнутых в этой области успехов, дана В. П. Левашевой в ее очерке о сельском хозяйстве древней Руси X—XIII вв. и в очерках о промыслах деревни того времени. М. А. Мальм рассказала о сельских промыслах, М. Н. Левинсон-Нечаева — о ткачестве, А. В. Успенская — о металлургическом производстве. Все эти статьи с показом использованных авторами богатых археологических материалов напечатаны в двух изданных Государственным историческим музеем выпусках «Очерков по истории русской деревни X—XIII вв.».[116]

Сложным и ответственным является оценка этих вещевых материалов. Найденную железную часть (в целом виде или обломок ее) плуга, сохи или рала необходимо верно оценить, т. е. правильно установить, как она выглядела в целом в земледельческом орудии, каково было это орудие, какую работу оно производило. Письменные источники X—XV вв. приводят лишь наименования

---

[114] В. К. Гончаров. 1) Райковецкое городище. Киев, 1950; 2) Древний Колодяжин. Вестник АН УРСР, 1950, № 6, стр. 58—65; П. П. Ефименко и И. Г. Шовкопляс. Археологические открытия на Украине за последние годы. СА, т. XIX, 1954, стр. 38—39; Р. Юра. Древний Колодяжин. Киев, 1955, стр. 7—9.

[115] Тр. НАЭ, т. I, стр. 29—30; т. II, стр. 69—70 и 344—352.

[116] Тр. ГИМ 32, стр. 23—38, 106—138; Тр. ГИМ 33, стр. 9—148.

этих орудий: рало или плуг для X в., а в конце XIII в. упоминается в лесной полосе Северо-Восточной и Северо-Западной Руси еще соха. На помощь могут быть привлечены этнографические материалы (желательно более близкие по времени к материалам древности) и данные агротехнической науки об орудиях обработки земли, применявшихся на ранних этапах развития полевого пашенного земледелия.

Очень ценен находимый археологами зерновой материал. Анализ его дает представление о том, какие зерновые культуры выращивались в древней Руси; можно исследовать и качество зерна того времени.

Однако не следует преувеличивать значение археологического материала как исторического источника и пытаться все вопросы истории далекого прошлого решать на основе находок археологии.

Важным преимуществом письменных источников является ясная, точная их датировка, легкость раскрытия содержания при богатстве и конкретности его. В грандиозной по объему и полученным результатам работе Новгородской экспедиции вопрос о датировке удалось успешно решить лишь в силу хорошо учитываемых напластований культурного слоя, чему способствовала сохранность деревянных уличных настилов древнего Новгорода.[117] Но и в этих условиях мы имеем лишь приблизительную датировку — невысокой точности (в несколько десятилетий). Нельзя сказать, что внимательно решенный в результате изучения разнообразного многочисленного материала вопрос о датировке находимых в Новгороде материалов принимается без возражений. Высказываются обоснованные претензии, отмечаются противоречия в выводах, указывается на возможность внести серьезные исправления и уточнения в датировках.[118] Так обстоит дело в условиях благоприятных.

О необходимости привлекать во всей полноте все виды исторических источников при изучении народного хозяйства древней Руси говорит опыт всей предшествующей историографии, все трудности, испытываемые исследователями из-за бедности источников.

Перед нами проблема исключительной сложности. Мы имеем дело как раз с теми явлениями общественной жизни, при изучении которых выхватывание отдельных фактов, игра случайными

---

[117] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. Тр. НАЭ, т. I, стр. 44—137.

[118] Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике определения хронологии Новгородских древностей. СА, 1959, № 4, стр. 82—106; А. В. Арциховский. О новгородской хронологии. СА, 1959, № 4, стр. 107—127; Б. А. Рыбаков. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии». СА, 1961, № 2, стр. 141—163; А. В. Арциховский. Ответ Б. А. Рыбакову. СА, 1961, № 3, стр. 122—136; В. Е. Вихров, Б. А. Колчин. Основы и методы дендрохронологии. СА, 1962, № 1, стр. 95—112; Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. СА, 1962, № 1, стр. 113—139.

примерами и легковесные соображения особенно недопустимы, так как мешают правильному решению важных вопросов истории народного хозяйства.

Источники по истории сельского хозяйства не ограничиваются письменными и вещественными материалами. Многое важное раскрывается в явлениях и пережитках языка и в этнографических материалах.

В нашей работе много места уделяется выяснению различных вопросов сельскохозяйственного производства, для более полного освещения и правильного понимания которых особенно важен этнографический материал. Мы имеем здесь в виду материал, касающийся орудий производства, процессов труда, различных форм организации производства. Для того чтобы правильно понять и верно применить этнографический материал, необходимо добросовестное изучение агротехнической науки. Нельзя отказываться и от изучения теории орудий обработки земли. В этих условиях то, что нам приходится именовать этнографической литературой, охватывает и многочисленные материалы о земледелии и об орудиях производства в старой царской России в XVIII и XIX вв. В данном случае мы использовали многочисленные работы о сельском хозяйстве, помещенные в «Трудах Вольного экономического общества». К ним следует присоединить многие отдельно изданные работы и специальные пособия по сельскому хозяйству и отдельным его разделам, многочисленные обозрения по экономике и сельскому хозяйству XVIII и XIX вв. Вся эта литература стоит на грани «источников» и «пособий».

При решении сложных вопросов (верная оценка назначения открываемых археологами орудий производства или их отдельных частей, установление их конструкции и производимой ими работы) с бóльшим успехом, чем этнографические материалы, могут быть использованы письменные источники времени, близкого к изучаемому нами. В наших архивах, особенно в монастырских и других вотчинных фондах XVI—XVII вв., хорошо и в большом количестве сохранились документы о вотчинных хозяйствах этого времени. В них, наряду с материалами об организации и ведению хозяйства, имеются многочисленные материалы о хозяйственном инвентаре, об орудиях производства, об их изготовлении, ремонте и т. д. Такие документы XVI—XVII вв., не являясь в прямом смысле «источниками», могут служить лучшим «пособием» при уяснении техники земледелия и организации сельскохозяйственного производства. Существо «пара», то, как обрабатывались поля, вопрос об удобрениях, слабо освещенный в дошедших до нас документах XIV—XV вв., — все это хорошо разъясняется в надежных документах XVI—XVII вв. При изучении земледельческой техники эти документы несравнимо ценнее и надежнее, чем этнографические материалы типа рассказов «старых дедов» конца XIX или начала XX вв.

Состояние источников, их малочисленность, отрывочность сведений о сельскохозяйственном производстве, неравномерное распределение их во времени и по районам — все это вынудило нас ограничить свою задачу раскрытием лишь общего процесса развития сельского хозяйства и земледелия в древней Руси в изучаемый нами период. Мы понимаем, что и при таком ограничении наша задача очень сложна. Все же мы сочли возможным уверенно оценить результаты, к каким подошло сельское хозяйство земель княжеств древней Руси к концу XV в.; считаем, что достаточно ясно выступает и общий процесс сельского строительства в изученный нами период. И все же многое в наших выводах остается гипотетичным. Оправданием нашему решению служит то, что нет надежды на коренное улучшение положения с источниками когда-либо в будущем. В предисловии мы указали, как в этих условиях мы рассчитываем решать нашу задачу и как строим свою работу. Мы понимаем исключительную серьезность изучаемых нами вопросов и потому твердо помним о необходимости всегда иметь в виду не отдельные примеры, а всю совокупность освещаемых источниками фактов и единичным свидетельствам предпочитаем массовые показатели.

ГЛАВА II

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

ОРУДИЯ ОБРАБОТКИ ЗЕМЛИ

Сельское хозяйство Северо-Восточной и Северо-Западной Руси выступает в наших источниках как хозяйство земледельческое, рассчитанное на производство хлеба — зерна. Зерновой хлеб — «жита всякие» — был основным продуктом питания у населения древней Руси. Естественно, что зерновые культуры были главным продуктом сельскохозяйственного производства. Об этом свидетельствуют как письменные, так и вещественные памятники изучаемого нами времени.

Из письменных источников древней Руси по богатству материалов на первом месте стоят летописи. Но летописи, как повествовательный источник, мало уделяли внимания экономике, народному хозяйству. Летописец проявлял интерес к сельскому хозяйству лишь в дни невзгод, когда страну посещал неурожай, недород, когда гибель урожая, а за этим и голод, принимали характер катастрофы, становились событиями большого политического значения. И потому в летописях сообщения о состоянии сельского хозяйства, о состоянии земледелия и производства зерновых хлебов оказываются в записях о ранних морозах, губивших урожай хлебов,[1] о засушливых[2] или особенно дождливых годах,[3]

[1] ПЛ 1, стр. 14 (1314 г.) («Изби мраз вся жита и бысть драгость люта»); ЛВ II, стр. 90 (1420 г.) (выпал рано снег, «и всякое жито под снег полегло»); ЛНик. II, стр. 177; ПНЛ, стр. 31 и 218 (1161 г.), стр. 206 (1127 г.), стр. 327, 418; ЛАвр., стр. 180; ЛЛьв., стр. 232; ПСРЛ XXV, стр. 310.

[2] ПНЛ, стр. 218 (1161 г.) («Стоя все лето ведром, и пригоре всякое жито, а на осень мороз поби всю ярь»); ПСРЛ XXV, стр. 186—187 («Бяше же тогда (1371 г., — *Г. К.*) и жито дорого, лето бо бе сухо, жита посохли»); ЛНик. III, стр. 14; РогЛ., стр. 93; Троицкая летопись, стр. 392.

[3] ПНЛ, стр. 27 (1145 г.), стр. 80 (1251 г.); Троицкая летопись, стр. 390.

приводивших к недороду зерновых хлебов, о грозах с градом, побивавшем урожай,[4] о гибели хлебов от различных вредителей.[5] За такими рассказами следовали уже данные о дороговизне, о высоких ценах на зерновые хлеба, а дальше шли сообщения о голоде, нередко тяжелом, катастрофическом, с человеческими жертвами. Подъем цен на хлеб вызывался и войнами, когда враги истребляли хлеба или захватывали пути их подвоза.[6]

Материал летописей, из которого мы указали лишь некоторые примеры, несмотря на случайность содержащихся в них сведений по вопросам сельского хозяйства, оставляет определенное впечатление о ведущей роли зернового хозяйства и о первом месте земледелия в сельском хозяйстве древней Руси. Другие литературные памятники XII—XV вв. нередко свидетельствуют о хорошей осведомленности в вопросах сельскохозяйственного производства как авторов этих произведений, так и читателей, к которым обращались последние.[7]

К свидетельствам письменных памятников присоединяются свидетельства памятников вещественных, не менее убедительно рассказывающих о первом месте земледелия и культуры зерновых хлебов в народном хозяйстве Руси XII—XV вв. Разнообразные зерновые культуры, в большом количестве найденные при раскопках в Райковецком и Колодяжинском городищах,[8] в Новгороде,[9] в Старой Ладоге и т. д.,[10] указывают на большие результаты, достигнутые в развитии земледелия.[11]

Из вещественных памятников особенно важны остатки орудий обработки земли. Письменные памятники из таких орудий раньше всех других называют рало и плуг. Впервые рало и плуг упоминаются в X в. в летописных рассказах «Повести временных лет»

---

[4] ПЛ 2, стр. 64—65 (1284 г.). — Сводку о случаях воздействия резких климатических явлений на урожай хлебов, отмеченных в летописях, см. в работе: И. Е. Бучинский. Очерки климата Русской равнины в историческую эпоху. Л., 1954, стр. 42—65.

[5] ЛВ I, стр. 185; Троицкая летопись, стр. 353; ЛТв., стр. 473, 479; ПСРЛ XXV, стр. 159.

[6] ПНЛ, стр. 54, 66, 94, 322, 325, 335, 446; ПСРЛ XXV, стр. 159.

[7] ЖВ, стр. 22, 24; ЖСт., стр. 90.

[8] П. П. Ефименко и И. Г. Шовкопляс. Археологические открытия на Украине за последние годы. СА, т. XIX, 1954, стр. 38—39; В. К. Гончаров. 1) Райковецкое городище. Киев, 1950; 2) Древний Колодяжин. Вестник АН УРСР, 1950, № 6, стр. 58—65.

[9] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. Тр. НАЭ, т. I, стр. 29—30.

[10] В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, т. XI, 1949; т. XII, 1950.

[11] В. П. Левашева. Сельское хозяйство. Тр. ГИМ 32, стр. 20—75. — В. И. Довженок в новой своей работе, наряду с показом ведущей роли земледелия в древней Руси, отвел особое место критике тех старых авторов, которые говорили об экстенсивности народного хозяйства Киевской Руси и низком уровне ее земледелия: В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі до середини XIII ст. Київ, 1961, стр. 3—13.

о походах на вятичей князей Святослава и Владимира.[12] И рало, и плуг указываются как единицы обложения данью населения земли вятичей в пользу киевского князя. Это ясное свидетельство о том, что и рало, и плуг уже в X в. в древнерусском государстве были основными орудиями обработки земли, причем не только на юге Руси, но и в лесной ее полосе. С XIII в. рало почти исчезает из наших документов и, лишь изредка, как некий архаизм, в XIV—XVI вв. упоминается на страницах памятников церковно-учительной литературы.[13]

По-иному в письменных памятниках выглядит история плуга. В XIII, XIV и XV вв. плуг по-прежнему указывается в качестве важнейшего орудия обработки земли, и это касается в одинаковой мере как юга и юго-запада Руси, так и Руси Северо-Восточной.

Письменные памятники XIV, XV и последующих веков, относящиеся к Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, рядом с плугом называют еще соху. Документы этого времени говорят о сохе как об основном орудии земледельческого производства, прочно вошедшем в жизнь и повсеместно распространенном в Северо-Восточной Руси и в Новгородско-Псковской земле. Засвидетельствованная документами история сохи как основного орудия земледельца Северо-Восточной и Северо-Западной Руси охватывает период более чем в шесть столетий.

Самое раннее указание на соху в письменных памятниках приводит В. Н. Татищев, передающий не дошедшее до нас летописное сообщение об уплате в Золотой Орде в 1275 г. великим князем Василием Ярославовичем дани «со всея земли по полугривне с сохи».[14] Дополнением к этим ранним сведениям о сохе служат материалы берестяных грамот, обнаруженные Новгородской археологической экспедицией. Так, в одной из них, датируемой второй половиной XIII в., говорится об «омешах» — частях сохи, подобных сошникам.[15]

О земледельческой технике 40-х годов XIII в. рассказывают остатки земледельческих орудий, найденные при раскопках на местах древних городов Киевской Руси, разрушенных в первые годы нашествия монголо-татар. Обилием таких материалов и хо-

[12] Под 964 г.: «...и иде (Святослав, — *Г. К.*) на Оку реку и на Волгу, и налезе Вятичи и рече Вятичем: „Кому дань даете". Они же реша — Козаром по щьлягу и от рала даем» (ЛЛ, стр. 65); под 981 г.: «В сем же лете (Владимир, — *Г. К.*) и Вятичи победи, и възложи на нь дань от плуга, яко же отець его имаше» (ЛЛ, стр. 81—82). — См.: В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі..., стр. 70—71.

[13] АИ, № 25, стр. 54; ДАИ, № 18, стр. 323; РИБ VI, № 57, стр. 490, и № 112, стр. 754; Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1894, стр. 139, 172.

[14] История российская с самых древнейших времен, собранная и описанная В. Н. Татищевым, кн. 4-я. СПб., 1784, стр. 47.

[15] Бер. гр., №№ 96 и 142. — Последняя — хорошо сохранившееся письмо, касающееся различных хозяйственных вопросов («А четъ омьше пришлю»). В обеих грамотах слово «омеши» читается ясно.

рошей их сохранностью выделяется Райковецкое городище на реке Гнилопяти в окрестностях города Бердичева Украинской ССР.[16] Здесь найдены железные наконечники от взрыхляющих землю рабочих частей большого числа пахотных орудий. Автор монографии, посвященной изучению археологических находок Райковецкого городища, В. К. Гончаров, выделяет среди них 16 «лемехов», принадлежащих плугам, и 6 «наральников».[17] Вместе с тремя плужными лемехами еще были обнаружены три «резака-чересла» (их мы будем называть «отрезами»).[18] Число подобных находок от 1240-х годов умножается: близ села Городище Шепетовского района Хмельницкой области (на месте бывшего летописного города Изяславля) во время раскопок в 1957—1958 гг. было найдено еще 14 лемешей (плужных) с чересламн, 4 наральника, 171 серп, 76 кос, 32 заступа.[19]

При большом сходстве всех лемехов Райковецкого городища по форме они различны по размерам и по весу. Все лемеха имеют клиновидную форму, выпуклы с наружной (передней) стороны, симметричны. Нижняя их часть имеет форму равнобедренного треугольника, с боковыми сторонами — лезвиями. Края верхней части загнуты и образуют втулку (трубку): ею лемех надевался на деревянный ползун плуга. Более крупный из лемехов массивен и весит 3.2 кг, длина его 25 см, ширина лезвия у втулки (в широкой части) 19 см, длина втулки 10 см, высота ее бортов 5 см. Во втулке лемеха сохранились остатки обгорелого деревянного ползуна. Вместе с крупным лемехом найден отрез. В. Гончаров называет его «резак» или «чересло». Он имеет форму массивного ножа с согнутой спинкой; общая длина отреза 47 см, на долю лезвия приходится 19 см, наибольшая ширина лезвия 6.9 см. Таких отрезов на Райковецком городище найдено три. Другая группа орудий обработки земли представлена шестью узкими железными ральниками (В. К. Гончаров называет их «наральниками»).

К этим материалам Райковецкого городища следует присоединить такие же вещевые материалы Колодяжинского городища и городища летописного г. Изяслава, датируемых тем же временем монголо-татарского нашествия (1239—1241 гг.).[20] Представленные здесь железные части земледельческих орудий отчетливо

---

[16] В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 19—21.

[17] Там же, стр. 64 и 65.

[18] Там же, стр. 63 и 64.

[19] М. К. Каргер. Отчеты о раскопках Галицко-Волынской экспедиции ИИМК АН СССР и ЛГУ в 1957—1958 гг. Науковий архив Институту археологіі АН УРСР (пользуемся сведениями, приведенными в работе: В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі..., стр. 46).

[20] В. К. Гончаров. Древний Колодяжин, стр. 58—65. — Одновременное существование двух типов орудий — рала и плуга — выявлено еще на городищах: на Княжой горе близ Канева, в Городску на р. Тетереве (см. там же, стр. 60). См. также: Р. Юра. Древний Колодяжин. Киев, 1955, стр. 7—9.

характеризуют два — присущих южной и юго-западной степной или лесостепной полосе — типа орудий обработки земли, которые в письменных памятниках того времени называются одно плугом, другое ралом. Такого мнения держатся все, изучавшие этот материал.[21]

Основной рабочей частью плуга, представленного вещественными памятниками Райковецкого и других городищ XIII в., являлся широколопастный симметричный лемех, насаживавшийся на деревянный ползун. Плуги с такими широкими лемехами могли захватывать при вспашке полосу земли шириной от 15 до 19 см.[22] По мнению В. К. Гончарова, плуг XIII в. по своей конструкции был похож на хранившийся в Полтавском музее украинский плуг, применявшийся еще в XVII—XVIII вв.[23] В. К. Гончаров так рисует работу этого плуга: «Во время вспашки чересло, находящееся впереди лемеха, с левой стороны от него, разрезало вертикально слой почвы, а лемех, надетый на деревянный ползун, подрезал его горизонтально. Деревянная же полочка, прикрепленная к ползуну под прямым углом, переворачивала этот слой».[24] О работе же пахотных орудий, найденных на Райковецком городище, В. К. Гончаров говорит, что «узколопастным сошником можно было провести лишь узкую и неглубокую борозду, в то время как широколопастный лемех взрыхлял и переворачивал широкие полосы грунта».[25]

В последнюю часть этой характеристики работы плуга XIII в. необходимо внести исправления. Слова В. К. Гончарова можно понять так, как будто бы плуг XIII в. с широколопастным лемехом, приподнимая с одного бока отрезанный «чересломъ» весь широкий пласт земли (от 15 до 19 см), переворачивал его на другой бок и, разрыхляя, клал луговиной вниз. Так изображает работу древнерусского плуга и В. И. Довженок: «...плуг Киевской Руси являлся совершенным для того времени орудием, вполне приспособленным для переворачивания пласта почвы».[26] Оба автора без достаточных оснований приписывают высокие качества плуга позднейшего времени древнерусскому плугу XIII в., не учитывая очень большой разницы между плугом современным и древнерусским. А есть ли основания к тому, чтобы работу плуга XII—

[21] В. И. Довженок. Земледелие у восточных славян в I тысячелетии н. э. Матер. по истории земледелия СССР, т. I, М., 1952, стр. 148—152; В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 33—34.

[22] В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 64.

[23] См.: Полтавський державний музей ім. В. Г. Короленко. Збірник, т. I, присвячений 35-річчю музею. Полтава, 1928, стр. 74—75 (на рисунке воспроизведен общий вид плуга, показаны основные части плуга); В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 62 (рисунок, схематически изображающий этот плуг, см. на табл. IV).

[24] В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 73.

[25] Там же, стр. 65.

[26] В. И. Довженок. Земледелие у восточных славян в I тысячелетии н. э., стр. 153.

XIII вв. приравнивать к работе плуга XVIII и тем более XIX в.? Переворачивание пласта земли современным плугом (как и плугами конца XVIII—XIX вв.) достигается благодаря особой форме его лемеха — одностороннего, соответственно выгнутого, специально рассчитанного на то, чтобы он с первого момента вхождения в землю отрезал с левого края пласт земли и приподнимал этот край у пласта земли; важно, чтобы, постепенно приподнимаясь, левый край сразу начинал перевертывание пласта, доводимое в конечном счете до 180°, когда пласт земли ложится вниз луговиной.[27] Работа по перевертыванию пласта земли производится лемехом; отрез играет лишь роль вспомогательную, а полица, отвал или полочка только способствуют переваливанию пласта на втором этапе этого процесса. Лемех определяет этот процесс в самом его начале, и если пласт уже начал разваливаться на обе стороны, то полочка исправить этого не сможет, особенно в том случае, когда пласт широк и тяжел.

Лемеха же Райковецкого городища, как и другие найденные у нас плужные лемеха древней Руси, симметричны. Из описания В. К. Гончарова и приведенных в его книге рисунков хорошо видно, что врезавшаяся в землю нижняя половина лемеха имела форму равнобедренного треугольника и была выпуклой посередине.[28] При такой форме лемеха, и притом лемеха широкого, захватывающего пласт от 15 до 19 см шириной, естественно ожидать, что подрезаемый и поднимаемый им слой земли разваливался посередине на обе стороны, этому помогала и выпуклость в центре лемеха. По своей форме лемех древнерусского плуга резко отличается от лемеха плугов не только современных, но и XVIII в. Об этом забывают некоторые современные наши исследователи.

Лемех украинского плуга XVIII в., описанный и зарисованный И. А. Гильденштедтом,[29] был асимметричным, однобоким; сходен с ним и лемех украинского плуга Полтавского музея.[30]

---

[27] Об эволюции лемеха, о работе различных частей его у современного плуга см.: В. П. Горячкин, Собр. соч. (в семи томах), т. IV, М., 1940, стр. 49—230 (теория плуга) и стр. 56—61 (об истории выработки формы отвала). Перелом в совершенствовании формы лемеха падает на конец XVIII столетия.

[28] В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 63—64 (иллюстрации на табл. IV, рис. 2, и на табл. V, рис. 1).

[29] I. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland und im Caukazischen Gebürge, II, СПб., 1791, стр. 482—484. — Описания земледельческих орудий и их частей с чертежами-зарисовками извлечены из дневных записей И. А. Гильденштедта и изданы отдельно (см.: Технологический журнал, т. I, ч. 2, СПб., 1804; рисунки см. на таблице фигур). Среди них описание: а) большого украинского плуга с его частями, состоящего из собственно плуга и колесной припряги — передка (стр. 7—12, фиг. 5 и 6; рисунки лемеха и чересла — фиг. 10 и 12, описание их на стр. 9); б) украинского рала, или арала (стр. 3—5, фиг. 2); в) рала-тройчака (стр. 5—6, фиг. 3 и 4); г) русской двузубой сохи и ее частей (стр. 23—25, фиг. 49 и 50 — правый и левый сошники, фиг. 51 — железная полица).

[30] Полтавський державний музей..., стр. 75 (рисунок).

Плуг — древнее пахотное орудие, он имеет многовековую историю. Лемех — важнейшая рабочая часть плуга. Переход от симметричного лемеха к однобокому, асимметричному — важнейший этап в ранней истории плуга, в его совершенствовании. Л. Нидерле в качестве одного из выводов, полученных в результате изучения пахотных орудий славянских народов, отмечает как само собой разумеющееся, что «наиболее совершенным плуг стал лишь тогда, когда симметричные лемехи были заменены асимметричными лемехами, причем, что важнее всего, заменены были так, что лемех сам без отвала вспахивал и переворачивал землю».[31] По линии совершенствования лемеха мы можем ясно различить намеченные здесь три основных этапа в развитии нашего плуга: первый этап представлен древнерусским плугом, характерным для него симметричным широколопастным лемехом; второй — плугом XVIII в., асимметричным, с полочкой вместо отвала; третий — современным плугом XIX—XX вв., у которого усовершенствованный лемех выполняет всю работу и по отрезанию, и по глубокому захвату пласта, и по перевертыванию его и рыхлению.[32]

Первостепенное значение формы лемеха (симметричен он или однобок, несимметричен) для работы пахотного орудия, а значит — и для его качественной характеристики, очень хорошо показано в сводном труде французских ученых А. С. Одрикура и М. Ж.-Б. Делямара о пахотных орудиях, распространенных среди народов земного шара.[33] Собранный авторами этого обзорного труда богатый фактический материал об орудиях обработки земли у всех народов земного шара от глубокой древности до наших дней помогает яснее представить путь постепенной их эволюции. В качестве основного критерия для характеристики пахотных орудий авторы взяли конструкцию лемеха — основу их рабочей части — и подразделили их на две основные категории: с одной стороны, пахотные орудия с симметричными сошниками, ральниками и т. п. (les araires), а с другой — плуги (les charrues) с асимметричными односторонними лемехами.[34] Систематизированный таким образом многочисленный фактический материал позволяет особенно отчетливо представить конструкцию различных видов пахотных орудий, место отдельных частей в их работе, роль лемеха и большое значение его формы для эффективной работы плуга на разных этапах его развития.

---

[31] Л. Нидерле. Славянские древности. Л., 1956, стр. 313 (рисунки лемехов — на стр. 312—314).

[32] В. П. Горячкин, Собр. соч., т. IV, стр. 56—61.

[33] A. G. Haudricourt et M. J.-B. Delamarre. L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955.

[34] Там же, стр. 14—19. — Указанная классификация орудий отражена в построении всей работы: отдельно разбираются рала (и сохи) в разделах II («Geographie et l'histoire anciennes de l'araire», стр. 61—190) и III («L'araire contemporain description regionale», стр. 191—328) и плуги в разделе IV («Geographie et l'histoire de la charrue», стр. 330—445).

В отношении древнерусского плуга X—XIII вв. следует твердо помнить, что единственные достоверные сведения о нем ограничиваются двумя-тремя упоминаниями в письменных памятниках X—XIII вв. да тем, что могут рассказать найденные археологами лемеха, отрезы и упоминавшиеся нами деревянные части древнейшего плуга и рала, найденные в Токаревском болоте и у села Сергеевского.[35] Несомненно (да и естественно), что древнерусский плуг сильно изменился за свою многовековую историю и, конечно, существенно отличался не только от современного плуга XIX—XX вв., но и от украинского плуга XVIII в.

Имеющиеся данные все же позволяют говорить о важных положительных качествах конструкции и о высокой продуктивности плуга XII—XIII вв. степной и лесостепной полосы древней Руси. Наличие широкого ползуна, игравшего роль подошвы для плуга, делало его устойчивым при работе; прочно закрепленный на ползуне широколопастный лемех позволял поднимать и старую залежь, и целину. Захватывая широкий пласт земли, острый лемех подрезал корневища и этим помогал борьбе с сорняками. При неглубокой пахоте он хорошо разрыхлял землю и если не мог валить и перевертывать весь пласт на одну сторону, то, разрезая его посередине и разваливая на обе стороны, он разрыхлял, переворачивал эти обе половины пласта. Прочный длинный грядиль был при устойчивости плуга удобен для парной запряжки волов в ярмо или для дышловой парной запряжки лошадей в хомуты, а когда появился передок с колесом, то запряжка стала еще более удобной. Плуг требовал большой тяглой силы животных и не требовал такого физического напряжения пахаря, какое вызывалось при работе с сохой.

Рало — другое орудие обработки земли степной и лесостепной полосы древней Руси. Оно представлено в находках Райковецкого городища шестью узколопастными ральниками. Длина этих ральников колеблется от 14.5 до 19.5 см, ширина рабочей части лезвия от 8.3 до 9.5 см, длина втулки от 8 до 10 см, толщина корпуса от 0.6 до 1 см.[36] Рало было более легким и простым по устройству пахотным орудием. Изучающие земледелие согласованно сближают конструкцию древнего рала с украинским ралом, устройство которого описано и схематически зарисовано в XVIII в. И.-А. Гильденштедтом.[37] Основной рабочей частью рала являлся деревянный зуб с надетым на его конец железным ральником.

---

[35] Д. Т. Березовець. Плуг з токарівського торфовища. Археологія, т. VII, Київ, 1962, стр. 174; В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі..., стр. 68—69.

[36] В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 64 (внешний вид ральников воспроизведен на табл. V, рис. 3, 4, 5).

[37] См. примеч. 29 на стр. 46; см. также: В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 23, 25; В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 64; В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі..., стр. 61—63.

Ральник крепко вделывался в стебло (в грядиль) рала под углом, близким к 45°. В этом положении для большей прочности он закреплялся еще с грядилем специальным деревянным бруском. Ральник входил в землю под углом, близким к 45° или несколько большим. Железный ральник закреплялся на зубе втулкой, загнутые края которой и достаточная длина трубицы обеспечивали прочное крепление, необходимое для вспахивания и плотной земли. Длина трубицы или втулки у ральников Райковецкого городища была равна от 8 до 10 см. Небольшая ширина лопастей ральников позволяла взрыхлять пласт земли до 9 см ширины. В отличие от плуга рало было неустойчиво во время работы, пахарь должен был держать его за рукоятки и регулировать глубину вспашки и ход рала по борозде.

Мы уже указывали, что лопасть или лезвие этого ральника у́же втулки. В. И. Довженок, характеризуя работу ральников, с достаточным основанием отмечает, что такой узколопастный ральник не может работать в горизонтальном положении. Если лопасть равна втулке или у́же ее, то это означает, что она не может проделать борозду такой ширины, которая была бы достаточна для свободного продвижения втулки. «Следовательно, — пишет он, — при горизонтальной вспашке втулка, находящаяся на одной плоскости с лопастью, будет заклиниваться в борозде и мешать движению орудия».[38] Ральник такой формы мог работать только в наклонном положении, находясь под острым углом к линии движения орудия. Так определяется резкое различие в конструкции рала по сравнению с плугом. Этому вполне соответствует конструкция украинского рала XVIII в.

В. П. Левашева и В. И. Довженок выделяют еще особую категорию подошвенных рал с широколопастными ральниками (у В. К. Гончарова они названы лемехами). «Рала с горизонтальной подошвой, — пишет В. П. Левашева, — имеют перовые сошники с острыми краями, и рабочая их часть шире трубицы; это необходимо для того, чтобы при горизонтальном движении разрыхлить борозду более широкую, тогда деревянная подошва рала пойдет по этой борозде без затора».[39] У такого рала много сходного с плугом; прежде всего совершенно сходны подошвенный ральник с плужным лемехом; главным отличием подошвенного рала от плуга является отсутствие чересла (отреза); кроме того, подошвенный ральник несколько у́же плужного лемеха.

В. И. Довженок, отмечая давнее существование (еще во второй половине I тысячелетия н. э.) широколопастных ральников с горизонтальным полозом, проводит мысль о генетической связи этого орудия земледелия с плугом. В подкрепление своей догадки

[38] В. И. Довженок. 1) Земледелие у восточных славян в I тысячелетии н. э., стр. 119; 2) Землеробство древньої Русі..., стр. 61—63.
[39] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 29.

он указывает на этимологическую связь украинско-русского слова «полоз», польского «плоз», чешского и сербского — «плаз» и болгарского «плуг» со словом «плуг».[40] Помня о большой древности существования колесного плуга у народов Западной Европы, мы не имеем особых оснований для того, чтобы присоединиться к этому выводу. Для нас в данном случае важно высказанное В. П. Левашовой и В. И. Довженком признание близости конструкции широколопастных подошвенных рал с плугом. Имея в виду уяснение характера плугов и рала лесной полосы Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, мы считаем важным отметить, что плугам этих районов, какой бы мощности эти плуги не были, свойственно наличие подошвы — полоза. И северные плуги устойчивы, имеют подошву и лемех, насаженный на полоз, идущий с углом, близким к горизонтальному.

Вещевые материалы орудий земледелия позволяют также считать, что рало, указываемое в письменных источниках X в. как орудие земледелия Северо-Восточной Руси, было именно тем узколопастным ралом, конструкция которого и работа достаточно ясно определяется на основе материалов Райковецкого и других городищ Киевской Руси. Об этом говорят узколопастные ральники, обнаруженные во время раскопок в лесной полосе Северо-Восточной и Северо-Западной Руси: ральник X—XIII вв., найденный на городище у села Городня на Волге, ральник из погребений у села Большая Брембола Владимирской области, ральник с селища у села Ош-Пандо Мордовской АССР и ральники из старой Ладоги и Новгорода.

Сходство узколопастных ральников степной и лесостепной полосы с ральниками Северо-Восточной Руси наглядно выступает при сравнении их с одним таким же ральником в собрании Ф. А. Теплоухова;[41] его общая длина 19.8 см, ширина лезвия 8 см, лезвие у́же втулки, вес около 0.65 кг. Однозубое рало с прочно закрепленным железным ральником, врезываясь в почву под небольшим углом (до 45°), взрыхляло ее, а землепашец, управляя им, мог, где возможно, срезать корень, а прочный пень, камень или другое препятствие мог обойти.

---

[40] В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі..., стр. 65—66, 71—72, 74—77.

[41] Ф. Теплоухов. Земледельческие орудия пермской чуди. В сб.: Пермский край, т. I, Пермь, 1892, стр. 59—94 и табл. I, рис. 5 (см. главным образом стр. 73—74); М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в XI—XIV вв. Матер. по археологии СССР, № 22, 1951. — Материалы собрания Ф. А. Теплоухова изданы также: Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас с предисл. А. А. Спицына. Матер. по археологии России, № 26, СПб., 1902. — Собрание Ф. А. Теплоухова создавалось в период, когда методика археологических разысканий и обработка собранных материалов была далека от современных требований, но в ней богато представлен материал по земледелию в лесной полосе Северо-Восточної Руси XII—XV вв.

Для севера не характерна дышловая парная упряжка в ярмо; в плугах, где требовалась большая тяглая сила, она, конечно, применялась, а у рала лошадь, вероятно, впрягалась в оглобли.

Условия обработки почвы в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси во многом — и очень существенно — отличались от условий земледелия в степных районах Поднепровья Юго-Западной и Южной Руси. Разработка только что отвоеванных у леса земельных участков с большим количеством пней, корней, сучьев и т. п., долговечность крупных пней на них, живучесть корневой системы лесной и кустарниковой растительности, быстрое появление кустарников на невспаханных, близких к лесу полях, засоренность полей камнями, кочкарник и т. п. — все это предъявляло особые требования к орудиям обработки земли в лесной полосе. Такими более подготовленными к условиям лесной полосы земледельческими орудиями оказались рало и — в еще большей степени — соха. При общей малочисленности археологических материалов о сельских поселениях Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XI—XV вв. особенно бедно представлен сельскохозяйственный инвентарь. Все же в результате археологических разысканий в последние десятилетия такой материал уже появился. Так, на городище Пальное в Рязанской области, на правом берегу реки Оки, были найдены широколопастный плужный лемех и «резак», отрез (чересло) плуга,[42] датируемые XIII в. В 1956 г. на селище близ Золоторучья Ярославской области, датируемом XI—XIII вв., обнаружен обломок стального лезвия лемеха.[43] Размеры и общий вид их говорят о близком сходстве с лемехами и отрезами, найденными на Райковецком городище, и с описанным нами плужным лемехом и отрезом из собрания Ф. А. Теплоухова. Плужные отрезы обнаружены также в районе города Суздаля в слое XII—XIII вв.,[44] в городе Болгаре в слое XII в.[45] Совокупность всех приведенных показаний вещественных памятников позволяет считать, что, несмотря на очень существенные отличия обработки земли в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси от условий Юго-Западной Руси, существовало, вероятно, большое сходство в устройстве плугов, применяемых в этих районах.

В дошедших до нас письменных памятниках пахотное земледельческое орудие — соха, — как мы уже указывали, упоминается

---

[42] Н. П. Милонов. К изучению археологических памятников и истории сел и городов на территории Рязанской области. Рязань, 1949, стр. 10 (рисунок лемеха на стр. 32). См. также: В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 32.

[43] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 34.

[44] См. сб.: Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 96.

[45] О. С. Хованская. Новые данные о г. Болгаре. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 127.

лишь в конце третьей четверти XIII в.; но с этого времени и в последующие века о сохе уже определенно говорят как об основном орудии обработки земли в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.

Разбор вещевых материалов о сохе несколько усложняется возникшей в последние десятилетия нечеткостью терминологии в отношении земледельческих орудий и наименования их частей: один и тот же предмет у разных лиц может называться и «ральниками» (или «наральниками»), и «узколопастным лемехом», и сошником, т. е. может быть отнесен и к ралу, и к сохе, и даже к плугу.

Когда археологи называют по-разному найденные ими железные наконечники рабочей части различных земледельческих орудий — одни лемехами, другие сошниками, а третьи ральниками, — то читатель понимает, что археологи говорят о железных наконечниках к рабочим частям различных земледельческих орудий. В первом случае имеются в виду важнейшие рабочие части плуга, во втором — сошники сохи, а в третьем — части, принадлежащие ралу. Было бы естественно и придерживаться подобной ясной терминологии. Не следует забывать и того, что в присвоении найденной при раскопках вещи определенного наименования заключается уже и оценка этой вещи. Однако у разных лиц оценки одного и того же предмета часто очень различны, и это вызывает разнобой и путаницу в терминологии. Различие в оценках приобретает для нас особое значение еще потому, что касается интересующей нас сохи. Разбирая именно такой вопрос, И. И. Никишин в статье о ральнике, найденном на городище Городня, поясняя, почему эта вещь названа им ральником, а не сошником, пишет: «Когда дело идет о сошниках, то следует помнить, что для сошника характерна односторонняя асимметричная лопасть и что они только в парном составе сопровождают пахотное орудие — соху».[46] Вскоре встретился еще случай, ясно подтверждающий это высказывание. Раскопки в Новгороде позволили в 1951 г. обнаружить именно такой «железный сошник, продолговатый и асимметричный, ясно предназначенный для русской двузубой сохи».[47] Длина его 28 см. «Датированные находки сошников редки, — указывает руководитель раскопок А. В. Арциховский, — этот найден в слое XIII в.».[48] Два таких же железных сошника были обнаружены в 1958 г. в Старой Ладоге, в земляном городище, в слоях X—

---

[46] И. И. Никишин. Наральник из городища Городня на Волге. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 116.

[47] А. В. Арциховский. Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, т. XVIII, 1953, стр. 369.

[48] Там же, стр. 369—370.

XI вв. Они «имеют уже асимметричную форму, т. е. принадлежат сохе, как орудию пашенному а не „цапульке“».[49]

Наличие двух сошников является постоянным отличительным признаком сохи, наблюдаемым на протяжении всей ее многовековой истории.[50] И само наименование сохи отражает эту ее особенность. В русском языке сохою называется раздвоенный, разветвленный сук, развилье, палка и дерево с развильем на конце. Форму развилья имело «знамя», называемое «сохой»: «Под кобицею соха к земле рогами»; [51] «Възложиша соху от тяжка древа на выю (князя Михаила, — *Г. К.*)», — записано в летописи под 1317—1318 гг.[52] (сохою здесь названа возложенная на шею князя колодка из раздвоенного дерева).

Письменные памятники древности не дают прямых указаний на конструкцию пахотных орудий. Документы же XVI в. свидетельствуют, что соха имела два (пару) взаимодействующих и дополняющих друг друга сошника. В приходо-расходной книге Болдина-Дорогобужского монастыря (1586 г.) указывается: «...купили к сохе новые сошники». Сошники, в отличие от топоров и других предметов, считаются парами. В цитировавшейся выше монастырской приходо-расходной книге также сказано о починке и о покупке «троих сошников».[53] Сошники здесь спарены, подогнаны по два друг к другу для одной сохи, поэтому и естественно при их счете употребление собирательных числительных: «двои сошники», «трои сошники», «пятеры сошники», т. е. две, три, пять пар сошников. Таковы и найденные в Москве, в Новгороде и в Старой Ладоге сошники. В таможенных книгах XVII в. среди записей о продаже разных товаров имеются записи о продаже «двадцати троих сошников», «пятерых сошников» и т. п.[54] Особенно же показательна для нас запись о привозе для продажи 10 пудов сошников «недруженых»,[55] т. е. не подобранных по парам, не спаренных.

Вопреки этим совершенно ясным указаниям письменных памятников и археологических материалов, в советской литературе в 30-е годы было высказано мнение, будто в древности была

---

[49] Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. СА, т. XIV, 1950, стр. 150; С. Н. Орлов. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладоги. СА, т. XXI, 1954, стр. 349 (там же и рисунок).

[50] Об этом подробно на стр. 61—72.

[51] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. СПб., 1912, стр. 469.

[52] ЛТв., стр. 411.

[53] РИБ XXXVII, стр. 37 («Поделовали трои сошники ветчаные»), стр. 62 («...купили трои сошники к сохам...»), стр. 80 («...поделовали... двои сошники ветчаные, дали полтретья алтына. Купили полицу новую к сошникам к старым...»).

[54] Таможенные книги Московского государства XVII в., т. II. М.—Л., 1951, стр. 363, 495.

[55] Там же, стр. 380.

распространена трезубая или многозубая соха, которая держалась до XIX и даже до XX в. Это мнение без необходимой серьезной проверки нашло широкое хождение. Оно было высказано и аргументировано П. Н. Третьяковым в работе о подсечном земледелии в Восточной Европе.[56]

Вопрос о происхождении сохи у восточных славян был поставлен П. Н. Третьяковым в связи с изучением истории земледелия у народов Восточной Европы.[57] Так как в лесной полосе Восточной Европы исходной формой развития земледелия послужило подсечное земледелие, то в характерных для него орудиях, по мнению Третьякова, следует искать и основу, из которой в дальнейшем развились и орудия полевого пашенного земледелия в этих краях. Основным же земледельческим орудием при подсечном земледелии была борона-суковатка. Из суковатки, как считает П. Н. Третьяков, и развились пахотные орудия Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. «Зубья суковатки снабжаются железными наконечниками, — пишет Третьяков. — Суковатка стала бороздить землю значительно глубже, чем раньше, и таким образом послужила основанием для развития нового орудия — сохи, имевшей первоначально не два, а несколько зубьев».[58] Понимая необходимость внести большую ясность в вопрос о сроке появления привычной всем двузубой сохи, Третьяков определяет этот срок «началом нарастания феодальных отношений»: [59] «Уже в X—XII вв. соха выступает в форме двузубого орудия».[60] Но, вступая в противоречие с собственными указаниями о раннем вытеснении многозубых (и трезубых) сох двузубыми, Третьяков пользуется для доказательства существования трезубых сох миниатюрой XVI в., подсказывая этим читателю, что трезубые сохи были типичны еще и в XVI в.

В общей схеме стройная гипотеза П. Н. Третьякова подкупала новизной, нашла горячих приверженцев и скоро получила широкое распространение. Сам П. Н. Третьяков после выхода работы не высказывался о своей теории. Приверженцы же «теории о происхождении сохи из суковатки и об исконности трезубой и многозубой сохи» [61] к аргументам, приведенным Третьяко-

---

[56] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Изв. ГАИМК, т. XIV, 1932, вып. 1.

[57] Там же, стр. 25—36. — П. Н. Третьяков, рассматривая в качестве примера специальный труд Д. К. Зеленина о сохе (Д. К. Зеленин. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907, стр. 111—136), показывает несостоятельность проводимой автором точки зрения о прямой зависимости развития земледельческих орудий в Восточной Европе от аналогичного процесса в Западной Европе.

[58] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие..., стр. 24—25.

[59] Там же, стр. 26.

[60] Там же, стр. 29.

[61] Именно так назвал эту теорию А. В. Арциховский в статье: Раскопки 1954 г. в Новгороде. ВИ, 1955, № 2, стр. 68.

вым, прибавили ряд новых, дополнительных. Мы разберем их в единой совокупности, начав с материалов этнографических. В качестве основы, на которой сформировалась соха, П. Н. Третьяков называет суковатку.[62] Образец ее он видит среди земледельческих орудий Белорусского Полесья, описанных А. К. Сержпутовским.[63]

Но вот что пишет о назначении суковатки (в Белоруссии ее еще называют вершалина, острога, волокуша) сам А. К. Сержпутовский: «Ее употребляют иногда вместо бороны, но главное ее назначение — это разрыхлять такие подлесные земли, которые по обилию крепких древесных пней и корней не поддаются вспашке не только плугом, но даже сохой». Суковатка «своими сучьями кое-как разрыхляет верхний слой почвы, потом нетронутые места взрывают мотыгой». Суковатка предназначена для работы на подсеках, здесь она — незаменимое земледельческое орудие. В целях показа возможной эволюции от суковатки к многозубой сохе Третьяков обращает внимание на экспонировавшуюся в 1860-е годы в Музее новгородского земства «насошку»,[64] которая, по его уверению, «по своему характеру видимо близко примыкает к суковатке». У насошки 5—6 зубьев, на которые насаживались железные ральники в виде «коровьих языков».[65] Ею «крестьяне насашивают землю сряду после засева, или, как обыкновенно говорят, заваливают насошкой овес».[66] Насошка выполняла функции бороны.

В истолковании «насошки» как многозубой сохи, прообраза, предшественницы сохи настоящей, Третьякова поддержал А. К. Супинский, нашедший, по его словам, самые свежие этнографические материалы о многозубой сохе. Материалы, как говорит Супинский, «получены (в 1946—1947 гг.) им от древних стариков, которые рассказывали о том, как хозяйствовали на земле их отцы и деды».[67] Помогли они найти и сохранившуюся «плотину» — основную часть насошки, или, как называет ее Супинский, «пятизубой сохи». Обнаруженная А. К. Супинским многозубая соха идентична «насошке» 1860 г. Не отмечая этого, А. К. Супинский предложил реконструкцию ее.[68] И суковатка и

[62] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие..., стр. 23—25.

[63] А. Сержпутовский. Земледельческие орудия Белорусского Полесья. Матер. по этногр. России, т. I, СПб., 1911, стр. 45—59.

[64] Сведения о ней П. Н. Третьяков берет из «Новгородского сборника Новгородского губернского статистического комитета» (вып. V, Новгород, 1866, стр. 24—25).

[65] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие..., стр. 29.

[66] Новгородский сборник..., вып. V, стр. 24—25 (приложение: «Описание некоторых образцов из предметов производительности Череповецкого уезда, Новгородской губ.»).

[67] А. К. Супинский. К истории земледелия на русском севере. СЭ, 1949, № 2, стр. 138—141.

[68] А. К. Супинский приводит рисунок этой плотины и реконструкцию «пятизубой сохи» (стр. 140, рис. 1 и 2). Заметим, что эту «насошку» не

насошка, или многозубая соха, «прочно связаны с подсекой, с обработкой почв на гарях-ремах», — признает А. К. Супинский; а это указывает, что никаких признаков качественного приближения к пахотным орудиям у насошки нет.

П. Н. Третьяков упомянул еще о «тройной сохе», описанной в «Обозрении сельского хозяйства удельных имений в 1832 и 1833 гг.»; при этом, выдавая ее за действительную соху с тремя зубьями, особо уверял, что будто бы ее плотина с тремя зубьями «сделана из копани», как у сох.[69] Между тем из чертежа и описания видно, что сделана она из обычной прочной доски. В пояснении же составителем «Обозрения» Байковым сказано о Костромской «тройной сохе»: «Тройная соха употребляется крестьянами одного только Шевалдовского приказа». Столь же ограниченно и бытование череповецкой «насошки». А если к этому добавить, что «насошка» и «тройная соха» — сравнительно недавние изобретения («насошка» бытовала в 1860-е годы, а «тройная соха» — в 1830-е годы), то станет совершенно ясно, что нет никаких оснований связывать их ни с глубокой древностью, ни с многозубыми сохами, ни с эволюцией пахотных орудий в древности.[70]

В редком из иллюстрированных изданий по истории СССР, истории культуры древней Руси не воспроизведена миниатюра из «Жития Сергия» с изображенным на ней пашущим крестьянином (рис. 2).[71] Она хорошо знакома всем студентам и учащимся средних школ по воспроизведению миниатюры в учебниках. Эту миниатюру и использовал П. Н. Третьяков в качестве самого яркого аргумента в пользу теории о многозубости древних сох: «Соха миниатюры XV в. из Жития Сергия Радонежского (П. Н. Третьяков в данном случае не соблюдает необходимой точности в хронологии: это рукопись второй половины XVI в., — *Г. К.*),[72] имеющая три зубца, приготовлена, видимо, из копани... Детали рисунка не вызывают никакого доверия. Одно лишь несомненно — это трезубость сохи. На каждом из зубьев имеется железный лемех», — пишет он,[73] желая убедить читателя в том, что на миниатюре действительно изображена трезубая соха.

было нужды открывать еще раз: сведения о ней имелись еще в составленной Богословским описи музея Новгородского земства, где в отделе XXII «моделей» имелась за № 11 «Модель насошки (скоропашки), сделанной солдатским сыном Елисеем Фроловым из Череповецкого уезда».

[69] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие..., стр. 29—30.

[70] Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832-м и 1833-м годах (составлено Байковым). СПб., 1836 (в приложении даны чертежи пахотных орудий; чертеж тройной сохи — табл. II, № 9).

[71] Лицевая рукопись «Жития Сергия» хранится в РОБИЛ (миниатюра — на л. 152 об.). Имеется литографское издание «Жития Сергия», выпущенное Троице-Сергиевской лаврой в 1853 г.

[72] А. Н. Свирин. Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 113.

[73] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие..., стр. 29.

С этим пояснением и сделалась широко известной указанная миниатюра. Но так ли это? Действительно ли здесь изображена соха? П. Н. Третьяков оставил без внимания то, что в подлинной рукописи под рисунком имеется текст, который разъясняет сюжет миниатюры и ясно говорит, каким орудием пахал изображенный там крестьянин. В рукописи под миниатюрой написано: «Сия (рассказ о жизни Сергия, — *Г. К.*) слышав един от них (от приходивших в монастырь верующих, — *Г. К.*) некто человек христианин поселянин чином орач земледелец, живый на селе своем, *орыи плугом своим* (курсив наш, — *Г. К.*) и от своего труда питаяся, пребываша от далече сущих мест...» (рис. 1). Совершенно ясно, что если художник желал изобразить пахотное орудие, которым пахал крестьянин, то он, конечно, должен был нарисовать только плуг, а никак не соху.[74] А если нарисовал он нечто, мало похожее на плуг, то это значит, что художник и не стремился точно воспроизвести пахотное орудие, и нет никаких оснований искать здесь изображения сохи. Разбираемая миниатюра сложна по композиции (рис. 1), пахотному орудию на ней уделено немного места. Но все же в его изображении хорошо различимы две почти отвесно идущие рабочие части рал (П. Н. Третьяков называет их зубьями сохи) с наконечниками-ральниками, а от третьего рала можно различить лишь нижнюю часть, также с железным ральником на конце (рис. 2). Верхние части всех этих рал в виде толстых стволов идут вперед и соединяются (вдолблены) с поперечной перекладиной (вальком), и уже от этой перекладины идут оглобли (или постромки), в которые с хомутом и дугой впряжен конь-коренник, а от оглобель тянутся постромки к двум пристяжным лошадям. Если искать применения «копаней» в основе этого орудия (что делает П. Н. Третьяков), то в рисунке можно рассмотреть не одну, а две или три самостоятельные «копани», — их составляют ральники с верхними частями — стволами изображенных рал. И лишь не считаясь с тем, что действительно нарисовано, можно говорить о «сделанной из одной „копани“ рассохе с тремя зубьями».[75] Художник все же старался следовать

[74] А. Н. Свирин в своей работе «Древнерусские миниатюры» пишет о «Житии Сергия»: «Так же, как и в Своде (Лицевом летописном XVI в., — *Г. К.*), художественные формы миниатюр неразрывно связаны с текстом, каждое слово которого так или иначе отражается в миниатюре» (стр. 113). На тесную связь текста с содержанием миниатюры указывает все оформление страницы: текст расположен непосредственно под миниатюрой и написан в виде опрокинутой пирамиды (см. рис. 1).

[75] А. В. Арциховский, оценивая эту миниатюру и учитывая мнение П. Н. Третьякова, пишет: «...описание в общем верно. Но при схематичности рисунка не стоит искать в нем деталей, которых нет, ни предполагать изготовление из копани, ибо для подобных гипотез нужны более точные изображения... Многозубые сохи широкого распространения не получили» (Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 186—187).

тексту «Жития» и в рисунке пахотного орудия отобразил свое понимание качеств плуга.

Изображая плуг, автор миниатюры схематично нарисовал три (сделанных из «копаней») примитивных рала (третье рало на заднем плане заслонено, от него виден лишь зуб с надетым сошником), грядили которых неправдоподобно соединены в одно целое перекладиной (вальком), от перекладины идут оглобли и постромки, за которые три лошади тянут это сложное пахотное орудие (рис. 2).

Свойства плуга, как орудия вдвое или втрое более производительного, чем рало или соха, художник условно отобразил, нарисовав трех лошадей, тянущих три рала. Все это указывает, что разбираемая миниатюра не может служить источником ни для изучения устройства плуга XIV, XV или XVI вв., ни тем более для характеристики конструкции сохи того времени. Оценивая воспроизведенное на миниатюре пахотное орудие, следует прежде всего твердо помнить, что сохе свойственна одноконная упряжка[76] и для работ в крестьянском хозяйстве вообще привычна одна лошадь, реже две.

В какой мере можно доверять художнику-миниатюристу, когда он изображает орудия обработки земли? А. Г. Одрикур и М. Делямар в пояснение того, сколь может быть различно воспроизведение художниками зачастую одних и тех же пахотных орудий,[77] указывают в своей книге ряд примеров. Вывод, конечно, ясен: художник фантазирует и поэтому может поставить исследователя в очень затруднительное положение не только неясностью рисунка, но и фантастичностью изображения. С этой возможностью мы обязаны считаться и принимать ее во внимание, когда пользуемся в качестве источника рисунком из «Жития Сергия».

---

[76] «Пашут на Руси одной лошадью, а в Литве — двумя волами», — пишет Ал. Гваньини (см.: Записки Ал. Гваньини. Полоцко-Витебская старина, вып. III, 1916, апрель, Витебск, стр. 328—329). «3 обжи соха, а обжа один человек на однои лошади ореть, а хто на 3-х лошадех и сам третеи ореть, ино то соха», — сказали новгородцы московскому великому князю, разъясняя содержание, вкладываемое в окладные единицы «обжу» и «соху» (ПСРЛ XXV, стр. 319—320). Обжа соответствует крестьянскому обычному хозяйству, основа которого — один человек, крестьянин-земледелец с сохой и одной лошадью, обрабатывающий свои поля: число дворов по НПК близко к числу обеж. Авторы «Очерков истории СССР» вводят в заблуждение читателя, когда фразой из грамоты о «черном боре» с Новоторжских волостей (ГВНП, № 21), рассказывающей о сохе как окладной единице («А в соху два коня, а третьее припряжь»), пользуются для указания на число коней, впрягаемых в соху — пахотное орудие (см.: Очерки истории СССР, XIV—XV вв. М., 1953, стр. 28).

[77] A. G. Haudricourt et M. J.-B. Delamarre. L'homme et la charrue à travers le monde, стр. 41 и 42, рис. 7 и 8 (на рис. 7 воспроизведено изображение колесного плуга, у которого лемех находится впереди колесного передка).

Конечно, нередко бывает и так, что никакого другого источника нет, кроме такого неясного, малоправдоподобного рисунка. Но для XVI в. у нас такой источник есть, и притом намного более богатый и с более ясным материалом о сохе, чем «Житие Сергия». Это миниатюры Лицевого Летописного свода, датируемого 1560—1570 гг. А. Е. Пресняков назвал этот свод «Московской исторической энциклопедией XVI века».[78] Лицевой Летописный свод хорошо известен историкам, но его многочисленные миниатюры в качестве источника использованы далеко не достаточно. По времени они моложе миниатюр «Жития», может быть, лет на десять. Из этого богатого сокровища изучена лишь небольшая доля. Внимание историков сосредоточилось на томах, посвященных русской истории.[79] Изображения же сох мы находим в первом томе, излагающем всемирную историю.[80] Том этот хранится в Государственном историческом музее.[81]

В первом томе имеется восемь миниатюр, на которых изображены сохи.[82] Сюжеты, воспроизводимые на миниатюрах,

---

[78] А. Е. Пресняков. Московская историческая энциклопедия XVI века. СПб., 1900.

[79] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник.

[80] ОРГИМ, Музейское собрание, № 358.

[81] Этот первый том Лицевого Летописного свода XVI в. описан В. Н. Щепкиным в статье: Лицевой сборник Русского исторического музея. Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, т. IV, кн. 4, СПб., 1899, стр. 1345—1385. — Миниатюры данной рукописи, как и других лицевых рукописей XV—XVIII вв., хранящихся в ОРГИМ, описаны (на карточках) сотрудниками отдела, как важный источник по истории народного хозяйства и быта. Автор, занимаясь в 1955 и 1956 гг. в ОРГИМ, пользовался этой картотекой; обращение к подлинным рукописям всякий раз убеждало в высокой научной ценности картотеки и в том, что все основное, необходимое для историков народного хозяйства отмечено, внимательно изучено и описано в ней; автор приносит глубокую благодарность заведующей ОРГИМ Марфе Вячеславовне Щепкиной за оказанную ему помощь. В 1961 г. вышла статья О. И. Подобедовой. К вопросу о составе и происхождении Лицевого свода. ПИ, сб. IX, М., 1961, стр. 280—332. — Автор, указывая на дату бумаги (1547—1552 гг.), говорит о возможности отнесения рукописи и к более раннему времени, чем середина XVI в., и при этом отмечает, что «первый том свода является одним из самых блестящих по выполнению миниатюр и по качеству письма» (стр. 300).

[82] ОРГИМ, Музейское собрание, № 358. — Сохи изображены на восьми миниатюрах: лл. 51 об., 68, 99 об., 123, 141, 590, 599, 1011. Отдельные миниатюры из этого тома Лицевого Летописного свода воспроизведены в «Очерках истории СССР» (период феодализма — конец XV—начало XVII вв.) — на стр. 33 (с л. 123) и на стр. 220 (сл. 68), а также в указанной работе В. П. Левашевой — на стр. 27 (с. л. 99 об.). Изучением миниатюр Лицевого свода занялся А. Д. Горский (А. Д. Горский. 1) Древнерусская соха по миниатюрам Лицевого Летописного свода XVI в. Историко-археологический сборник, изд. МГУ, 1962, стр. 339—351; 2) Еще одно изображение сохи XVI в. Вестник МГУ, серия IX, История, 1963, № 3, стр. 17—22). А. Д. Горский пришел к следующему выводу в отношении миниатюр первого тома: «На миниатюрах изображены вполне реальные сохи»; в отношении же миниатюры второго (так называемого Остерманов-

взяты из библейской истории и Троянской войны, но это не помешало художнику при изображении пахотных и других орудий сельскохозяйственного производства рисовать то, что он видел у себя на родине. Все восемь воспроизведенных пахотных орудий однотипны — это древнерусские сохи. Изображения их ясны. Все они с одноконной тягой, что, естественно, нормально для орудия, требующего для тяги именно одну лошадь. У этих сох ясно различаются основные их части. На всех миниатюрах хорошо (см. рис. 3—5) видна раздвоенная рассоха или плотина с двумя асимметричными сошниками.[83] Верхний конец рассохи вставлен в выдолбленное в рогале отверстие. При таком способе закрепления рассохи посредством клиньев легко менялся угол, под каким сошники с рассохой входили в землю, а это, как известно, помогало регулировать глубину пахоты. Так же хорошо видны подвои, охватывающие рассоху сзади, ближе к нижнему концу; при помощи их устанавливался на необходимой величине угол для рассохи; подвои идут к перекладине у обеж. Отчетливо нарисован рогаль с двумя рукоятками на концах; держась за рукоятки, пахарь управлял сохой. В одной руке пахаря — кнут. Кривые обжи — оглобли. Лошадь в хомуте, без дуги, впряжена в оглобли (обжи) сохи и тянет ее идущими к хомуту гужами.

Теория об исконности многозубых сох увлекла многих и вызвала желание всемерно подкрепить ее. В. П. Левашева, автор многократно упоминавшейся нами работы о сельском хозяйстве X—XIII вв., в одном из документов начала XVI в. усмотрела материалы, как будто пригодные для подкрепления указанной теории, и включила их в свою работу.[84] Эта правая грамота 1521 г. крестьянам деревни Новой по жалобе их на грабительское нападение на них соседнего помещика и его крестьян.[85] В. П. Левашева пишет: «В акте перечисляются несколько хозяйств, где грабители взяли по два сошника, и лишь у одного крестьянина — три». Считая невероятным, чтобы в одном крестьянском дворе было две сохи, В. П. Левашева говорит, что кража из нескольких дворов по два сошника указывает на наличие в этих дворах двузубых сох; указание же на кражу трех сошников,

---

ского) тома Лицевого свода А. Д. Горский раскрывает существенную дефектность рисунка, указывая, что и на этой миниатюре такая же двузубая соха. Все это подтверждает наше мнение о неоправданности обращения П. Н. Третьякова к миниатюре из «Жития Сергия» без учета изображения сох на миниатюрах Лицевого Летописного свода.

[83] См. приведенные здесь рис. 3—5; по форме эти сошники совпадают с найденными при раскопках в Москве (в Зарядье) сошниками XIV—XV вв. См.: М. Г. Рабинович. Материалы по истории Великого посада Москвы. Тр. Музея истории и реконструкции Москвы, вып. V, М., 1954, стр. 57—95 (рисунок сошников — на стр. 77).

[84] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 25—27.

[85] АФЗ I, № 1а.

по мнению В. П. Левашевой, говорит о существовавшей в том дворе трезубой сохи.[86]

Что же действительно говорится в этом акте? «А грабежу... взяли: у Федька мерин, да шубу, да сермягу, да топор, да двои сошники. А у Пронки взяли грабежу кобылу, да шубу, да сермягу, да два топора, да двои сошники... А у Онанки взяли грабежу два рубля денег... да три топоры, да трои сошники. А у Софонка пять четвертеи ячмени... да два топора, да двои сошники... А у Тереха... взяли кобылу... да топор, да двои сошники. А у Пронки у Самсонова грабежу взяли кобылу... да два топора, да двои сошники...».[87] В приведенных фразах употребляются два вида числительных: количественные, когда речь идет о топорах, о рублях (два топора, два рубля, три топора), и числительные собирательные (двои сошники, трои сошники), когда речь идет о сошниках. В одном случае предметы штучные (топоры, рубли), а в другом — спаренные, т. е. говорится о предметах, называемых только во множественном числе (сани, грабли, вилы). О том, что сошники и омеши обычно считались парами и при их подсчете применялись собирательные числительные — «двои сошники», «трои сошники», «пятеры сошники», «шестеры сошники» — мы уже говорили на основании ряда документов.[88] Сошники существовали как спаренные. Разбираемый В. П. Левашевой документ очень ясно отражает это. И Левашева не могла не заметить, что в документе речь идет о парных сошниках, но предпочла продолжить цепь рассуждений, подкрепляющих теорию о многозубых сохах: «Тот факт, что трезубая соха имелась лишь у одного хозяина в этой деревне, — пишет она, — говорит о вытеснении в XVI в. трезубых сох двузубыми».[89] А на деле все эти рассуждения — результат искажения текста документа, предвзятости суждений и неверного представления о жизни деревни.

В. П. Левашеву смущает факт существования нескольких сох в одном крестьянском хозяйстве, т. е. богатство этих хозяйств. Богатство же здесь лишь воображаемое — сумма ограблений явно преувеличена (истцы обычно преувеличивают свои убытки), а наличие двух и даже трех сох в одном хозяйстве не удивительно, так как соха стоила тогда 10 денег.[90] У крестьянина Онанки, у которого грабители взяли «трои сошники», еще было взято два рубля денег, да мерин, да шуба, сермяга и три топора, а всего с деньгами — на три рубля и десять алтын; взя-

---

[86] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 26—27.

[87] АФЗ I, № 1а, стр. 13.

[88] См. выше, стр. 53.

[89] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 27.

[90] Сошники продавались (в 1558 г.) по 10 денег. См.: А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.—Л., 1951, стр. 191.

тые «трои сошники» по своей цене составляли лишь малую долю убытка, нанесенного этому крестьянину. По нашему мнению, попытка поддержать «теорию» о многозубости древнерусской сохи путем привлечения письменных источников оказалась неудачной, несмотря на большое желание В. П. Левашевой сделать это. Письменные документы XIII—XV и XVI вв. дают многочисленные доказательства двузубости сохи, но трезубой сохи совершенно не знают.

За 25—30 лет, прошедших со времени выхода в свет работы П. Н. Третьякова о подсечном земледелии, советская археология ввела в научный оборот многочисленные вновь открытые вещевые материалы. Умножились и материалы о пахотных орудиях. Естественно, что археологи, принимающие «теорию об исконности трезубой сохи», направили усилия на то, чтобы подкрепить ее новыми материалами. В. И. Равдоникас, найдя в Старой Ладоге железный ральник, отнесенный им к VII в., без какой-либо аргументации заявил: «Сошник симметричный, видимо, от многозубой сохи».[91] А. В. Арциховский в 1954 г. при раскопках в Новгороде, в Неревском конце, обнаружил в слое X в. (как увидим ниже, А. В. Кирьянов датирует этот слой XI в). в деревянном небольшом погребе, вероятно служившем мастерской, три сходных по виду, прекрасно сохранившихся сошника симметричной формы. Подводя итоги раскопок, он писал: «Эта находка подтверждает теорию П. Н. Третьякова об исконности на Руси трезубой сохи».[92]

Перед нами два характерных примера истолкования археологических находок последних лет в пользу этой теории. В отношении новгородской находки можно добавить следующее: сошники, найденные в небольшом погребе, в мастерской, были новыми, т. е. не бывшими в употреблении, и все три лежали в кладовой у мастера, перед тем как перейти к заказчикам или к покупателям. Конечно, их могли передать или продать и отдельно каждый сошник, и пару сошников вместе. А для того, чтобы установить, что мастерская действительно готовила одну трезубую соху, необходимо еще доказать, что применялись сохи трезубые, а не другие. Новгородская археологическая экспедиция за последние годы отыскала много ценного материала о земледелии и об орудиях обработки земли.

То, что найдено в Старой Ладоге, составляет важнейшую часть новых археологических материалов о земледельческих орудиях древней Руси. Их изучение взял на себя А. В. Кирьянов, участник Новгородской экспедиции, через руки которого проходил весь материал, касающийся земледелия. А. В. Кирьянов, убежденный сторонник теории П. Н. Третьякова и притом

---

[91] В. И. Равдоникас. Старая Ладога, стр. 39.

[92] А. В. Арциховский. Раскопки 1954 г. в Новгороде, стр. 67—68.

в широком ее толковании, а потому лучше и ярче других мог привести все аргументы в ее пользу. А. В. Кирьянов и делает это в своей монографии.[93]

Материалы о пахотных орудиях разбираются А. В. Кирьяновым дважды: в первый раз он говорит о земледельческих орудиях новгородских словен (VII—IX вв., Старая Ладога),[94] а во второй — об орудиях земледелия X—XV вв. (новгородских).[95] Вещевой материал Старой Ладоги немногочислен: два ральника, датируемых VII—VIII вв., да два сошника. Первый ральник найден В. И. Равдоникасом в 1947 г. Будучи приверженцем теории, выдвинутой П. Н. Третьяковым, В. И. Равдоникас назвал эту вещь сошником: «Сошник симметричный, видимо, от многозубой сохи».[96] Кирьянов же определяет его как ральник; он короток, широк и с короткой широкой трубицей: длина его 15.6 см, длина рабочей части 9 см, имеет небольшие загибы.[97] Этот ральник явно не подходил к сошникам той многозубой сохи, которая рисовалась Кирьянову как типичное, основное пахотное орудие лесной полосы. Произвольно истолковывая рало только как подошвенное пахотное орудие, Кирьянов говорит о неприменимости его в условиях подсеки и вообще в лесной полосе: «Применение орудий типа рала для обработки подсеки неизбежно могло вызвать поломки его, и, возможно, не случайно у древнего ладожского сошника надломлен один из загибов трубицы».[98]

В Старой Ладоге найден С. Н. Орловым в 1954 г. еще один ральник, длина его 13.6 см, а наибольшая ширина в верхней части насада 9.5 см.[99] Сравнивая оба ральника, С. Н. Орлов, производивший раскопки и изучивший пахотные орудия Старой Ладоги, пришел к выводу, что найденный им в Старой Ладоге ральник — древнейшее пашенное орудие этого района, а сошник из Земляного городища (найденный в 1947 г. В. И. Равдоникасом) является «переходной формой от ральника к развитому сошнику с длинной округлой трубицей для насаживания, которая уже обеспечивала устойчивость сошника на деревянной основе двузубой или многозубой сохи».[100] И на самом деле среди остатков пахотных орудий, найденных в Старой Ладоге (в 1948 г.), ока-

---

[93] А. В. Кирьянов. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. (По археологическим материалам). Тр. НАЭ, т. II, стр. 306—362. (Эта работа является дополненной и исправленной кандидатской диссертацией, защищенной А. В. Кирьяновым в Москве в 1956 г.).

[94] Там же, стр. 315, 319—321, 344.

[95] Там же, стр. 343—352.

[96] В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, т. XII, 1950, стр. 39.

[97] А. В. Кирьянов. История земледелия..., стр. 315.

[98] Там же, стр. 320.

[99] С. Н. Орлов. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладоги, стр. 343—354.

[100] С. Н. Орлов. К вопросу о древнем пашенном земледелии Старой Ладоги. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 143—144.

зались такие, которые относятся к настоящей двузубой сохе.[101] В Старой Ладоге в слое, датированном IX в.,[102] найдены сошники, имеющие «явно асимметричную форму, свидетельствующую о двузубости их сохи». И А. В. Кирьянов вынужден считать их типичными сошниками лесной полосы. Давая их характеристику, он пишет: «...они удлиненной формы, с сильно развитой трубицей, почти в половину длины сошника», с округлой формой поперечного сечения.[103]

В Новгороде экспедицией было найдено 11 сошников. Девять из них новые, а два дошли в фрагментах. Большая численность новых сошников указывает на наличие в Новгороде ряда ремесленных мастерских, производивших земледельческие орудия; земледелием же в городе едва ли занимались.

А. В. Кирьянов, изучая этот материал, особо выделяет три найденных в 1954 г. в Неревском конце сошника-ральника XI в.[104] Это те самые сошники, которые А. В. Арциховский расценил как «определенное свидетельство об исконной трезубости сохи».[105] А. В. Кирьянов полностью принимает эту оценку. Разработка материалов, связанных с этими сошниками-ральниками, и характеристика на их основе воображаемого облика трезубой сохи заняла у А. В. Кирьянова главное место при изучении пахотных орудий в Новгородской земле.

Но до перехода к этому основному вопросу в характеристике земледельческих орудий Новгородской земли А. В. Кирьянову необходимо было рассказать еще об одном сошнике-ральнике, который, подобно сошникам-ральникам Старой Ладоги, никак не укладывался в схему развития сохи из суковатки. Мы имеем в виду сошник, найденный в Новгороде в слое X в. Это совершенно новый сошник, хорошо выкованный, с заметными следами молотка. Его длина 17.6 см, трубица занимает половину длины наконечника, в поперечном сечении имеет почти округлую форму, шириной 9.3 см, глубина загибов достигает 4.7 см, расстояние между их концами 6.2 см.[106] Значит, сошник предна-

---

[101] С. Н. Орлов. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладоги, стр. 343—354 (рисунок на стр. 349). — В Старой Ладоге еще в дореволюционное время при раскопках Н. И. Репникова была найдена «плоть» или «рассоха» двузубой сохи, на которую насаживались железные сошники; она могла относиться к горизонту не позднее X в. См.: В. И. Равдоникас. Старая Ладога, стр. 48.

[102] В. П. Левашева исправляет их датировку на X—XII вв. (Сельское хозяйство, стр. 31).

[103] А. В. Кирьянов. История земледелия..., стр. 320.

[104] Там же, стр. 344.

[105] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода, стр. 30. — Число сошников увеличилось еще на один, найденный в 1959 г.: «Мы нашли интересный сошник XI в., по форме переходный к лемешу», — пишет М. Н. Кислов (Работы Новгородской экспедиции. Вестник МГУ, серия IX, Истор. науки, 1960, № 3, стр. 69—71).

[106] А. В. Кирьянов. История земледелия..., стр. 344.

значался для плотного закрепления на толстом развилье сохи или на толстом прочном конце рала. Рабочая часть его немного выгнута (отклонена) вперед по отношению к трубице. Такой сошник или ральник явно не подходит к многозубой сохе, и поэтому А. В. Кирьянов истолковывает его как переходную форму от староладожского сошника к сошникам трезубой сохи XI в. Он мог быть ральником однозубого рала или сошником от двузубой сохи. Но ни то, ни другое Кирьянов не признает. «Новгородский сошник-ральник X в. по облику и размерам принадлежал к рыхлящим уже упряжным орудиям типа рала; однако конструктивные особенности трубицы, — пишет А. В. Кирьянов, — указывают на совершенно иной характер его применения — не в горизонтальном положении, а под некоторым углом (подобно сошникам сохи)».[107]

Казалось бы, перед нами рабочая часть пахотного орудия больших достоинств — прочного, пригодного для сравнительно глубокой вспашки земли, — при условии, что сошник или ральник будет пахать, входя в землю под небольшим углом, близким к 45°. Поэтому естественнее было бы признать существование в X в. в Новгородской земле пахотного орудия, подобного староладожской двузубой сохе. Но А. В. Кирьянов настойчиво убеждает читателя, что этот сошник, характерный для X в., представляется явлением случайным, что в данном случае предпринята лишь «попытка приспособить орудие, сложившееся в условиях лесостепной полосы, к обработке почвы лесной зоны», — причем попытка, не давшая результатов.[108] Фактически же, поскольку этот сошник не подходит под тип пахотного орудия, одобряемого А. В. Кирьяновым, он сбрасывает его с учета. Значительными и реальными, по мнению Кирьянова, могли быть только многозубые или трезубые сохи, и он описывает их конструкцию и работу, беря за образец три сошника-ральника, найденные в Новгороде в 1954 г. в кладовой мастера в слое XI в., и предлагает без какой-либо дополнительной аргументации считать их «комплектом», специально изготовленным для трезубой сохи.

Мы подробно разобрали аргументы, на основе которых строится теория об исконной многозубости или трезубости сохи, и считаем, что материалы о череповецкой «насошке XIX в.» и костромской трезубой сошке того же времени, равно как и рисунок сложного пахотного орудия на миниатюре из «Жития Сергия», далеко не достаточны, чтобы считать установленным существование многозубых сох, а найденные сошники расценивать как единый комплект.

---

[107] Там же, стр. 345.
[108] Там же.

Приведем основные данные об этих сошниках.[109]

Размеры сошников	№ 1	№ 2	№ 3
Общая длина	18.4 см	19.0 см	21.0 см
Длина трубицы	6.1	7.8	8.2
Ширина рабочей части у основания трубицы	5.2	6.9	6.8
Глубина загибов трубицы . .	3.0	3.2	3.3
Расстояние между концами загибов трубицы	5.0	5.5	5.2
Толщина (средняя)	0.7	0.6	0.7

Сошник № 3 длиннее сошника № 1, длиннее и его трубица, шире рабочая часть. Трубица и рабочая часть у них в одной плоскости, лишь у одного сошника чуть наклонена вперед. По общей длине, длине трубицы, ширине и длине лезвия эти сошники ненамного длиннее сошника X в. Но более поздние сошники гораздо значительнее по размеру: длина сошников XIII—XV вв. — 28, 30, 31.5 см. Для них всех характерны длинные, с глубокими загибами, округлой формы трубицы, прочно закрепляющие сошники на зубьях рассохи. У более поздних сошников лезвия отклонены вперед. Кирьянов, основываясь на общей аргументации в пользу теории о многозубости древних сох и на мнении А. В. Арциховского о принадлежности трех сошников трезубой сохе, рисует тип трезубой сохи. Основное его положение сводится к следующему: многозубая или трезубая соха — это орудие рыхлящего типа, сошники которого устанавливались с небольшим наклоном к поверхности почвы, а в условиях плохо расчищенной подсеки — почти вертикально.[110] «Характер работы суковатки и многозубых сох совершенно однороден — рыхление поверхностного горизонта почвы», — пишет Кирьянов.[111] Мы видим, что их работа резко отличается от той, которую выполняло южное рало и новгородское рало X в., оснащенное найденным в Новгороде ральником X в., и староладожская двузубая соха, и тем более поздние двузубые сохи. Сошники двузубой сохи, как и ральники узколопастного рала, врезались в землю и, идя под углом, близким к 45°, взрыхляли почвенный слой. Охарактеризованные же Кирьяновым многозубые и трезубые сохи — поистине только «черкающие» орудия подсечного земледелия. Но это не мешало А. В. Кирьянову говорить о многозубых сохах как об орудиях, «применявшихся в земледелии Новгородской земли на протяжении многих столетий» и удерживавшихся вплоть до XX в.[112]

---

[109] Там же.

[110] Там же.

[111] Там же, стр. 346 (на этой странице помещен рисунок реконструкции трезубой сохи).

[112] См. диссертацию А. В. Кирьянова «История земледелия Новгородской земли X—XV вв.», стр. 158 (Библ. им. В. И. Ленина).

Неясности в вопросе о том, как действительно работали простейшие земледельческие орудия, в чем выражались процессы обработки подсеки и обработки почвы при переходе от подсеки к пахоте, заставили заняться более детальным изучением работы простейших земледельческих орудий. Кафедрой этнографии Московского университета в 1956—1957 гг. была организована специальная экспедиция в места былого широкого бытования подсеки в Новгородской области. Ценные наблюдения над подсекой у экспедиции оказались связаны с важными выводами в отношении практической применимости многозубых сох, а также того, в какой степени оправдана теория развития сохи из суковатки. Автор статьи о результатах работы экспедиции Г. Г. Громов [113] и другие члены экспедиции, хотя и были готовы разделить точку зрения П. Н. Третьякова, все же сомневались в полной оправданности его теории. Изучение конкретного материала о подсечном земледелии, о порядке превращения подсек в полевую пашню и о работе при этом сохи, бороны и бороны-суковатки усилили сомнения Г. Г. Громова и привели к отрицательной оценке развитой П. Н. Третьяковым гипотезы о происхождении сохи из суковатки и о многозубости древнерусских сох. «При внимательном анализе положений П. Н. Третьякова, — пишет Г. Г. Громов, — его схема развития сохи из суковатки через многозубые сохи к обычной двухлемешной сохе кажется неубедительной».[114] Он обращает внимание на наличие двух самостоятельных процессов при обработке почвы: процесс рыхления земли (покрытой спекшейся коркой) мотыгой или сохой-цапухой и вторичный процесс рыхления бороной, будь то борона, суковатка-ель или суковатка-смык. Это два совершенно различных процесса. «Исходя из этого, — пишет Г. Г. Громов, — трудно предположить, что такое орудие, как соха, приспособленное для первичного рыхления — вспахивания почвы, — возникло из орудия вторичного рыхления — из бороны».[115] Так выглядит обстановка на подсеке. Еще глубже должно быть вспахивание на полях, резче обозначается разница между тем, что выполняется сохой, и тем, что могут делать суковатка, смык, борона или насошка. Г. Г. Громов говорит также и о непригодности на подсеке такого громоздкого орудия, как многозубая или трезубая соха, — «оно застряло бы в первом же „гоне", зацепившись зубьями за остатки корней».[116] Для многозубой (тяжелой) сохи мало одной лошади. Автор приходит к отрицательной оценке теории П. Н. Третьякова. «Упрекая Д. К. Зеленина в приверже-

[113] Г. Г. Громов. Подсечно-огневая система земледелия крестьян Новгородской области в XIX—XX вв. Вестник МГУ. истор. серия, 1958, № 4. стр. 141—152.

[114] Там же, стр. 150.

[115] Там же.

[116] Там же.

ности к „индоевропеизму“ и в „формалистичности“ схемы, П. Н. Третьяков, — пишет Г. Г. Громов, — сам оказался в плену формальной схемы, стремясь доказать автохтонность сохи в лесной полосе, даже независимое ее возникновение в разных местах».[117]

А. В. Кирьянов — наиболее активный сторонник теории происхождения сохи из суковатки, теории «об исконной многозубости и трезубости сох» — сделал все, чтобы последний аргумент (находку в одном месте трех сошников) истолковать в пользу этой теории, и весь материал о сошниках изложил в самом выгодном для нее свете. Скажем прямо: выдвинутая П. Н. Третьяковым гипотеза и на первых порах не производила впечатление достаточно обоснованной; аргументы, каждый в отдельности и все вместе, могли казаться убедительными лишь на первый взгляд, при более же близком знакомстве, как мы видели, обнаруживалось, что привлеченные материалы говорят против этой гипотезы, а не в пользу ее. Тезис А. В. Кирьянова о том, что «земледельческая техника в Новгородской земле ограничивалась применением многозубых сох с железными наконечниками...», встречает решительные возражения.[118] Он явно противоречит фактическому материалу. Нет достаточных оснований три новых сошника, найденных в мастерской, обязательно считать единым комплектом сошников трезубой сохи. А чтобы было ясно, что нет оснований и остальные найденные в Новгороде сошники расценивать как сошники трезубых или многозубых сох, мы приведем данные о них из работы самого А. В. Кирьянова.

Наиболее древний сошник X в. (пл. 28, кв. 484) [119] по всем своим показателям разрывает схему развития сохи из суковатки, и Кирьяновым он оценен как неуместный для лесной полосы севера; сошник из слоя XII в. (пл. 18, кв. 404; рис. на стр. 69) [120] — усиленной конструкции, на рисунке видна его асимметричность, и потому к типу обрисованной Кирьяновым трезубой сохи он совершенно не подходит; о сошнике из слоя XIII в., найденном в 1951 г. (пл. 18, кв. 31),[121] А. В. Арциховский пишет: «железный сошник, продолговатый (длина 28 см) и асимметричный,

---

[117] Там же.

[118] Во время дискуссии в 1946 г. выступавшие не вспомнили об этой гипотезе, хотя среди поднятых вопросов большое место занимал вопрос о технике земледелия в XIV—XV вв.

[119] А. В. Кирьянов. История земледелия..., стр. 344. Мы отмечаем пласт (пл.) и квадрат (кв.) Перевского раскопа, где найдены сошники, как это принято при работах Новгородской археологической экспедиции, а также указываем, где воспроизведен рисунок сошника (обычно это — Тр. НАЭ, т. II; все другие случаи оговариваются).

[120] А. В. Кирьянов. История земледелия..., стр. 348.

[121] Там же, стр. 347.

явно предназначенный для русской двузубой сохи»;[122] сходен с ним по конструкции и по размерам сошник из того же слоя (пл. 18, кв. 175);[123] к этому же типу сошников, по мнению А. В. Кирьянова, относится и сошник, обнаруженный в 1947 г. на Ярославовом городище;[124] в слое XV в. (пл. 8, кв. 334) найдена рабочая часть сошника (без трубицы). «Следует отметить явную асимметричность сошника, — пишет Кирьянов, — который несомненно являлся парным».[125] В слое XVI в. (пл. 6, кв. 868) найдены два совершенно новых, сходных друг с другом сошника; они надеты один на другой, их длина 31.5 см, узкая трубка длиной 11 см, лезвие так же изогнуто вперед,[126] как и у сошников XIII в.; думаем, что это сошники для одной и, конечно, двузубой сохи.

Когда Кирьянов характеризует работу трезубых и многозубых сох, то говорит лишь о рыхлении поверхностного слоя земли этими сохами. Такая обработка почвы допустима на подсеке, но не могла удовлетворять земледельца на пахотном поле, и при переходе к пашенному земледелию требовалось глубокое вспахивание почвы: землю «орали и пахали». Такая обработка земли и производилась двузубыми сохами. Приведенный материал о найденных в Новгороде сошниках, по нашему мнению, указывает на существование там настоящих двузубых сох. И три сошника из слоя XI в. (пл. 25, кв. 617 или 517).[127] по нашему мнению, с не меньшим основанием можно считать предназначавшимися для двузубой сохи. Следует также напомнить, что, помимо свидетельств русских источников о двузубости сохи, подобные же материалы хранят источники и соседних народов. Соха бытовала в Литве. О ней часто упоминают письменные источники. Традиция того времени в документах на латинском языке обозначать лемехи парами указывает, что в XIII и последующих веках бытовала в Литве двузубая соха (чаще, чем однозубое рало). В литовском и славянском языках название двузубого пахотного орудия имеет сходное происхождение.[128]

---

[122] СА. т. XVIII, 1953, стр. 369 (рисунок на стр. 370).

[123] А. В. Кирьянов. История земледелия..., стр. 347.

[124] Там же. — Два точно таких же сошника хранятся в фондах Новгородского исторического музея; они были найдены еще при довоенных раскопках в Новгороде и датируются XII—XIII вв. По свидетельству сотрудника музея Б. К. Мантейфеля, во время эвакуации музея в 1941 г. были утеряны четыре подобных сошника. Рисунок сошника с Ярославского городища см.: КСИИМК, т. XXII, стр. 121.

[125] А. В. Кирьянов. История земледелия..., стр. 350. — В связи с находкой этого сошника А. В. Кирьянов говорит о существовании в Новгороде в XV в. сох с отвальным приспособлением.

[126] Там же, стр. 351.

[127] Там же, стр. 345 (рисунок на стр. 69). — При указании квадрата где-то вкралась опечатка: 617 или 517.

[128] П. Дундулене. Земледелие в Литве в эпоху феодализма. Тр. Инст. этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. XXXII. Балтийский этнографи-

О том же говорят другие материалы, касающиеся древней земледельческой техники.[129] Продолжая ознакомление с археологическими материалами X—XV вв. Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, мы встречаем именно части двузубых сох. Таковы ранние асимметричные староладожские сошники и новгородский сошник X в., а позднее — сошники, все увеличивающиеся по длине (от 16 до 30 и 31.5 см); сначала они симметричны, а потом сменяются асимметричными, парными, подогнанными друг к другу, взаимодействующими. Длина трубиц, их форма и конструкция рабочей части (лезвие отгибается вперед) свидетельствуют о прочности их насаживания на рассоху, о возможности глубокой пахоты.

Сводим воедино эти данные о сошниках. Староладожские сошники асимметричны, датируются X—XII вв., они от двузубой сохи (А. В. Кирьянов, В. И. Равдоникас и С. Н. Орлов датируют их IX в.); подробные сведения о них мы приводили раньше.[130] Сошник XII—XIV вв. найден у села Верховажье Вологодской области.[131] Пара сошников XI—XIII вв. найдена на реке Кокшеньге Вологодской области,[132] левый сошник длиннее правого (22 и 26.5 см), ширина около 9 см. Пара сошников XI—XIII вв., сходных с предыдущими, обнаружена в Ветлужском районе Костромской области.[133] Одиннадцать сошников XI—XV вв. найдено в Новгороде; характеристика их, данная А. В. Кирьяновым, и наша оценка приведены выше; новгородские сошники свидетельствуют о большом пути, пройденном земледелием, о крупных изменениях в конструкции сох в Новгородской земле, происшедших за XI—XV вв.[134] Сошник асимметричный двузубой сохи из слоя XII—середины XIII в. найден в городе Гродно.[135] Малый сошник двузубой сохи XIII в. найден в Пскове.[136] Сошники найдены в бывшем Ярославском уезде (в слое XI—XIII вв.), в бывшем Яранском уезде, в курганном могильнике XII—XIV вв.,[137]

ческий сборник, М., 1956, стр. 5—6; Н. Н. Чебоксаров. О древних хозяйственных культурных связях народов Прибалтики. СЭ, 1960, № 3, стр. 94—115.

[129] В. В. Дорошенко. Сельское хозяйство феодальной Лифляндии (Видземе) в XIII—XVI вв. Матер. по истории земледелия, т. III, М., 1959, стр. 41—88.

[130] Подробную характеристику см. выше, стр. 63—64.

[131] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 31.

[132] А. А. Спицын. Древности Севера. Тотьма, 1928, стр. 16; В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 31, 35.

[133] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 31, 35.

[134] См. выше, стр. 64—66, 68—69.

[135] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954 (рисунок на стр. 57 указывает на асимметричность сошника).

[136] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 31; С. А. Тараканова. Древности Псковской земли. В сб.: По следам древних культур, М., 1953, стр. 212—213.

[137] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 31.

на городище Паньжа Наровчатского района Мордовской АССР (сошник двузубой сохи XIII—XIV вв.).[138] Пара сошников двузубой сохи XIV—XV вв. обнаружена при раскопках в Москве, в Зарядье.[139] Судя по рисунку, эта пара сошников поясняет изображения двузубых сох на миниатюрах Лицевого Летописного свода.[140] Там мы видим соху еще сравнительно простого устройства, но с подвоями, с четко показанной одноконной упряжкой.

Археологические материалы рассказывают и о дальнейшем усовершенствовании сох: близ села Старая Сотня Наровчатского района Мордовской АССР найдены железные полицы от сох.[141] В бывшем Коломенском уезде Московской области обнаружены два комплекта сошников с полицами от двузубых сох XIII—XV вв.[142]

Перед нами вырисовывается картина постепенного развития и усовершенствования сохи. Применение сохи в лесной полосе Восточной Европы было решительным шагом для перехода от подсеки к пашенному земледелию. Письменные памятники и наличие среди вещевых материалов рабочих частей пахотных орудий, сходных по конструкции и размерам с узколопастными ральниками Киевской Руси, указывают на возможность в какой-то период единовременного существования в лесной полосе рала и сохи, сходных по работе. Ни то, ни другое пахотное орудие не имело подошвы. Двузубая соха, представленная ранними образцами из Старой Ладоги и Новгорода, вероятно, уже с X в. являлась здесь, наряду с ралом, основным пахотным орудием. Увеличение длины сошников, прочность их, наличие трубицы, прочно закрепляющей сошники на развильях рассохи, говорят о глубине пахоты сохой и толщине обрабатываемого ею пахотного почвенного слоя.[143] В отличие от плуга и подошвенных широколопастных рал степной и лесостепной полосы (которые в изучаемой нами Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, вероятно, без различия назывались плугами), конструктивной особенностью сохи являлась сравнительно крутая (угол около 45°) установка ее сошников к горизонту пахотного слоя; и обработка почвы сохой заключалась в рыхлении и перемешивании почвенного слоя, а не в подрезании и обороте пласта, как у плуга.[144] Угол постановки сошников мог регулироваться при

[138] Там же, стр. 32.

[139] М. Г. Рабинович. Материалы по истории Великого посада Москвы, стр. 76—77.

[140] Ср. рисунок, приведенный в указанной выше работе М. Г. Рабиновича, и миниатюры, воспроизведенные нами на рис. 3—5.

[141] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 32.

[142] Там же, стр. 35—36 (рисунки сошников на стр. 36).

[143] Рабочая часть сошников при длине их от 24 до 30 см равнялась 10—14 см.

[144] Современниками отмечалась резкая разница между бороздами плужными и сошными. См.: Судное дело начала XVI в. ЦГАДА, ф. 281

помощи подвоев, наличие которых можно предполагать с очень ранней поры. В развитии сохи особо следует отметить изменение конструкции сошников: правый и левый сошник обособливаются, и соответственно видоизменяется их конструкция; облегчается переваливание на одну сторону всего вспахиваемого пласта земли.[145] Той же цели служило появление полиц у сохи, вначале деревянных, а потом и железных.[146] Переваливанием вспахиваемого пласта на одну сторону облегчалось заваливание навоза — удобрения. Последующим этапом в развитии сохи был этап, когда два взаимодействовавших сошника заменялись одним более сложным, выполнявшим функции и того и другого; одновременно видоизменялась и полица. Так подготовлялось появление сох-косуль, засвидетельствованное документами с первых лет XVII в.[147] Но наша двузубая соха уже в XIV—XV вв. могла обрабатывать пахотный слой на достаточно большую глубину и в то же время успешно выполнять работу по заваливанию удобрений и по заделке семян.

Письменные источники XIV—XV вв. дают достаточный материал, чтобы говорить о повсеместном применении сохи в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, притом как основного орудия обработки земли.[148] Рядом с сохой, но с большим ограни-

(ГКЭ по Ярославлю), № 14752/4. — Глубокая борозда с валиком от взметанной плугом земли — «склад плужной» — применялась для обозначения межи между межевыми ямами (АФЗ I, № 119 (1522 г.), стр. 113). Об особенностях работы сохи см.: Ю. Ф. Новиков. О некоторых закономерностях развития техники обработки почвы в России. В сб.: Матер. по истории сельск. хоз. и крестьянства СССР, т. V, М., 1962, стр. 459—491 (см. особенно стр. 464—470). В статье приведены четкие рисунки сох с полицами и сохи-косули.

[145] Примечателен сошник-«женка» из собрания Ф. Теплоухова. См.: Ф. Теплоухов. Земледельческие орудия Пермской чуди, стр. 93 и табл. II, рис. 16.

[146] О сохах с полицами XIII—XV вв. см. выше, стр. 71; о них говорится в правой грамоте 1543 г. (Лих., стр. 196—197), а в Приходо-расходной книге 1573—1574 гг. Иосифо-Волоколамского монастыря указано на изготовление 35 сох с полицами (Архив Института русской литературы, ф. Р. IV, д. 3, л. 233; ЛОИИ, архив, ф. 102, кор. III, № 238).

[147] Указания на покупку сох-косуль и сох косульных в Приходо-расходной книге 1608—1609 гг. Спасо-Прилуцкого монастыря см.: ЛОИИ, архив, ф. 271, д. 45, лл. 40, 49 об., 64—65.

[148] Материалы, под словом «соха» — земледельческое орудие; см. также: АСЭИ I (во владениях Троице-Сергиева монастыря, т. е. в центральном районе Северо-Восточной Руси), №№ 8 (Московский уезд), 10, 18 (Переяславский уезд), 27 (Угличский уезд), 62 (Дмитровский уезд), 67 (Костромской уезд), 51, 73, 75, 78, 82, 84—87, 89, 102, 103 (Пошехонье), 111, 127, 140 (Владимирский уезд), 146 (Бежецкий уезд), 155, 164, 167, 168, (Гороховецкий уезд), 181, 185, 186 (Новоторжский уезд), 190, 203, 207, 210, 230, 233, 389, 392 (Старицкий уезд), 235, 238, 240, 255, 256 (Радонежский уезд), 267, 269—271, 273—276, 288, 293, 301, 302, 334, 335, 371, 375, 379, 380, 382—384, 387 (Ростовский уезд), 404, 406, 415, 426, 427, 430, 436—438, 441, 442, 447, 448, 449, 474 (Тверской уезд), 478, 481, 487, 488, 489 (Муромский уезд), 528 (Коломенский уезд), 546, 566, 615, 622, 625; АСЭИ II (во владе-

чением в отношении районов распространения и несравнимо реже, называется плуг.[149]

Разница между сохой и плугом хорошо подчеркивает и известная грамота Великого Новгорода о «черном боре» с Новоторжских волостей. И соха и плуг упомянуты в ней в качестве единиц обложения: «Плуг за две сохи».[150] Хозяйство с плугом расценивается как вдвое более мощное по сравнению с хозяйством, имеющим одну соху. Давая такую сравнительную оценку этим хозяйствам, власти имели в виду, конечно, не только высокую производительность плуга, но и бо́льшую

ниях Кирилло-Белозерского, Ферапонтова, Симонова и Спасо-Ефимьева монастырей), №№ 17, 34, 41, 50, 57, 75, 92, 114, 124, 146, 153а, 210, 214, 221, 225, 229, 233, 238, 244а, 255, 258, 282, 302—304, 324, 328—330, 340 (Ржевский уезд), 343, 346, 348, 352, 353, 377, 378—381, 398, 401, 420, 423, 423а, 451 (Суздальский уезд), 462, 483а, 492; АФЗ I, №№ 41, 59, 60, 73, 74, 82, 161, 164, 176, 195, 309; АФЗ II, №№ 2, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 16, 19, 24, 30—32; АСЭИ III, №№ 33, 40, 47 (Московский уезд), 36 (Коломенский уезд), 54 (Звенигородский уезд), 58а, 59а, 80 (Угличский уезд), 104 (Владимирский уезд), 121, 133, 134, 144, 151—153, 156, 160, 169, 189 (Кашинский уезд), 228, 230, 235 (Костромской уезд), 247, 251 (Галичский уезд), 463, 475 (Белозерский уезд), 468 (Бежецкий уезд); АФЗ I (Митрополичий дом), №№ 41, 59, 60, 73, 74, 79, 82, 161, 164, 176, 195, 309; АФЗ II (Иосифо-Волоколамский монастырь), №№ 2, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 16, 19, 24—30—32.

[149] АИ, № 29 (Мещерский уезд); ДАИ, № 14^{III} (Вологодский уезд); АЮ, 122 (Вологодский уезд); АЮБ I, №№ 51 (Галичский уезд), 52^{I} (Московский уезд), № 63^{II} (Суздальский уезд), 63^{V} (Курмышский уезд), 63^{VI} (Нижегородский уезд); АЮБ II, №№ 147^{IV} (Можайский уезд), № 149^{II} (Московский уезд), $156^{I, II}$ (Переяславский уезд), 156^{III} (Владимирский уезд), 156^{V} (Юрьевский уезд), 156^{IX} (Ярославский уезд); АСт., № 50 (Вологодский уезд); Мейчик, №№ VI^{2} (Владимирский уезд), VII^{2} (Костромской уезд), VIII^{2} (Переяславский уезд); Мух., №№ 260 (Ярославский уезд), 262 (Переяславский уезд), 290, 366 (Пошехонье), 297, 299 (Суздальский уезд); СГ, № 57 (Двинский уезд); Юшков, №№ 38, 43, 58 (Московский уезд); ОГКЭ III, № 160 (Дмитровский уезд); ОГКЭ IV, №№ 51 (Костромской уезд), 836, 841, 943 (Переяславский уезд); О. Шумаков. Угличские акты. Чтения, 1899, кн. 1, LI (Угличский уезд); ЖС, стр. 94 (Радонежский уезд); ЖСт., стр. 96 (Пермская земля); АСЭИ I, №№ 10, 18, 20, 60, 259, 269, 349, 370, 395, 406, 426, 430, 536, 565 (Переяславский уезд), 216, 299, 480, 526 (Угличский уезд), 78, 79, 134, 290, 300 (Московский уезд), 102, 103, 509 (Пошехонский уезд), 77, 410 (Радонежский уезд), 137, 138, 271, 287, 374, 569 (Костромской уезд), 273, 285 (Дмитровский уезд), 270, 371, 442 (Бежецкий верх), 216, 299, 480, 526 (Угличский уезд), 387, 444, 579, 616, 648 (Ростовский уезд), 441, 615 (Юрьевский уезд), 410 (Радонежский уезд), 547 (Муромский уезд), 448, 449 (Коломенский уезд), 484 (Владимирский уезд); АСЭИ II, №№ 257, 307, 330 (Вологодский уезд), 340 (Ржевский уезд), 354 (Переяславский уезд), 399 (Можайский уезд), 430, 431 (Галичский уезд), 434, 440, 441, 444, 462, 474, 483а (Суздальский уезд); АСЭИ III, №№ 47 (Московский уезд), 80, 465 (Угличский уезд), 103, 105 (Владимирский уезд), 131, 134, 135, 149, 151, 153, 188 (Кашинский уезд), 211, 219 (Ярославский уезд), 228, 230, 231, 234, 235 (Костромской уезд), 247, 251 (Галичский уезд), 265 (Вологодский уезд), 295 (Курмышский уезд), 490 (Нижегородский уезд); АФЗ I (Митрополичий дом), №№ 117, 130, 161, 164, 178, 195, 245, 246.

[150] ГВНП, № 21, стр. 39.

мощность хозяйства у обладателя плуга, чем у владельца сохи. Плуг был дорогостоящим орудием производства, доступным лишь для состоятельного земледельца, тогда как соха могла быть сделана руками самого земледельца и единственной ее частью, которую приходилось приобретать на стороне, были сошники.

В сохе работала одна лошадь, плуг требовал большой тяглой силы — нескольких лошадей или пары, а то и нескольких пар волов. При установлении размера тягла учитывалась степень мощности хозяйства. Недаром в грамоте дано пояснение: «А в соху два коня, а третье припряжь».[151] Здесь уместно напомнить толкование окладных единиц сохи и обжи, данное новгородскими властями Ивану III в 1477 г.: «3 обжи соха, а обжа один человек на одной лошади ореть, а хто на 3-х лошадех и сам третей орет, ино то соха».[152] Обычно крестьянское хозяйство облагалось в одну обжу: «один человек на одной лошади орет», — а если в хозяйстве пашут на трех лошадях и это делает хозяин сам третей, то такое хозяйство было бы обложено в соху. В НПК описаны десятки тысяч крестьянских хозяйств, и среди них не встретилось ни одного такого, которое было расценено в 3 обжи: средний оклад — одна обжа.[153]

Соху называют простой по устройству, в этом видят ее преимущество. Но следует заметить, что в сохе большинство ее частей и приспособлений таковы, что они могут быть очень различно использованы в работе; таково, например, крепление рассохи с рогалем, в выдолбленном отверстии которого клиньями закрепляли верхний конец рассохи; таковы и подвои, и способ упряжки — длинные гужи, чересседельник и т. д. Отсюда и необходимость большого умения в использовании сохи. Соха не имела подошвы. Ее точкой опоры служили концы сошников.

При желании и умении пахарь мог достигать многого. Следствием такой большой зависимости качеств сохи от работы пахаря и являлось большое расхождение в оценках сохи, особенно в XVIII—XIX вв. Вот что писал о сохе в 1850-х годах Г. Фирстов — специалист, хорошо изучивший земледельческие орудия:

---

[151] Там же.

[152] ПСРЛ XXV, стр. 319—320.

[153] В Новгородской земле, по дошедшим до нас писцовым книгам, на конец XV в. числилось: в Деревской пятине 20 603 двора, а обеж 18 623, — на одно хозяйство приходилось 1.11 обжи; в Вотской пятине 14 525 дворов, а обеж 15 590, — на одно хозяйство 0.93 обжи (А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения ее к Москве. Киев, 1915, стр. 102). В Шелонской пятине приходилось 1.07 обжи на двор (А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. I. Списки селений. СПб., 1913, стр. LXIV).

«Соха не может пахать постоянно на одинаковую глубину, потому что земля... давит на сошники и полицу в различных местах пашни различно, отчего соха то углубляется в землю, то выходит из нее, а так как соха не имеет полоза, то здесь все зависит от пахаря, от его навыка, опытности, силы и добросовестности... Так, если соха установлена для паханья глубокого (чересседельником), но пахарь желает избавиться от лишнего труда, не хочет пахать на данную глубину, то, нисколько не изменяя установки, он может производить мелкие борозды. Это обстоятельство весьма важно для помещиков, у которых работы производятся барщиною. Не мудрено поэтому, что барские поля всегда пашутся хуже, чем крестьянские».[154] В другом месте он пишет о качествах сохи: «Соха имеет самое простое устройство, не требует много хитрости, крестьянин устраивает и починивает соху сам в свободное время; соха отличается дешевизной, так как деревянные части крестьянин вырубает в лесу сам, а железные просты и не дороги. Соха приводится в движение одною лошадью: имеет упряжь тележную, простую, не требующую дополнительных расходов».[155]

Устойчивость плуга при пахоте облегчала труд земледельца. В совершенно ином положении был земледелец, работавший с сохой. Соху приходилось все время держать в руках; ею нужно было постоянно управлять, направлять ее так, чтобы обходить все препятствия — камни, крепкие корни, пни — и следить за тем, чтобы она не зарывалась глубоко. Где был тяжелый пласт, можно было облегчить тяжесть лошади, уменьшая глубину пахоты. При сноровистом пахаре и лошади было легко; только в этих условиях весной слабосильные лошади могли справляться с падавшей на них нагрузкой.

Нарисованной нами картиной работы сохи, постепенностью совершенствования ее определялась основная линия развития орудий обработки земли в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Этнографические материалы существенно дополняют эту картину единства важными особенностями. Они указывают, что орудия обработки земли в своих деталях были чрезвычайно разнообразны. Даже в одном уезде можо было наблюдать до десятка разнообразных сох, отличавшихся размером и формой сошников, их установкой и взаимодействием, формой полиц, способами их закрепления, конструкцией подвоев, стужней и других приспособлений, регулирующих постановку рассохи, и т. п. В этом различии находят отражение и местные условия — качество почвы (глина, песок, камни), характер местности. Следует всегда твердо помнить, что соху делал сам земледелец, он вносил изме-

[154] Г. Фирстов. Земледельческие орудия восточной полосы России. Казань, 1854, стр. 110—111.

[155] Там же, стр. 112—118.

нения в ее конструкцию, совершенствовал отдельные ее части, вносил дополнения и т. п. Самим земледельцем производилось и налаживание сох. Совершенствование пахотных орудий происходило одновременно со специализацией их; специализированные пахотные орудия применялись при разработке подсек в полевую пашню, при подъеме старой залежи и целины, при работе на огороде.[156]

При изучении орудий обработки земли мы все свое внимание сосредоточили на изучении рала, плуга, сохи — на пахотных орудиях. Между тем еще в Правде Русской — памятнике законодательства XI—XII вв. — в числе орудий обработки земли рядом с плугом названа борона.[157] При полевом пашенном земледелии борона дополняет плуг и соху. Бороны предназначались для поверхностной обработки почвы. Для древней Руси характерны исключительно деревянные бороны, поэтому, в отличие от плугов и сох, имевших железные части, остатков борон археологи почти не обнаружили.[158]

Основным источником при характеристике бороны является этнографический материал, причем извлекаемые из него сведения не вызывают разногласий. Борона служила для измельчения верхнего пахотного слоя, для разбивания больших глыб земли, получающихся при пахоте плотной почвы, для выравнивания поля и приготовления его к посеву, для упрятывания высеянных семян при практиковавшемся в древности разбросном ручном посеве. Бороньба способствовала удалению сорняков. Первые бороны изготовлялись из многочисленного в лесу подручного материала. Типом такой бороны являлась суковатка, делавшаяся из срубленного дерева, а также бороны «смыки», «вершалины» или «волокуши». Более распространенным типом борон были бороны со вставными зубьями; основа их сколачивалась из 5—6 продольных и поперечных деревянных брусков, скрепленных перпендикулярно друг другу, а в узлы связей вставлялись заостренные зубья длиной от 20 до 30 см в вертикальном положении с некоторым наклоном в сторону движения. Чаще такого типа были бороны-плетенки в 25, 36 и 49 зубьев, из тонких стволов кустарника, связанных, так же как и основа бороны, проч-

---

[156] В монастырских хозяйственных книгах имеются записи о том, что отрезы для огорода купили, отрезы ковали, чертцы вострили, наваривали, резцы делали, чертежи наваривали, у лемехов стрелу наваривали, понады и отрезы наваривали, купили лык на подвои, лык к сохам, купили сохи с полицами, сошники с полицами, омеши: ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, кн. 10 за 1592 г., лл. 109—110, и кн. 12, л. 111; ЛОИИ, архив, ф. 132, кн. 349; ф. 102, кор. III, № 238, кор. VIIIа, № 334, и кор. IX, №№ 31, 174, 195, 209.

[157] Правда Русская, стр. 428—429, ст. 57 (пространная редакция).

[158] С. Н. Орлов. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладоги, стр. 343—354 (рисунок зуба бороны — на стр. 345). — Рисунок древней бороны см. также: ОРГИМ, № 358, л. 99 об. (верх).

ными кустарниковыми ветками из вереса (можжевельника) или других пород; ими же в узлах-гнездах прочно закреплялись и зубья бороны.

В заключение отметим, что из двух основных орудий земледелия плуг в условиях лесной полосы имел очень ограниченное применение и потому первая роль принадлежала сохе, но, конечно, сохе двузубой. Гипотеза о первоначальной и длительной многозубости и трезубости сох не оправдана ни этнографическим, ни документальным письменным материалом, а вещевой археологический материал, истолковываемый в духе этой гипотезы, не объясняет появления этого дорогостоящего земледельческого орудия, приносящего так мало практической пользы: трезубая соха — черкающее, рыхлящее лишь поверхностный слой орудие — не могла обеспечить переход от подсеки к пашенному земледелию.

С появлением сохи (двузубой) ясно обозначился важный новый этап в развитии сельского хозяйства — переход от подсечного земледелия к полевому, пашенному. Совершенствование сохи — удлинение сошников, обособление правого и левого сошника и их взаимодействие, появление полицы, конструктивное совершенствование сохи до сохи-односторонки и сохи-косули — свидетельствует о постепенном техническом росте земледельческой базы, обеспечившем переход к паровой системе земледелия, применении удобрений, освоении и широком распространении паровой трехпольной системы земледелия.

СОСТОЯНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ К СЕРЕДИНЕ XIII в.

Совершенствование орудий обработки земли — одна из сторон общего процесса развития земледелия. Рассмотренные нами материалы о земледельческих орудиях древней Руси указывают на очень давнее появление пахотных орудий с железными наконечниками на рабочих частях. Применение рала, сохи и плуга в лесной полосе определило здесь начало перехода от огневого подсечного земледелия к земледелию пашенному. Рало, соха и плуг, врезываясь в почву ральниками, сошниками или лемехами, глубоко взрыхляли почву, а плуг и усовершенствованная соха переворачивали ее. Для питания растений создавался почвенный слой большой толщины; разрыхленная до комковой структуры почва являлась благоприятной средой для усвоения корневой системой растений питательных веществ, влаги и воздуха из всего почвенного слоя.

На юге и юго-западе Руси в степной и лесостепной полосе обработанная таким образом черноземная почва при теплом климате обеспечивала земледельцу надежный урожай. Когда старый уча-

сток истощался, земледелец степной полосы распахивал по соседству новый участок, оставляя на «отдых» старый. Так, в южной и юго-западной Руси находила успешное применение переложная система земледелия с полями, засевавшимися многие годы.

В корне отличной от этого была обстановка, в которой развивалось сельское хозяйство Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Здесь, в лесной полосе, покрытой дремучими, нередко заболоченными лесами, полевому пашенному земледелию предшествовало очень медленно отступавшее подсечное или лядинное огневое земледелие.

Пахотные орудия с железными ральниками или сошниками служили земледельцу достаточной материальной основой для успешного превращения лесных подсечных участков в полевую пашню. И мы можем считать, что с X—XI вв. (в районе Старой Ладоги немного раньше) почти на всем пространстве лесной полосы древней Руси происходила постепенная замена подсеки полевым пашенным земледелием. За два с половиной—три столетия, прошедшие со времени развертывания наступления на подсеку до середины XIII в., т. е. до момента, с которого мы начинаем изучение сельского хозяйства, естественно ожидать значительных успехов в распространении пашенного земледелия в лесной полосе Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.

Как неприемлемы неоправданные высказывания в дореволюционной историографии о низком уровне земледелия и о господстве подсеки в древней Руси вплоть до конца XV в., так же неуместно и преувеличение достигнутых в этой области успехов, если оно не оправдано документами или основано на неверном истолковании отдельных показаний источников. В условиях малоплодородных почв лесной полосы переход от подсеки к полевому пашенному земледелию был делом очень сложным. И когда это обстоятельство упускается из виду, то наблюдения над некоторыми успехами могут подтолкнуть к переоценке достигнутых результатов. Так, известия от 1127 и 1161 гг. в Новгородских летописях о посевах «озимицы» и «яри» в Новгородской земле [159] были оценены Б. Д. Грековым, а за ним и другими историками, как указание на большую вероятность широкой практики трехполья в эти годы в Новгородской земле. «Это говорит о пашенном устойчивом земледелии, весьма возможно о трехпольной системе уже в XI—XII вв.», — пишет он; а отвечая на возражения П. П. Смир-

[159] «Томь же лете (1127 г.) вода бяше велика в Волхове, а снег лежа до Яковля дни (30 апреля по ст. стилю, — *Г. К.*); а на осень уби мороз вьрьшь (урожай зернового хлеба, — *Г. К.*) всю и озимице» (ПНЛ, стр. 21); «Томь же лете (1161 г.) стоя все лето ведромь и пригоре все жито, а на осень уби всю ярь мороз» (ПНЛ, стр. 31). — Обе эти летописные записи хорошо известны с давних пор историкам, но никто до Б. Д. Грекова не делал на их основе столь широких выводов о состоянии земледелия в Новгородской земле.

нова,[160] Б. Д. Греков говорит: «Если новгородцы сеют озимое и яровое, то гораздо вероятнее предполагать наличие трехполья или двухполья, чем отрицать и то, и другое».[161] Есть достаточные основания считать, пишет дальше Б. Д. Греков, что к середине XII в. в ряде районов Новгородской земли уже было «пашенное устойчивое земледелие», что была прочно освоенная пахотная земля, что полевая пашня заменила подсеку.

Биологические особенности озимых хлебов по сравнению с яровыми были известны с глубокой древности. Их знали и на Руси и сеяли озимую рожь. В цитируемых Б. Д. Грековым записях Новгородской летописи под 1127 и 1167 гг. говорится вообще об озимице (под 1127 г.) и о яри (под 1161 г.), а не о хлебах на озимых и яровых полях. В действительности же нельзя говорить об освоении паровой системы трехпольного земледелия только на основе двух упоминаний о посеве озимых и яровых хлебов.

В практике трехполья чередование посева озимых и яровых хлебов занимает важное место, но не оно играет основную роль в поддержании плодородия полей на необходимом высоком уровне. Следует помнить, что посев озимых хлебов, равно как и посев яровых, был делом обычным и при подсечном земледелии. Об этом ясно говорят как документы XV, XVI и XVII вв., близкие к изучаемому нами времени,[162] так и материалы о подсеках XVIII—XIX вв.[163] Несомненно, что полевое пашенное земледелие постепенно совершенствовалось, осваивая, может быть, те же самые приемы, которые вели к паровой системе, к трехполью. Практика чередования посева озимых хлебов была одним из шагов по этому пути. При хозяйственной разобщенности земель-княжеств древней Руси и отдельных районов внутри этих княжеств естественно ожидать и большого различия в темпах освоения полевого пашенного земледелия и в применении паровой системы. Следует считать, что в отдельных ушедших вперед районах и в отдельных хозяйствах (крупных землевладельцев) применение пара

[160] П. П. Смирнов пишет, «что упоминание в ПНЛ „озимицы“ и „яри“ свидетельствует только о посевах на зиму с осени и весной, но ни о трехполье, ни о двухполье это не говорит» (ВИ, 1946, № 2—3, стр. 73).

[161] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1946, стр. 37.

[162] АСЭИ II, № 338 (судный список 1504 г. (события происходили раньше): ...жалоба ми... на них (на крестьян, — *Г. К.*): посекли у нас лес монастырской силно и р[о]жью посеяли»); ЛОИИ, архив, ф. 98, кор. V, д. 157, и кор. III, д. 209; ф. 3 (Александро-Свирского монастыря), кор. II, д. 24; ф. 112 (Тихвинского монастыря), оп. 2, л. 1 (Книги расходные казначея за 1590—1592 гг.), л. 38 об. («Дано найму от сорока овин от жатья от ржы, что на суки жали...»); РОГПБ, ф. IV, д. 13б, л. 612; Карелия в XVII в. Сб. докум., сост. Р. Б. Мюллер, Петрозаводск, 1948, №№ 67 (стр. 108), 85 (стр. 132), 95 (стр. 146).

[163] И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. I. СПб., 1771, стр. 239—240; Архангельский сборник, или материалы подробного описания Архангельской губернии, ч. I. Архангельск, 1863, стр. 110.

и трехполья осуществлялось раньше других и по времени могло намного опережать широкое массовое распространение таких передовых приемов земледелия.

То, что было высказано Б. Д. Грековым при истолковании летописных записей, причем в осторожной форме, было повторено в отношении Новгородской земли А. В. Кирьяновым. Вопрос о состоянии земледелия в Новгородской земле А. В. Кирьянов пытается решить на основе изучения найденных в Новгороде остатков зерновых хлебов и обнаруженных среди них остатков зерен сорняков. Внимательное, тщательное изучение открываемых археологических материалов принято за правило советскими археологами. Применение же совершенной современной аппаратуры и новых методов лабораторного изучения таких находок, как зерновой материал и остатки растительности, дает много ценного для изучения материальной культуры древней Руси. А. В. Кирьянов сосредоточил свое внимание на изучении найденного в Новгороде зернового материала и орудий обработки земли (о последнем мы уже говорили), поставив задачей на основе этих источников нарисовать картину развития земледелия в Новгородской земле в X—XV вв. Но слишком смело ожидать, чтобы впервые примененный новый метод сразу же обеспечил верное решение столь сложного вопроса.

Мысль, положенная А. В. Кирьяновым в основу решения вопроса о состоянии земледелия, о системе земледелия и агротехнике в Новгородской земле, остроумна и проста. Полевому пашенному земледелию, трехполью, свойственны определенные сорняки. И если подобные сорняки окажутся в открытых археологами зерновых находках X—XV вв., то таким путем, по мнению А. В. Кирьянова, может разрешиться и вопрос о системе земледелия в Новгородской земле. Дело, за решение которого взялся А. В. Кирьянов, было совершенно новым, надежной теоретической базы у него не было. Работы специалистов-агробиологов, на основе которых А. В. Кирьянов теоретически оправдывает подобное решение вопроса о системах земледелия прошлого, далеко не дают возможности для такого эксперимента. И потому было совершенно не обязательно, чтобы этот эксперимент дал именно тот надежный результат, на какой рассчитывал А. В. Кирьянов.

Вопросу борьбы с сорняками и изучению сорных растений советская сельскохозяйственная наука уделяет большое внимание. А. В. Кирьянов воспользовался более авторитетными работами о сорных растениях наших полей для того, чтобы из них взять материал о типичных сорняках трехполья.[164] Авторов этих работ, конечно, интересовали только сорные растения полей, и при том полей близкого нам времени. Для верного же решения поставленного А. В. Кирьяновым вопроса не менее важно иметь исчерпы-

[164] А. В. Кирьянов. История земледелия..., стр. 321—340.

вающие сведения и о сорняках на подсеках, на полянах и во всех тех местах, где высевались зерновые хлеба в изучаемой нами древней Руси.

А. В. Кирьянов считал излишним ставить подобные вопросы. Между тем различие в составе сорняков не столь уж резко. Нет большой преграды и между полем и подсекой, полевые сорняки легко и скоро попадают на подсеку, а тем более на полянки, на заполицы. Эти вопросы специально не изучались. Но у А. И. Мальцева [165] и С. А. Котта,[166] на работы которых опирается А. В. Кирьянов, есть все же некоторые попутные замечания о наблюдавшихся и исследованных ими сорняках вне полей; эти высказывания очень важны для нас, но они говорят не в пользу категорично высказанных мнений А. В. Кирьянова.

А. И. Мальцев указывает на наличие в лесной зоне многолетних, трудно искоренимых сорных растений.[167] И вслед за этим пишет: «Вопрос о засорителях вновь осваяемых земель, возникший лишь в самое последнее время... еще слабо разработан и требует более подробного исследования».[168] Вместе с тем он отмечает, что сорняки могли быть и были на подсеках; они легко появлялись там на второй-третий год эксплуатации подсек. Сорняки заносились и с посевным зерном, которое, как правило, необходимой очистке не подвергалось. А. И. Мальцев особо указывает, что главнейшими источниками засорения полей были межники, так как на них растут травы, отличающиеся чрезвычайным обилием семян.

С. А. Котт также говорит о том, что вновь осваиваемые целинные земли уже на второй-третий год сильно засоряются.[169] По мнению автора, одной из причин этого является скот; сорная растительность быстро появляется и на лесорубках и после пожаров.

А. В. Кирьянов старается представить дело так, будто бы возможны лишь два взаимно исключающихся (полярно противоположных) положения: одно — полевое паровое трехполье и при нем обилие сорняков; другое — подсека, на ней огонь убил все сорняки, и потому с подсек шло лишь чистое зерно. На деле уже на второй-третий год и на такие подсеки заносились сорняки: они могли попадать в посевном зерне, заноситься скотом, поступать с соседних участков. Не все подсеки разрабатывались в глухих, недоступных для скота лесах и были изолированы от полей и старых подсечных участков, на которых могли уже закрепиться сорняки. Старые подсеки, полянки, используемые под посев и покос,

[165] А. И. Мальцев. Сорная растительность СССР. Изд. 2. М.—Л., 1933.

[166] С. А. Котт. Биологические особенности сорных растений и борьба с засоренностью почвы. Сельхозгиз, М., 1947.

[167] А. И. Мальцев. Сорная растительность СССР, стр. 130.

[168] Там же.

[169] С. А. Котт. Биологические особенности сорных растений..., стр. 45 (диаграмма о засоренности посевными сорняками на 2-й и 3-й год после распашки целины).

были обычными соседями подсеки. Подсеки естественны в запольях, недалеко от деревень и поскотин. Подсек на целине, в глухом лесу, на «лесу стари», было мало. Большинство их было в местах, благоприятных для появления сорняков. В ответственном эксперименте А. В. Кирьянова внимательной обработке археологического материала должно было предшествовать верное решение вопроса об отборе и качестве материала, избранного для изучения. Конечно, возможности для такого выбора очень ограниченны. Но из этого еще не следует, что, изучая материал города, можно говорить о деревне, или на основании материала одного района делать выводы о другом, или по материалу одной деревни делать заключение о целом государстве.

Мы не сомневаемся в качестве обработки зернового материала; тщательность ее гарантирована как именем А. В. Кирьянова — исследователя-археолога, так и высоким уровнем ведущихся под его руководством лабораторных исследований. Но все же, по нашему мнению, для больших выводов, которые сделал А. В. Кирьянов о земледелии всей Новгородской земли, материал малочислен и случаен.

Каково действительное происхождение зернового материала, которым пользовался А. В. Кирьянов? Откуда этот зерновой материал? — Эти вопросы даже не ставились Кирьяновым. Весь он найден при раскопках в разных районах Новгорода. Но откуда и каким путем он попал туда? Почему возможно делать на его основе столь широкие выводы о состоянии земледелия? Это не показано.

Настораживает уже первое высказывание А. В. Кирьянова о земледелии в Новгородской земле. Оно касается IX—X вв. Автор исследовал зерна проса. Всего обнаружено 45 мелких кучек, в них только 3500 зерен (т. е. не больше 50 граммов, как указывает сам А. В. Кирьянов). Следовательно, это ничтожно малые (в 1—2 грамма) кучки зерен, и не в сосуде, а просто на земле. «Такой характер находок проса, — указывает А. В. Кирьянов, — связан, по-видимому, со случайными потерями его при переноске или переработке». В трех кучках найдены сорняки «окультуренных старопахотных почв» (так считает А. В. Кирьянов).[170] И на основе таких данных автор делает вывод о формировании основных элементов паровой системы земледелия в Новгородской земле.[171]

При изучении зерна XI—XII вв. (на сорняки) взяты находки его на Ярославовом Дворище и еще одна находка в Неревском конце.[172] Откуда оно привезено, как сюда попало? Почему из

---

[170] А. В. Кирьянов. История земледелия..., стр. 321—322. — Указаны еще три находки проса X в. в пл. 32, кв. 53 (стр. 324), а в общем перечне таких находок в этом пласте и квадрате совершенно не указано (стр. 322).

[171] Там же, стр. 324.

[172] Там же, стр. 326 и 333.

3295 тысяч зерен ржи исследовано только 45 250 штук? Может быть, автор изучил и другой материал, но не сказал о результатах? Чем обоснован такой прием выборки для анализа лишь небольшой доли зернового материала? Все возможные сомнения в оправданности применяемого метода А. В. Кирьянов оставляет в стороне; на основе ничтожно малого и неизвестно по какому признаку выделенного материала он делает ответственные, важные выводы. Он говорит о сложении паровой системы земледелия уже к XI—XII вв. и пишет: «... можно говорить, что паровая система земледелия — трехполье, двухполье и иные ее переходные формы — занимала ведущее положение в земледелии Новгородской земли в XI—XII вв.».[173]

Больше обнаружено зерна в слоях XIII—XIV вв. Так, ржи найдено по количеству зерен много, А. В. Кирьянов указывает большую цифру — около 23 500 тысяч зерен; ячменя до 2630 тысяч (пшеницы и овса — ничтожно мало).[174] Но по весу ржи всего лишь около 470 кг, т. е. четыре новгородских коробьи, а ячменя — полкоробьи; коробьями же обычно продавали в это время зерновой хлеб на новгородском рынке. На основе только одних этих цифр о количестве найденного зерна, конечно, нельзя делать выводов о переломе в земледелии, о распространении трехполья. А. В. Кирьянову в подтверждение такой мысли были бы кстати данные о сорняках. Из найденного здорового зерна ржи анализ на засоренность сорняками произведен в отношении двух находок (в одной 5100 зерен, в другой 5040 зерен). И если в первой сорняки были в заметном количестве, то вторая кучка зерен привела А. В. Кирьянова к конфузу: на 5040 зерен ржи оказалось лишь 15 зернышек сорняков, или три мелких зернышка на 1000 зерен ржи.[175]

Слабость позиции А. В. Кирьянова проистекает не только из того, что в данной рассматриваемой кучке (из 5040) зерен оказалось мало семян сорняков: А. В. Кирьянов упустил из виду еще и то, что среди другого новгородского зернового материала были также находки слабо засоренных злаков. Об этом свидетельствуют результаты раскопок в 1938 и 1939 гг. на Ярославовом Дворище. Зерна были найдены в раскопах № 7 (XIII в.) и № 9 (XIV в.). Обработка и изучение этого зернового материала были произведены И. И. Никишиным (с привлечением специалистов из Тимирязевской сельскохозяйственной академии). А. В. Арциховский в работе об этих археологических изысканиях приводит результаты исследования указанных материалов. В раскопе № 7 были обнаружены зерна ржи — 837 штук; среди них найдены зерна сорняков: три зерна гречишки развесистой, два зерна щирицы, одно зерно гречишки вьюнковой и одно — гречишки птичьей,

[173] Там же, стр. 333.
[174] Там же, стр. 335—337.
[175] Там же, стр. 338, табл. 7.

а всего — семь зернышек сорняков. В раскопе № 9 найдены зерна злаков: ржи — 8343, пшеницы — 887, овса — 360 штук; среди них найдены семена сорняков: пять зерен тысячеголова, три зерна пикульника, два зерна подмареника, одно зерно мари и одно — гречишки развесистой, т. е. на 9590 зерен злаков найдено только 12 зернышек сорняков.[176] Иными словами, материал здесь еще более неудачный для А. В. Кирьянова, чем в табл. 7. Почему обойден этот материал?

А. В. Кирьянову для оправдания высказанного им положения о широком распространении паровой системы земледелия в Новгородской земле пришлось придумывать объяснения — почему же нет сорняков? «Такая незначительная засоренность, — пишет он, — может свидетельствовать об очистке семян, которая производилась либо лопатой на ветру, либо при помощи сит и решет, что широко практиковалось в древней Руси». Это, несомненно, натяжка. Прежде всего, лопатами отсеять семена сорняков вообще невозможно. А. И. Мальцев пишет, что в древности едва ли применялись особые меры борьбы с сорняками.[177]

Действительно, очистка зерен от сорняков — дело очень трудное даже в наши дни, когда для этого используется целый набор зерноочистительных и сортировочных машин. Так следует ли говорить о такой очистке зерна в далекой древности?

Зерновой материал XIII—XIV вв. не подтвердил высказанных А. В. Кирьяновым положений. Мы вместе с А. В. Кирьяновым готовы признать большие успехи в развитии земледелия в XIII—XIV вв. и в Новгородской земле, и в Северо-Восточной Руси, но не можем считать надежными предложенный им метод изучения земледелия и изыскания необходимых для этого доказательств. Несколько ниже, в качестве бесспорного, ясного свидетельства о практике парового трехпольного земледелия в центральных районах Северо-Восточной Руси, мы приводим одну меновную грамоту начала XV в. и одну духовную конца XIV—начала XV в.,[178] в них описаны старые землевладельческие вотчины, с установившейся в них еще в XIV в. организацией хозяйства. В обоих документах прямо указывается на наличие в селах и деревнях озимых и яровых полей и полей под паром: ясно обрисовано трехполье. Но историки, пользующиеся этими документами, считают невозможным на их основе делать вывод о широ-

---

[176] А. В. Арциховский. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 171 и 161.

[177] А. В. Кирьянов. История земледелия..., стр. 338; А. И. Мальцев. Сорная растительность СССР, стр. 166—167.

[178] См. ниже, стр. 157—158; АСЭИ I, № 62 (1428—1432 гг.), № 11 (1392—1427 гг.). — Напомним свидетельство противоположного характера о новгородском боярском хозяйстве: в берестяной грамоте (№ 391), датируемой 20—30-ми годами XIV в., новгородский боярин Олфромей (Варфоломей!) пишет своим слугам: «Секите суко нмого [sic!], а рожи много» (это значит «секите суки» — т. е. готовьте подсеки для посева ржи).

ком распространении или о господстве трехполья в том княжестве, в каком находятся эти вотчины.

Вопросу об использовании сорняков, находимых в археологическом зерновом материале, при решении вопроса о существовавших в древности системах земледелия посвящены работы латвийского ученого-ботаника А. П. Расиньша.[179] Им было исследовано более 500 образцов семян и плодов из археологических раскопок в Латвийской ССР и около десятка образцов из Литовской ССР и Эстонской ССР, датируемых с начала нашей эры до XIII в. При обосновании методики изучения материала А. П. Расиньш указывает: «Характерная для типичного трехполья беспрерывная культура зерновых, поздний пар и упрощенная очистка посевного материала (простым бросанием лопатой, — *Г. К.*) обусловливают усиленную засоренность полей, а вместе с ней и накопление большого количества диаспор в почве, что в свою очередь является причиной засоренности посевного материала и дальнейшего круговорота диаспор (преимущественно семян и плодов, — *Г. К.*) сорняков».[180]

Выявив таким методом биологический спектр сорняков и коэффициенты засоренности посевного материала ржи при трехпольной системе земледелия, А. П. Расиньш анализирует собранный им археологический материал. Вместе с тем он анализирует и подвергает изучению также данные, полученные А. В. Кирьяновым при обработке археологических находок в Гродно и в Новгороде (1952 и 1954 г.).[181] А за этим А. П. Расиньш делает вывод, особенно интересный для историка земледелия: «Небольшой коэффициент засоренности археологического зернового материала ржи, очевидно, свидетельствует о небольшой полевой засоренности, что является следствием малой насыщенности почвы диаспорами сорняков. Последнее, в свою очередь, свидетельствует о кратковременности использования полей для посева зерновых, например, при луговой переложной системе земледелия».[182] И далее этот же вывод формулирует следующим образом: «Небольшое количество диаспор многолетних злаков или даже полное отсут-

---

[179] А. П. Расиньш. Сорняки археологического зернового материала как показатель системы земледелия в Латвии до XIII в. н. э. Докл. научной конфер. по защите растений (Вильнюс, 27—31 марта 1958 г.). Вильнюс, 1959, стр. 369—385. — В другой своей статье А. П. Расиньш раскрывает свою лабораторию и методику ботанического анализа археологических растительных остатков при изучении древней культурной и сорной флоры в Латвийской ССР. См.: А. П. Расиньш. Материалы к истории культурных и сорных растений на территории Латвийской ССР до XIII в. н. э. В сб.: Материалы к истории культурных и сорных растений на территории Латвийской ССР, т. II, Рига, 1959, стр. 124—141.

[180] А. П. Расиньш. Сорняки..., стр. 377—378.

[181] В отношении этих материалов автор делает замечание: «В публикации Кирьянова 1959 г. данные той же таблицы остались без изменения» (А. П. Расиньш. Сорняки..., стр. 378).

[182] Там же.

ствие их в образцах ископаемой ржи свидетельствует об отсутствии позднего пара. В таком случае естественным является вывод, что в Латвии (очевидно, и на соседних территориях) до XIII в. трехпольная система не была распространена. Вместо нее здесь, вероятно, наряду с огнево-подсечной и лесопереложной системами, была широко распространена луговая переложная пашенная система».[183] А окончательный вывод этой статьи А. Р. Расиньша гласит: «На основе наших исследований считаем, что в Латвии (а также на соседних территориях) нельзя доказать существования регулярной трехпольной системы земледелия до XIII в. н. э.».[184] Исследование А. П. Расиньша, агробиолога и ботаника по специальности, дало результаты, резко отличающиеся от высказанных А. В. Кирьяновым.

Работа А. П. Расиньша, хотя и выполнена в основном на материалах Латвии, не теряет значения для нас. Самым важным из нее выводом является не то, что трехполье до XIII в. не выросло еще в самостоятельную, окончательно оформленную систему земледелия (этот вывод не обязателен для русских земель), а то, что убедительно показана сложность и многообразие путей постепенного развития земледелия на этапе от начальных шагов пашенного земледелия к полевому паровому, а потом и к паровой трехпольной системе. Различие этих форм определялось и местными природными, и общими материальными условиями, что особенно естественно в период экономической замкнутости и политической разобщенности в XI—XV вв. В отношении Латвии XI—XII вв. А. П. Расиньш говорит о вероятности широкого распространения луговой переложной пашенной системы.[185]

Лабораторные исследования зернового материала археологических находок позволяют глубже понять основу земледельческого производства в прошлом. Об этом свидетельствуют только что разобранные нами работы А. В. Кирьянова и А. П. Расиньша, в особенности работы последнего. Но нет оснований рассчитывать на то, что изучение зернового материала позволяет решать любые связанные с земледелием вопросы, в том числе и главный вопрос при оценке состояния сельского хозяйства — вопрос о господствовавшей в стране системе земледелия. С этой стороны поучителен пример с весьма широкими, но не оправданными материалом выводами А. В. Кирьянова. Следует признать безусловную полезность его работы по внимательному изучению зернового материала и сорняков. Полученные им результаты позволяют говорить о практике озимых посевов и о возможном применении «пара» в XI—XII вв., но количественно материал ничтожен, произвольно отобран и не привязан к определенному месту, поэтому не дает права делать выводы о системе земледелия в Новгородской земле.

[183] Там же, стр. 379.
[184] Там же, стр. 383.
[185] Там же, стр. 379.

То же можно сказать и об истолковании Б. Д. Грековым летописных записей 1127 и 1161 гг. Можно считать вероятным применение озимых посевов на полях в отдельных хозяйствах, в отдельных районах, — но и только. Большой ошибкой А. В. Кирьянова является то, что он оставил в стороне свидетельства других источников.

А. В. Кирьянов не делает в своих выводах различия между ограниченным применением паровой системы земледелия и трехполья только в районах высокоразвитого сельского хозяйства или в передовых крупных хозяйствах и широким распространением трехполья. Всем своим выводам он придает общее значение. Подводя итог, уместно обратить внимание и на путь, по которому идет А. В. Кирьянов при обосновании своих выводов. С помощью зернового материала, неизвестно откуда попавшего в Новгород и в чьем хозяйстве находившегося, малочисленного и притом на выборку изученного, он отстаивает положение о широком распространении трехполья в Новгородской земле уже в XI—XII вв. Необходимо обратить внимание и на неувязку этого положения с его же истолкованием материалов о новгородских орудиях обработки земли. Кирьянов говорит о господстве в Новгородской земле суковатки, трезубых и многозубых сох, причем указывает, что это «черкающие» орудия, обрабатывающие лишь поверхностный слой почвы. Но разве с такими орудиями осуществима та глубокая пахота, которая необходима при паровой системе земледелия? Разве выполнимо заваливание навоза? Тезис о господстве многозубых сох несовместим с выводами о раннем трехполье в Новгородской земле. Работа А. В. Кирьянова внутренне противоречива.

Письменные источники сообщают факты, которые заставляют сомневаться в справедливости выводов о трехполье в Новгородской земле, которые делают А. В. Кирьянов, В. П. Левашева[186] и — в более осторожной форме — Б. Д. Греков. В летописных записях XII—XIII вв. нередки сообщения о покупке Новгородом хлеба в землях-княжествах Северо-Восточной Руси, о торговле Низа с Новгородом, о привозе хлеба из Переяславского княжества. Для XII—начала XIII вв. создается определенное впечатление, что еще в конце XII—начале XIII в. Новгород не мог (в силу именно невысокого уровня земледелия) обеспечивать себя собственным продовольствием из окрестных сельских районов. В летописи под 1141 г. записано: «Новгородци не стерпяче безо князя седити, ни жито к ним не идяще ни откуда же...».[187] Новгородцы, изгнав князя Святослава Ольговича (из семьи черниговских князей), раздумывают о приглашении нового князя из Переяславля. Мотив новгородцев: нет нужного князя — и

[186] В. П. Левашева присоединилась к выводам А. В. Кирьянова (Сельское хозяйство, стр. 104).

[187] Троицкая летопись, стр. 218.

«жито к ним не идяще ни откуда же». А это был обычный год, не год недорода хлеба или другой невзгоды.

В XI—XII вв. новгородцы считали естественным снабжение Новгорода привозным хлебом. Из летописных известий о дороговизне на продукты обращает на себя внимание летописная запись 1215—1216 гг. Князь тверской Ярослав Всеволодович, находясь в ссоре с новгородскими правителями, занял Торжок. «Тои же осени много зла ся створи: поби мраз обилье по волости, а на Търожку все чело бысть. И зая князь вьршь на Търожку, не пусти въ город ни воза...».[188] Нет оснований считать, что от мороза погиб абсолютно весь урожай, — погибла лишь его часть. В волости, т. е. в Новгородском округе, запасов хлеба не было, и сразу же возникла дороговизна и голод. «А [в] Новегороде зло бысть вельми: кадь ржи купляхуть по 10 гривен, а овса по 3 гривне, а репе воз по 2 гривьне; ядаху люди сосновую кору и лист липов и мох».[189] Окрестное население не могло обеспечивать Новгород хлебом.[190] Кроме собственного урожая, в Новгород через Торжок шел хлеб из Переяславского княжества, а подвоз хлеба из Торжка князь Ярослав Всеволодович закрыл. Великие князья в период ссоры с Новгородом часто прибегали к этой мере блокады.

Обращают на себя внимание и продукты, поступавшие в Новгород: на рынке, наряду с зерновыми хлебами, рожью и овсом, указана репа, причем цена ее высока («а репы воз по 2 гривне»). Значит, репою торговали на рынке — и, конечно, не только в голодные годы. Вероятно, также, что репа как продукт питания населения вообще тогда играла заметную, а может быть и большую роль, — следовательно, ее выращивалось много. Где выращивалась репа? Каково было место в той или иной системе земледелия тех репищ, на которых высевалась репа? В писцовой книге Вотской пятины написано: «Да тое ж боярщыны пустош Заревенье... половину тое пустоши пашут и косят христьяне из ... деревни из Керести Ивашко Селиванов с товарищи, а сеял на ней коробью ячмени, да урезал корью репы, да сена укосил десять копен».[191] Здесь не огород, не поле, а полянка, она равнозначна подсеке. Репища — не в общем полевом клине, а среди лесов,[192] там, где бывали подсеки. В этнографических материалах обычны указания на то, что репу сеяли на подсеках, где она дает большие урожаи; об этом особенно ясно рассказывают некоторые

[188] ПНЛ, стр. 54.

[189] Там же.

[190] Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 20—22; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке, ч. I. Уч. зап. ЛГПИ, т. 138, 1958, стр. 51—52.

[191] НПК III, стр. 32.

[192] АСЭИ I, №№ 258, 629; АСт., № 32; СГКЭ I, №№ 1, 5, 6, 10—12, 14, 19, 21, 24, 26; СГ, № 54; АФЗ I, № 47.

из поздних документов.[193] Конечно, в больших хозяйствах (владыки, дворцовых) нужная для собственного потребления репа могла разводиться и не на подсеках.[194]

В летописной записи 1215/16 г. о голоде и дороговизне в Великом Новгороде все наводит на мысль о существовании невдалеке от Новгорода подсек и подсечного земледелия в начале XIII в.

Возражая против смелых гипотез о паровой системе земледелия и трехполья еще в XI—XII вв., мы считаем несомненными заметные достижения в развитии земледелия в Новгородской земле. Сельское хозяйство было основой народного хозяйства как в Новгородской земле, так и в землях-княжествах Северо-Восточной Руси, а земледелие было ведущей его отраслью.

Политическое значение Великого Новгорода нельзя себе представить без высокого уровня его экономики. Жизнеспособность Новгорода, стойкость в борьбе с внешними врагами базировались на прочности экономической его основы, на сельском хозяйстве. Из записей новгородских летописей о нападении шведов и немцев-рыцарей в 1239—1241 гг. на Новгородскую землю вырисовывается картина многочисленности сельских поселений в западных ее районах. Враги глубоко продвинулись по рекам Луге (до Сабли) и Оредежи («Тесов взяша»), близко подошли к Новгороду.[195] А дальше читаем: «... и поимаша по Луге вси кони и скот, и нелзе бяше орати по селом и нечимь...».[196] Рассказывая о нанесенном врагами материальном ущербе, летописец ясно дает понять, что здесь хорошо развито пашенное земледелие и скотоводство. Материальное богатство сельских районов характеризует способность населения быстро восстанавливать потери и вновь оживать; и именно богатства этих сельских районов привлекали сюда врага.

В Северо-Восточной Руси еще в XII в. ряд областей выделялся сравнительно высоким уровнем полевого пашенного земледелия. К таким в первую очередь должно быть отнесено Владимиро-Суздальское ополье в бассейне реки Клязьмы, с его равнинной, сравнительно малолесистой местностью и плодородной почвой. В XII—XIII вв. Владимиро-Суздальское ополье было житницей Северо-Восточной Руси.[197] Самостоятельное важное

---

[193] Ив. Пушкарев. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении, т. I, кн. 3 (Олонецкая губерния). СПб., 1845, стр. 51—52 («Репа главнейшее растение, ее сеют исключительно на палах», — т. е. на подсеках). — Указания, что выжигают огнища и на них сеют репу, см. в документах: Описание свитков, хранящихся в Вологодском древлехранилище, вып. XI. Вологда, 1910, стр. 38, 212—213.

[194] НПК IV, стр. 12; НПК II, стр. 289.

[195] ПНЛ, стр. 78.

[196] Там же.

[197] С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 108; М. К. Любавский. Образование

значение, как районы полевого пашенного земледелия, имели и Юрьево Поле, Углече Поле. Сами названия этих городов указывают на безлесный, открытый характер местности, в которой расположены эти города. Это центры крупных районов, в которых успешно развивалось сельское хозяйство. Ростов и Суздаль — богатые древнерусские города Северо-Восточной Руси — и возникшие несколько позднее их города Владимир и Переяславль находились в центре таких же плодородных ополий.[198]

Появление и рост в XII и начале XIII в. новых городов — Москвы, Твери, Гороховца и Стародуба на реке Клязьме, Ржева, Звенигорода, Клина, Дмитрова, Костромы, Галича, Нижнего Новгорода и многих других — явилось результатом роста численности населения в районах их возникновения, а также экономического процветания этих районов.

Высказан ряд различных точек зрения о «владимирском черноземе».[199] Разногласия касаются причин его образования и самого существа перегноя тамошнего почвенного слоя. Но все участники дискуссии сходятся на том, что почва Владимирского ополья была весьма благоприятной для успешного развития земледелия.[200]

Дошедшие до нас источники особенно бедны сведениями о народном хозяйстве Рязанской земли. Ее политическая жизнь в период X — начала XIII в. богата войнами с внешними врагами и еще больше — междукняжескими феодальными войнами. Войны ее разоряли, но сила и стойкость ее оказывались исключительными. Рязанское великое княжество быстро восстанавливало силы и снова выступало в первом ряду среди других русских княжеств. Мощь и жизнеспособность его объяснялись несомненно прочной материальной базой, его сельским хозяйством. Мы знаем о распространении чернозема во многих районах Рязанской земли; отмечены находки частей плуга в Рязанской и в Мордовской земле. Летописные записи о походах русских князей на

основной государственной территории великорусской народности. Население и объединение центра. Л., 1928, стр. 8.

[198] «Древнейшие города Северо-Восточной Руси (автор имеет в виду Ростов, Суздаль, Переяславль-Залесский, Юрьев Польский, Углич, — *Г. К.*) возникли не на больших водных путях, а вдали от них, в плодородных опольях» (М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 37; см. также стр. 54—56, 59, 66, 68, 69).

[199] А. А. Иванов. Ботанические и почвенные исследования в Юрьевском и Суздальском уездах Владимирской губернии. В сб.: Матер. к исслед. фауны и флоры Росс. имп., отдел ботаники, вып. 3, 1897; Г. И. Танфильев. 1) О владимирском черноземе. Тр. ВЭО, 1896, № 1; 2) Еще раз о владимирском черноземе. Почвоведение, 1899, № 1, стр. 26—32. — Оценку А. А. Ивановым последней статьи Г. И. Танфильева см. там же (стр. 33—36).

[200] Л. Л. Кожин. Почвы центральной лесной области. В сб.: Почвы СССР, под ред. акад. Л. И. Прасолова. Европейская часть. Т. II. Почвы лесных областей, М.—Л., 1939, стр. 209—213.

мордву в конце XII—начале XIII в. указывают на многочисленные села в Мордовской земле и на обилие там зерновых хлебов.[201] Все это говорит об успешном развитии земледелия в Рязанской земле.

Ко времени нашествия татар Рязанская земля была одним из наиболее сильных княжеств на Руси.

В общей оценке сельского хозяйства мы имеем основания говорить о больших успехах, достигнутых к началу XIII в. в развитии полевого пашенного земледелия, о достижениях в освоении паровой, а может быть и трехпольной системы земледелия в ряде районов Северо-Восточной Руси и в Новгородской земле. Сельское хозяйство Руси, как и все народное хозяйство, в это время было в полосе расцвета, и полевое пашенное земледелие в отдельных больших районах вытесняло подсеку; совершенствуясь, оно принимало форму паровой системы земледелия, а в других областях и районах было на пути к этому.

НАШЕСТВИЕ МОНГОЛО-ТАТАР И РАЗОРЕНИЕ РУСИ В XIII в.

Тяжелой катастрофой и общенародным бедствием явилось нашествие татар и установление татарского ига на Руси. Нашествие монголо-татар разорило Русь, подорвало ее народное хозяйство. Большинство городов, находившихся по пути движения войск Батыя, было превращено в развалины, а многие из городов и крупных селений были стерты с лица земли. Сельские поселения разорялись и предавались огню. Богатые цветущие области оказались опустошенными. Население истреблялось или уводилось в плен. «Тогда же бе пополох зол по всеи земли, и сами не ведаху и где хто бежить»,[202] — так характеризует летописец-современник состояние страны в годы нашествия Батыя. Спасавшееся от татар население бежало со старых, насиженных мест в районы, защищенные от вторжения врагов массивами лесов и топкими болотами. Происходило массовое перемещение сельского населения из некогда густо населенных и экономически развитых районов в лесные районы, в места с редким населением. Враг был зол и жесток. Он прочно водворился в Русской земле и грозил уничтожением и истреблением всему, что прямо не сулило ему ощутимых выгод. Епископ Владимирский Серапион писал в 1270 г. в своем поучении: «Се уже к 40 лет[ем] приближаеть томление и мука, и дане тяжькыя на ны не престануть, глади, морове живот наших; и в сласть хлеба своего изъести не мо-

---

[201] ЛЛ, стр. 389—390 (1184 г.), стр. 448—449 (1226 г.), стр. 450—452 (1228 и 1229 гг.), стр. 459 (1238 г.); М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I. М., 1933, Приложения, стр. 241—244.

[202] ЛЛ, стр. 470; в подлиннике (в списке монаха Лаврентия) эта фраза написана киноварью.

жем».[203] А в другом месте: «Кровь и отець и братья нашея, аки вода многа землю напои... мьножаиша же братья и чада наша в плен ведени быша; села наша лядиною поростоша».[204]

Сельское хозяйство Северо-Восточной Руси, переживавшее период подъема в конце XII—начале XIII в., с приходом татар подверглось полному разорению. Непосредственно вторжения татар при Батыевом нашествии избегли лишь Новгородская земля (кроме ее западных районов) да северные окраины Ростово-Суздальской земли. Покоренное население Руси было обязано регулярно платить дань Золотой Орде (а князья — «выход хану»), выполнять ряд повинностей по обслуживанию войск и администрации Золотой Орды. Сбор дани в первые десятилетия господства Орды производили татарские чиновники. Они же по распоряжению хана исчисляли население и устанавливали размер дани. Это так называемые «переписи»; беззакония откупщиков, насилия, чинимые при этом татарскими чиновниками и войсками, приводили к вспышкам восстаний против чужеземных завоевателей и к новым разорениям.

На жизни народных масс и состоянии народного хозяйства также тяжело отзывалась междоусобная борьба князей за власть, особенно тогда, когда в эту борьбу включались и золотоордынские военачальники с их войсками. Подобной междоусобной борьбой, насилиями и разорением от татарских ратей была заполнена почти вся последняя четверть XIII в.[205] А в первой четверти XIV в. для Новгородской земли и для земель-княжеств Верхней Волги такой же тяжелой бедой была борьба между тверским и московским великими князьями.

Нашествие монголо-татар и установление татарского ига усложнило обстановку трудовой деятельности земледельцев, однако эта деятельность не прекращалась и в годы борьбы; разрушенное, разоренное хозяйство постепенно восстанавливалось. Летописи рассказывают о борющихся за власть князьях разных земель-княжеств; надо понимать, что материальные средства для содержания войска и ведения войн эти князья получали с трудового населения, от хозяйств, сделавшихся достаточно экономически крепкими, чтобы содержать сильную власть и большое войско князей.

В. Н. Татищев в «Истории Российской», излагая в стиле летописных записей события 1275 г., пишет: «Великий князь Василий (князь Василий Ярославич Костромской, — *Г. К.*) поиде во Орду к хану. Егда прииде князь великий в Орду, и принесе дань

---

[203] Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888, Приложения, стр. 5 (II. Поучение Серапиона).

[204] Там же, стр. 8 (III. Слово Серапиона).

[205] Н. В. Каргалов. Монголо-татарские вторжения и перемещения населения Северо-Восточной Руси во второй половине XIII века. Научные доклады высшей школы, Истор. науки, 1961, № 4, стр. 137—141.

урочную со всея земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша по два мужи работники, и дары многи и выход особ, и хан прият его с честью, рече: „Ясак мал есть, а люди многи в земле твоей, почто еси не от всех даеши?“ и хан повеле послати новы численики во всю землю Русскую».[206] Показателен факт признания земледелия русскими и золотоордынскими властями за основу народного хозяйства, а сохи за основное земледельческое орудие. Как мы уже отмечали на основе археологических материалов, соха к концу XIII в. конструктивно улучшилась, сошники стали длиннее и каждый из двух обособился по форме. Наблюдающееся оздоровление народного хозяйства и его рост определялись успешным развитием земледелия.

ИСТОЧНИКИ О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII, XIV И НАЧАЛА XV в.

Трудности разработки истории народного хозяйства, обусловленные малочисленностью источников, особенно сказываются при изучении периода, следующего за нашествием татар. Гибель материальных ценностей сопровождалась истреблением ценностей культурных — памятников письменности, наших основных источников. К тому же на состоянии письменных источников XIV—начала XV в. в полной мере сказалось и то преднамеренное уничтожение документов своих политических противников, которое совершалось во время феодальных войн. Создалось положение катастрофического «провала» источников по истории сельского хозяйства с 1240-х годов до начала XV в. Лишь нить летописных повествований о событиях политической жизни земель-княжеств древней Руси дает понятие о темпе и об уровне народнохозяйственной жизни Руси в это время. Следя по летописным известиям за борьбой между князьями и за вспышками национальной борьбы против завоевателей, мы по косвенным их показаниям убеждаемся, что народное хозяйство постепенно выправлялось, набирало силы и совершенствовалось. Из летописей мы узнаем о ряде экономически сильных русских земель-княжеств — о великих княжествах Московском, Тверском, Рязанском, Суздальско-Нижегородском и других, об экономически и политически сильной Новгородской земле, а с XIV в. — и о земле Псковской. Основой их материальной силы было земледелие. События 70—80-х годов XIV в., когда Русь под водительством московского великого князя Дмитрия Ивановича Донского вступила в открытый бой с Золотой Ордой, ярко показали материальную силу русских земель-княжеств, большие возможности их народного хозяйства. Все же это лишь повествования, — они производят сильное впе-

[206] История российская с самых древнейших времен, собранная и описанная В. Н. Татищевым, кн. 4-я, стр. 47; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда. М.—Л., 1950, стр. 222.

чатление на читателя, но в них нет конкретных данных о хозяйстве, ясных сведений о состоянии земледельческого производства.

Немногочисленные письменные источники XII—XIV вв. становятся содержательными в отношении материалов о народном хозяйстве лишь с конца XIV в., т. е. лишь с того времени, от которого дошел до нас актовый материал. Свою долю важных сведений о характере земледелия внесла археология, давшая ценные материалы для изучения пахотных орудий XIII—XV вв. Мы уже сообщали, что в разных районах Северо-Восточной Руси в слоях этого времени встретились полицы у сох, что размеры и формы сошников этого времени указывают на более глубокую пахоту сох, а постепенно совершенствующиеся полицы (от деревянных к железным, от перекладных к прочно закрепленным) говорят о переворачивании сохой вспахиваемого пласта на одну сторону, — а значит, и об успешном выполнении пахарем задачи по заваливанию (упрятыванию) навоза. В данном случае перед нами надежные свидетельства о том, что основная линия развития земледелия шла по ясно наметившемуся направлению — полного отказа от подсеки, повсеместного применения полевого пашенного земледелия, а в дальнейшем и освоения паровой системы и внесения навоза как удобрения. Последовавшее за Батыевым погромом восстановление старых хозяйств и строительство новых велось с применением привычных форм полевого пашенного земледелия. Прямым и обязательным условием последнего, как мы знаем, являлось то, что каждое земледельческое хозяйство непременно обеспечивалось достаточно большим участком хорошо разработанной земли, — полем, прочно освоенным под посев зерновых хлебов.

Напомним, что земледелец называет «полем», в отличие от других земельных угодий, лишь тот земельный участок, который регулярно (ежегодно) обрабатывается пахотным орудием для посева и выращивания на нем тех или иных хозяйственных растений — зерновых хлебов, овощей, технических культур и т. п. Этим уточняется понятие полевого пашенного земледелия и проводится резкое различие между полем и подсечным лесным участком, лишь временно используемым под посев зерновых хлебов.

Естественно было бы найти в источниках прямые указания на эти «поля». Но, чтобы в этой части правильно оценить показания дошедших до нас источников, необходимо учесть два обстоятельства. Первое — терминологического порядка: слово «поле» получило интересующий нас смысл сравнительно поздно, а до этого оно постоянно встречалось в древних памятниках, то в значении степи или просто открытого, безлесного места,[207] а то и вообще

[207] ЛЛ, стр. 28—30, 67, 224, 278, 350, 387, 389, 506; ЛИп., стр. 16, 101, 147, 156 и др.: ЛН I, стр. 9, 292, 315, 368, 427; ЛН IV, стр. 19, 47, 64, 102, 106; см. также и в других летописях. Такие равнинные безлесные места, или «поля», получали и собственные наименования — Юрьево поле, Углече

свободного пространства — площадей в городах или равнинных мест, на которых разыгрывались крупные сражения.[208] Второе: характер документов, являющихся нашими источниками, таков, что прямых высказываний по вопросам земледельческого производства они обычно не содержат, и потому не удивительно, если указаний на поля в интересующем нас смысле встречается мало, причем в большем числе они могут оказаться в документах таких районов, в которых полевое пашенное земледелие развивалось позднее и не было условий для его раннего и широкого распространения. Именно с такой особенностью мы и встречаемся при сравнительном ознакомлении с двумя основными комплексами дошедших до нас более ранних частных актов (конца XIV—XV вв.): в одном случае — с актами Севера Новгородской земли, в другом — с актами Северо-Восточной Руси. Новгородских актов около 200,[209] а частных актов Северо-Восточной Руси свыше 1500.[210] Массовое освоение земель Севера Новгородской земли (в частности, Обонежья и Поморья) и начатки здесь земледелия в основе своей относятся к XIV в., даже к концу его, и история земледелия, в сравнении с хозяйством Северо-Восточной Руси, не богата событиями. Вместе с тем в актах Севера Новгородской земли о земледелии сказано больше и конкретнее, чем в актах Северо-Восточной Руси, и несравненно больше рассказывается о полях. Таково большое различие между этими актами как источниками по истории сельского хозяйства.

Сельское хозяйство Севера Новгородской земли к концу XIV в. и в последующие годы, несмотря на неблагоприятные природные и климатические условия, достигло заметных успехов в освоении земледелия. Но здесь же, на Севере, особенно в Поморье и в северных районах Обонежья,[211] было еще много сел с населением, занятым охотой и рыболовством. Акты указывают в них лишь

поле, Мелехово поле; см.: ЛЛ, стр. 320, 381, 456, 472, 526, 527; ЛАвр., стр. 99; ПСРЛ XXV, стр. 45, 87, 157, 158, 186, 266; ДДГ, стр. 34, 44, 48, 49 и др.

[208] ЛАвр., стр. 120, 130, 176, 177, 212, 214, 219. — Такие места в населенных пунктах получали собственные наименования — Кучково поле (ЛНик. III, стр. 45, 156; ПСРЛ XXV, стр. 210, 211), Волотово поле (ПСРЛ XXV, стр. 318), Митково поле; весьма вероятно, что таким было и распаханное («орамица») Ушково поле, указанное в грамоте князя Изяслава Мстиславича (ГВНП, № 85), таковы поля и Правды Русской (ст. 42 и 58 пространной редакции); часто поля являлись местами сражений: ЛИп., 101, 254, 255; ЛН IV, стр. 47, 109, 115, 214, 256, 273, 343, 345; получили памятные наименования Куликово поле (ЛНик. III, стр. 57, 58, 60), Лятское поле (ЛНик. I, стр. 76; ПСРЛ XXV, стр. 373), Мекужицкое поле (ЛАвр., стр. 75; ПСРЛ XXV, стр. 174), Жабче поле, Рожне поле и др.

[209] ГВНП, №№ 123—329. — Севером мы условно именуем обширную северную и северо-восточную область Новгородской земли за пределами Новгородских пятин, от их границ до побережья Ледовитого океана и Белого моря и до Печорского края.

[210] АСЭИ I, АСЭИ II, АСЭИ III, АФЗ I.

[211] ГВНП, №№ 283—330.

охотничьи и рыбные угодья: путики, перевесья, ловища, тони.[212] И в то же время ярко выражено стремление освоить земледелие, надежно обеспечить себя зерновыми хлебами. В документах севера с большими подробностями рассказывается о земельных пахотных угодьях. Земля, возделываемая для посева зерновых хлебов, называется в актах «страдомой (т. е. разрабатываемой, — *Г. К.*) землей», «орамой землей», «орамицей».[213] «Орамая земля» — широкое понятие, оно включает и земли, разрабатываемые методом подсеки, среди них и участки, уже закрепленные под посев хлебов, равно как «страдомый лес» — это лес, эксплуатирующийся под подсеки. Особенно подробно акты перечисляют поля.[214] Однако наряду с полями, — по-видимому, сравнительно более крупными участками пахотной земли, — в актах сообщается о «лоскутах»,[215] о «полосках»,[216] о «гонах»[217] «орамици». Так раскрываются и размеры этой «орамой» пашенной земли. В описании земельного владения, проданного одним земледельцем Чухченемскому монастырю, написано: «В опцем поли полоса земли середняя подли Гаврилову землю и болота половина; в опцом поли у гумнищи участок его и у Круглици четверть... на носу полоску земли у стенного огорода подли Мундорову землю..., половина логу конец Хлюпина озерка у Фомини наволоки гоны з зазуброю..., другой лоскут под ывою гоны земли, третеи лоскут Кутец и притереб...».[218]

Полосы, гоны и лоскуты земли — это разные по форме и взаимному расположению участки в общей меже деревенской или сельской земли. Растянутые в длину узкие полосы земли разных хозяев располагались рядом друг с другом. По склонам холмов, в соответствии со складками местности, тянулись распахиваемые

---

[212] Там же.

[213] Там же, №№ 278, 291, 298, 305 («Страдомые земли»), 111 и 280 («страдные земли», «орамые земли» и «орамицы»), 126, 133, 134, 141, 143, 149—151, 153, 155—157, 160, 162—165, 167, 170, 172, 175—177, 182, 183, 187, 188, 195, 197, 199, 201, 202, 205, 210, 213—216, 220, 225, 226, 233, 239, 241, 248, 253, 264, 269, 273.

[214] Там же, №№ 153—155, 158, 160, 165—167, 170, 174, 175, 190, 216, 241, 271 («поле»), 154, 175, 234 («польце»).

[215] Там же, №№ 158, 166, 169, 170, 175, 178, 228, 229, 231, 232, 238, 240, 243, 257.

[216] Там же, №№ 158, 160, 161, 165—168, 170, 171, 174, 176 («полоска»), 176, 180, 182, 260 («участок»).

[217] Там же, №№ 153, 160, 165, 172, 176, 216.

[218] Там же, № 165, стр. 208—209. — В актах Чухченемского монастыря (1440—1460-х годов) упоминания полей — обычное явление. Так, в № 153 упомянуты три поля, репище, «гоны орамой земли»; в № 154 — поле и репище; в № 155 — поля (три), заполки, репище, «орамая земля», овсище; в № 157 — поле, «два репища орамици»; в № 158 — «в опцем поли... полоса... перед овином лоскут... на Плоском лоскут... веретейка орамая... за Глубоким врагом лоскут земли на 4 пузы»; в № 160 — то же самое и еще гоны земли, репище; в № 190 поименованы по владельцам четыре поля; в № 216 указано семь полей.

по водостоку «гоны земли», их длина не превышала то расстояние, какое могла без отдыха тянуть соху лошадь; а ширина соответствовала общей ширине склона. Гоны земли, таким образом, являлись и некоторой бытовой единицей измерения (а вернее — единицей исчисления) пахотных полей. Лоскуты — небольшие, отдельно расположенные участки пахотной земли. Они могли находиться на отлете, вне общего клина распахиваемой земли. Обращает внимание малый размер пашенных участков, лоскутность и разбросанность полевой пашни. Процитированный документ — далеко не самый яркий, а лишь типичный пример этой лоскутности и разбросанности полевой земли земледельцев Севера.

Лоскутность и распыленность пахотных участков отражала трудный путь разработки пашенной земли, отмечала отдельные его этапы. Зачастую природные условия края оказывались такими, что расчищаемый из-под леса участок будущей полевой пашенной земли образовывался лишь постепенно, путем разработки и освоения под постоянную пахоту отдельных «лоскутов», полосок, маленьких полей («польце» — часто встречающееся пахотное угодье). Малоплодородная подзолистая почва, обилие камней (и притом камней крупных), болота-торфяники затрудняли налаживание здесь правильного земледелия. Направление же развития земледелия указанными документами раскрыто ясно: подсеки вытеснены полями, часто очень малыми по размеру, но такими пахотными участками, которые регулярно обрабатывались, чтобы постоянно заниматься под посев хлебов. Указания на страдомые леса, на урочища-репища,[219] на видимо недавнюю «роспашь топорную земли»,[220] на «чертежище»,[221] на «мшарину», «где Евша (крестьянин-земледелец, — *Г. К.*) рожь сеивал»,[222] говорят о том, что подсечное земледелие здесь сохранилось еще прочно в изучаемое нами время.

В отличие от актов Севера Новгородской земли, дошедшие до нас документы Северо-Восточной Руси XIV—начала XV в. бедны прямыми свидетельствами о земледелии, о сельскохозяйственном производстве. При сопоставлении тех немногих актов Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., в которых удается найти прямые указания на поля, с материалами о полях в актах Севера Новгородской земли обнаруживаются важные различия между этими документами. Те и другие едины по своему характеру, как акты, оформляющие совершенно сходные сделки о земле, но резко различна в них характеристика объектов этих сделок — купли-продажи, мены, завещания. Особенно различно рассказывается о пахотной земле, о сенокосных угодьях, о выгонах для скота,

---

[219] Там же, №№ 157, 160, 278, 287 (см. нашу сноску 218).
[220] Там же, № 260.
[221] Там же, № 249.
[222] Там же, № 252.

т. е. именно о том, что является предметом сделки, а для нас — предметом изучения.

В то время как в северных актах с большими подробностями дается характеристика пахотных угодий продаваемых сел, из актов Северо-Восточной Руси, оформляющих совершенно аналогичные сделки на такое же недвижимое земельное владение (а чаще — на гораздо большее и по размеру, и по материальной ценности), мы узнаем только название объекта сделки — продаваемой деревни или села, — да читаем общую формулу «и куда соха, топор и коса из этого села или деревни ходили». Этой глухой формулой определяли состав угодий и границу земли, принадлежащей проданному или промененному селению: «... купил (треть села, — *Г. К.*)... у Олександра... сына Рохманова, куды ходила соха и топор и коса, да что х тому потягло издавна...»; «Купил есми (Патрекей Строев, — *Г. К.*) у Парфения у Иванова сына у Сваткова село Игнатьевское... и што к нему потягло, куды топор и плуг и соха, и коса ходила Игнатьева».[223]

Люди Севера подробно перечисляли разработанные земельные пахотные угодья продаваемых сел: в каждый обработанный лоскут земли был вложен большой их труд, и потому они не забыли указать на эти «лоскуты», полосы, поля и маленькие «польцы». Но купчие, меновые, духовные завещания — не занимательные рассказы, а деловые акты, поэтому землевладельцы Северо-Восточной Руси считали, что достаточно лишь ясно поименовать продаваемые села, деревни и пустоши: они дальше, чем участники сделок Севера Новгородской земли, стояли от разработки пахотных угодий, поэтому и были немногословны в характеристике этих предметов купли-продажи.

Уровень же земледелия в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв., по всем данным, был несравнимо выше, чем на Севере Новгородской земли. Поля в деревнях и селах Северо-Восточной Руси, конечно, были старше, больше по размеру и лучше по агротехнической обработке. И все же о полях, об основном земельном угодье каждой деревни, в актах XIV—XV вв. Северо-Восточной Руси прямо почти ничего не говорится. Указания на поля встречаются лишь по случайному поводу, причем уже не в актах о поземельных сделках, а в документах иных — в судных грамотах или списках, в правых грамотах, в межевых и отводных грамотах. Так, в одной из подобных разъезжих докладных грамот

---

[223] См.: Материалы, под словами «Куда топор и коса ходила». — В актах Троице-Сергиева монастыря XIV—XV вв. отмечено свыше 150 случаев применения этой формулы (АСЭИ I, стр. 747), не меньше и в других монастырях Севера (АСЭИ II, стр. 680; АСЭИ III, стр. 637). В то же время в актах Севера (ГВНП, №№ 123—329) имеется лишь один такой случай (ГВНП, № 263), причем это акт Гледенского монастыря, т. е. района Великого Устюга. См. также: АСЭИ I, №№ 8 и 10 (более ранние акты — 1392—1427 гг.).

имеются указания на четыре поля, принадлежавшие разным лицам. Ясно вырисовывается картина трудовой жизни ряда смежных землевладельческих селений в одном из уголков Верейского уезда в середине XV в. Указания на деревни, расположенные в близком соседстве с отводимой межой, связаны с показом земельных угодий селений; среди них поля, ржище (т. е. поле, на котором только что росла и теперь сжата рожь), заполицы, поляны, две пустоши, селище (т. е. места существовавшей деревни и села).[224] Эта картина типична не только для Верейского уезда, но и для других уездов Московского великого княжества в первой половине XV в., такой же осталась она и для конца XV в.

Любопытный случай прямого указания на естественное и обязательное наличие полей у земледельцев содержится в документе конца 20-х—начала 30-х годов XV в., относящемся к Нижегородскому уезду. Это жалованная тарханно-несудимая грамота нижегородского великого князя Даниила Борисовича Нижегородскому Благовещенскому монастырю. Ею устанавливался ряд судебных привилегий архимандриту монастыря, а также ограничивались и по-новому регламентировались права и действия судей на территории монастырской вотчины. Предусмотрена знакомая нам еще по Правде Русской процедура «гонения следа»: «А у кого учинится какова гибель, и хто пригонит какой след на монастырские земли на Мигино... х кому на чью землю, и государь тое земли, обрез у него возмет да следом ведет, а не сведет следу со своее земли, и гибелщик (т. е. потерпевший, — *Г. К.*) у него обыщет двор и поля».[225] В документе приведена картина сельского поселения, в которое привел след: в нем дворы земледельцев, к двору каждого живущего здесь земледельца обязательно примыкают поля, поэтому и обыск не ограничивается двором, а будет вестись и на полях земледельца, где могут быть и хозяйственные постройки последнего (овин и гумно, мякинница, ямы для хранения овощей и т. д.).

И тот и другой примеры показывают, что в Северо-Восточной Руси старые, регулярно обрабатываемые поля — явление совершенно обычное. Таких свидетельств немного, но они есть; число их умножилось бы, если бы судные дела, межевые, деловые грамоты и другие им подобные документы сохранились лучше. Купчие, меновные и другие частные акты из фондов учреждений Северо-Восточной Руси хотя и уступают актам Севера Новгородской земли в части сведений о распаханной земле, но и они по-своему конкретны и содержательны. Не бессмысленна и часто встречающаяся в них формула «куда топор, соха и коса ходили», определяющая границы земель и угодий сел и деревень, являв-

---

[224] Докладная разъездная грамота Илеменской земле (АСЭИ I, № 257 (1455—1456 гг.), стр. 185—186).

[225] АФЗ I, № 233 (конец 1420-х—начало 1430-х годов), стр. 204—205.

шихся предметом поземельных сделок. «Куда топор ходил» — это лес, места разделывавшихся подсек и все лесные угодья; «куда коса ходила» — сенокосные угодья; «куда соха и плуг ходили» — пахотные угодья. В основе же этой формулы заложена глубокая мысль: каждому селению принадлежит то, что освоено трудом земледельцев — строителей данного селения.

Акты Северо-Восточной Руси уступают в количестве и конкретности сведений о пахотных угодьях. Землевладельцы, составлявшие акты, конечно, не имели и в мыслях того, чтобы рассказывать, как было организовано и как велось их хозяйство. Но все же, описывая то, что нужно было для них, они непреднамеренно, не ставя себе особой задачи, отображали важные явления хозяйственной трудовой народной жизни древности.

В актах Северо-Восточной Руси такое важное познавательное значение имеют сведения о новых поселениях, названных в этих актах «деревнями». Характерно, что из недвижимостей, из земельных владений, являющихся предметом купли-продажи, в актах первое место занимают деревни и пустоши с теми угодьями, «что к ним потягло» — «куда (из них) топор ходил, коса и соха ходили». Уже первое чтение документов убеждает, что деревни — это селения земледельцев-тружеников, новый вид поселения, которого раньше, до XIV в., мы не знали, а «пустоши» — это запустевшие по разным причинам деревни.

И сведения о «полях», и вообще все данные о полевом пашенном земледелии в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. следует прежде всего искать в актовых материалах о деревнях. Составители актов в Северо-Восточной Руси, в отличие от составителей северных актов, не перечисляют «полей», «полос» обрабатываемой, «орамой» земли, потому что уже при указании на то, что продана деревня, само собой подразумевалось, что в этой деревне есть и поля, а в указании, что продана пустошь, подразумевалось, что проданы и все угодья, которые были в некогда существовавшей, а теперь опустевшей (и ставшей пустошью) деревне. Появление деревень, их строительство и широкое распространение, засвидетельствованное актовым материалом Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., — важнейшая страница в истории сельского строительства; в ней все тесно связано с развитием полевого земледелия и раскрывает историю сельскохозяйственного производства.

После победы Руси на Куликовом поле монголо-татарам вновь удалось привести в повиновение Русскую землю. Летописи рассказывают о походе в 1382 г. нового золотоордынского хана Тохтамыша с огромными силами на Русь, о взятии им Москвы и о новом сильном разорении Русской земли. А под 1384 г. говорится о дани, наложенной Тохтамышем на Русскую землю. В Троицкой летописи в записи этого года («в лето 6892») сооб-

щается: «Тое же весны бысть великая дань тяжелая по всему княженью великому, всякому без отдатка, со всякие деревни по полтине. Тогда же и златом давали в Орду, а Новъгород Великии дал черныи бор».[226] Троицкая харатейная летопись — это подлинник составленного в Москве летописного свода 1408 г. Автор этой записи — современник, а может быть очевидец и участник событий 1382—1384 гг. Составленная вскоре после событий этих грозных и памятных лет данная запись живо и достоверно отображает обстановку, создавшуюся во время нашествия Тохтамыша и в последующие годы — годы обложения и выплаты тяжелой дани.

Для изучающего народное хозяйство особый, большой смысл имеет указание в этой записи на деревню как на единицу обложения, как на основную производственную единицу того времени. Основой народного хозяйства тогда являлось земледельческое крестьянское хозяйство, и деревня показана здесь — оценена и правительством Тохтамыша, и лицами, ведавшими сбором даней в Московском (общерусском) великом княжестве, — как одна из тех хозяйственных единиц, из совокупности которых складывалась материальная основа сельского и общего народного хозяйства Руси. Деревня в это время была уже широко распространенным сельским поселением, типичным для Московского великого княжества, для всей еще подвластной татарам Северо-Восточной Руси. У деревни, конечно, уже было свое содержательное прошлое: оно отражало ту неизбежную перестройку крестьянских земледельческих хозяйств, какая происходила в них при переходе от подсеки к полевой паровой системе земледелия. Совокупность этих деревень, т. е. всех сельских поселений с их жителями, с массой земледельцев — их строителей, — была силой, которая материально обеспечила победу на Куликовом поле; а после Тохтамышева разорения эта масса сельских производителей-крестьян должна была уплатить по полтине с каждой деревни, чтобы обеспечить выполнение тяжелых требований, предъявленных татарами-победителями. Современный приведенной выше записи из Троицкой летописи актовый материал 1390-х годов и начала XV в., имеющийся уже в большем количестве, подтверждает широкую распространенность, массовость деревень как сельского поселения Северо-Восточной Руси. Указания на скрытый в этих сведениях о деревнях и пустошах материал о сельском строительстве — это прежде всего материал о перестройке земледельческого хозяйства, и потому нам надлежит им заняться внимательнее, в первую очередь с тем, чтобы на его основе более глубоко рассмотреть земледельческое производство.

[226] Троицкая летопись, стр. 427—428. — В этом месте — подлинный текст Троицкой летописи; эту запись повторяют и все позднейшие московские летописные своды: Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ XXV, стр. 211; ЛВ II, стр. 49; ЛНик. III, стр. 85.

СЕЛЬСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО: ДЕРЕВНЯ, ПУСТОШЬ, ПОЧИНОК

Первое упоминание о деревне в дошедших до нас письменных памятниках встречается в духовной московского великого князя Ивана Даниловича Калиты. В этом документе написано, что великий князь Иван Данилович в числе других земельных владений оставляет своему старшему сыну Семену «деревни Маковець, Левичин, Скулнев, Канев [Гжелю, Го]ретову, Горки, [село Аста]фьевское... село Ориниьское».[227] Эти деревни и в дальнейшем указываются в духовных московских великих князей, они передаются ими по наследству;[228] при этом в духовной великого князя Дмитрия Ивановича имеются еще важные для нас указания на нового типа сельские земледельческие селения — починки. В его духовной записано: «Даю... князю Василью... деревни Левичин, Скулнев, Маковець, Канев, Кочема, Комарев з берегом... А из Московъских сел даю... Митин починок, Малаховъское, Костянтиновъское, Жырошкины деревни...». И дальше: «... да Красного села починок (сыну князю Юрия, — *Г. К.*)... Зверковъское село с Сохоньским починком (сыну князю Ивану, — *Г. К.*)...». В числе земельных владений, завещанных великим князем Дмитрием Ивановичем жене своей княгине, он называет: «свои примысл Скирменовъскую слободку с Шепковым, Смоляные с Митяевъским починком... примысл Самоилецев починок з деревнями, Савельевъский починок... А которые деревни отоимал был князь Володимер от Лыткиньского села княгини моее к Берендееве слободе, а те деревни потянут к Лытъкиньскому селу моее княгини».[229] В последних указаниях для нас важна отмеченная связь деревень с селами и связь нового для нас типа поселения, «починка», с селами и деревнями.

Мы уже отмечали, что в летописной записи 1384 г. деревни охарактеризованы как окладная единица для «всего (Русского) великого княжения»,[230] а вместе с этим и как основной для того времени тип сельского земледельческого поселения во всей Северо-Восточной Руси. Записи свидетельствуют об исторической давности деревень. Изложенное в летописи подтверждено сотнями актов конца XIV—начала XV в., называющих деревни и рассказывающих о их жизни. Таким основным типом сельского поселения деревня осталась в течение всей многовековой истории Русского государства.

---

[227] ДДГ, № 1, стр. 7. — Издателем духовная датируется: «Около 1339 г.». А. А. Зимин датирует этот документ «осенью 1327 г.» (ПРП, вып. 3, стр. 307).

[228] ДДГ, № 4 (около 1358 г.), стр. 15 (духовная великого князя Ивана Ивановича); № 12 (1389 г.), стр. 33—36 (духовная великого князя Дмитрия Ивановича).

[229] Там же, стр. 33—35.

[230] См. выше, стр. 100—101.

В немногочисленных высказываниях о начальной истории деревни еще не устранено досадное недоразумение, порожденное неясным написанием текста в древних летописях. В «Повести временных лет» в Лаврентьевской летописи, в рассказе о нападении половцев на Киев в 1096 г., написано: «... и зажгоша (половцы, — *Г. К.*) болонье около града и възвратишася в манастырь и въжгоша Стефанов манастырь и деревне и Германы и придоша в манастырь Печерьскыи».[231]

В Ипатьевской летописи это же событие изложено так: «... и увратишася на монастыре и пожгоша манастырь Стефанечь деревне и Германечь и приидоша на манастырь Печьрьскыи».[232] Неясный (вследствие порчи его переписчиками) этот текст был истолкован как самое раннее, первое упоминание «деревни» — сельского поселения.[233] Если с этим согласиться, то приходится считать, что в XI в. в непосредственной близости к стенам древнего Киева, в Печерске, в соседстве с монастырями, существовали еще сельские поселения типа деревень. Все это мало вероятно, во-первых, потому, что в последующее время мы ни в летописях, ни в каких-либо письменных памятниках на протяжении двух с половиной столетий (вплоть до указанной духовной грамоты Ивана Калиты) не встречаем ни одного упоминания деревни, а во-вторых, потому, что существование деревень на юге в Киевской земле вообще не отмечается не только в XII—XIV вв., но и в XV—XVIII вв. Деревня как тип поселения свойственна Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, т. е. лесной полосе, на юге же она вовсе не встречается.

Приведенное выше неясное место летописного рассказа имеет иной смысл, в нем нет речи о деревне. Сказалась естественная трудность чтения многократно переделывавшегося и переписывавшегося древнего текста. В древних рукописях, в том числе и в интересующих нас летописях, текст писался слитно, без разделения на слова, и буква «и» перед «Германечь» в Ипатьевской и перед «Германы» в Лаврентьевской летописях, — вероятно, не союз «и», а должна быть присоединена к предшествующему слову «деревне». Текст будет читаться в том смысле, что половцы пожгли («пожгоша») «манастырь Стефанечь деревнеи Германечь и приидоша на манастырь Печерьскыи». И слово «деревнеи» получит смысл «древний» (т. е. «древний монастырь Германа»). Летописец XVI в., пользовавшийся древним списком «Повести вре-

[231] ЛЛ, стр. 232; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку (фотолитографическое издание). СПб., 1872, стр. 153.

[232] ЛИп., стр. 162; Повесть временных лет по Ипатскому списку (фотолитографическое издание). СПб., 1871, стр. 167.

[233] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893, стр. 653; Ф. П. Филин. Лексика древнерусского литературного языка. Л., 1949, стр. 153; Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, ч. I. Л., 1950. стр. 151 и 352 (текст и перевод).

менных лет», это слово именно так и понял. В Воскресенской летописи записано: «и возвратившеся на монастыре и пожгоша Стефань монастырь и деревльи Германечь и приидоша на монастырь Печерьскыи».[234] В списках Никоновской летописи интересующее нас слово читается «деревяне».[235] Будем ли мы принимать данный текст в смысле «деревлеи» — древний монастырь, — или будем считать, что речь идет о монастыре деревянном, т. е. выстроенном не из камня, а из дерева, оба варианта в равной мере ясно свидетельствуют, что никакой речи о деревне здесь нет.[236] К этому следует добавить, что в окрестностях Киева в Печерске в момент нападения половцев (Боняка) действительно были монастыри: Кловский монастырь, получивший в летописи название Стефанечь по имени основателя Стефана, игумена Киево-Печерского монастыря,[237] и монастырь Спасский на Берестовом,[238] игумен которого Герман упомянут в летописи под 1072 г. как участник перенесения останков князей Бориса и Глеба. Вероятно, этот игумен и был его основателем. А так как монастырь был основан еще до 1072 г., то он мог быть назван древним (по сравнению с другими) монастырем, а по имени основателя в летописи поименован «Германечь» или «Германе монастырь». Приведенные соображения устраняют недоумение, вызываемое неясностью летописного текста. Летописец рассказывает о нападении половцев на расположенные в окрестности Киева монастыри, называя их по именам их основателей — Стефанечь и Германечь, а к последнему еще добавляет эпитет «древнеи», «древлей» (а в другом чтении «деревянеи»), но ни о какой деревне как о сельском поселении не говорит.[239]

В результате гибели основной массы древних письменных памятников до нас не дошли многие документы, в которых, вероятно, говорилось о деревнях намного раньше, нежели в духовной Ивана Калиты. То же, что слово «деревня» нашло всеобщее признание как наименование для земледельческого поселения лес-

---

[234] РОБАН, рукопись 16.3.1 (Летописец Алатырский), лл. 119, 119 об., и рукопись 34.524, л. 443; ЛВ I, стр. 9.

[235] РОБАН, рукопись 17.2.5, л. 114, и 32.14.8, л. 150; ЛНик. I, стр. 126.

[236] Так именно толкует этот текст В. И. Иконников. См.: В. И. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 256.

[237] Н. И. Петров. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, стр. 89—90.

[238] Там же, стр. 72; Д. Слюсарев. Церкви и монастыри, построенные в Киеве князьями, начиная с сыновей Ярослава до прекращения Киевского великокняжения. Киев, 1892, стр. 67—69.

[239] Разбор указанной летописной записи дан Н. Шляковым в статье: О поучении Владимира Мономаха. ЖМНП, 1900, № 5, стр. 96—138, и № 6, стр. 119—258. — Н. Шляков пришел к выводу, что интересующие нас слова — «Въжгоша Стефанов монастырь и деревнеи Германы» — вставка в рассказ печерского монаха из описания половецких войн, а о сожжении деревни никакой речи нет (стр. 116—117).

ной полосы и повсеместно закрепилось здесь на многие столетия, указывает на его глубокие народные корни. Деревня заняла большое место в народной жизни Руси, и потому возможность большого замедления при отражении слова «деревня» в письменных памятниках все же мало вероятна. Поэтому мы имеем достаточные основания предполагать, что широкое распространение нового, характерного для лесной полосы типа сельского поселения если и может быть отнесено к более раннему времени, чем дата составления духовной Ивана Калиты, то все же едва ли оно имело место до нашествия монголо-татар. Но было бы ошибкой переоценивать темпы перестройки хозяйственного и бытового уклада сельских поселений и полностью весь этот процесс переносить на изучаемый нами период.

Облик нового поселения определялся постепенно и медленно, исподволь входил в жизнь; деревне, для того чтобы стать общепризнанной, широко распространенной и получить особое наименование, понадобилось много времени. Вторая половина XII в. и первые десятилетия XIII в. — время общего экономического подъема и развития сельского хозяйства в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, — конечно, не прошли безрезультатно и для перестройки бытового и хозяйственного уклада сельского населения. Естественно предполагать, что уже тогда в облике сельских поселений лесной полосы наметились те новые черты, которые впоследствии, в конце XIII—в XIV в., оказались присущими деревне. Тяжелые удары, нанесенные татарским нашествием народному и, в частности, сельскому хозяйству, косвенно могли оказать влияние и на перестройку облика сельского поселения. В Северо-Восточной Руси, — несравнимо больше, чем Новгородская и Псковская земля, пострадавшей от нашествия татар, — этот процесс, возможно, совмещался с восстановлением и переустройством сельского хозяйства; быть может, из-за этого он протекал в более четкой форме. Вероятно, поэтому именно здесь намного раньше, чем в Новгородской земле, распространилось и привилось наименование «деревня». Мы считаем, что накапливание сельским поселением новых свойств и качеств происходило постепенно, неуловимо; так же неуловимо и время его рождения. Но для изучающего историю народного хозяйства и историю земледелия это важный материал как по сельскому строительству, так и по истории крестьян-земледельцев.

В документах 1370—1380-х годов деревни отмечены как основной тип сельского поселения в Северо-Восточной Руси. При взимании дани Тохтамышем деревня была принята за общую для всего великого княжения русского единицу податного обложения; значит, деревня уже была повсеместно распространена. Актов этого времени до нас дошло очень мало, но те, которые дошли, говорят о деревнях или о пустошах и починках. Мы выше указали на духовные грамоты великих князей. В духовной грамоте

митрополита Алексея говорится о дарении Чудову монастырю сел с деревнями и отдельно деревни Садовской.[240]

В наиболее ранней из сохранившихся подлинных купчих Северо-Восточной Руси говорится о продаже новгородским боярином Юрием Онцифоровичем Михаилу Федоровичу (Крюку Фоминскому) села Медно с деревнями и с пустошами.[241] Этими документами начинается список дошедших до нас документов о куплепродаже, о мене, о дарении и завещании частными лицами недвижимостей и земельных владений в землях-княжествах Северо-Восточной Руси. С конца XIV в. и в XV в. число таких частных актов с каждым десятилетием прогрессивно возрастает, а с ними умножается и число указаний на деревню. Предметом же сделок в них оказываются преимущественно деревни с их земледельческими хозяйствами и хозяйственными угодьями.[242] Особое положение наблюдается лишь в Северо-Западной Руси — в Новгородской и Псковской землях. В новгородских письменных памятниках слово «деревня» встречается лишь со второй четверти или с середины XV в., и притом в очень малом числе, а в Псковских документах лишь с начала XVI в.

В письменных памятниках XI—XIV вв. встречается ряд наименований для сельских поселений: погост, весь, село. Слово «погост» упоминалось и в смысле территориальной единицы сельской общины в новгородских договорных грамотах; позднее за погостом в Новгородской земле упрочивается значение административно-территориальной единицы, но упоминаются погосты и

---

[240] М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, стр. 291 (список с духовной грамоты Алексея митрополита Киевского всея Руси, не позднее 1377 г.).

[241] АСЭИ I, № 2 (1380—1417 гг.), стр. 26.

[242] Материалы, под словом «деревня»; см. также: АСЭИ I, №№ 2, 7, 9, 12, 15, 17, 19, 21—23, 27, 31, 32, 35, 44, 47, 49, 52, 59, 62, 70, 71, 82, 84—90, 97, 101, 108, 110, 114, 127, 128, 130, 132—134, 138, 139, 142, 155, 157—159, 163, 172—174, 182, 185, 189, 191—193, 195, 197, 206—208, 215, 217—219, 227—229, 234, 236—238, 241, 242, 245—247, 253—254, 258, 260, 264, 266, 269, 271—274, 277, 278, 280, 282—284, 285, 288, 291, 293, 299, 334—336, 339, 341, 344, 371, 378, 384, 387, 389, 394, 409, 419, 437, 438, 456, 457, 467, 472, 478, 480, 481, 483, 484, 488, 501, 513, 521, 525, 539, 562, 565, 566, 574, 579, 587, 596, 599—601, 611, 612, 614, 616, 630, 643, 644, 646, 648, 651, 655, 658; АСЭИ II, №№ 2, 3, 11, 15—17, 29, 33, 37, 45, 49, 70, 76, 84, 86, 89, 90, 92, 95, 109, 110, 114, 117, 120, 121, 125, 127, 137, 140, 142, 143, 146, 147, 153а, 155, 156, 164, 165, 168—170, 173, 177, 182, 184, 199, 201, 202, 206, 208, 212, 214, 217—219, 223, 225, 228, 229, 230, 233, 237, 238, 240, 242, 244а, 245, 248, 251, 253, 255, 259, 260, 264—267, 273, 278, 281, 282, 284—289, 290, 295, 296, 300, 301, 303—307, 309, 316, 317, 319, 323, 326, 328, 330, 332—336, 338—340, 343, 345—349, 351, 355, 359, 361, 363, 364, 367, 370, 371, 373, 378—382, 386, 387, 390, 394, 397, 404—409, 411, 415, 416, 418, 421—428, 432, 433, 435, 437, 439, 451, 452, 462, 475а, 479, 483а, 495; АСЭИ III, стр. 633; АФЗ I, №№ 13, 14, 17—20, 22, 23, 25, 29—38, 40—50, 53—61, 65—67, 69—77, 80—82, 84—97, 99—106, 109, 110, 113, 114, 118—124, 132, 134, 136—141, 143—157, 160—166, 168—169, 171, 172, 175—177, 181, 182, 185, 187—194, 196, 199, 203, 210—213, 217—220, 222—226, 232, 233, 235, 236, 240, 241, 245—248, 256, 257, 260—270.

в смысле населенного пункта, причем с населением преимущественно неземледельческим.[243] Слово «весь» не имело четкого содержания и безусловно не применялось как наименование русского сельского земледельческого поселения лесной полосы Северо-Восточной Руси. В церковно-учительной литературе оно встречается в расплывчатой общей формуле «грады и веси»,[244] суммарно охватывающей все вообще городские и сельские поселения той или иной страны. А в повествовательных литературных памятниках и при описаниях селений словом «весь» обычно называли поселки ятвагов, мордвы,[245] в НПК так наименованы карельские селения.[246] Более широкое повсеместное хождение имело слово «село».

В южной и юго-западной Руси этим словом обозначались вообще все сельские поселения — поселки с усадьбами крупных землевладельцев и селения земледельческие. Так было в древней Руси в X—XIII вв., так осталось и в последующее время. В лесной полосе Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XII—XV вв. селения, включавшие хозяйства крупных землевладельцев — князей и бояр, среди сел являлись наиболее типичными поселениями этого типа. Именно села были центром таких хозяйств, в них сосредоточивались основные его отрасли, жили слуги и холопы, обслуживавшие боярское или княжеское хозяйство; в этих хозяйствах находил приложение и труд зависимых крестьян.[247] Крестьяне с их хозяйствами могли быть в составе населения и владельческих сел. Села вместе с тем могли быть и поселениями земледельцев-смердов и крестьян. Когда же в рассказах о нападении врагов на тот или иной сельский район говорится «и разориша (или пожгоша) все волости и села»,[248] то создается определенное впечатление, что под селами летописец понимает именно крупные боярские или княжеские владельческие села, а волостями называется сумма всех остальных, т. е. крестьянских (или смердьих) земледельческих селений. При описании отмеченных в новгородских летописях вспышек классовой борьбы нередко встречаются указания на разграбление и поджог сел; жгли и грабили, конечно, боярские богатые села.[249] Следует отметить характерную для XII—XIV вв. расплывчатость содержания, вкладывавшегося в понятие «село». Это естественно и неизбежно, так

---

[243] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 103—125 (см. особенно стр. 114—120).

[244] РИБ VI, стр. 247; ЛАвр., стр. 27 и 29; житие Авраамия Смоленского, стр. 12.

[245] ЛИп., стр. 538, 551, 552; ДДГ, № 84, стр. 334, 337.

[246] ВПК I, стр. 220, 222; ВПК II, стр. 125, 128—131, 156, 162, 165, 180—182, 184.

[247] См. ниже, гл. V, стр. 308—313.

[248] ПСРЛ XXV, стр. 185, 200, 212, 220, 238, 246.

[249] ПНЛ, стр. 70, 93, 94, 99, 353, 356, 366, 409, 425.

как этим словом часто называли вообще все сельские поселения, другого слова для них не было.

Само слово «село» далеко не всегда имело только смысл сельского поселения. Им называли также и вообще обжитый, освоенный (в хозяйственном смысле и в смысле закрепления права на пользование и распоряжение им) участок земли. Этот его смысл яснее выступает в словосочетании «село земли». Такой термин часто встречается в документах XIV—XV вв. Севера Новгородской земли. До нас дошло около двух десятков купчих, раздельных, данных, закладных и других актов с указанием на «села земли».[250] Эти селения, в отношении которых подробно сказано о различных земельных и водных угодьях, их составлявших, но не всегда указывается их население; при этом владельцы их и составители актов считают необходимым в наименовании подчеркнуть несоответствие этих «сел земли» прочному поселению. Последний смысл слова «село» в прошлом был вообще присущ актовому языку Северо-Восточной Руси, он только оказался забытым.

Любопытным и показательным отголоском давнего прошлого является смешение в Северо-Восточной Руси в одном слове «село» двух разных понятий — села как селения, т. е. населенного пункта, с селом, означающим земельное владение, когда селом назван освоенный и разрабатываемый земельный участок, некая совокупность земельных угодий. В последнем случае, если это были угодья, осваиваемые под пахоту, их могли коротко называть «полем». Результатом этого смешения в одном наименовании двух разных понятий явилось примечательное осложнение при переводе в XV—XVI вв. «Кормчей» — сборника канонического права. Возникло разногласие между старыми переводчиками и заново переводившим «Кормчую» Вассианом Патрикеевым, а потом — между ним и Максимом Греком. В 13-м правиле VII вселенского собора недвижимые имения, которыми разрешалось владеть епископам и монастырям, обозначены в греческом тексте словом «агрос», что соответствует русскому слову «поле» — разработанному под посев хлебов участку земли. Старые переводчики «агрос» переводили словом «село», так как действительно «село» раньше значило освоенный участок земли «поле». (Сравн. «село земли» —освоенный комплекс земельных угодий на Севере Новгородской земли). А к XIV—XV вв. за словом «село» закрепилось более четкое и притом иное содержание — «село» стало значить только сельское поселение; старый перевод приводил к искажению смысла канонических правил, на это и обратил внимание Вассиан Патрикеев.[251] Для нас материал этих споров важен тем, что он еще раз показывает многозначность смысла, вкладываемого

[250] ГВНП, №№ 133, 164, 182, 183, 196, 197, 199, 201, 202, 210, 213—215, 221, 227, 254, 269, 270, 323, 324.

[251] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, II (период второй — Московский), ч. 1. М., 1900, стр. 660—661.

в слово «село». Среди сел Севера Новгородской земли указываются и «села морские».[252] Рядом с этими «морскими селами», население которых, видимо, занималось рыбной ловлей и охотой на морского зверя, здесь на Севере, особенно в Поморье и в северных районах Обонежья, указывается еще большое число сел с населением, также занимавшимся охотой и рыболовством. Акты указывают в них лишь на охотничьи, рыбные, озерные, речные и морские угодья. В актах Севера селения выступают с очень различным обликом, хотя все одинаково именовались селами и лишь меньшая часть их названа «селами земли». Селения эволюционировали одновременно с крупными переменами в хозяйстве этих районов.

Наименование «селом» весьма различных по хозяйственному укладу и бытовому облику сельских поселений было характерно и для Северо-Западной, и для Северо-Восточной Руси. В Северо-Западной Руси это положение без перемен продолжало сохраняться еще и в XV в.; в Северо-Восточной же Руси с появлением в языке сельского населения слова «деревня» в характеристике земледельческих селений была достигнута бóльшая ясность. Как мы уже отметили, в решении 1384 г. о порядке сбора золотоордынской дани деревня указана как особая производственная хозяйственная земледельческая единица и вместе с тем как основное сельское поселение. Составлявшиеся одновременно с этой записью все документы Северо-Восточной Руси последующего времени говорят о массовости деревень и их повсеместном бытовании в Северо-Восточной Руси. Перед нами засвидетельствованный итог осуществлявшегося сельского строительства, результатом которого было появление новых поселений — деревень — и глубокие внутренние перемены в старых сельских поселениях Северо-Восточной Руси. Село осталось со старым обликом селения преимущественно владельческого, с усадьбой-хозяйством, являвшимся центром владельческого хозяйства, к которому тянули другие села и деревни и в котором, как в большой деревне, могли быть и крестьянские дворы. Деревня же — сельское поселение из нескольких (а то и из одного) крестьянских хозяйств-дворов с их населением, с жилыми и хозяйственными постройками этих дворов и с комплексом земельных угодий этих дворов-хозяйств: пахотная земля — поля, — сенные покосы, лесные и другие угодья.

Такими рисуются нам деревни и села в писцовых книгах, включающих конкретные описания селений с имеющимися в них хозяйствами сразу по целому району — волости, уезду, а то и по целой большой земле или княжеству.[253] Выписи из писцовых книг

---

[252] ГВНП, № 325.

[253] С наибольшей убедительностью это раскрыто в писцовых книгах Новгородской земли, данные которых мы приводили и разбираем по ходу работы в данной главе (стр. 177—188) и с большими подробностями — в гл. V.

на митрополичьи земельные владения по уездам Северо-Восточной Руси убедительно свидетельствуют об указанном различии между селами и деревнями, ясно говорят о населении деревень и о крестьянских хозяйствах-дворах как составных частях и основе деревень.[254] Из выписей писцовых книг с большой наглядностью выступает численное превосходство деревень над селами. Когда писцовые книги позволяют провести подсчет по отдельным уездам или землям и определить общее число сел и деревень, то убеждаемся, что число деревень превосходит число сел в несколько десятков раз.[255]

Сельское строительство XIII—XV вв. вело не только к увеличению общего числа сельских поселений, но и к резкому изменению соотношения между деревнями и селами. Деревни не только строились заново; название деревень получали и те старые поселения — села, которые начали жить по-новому, заводя большие пашенные поля, выделяя выгоны, огороды и т. п., меняли свой облик и действительно становились деревнями. Происходило «вытеснение» сел деревнями, что достаточно хорошо отражено в дошедших до нас документах.

В документах Северо-Восточной Руси есть яркие отголоски того недавнего прошлого, когда сел было много, а сельских поселений, носивших наименование деревень, совершенно не было или было очень мало. И в то же время другие, более поздние документы того же района указывают на исчезновение или большое сокращение сел и на большое число деревень.

Актовый материал XIV—XV вв., наряду с селами и деревнями, называет предметом купли-продажи или мены еще пустоши и селища. Известно, что когда исчезала деревня, на месте ее оставалась пустошь, а когда запустевало село, то возникало селище — с тем же собственным наименованием. И в XV—XVI вв., когда деревень стало много, а сел, в сравнении с числом деревень, мало, то в документах часто встречаются указания на пустоши и реже — указания на селища. И наоборот, в ранних документах часты указания на селища, а пустоши встречаются редко. Так, в двух купчих на земельные владения в Переяславском уезде, датируемых 1392—1427 гг., предметом купли-продажи является сразу по три селища.[256] А в подобных же купчих и того же уезда,

---

[254] АФЗ I, № 12 (1490—1491 гг.) — Ростовский уезд, № 22 (1491—1492 гг.) — Переяславский уезд, № 23 (1513 г.) — Переяславский уезд, № 39 (1498—1502 гг.) — Московский уезд, № 166 (1498—1499 гг.) — Владимирский уезд, № 169 (1591—1592 гг.) — Костромской уезд, № 170 (1502—1503 гг.) — Вологодский уезд.

[255] В Новгородской земле в конце XV в., по данным НПК, «села» составляли только 2.3% всех поселений, а на долю деревень приходилось свыше 97% (см. ниже, стр. 127).

[256] АСЭИ I, № 10, стр. 30—31 («Се яз... купил село Игнатьевское и с селищи с Ондроновскою, с Климовским, с Олферьевским, что к нему потягло...»). Подобное же указание — в документе № 18, стр. 35.

датируемых второй четвертью XV в., записано: «...купил есмь у Чечки у Микулина сына пустоши земли: Малковское селище, Шевъское, Петроково селище, Давыдовскую пустошь, Чепуровское селище, Глатково селище, Волково селище, Малиновник, Круглица, Демицына пустоши и иные, которые к тем издавна потягли х тех селищем и с лесы и с полянами...»;[257] в другой: «...дал пустошь на Бармазове..., а к той пустоши тянут селища: первое Федорцево и со всем лесом, что к тому селищю тянет; другое Карпецево и со всем лесом; третиее Сепацино и с лесом; а четвертое Стрелково и со всем лесом».[258] Памятуя, что селища когда-то в не очень далеком прошлом были селами, мы, естественно, должны думать о необычайной для начала XV в. картине: судя по содержанию приведенных здесь четырех документов в описываемых волостях, когда-то — и, по-видимому, не очень давно — сел было много, а деревень не было.

Приведем выдержки еще из одного документа, относящегося к Угличскому уезду. Б. И. Потопчин дает в Троицкий монастырь «земли свои — отчину: село Нефедьевское, да деревню Кузнецовская, да деревню Мичково, да селище Сусловское и с лесом, да селище Офонинское, да селище Санниковское, да селище Кузминское, да селище Домановское, да селище Мочяловское, и со всем с тем, что к тому селу к Нефедьевскому, и к тем селищам ко всем потягло истарины...».[259] «Старина», о которой упоминает приведенный документ, — это время, когда было рядом друг с другом шесть или семь сел и, по-видимому, не было ни одной деревни; а в 1446—1447 гг. существовало село Нефедьевское и тянущие к нему две деревни, села же все шесть запустели. В правой грамоте о деревнях Лучкиной и Красной Горке Пошехонского уезда при отводе межи указано 18 селищ.[260] В жалованной грамоте (начало XVI в.) Спасо-Ефимьевскому монастырю названо 11 селищ.[261] В жалованных меновых грамотах угличского князя Андрея Васильевича Савво-Сторожевскому монастырю (1470—1480-х гг.) в одной отмечено 17 селищ, а в другой свыше 40.[262] В ряде актов середины XV в. указывается от 3 до 7 селищ в каж-

---

[257] АСЭИ I, № 114 (около 1434—1445 гг.), стр. 91.

[258] Там же, № 162 (около 1430—1450 гг.), стр. 118—119.

[259] Там же, № 184 (1446—1447 гг.), стр. 132.

[260] АФЗ I, № 309, стр. 261.

[261] ЦГАДА, ф. 1203, Копийная книга, лл. 305—306.

[262] Жалованная меновая и тарханная грамота на черные тяглые деревни Андреевского и Городского стана (1480 г.), в мене 5 деревень и 10 селищ на 1 сельцо, 1 деревню и 7 селищ (РОГПБ, ф. Погодина, 1910, Копийная книга Савво-Сторожевского монастыря, лл. 8—11; то же: АСЭИ III, № 58, стр. 89—90); вторая меновая грамота — в мене село Локотенское с 15 деревнями, двумя починками и 25 селищами на села Козинское и Порецкое с 4 деревнями и 18 селищами (РОГПБ, ф. Погодина, 1910, лл. 11—13 (1740—1480 гг.); АСЭИ III, № 58а, стр. 91—92).

дом.[263] П. А. Максимович, изучивший писцовые книги Вяземского уезда XVI в., указывает на большое число селищ в прошлом, многие из которых впоследствии стали живущими деревнями. В отношении же писцовых книг 1593—1594 гг. он отмечает, что в них многие бывшие селища теперь называются более привычно — пустошами.[264] Указания в актах на большое число селищ напоминают о времени, когда именно селами, а не деревнями называлась основная масса сельских поселений, без внимания к различию в составе их населения, к различию в хозяйственном укладе и в общем их облике. Отмеченное в актах XIV—XV вв. большое число селищ, не увязывающееся с малым числом сел в XV в. по сравнению с деревнями, служит доказательством происшедшего в дальнейшем разграничения между селами и деревнями и последовавшей замене наименования: некоторые села стали называться деревнями. Деревня, как мы уже указывали, — сельское поселение из нескольких (а то и из одного) крестьянских дворов-хозяйств с их населением, с жилыми и хозяйственными постройками этих дворов и с комплексом земельных угодий этих хозяйств. Когда такое селение продавалось, менялось, дарилось или передавалось по завещанию, то в актах Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., свидетельствующих о такой сделке, говорилось о деревне «с ее лесом, с пожнями и с другою землею, что к ней из старины тянуло», или «со всем тем, что к ним потягло», «со всею землею... куда соха и серп, топор и коса ходили из этой деревни».[265] Этими краткими фразами — условными формулами — документы отмечали обязательное наличие в деревнях пахотных, сенных, лесных, а в них охотничьих или бортных, водных (рыболовецких) и других угодий, являвшихся основою земледельческих хозяйств, составлявших деревню.

Мы указывали, что в актовом материале Северо-Восточной Руси конца XIV и XV в. рядом с деревней в качестве объекта купли, мены и т. п. почти столь же часто назывались пустоши. Пустошь родственна деревне. В условиях постоянных нападений внешних врагов, феодальных войн, беззащитности не только от войн, но и от всякого рода стихийных бедствий деревни нередко разорялись, их население погибало или бежало, бросая родные

---

[263] Указания на 5—7 селищ: АСЭИ II, № 464; АФЗ I, №№ 307 и 309. — Сказано о 3—4 селищах: АСЭИ I, №№ 256, 259, 286, 482, 554, 555; АСЭИ II, №№ 398, 423, 423а, 483, 490, 491; АФЗ I, №№ 75, 94, 176; АГР, № 29.

[264] Г. А. Максимович. Очерки по истории экономического быта Вяземского уезда по писцовым книгам XVI и XVII вв. Сб. статей студенческого ист.-этногр. кружка при Киевском унив., вып. VII, Киев, 1915, стр. 141—142.

[265] «Пожаловал есми (ярославский князь Федор Федорович Толгской монастырю, — *Г. К.*) деревнею Куколциным, и с лесом, и с пожнями, куды топор ходил, куды коса ходила, с пошлою землею, што к ней истарины тянуло» (АСт., № 1 (около 1400 г.); ссылку об этой формуле в актах Северо-Восточной Руси см. выше, на стр. 88).

места, спасаясь от врагов или от невзгод: деревня превращалась в пустошь, которая продолжала еще жить как высоко ценимое земледельцами угодье. В этом смысле пустошь — наследник деревни, в ней деревня продолжала свою жизнь после постигшей ее катастрофы.

Описанная в актах возобновленная для жизни пустошь раскрывает нам свойства деревни. Мы указывали на труд, с каким создавались деревни. Не всегда хватало жизни земледельца, чтобы выстроить полнокровную деревню. Такая предыстория деревни раскрывается материалами о починках. Починок, деревня и пустошь — три этапа в истории одного и того же земледельческого селения, поэтому важно и полезно изучить и оценить их в этом единстве. Начнем с пустоши. О том, что пустоши — запустевшие деревни, а селища — места, где некогда раньше существовали села, непосредственно говорят дошедшие до нас современные (т. е. XIV—XV и XVI вв.) документы. Достаточно быть внимательным при чтении этих документов, чтобы на каждом шагу убеждаться в справедливости отмеченного положения. Конечно, документ рассказывает об этом яснее, когда прямо поставлен вопрос, откуда появились те или иные пустоши или селища. Есть случаи, когда на суде в ходе разбора дела прямо ставятся вопросы о пустошах или селищах, об их истории. Авторитетные лица, современники — судьи, тяжущиеся стороны, «знахори», старожильцы, вызванные как эксперты, — свидетельствовали, что та или иная пустошь или селище является запустевшей деревней или селом, о которой помнят они, их отцы и деды.[266]

В одном особенно внимательно разбиравшемся судном деле эксперты («знахори») и судья сочли необходимым, найдя следы какой-то постройки, отметить, что это «печище», а не «дворище». Свидетели показали, что в этот лес на время сенокоса приезжал архимандрит монастыря и для него был построен временный дом с печью, «печище» — это следы печи и дома. Но поскольку в данном месте нет следов усадьбы и того комплекса строений и сооружений, которые присущи дому земледельца-крестьянина, то и деревни здесь не бывало, и эксперты заявили, что это не «дворище», а все место — не пустошь.[267]

Название деревни обычно переходило на пустошь. С. Б. Веселовский пишет: «...не раз старожилы указывали путешествовавшему в XX в. историку местные названия пустошей, не подозревая того, что опрашивающий их историк в этих названиях узнавал давно исчезнувшие селения».[268] Пустоши могли иметь

---

[266] АФЗ I, №№ 103, 125, 258; АСЭИ I, №№ 340, 537, 538; АГР, № 30.

[267] ЦГАДА, ф. 281 (ГКЭ), № 14752/4 по Ярославлю (1495—1497 гг.); АСЭИ III, № 209, стр. 221—222.

[268] С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв., стр. 78.

очень большую давность.[269] Писцовые книги конца XV—начала XVI в., писцовые и переписные книги XVI и XVII вв. прямо указывают: «пустошь, что была деревня».[270] Те же документы XV в., рассказывая о причинах запустения деревень, говорят о феодальных войнах, какими особенно богаты были XIV—XV вв., о нападениях внешних врагов: о нашествии Тохтамыша (1382 г.), о «Едигеевой рати» (1408—1409 гг.), о вторжении царя Мухамеда (1438 г.) и о битве под городом Белевом («белевщина»), о вторжении царя Мухамеда и царевича Мамутяка (1445 г.),[271] о «великом поветрие» 1420-х годов.[272] Есть и конкретные указания — «те деревни запустели от ратных людей и от разбоев»,[273] или «опустели от татар да от потугов не по силе, люди из них (из волостей Юрьевского уезда, — *Г. К.*) разошлись по иным местам».[274] Именно эти внешние обстоятельства являлись подлинными причинами появления пустошей и селищ в XIV и в первой половине XV в., а не склонность к бродяжничеству и не подсека.

Материалы о пустошах помогают яснее, конкретнее представить облик деревни. Документы нередко указывают на то, что к пустошам и селищам, как к деревням и селам, тянут различные угодья — леса, пожни, ловища и т. п.[275] Это служит свидетельством о самостоятельном хозяйственном значении пустошей. Предметом купли, продажи, дарения, мены часто служили именно пустоши, а не села или деревни.[276] Пустоши ценились прежде всего как хорошо разработанная пахотная земля, как земельная

[269] АСЭИ III, № 51. — В документах XV в. встречаются случаи, когда пустошам определена давность в 50 и свыше 60 лет: АСЭИ I, №№ 523, 541, 589.

[270] С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв., стр. 28. — Это явление прослеживается всеми, кто изучал писцовые книги: В. Ф. Загорским, А. М. Гневушевым, И. И. Лаппо, Е. Н. Щепкиной, Я. Ф. Яницким, Е. Сташевским и др.; об их работах см. нашу статью: Писцовые книги в буржуазной историографии. ПИ, сб. II, стр. 145—184. — В писцовой книге Вяземского уезда 1593—1594 гг. указано 637 пустошей; из них в отношении 510 прямо указано писцом, что это запустевшие деревни. См.: Г. А. Максимович. Очерки по истории экономического быта Вяземского уезда по писцовым книгам XVI и XVII вв., стр. 141.

[271] АСЭИ I, № 340; АСЭИ II, № 481; ПСРЛ XXV, стр. 262—263.

[272] АФЗ I, № 254, стр. 219. — Правая грамота датируется 1501—1502 гг., разбираются же события далекого прошлого, «великое поветрие» — мор. Эпидемия была в 1420-х годах.

[273] АСЭИ I, № 571 (датируется около 1492—1494 гг.; Костромской уезд, свидетели помнят «за семьдесят лет»).

[274] АФЗ I, № 145 (1448—1464 гг.), стр. 129.

[275] Троице-Сергиев монастырь покупает пустошь Фаустовскую (в Кинельском стане Переяславского уезда) с другими «всему пустошьми и с лесом и с пожнями...»; тому же монастырю «дал... Федор Иванович на Кисме (Переяславского уезда, — *Г. К.*) пустоши... или што к тем пустошем потягло иных земель Федоровых...»; тому же Троице-Сергиеву монастырю дана пустошь Есипле, Гбаловское селище (АСЭИ I, №№ 6, 30 (1415 г.), 38 (1417—1425 гг.), 82 и т. д.).

[276] АСЭИ I, №№ 12, 28, 36, 39, 45, 58, 61, 73, 77, 78, 79, 80.

площадь, еще не столь давно подвергавшаяся регулярной обработке под пахоту или огород; в момент сделки она оставалась пригодной и для расширения площади пашенной земли и даже для развертывания нового хозяйства. В документах зачастую говорится о посеве хлеба на пустошах, о пашенных полях на пустошах, «о пашне наездом» на пустошах.[277] Пустоши жертвовались монастырям и охотно приобретались ими и другими землевладельцами в качестве основы нового хозяйства. «А кто на той пустоши сядет люди»,[278] «а кто в тех пустошах и в деревнях учнет жити»,[279] «и хто имет в тех селах, в тех деревнях и на пустошах жити людей».[280]

Таковы обычные формулы в жалованных грамотах и других документах, отмечающие предполагаемое скорое заселение пустошей новыми земледельцами или освоение пустошей под пахоту в другой форме.[281] Все это было типичным, широко распространенным явлением в конце XIV и начале XV в. Документы отмечают пустоши во всех районах Северо-Восточной Руси.[282]

Приобретение пустошей, в целях превращения их в населенные зависимыми земледельцами деревни и села, и было тем наиболее доступным путем, каким в изучаемый нами период создавали свои огромные вотчины монастыри Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Спасо-Ефимьевский, Ферапонтов, Прилуцкий, митрополичьи монастыри и многие другие. Дошедшие до нас акты и копийные книги монастырей и митрополичьего дома ярко освещают этот путь роста монастырских вотчин. В конце XIV—начале XV в. этот рост принял особенно широкий размах.[283]

Пустошь в самом недавнем прошлом была вполне законченным земледельческим хозяйством — деревней — и эту основу хранила долгие годы. На ней уже могло не быть ни жилых, ни хозяйственных построек, которые могли исчезнуть в результате катастрофы или по какой-либо другой причине, вызвавшей запустение селения, но оставалось самое ценное — разработанные поля, огороды,

---

[277] Два документа рассказывают о пожертвовании в Кириллов монастырь П. Евсевьевым деревни и двух пустошей; во втором документе еще добавляется: «А что мое жито копна ржи на Ротмаровой пустоши, и то дал есми игумену же...» (АСЭИ II, №№ 47, 49 (1428—1434 гг.), стр. 32, 33; АФЗ I, №№ 34—37 (1474—1492 гг.)).

[278] АСЭИ I, № 34 (1417—1425 гг.).

[279] АСЭИ I, № 35 (1417—1425 гг.); № 321 (1462—1466 гг.).

[280] АСЭИ I, № 44 (1425 г.).

[281] Л. В. Черепнин. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. ПИ, сб. IV, М., 1955, стр. 337, 339, 340.

[282] Материалы, см. слова «пустошь», «деревня пустая».

[283] В АСЭИ I приведены материалы в отношении Троице-Сергиева монастыря, в АСЭИ II — Кирилло-Белозерского, Ферапонтова-Белозерского, Московского Симонова, Суздальского Спасо-Евфимиева монастырей, в АСЭИ III — в отношении других монастырей центра и севера Северо-Восточной Руси, в АФЗ I — владений митрополичьего дома, в АФЗ II — Иосифо-Волоколамского монастыря.

капустники, конопляники, хмельники, манившие сюда новопоселенца-земледельца с сохой. Эти-то качества пустошей и привлекали практичную администрацию монастырей. Приобретая пустоши, землевладельцы-феодалы призывали на них крестьян-земледельцев или «окупив сажали» их на пустоши — на места старых крестьянских хозяйств. Хозяйственные успехи конца XIV—XV в., достигнутые в сравнительно короткие сроки монастырями (особенно такими, как Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский) в увеличении вотчин, в умножении сел и деревень в этих вотчинах, в умножении числа крестьянского зависимого населения в них, показывают, что расчет на пустоши как на основу новой деревни или отдельного хозяйства имел веские основания. Пустоши десятилетиями сохраняли свои свойства ценного земельного угодья. Садившемуся на пустошь земледельцу не требовалось заново строить хозяйство, а было достаточно лишь восстановить разрушенное.

Веками вырабатывался тот тип поселения, каким выступает перед нами в документах в XIV—XV вв. деревня. Будем ли мы иметь в виду отдельное сельское поселение лесной полосы, или будем представлять в целом весь комплекс многих тысяч сельских поселений Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, в любом случае деревня как тип сельского поселения — результат большого, целеустремленного, напряженного труда земледельца. Современники — сельские жители, земледельцы — вкладывали строго определенное содержание в понятие деревни: она представлялась им как комплекс окончательно устроенных земледельческих хозяйств, обеспеченных достаточным количеством полевой, хорошо разработанной, отвоеванной от леса пахотной земли, сенокосными угодьями и т. п. Соответственно этому предъявлялись высокие требования к деревне. Современники не считали возможным признавать деревней то поселение, в котором земледельческая база не была в должной мере и прочно обеспечена, даже если в этом селении было все необходимое для жилья и были хозяйственные постройки.

Современники называли «починком», в отличие от деревни, то поселение в лесной зоне, в котором были жилища и постоянное население, но земледельческая база еще не была достаточно прочной. И лишь когда жители починка расчищали, выжигали и разрабатывали под пашню занятый участок, обеспечивали себя полевой пашенной землей, этот починок получал право именоваться деревней. Что починок без пашни — явление обычное [284] и что такой починок с течением времени вырастает в деревню [285] — об

---

[284] АФЗ I, № 12, стр. 33, 34; № 22, стр. 42, 43; № 39, стр. 55; № 166, стр. 152; № 169, стр. 155; № 170, стр. 157.

[285] В жалованной грамоте (1390—1406 гг.) указаны два починка — Березницы и Трегизово, а в позднейшей писцовой книге (1490—1491 гг.)

этом ясно говорят документы: актовый материал конца XIV—начала XV в. и массовый материал о сельских селениях, представленный писцовыми книгами.[286] Починок — первый этап на пути строительства и роста отдельной деревни, современники так и расценивали его.[287]

При создании прочного земледельческого хозяйства наиболее трудоемким и ответственным было обеспечение его полевым пахотным участком. Самым сложным в труде земледельца в этом случае было превращение разработанной подсеки в достаточного размера пахотное поле. Можно полагать, что выполнение на должном уровне именно этой задачи определяло переименование починка в деревню. Когда мы сравним починок с деревней, то увидим, что у починка еще не указан размер посева, — потому он и в сохи не положен, а в отношении каждой деревни это обязательно сделано. Давая высокие оценки пустошам как земельным угодьям, современники прежде всего подчеркивали земледельческую основу деревенских хозяйств, ценность хорошо разработанных полей.

Вторая половина XIII, XIV и XV вв. — время напряженного сельского строительства в нечерноземной полосе; материалы о деревнях и починках — единственный дошедший до нас источник сведений об этом строительстве. Практически оно выражалось в освоении лесов — в расчистке их, в подготовке пахотных полей, во введении парового земледелия. Появлением сельских поселений нового типа, получивших наименование деревень, отмечался успех на пути сельского строительства, выражавшийся в переходе от подсеки к паровому полевому пашенному земледелию; новые селения — деревни — строились прочно, закреплялись навеки. И каждая деревня, вновь поименованная в актах XIV—XVI вв., является свидетельством поступательного движения земледельцев по пути освоения лесов северной нечерноземной полосы и строительства по-новому организованных земледельческих хозяйств. В актовом материале отмечены тысячи таких вновь возникших и прочно осевших деревень в землях-княжествах Северо-Восточной Руси; ими засвидетельствован изумительный по масштабу и конкретным результатам размах этого сельского строительства.

эти селения уже именуются деревнями (АФЗ I, № 10, стр. 9; ср. № 12, стр. 31).

[286] См.: Материалы, под словом «починок»; АСЭИ I, №№ 14, 18—21, 67, 68, 101, 185, 205, 230, 286, 302, 303, 408, 435, 440, 444—446, 457, 510, 550, 562, 564, 571, 581, 591, 624, 626, 628, 644, 645, 649, 654, 660; АСЭИ II, № 9, 46, 100, 153, 154, 267, 285, 289, 290, 310, 316, 340, 346, 352, 381, 399; АФЗ I, №№ 10, 12, 20, 22, 23, 39, 61, 84, 104, 130—132, 156, 161, 163, 165, 166, 167, 169—171, 193, 210, 212, 254, 258, 260, 264, 309, 313.

[287] «...что роздели Милобудские починки, разделал Еска да Клим с товарищи» (АСЭИ II, № 46, стр. 31); «А се деревни новые, что черньци в лесах ставили: дер. Дмитров починок, дер. Рогов починок, дер. Юсов починок..., поч. на Дору, поч. Пуминов, поч. на Ельнике, поч. Ивакин, поч. Лыткин» (АСЭИ II, № 289, стр. 204; то же: № 290, стр. 244).

Обширна территория, на которой раскинулись эти деревни и велось сельское строительство в Северо-Восточной Руси: начиная с района Устюга Великого, она охватывает бывшие княжества Кубенское, Вологодское, Белозерское, Костромское, Ярославское, Галичское, земли Центра, кончая на юге Рязанской землей. Пестра рисуемая актами картина, трудно уловима эта множественность сельских поселений. В отношении Новгородской земли все описано в систематизированном виде в писцовых книгах, но, к сожалению, от земель-княжеств Северо-Восточной Руси такие писцовые книги до нас не дошли. Историко-географическое изучение актового материала XIV—начала XVI в. только началось.[288]

С большим запозданием слово «деревня» появляется в документах Новгородской и Псковской земли.[289] В новгородских документах до второй четверти XV в., а в псковских до XVI в. употребляется слово «село», как единое понятие, охватывающее все виды сельских поселений. Селами называются разного характера поселения на Севере Новгородской земли: в Поморье, в Обонежье — поселения местных аборигенов-охотников, рыболовов, промышлявших морским зверем.[290] В большинстве этих селений нет и намека на земледелие, некоторые занимаются скотоводством. В документах как села указываются и определенно промысловые поселения; и, наконец, многократно названо «село земли» — какое-то освоенное земельное владение.[291] В ряду этих сел трудно различить мелкие поселения крестьян-земледельцев, подобных деревне Северо-Восточной Руси, т. е. селения с ясно очерченным профилем мелких селений земледельцев.

В связи с этим можно подумать, что та трудовая целеустремленная деятельность земледельцев Северо-Восточной Руси, которая привела к повышению уровня земледелия и к появлению деревни — специфического земледельческого поселения лесной полосы, с соответствующим комплексом угодий и одной ей присущим укладом, — что она чужда земледельцам Новгородской

---

[288] Из таких работ можно указать книгу М. К. Любавского «Образование основной государственной территории великорусской народности. Население и объединение центра» и неоднократно уже упоминавшуюся работу: А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951.

[289] Ранние указания на деревни в Новгородских актах относятся к середине XV в. (ГВНП, №№ 170, 282, 307. — Речь в этих актах идет о Двине, Ваге и Обонежье); упоминается деревня в берестяной грамоте (№ 311), найденной в 1957 г. в перекопе, — она может быть датирована 20-ми годами XV в. по упоминанию в ней адресата Михаила Юрьевича (СА, 1958, № 2, стр. 24); в псковских актах деревни не упоминаются, а в летописях раннее указание на деревни связано с рассказом о подчинении Пскова Москве под 1510 г. (ПЛ, вып. 1, стр. 96).

[290] ГВНП, № 325.

[291] Там же, №№ 133, 164, 182, 183, 196, 197, 199, 201, 202, 210, 213, 214, 227, 269, 270, 324.

земли. Рассмотрим, действительно ли это так? Счастливый случай позволяет нам сопоставить до предела ясные высказывания по конкретно указанным селениям в одном случае в новгородском акте, а в другом в НКП — документе поздненовгородского происхождения. Мы имеем в данном случае рядную Федора Акинфовича и его домочадцев с Матвеем Ивановичем в отношении наследуемой им земли. Она напечатана в сборнике «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» с неопределенной датировкой [292] — «XV век». Грамота подлинная, известна уже больше 90 лет, но до сих пор никого не заинтересовала. Сопоставление имен основных участников сделки и некоторых других лиц, упоминаемых в рядной, с именами бывших новгородских землевладельцев, отмеченных в НПК,[293] а также сопоставление названий селений, приведенных в рядной с названиями селений в НПК, позволяет установить тесную связь между ними: оба документа рассказывают об одних и тех же селениях и хозяйствах. Участники рядной — с одной стороны новгородский землевладелец (боярин) Федор Акинфович (Федор Окинфович, Онтифович), его жена Аграфена Федоровна (Огруфена) и их сыновья Яков и Александр, а с другой стороны тоже новгородский землевладелец, Матвей Иванович, племянник Аграфены (она — сестра его отца). Совместность их владений явилась результатом того, что Матвей Иванович вместе со своей теткой — наследники земельных владений их общих дедов и прадедов. Вероятно, в детские годы Матвея Ивановича владения ему не были выделены, а все имение было в руках боярина Федора Акинфовича.[294] Владения Федора Акинфовича (приданое жены Аграфены — наследство от деда Максима и его брата Дмитрия, приходящихся прадедами Матвею Ивановичу, — и собственные его наследственные и приобретенные им владения) весьма обширны и разбросаны в четырех пятинах: а) в Деревской пятине, в Сытинском погосте (10 обеж) и в Оксочском погосте (21 обжа),[295] б) в Шелонской пятине, в Илеменском погосте (7 обеж) и в Офремовском погосте (23 обжи),[296] в) в Бежецкой пятине и г) в Обонежской пятине, в Волотовском и, вероятно,

---

[292] Там же, № 122 (XV в.), стр. 179—181. — Грамота издана раньше: Мух., стр. 605—607 (под заголовком: «Рядная грамота о землях, оставшихся по смерти Федора Максимовича между наследниками его»).

[293] ГВНП, 122, стр. 180; ср.: НПК II, стр. 483 (указаны соседи рядцев — бывшие новгородские землевладельцы Босоволковы).

[294] Среди новгородских бояр 1460—1470-х годов называется Федор Акинфович, сын Глазоемцев, бывший новгородским посадником в 1470-е годы. Он и мог бы быть участником рядной, но почему-то в рядной и нигде в НПК Глазоемцевым не назван, тогда как землевладельцы Глазоемцевы в НПК указываются.

[295] ГВНП, № 122, стр. 180—181; НПК II, стр. 489—494 и 315—318.

[296] ГВНП, № 122, стр. 181 (Дорогожицы); А. М. Андриашев. Материалы по исторической географии Новгородской земли, т. I, стр. 202, 208, 237, 239, 247; НПК V, стр. 181 и 42; НПК IV, стр. 356—358.

Мытнинском погосте.[297] Большинство указанных владений невдалеке (до 50 км) от Новгорода. Матвей Иванович и Федор Акинфович имели также дворы в Новгороде на Рогатице улице, у Федора Акинфовича было еще дворовое владение на посаде в Русе в конце Середка, т. е. в центре солеварения.

Основа делимых владений — земли в Сытинском погосте.[298] Здесь старшие родственники дали Матвею за все владения в Сытинском погосте и за другие владения в Деревской в пятине «за болшеи двор и за малыи селца, и за полевую землю, и за лешею землю даша Матфею Ивановичю за ты за вси земле, где ни есть... Фенютинськое село и Кеиковьское село, а тых сел полевыи земли, и лешии, и ловища...».[299] Судьба указанных участников ряда и их земель различна. Федор Акинфович, крупный землевладелец, лишился своих владений и, вероятно, был выслан из Новгородской земли. Его земельные владения частью пошли в поместную раздачу, а частью записаны в оброчные земли великого князя. Матвей Иванович сохранил свои «села» и отмечен писцовою книгою в качестве своеземца, живущего в этих «селах», названных в НПК деревнями. Есть возможность датировать этот документ. Федор Акинфович — последний владелец земель, указанных в рядной, а Матвей Иванович жил в момент присоединения Новгорода к Московскому государству, он современник составления НПК 1496—1501 гг. Рядная может быть датирована 60—70-ми годами XV в., не позднее.

Из владений Федора Акинфовича и его жены Аграфены в рядной грамоте подробнее описаны селения Сытинского погоста. «А не вступаться Матфею в Федоровы и в Огруфенины и их детеи в Яколи и в Олександровы села на Хохули в болшеи двор и во околныи села: в Лодыгино село и в Березнек и Овинчево село, и в Зарецьи, ни за Хохулеи и на Студеньски село, и Фомкино село и Пепелниково село, и Падишино село и половина Тылова села и Ушаково село по реку...».[300]

В писцовой книге Деревской пятины есть описание бывшей боярщины Федора Акинфова. Приводим его: «В Сытинском же погосте деревни Гаврила Саларева (бывшие) Федоровские Онкифова... Д. Хохол: а в ней дв. Гаврилов (Саларева), а в нем дворник его (Гаврилы Саларева) Филка, а христиан: во дворе Олиско Кирилков, во дворе Неронко Назарков, сеют ржи 5 коробей, а сена косят 50 копеы, 2 обжы; дохода 10 денег, а из хлеба пя-

[297] Защижье и Хомутка (ГВНП, № 122, стр. 180); «На Вешере село Навещальцы» (там же); «Да... в Обонежской пятине в Волотовском погосте Федоровские Онкифова 2 деревни, а в них 2 обжы с полутретью, а земля в них добрая» (НПК V, стр. 560).

[298] Сытинский погост прилегал к юго-восточному берегу озера Ильменя; до нашего времени на картах сохранились названия селений Сытино, Хохуль и Студенец на реке Сытинке.

[299] ГВНП, № 122, стр. 179—180.

[300] Там же, стр. 180.

тина; ключнику полкоробьи ржы, полкоробьи овса. Д. Лодыгино: во дворе Дениско Нестерков, во дворе Михалко Микифорков сеют ржы 6 коробей, а сена косят 30 копен, 2 обжы; дохода 10 денег, а из хлеба пятина, 2 сыра, 20 яиц; ключнику полкоробьи ржи, полкоробьи овса». Также описаны еще деревни: Ушаково, Овинцово, Студенец, Фомкино, Падишино, Новинка и починок Пепельниково, и указан итог по этому владению: «и по старому писму деревень семь, а дворов в них одиннадцать, а людей в них одиннадцать человек, а обеж десять. И прибыло две деревни да починок, а дворов четыре, а людей пять человек, а обжы две».[301] Описанная здесь деревня Хохол с помещичьим двором (большим) и двумя крестьянскими дворами соответствует указанному в рядной селу Хохулей с большим двором, деревня Лодыгино (два крестьянских двора) — селу Лодыгино, деревня Ушаково (один двор) — селу Ушаково, деревня Овинцево (два двора) — селу Овинчево, деревня Студенець (один двор) — селу «на Студеньски», деревня Фомкино (два двора) — селу Фомкино, деревня Падишино (один двор) — селу Падишино, а взамен Пепелникова села оказался починок Пепельниково с одним двором, положенный в пол-обжи. Недостающее здесь село Березнек описано дальше за другим помещиком (за Алексейкой Вьюковым): это деревня Березник с двумя крестьянскими дворами.[302]

Из рядной известно, что Федор Акинфович с женой Аграфеной выделили своему племяннику Матвею Ивановичу находившиеся в том же Сытинском погосте «Фенютиньское село и Кеиковьское село, а тых сел (и тех же сел, — *Г. К.*) полевыи земле, и лешии, и ловища, и хмелища, и бортища...».[303] Среди описанных в Сытинском погосте своеземцевых деревень есть и деревни знакомого нам Матвея Ивановича. Теперь в качестве своеземца его называют в писцовой книге уничижительно: Матюк Иванов. «Деревни Матюковы Иванова. Д. Кийков: во дворе Степанко Нестерков, во дворе Ивашко Онанкин, сын его Ивашко ж, сеют ржы пол-6 коробьи, а сена косят пол-40 копен, 2 обжы. Д. Панино: во дворе Гридка Парфейков, во дворе Фомка Михалев, сеют ржы 4 коробьи, а сена косят 20 копен, пол-2 обжы. А в вопчей деревне в Заполье, на Матюкове четверти: во дворе сам Матюк, сеет ржы 7 коробей, а сена косит 100 копен, 2 обжы; а тринадцать жеребьев в той деревне великого князя, что была владычня. Д. Ушаково, пуста; писана была обжею, а земли под нею на пол-обжы. Д. Фенютино пуста, писана была 2 обжами, а земли под нею на обжу. И по старому писму четыре деревни, а дворов в них и с теми, что в вопчей деревне, семь; а людей

---

[301] НПК II, стр. 489—490. — При издании НПК приняты сокращения: Д. — деревня, дв. — во дворе; мы также пользуемся ими.

[302] ГВНП, № 122, стр. 180; НПК II, стр. 489—490, 492.

[303] ГВНП, № 122, стр. 180.

десят человек, а обеж семь. И убыло два двора, а людей четыре человеки».[304]

О владениях Федора Акинфова в Оксочском погосте в рядной грамоте сказано глухо и немного: «...на Ксоци болшеи двор, и околныи села в Зялядиньи, и на Руке, и на Горке, и на Новенке, где ни есть в Ксочком погосте, а то Федору и его жене и его детям, а в тось Матфею не вступастся».[305] В НПК эта волость Оксочского погоста, бывшая боярщина Федора Акинфова, подробно описана, отдельно каждое селение. Таковы село Заксочье с двором помещика (с «большим двором») и деревни Новинка, Залядинье, две деревни Городища, две деревни Луки, Заполье, две деревни Горушки, Зачеренье, Новинка и Туромичи; в каждой деревне указаны дворы с поименованием их хозяев-крестьян, указан размер посева хлебов в этих хозяйствах, размер сенного покоса, во сколько обеж обложена деревня, а также перечислен шедший с крестьян землевладельцу «старый доход» — основной, «мелкий доход» и «ключнич», а также и новый доход. А дальше подведен итог: «по старому письму (т. е. в старое время, когда все принадлежало боярину Федору Акинфовичу, — *Г. К.*) в этой волости было с сельцом 13 деревень, а дворов в них 20, а людей в них 20 человек, а обеж 21». Указана общая сумма старого дохода с волости. Приведен итог по волости, «по новому письму»: число деревень прежнее, дворов больше на семь, людей (крестьян) 28, обеж прежнее число; указан и размер нового дохода.[306] Сопоставление выписей из рядной грамоты и из писцовой книги Деревской пятины — документов, близких по времени составления и рассказывающих об одном и том же явлении, — показывает, в каком отношении находятся села, указываемые в актах Новгородской земли XIV—XV вв., с деревнями, упоминающимися в документах Северо-Восточной Руси этого же периода. Мы видим, что все села, указанные в рядной Федора Акинфова с племянником, описаны московским составителем писцовой книги под наименованием деревень. Писцы не увидели никакой разницы между новгородскими селами и знакомыми им по московской практике деревнями Северо-Восточной Руси и потому назвали почти все села деревнями. Столь же естественной и оправданной сочло эту замену (наименование сел деревнями) и новгородское население. Писцы работали в постоянном контакте с местным сельским населением, пользуясь их показаниями («сказками»), и с их слов определялись названия деревень; надо полагать, различия в языке писцов и местных крестьян не было. Писец знал те же самые

[304] НПК II, стр. 492—493. — Для разрешения вопроса о том, из кого и когда формировались «своеземцы», данный случай превращения новгородского землевладельца Матвея Ивановича в своеземца Матюка Иванова очень показателен.

[305] ГВНП, № 122, стр. 181.

[306] НПК II, стр. 315—319.

села, которые были предметом дележа между Федором Акинфовичем и Матвеем Ивановичем. В писцовой книге села не только названы по-новому. В подробном описании НПК всех бывших владений боярина Федора Акинфовича жизнь сел и деревень этой большой, сложной по составу вотчины выглядит совсем по-иному, нежели в описании рядной, составленной землевладельцами. Основное и главное, из чего складывалась жизнь и трудовая хозяйственная деятельность населения всех перечисленных деревень и сел, — это крестьянские хозяйства. Сравнение новгородского земледельческого поселения, по-старому «села», как оно описывается в немногих новгородских актах, с московской «деревней» указывает, что между тем и другим поселением нет разницы. А то, что их называли по-разному, не отражало никакого различия по существу. Разница в названиях сразу же была забыта, лишь только состоялось включение Новгородской земли в состав Московского великого княжества. Это единство содержания не только к моменту «нового письма», но и ко времени «старого письма» подсказывает, что и в более раннее время такое сходство было между новгородским селом и деревнями Северо-Восточной Руси.[307] И естественна мысль, что земледельческие хозяйства в Новгородской земле развивались совершенно сходным с Северо-Восточной Русью путем.

Ценнейшим качеством НПК, выделяющим их из других исторических источников, является то, что НПК дают массовое, сплошное (а не на выбор) описание селений и хозяйств во всей Новгородской земле. Многочисленные указания источников на раннее появление сел, на то, что селами с глубокой древности именовались почти все сельские поселения в древней Руси, хорошо известны историкам. Также давно подмечено многими историками позднее появление деревень. Теперь в связи с разбором материалов по истории Новгородской земли своевременно указать, что еще А. И. Никитский писал о древности сел и о господстве этого вида сельских поселений в Новгородской земле.[308] Представляя очень схематично историю развития сельского хозяйства и в особенности земледелия, А. И. Никитский связывал распространение сел с временем освоения открытых мест и мест, близко промыкавших к долинам рек. Но наступило время продвижения в леса, время борьбы с природой, освоения лесов под земледелие, время «торжества над природой», как выражается А. И. Никитский,

[307] Для новгородского боярина в конце XIV—начале XV в. наименования «село» и «деревня» были одинаково привычны. В купчей о продаже новгородским боярином Юрием Онцифоровичем земельного владения в районе, пограничном между Тверским великим княжеством и Великим Новгородом, написано: «Се купища Михаило Федорович... у Юрья у Вонцифорова сына село Мидно з деревнями и с пустошми (АСЭИ I, № 2 (1380—1417 гг.), стр. 26).

[308] А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. 42.

«селения закладываются в лесу, на дичи, на сыром корню».[309] Появляются селения нового типа — «деревни», село оттесняется на второй план, сохраняя свое значение сельского поселения, где пребывают помещики, органы власти, церковь. А. И. Никитский, изучавший историю Новгородской земли, видел здесь господство «сел» и потому называет «села» новгородским типом сельского поселения; ему на смену пришла деревня — тип крестьянских селений московского времени.[310] У Никитского, как мы видим, история сельских поселений — «села» и «деревни» — изменяется очень схематично, без необходимого глубокого уяснения этого процесса в зависимости от времени и места.

Основной материал источников — акты Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. — А. И. Никитским оставлен в стороне. Он не уяснил, что появлению деревень в Северо-Восточной Руси предшествовал период накопления земледельцами опыта по освоению лесов и огромный труд по превращению целинных лесных участков в полевую пашенную землю. Внимательно читая новгородские документы — летописи и акты, — близко знакомясь с писцовыми книгами, А. И. Никитский все же уловил, что «деревня» пришла в Новгородскую землю с усилением связей с Москвой; он зорко подметил позднее появление здесь наименования «деревня» и вытеснение сел деревнями.

С возражением А. И. Никитскому по вопросу о смене сел деревнями выступил В. Н. Бернадский.[311] Изучая материалы только о четырех южных погостах Обонежской пятины в сохранившихся отрывках писцовой книги, В. Н. Бернадский нашел, что все имеющиеся там селения — «деревни», и притом очень небольшие, с сельским хозяйством невысокого уровня, в которых малодоходность земледелия искупалась промыслами — охотой. Такие «деревни» не могли вытеснять сел, считает В. Н. Бернадский; он пишет, что «материал по Обонежским погостам опрокидывает схему А. И. Никитского. Деревня как тип крестьянского поселения не только преобладала, но была „исключительной" формой поселения в погостах Обонежья уже в новгородское время, и нет никаких намеков на то, чтобы ей предшествовали в Обонежье села».[312]

В этой части аргументации В. Н. Бернадского допущена серьезная ошибка. В. Н. Бернадский внимательно занимался этими Обонежскими погостами по материалам НПК,[313] но пренебрег

[309] Там же, стр. 200.

[310] Там же, стр. 201.

[311] В. Н. Бернадский. Общественное разделение труда и феодальная рента в Новгородской земле XV в. Уч. зап. ЛГПИ, т. 102, 1955, стр. 117—164.

[312] Там же, стр. 133—134.

[313] В. Н. Бернадский ограничился изучением четырех погостов Обонежской пятины: Никольского Готслав волок, Никольского в Пелушах, Егорьевского в Колгушах и Михайловского в Озерах; все они расположены в юго-

актовым материалом. Действительно, нет прямых указаний на существование сел в изученных В. Н. Бернадским погостах Обонежья в новгородское время, но их нет только потому, что об этих четырех погостах вообще нет иного материала, кроме как в писцовых книгах Обонежской пятины. Стоит только пошире ознакомиться с материалами по истории Обонежья, выйти за пределы упомянутых четырех погостов и привлечь шире материалы по Обонежской пятине, как станет совершенно ясным, что новгородские источники очень много говорят о селах в Новгородской земле (в частности, в Обонежской пятине) в XIII—XV вв. и, вопреки мнению В. Н. Бернадского, показывают, что до появления НПК наименование «деревня» здесь почти не встречалось. Об этом прямо свидетельствует проведенное нами сравнительное изучение рядной Федора Акинфова и соответствующих мест из НПК 1495—1505 гг.

Ошибочность утверждений В. Н. Бернадского хорошо видна и из новгородского актового материала, как он ни отрывочен. Проследим его. Откупная на суд в Обонежье знает там лишь «села»;[314] в духовных Остафия Ананьевича и Федора Остафьевича перечислены земельные владения в разных пятинах Новгородской земли — в Шенкурье и в Кокшеньге, в них указано на владение «селами», а не «деревнями». «А доколе сын мой подростет, а дотоле ездит по моим селам брат мой Григорей», — записано в духовной Остафия Ананьевича;[315] то же и в духовной новгородского посадника Ивана Лукинича, землевладельца Обонежской пятины.[316] В разобранной нами рядной Федора Акинфовича указывается на владение им «селом Навещалци на Вишере» в Обонежской пятине. Указания именно на села, а не на деревни в Новгородской земле имеются в актах всех районов Новгородской земли, в том числе и в актах Обонежья.[317] То, что деревня

западном районе Обонежской пятины и выделяются слабым развитием сельского хозяйства, — погосты, в которых полевое пашенное земледелие, вероятно, сочеталось с применением подсеки. В. Н. Бернадским были использованы также данные И. Л. Перельман по остальным четырем погостам, описанным в писцовой книге Обонежской пятины 1498 г. Для этих погостов также характерно слабое развитие земледелия.

[314] ГВНП, № 93 (1436 г.), стр. 140.

[315] Там же, №№ 110 (1393 г.) и 111 (1435 г.). — Эти две грамоты — духовные отца и сына.

[316] Там же, № 120 (не позднее 1471 г.).

[317] Там же, №№ 125, 127, 129, 133, 137 (конец XIV и начало XV в.), 144—148, 149, 152 (см. также другие акты Чухченемского монастыря середины XV в.), 177, 180, 187, 188, 190, 191 (1450—1470 гг.). — Акты, указывающие на «село земли»: там же, №№ 182, 183, 196, 197, 210, 213, 215, 216 (середина XV в.), 221 (вторая половина XV в.; рядная и дельная на Заволоцкую землю, с указанием многих сел). — Акты второй половины XV в. и неопределенно датированные — «XV век»: там же, №№ 224, 227, 230, 233, 241, 246, 250, 253, 254, 256—259, 263, 266, 267, 269, 270, 275, 278 (раздельная на земельные владения — села — на Ваге и в разных пятинах основной территории Новгородской земли), 280, 281 (грамоты о владениях на

пришла на смену селу в изучаемое нами время и вытеснила села, в равной мере справедливо для Северо-Восточной Руси и для Новгородской земли.

Возражая А. И. Никитскому, В. Н. Бернадский вступает в решительное противоречие с показаниями документов. Одновременно с возражениями А. И. Никитскому В. Н. Бернадский проводит свое особое различие между деревней и селом как разными типами сельских поселений. Селения южных Обонежских погостов он выдает за типичные деревни (название «село» и не встречалось в Обонежье, утверждает он!) и сам этот район — типичный «деревенский» район. Произвольно избирая то, что оправдывает его точку зрения, В. Н. Бернадский выбрал в качестве типичного уже «сельского» района Врудский погост Вотской пятины. Взят район с крупными поселениями, за многими из которых и в НПК сохранилось старое название «село». Здесь, в Врудском погосте, большая запашка, большие сенные покосы, высоко развитое земледелие, натуральный оброк взимается зерновыми и продукцией скотоводства. Денежная форма оброка не находит места. В. Н. Бернадский указывает на то, что и природные условия (почва, сенные луга) Врудского района таковы, что успешное развитие сельского хозяйства здесь естественно. Но главное, на что В. Н. Бернадский обращает внимание читателя, — это то, что «Врудский район — край больших сел: 88% его населения живет в селах или сельцах и только 12% в деревнях».[318] В. Н. Бернадский ошибочно определяет время появления наименования «деревня» для сельских поселений Новгородской земли, он ошибается и в характеристике деревень. Актовый материал XIV—XV вв. Новгородской земли, дошедший в нескольких сотнях номеров, именовал сельские поселения лишь «селами».[319] Название «деревня» в письменные источники принесено в Новгород составителями НПК. В. Н. Бернадский, ограничив свои наблюдения лишь несколькими (из многих сотен) погостами разных пятин, не уяснил истинного различия между селом и деревней, вкладывавшегося в эти слова современниками и составителями НПК. По-

---

Ваге). — Акты Обонежья на села промыслового характера: там же, №№ 288, 295, 305, 314, 324, 325 и 326.

[318] В. Н. Бернадский. Общественное разделение труда..., стр. 134—142.

[319] Из шести случаев упоминаний «деревни» в актах Севера Новгородской земли (ГВНП, №№ 170, 263, 282, 288, 307 и 329) один относится к району Великого Устюга, всегда тянувшему к Москве (№ 263; из архива Гледенского монастыря); три акта поздних (№№ 282, 329 и 307; первый — XV в. — заканчивается явно не новгородской припиской: «да молят бога о здравии государеи великих князей»; второй — тоже поздняя память о вкладе деревни Соловецкому монастырю с характеристикой деревни в стиле описаний НПК; третий — данная тому же монастырю Марфы Исаковой Борецкой на деревню в два лука земли, акт переходного времени), и лишь в двух случаях (№ 288, первая половина XV в., и № 170, середина XV в.) акты — периода новгородского.

следним пришлось решать, за какими из новгородских сельских поселений следует оставить обычно употреблявшееся в новгородском актовом материале наименование «село», а какие следует считать и именовать деревнями. Селами в НПК поименованы более многолюдные сельские поселения; в селах преимущественно были центры владельческих хозяйств; название сел удержалось и за теми селениями, в которых была церковь и жил церковный причт. В таких селах были непашенные люди, занимавшиеся промыслами, ремесленники, торговые люди, здесь происходили и торги.[320] Удержалось старое наименование и за некоторыми многолюдными селами.[321] Как видим, среди огромного количества описанных в НПК поистине крестьянских земледельческих селений те, за которыми было оставлено старое наименование «сел», оказываются менее всего отвечающими характеру чисто земледельческих

Еще более ошибочна у В. Н. Бернадского характеристика деревни. Летописные записи и актовый материал Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. с достаточной определенностью показали свойства «деревень» как нового типа сельского поселения. Ясно очерчен чисто земледельческий характер деревень; комплекс материалов в актах XIV—XV вв. о деревнях, пустошах и починках, показывая преемственную связь между ними, убеждает, что основою деревень являлись именно тщательно разработанные пахотные угодья — поля: в починках это угодья в начальной стадии разработки, в деревнях они в полной силе и ими совместно с другими угодьями определялся облик деревни, а в опустевших деревнях, в пустошах, это уже оставленное, но еще ценное пахотное угодье. Наличие полей, т. е. достаточных по размеру участков полевой пашенной земли, регулярно обрабатываемой и постоянно используемой для посева зерновых хлебов и других хозяйственных растений, было обязательным признаком деревень. Паровое пашенное земледелие, с закреплением которого связывалось появление деревень, тесно увязывалось со скотоводством, а отсюда и наличие в каждой деревне, кроме полей, сенных угодий, выгонов для пастьбы скота и лесных угодий, естественных и обязательных в лесной стороне; они являлись признаками и тех деревень, какие мы знаем по актам XIV—XV вв. Северо-Восточной Руси; такой же выступает и новгородская деревня в НПК.

---

[320] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 129—146; С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв., стр. 12, 21—30.

[321] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 138—146, 149—157. — Приведем данные из этой работы (стр. 135—136) о численном соотношении деревень и сел по НПК: в Деревской пятине указано всего 8483 деревни (из них в первой половине 5033, во второй 3450), а сел всего 111 (в первой половине 57, во второй 54); в Вотской пятине, при общем числе селений 4387, сел было 179 (из них 160 в первой, южной половине и только 19 во второй половине); название «село» осталось лишь у немногих сельских поселений (2.3%).

Актовый материал XIV—XV вв., представляющий преимущественно сделки между землевладельцами по земельным вопросам, по своему характеру таков, что в нем напрасно искать сведений о земледельческих крестьянских хозяйствах, а значит — и достаточно полных сведений о деревнях. Писцовые же книги Новгородской земли развертывают этот материал о деревнях в конкретных, ясных указаниях на трехполье, на размер посева зерновых хлебов в каждой деревне, на размер сенных покосов и т. п. Изучающий НПК находит такие данные о многих десятках тысяч деревень, описанных в этих документах, именно о всех, без единого пропуска.[322] Рядом можно встретить сведения и о пустошах — запустевших деревнях, — обычно сопровождаемые пояснением о том, как используются имеющиеся в них пахотные земли; указаны и починки, в которых еще нет настоящей пашни и потому они еще не деревни. Облик деревни, вырисовывавшийся перед нами в глухих, отрывочных данных актового материала Северо-Восточной Руси, конкретно показан здесь в писцовых книгах Новгородской земли; подан в массовом цифровом материале о всех сторонах хозяйственной жизни деревень рядом с именами их создателей и хозяев — земледельцев-крестьян. Деревня выступает перед нами как комплекс крестьянских земледельческих хозяйств с освоенными и разработанными земельными угодьями. Труд земледельцев — крестьянских семей, живших во дворах, которые составляют деревню, — является основой каждой деревни: их трудом созданы эти деревни, их трудовой деятельностью наполнялась всегда жизнь деревни, ею определяется и облик этих сельских поселений.

В Новгородской земле в те же XIII—XV вв. в связи с развитием земледелия шло освоение лесных массивов под полевое пашенное земледелие, происходило строительство сельских поселений — деревень, точно таких же, как и в Северо-Восточной Руси. НПК подвели итог этой созидательной трудовой деятельности земледельцев-крестьян Новгородской земли.

Материал о сельскохозяйственном производстве особенно скуден в XIV—XV вв. Прямых высказываний о нем совершенно нет. Успехи в развитии сельского хозяйства и переход к полевому пашенному земледелию внесли важные перемены в быт земледельцев лесной полосы Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Появление полей вместе с другими сельскохозяйственными угодьями изменило облик земледельческих селений — возникли «деревни». В условиях скудости сведений о сельском хозяйстве материал о деревнях, о пустошах и починках в актах XIV—XV вв. служит косвенным, но убедительным свидетельством о широком повсеместном распространении полевого пашенного земледелия (паровой системы) в Северо-Восточной Руси в это время.

---

[322] Подробно это прослеживается нами в гл. III, стр. 273 и V, стр. 309.

ПАРОВАЯ СИСТЕМА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ПОДСЕКА

В материалах о деревнях перед нами развернута картина интенсивного сельского строительства в конце XIII, в XIV вв., направление которого определялось происходившей в это время коренной перестройкой земледельческого производства: земледелец, отказываясь от подсеки и обеспечивая свое хозяйство полевым пахотным участком, переходил к паровой системе земледелия. Обращает на себя внимание большой срок, на какой растянулась эта перестройка. В чем же причина такой медленности? В чем заключались трудности перехода от подсеки к полевому пашенному земледелию? Нам уже приходилось говорить о несложной агротехнике при подсечной системе земледелия, о ней достаточно сказано в общих трудах о системах земледелия А. В. Советова, А. С. Ермолова и др.[323] Подсечное огневое земледелие по существу было таким, что не могло ни совершенствоваться, ни улучшаться. Экстенсивное по своему характеру, оно связывалось с хищническим истреблением лесов. Скоро приходило время, когда нетронутых лесных участков вблизи не оставалось; чтобы разрабатывать подсеки, приходилось все дальше и дальше уходить от дома.

Подсека была препятствием для мероприятий по подъему сельского хозяйства. Только при наличии постоянной посевной площади можно было вести планомерную борьбу за повышение урожая, за расширение ассортимента выращиваемой на полях продукции; и только при наличии постоянных полей можно было увидеть результаты улучшения обработки земли, установить эффективность применения удобрений и новых приемов ухода за посевами.

Чтобы удалить с подсечного участка лес, выкорчевать пни, очистить его от корней и всего, что мешало пахоте и посеву хлебов, требовалось много физических сил, но все же это была выполнимая, несложная задача. Между тем наши сведения о развитии земледелия указывают, что от начала применения сох с железными сошниками до прочного освоения паровой системы земледелия потребовались столетия и труд многих поколений: необходимо было найти средства повышения урожайности хлебов и добиться того, чтобы эта урожайность не снижалась, держалась на должном высоком уровне, чтобы стала постоянной, надежной. При подсечном земледелии, когда урожайность подсеки падала, земледелец не задумывался над восстановлением плодородия этого участка: он оставлял его, готовил новую подсеку и несколько лет эксплуатировал ее. В черноземной степной полосе высокие урожаи на одном участке получались в течение многих лет,

[323] А. В. Советов. О системах земледелия. СПб., 1866, стр. 23—32 (то же: Избр. соч., М., 1950, стр. 254—260); А. С. Ермолов. Организация полевого хозяйства. СПб., 1891, стр. 112—121. — Мы уже высказывались по этому вопросу, а ниже еще неоднократно возвращаемся к нему.

а когда и чернозем истощался, то в условиях степной черноземной полосы не составляло труда освоить рядом расположенный участок целины или залежи. В нечерноземной лесной полосе, конечно, тоже можно было оставить на отдых выпаханный участок с расчетом вернуться на него. Но оставленный подсечный участок, не восстановив плодородия, вновь зарастал кустарником или лесом, и если бы земледелец после необходимого ряда лет «отдыха» возвратился на этот участок, то он нашел бы там кустарник или лес, который пришлось бы снова разрабатывать, как новую подсеку. Все же путь восстановления плодородия на этих участках и его сохранения был найден: их оставляли на отдых на самое короткое время, с тем чтобы в период отдыха участки тщательно обрабатывались; применялась неоднократная, более глубокая вспашка, которая несколько восстанавливала плодородие участков и в то же время предохраняла их от зарастания лесной порослью. Так, путем применения «пара», т. е. отдыха, сочетавшегося с мероприятиями по обработке и удобрению почвы, создавались постоянные пахотные участки — «поля», — планомерно обрабатывавшиеся и регулярно эксплуатировавшиеся под посев зерновых хлебов или других хозяйственно полезных культур. «Опыт и нужда раньше или позже наводят человека на путь истины, и этим только можно объяснить то странное, на первый взгляд, явление, что народы, совершенно разъединенные между собой пространством и никогда, быть может, не бывавшие друг с другом в сношениях, ранее или позже усваивали себе такие формы земледелия, которых они прежде не знали, но которых в свое время держался земледелец каждой страны. Поэтому думаем, — пишет А. В. Советов, — был бы совершенно напрасный труд, если бы мы старались отыскать, какой народ или человек придумал паровую систему земледелия».[324] От подсеки единственный возможный путь улучшения земледелия — это переход к земледелию пашенному, полевому.

П. Н. Третьяков высказал догадку, что на севере, в лесной полосе, на смену подсеке шел лесной перелог и лишь после него наступал этап пашенного земледелия с паровой системой в виде двухполья или трехполья. Эту догадку посчитали за лучшее решение вопроса, и, дополненная некоторыми пояснениями, она вошла в историческую литературу как определенная теория о том, что на смену подсеке на севере, в лесной полосе, пришла особая система лесного перелога как некоего организованного, отличного от подсеки земледельческого хозяйства.[325] Это утвердилось, хотя

[324] А. В. Советов. О системах земледелия, стр. 127 (Избр. соч., стр. 318).

[325] Имея в виду Верхнее Поволжье XI—XIII вв. и другие окраинные районы Северо-Восточной Руси времени раннего феодализма, П. Н. Третьяков пишет: «... и в этих районах уже не было подсечного земледелия. Находки железных лемехов от сох говорят о пашенном земледелии. Здесь

ни П. Н. Третьяков, ни те, кто подхватил его догадку, не высказались с необходимой полнотой по самому существенному в данном случае вопросу — каким способом расчищали и готовили к посеву лесные участки, т. е. как было организовано земледельческое производство.

В наших документах и в этнографической литературе признается лишь один путь — применение огня, только способ подсеки: расчистка без применения огня — непосильный труд, и к тому же именно получаемая при подсеке зола обеспечивала урожай на ней.[326] А если лесные участки разрабатывали способом выжигания подсеки, то в чем же отличие такой системы «лесного перелога» от подсеки? Начало такое же, как и при подсечном земледелии: через 3—4 года участок забрасывался, зарастал лесом или кустарником; такое же и продолжение: при возврате на этот участок снова потребуется организовать подсеку. Третьяков, говоря о системе лесного перелога, рисовал картину четко организованного хозяйства. У земледельца в этом случае должно быть в распоряжении много свободной (заросшей лесом) земли. Напомним, что для полного отдыха подсеки требуется не 10—16 лет, как считает П. Н. Третьяков, а «от 18—20 до 35 и 40 лет», как говорят специалисты по сельскому хозяйству.[327] Полный же земледельческий оборот такого организованного хозяйства занял бы 30—40 лет, хозяйство же должно было иметь не меньше 20—30 лесных участков. Такое хозяйство с «лесным перелогом» можно рисовать отвлеченно, конкретно же оно в XI—XV вв. было неосуществимо.

Мысль о возможности применения переложной системы в Северо-Восточной Руси могла быть подсказана московскими писцо-

---

господствовал, вероятно, лесной перелог, при котором расчищенная из-под леса и распаханная земля „работала“ 3—4 года и 10—16 лет „отдыхала“» (П. Н. Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. В сб.: История культуры древней Руси, т. I, М.—Л., 1948, стр. 63). Догадка эта в более конкретизированном виде вошла в «Очерки истории СССР»: «Ко времени монгольского завоевания, — пишет автор очерка „Социально-экономические отношения Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.“, — в центральных областях существовал перелог, при котором земля использовалась лишь несколько лет и затем на 10—15 лет оставлялась для отдыха, а на юге — также переложная система, но с более регулярной сменой пашни и „отдыха“ через 3—4 года» (Очерки истории СССР. Т. II. Период феодализма, IX—XV вв. Ч. 2 (XIV—XV вв.), М., 1953, стр. 25—26).

[326] М. А. Большаков. Община у зырян. Живая старина, 1906, вып. 1, стр. 25—27; И. Н. Смирнов. Пермяки. Изв. Общ. арх., ист. и этногр. при Казанском унив., т. IX, вып. 2, 1891, стр. 187—190; А. А. Кичигин. К истории культуры ячменя на территории Коми АССР. Уч. зап. Коми гос. пед. инст., вып. 3, Сыктывкар, 1951, стр. 132—137; В. И. Громилевский. С крайнего Севера России. Сельское хозяйство и лесоводство, 1878, апрель, стр. 355—373.

[327] А. С. Ермолаев. Организация полевого хозяйства, стр. 121. — У М. А. Большакова в статье «Община у зырян» (стр. 18) указан срок в 40—60 лет.

выми книгами второй половины XVI в., в которых при описании кризиса в сельском хозяйстве зачастую указывалось на многочисленные переложные земли, но это была не пашня в лесах, а оставшаяся в перелог когда-то полноценная полевая пашенная земля.[328] Эти обложенные тяглом полевые пашенные угодья еще были пригодны для эксплуатации и потому, как подлежащие обложению важные угодья, учитывались составителями писцовых книг под особым названием «перелога». Не уяснив ошибки Н. А. Рожкова, принявшего заброшенную по условиям кризиса полевую пашню за доказательство наличия переложной системы земледелия, П. Н. Третьяков посчитал такую систему возможной и применявшейся в лесной полосе и в XI—XV вв.

Этнографическая литература и некоторые косвенные свидетельства источников XII—XV вв. позволяют считать, что земледельцы, стремясь продлить эксплуатацию подсечных участков, тщательней и глубже распахивали их и, не применяя пара, достигали в условиях благоприятной почвы некоторых положительных результатов, особенно в тех случаях, когда вносили удобрения. Полный же, прочный успех пришел лишь с применением пара, с освоением паровой системы земледелия. При паре поле оставалось свободным, не засеянным все лето и лишь к осени засевалось озимым хлебом; а когда выращивались одни яровые хлеба, то каждое поле (из двух) один год засевалось, а следующий год отдыхало, было под паром. В сезон отдыха паровое поле неоднократно и тщательно обрабатывалось и, как мы увидим дальше, обязательно удобрялось. Напомним: к этому времени существенно изменилась конструкция сохи. Соха совершенствовалась. Менялись размер и форма сошников. Теперь сошники у сох асимметричные; правый и левый сошник работают по-разному, взаимодействуя друг с другом. Естественно предполагать, что совершенствовались и подвои, с большим успехом велась работа по регулированию глубины вспашки. Достигалась большая глубина пахоты. Найденные железные полицы датируются XIII—XV вв.[329] Этнографические материалы говорят, что желез-

---

[328] Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. — Ошибка автора при оценке «перелога» как переложной системы показана в работах: Е. Д. Сташевский. Московский уезд по писцовым книгам XVI в. Киевские унив. изв., 1907, №№ 1, 7 и 12 (отд. изд.: Киев, 1907, стр. 26—28); Н. А. Благовещенский. Четвертное право. М., 1899; Г. Кочин. Писцовые книги в буржуазной историографии, стр. 138; Н. Ф. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области в XVI в. (по писцовым книгам). Киев, 1915, стр. 47, 81; Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937, стр. 70—71, 139—147.

[329] В. П. Левашева указывает на два комплекта сошников с полицами от двузубых сох XIII—XV вв., найденных в б. Коломенском уезде Московской области, сошную полицу XIII в., найденную в селе Старая Сотня Мордовской АССР, полицу на городище Болгары ТАССР (Сельское хозяйство, стр. 32—33).

ной полице предшествовала полица деревянная — «присох», «присошек».[330] Полица и присох помогали класть на одну сторону весь вспахиваемый пласт земли и переворачивать его; последнее особенно важно при применении навоза.

В документах XIV—XV в. о паре если упоминается, то глухо, существо этого агротехнического приема не раскрывается. Правда, в одной северной грамоте XV в. сказано: «А та земля... сеять, и орать и парить, и пожни очищать».[331] Обработка пара выделена особо из обычной пахоты. «Пар» — это не просто отдыхающая земля. Поле, находящееся под паром, подвергалось неоднократной вспашке, прежде чем в августе на нем высевали озимый хлеб. Для нечерноземной полосы еще обязательно указывается на необходимость удобрения навозом во время пара. Паровое поле вспахивалось ранней весной («поднимали пар»), затем оно отдыхало, немного зарастало травой, в это время на нем гулял скот. Обычно в июне на паровое поле вывозился навоз, и поле вспахивалось со специальной целью заваливания (упрятывания) навоза. Вот для этого-то и требовалась соха с полицей. Так рисуется работа на паровом поле в близкой нам по времени агротехнической литературе.[332] То же самое говорят и документы древней Руси. К только что приведенному в северной грамоте указанию о том, чтобы арендованную («празговую», — *Г. К.*) землю «сеять, орать и парить», присоединяются еще дошедшие в документах XVI в. подробные предписания о порядке обработки земли. В нашем распоряжении шестнадцать порядных 1558—1590 гг.,[333] в которых в качестве обязательств по обработке земли указывается: «а нам (т. е. поряжающимся крестьянам, — *Г. К.*) та деревня (или «та земля», — *Г. К.*) орати и сеяти, пары парити и гной (или навоз, или натраву из двора, — *Г. К.*) на ту землю возити». Эти счастливо сохранившиеся документы относятся к бывшему Вологодскому княжеству и к Белозерью. Описываемый в них порядок полевых работ установился, конечно, давно — в XV в., а может быть и раньше, — и не претерпевал особых перемен. Во всяком случае, документы предшествовавших 70 лет не дают никаких оснований предполагать какие-либо перемены в агротехнике за это время.

---

[330] Присох или присошек указан В. Дашковым (см.: В. Дашков. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1842, стр. 77).

[331] ГВНП, № 260, стр. 268.

[332] А. В. Советов. О системе земледелия, стр. 131—137 (Избр. соч., стр. 319—323); А. С. Ермолов. Организация полевого хозяйства, стр. 144—148.

[333] РИБ XII, Б, № V (1558 г.), стр. 129—130; РИБ XIV, № XXXVIII (1560 г.), стр. 61, и № LVIII (четырнадцать крестьянских порядных 1573—1590 гг., стр. 91—115; см. особенно: № 58^{1} (1573 г.), стр. 91—92; № 58^{2} (1575 г.), стр. 92—93; № 58^{4} (1579 г.), стр. 94—96; № 58^{5} (1579 г.), стр. 96—97; № 58^{6} (1580 г.), стр. 97—99; № 58^{8} (1589 г.), стр. 100—104; № 58^{10} (1590 г.), стр. 104—106).

Современная этим порядным запись в расходной книге Кирилло-Белозерского монастыря конкретно раскрывает, что значит «пары парити». В этой книге казначея Пимена (за период с ноября 1567 г. по декабрь 1568 г.) имеется запись от декабря 1568 г.: «В Подозерье в Старом старец Исайя Чюровлянин наймовал казаков на вешнюю пашну: паренину взорали трижды и рожь посеяли и навоз з двора вывезли, дал 6 алтын».[334] Указана выплата за все летние работы на паровом поле. Для нас важно указание о троекратном вспахивании и об удобрении навозом парового поля. О троекратном вспахивании поля говорится и в рядной дельной записи 1567 г. совладельцев Велико-Устюжского района.[335] А в порядной начала XVII в. читаем: «А в те нам урочные лета та деревня пахати и сеяти.. и огороды около поль городити и новины сечи внове и рожь сеяти... А пойдем в деревни — нам оставить пары переораны трою».[336] Многократная обработка парового поля описывается и более подробно: «А нам... пары орати летом четырежды. Впервые под назем, и назем из двора вывозить и заорать дважды, а в третьий под рожь...».[337] Приведенные здесь документы XV, XVI и XVII вв. единодушно свидетельствуют о многократной обработке паровых полей, о внесении удобрения на них и о тщательной заделке его. Они разъясняют существо пара.

В документах конца XIV и XV вв. обычны такие выражения, как «поорали землю»,[338] «землю пашут и орют», «землю орали, пахали и бороновали», «пахали, орали и сеяли»,[339] — так рассказывается о разнообразной и очень внимательной обработке почвы перед посевом.

Характерно, что в рассказах об обработке почвы говорится, что землю пашут и орют. Трудно усмотреть особое различие в этих действиях. Но имеется много случаев, когда в отношении одной и той же работы сказано то «пахали», то «орали».[340] И будет безусловно правильно, когда слова «орали и пахали», «орали, пахали и бороновали», «орали, пахали и сеяли» мы будем понимать как желание подчеркнуть в данном случае многообразие и тщательность применявшейся обработки почвы. Есть все основания счи-

---

[334] Ник., Приложение, стр. OXCIX.

[335] Шл., № CXXIX, стр. 155—156.

[336] Г. Н. Образцов. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю XVI—XVII вв. Истор. архив, вып. VIII, 1953, № 6, стр. 111 (порядная запись 1615 г., 15 августа).

[337] Там же, № 27, стр. 127 (порядная запись 1652 г., 12 апреля). — Следует добавить: во всех указанных здесь порядных, наряду с тщательной обработкой полей, поряжающимся крестьянам вменяется в обязанность удобрять поля навозом.

[338] АСЭИ I, №№ 430, 432; АЮБ I, № 103[1]; АФЗ I, № 103; АСт., № 36; АСЭИ III, № 213; Ув., № 18.

[339] АФЭ I, №№ 36, 37; АСЭИ I, №№ 607, 607а, 539 (все — 1470—1490 гг.).

[340] АСЭИ I, №№ 431, 432, 539, 607, 607а; АФЗ I, №№ 35, 103.

тать, что когда одновременно говорится «пахали и орали землю», «орали, пахали и бороновали», то речь идет об обработке пашенного участка, находящегося под паром. Каковы же были по своим агротехническим качествам те крестьянские поля, которые, являясь основой деревенских земледельческих хозяйств, сообщали им особую ценность как хозяйственным угодьям? Первое, о чем мы можем думать в данном случае, — регулярная хорошая обработка почвы на этих полях, а затем и внесение удобрений на них. В современной агротехнике в таких случаях говорят об «окультуренности» почвы.[341] Конечно, вряд ли степень унавоженности почв в нечерноземной полосе в изучаемое нами время была высока. Едва ли есть основания предполагать особенно большую глубину вспашки этого слоя и такую мощность гумусного слоя, какая принята при современной нам технике. Тем не менее тот факт, что в XV в. пустоши, наравне с деревнями, высоко ценились землевладельцами, как готовые участки для приглашения на них оброчных земледельцев, и что земледелец без раздумий брал обязательство о восстановлении на пустоши земледельческого хозяйства (причем в малый срок), свидетельствует об окультуренности почвы, о ее пригодности для эксплуатации, о не утраченном ею, легко восстанавливаемом плодородии. Документы указывают на глубокие загонные борозды на полях и следы загонов на пустошах, оставленные глубокими бороздами;[342] о глубине пахотного слоя говорят и борозды, отмечаемые в межевых документах, и следы этих борозд, на многие десятилетия и даже на века сохранившиеся на пустошах; такая пропаханная сохой или плугом глубокая борозда могла служить и межой.[343] Глубина борозд свидетельствует о толще пахотного слоя, о глубокой вспашке полей.

Как поля постепенно росли у деревень, так постепенно — и не без неудач — решались и вопросы борьбы за успешное восстановление плодородия эксплуатируемых под пашню участков и за повышение урожая на полях. Переход к паровой системе земледелия происходил в борьбе (в скрытом соревновании) с подсекой; в этих условиях полезно и показательно ближе познакомиться с материалами о подсеках в документах XIV—XV вв.

В происходившем наступлении полевого пашенного земледелия естественно видеть подсеку сдающей свои позиции. Так, белозерский князь Михаил Андреевич пожаловал игумену Кирилло-

[341] С. И. Якубцов. Система обработки почвы в нечерноземной полосе. М.—Л., 1953, стр. 12—13; М. Г. Чижевский и К. В. Петрушенко. К вопросу об «окультуренности» и «окультуривании почв». Тр. Тимир. сельскохоз. акад., т. I, М., 1935, стр. 57—62.

[342] ПГАДА, ф. 281 (ГКЭ), № 14752/4 (по Ярославлю; начало XVI в.); АСЭИ III, № 209.

[343] АСЭИ II, № 471 (1472—1479 гг.), стр. 510 («А межи нам старые сорати, а доспети нам новые межи»); АСЭИ I, № 420; АФЗ I, №№ 156 и 181; Э. Лоде. Хозяйственное обозрение Вологодской губернии. ЖМГИ, ч. VII, СПб., 1843, стр. 29.

Белозерского монастыря земли по реке Шексне — пожни и лес: «ослободил есми (разрешил, — *Г. К.*) им причистити лесу да на другой стороне Шохсны реки... чистить пожни и лес велел сечи и деревню на той подсеки поставити».[344] Подсека здесь — лишь переходная ступень, первый этап в строительстве деревни на лесном участке. Обычнее и естественнее, когда лес служил для эксплуатации его под временный посев зерновых. «А лишая земля делать из тех сел по старине»,[345] — разрешают шунжане (крестьяне Шунгского погоста) церковному причту церкви Николы на пожалованных им землях в селах Линдиево сиденье, Гавшино сиденье, Мустуево сиденье и др. Эти «сиденья» — села, поселения с низким уровнем земледелия, здесь господствует еще огневое подсечное земледелие.

Подсеку можно встретить под разными наименованиями. В документах XIV—XV вв. Северо-Восточной и Северо-Западной Руси (и Новгородского Севера) встречаются: «лес пашенный и пахотный»,[346] «лес страдомый»,[347] «пашня на гарях», «гарь» и «пал»,[348] «сечи» и «пашня на сечах»,[349] «чищи», «чисти»,[350] «роздели»,[351] «подели,[352] «притеребы»,[353] «россечи»,[354] «росчисти»,[355] «роспаши» [356] и др.[357] Многое узнается об огневом подсечном земледелии из сообщений о том, что лес посекли и рожь или ярь посеяли, или о том, что подсушивают и секут лес.

Разыскивая материалы о подсечном земледелии, кроме двух основных терминов для подсеки — «подсека» и «лядина», — необходимо иметь в виду еще два термина, ведущих нас также к важным материалам о подсеке: это слова «нива» и «посекир», или «посекирная пашня». При упоминании о ниве мы привычно представляем земельный участок, покрытый созревающими зерновыми хлебами, — «ниву золотую». «Аки на ниве класы пожинаху»,[358] —

---

[344] АСЭИ II, № 128 (1448—1470 гг.), стр. 78.

[345] ГВНП, № 323 (XV в.), стр. 310.

[346] АФЗ I, № 254 (1501—1502 гг.); АЮ, № 9; Юшков, № 137; АСЭИ III, № 290 (1482 г.).

[347] ГВНП, № 287; СГ, №№ 3 (стр. 130), 14 (стр. 135).

[348] АСт., № 62, стр. 84; АСЭИ I, № 482; АСЭИ II, № 385.

[349] АСЭИ I, №№ 82, 570, 581, 595, 597, 620; АСЭИ II, №№ 290 (стр. 238), 306, 310, 337, 388, 405; АФЗ I, № 51; АЮБ II, № 178III.

[350] АСЭИ I, № 595 (поженная); АСЭИ II, № 8; АФЗ I, № 183; Мейчик, № IX, стр. 123.

[351] АСЭИ II, №№ 33, 46, 48, 65, 223, 290 (стр. 213), 316.

[352] АСЭИ I, №№ 257, 485; АСЭИ II, №№ 2, 29, 46, 117; АСт., №№ 41—47.

[353] Материалы, под словом «притеребы».

[354] АСЭИ II, №№ 284, 285, 290 (стр. 211, 221, 226, 227); АСт., № 62.

[355] АСЭИ I, №№ 581 и 651 (поженные); АФЗ I, № 182.

[356] АСЭИ II, № 290, стр. 213, 218, 225; АФЗ, I, №№ 258, 306; Сиб. и Шахм., стр. 14; НПК VI, стр. 13 и 39.

[357] В частности, встречаются наименования «чертеж» (АСЭИ I, № 601; ГВНП, № 249) и «новина» (АСЭИ I, № 257; Юшков, № 12; АСЭИ III, № 352; ВПК I, стр. 287).

[358] ЛЛ, стр. 498 (1216 г.); ЛН IV, стр. 193.

красочно рассказывается в летописях о действиях могучих воинов на поле боя. Но за этим словом удержалось еще и другое значение. В областном архангельском словаре сказано, что «нива — это подсека».[359] Когда мы обращаемся к документам XIV—начала XV в., то убеждаемся, что во многих из них это слово по своему смыслу действительно оказывается связанным с подсекой. «Нивы росстрадные» Псковской судной грамоты[360] в самом деле возможно истолковывать в смысле, близком к сказанному. В том же значении говорится о «нивах» в Псковской обводной грамоте 1491 г.[361] В. О. Ключевский напоминает выражение: «Лесу пашенного десять нив».[362] Можно отметить еще ряд документов, в которых «нивы» выступают то земельными мерами посевной площади, то мерами зернового хлеба на корню, то земельным угодьем, сходным с подсекой и пахотным участком. С ясным значением подсеки «нивы» упомянуты в разводной грамоте князей кемских (нивы среди леса), в правой грамоте Троице-Сергиева монастыря, в которой говорится о «прятании нив»; в НПК указаны «отхожие нивы, припашные нивы».[363] Нива — участок, засеянный зерновыми хлебами, но не поле.

По ходу развития земледелия существенно менялся и облик земледельческих угодий; сложную эволюцию претерпели и нивы, менялось значение слова «нива». Начальная история нивы в лесной полосе шла, вероятно, от подсеки. В. И. Гомилевский хорошо раскрывает это, излагая материал о подсечном земледельческом хозяйстве Олонецкой губернии.[364] Он это делает, описывая по этапам историю каждой подсеки: на первом этапе ее называют «подсека», «чищеба», «кулига», — когда лес на ней подсечен и лежит, подсыхает перед выжиганием; на втором подсеку именуют «огнище», «пожег», «пал», — когда лес сожжен и обрабатывается почва для предстоящего посева; а на третьем этапе это «нива»,

---

[359] Александр Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, стр. 102; В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. I. СПб., 1843, стр. 437.

[360] ПСГ, ст. 9, стр. 3.

[361] А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 87—88.

[362] В. О. Ключевский. Отзыв об исследовании Н. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.». В сб.: Отзывы и ответы. Пгр., 1918, стр. 427. — В данном замечании В. О. Ключевский имеет в виду лес пашенный и нивы, отмечаемые в ПКМГ.

[363] АСЭИ II, №№ 457, 470, 471; АСЭИ I, №№ 146, 223, 450; АИ, № 36; Юшков, №№ 34, 40, 51—54, 57; Мух., № 332; АСт., № 32; АГР, № 70; Б. Д. Греков. Вотчинные писцовые книги. Сборник, посвященный С. Ф. Платонову, Пгр., 1922, стр. 189; НПК V, стр. 511; НПК IV, стр. 293, 334, 374.

[364] В. И. Гомилевский. С крайнего севера России. Сельское хозяйство и лесоводство, 1878, май—август, стр. 30—32.

«ляда», — подсека, обработанная и засеянная хлебом; это синоним засеянной пашни с растущим на ней хлебом. «Нивище» — лядинный участок после уборки хлеба; а когда такое нивище снова покроется лесной зарослью, то станет «лядиной». «Ляда», «лядина» — лесок. А «нива» — как участок, засеянный хлебом, — также может приниматься как единица исчисления зернового хлеба на корню (понятие, аналогичное десятине); поэтому в документах говорится о четырех, о семи нивах и т. п. В одних случаях нивы сближаются с полевыми участками,[365] в других они еще в лесу прочно связаны с подсечным земледелием. А выражение «нивы делати», употреблявшееся в летописных записях XI—XV вв. о занятиях земледелием, одинаково пригодно для областей южных, лесостепных, черноземных и для северных областей лесной полосы.

Трудно учесть все случаи косвенных указаний на подсеки. Свидетели, выступавшие в одном из судных дел (1488—1490 гг.), указывают, что крестьяне «наймовали» у становщика лес на пустошах великого князя.[366] В то время регулярно «наймовать» лес для простой порубки не было нужды; здесь случай, когда снимались лесные участки для обработки их в качестве подсек и посева на них хлеба. Степень распространения подсек была в прямой зависимости от наличия нетронутых лесов для эксплуатации. А в XIV—XV вв. лесов было много. Так, при разборе дела о границах между владением Кирилло-Белозерского монастыря и волостной черной землей выясняется, что один крестьянин посек «полянку лес дичь» и пахал ее. А вслед за этим указывается судьям, определявшим границу земельных владений, что здесь «лес дичь... а топорь с топором не сшелся».[367] Случаи, когда границы земельных владений были неясными, так как шли по большому лесу, встречались часто. Некоторые из землевладельцев (монастыри) этим пользовались для присвоения леса и его эксплуатации.[368] «Опроче старого лесу, который лес не в мере», — говорится в одной грамоте.[369] «Лес старь», «лес дичь» — неразмежеванные

---

[365] Пример «нив» в условиях полевого пашенного земледелия и «нив» как единицы исчисления дает духовная Ивана Алферьева, в ней указывается случай отдачи внаймы пашенной земли: «а найму давать от нивы, от паренины, по четыре алтыны, а от яровые нивы имати по два алтына, которой у которого учнет пахати» (АСт., № 90 (1518 г.), стр. 149—150).

[366] АСЭИ I, № 539, стр. 417—418 (Костромской уезд).

[367] АГР, № 7, стр. 4; АСЭИ II, № 287; АСЭИ I, № 581 («меж по лесу не ведают»).

[368] АСЭИ I, № 538 (конец XV в.); АГР, № 20 (Белозерье, река Шексна).

[369] АЮБ II, № 156XVII (1517 г.) (Кашинский уезд); АСЭИ I, № 618 («пустой лес от века не пахан»); НКП II, стр. 743 («А се посажал Торх (помещик, — *Г. К.*) починки на нове после письма на лесу на дичи»); АСЭИ II, №№ 225, 287, 290 (л. 29 об., стр. 242), 306, 310.

леса — явление, обычное для древней Руси. В эти неосвоенные леса и идут земледельцы для разработки подсек.

Принадлежащие деревне леса и другие угодья отмечались изгородями и «осеками». Устройство изгородей преследовало еще цель охраны от потравы скотом хлеба на полях, скошенного и сложенного в стога сена, и т. п. Об изгородях и осеках власти издавали специальные грамоты.[370] Много внимания уделено этому вопросу и в общем законодательстве.[371] Следует вспомнить, с какой четкостью этот вопрос излагается в Судебнике 1589 г. Здесь ему посвящены три статьи — 168, 169 и 170, — предписывающие даже то, как должны строиться огороды и осека, из какого материала.[372] В данном случае, когда мы разбираем вопрос о лесе для подсек, особый интерес представляет то, что касается осека. Осеками обносились леса и обозначались их границы. Судебник 1589 г. предусматривал важный для нас вопрос о лесах как базе для разработки подсек. Статья 175 гласит: «А черный лес пахати в суземке просто, без делу, где не молодь, кто сколько может: то лес вопчей царев и великого князя». Эта статья дополняется статьей 177, которая уточняет, с какого места после межи, отделяющей деревенский лес (после «осека»), начинается лес «вопчей царя и великого князя».[373] Документы XIV—XV вв. называют «лес пашенный», «лес старь», «леса поверстные»; их можно расценивать как базу для разработки подсек.

Мы уже указывали на трудность нахождения материалов о подсечном земледелии в письменных памятниках. Лес пашенный и лес страдомый — это леса, уже эксплуатируемые под подсечное земледелие. Мы отмечали, что границы земельных владений в документах XIV—XV вв., как правило, отмечались глухой формулой: «куда моя соха, плуг, топор и коса ходили». Но помимо этой трафаретной формулы, встречаются формулы иного содержания, дошедшие до нас лишь в небольшом количестве документов. При решении вопроса о степени распространения подсеки мы считаем необходимым обратить внимание на два документа с необычной формулой, несомненно указывающей на подсечное земледелие.

Один из этих документов относится к Белозерью, другой же — к новгородскому Северу, к Ваге. В первом, белозерском, записано: «Се... купил есми деревенку... Селивестровскую роздель, и что к ней потягло, или куда секира ходила, или куда коса ходила...».[374] А в важском написано: «Се аз... дал есми... три де-

---

[370] АСЭИ II, № 154.

[371] Судебник 1497 г., ст. 61; Судебник 1550 г., ст. 86. — См.: Судебники, стр. 27 (комментарий на стр. 99—100), 172.

[372] Судебники, стр. 403—404 (комментарий на стр. 527—529).

[373] «А на осек став, топором шиби, до каких мест имет; а дале вопчей лес царев и великого князя» (Судебник 1589 г., стр. 177. — См.: Судебники, стр. 405 (комментарий на стр. 532—535)).

[374] Деб., № 146 (1397—1427 гг.); АСЭИ II, № 33 (1397—1427 гг.).

деревеньки... с всеми угодьи, куды ходила коса и секыра».[375] И в том и в другом случае земледельческие угодья характеризуются без каких-либо указаний на соху или на плуг. Земледелием же в этих деревнях, конечно, занимались; это было, видимо, какое-то секирное земледелие — «посекирная пашня». Именно так это разъясняется комплексом более поздних документов, — и притом, добавим мы, документов, связанных с явлениями, совершенно сходными (из одной области, одного характера) с тем, о чем сказано в двух наших актах. Прежде чем перейти к изложению этих материалов о посекирной пашне, поставим вопрос: что такое секира? На это имеется обычный ответ: секира — это топор; в данном случае это топор, употребляющийся в лесном деле — для рубки леса и кустарника.[376]

Наше предположение, что под формулой белозерских и важских актов «куда секира ходила» может скрываться подготавливаемое «секирой» подсечное земледелие, находит веское подтверждение в одном северном, несколько более позднем документе, уже прямо рассказывающем о «секирной пашне» как о подсечном земледелии. Это «Книга дозора черных волостей Заонежских погостов Обонежской пятины, дьяка Ивана Льговского 1619 года». В ней в конце описания одного из погостов говорится: «Лесу пашенного и непашенного бору и болота и мху поверстного от Мегорского погоста от рубежа Палтесские волости до Вытегры и до девятин и до рубежа Андомского погоста Иванова межеванья Бухарина вдоль пятьдесят верст; а поперег от Онега озера до Белозерского рубежа тридцать верст, вопче св. Хутыня монастыря со крестьяны и иных монастырей лес секут посекирно и пашню пашут, где кто поспел».[377] В показаниях этого документа для нас любопытно то, что описываемая в начале XVII в. подсека находилась в одном и том же районе с подсекой, отмеченной в писцовых книгах Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Подсека держится в этих местах свыше 150 лет; она остается в XVII и XVIII вв.

Из ряда тяжебных дел XVII в. о «посекирных землях» мы узнаем, что крестьяне Олонецкого края и смежных районов регулярно, в дополнение к своей небольшой и малоурожайной полевой пашне, занимались подсечным земледелием.[378] «А про посокир мы у всяких волостных людей слыхали, что изстари в Пир-

[375] ГВНП, № 282 (XV в.) (Вага).

[376] ЖС, стр. 85; Житие Евфросина Псковского. Подгот. к печати Н. Серебрянским. СПб., 1909, стр. 69.

[377] ЦГАДА, Гл. архив МИД, Приказные дела старых лет, Писц. кн. по Новгороду, 12, л. 22 об. — Выписи из этой писцовой книги нами сделаны в 1927 г., когда указанная рукопись была в архиве ЛОИИ; о подсечном земледелии в тех же районах в конце XV в. и в 1560-е годы см. ниже.

[378] ЛОИИ, архив, ф. 3, кор. II, д. 24 (1653 г.); ф. 98, кор. V, д. 157. — См. также: Карелия в XVII в., №№ 67, 85, 95, 150, 201 (1650—1689 гг.), стр. 108, 132, 146, 240, 313.

кинском погосте во всем пашут посекир, кроме поля и пустошей». Из этих дел во всех подробностях рисуется картина подсечного земледелия, ведущегося крестьянами в дополнение к полевой пашне. Оно называется посекирной пашней. Мы узнаем о подготовке подсек (так и названо), о выжигании, о посеве на них ржи и яри. Крестьяне имеют определенные участки для такой «посекирной лесовой пашни». При этом крестьяне, пользующиеся «посекиром», протестуют, когда кто-либо другой пытается разрабатывать подсеку в месте, некогда эксплуатировавшемся ими для той же цели. Так возникали судебные дела, дошедшие до нас в составе фондов Александро-Свирского монастыря и в фондах Олонецкой приказной избы.[379] Мы уже видели, что огневое подсечное земледелие нашло отражение в документах XIV—XV вв. северных районов, Северо-Западной Руси и в центральных районах Северо-Восточной Руси — в Московском уезде, Углицком, Суздальском, Переяславском, Костромском и др. Подсека еще жила всюду, где была главная основа для ее существования — лес. Но она отступила перед паровым земледелием на второй план даже в тех районах, где «леса стари», где «поверстного леса» и вообще леса было много. Подсечное земледелие в XIV—XV вв. лишь сосуществовало с паровой системой земледелия. В хозяйстве крестьянина-земледельца XIV—XV вв. разработка подсек являлась важным дополнением к полевой пашне. Ниже, при разборе вопроса о земледелии в Новгородской земле, мы покажем, что и там, в Новгородской земле, при ясных показаниях писцовых книг о господстве трехполья, оставалось все же заметное место и для подсеки.[380] Лес пашенный, т. е. тот лес, в котором обычно и разрабатывались подсеки, был не только в северных районах, но и в центре Северо-Восточной Руси. В «памяти», т. е. в инструкции, данной писцам при посылке их для размежевания и описания земель в Радонежский и Суздальский уезды, этим писцам вменялось в обязанность: «И что... лесу пашенного и непашенного, то бы еси написал на список подлинно порознь».[381]

В XVI в. лес пашенный отмечался писцовыми книгами как одна из обычных категорий лесного угодья.[382] Наши материалы о подсеках и подсечном земледелии указывают на живучесть подсек как приема использования лесов для посева зерновых хлебов. При несомненно широком распространении паровой системы земледелия мы имеем многочисленные показания о сосуществовании подсек с паровым земледелием. В устойчивости подсечного земледелия и в чрезвычайной длительности процесса вытеснения под-

---

[379] ЛОИИ, архив, ф. 3 и ф. 98.

[380] См. ниже, стр. 193—194.

[381] Ув., № 23 (1535 г.).

[382] ЦГАДА, ф. 1209, д. 582, писцовые книги по Ярославскому уезду, лл. 1, 4 об., 22, 32, 32 об., и т. д.; ПКМГ II, стр. 2, 3, 4, 5, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21 и т. д.

секи паровой системой следует видеть в первую очередь особую трудность и сложность задач, которые пришлось решать земледельцу лесной полосы при освоении паровой системы. Если же говорить об отдельном крестьянском хозяйстве и о строительстве деревень, то следует учитывать большую сложность обеспечения деревни или отдельного хозяйства достаточным участком полевой пашенной земли, а также сложность освоения агротехники и необходимость для нее материальной основы, чтобы этот участок — поле — давал хорошие и надежные урожаи.

Все наши материалы XIV—XV вв. о подсеке, о подсечном земледелии, сосуществовавшем с паровым полевым пашенным земледелием, составляются из свидетельств об отдельных явлениях, из показаний чаще всего косвенных. Материалы же, прямо рассказывающие о сельскохозяйственном земледельческом производстве, до нас не дошли. Более ранним из таких источников, по времени появления близко примыкающим к изучаемому нами периоду, являются «Записки» Александра Гваньини, содержащие сведения о земледелии в XVI в. в Белоруссии, Литве, а отчасти и о земледелии в Русском государстве.[383] А. Гваньини долго жил в Польше, интересовался сельским хозяйством, имел возможность лично наблюдать жизнь деревни. Он рассказывает о наиболее интересных вопросах земледельческого производства XVI в., о том, о чем не говорят никакие другие источники. В частности, Гваньини подробно описывает весь процесс предварительной подготовки лесного участка под подсеку, порядок вырубки и выжигания подсеки, самый посев, рассказывает и об урожаях. Сведения А. Гваньини относятся ко второй половине XVI в. Но, конечно, в части характеристики подсеки они вполне отвечают тому, что было в XV в., так как сообщаемое Гваньини полностью совпадает со сведениями, которые сообщают наши источники о порядке работы на подсеках. В перечне культивируемых на Руси хлебов Гваньини прежде всего называет рожь озимую. Он подробно рассказывает о паренине и о культуре озимых хлебов (называет он одну озимую рожь — озимицу), перечисляет и яровые зерновые хлеба — рожь-ярицу, пшеницу, ячмень, овес, горох, гречиху. Гваньини отмечает, что пашут на Руси одной лошадью, а в Литве двумя волами. Восторженно отзывается он об урожаях на подсеках. Особенно выделяется сообщение о посеве на подсеке весной смеси ячменя с озимой рожью. Осенью собирали урожай ячменя, а рожь оставалась как озимь под снег. «На следующий год, — пишет Гваньини, — эта рожь бывает так урожайна и густа, что через нее с трудом можно проехать верхом... притом одно зерно дает тридцать и более колосьев».[384] Баснословность описываемого здесь урожая является отголоском распространенного мнения о том, что

[383] Записки Ал. Гваньини, 328—329.
[384] Там же.

при благоприятном стечении обстоятельств (в первую очередь — при удачном выборе места для подсеки) посевы на подсеках удивляли высокими урожаями.

При поисках нового пути, при переходе к паровой системе земледельцев нередко постигали неудачи, и тогда вспоминали о случаях получения высоких урожаев на подсеках. (Однако известно, что при многолетней эксплуатации всякой подсеки урожаи на ней не окупали труда). Подсека обладала важными преимуществами. Во-первых, берясь за разработку подсеки, земледелец освобождал себя от заботы об удобрении: он считал, что после разделки леса и сжигания подсеки урожай ему обеспечен. Во-вторых, подсека не требовала затраты материальных средств, так как орудия труда, необходимые для подсеки, несложные сами по себе, имелись, как правило, у каждого крестьянина, а чего не хватало, то можно было сделать в лесу из подручного материала. И потому те, кто жил в расчете на простую удачу и не был склонен упорно бороться за урожай и строить хозяйство по-новому, держались за подсеку, особенно в районах, где было обилие лесов.

Не все подсечные участки просто забрасывались после использования их под посев. Если многие подсеки разрабатывались для того, чтобы превратиться в починки и деревни, то могли быть и другие случаи, когда после прекращения посева подсеку чистили для того, чтобы превратить ее в покос, или для того, чтобы она осталась «поляной», пригодной и для посева и для покоса. В XIV—XV вв. в хозяйствах крестьян-земледельцев подсека являлась подспорьем к полевой пашне, поскольку такое подспорье оказывалось нужным, а местные условия предоставляли возможность воспользоваться подсекой.

В документах еще встречается «наезжая пашня», или «пашня наездом», которую иногда связывают с пашней на далеких подсеках. Между тем часто упоминаемая «пашня наездом» по своему происхождению и по тому, каким путем она разрабатывалась, никак не связана с подсечным земледелием.[385] Это пашня на участке, покинутом земледельцем, пашня опустевшего двора, пашня на пустоши; по своему происхождению это полевая пашня. Она сделалась «наезжей пашней» лишь у нового хозяина.

В Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, в лесной нечерноземной полосе, опыт и наблюдения подсказывали лишь один надежный путь для восстановления плодородия земли — внесение

---

[385] АСЭИ I, №№ 563, 564 (стр. 443), 571 (стр. 451), 607 (стр. 507) и 607а (стр. 512); см. также: Материалы, под словами «пашня наездом»; НПК I, стр. 125, 159, 168, 173, 208, 211, 228, 232, 304, 398, 429, 447, 458, 536, 544, 546, 551, 767, 768, 813, 856, 870, 876; НКП II, стр. 23, 93, 173, 203, 231, 488, 578, 579, 634, 635, 659, 663, 726, 733, 737, 738, 799, 866, 878; НПК III, стр. 56, 246, 331, 333, 548; НПК IV, стр. 79, 164, 195; НПК V, стр. 151, 183, 422; ВПК II, стр. 134; ОПК, стр. 10, 37, 41, 46, 48, 49, 51; ОВПК, стр. 78.

удобрений. Только внося удобрения, можно было возвратить почве то, что взято у нее. Вопрос о регулярном внесении удобрений, и притом в достаточном количестве, встал перед земледельцами как сложная трудно решающаяся, но неизбежная задача. При привычке только брать от природы земледельцу понадобилось много времени, чтобы понять необходимость и давать природе, а особенно чтобы свыкнуться с мыслью об удобрении большого пахотного участка и в конце концов признать выполнимой такую задачу. Ее конкретное надежное решение не ограничивалось одной сферой земледелия, а захватывало и скотоводство. При паровой системе земледелия значительно повышается роль скотоводства, с развитием которого эта система находится в тесной связи.[386]

Отмеченное нами совершенствование пахотных орудий привело к улучшению обработки земли, что положительно влияло на урожайность ее и вело к уменьшению количества сорняков на хорошо обрабатывавшихся пахотных участках. Все это помогало осознавать уже на первых шагах выгоды перехода к пашенному земледелию. А за этим, естественно, возникала мысль о возможности повышать урожайность путем улучшения обработки почвы, помимо обязательного внесения удобрения, в сочетании с некоторым непродолжительным отдыхом этого участка. Этот практически важный вопрос мог встать перед земледельцем древней Руси при решении, например, частного вопроса о подсечном участке на четвертом или пятом году его эксплуатации: бросать ли его и браться за тяжелое дело разработки новой подсеки, или попытаться еще лучше пахать старые подсеки, чтобы продлить их плодородие. Не имея возможности удобрять землю в достаточной мере или удобрять весь постепенно увеличивавшийся пахотный участок, земледельцы, конечно, пытались восстанавливать плодородие подсечных участков путем многократной пахоты и отдыха этих участков.

Такой вопрос был практически важным для земледельцев Севера и в XVIII—XIX вв. Земля истощалась скоро, а удобрений при освоении новых, целинных лесных участков не хватало. Ставилась задача добиться надежных урожаев без применения удобрений. Именно в такой постановке вопрос о борьбе за повышение урожая занял важное место в дореволюционной агрономической практике и агрономической литературе в 1860—1880-е годы. Как будто намечалось и решение этого остро стоявшего вопроса: многолетняя паровая обработка бывших подсечных участков. Думали, надеялись, что и без удобрения возможно восстановить их плодородие. Развернулись практические работы по превращению бывших подсечных участков в такие пахотные участки, на которых, применяя многократную обработку почвы, пытались регулярно получать урожаи зерновых, как и на удобряемых обычных полях.

---

[386] А. В. Советов, Избр. соч., стр. 319—360.

Для нас важны результаты всех этих экспериментов, так как они производились в тех лесных районах нечерноземной полосы, которые по всем природным данным наиболее соответствовали интересующей нас зоне лесной полосы Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Ход этих работ и выводы освещены в специальных трудах. В литературе этому вопросу посвящены работы И. Щекотова,[387] П. А. Загорского, заключительные оценки даны в обобщающем труде А. С. Ермолова.

Многолетняя паровая обработка начиналась поднятием целины (а потом выпаханной безнавозной земли) или старой залежи. Затем эту землю бороновали, осенью перепахивали вдоль по пластам, весною опять пахали, а если намеревались сеять озимую рожь, то после весенней пахоты почву бороновали и осенью снова пахали (перед севом) и бороновали. Практически многолетние пары полезны как способ повышения урожая на вновь разрабатываемых лесных участках (подсеках) и, возможно, как эффективное средство для получения большего, чем обычно, числа урожаев. Многолетние пары полезны при разработке запольных лесных полянок. Они могут несколько сократить время отдыха запущенных подсек. Но ждать обязательно большого эффекта от них нет оснований. Сам И. Щекотов пришел к выводу, что «необходимо применять пар на плодоносных землях Севера, даже выкорчеванных из-под леса, следовательно, с большим слоем перегноя». Такого рода почвы после обработки их многолетним паром приобретают физические свойства и спелость, обеспечивающие целый ряд хороших урожаев яровых. «Самые лучшие земли, в том числе и черноземные скаты, нуждаются в многолетней паровой обработке».[388] Таков вывод И. Щекотова по специально интересовавшему его вопросу о многолетней паровой обработке земли.

По существу же многолетние пары являлись лишь одним из агротехнических приемов в практике так называемой лесопольной системы земледелия. И положение о том, что в лесной полосе восстановление плодородия почвы возможно только путем внесения удобрений, остается в полной силе. Действительной устойчивости урожаев можно добиться, лишь сочетая унавоживание полей с применением многолетних паров.

---

[387] См. работы И. Щекотова по общему вопросу: 1) Сельскохозяйственная культура. Сельское хозяйство и лесоводство, ч. CXXXIX, 1882, январь, стр. 41—57, и февраль, стр. 101—122; 2) Лесопольная система хозяйства. Там же, 1884, сентябрь—октябрь, стр. 65—85, 175—204. — Работы И. Щекотова, прямо отвечающие на наш вопрос: 1) Многолетняя паровая обработка земли без удобрения. Земледельческая газета, 20 июля 1895 г.; 2) О получении возможно больших урожаев и озимых и яровых хлебов с подсек. Сельское хозяйство и лесоводство, ч. CIV, 1887, июнь, стр. 103—122. — Оценку общих результатов работ И. Щекотова см.: А. С. Ермолов. Организация полевого хозяйства, стр. 110—111.

[388] И. Щекотов. Многолетняя паровая обработка земли без удобрения.

Чтобы картина агротехнических мероприятий в разбираемых земледельческих хозяйствах была полной, следует еще раз напомнить, что все рассказанное касается запольных лесных полянок. Но эти полянки — не основа в земледельческом хозяйстве крестьянина, а лишь какое-то добавление. Основа же — расположенные при деревне поля, обрабатываемые по трехпольной системе, с обязательным внесением навоза. Однако навоза у крестьянина не хватало, так как было мало скота. Примером практики многолетних паров являются хозяйства крестьян Тотемского уезда. О сельском хозяйстве в Тотемском уезде Вологодской губернии написана работа П. А. Загорского.[389] Он также говорит о большой роли «паров» в земледелии этого края, о нехватке навоза и о том, что не на всю распахиваемую землю у крестьян хватало удобрений. Указывает он и на применение подсеки. Практику многолетних паров Загорский связывает с таким способом обработки полей, который он именует «парово-переложной системой». Это «паровая система с многократной переоркой полей и с внесением навоза», — поясняет он.

Давая общую характеристику земледелия всего уезда в целом, П. А. Загорский говорит: «На землях дорогих, непосредственно прилегающих к селениям, здесь везде придерживаются паровой — зерновой трехпольной системы, на землях же более или менее удаленных — в местностях бедных лесами — системы паровой переложной, а напротив того в местностях лесных — подсечной системы».[390]

И. Щекотов, так же как и П. А. Загорский, различал в практике земледелия крестьян северных лесных районов следующую организацию земледелия: 1) коренные пашни — вблизи селений, «ежегодно удобряемые»; 2) полянки, в большинстве случаев безнавозные, с усиленной паровой обработкой в течение нескольких лет, иногда с залежью; 3) сыросеки (разновидность подсеки) под лен и 4) кое-где новины (подсеки).[391]

В развернутых агротехниками Севера опытах применения многолетних паров для нас представляет большой интерес сочетание в крестьянских хозяйствах: а) полевой пашни, разрабатывающейся по паровой зерновой трехпольной системе, с ежегодным удобрением полей (парового-озимого); б) «полянок» и «заполиц» — в большинстве случаев безнавозных участков с усиленной паровой обработкой (такие «полянки», «заполицы», «лужки», «нивы», «лоскуты», «гоны» или с другим наименованием участки встречаются и в документах XIV—XV вв.); в) «сыросеки», «новины» — подсеки на разных годах эксплуатации; в документах

---

[389] П. А. Загорский. Первый шаг в деле улучшения полевой культуры у крестьян Тотемского уезда Вологодской губернии. М., 1885.

[390] Там же, стр. 64.

[391] И. Щекотов. Лесопольная система хозяйства, стр. 201—203.

XIV—XV вв. это — «сечи», «гари», «палы». Рисующееся здесь сосуществование полей, обрабатываемых по паровой (как увидим дальше, по трехпольной) системе, с разработкой подсек и эксплуатацией полянок, заполиц, мы находим в грамотах XIV—XV вв.; о них мы напомним: «приор», превращенный в пашню, указан в одном из более старых дошедших до нас актов — в купчей на село Медна.[392] Обрабатываемые земли одного из сел Троице-Сергиева монастыря состояли из поля в 31 десятину да из 36 десятин на «чертеже» и на «полянах».[393] Земля на «чертеже» — это новый подсечный участок, а полянки — эксплуатируемые под посев бывшие подсеки.

Многолетний пар не являлся настолько хорошим и простым выходом при перестройке земледелия, чтобы земледелец XIII—XIV вв. мог остановиться на нем. Он был сложен по своей организации. Материалы, приведенные в указанной нами агротехнической литературе 1860—1880-х годов, говорят о том, что опыты применения многолетних паров велись не в рядовых крестьянских хозяйствах, а в больших, хорошо организованных и материально обеспеченных хозяйствах. В то же время применение улучшенной обработки полян и других бывших подсечных участков методом многолетних паров было мерой далеко не достаточной, чтобы восстановить плодородие участка и обеспечить получение с него пусть даже только удовлетворительного урожая. Земля требовала обязательного удобрения, и только при условии внесения удобрений в нечерноземной лесной стороне нашла применение, закрепилась и окончательно победила подсеку паровая система земледелия. Именно на базе этой системы создавались поля — постоянные участки пашенной земли, — регулярно обрабатываемые, удобряемые и засеваемые земельные участки.

---

[392] «А завод и межа... враѣом (оврагом, — *Г. К.*) от Тверци от рики... да по Тверци на нис возли приор Старскои...» (купчая Михаила Федоровича (Крюка Фоминского) на село Медну с деревнями Новоторжского уезда; см.: АСЭИ I, 2 (1380—1417 гг.), стр. 26). — В более позднем документе на это же село указанный «приор Старской» назван «пашнею Старскою» (АСЭИ I, № 71 (около 1430 г.), стр. 64).

[393] «Променил яз (Никон, чернец монастыря, — *Г. К.*) землю... села Чегодаева в поле... тридцать десятин с десятиною, да на чертеже и на полянах тридцать жо десятин да шесть, а всех седмьдесят десятин без трех пахотнои земли... А выменил... села Волковского Новоселки в дву полех пахотной же земли седмьдесят десятин без трех» (Меновная Троице-Сергиева монастыря с С. И. Борисовым пахотной земли села Чегодаева на землю села Волковского Муромского уезда; см.: АСЭИ I, № 601 (1495—1506 гг.), стр. 498). — Что такое «чертеж», раскрыто челобитной крестьянина: «Был я сирота у него (у соседа землевладельца, — *Г. К.*) в наймех, и велел мне сироте суки зажечь. И я сирота те ево суки зажег, и с тех его суков ушел огонь в суки Максимка Кондратьева, и чертеж ево Максимков згорел» (Карелия в XVII в., № 150, стр. 240); в купчей новгородца сказано: «се купил... землю... двор за рекою... пожни... притеребы... и починки свои и чертежища свои, всю свою треть Икшина острова» (ГВНП, № 249 (XV в.). стр. 261).

Материалы позднейшего времени рассказывают о том, при каких условиях крестьянину удавалось расширить свою запашку. Сначала он присоединял не весь разработанный способом подсеки участок, а лишь некоторую небольшую его часть, на какую хватало удобрения. Так медленно, постепенно росли крестьянские поля. Именно в этот, самый сложный период строительства сказывалось свойство паровой системы земледелия как системы, связанной со скотоводством: скотоводство, обеспечивая земледельческое хозяйство удобрением — навозом, создавало условия для роста полей, для поддержания их плодородия.

Из случаев применения подсек, отмеченных в источниках XIV—XV вв., некоторые говорят о практике подсечного земледелия, совмещавшегося, сосуществовавшего с полевой системой, но большинство отмечает, что подсечные участки постепенно включались в общий клин расширявшейся или вновь создававшейся полевой пашни. Это наблюдение относится в равной мере и к древности, и к более близкому нам времени, описанному этнографами XVIII—XIX вв. Именно в такой форме постепенного роста путем присоединения мелких долей из числа разработанных подсечных участков, таких долей, на которые хватало удобрения, складывались полевые участки каждого отдельно взятого земледельческого хозяйства, каждой деревни. Это был медленный рост, рост в сложной обстановке одновременного развития и земледелия, и скотоводства, причем скотоводства, рассчитанного на тесную связь с земледелием и базировавшегося на ежегодное длительное стойловое содержание скота, следовательно связанного с освоением сенных угодий, а когда это потребуется — и с разработкой таких угодий. Была бы полная ясность в этом вопросе, если бы до нас дошли письменные источники, которые рассказали бы о нашем сельскохозяйственном производстве, рассказали бы и об удобрениях — примерно хотя бы в такой форме, как это сделано Александром Гваньини в отношении хозяйства Белоруссии XVI в.

Однако письменные источники, дошедшие до нас, даже в намеках не высказываются по этому вопросу. Есть косвенные указания на то, что не все районы одинаково остро нуждались в удобрениях для ведения парового земледелия. Г. Штаден в той части своих записок, в которой он дает характеристику географических, экономических и других особенностей отдельных областей Руси, особо выделяет Рязанскую землю и пишет о ней: «Область эта — ворота Русской земли и Москвы. Рязанская земля такая прекрасная страна, что подобной ей я и не видывал. Если крестьянин высевает 3—4 четверика, то ему еле-еле хватает сил, чтобы убрать урожай. Земля тучна. Весь навоз свозится к рекам: когда сходит снег и прибывает вода, то навоз весь сносится водой».[394]

[394] Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки опричника.

В этом общем отзыве о Рязанской земле, может быть, и есть некоторое заведомо преувеличенное восхищение, но по вопросу о навозе Штадена никто не вызывал ни на высказывание, ни на преувеличение. В 1572 г. Штаден был «на берегу» (в пограничной полосе) на Оке во главе одного из разъездов передового полка князя Дмитрия Ивановича Хворостинина. В это время он и мог наблюдать жизнь в Рязанской земле, в это время он и видел навоз на берегах рек, вывезенный туда за ненадобностью. Поэтому мы можем все сообщенное Г. Штаденом о навозе принять за правдивое свидетельство о Рязанской земле в середине XVI в. Мы знаем, что и позднее, в XVII и XVIII вв., почва в большей части Рязанской земли была такой, что поля не нуждались в удобрениях.[395]

Первое упоминание об удобрении в дошедших до нас письменных памятниках мы находим в «Послании митрополита Фотия литовским священникам и мирянам», датируемом 1419—1420 гг. «...человек сам себе винограду делатель и сие бо лето да покаемся и се бо есть окопати и осыпати гноем»,[396] — пишет Фотий, имея в виду уход за садовыми деревьями. В витиеватом послании митрополит пользуется в качестве художественного образа примером ухода за плодовыми деревьями и говорит об окапывании их и о внесении удобрения — «гноя» — вокруг них. В порядной на деревню, данную Лодомской церкви в 1560 г., в числе обязательств, взятых на себя порядившимся крестьянином, значится: «...та деревня сеяти, и орати и сено косити, и гной на землю возити».[397] В других порядных той же церкви указывается на обязанность «навоз на поля возити».[398] В приходо-расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря в записях 1570—1580-х годов удобрение называется еще «назём» и говорится о «гноевозцах», о «назёмщиках»,[399] вывозивших удобрения на поля. Так устанавливаются три названия для применявшегося на полях, огородах и садах удобрения: «гной», «навоз» и «назём». Когда Фотий писал о «гное», то нет сомнений, что он думал именно об удобрении, применяемом и в садах, и в огородах, и на полях. К этому мы

М., 1925, стр. 76; Д. Н. Прянишников. Частное земледелие. М.—Л., 1929, стр. 13.

[395] Почва разная: а) чернозем, не требующий навоза; б) глинистая и иловатая и в) песчаная, которую надлежит унавоживать (Ответы на анкету Вольного экономического общества о земледелии и домостроительстве. Ответы провинции Переяславля-Рязанского. Тр. ВЭО, 1767, ч. VII, стр. 51—56).

[396] ДАИ I, № 183 (1419—1420 гг.), стр. 343 (Послание митрополита Фотия литовским православным).

[397] РИБ XIV, № 38 (1560 г.), стр. 60 (Двина); № 58[1] (1573 г.), стр. 91—92.

[398] Там же, № 58[4] (1579 г.), стр. 92—95; № 58[5] (1580 г.), стр. 95—97.

[399] ЛОИИ, архив, ф. 271 (Приходо-расходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря), оп. 2, № 11, лл. 28, 32, об., 37, 38.

можем еще добавить: Фотий был грек; он долго не мог изучить русский язык настолько, чтобы обходиться без переводчика при составлении посланий и других ответственных документов. Можно думать, что переводчик помогал ему и при составлении этого послания.[400] Значит, о «гное», об удобрении говорит не только митрополит Фотий, но и русский переводчик — правщик его проповедей. Упоминая о «гное», русский переводчик, конечно, имел в виду удобрение известное, широко распространенное на Руси.

В трудах ряда историков отмечалось высокое плодородие земель Владимиро-Суздальского ополья,[401] послужившее основою для процветания этого края в XII—XIII вв. Там был не южный степной чернозем, а земля, которая требовала удобрения, но, по-видимому, не столь обильного и регулярного, как в других районах Северо-Восточной Руси. Различие в почве могло сказываться и на сравнительно небольших пространствах соседних районов. В литературе отмечаются примеры того, как в одних районах удобрение (навоз) за ненадобностью выбрасывалось, в то время как в других, близко расположенных соседних районах ощущалась острая нужда в нем и земледельцы бедствовали вследствие низкого плодородия земель и частых неурожаев.[402] Более высокой урожайностью выделялись пойменные места в долинах многих рек, в прибрежье озер Северо-Восточной, Северо-Западной Руси и на севере Руси (в долине Северной Двины и ее притоков). Даже незначительные на первый взгляд различия в природе рядом расположенных районов могли приводить к большому различию в их сельском хозяйстве.[403] Поэтому мы с полным основанием можем считать, что местные природные условия заставляли поразному решать и фактически осуществлять переход от подсечного земледелия к паровой системе. Различие могло сказываться и в длительности переходного периода, и в многообразии тех промежуточных форм, через которые он проходил. Мы не должны упускать из виду и важнейшую особенность изучаемого нами периода: разобщенность земель-княжеств. Их изолированность сказывалась особенно резко именно в XIII—XV вв., при этом она давала себя знать не только между землями-княжествами, но и

---

[400] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II (период второй — Московский), ч. 1, стр. 382.

[401] См. выше, стр. 89—90.

[402] П. Великосельцев. Об оценке навоза в русском сельском хозяйстве. Тр. ВЭО, 1867, т. II, вып. 1, стр. 5—10. — Автор указывает ряд соседствующих районов в Нижегородской, Пензенской, Тамбовской губерниях, из которых в одних навоз выбрасывался, а в других наблюдались неурожаи из-за отсутствия удобрений.

[403] Ф. Кене. Агрономическое путешествие по некоторым уездам Вологодской губернии в 1854 г. ЖМГИ, 1856, № 2, стр. 262—271. — Автор проехал только по юго-западным уездам губернии, но обнаружил огромное различие в состоянии, технике и организации земледелия в разных районах, увидел связь этих различий с природными и другими условиями и хорошо рассказал обо всем этом.

внутри каждой земли-княжества — как хозяйственная, экономическая обособленность даже мелких районов-волостей, отделенных лесными волоками и болотами от своих соседей. В таких районах все могло решаться по-особому, отлично от других; по-своему решались и вопросы техники земледелия. Но все же общим свойством, присущим всей лесной нечерноземной полосе, следует считать то, что почва здесь требовала удобрения; районы, подобные имевшимся в Рязанской земле или в Нижегородской, были исключениями.

Отмечаемая историками земледелия органическая, тесная связь паровой системы земледелия со скотоводством обусловливалась в первую очередь тем, что скот давал земледельцу удобрение, необходимое для его полей. Сведения о стойловом содержании скота, о хлевах, конюшнях, о коровниках и других помещениях для скота относятся к глубокой древности,[404] равно как от глубокой древности в большом числе дошли до нас данные о сенных угодьях, о заготовке кормов для скота в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.[405] Все это говорит о накоплении большого количества удобрений в каждом хозяйстве, а вместе с этим о вероятном применении удобрений не только на огородах, но и на пашне земледельцев с первых шагов перехода к полевому земледелию.

Для более ясного представления о земледельческом хозяйстве того времени напомним, что огороды, конечно, заводились еще и в период господства подсеки.[406] Поэтому, характеризуя процесс перехода к паровой системе земледелия, мы должны отметить, что уже в самом его начале дело не ограничивалось одной расчисткой

---

[404] Правда Русская, стр. 72 и 81 (ст. 38 Краткой Правды), стр. 418—419 и 428—429 (ст. 41 и 58 Пространной Правды); ЛН IV, стр. 477; Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 85; Житие Феодосия, игумена печерского, списание Нестора. «Чтения», 1879, кн. 1, стр. 29; Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа мирликийского. СПб., 1888, стр. 34, 44; ЖС, стр. 17; СГ, № 38 (1499—1500 гг.), стр. 147. — Археологами при раскопках в Старой Ладоге обнаружены внутри раскопанного двора и возле дома на скотном дворе, датируемом IX—X вв., «мощные пласты стойлового навоза» (Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г., СА, № 14, 1950, стр. 139—169).

[405] См. ниже, гл. III, стр. 267—274.

[406] А. В. Кирьянов, не находя возможным разрешить вопрос о применении удобрений на полях в Новгородской земле XI—XII вв. на основе археологических материалов (навоз плохо сохраняется в земле), тем не менее считает несомненным, что в хлевах, конюшнях и других помещениях для скота уже в это время накапливалось большое количество навоза и вопрос стоял лишь об организации регулярной вывозки его на поля (А. В. Кирьянов. История земледелия..., стр. 334—335); мы также считаем, что ежегодно после каждого зимнего стойлового сезона накапливалось большое количество удобрений и они, конечно, использовались в земледелии; многочисленны сведения об огородах от XI и XII вв., и среди них — известия об огородах-капустниках и конопляниках, которые без внесения удобрений не давали бы урожая, а в связи с этим естественно предполагать и раннюю практику вывозки удобрений на поля.

подсечного участка и глубоким вспахиванием его сохой. Земледелец, стремясь восстановить плодородие обрабатываемого им участка и повысить его урожайность, безусловно скоро осознал необходимость удобрения пашенной земли и «гной», или навоз, стал вывозить на поля. Таким было пашенное земледелие еще на первом этапе его борьбы с подсекой.

Удобрение полей обеспечивало прочность победы паровой системы над подсекой; соответственно усовершенствованной оказалась и соха, с XIII в. снабженная полицей. При ее помощи земля глубоко вспахивалась и хорошо упрятывался навоз. Таким образом, каждое земледельческое хозяйство, а потом и каждое земледельческое селение постепенно обеспечивалось достаточным по размеру участком полевой пашенной земли.

Приводя и раскрывая документальный материал XIV—начала XV в. по истории деревни, а также материал о пустошах и починках, мы отмечали достигнутые за XIII—XV вв. успехи в развитии паровой системы земледелия и в распространении ее на всем пространстве Северо-Восточной Руси. В литературе по истории сельского хозяйства указывается на датируемую 1543—1544 гг. сотную грамоту на дворцовое село Буйгород, из которой мы узнаем, что практика регулярного удобрения полей навозом являлась делом очень давним, само собой разумеющимся, обязательным. Использование навоза было широко распространено как в крестьянском хозяйстве, так и в огородах феодалов.[407]

Длительный разрыв в письменных известиях об удобрениях для полей заполняется упоминанием (столь же случайным, как и упоминание «гноя» в послании московского митрополита) о «навозе» в судном деле 1490-х годов о Заречной земле села Ивановского Московского уезда.[408] Представитель одной из тяжущихся сторон, Василий Уский, в ходе судоговорения заявил: «А что... называет Семенко Кожа Сонинскою землею селищом, да и каменье на нем старое сказывает; ино яз, господине, возил на ту землю за речьку навозъ, да и каменье, господине дворовое на нем есть».[409] Выступающие в этом деле знахори говорят, что знали упоминаемую землю Сонинскую еще «до мору», т. е. до 1420-х годов, а в момент суда эта земля была «третьим полем»

---

[407] АФЗ II, № 178 (1543—1544 гг.), стр. 177 (Сотная на дворцовое село Буйгород Волоцкого уезда).

[408] Правая грамота Симонова монастыря крестьянину Василию Узкому на землю Заречье в Горетовом стане Московского уезда, бывшую в споре с крестьянином Семеном Кожей. ГИМ, Отдел письменных источников, № 58 (Копийная книга Симонова монастыря), лл. 115—119.

[409] Там же, л. 115 об. — Слово «навозъ» написано ясно, крупно, с твердым знаком на конце. При недавнем издании этого документа вкралась опечатка: вместо слова «навоз» напечатано «на взвоз» (АСЭИ II, № 404, стр. 414). Чтение интересующего нас места заново проверено нами по подлиннику: ошибка у издателей — см. воспроизведение этой страницы рукописи на рис. 6, строки 2—6 снизу.

монастырской деревни. И мы имеем основание считать, что удобрение навозом полей на земле Сонинской производилось еще «до мору», т. е. в годы составления послания митрополита Фотия.

Ни одного сочинения, посвященного описанию сельскохозяйственного производства (подобного запискам Ал. Гваньини), от древней Руси до нас не дошло. Материалы о скотоводстве и те случайные указания на «гной» и «навоз», которые в качестве косвенных свидетельств о применении удобрений оказываются в двух приведенных нами документах начала и конца XV в., позволяют считать, что пашенное земледелие, начало которого мы и для лесной полосы относим к X—XI вв., постепенно расширялось, одновременно с развитием скотоводства. Около каждого земледельческого двора появляются поля. Солома (в особенности ржаная), которая в известном количестве поступала еще с подсек, с появлением полей, расположенных вблизи земледельческого двора, теперь стала регулярно и в большем количестве поступать в хлевы и конюшни в качестве подстилки скоту. Появился «навоз» в том смысле, в каком он называется в письменных памятниках XV, XVI и последующих столетий; тот самый навоз, который и до сих пор является необходимым удобрением для пахотных полей. Рядом со словом «гной» появляются слова «навоз», «назем», обозначающие удобрение, вывозимое на пахотные поля. Увеличение количества навоза вело к росту полей. Постепенно в каждом земледельческом селении, в каждой деревне образуются такие участки полевой пашенной земли, которые обеспечивали в достаточном размере посев зерновых хлебов.

Полевая пашенная земля — основа, необходимый элемент и первый показатель успешного развития паровой системы земледелия. И когда мы, лишенные основной массы письменных источников XIII—XIV вв., ставим вопрос — а когда же все это было? — то ответ подсказывается нам уже разобранными материалами о деревнях, пустошах и починках этого времени. Так вырисовывается картина интересующего нас процесса развития земледелия в целом и важнейшего его этапа — развития паровой системы земледелия — в частности.

В сотной на село Буйгород специально подчеркнуто особое значение навозного удобрения в земледельческих хозяйствах древней Руси, обращено серьезное внимание на накопление его каждым крестьянским хозяйством и на правильное его использование в большом владельческом хозяйстве.

О «паре», о паровой системе земледелия и об удобрении много говорят порядные и хозяйственные вотчинные книги XVI в. А в отношении Новгородской земли все раскрыто в Новгородских писцовых книгах.[410] По характеру своего содержания и по времени к этим писцовым книгам примыкает упомянутая нами сот-

---

[410] См. ниже, стр. 177—180, 188—200.

ная на село Буйгород. Этот документ показывает деревню Северо-Восточной Руси и паровую систему земледелия на важнейшем этапе развития, когда паровая система земледелия уже победила огневое подсечное земледелие. В сотной дано краткое описание села Буйгород и тянущих к этому дворцовому селу 57 деревень. «В селе и деревнях 305 вытных (т. е. несущих тягло, обложенных тяглом, — *Г. К.*) дворов, а невытных 31 двор, а людей в них и с невытными триста сорок два человека крестьян, а пашни хрестьянские в... деревнях в одном поле 804 десятины...»; «А вытей (условных окладных единиц, соответствующих обжам или сохам НПК, — *Г. К.*) в селе и в деревнях сто тридцать четыре выти, а на выть хрестьянские пашни по шти (т. е. по шести, — *Г. К.*) десятин в поле, а пахати им на великого князя... сто тридцать четыре десятины, с выти по десятине, а сеяти им на десятину по две четверти ржи, а овса вдвое, а навоз им возити на великого князя пашню своих дворов по тридцать колышек на десятину, а мера колышке в длину и поперег четыре пяди, а вверх две пяди».[411]

Село Буйгород — очень старое село; равно как и Буйгородская волость, оно издавна входило в состав Тверского княжества. С 1480-х годов село стало дворцовым владением московского великого князя, а потом великих князей Ивана и Федора Борисовичей.[412] Тверское княжество описывалось еще в 1490-х годах князем Федором Алабышем и Петром Лобаном Заболоцким[413] (интересующий нас район), и наша сотная, вероятно, имела основой последнее описание (писцовые книги). Хозяйство крестьян ведется на основе паровой трехпольной системы.[414]

История села и волости в конце XV и начале XVI в. такова, что нет никаких оснований предполагать здесь в этот период крупные перемены в технике и организации сельского хозяйства. На протяжении этого времени навоз заготовлялся крестьянами, видимо, в очень большом количестве. Требовалось много навоза, чтобы вывозить его на дворцовые великокняжеские поля; кроме того, по 30 колышек[415] на десятину крестьянин стремился оставить и для своих полей, а каждое поле в среднем было по 2.64 де-

---

[411] АФЗ II, № 178, стр. 176.

[412] ДДГ, № 85, стр. 341—344; № 89, стр. 357 и 382; № 98, стр. 408.

[413] Там же, № 89, стр. 357.

[414] В сотной, по сравнению с писцовой книгой, все изложено кратко: в селах и деревнях указано лишь общее число дворов, а пашня только в одном поле; вскоре (в 1546—1547 гг.) была дана сотная на другие деревни этого же села; в последней сотной в каждой деревне поименно перечисляются дворы крестьян, а размер пашни указывается по формуле: «в одном поле (столько-то) четвертей, а в дву полех по тому ж», — и указывается, в какое число вытей обложена каждая деревня (АФЗ II, № 198, стр. 198—199).

[415] Колышка навозу по форме — конус, диаметром около метра и высотой около полуметра.

сятины.[416] Для ежегодной подготовки такого количества удобрений каждому крестьянину требовалось содержать большое количество скота, иметь много соломы для подстилки. Большой посев зерновых хлебов и самое внимательное отношение к расходованию соломы, к накапливанию и к сбережению навоза — вот что предполагают составители сотной как обязательное свойство всех крестьянских хозяйств этого села.

При паровой системе земледелия каждый крестьянин был обеспечен постоянным участком полевой пашенной земли. Это избавляло его от постоянных забот по приисканию новых подсечных участков, от изнурительного тяжелого труда по расчистке и выжиганию подсек. Площадь полей была во много раз меньше той лесной площади, на которой разрабатывались (а потом зарастали лядинами) многочисленные подсеки; урожай же с полей был, конечно, больше и надежнее, чем удавалось крестьянину собирать с подсек. Внося удобрение, улучшая обработку полей, земледелец держал урожай в своих руках. Более разнообразным и отвечающим потребностям земледельца стал и ассортимент зерновых хлебов, овощей и технических культур. Земледелие развивалось в тесной связи со скотоводством, они взаимно поддерживали друг друга.

ТРЕХПОЛЬЕ

Паровая система земледелия, организованная в форме трехпольной системы, постепенно становится общераспространенной в древней Руси. На сходной стадии развития сельского народного хозяйства трехполье как вид паровой системы, — в условиях общего пользования лесными, сенными и другими земельными угодьями, было свойственно хозяйству земледельцев и Западной Европы.[417] Трехполье на Руси продержалось в крестьянских хозяйствах вплоть до Октябрьской социалистической революции, до коренной перестройки отсталого хозяйства нашей старой деревни. При паровой системе возможно и двухполье, но в условиях севера Руси, где в числе зерновых хлебов в равной мере считались полезными и необходимыми озимые и яровые, двухполье практически не привилось.

Применением пара и удобрений решался вопрос о восстановлении плодородия и о поднятии урожайности на постоянных пахотных полях. Практически столь же важным был и вопрос об отборе земледельцами наиболее пригодных и полезных зерновых хлебов, прядильных растений и овощей, взаимно обеспечивающих лучшую урожайность. Такой отбор должен был сопровождаться

---

[416] Всего пашни 804 десятины в одном поле, дворов 135; в среднем двор обложен в 0.44 выти.

[417] Ф. Энгельс. Марка. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, стр. 334—335.

установлением для каждого растения его требований к почве, к климату и т. п., определением условий, более благоприятствующих его выращиванию, нужного ему ухода и т. п. Следовало предусмотреть и порядок совместного культивирования их на пахотном участке. Все это надлежало решать со строгим учетом местных особенностей района и каждого хозяйства.

Издавна определилось четкое разделение всех зерновых хлебов на озимые и яровые. Биологические особенности озимых хлебов были известны с глубокой древности. Основным озимым хлебом являлась озимая рожь. На долю яровых, кроме пшеницы, ячменя, овса, падали также ярица (яровая рожь), горох, гречиха, просо; в яровом поле высевались еще лен и некоторые овощи, если они выращивались на полевых землях.

На первый взгляд при паровой системе наиболее простым и легче осваиваемым кажется двухполье. В этом случае после каждого посева хлебов обрабатываемый участок (поле) следующее лето отдыхал под паром. Когда земледелец желал выращивать одни яровые или один озимый хлеб, это разрешалось легко и при двухполье. Но сложнее оказывалась обстановка, когда земледелец культивировал и яровые, и озимые хлеба. В таком случае полевой клин приходилось делить на четыре части (иметь четыре поля): на одной из них весной из-под снега выходила озимь посеянного еще осенью озимого хлеба, летом же росла и вызревала озимая рожь; на втором участке весной сеялись яровые хлеба, и с обоих участков (с одного раньше, с другого позднее) снимался хлеб; два подобных же участка (т. е. третье и четвертое поля) отдыхали, причем один подвергался некоторой обработке, готовился под посев озимого хлеба и засевался (в августе), а другой оставался свободным, отдыхающим, — он предназначался под посев (весною) яровых хлебов. Практически было не простое двухполье (посев — пар), а четырехполье (озимый хлеб — пар — яровой хлеб — пар). И расценивать двухполье как простейшую переходную к трехполью (основываясь только на том, что два проще трех) форму паровой системы земледелия нет оснований. Паровая система в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси выступила и закрепилась именно в форме трехполья, как система полеводства, обеспечивавшая одновременную успешную культуру озимых и яровых зерновых хлебов. И в изучаемое нами время трехполье как форма паровой системы земледелия, предусматривающая применение удобрений, являлась важным показателем успешного развития земледелия в нечерноземной лесной полосе древней Руси. Но, к сожалению, состояние источников не позволяет в желательной мере строго определить время начала применения ни паровой системы земледелия, ни трехполья. Источники для различных районов освещают лишь более поздний этап этого процесса; они сообщают факты уже об освоенном, ставшем привычным паровом земледелии и трехполье.

Встречающиеся в письменных памятниках более раннего времени (XIII—первой половины XV в.) редкие сведения о земледелии отрывочны, случайны; обычно они рассказывают о единичных явлениях, а чаще это лишь косвенные, попутные указания, случайные намеки в документах, не имеющих прямого отношения к сельскохозяйственному производству. Но и такие отрывочные косвенные указания от разного времени и из разных мест получат ясный смысл и приобретут вес и значение ценных свидетельств, если поставить их на должное место, верно и до конца прочитать их. Они помогут нам более ясно представить общий процесс развития паровой системы земледелия и конкретизировать материалы о трехполье как форме этой системы, характерной для древней Руси и именно для изучаемого нами периода истории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.

В меновной Троице-Сергиева монастыря с боярином В. Ф. Кутузовым на села в Волоцком уезде (а позднее — в Рузском и Дмитриевском уездах)[418] сказано о предмете мены. Троицкий монастырь менялся «Тарховским селом, Тамачюковым, да другим селом Дорским, и з деревнями и с пустошми, и с луги, и с пожнями, и с лесом, и с ужинъкою, и с хлебом, которой в земле и на полех, и с рожью, и с ярью и с сеном...». А выменял «села Нестеровское да Карповское, и з деревнями, и с пустошми, и с луги, и с пожнями, и с лесом, и с хлебом, которой в земле и на поле, с рожью, и с ярью, и с сеном, со всем что к тем селом потягло, куды его соха, топор, коса ходила». Меняются селами, деревнями и пустошами старых вотчин, возникших, как и села, не позднее середины XIV в. Судя по состоянию хлебов (рожь и ярь на поле уже были сжаты), время сделки падает на осень — на сентябрь, а может быть и на октябрь. Меняющиеся стороны предусматривают передачу одна другой хлеба, «который в земле», т. е. ржи — не столь давно посеянного озимого хлеба, и хлеба на полях — ржи и яри «стоги», т. е. сжатого озимого хлеба и ярового хлеба, хранящегося на полях в стогах. Перед нами совершенно ясная картина хозяйства с трехпольем: на первом поле — посеянная озимь, рожь (хлеб в земле), на втором и на третьем — уже сжатые ярь и рожь (озимая).

Подобную же картину, но приуроченную к другому сезону, рисует духовная землевладельца Переяславского уезда Патрикея Строева.[419] Завещатель, указав, как распределяется домашний скот среди его наследников — двух старших сыновей («Доронки да Фетки») и жены с младшими детьми, — пишет следующее в отношении хлеба: «А што моего хлеба, ржи ли, яри ли, то им (наследникам — двум старшим сыновьям и жене с младшими детьми, — *Г. К.*) по жеребием. А што им сеяти ныне рожь

[418] АСЭИ I, № 62 (1428—1432 гг.), стр. 58—59.
[419] АСЭИ I, № 11 (1392—1427 гг.), стр. 31—32.

в земле, то им по половинам». Время составления завещания — середина лета, когда в двух полях росли и созревали рожь (озимая) и яровые хлеба, а третье, паровое поле было предназначено для посева озимой ржи. В завещании говорится, что наследники будут сеять озимую рожь по половинам, по своим полям. А в отношении созревающих ржи и яровых хлебов указывается: делить их по жребию, т. е. кому какой участок достанется, тот и соберет хлеб с него.

Конечно, если бы указанное завещателем зерно было в закромах, то его легко можно было бы измерить и разделить поровну, да и завещатель не назвал бы все это зерно просто «ярью» — наименованием общим, а указал бы конкретно, как следует разделить пшеницу, овес, жито и др. Следовательно, завещатель, кроме озимого поля и пара, имел в виду еще яровое поле с растущим на нем яровым хлебом.

Оба приведенных нами документа фактически свидетельствуют о трехполье как установившейся организации земледельческого производства. Села с трехпольем, указанные в меновной и духовной, — большой давности. Мы не знаем, когда они возникли; но владелец сел, составитель духовной, успел прожить долгую жизнь, прежде чем приступил к составлению завещания. И даже если бы он сам строил это село, то начальные годы возникновения его относились бы к середине XIV в. К этому времени мы должны отнести и свидетельство о трехполье в упомянутых селах, и притом о трехполье, уже привычном в то время.

Трудности с источниками благоприятствовали распространению мнения об очень позднем появлении трехполья (лишь к концу XV в.), хотя документальных оснований для этого и не было. Сторонники такой точки зрения считают, что убедительны лишь прямые указания на трехполье, или упоминания о паренине, или одновременное указание на озимое и яровое поле; по их мнению, только с даты такого документа можно начинать счет существования трехполья.[420] А верно ли то, что в таких документах говорится только о начале распространения трехполья? Первой разберем часто упоминающуюся в литературе жалованную грамоту митрополита Феодосия игумену Парфению Михайло-Архангельского монастыря (1462 г.) на земли «на Михайловой стороне».[421] Среди дошедших точно датированных документов это один из ранних, содержащих прямое указание на трехполье. В этой грамоте говорится: «Се яз Феодосий митрополит всеа Руси пожаловал есмь игумена Парфенья... ослободил есмь ему пахати церковную землю пречистыа Богородицы и свою митропольскую архангельскую и с нынешнею парениною...».

[420] Н. П. Огановский. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911, стр. 67—68.

[421] АФЗ I, № 158 (1462 г., 4 августа), стр. 141 (Суздальский уезд).

Упоминание о паренине, конечно, очень ясно указывает на трехполье. Но следует еще обратить внимание на два любопытных места в документе. Во-первых, митрополит, жалуя землю, особо указал, что надлежит пахать ее «и с нынешнею паренино». Во-вторых, указание пахать паренину дано 4 августа, т. е. тогда, когда уже подошел крайний срок для посева озимого хлеба; неделя-две промедления — и сеять озимь было бы уже поздно. Вероятно, последнее обстоятельство и явилось причиной упоминания о «нынешней паренине».

Исключительная случайность послужила причиной того, что в данной жалованной грамоте 1462 г. имеется прямое указание на «паренину», а значит — и на трехполье. Только особый случай, — то, что администрация митрополичьего дома затянула вопрос о передаче земли игумену и из-за этого оставался нерешенным вопрос о том, кто будет сеять озимое, — придал этому документу черты ясного свидетельства о трехполье.

Прямые указания на трехполье содержит также ряд правых грамот, судные списки, разъезжие. К сожалению, таких документов сохранилось и дошло до нас очень мало. В опросах свидетелей — при описании осмотра спорных земельных владений, при указании меж — нередко в этих судных и межевых документах называются ржаные поля, яровые поля, третьи поля и т. д.; свидетели-знахори рассказывают, что знают эти поля и другие угодья уже многие десятки лет, а от отцов и дедов знают о них еще за гораздо больший период времени.

В судном докладном списке о земле Косовской, Нерехотской волости, Костромского уезда, датируемом около 1470-х годов, говорится: «И тот... Нелидко припустил тое земли к собе сего лета в поле яровое и в паренину; в яровое, господине, поле впустил четверти на три, а в паренину на четверть. Да огороду (изгородь, — *Г. К.*)... собрал с межи... да поставил... огороду по манастырской земле».[422] Знахори-свидетели говорят, что эти изгороди стояли и поля были давно: «помним лет за 50».[423] Значит, и трехпольное земледелие здесь ведется давно — с 1420-х годов.

В несколько более позднем (около 1488—1490 гг.) судном списке о земле (о третьем поле села Поемечья той же Нерехотской волости Костромского уезда) один из свидетелей говорит: «...а та, господине, земля Поемесская третье поле из старины. А помним то, господине, с сех мест за семьдесят лет».[424] В правой грамоте конца XV в. говорится о селище Попкове как о третьем поле села Бисерова, причем свидетели утверждают, что знают

---

[422] АСЭИ I, № 397 (около 1470—1478 гг.), стр. 288—289 (Нерехотская волость Костромского уезда).

[423] Там же, стр. 289.

[424] Там же, № 540 (около 1488—1490 гг.), стр. 418—420.

это селище больше пятидесяти лет.[425] П. Смирнов с достаточным основанием относит эти сведения о третьем поле к 30-м годам XV в.[426]

Мы пошли по пути улавливания тех попутных, брошенных вскользь указаний на «паренину», на «третьи поля», на озимые и яровые поля, которые по случайным поводам обронены в процессе судоговорения состязующимися сторонами или их свидетелями и изложены потом в судных делах.

В целях экономии места все эти указания на третьи поля, на паренину — как прямые, непосредственные свидетельства о случаях трехполья — мы сведем в одну таблицу (табл. 1).

Бросается в глаза случайность отметок о трехполье, попавших в документы. Указано на паренину и трехполье в Двинской земле и в Заозерье, на Кубене в Вологодском уезде. Но почему-то нет указаний ни на Ростовский уезд, ни на Рязанскую землю. Случайны и высказывания о времени существования паренины и третьих полей, которые были привычными. И потому судить по ним о времени появления трехполья нельзя. Паренина и трехполье во всех случаях возникли намного раньше того, чем о них указано в документе.

Следует обратить внимание и на стремление землевладельцев путем купли или испрошенных пожалований обеспечить трехполье в принадлежащих им деревнях и селах, что отражено в некоторых дошедших до нас жалованных грамотах монастырям и в их купчих. В купчей Троице-Сергиева монастыря на деревни Тимонинскую и Матфеевскую записано: «Купил есми землю... Троице-Сергиеву монастырю... деревню Тимонинскую да деревню Матфеевскую, да впущена в поле к тем двема деревням деревня Оксеновская».[427] В другом же документе — в жалованной грамоте угличского князя Андрея Васильевича Троице-Сергиеву монастырю — говорится, «что в моеи отчине на Угличе в их (Троице-Сергиева монастыря, — *Г. К.*) селе Прилутцьском и Родивоновъской деревьне пригородили к двема полем моее земли Павъловъсково села, и яз князь Андрей Васильевич... обыскав... пожаловал дал есми ту землю в дом (Троице-Сергиева монастыря, — *Г. К.*)».[428]

В Северо-Восточной и Северо-Западной Руси основным озимым хлебом была рожь при достаточном разнообразии яровых. Яровыми же были овес, ячмень, пшеница и другие хлеба и хозяйственные культуры. Поля при трехполье обычно были рав-

[425] АФЗ I, № 114 (конец XV в.), стр. 106 (село Бисерово Коломенского уезда).

[426] П. Смирнов. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. ВИ, 1946, № 2—3, стр. 77; Очерки истории СССР, т. II, стр. 27.

[427] АСЭИ I, № 85 (1432—1445 гг.) (купчая на деревни в Каменском стане Дмитровского уезда).

[428] Там же, № 365 (1467—1474 гг.) (Угличский уезд).

Таблица 1

Указания на «паренину» и «третьи поля»

№ п/п	Источник	Дата		Район	Примечание
		документа	практики трехполья		
1	Жалованная грамота митрополита игумену Михайло-Архангельского монастыря на землю на Михайлове стороне (АФЗ I, № 158).	1462 г., 4 августа.	Паренина, издавна существующая.	Суздальский уезд.	—
2	Судный докладной список Троице-Сергиеву монастырю на землю Косовскую (АСЭИ I, № 397).	70-е годы XV в.	Свидетели помнят о распределении угодий между деревнями, а с этим и об обычных паровом и яровом полях, существовавших еще 50 лет назад.	Нерехотская волость Костромского уезда.	Паренина во второй четверти XV в.
3	Жалованная меновная грамота великого князя Троице-Сергиеву монастырю на землю (АСЭИ I, № 424).	1474 г., 27 августа.	Упоминание о третьем поле.	Волость Воря Московского уезда и Кинельский стан Переяславского уезда.	—
4	Правая грамота Троице-Сергиеву монастырю на пустошь Кашино (АСЭИ I, № 523).	1485—1490 гг.	Свидетели помнят о третьем поле 60—80 лет.	Костромской уезд.	Трехполье ко второй четверти XV в.

Таблица 1 *(продолжение)*

№ п/п	Источник	Дата		Район	Примечание
		документа	практики трехполья		
5	Судный список Троице-Сергиеву монастырю на третье поле села Поемечья (АСЭИ I, № 540).	1488—1490 гг.	Свидетели помнят о третьем поле уже 70 лет.	Нерехотская волость Костромского уезда.	Трехполье в 1420-е годы.
6	Жалованная грамота великого князя Савво-Сторожевскому монастырю и запись о выдаче правой грамоты на пустоши села Каринского (Исторические материалы о церквах и селах, вып. 2. М., 1882, стр. 86—87; ЦГАДА, ф. 281 (ГКЭ), д. 4675 (по Звенигороду); АСЭИ III, № 54а, стр. 83).	1454 г., 17 апреля, и 1480 г. (правая грамота угличского князя Андрея Васильевича Большого).	Помнят о третьем поле уже 60 лет.	Звенигородский уезд.	Запись на обороте жалованной грамоты о выдаче правой грамоты; в этой записи говорится о третьем поле села Каринского, о котором помнят уже 60 лет.
7	Правая грамота монастырю на землю Заречье (АСЭИ II, № 404).	1490—1498 гг.	Помнят о третьем поле 50 лет.	Горетов стан, Московского уезда.	Трехполье к середине XV в.
8	Жалованная грамота князя Данила Александровича Спасо-Каменному монастырю на земли в Закубенье (ДАИ I, № 21).	1497 г., 9 августа.	—	Вологодский уезд.	Пустошь Агапитовская — третье поле к деревне Подолской.

Таблица 1 *(продолжение)*

№ п/п	Источник	Дата		Район	Примечание
		документа	практики трехполья		
9	Судный список Троице-Сергиеву монастырю на селище Медвежье (АСЭИ I, № 615).	1497—1498 гг.	Помнят о третьем поле уже 80, 60, 40 и 20 лет.	Шуткинский стан Юрьевского уезда.	Трехполье в 20—50-х годах XV в.
10	Правая грамота митрополичьему посельскому на селище Попково (АФЗ I, № 114).	Конец XV в.	Помнят о третьем поле уже 50 лет.	Коломенский уезд.	Трехполье к середине XV в.
11	Правая грамота Толгскому монастырю о земле Хиновской (Княжие и царские грамоты Ярославской губернии, изд. И. А. Вахрамеевым, т. I. М., 1881, № III, стр. 6—8); (АСЭИ III, № 221).	1501 г., 20 января.	Помнят 50 лет, и о третьем поле 30 лет.	Шаховская волость Ярославского уезда.	Трехполье в 50—70-х годах XV в.
12	Правая грамота митрополичьему посельскому о деревнях Минского стана (АФЗ I, № 258).	Около 1501—1502 гг.	Помнят о третьем поле уже 80, 50 и 30 лет.	Минский стан Костромского уезда.	Трехполье в 20—50-х годах XV в.
13	Правая грамота на деревню Олешинскую (АСЭИ I, № 658).	1505 г., 18 апреля.	Ссылка на показания старожильца о большой давности третьего поля.	Вольская волость Пошехонского уезда.	—

Таблица 1 *(продолжение)*

№ п/п	Источник	Дата		Район	Примечание
		документа	практики трехполья		
14	Жалованная льготная грамота на землю на р. Мортке крестьянам Гороховской волости (АСЭИ II, № 489) и судный список о земле Раменских деревень Гороховской волости (Лих., стр. 167—168).	1497—1498 гг., 1529 г., ноябрь.	Поставлен починок у деревни на третьем поле 30 лет назад.	Гороховская волость Нижегородского уезда.	Устанавливается сопоставлением документов время построения починка и деревни — 1497 г. — и то, что в деревне сразу же заведено трехполье.
15	Судный список о поджоге деревни Ильинской Спасо-Ефимьевского монастыря (АСЭИ II, № 495; АСт., № 74; АЮ, № 10).	1503 г., 30 июня.	Указано на существование паренины еще до поджога деревни.	Суздальский уезд.	Паренина в конце XV в.
16	Грамота митрополита о селах Цареконстантиновского монастыря (АФЗ I, № 205).	1495—1511 гг.	—	Владимирский уезд.	Предписывается перемерить в селах землю так, чтобы иметь пахотной земли поровну в каждом из трех полей.
17	Отводная грамота на митрополичьи земли (АФЗ I, № 51).	1498—1499 гг.	—	Московский уезд.	Указан размер полевой пашни в каждом из трех полей.
18	Выпись о количестве пашенной земли в деревне Лихорадовской (АФЗ I, № 52).				

Таблица 1 *(продолжение)*

№ п/п	Источник	Дата		Район	Примечание
		документа	практики трехполья		
19	Жалованная данная запись (на страницах евангелия) великого князя Василия Ивановича церкви Николы в погосте Пружках на землю для содержания причта (АСЭИ III, № 52, стр. 79).	1498 г., 1 мая.	Привычное трехполье.	Московский уезд.	«Пожаловал есми (великий князь, — *Г. К.*) . . . — говорится в записи, — земли освященному собору на кормление у церкви по шести четьи в поле, а в дву по тому ж, да сена 20 копен наших болших, да на другой стороне речки Пруженки пустош Попова, да пустош Бобрики, а в них пашни пахоные земли 12 четьи в поле, а в дву по тому ж, да лесу пашенного 17 десятин, да лесу болота 3 десятины, да сена на речке Пруженке 21 копна». — Так писали и в писцовых

Таблица 1 *(продолжение)*

№ п/п	Источник	Дата		Район	Примечание
		документа	практики трехполья		
					книгах конца XV и XVI в., рассказывая о трехполье.
20	Выпись из писцовых книг на митрополичьи владения (АФЗ I, № 166).	1498—1499 гг.	—	Опольский и Боголюбский станы Владимирского уезда.	Величина запашки указывается с расчетом на трехпольную систему земледелия.
21	Выпись о селах и деревнях Троице-Сергиева монастыря из писцовой книги 1504 г. (АСЭИ I, № 649).	Начало XVI в.	—	Переяславский и Радонежский уезды.	О наличии трех полей указано лишь в отношении села Глинкова, в котором два поля в Переяславском уезде, а третье за рекой в Радонежском уезде.
22	Разъезжая грамота великого князя Ивана III Васильевича на города Дмитров, Рузу, Звенигород с московскими станами и волостями (ДДГ, № 95).	1504 г.	—	Московский и Звенигородский уезды.	Указано третье поле, расположенное за рекой и в другом уезде.

ными, и этим определялось количественное соотношение между яровыми хлебами и рожью; следовало лишь учесть, что овса, например, на одну и ту же площадь высевалось больше, чем ржи.[429]

Посев четко разделяемых озимых и яровых хлебов, установившийся ассортимент зерновых и определенное соотношение между ними — все это признаки, также позволяющие распознавать трехполье. Оно по сравнению с подсекой придавало достаточную организационную стройность, четкость полевому хозяйству, да и всему земледельческому хозяйству в целом.

Руководствуясь этими вторичными, но в совокупности своей ясными и важными признаками, мы можем распознавать наличие трехполья и там, где прямо о трех полях не сказано, где не указывается на паренину, но перечислены и озимые, и яровые хлеба. Приведем пример. В грамоте великого князя Василия Дмитриевича посельскому села Красного (близ города Юрьева) записано: «И ты, мой посельский, давай ис Красново села юрьевскому игумену з братьею... из моего жита изо ржи, изо пшеницы, из овса отчет, да отсыпати десятое, ково к тебе игумен не пришлет, давай им на всякой год, а давай безо всякого переводу».[430] Указ предполагает легко учитываемую и регулярно получаемую с полей села Красного зерновую продукцию. Поименованы три зерновых хлеба (жита): рожь, пшеница и овес. Это — основная продукция сельского хозяйства села Красного и тянущих к нему деревень. Ясно представляя эти засеянные зерновыми хлебами поля, мы прежде всего невольно вспомним картины, нарисованные в меновной Троице-Сергиева монастыря и боярина В. Ф. Кутузова и в духовной П. Строева.[431]

Зерновая продукция, отмеченная грамотой великого князя Василия Дмитриевича, — это озимые (рожь) и яровые хлеба, свойственные трехполью. Грамота живо передает сельскую жизнь в районе города Юрьева, полностью отвечающую нашим представлениям о трехполье.

Совершенно аналогичная картина наблюдается в селе Сижки Ржевского уезда. Его владелец, князь Константин Дмитриевич (а в момент выдачи акта — инок Касьян; умер он в 1433 г.), сын Дмитрия Донского, приказал давать Симонову Московскому монастырю «по вся годы по 20 кадей ржи, по 10 кадей овса, да по 5 кадей пшеницы, да по 10 сыров, да по пуду масла».[432] В селе Сижки — те же зерновые хлеба, что и в селе Красном. По ассортименту и количеству хлеба, которое Константин Дмитриевич обязывал крестьян села Сижки (с прилегающими деревнями) давать Симоновскому монастырю, видно, что основным зерновым хлебом там была рожь — озимый хлеб; яровых — овса и пшеницы —

[429] Подробнее об этом см. ниже, стр. 184—187.
[430] АСЭИ I, № 43 (ранее 1425), стр. 48—49 (район города Юрьева).
[431] См. выше, стр. 157—158.
[432] АСЭИ II, № 339 (1379—1433 гг.), стр. 337.

крестьяне дают меньше, чем ржи. Оба документа, таким образом, являются свидетельством господства трехполья в этих селах.

На трехполье указывают и упоминания в документах о засеянных хлебом озимых и яровых полях. В правой грамоте на церковную землю в селе Сваткове,[433] одновременно с указанием, что на спорной земле был посев ржи, овса и ярицы, из слов тяжущихся сторон и свидетелей можно узнать о том, что такая эксплуатация спорной земли ведется с давних пор. Свидетели показывают: «... помним за семдесят лет, кое та земля великого князя монастырская Покрова..., а служили игумены и попы и пахали ту землю и пожни косили».[434] Подобное же рассказывается о селище Горлышевском, где поля засеваются озимым и яровым хлебом, о чем довольно давно помнят старожильцы.[435] Ту же картину рисует и судное дело о земле Федотовской между Симоновым монастырем и И. Саврасовым.[436] Это также земля, засеваемая рожью и ярью, а помнят о ней с «Великого мору» (т. е. с 1420-х годов). То же мы видим и на спорной земле села Быловского. Село в 1440 г. было дано Симонову монастырю. Свидетели же указывают: «А на тех землях тогда было Васильево (боярина Василия Михайловича Слепого, — *Г. К.*) жито — рожь и ярь, и мы то жито с тех земель пожали да и поклали».[437] Указания: на ржаное поле и поле яровое (рядом) и на посев на одном из них ржи имеются и в мировой Новоторжского уезда,[438] в правой грамоте Коломенского уезда,[439] в указной грамоте Переяславского уезда.[440] В этих документах хотя и нет категоричных заверений о трехполье, но есть хорошие показатели в пользу существовавшего здесь трехполья: они указывают на рядом расположенные и засеваемые озимые и яровые поля.

От этих примеров естественно перейти к случаям, когда документы рассказывают об имеющихся у землевладельцев зерновых хлебах — поспевающих на полях, недавно высеянных, а также хранящихся в житницах. В духовной великой княгини Софьи Витовтовны, например, одновременно с перечислением множества сел и деревень дается указание: «А что будет в тех моих селех въ всех хлеба стоячего на поли, ржи и яри оприсно семен ярных, и сын мои... тот хлеб стоячий велит попродати».[441] Этот документ наводит на мысль о трехпольном земледелии в ее селах. Села же эти многочисленны и расположены во многих уездах: в Москов-

[433] АСЭИ I, № 582 (1495—1499 гг.) (Переяславский уезд).
[434] Там же, стр. 463.
[435] АФЗ I, № 117 (1498 г.), стр. 108—112 (Переяславский уезд).
[436] АСЭИ II, № 400 (1485—1490 гг.) (Московский уезд).
[437] Там же, №№ 374, 375 (Судное дело и правая грамота (первая половина 1470-х годов) о земле села Быловского, Московского уезда).
[438] АСЭИ I, № 574 (1493—1494 гг.).
[439] АСЭИ II, № 414 (1497—1498 гг.).
[440] АСЭИ I, № 641 (около 1502—1504 гг.; события более ранние).
[441] ДДГ, № 57 (1451 г.), стр. 178.

ском, Юрьевском, Коломенском, Владимирском, Костромском и Вологодском.

Еще более яркий и убедительный пример дают духовные старца Андриана Ярлыка и Осипа Окинфова. В первой указывается: «А што в тех деревнях моя рожь старая складена на поли и нынешняя, которая была в земли и ярь».[442] О том же говорится и в духовной Осипа Окинфова.[443] В большом же имении в селе Меденском (Медна) боярина Ивана Михайловича (Крюкова Фоминского): «А в поле стоячеи хлеб и в земли..., а в житнице хлеба 700 коробе[и] ржи, 2000 коробе[и] овса, 50 коробе[и] пшеницы, 50 коробе[и] жита (ячменя, — *Г. К.*), овыдници 50 коробе[и], гречю и гороху и конопель четыредесят (40, — *Г. К.*) коробе[и]». В имении после богатого боярина осталось много и домашнего скота: «А живота лошаков болших и кобыл болших двадца[ть] двое, а страдных лошадеи двадцать. А скота рогатово волов и коров и телят малых полсемадесят (65, — *Г. К.*); коз и овец сто тридцатеро».[444]

В указаниях на зерновые хлеба привлекает внимание большое количество овса. Это, конечно, зерновой фураж для коней боярина и тяглого рабочего скота (для «страдных» лошадей). Овса в собственном хозяйстве боярина могли высевать и выращивать больше, чем ржи,[445] поскольку другие зерновые хлеба получались, конечно, с крестьянских хозяйств. У боярина здесь в документе, кроме села Медна, указано и поименовано еще 16 деревень. Как собственное боярское, так и крестьянские хозяйства, видимо, велись на высоком уровне: ассортимент зерновых и количественное их соотношение указывают на практику трехполья.

В истории села Медна, раскрытой более поздними документами, большую роль сыграло расположение села на важном пути из центральных земель-княжеств через Тверь и Торжок в Великий Новгород. До нас дошла сотная (от 1544 г.) на село Медна: к 1540-м годам это было большое торгово-промышленное село с населением из торговых и ремесленных людей. К нему тянули 4 деревни.[446] Интересующее нас земледельческое население и земледельческие хозяйства, с которых в 30-е годы XV в. в виде оброка поступали зерновые хлеба в закрома боярина, были в остальных 12 деревнях. Их описание дошло до нас в тверской писцовой

---

[442] АСЭИ II, № 361 (1460 г.) (Переяславский уезд); АЮБ I, № 85[1].

[443] АЮБ I, № 847[1], стр. 547—548 (указаны озимые и яровые хлеба в поле, рожь и ярь в житницах).

[444] АСЭИ I, № 71 (около 1430 г.), стр. 64.

[445] См. ниже, стр. 186—187.

[446] С. Б. Веселовский. Село и деревня..., стр. 92—93. — В сотной 1544 г. описаны село Медна и деревни Машутино, Олехово, Большая Речица и Оксиньино. — См.: М. Рубцов. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV—XVI вв., вып. 2. Старица, 1905. стр. 19—21.

книге 1548 г., где они указаны уже как деревни Троице-Сергиева монастыря: Меньшая Речица, Дуброва, Олексино, Раменье, Пупок, Залужья, Климятино, Красильниково, Павлово, селище Рыкунова пустошь, Непругово, Искосница. В старой данной не было сказано о полевых и сенных угодьях, а здесь написано: «. . .пашни в селе и в дер[евнях] в поле 246 четьи, а в дву потому ж, сена 375 коп., лесу 20 четьи». А дальше указано, на основе какого документа селом владеет монастырь, и сведения о нем и о деревнях занесены в писцовую книгу: «А крепи (т. е. крепостной акт, — *Г. К.*) на те деревни приказчик положил данную грамоту Бориса Константиновича да Федора Вельяминовича»,[447] т. е. рассмотренный нами выше акт 1430-х годов.

Перед нами два документа об одних и тех же 12 деревнях (одна из них запустела, — *Г. К.*) и имевшихся в них крестьянских хозяйствах: в тексте данной они названы. Там сказано и о хлебах в житнице боярина Крюкова, собранных (в форме ренты) с крестьянских хозяйств; в писцовой же книге говорится о величине запашки и покоса в этих деревнях. Мы видим, что в них было обычное трехполье. Если само село Медна и прилегающие к нему четыре деревни эволюционировали и были заселены к середине XVI в. в основном торговцами, ремесленниками и другими непашенными людьми, то характер интересующих нас деревень остался старым: это были деревни земледельцев, деревни, для которых характерна и обычна пашня в трех полях, отмеченная в Тверской писцовой книге.

Аналогичные материалы мы могли бы привести и в отношении деревень Цареконстантиновского монастыря. Из уставной 1391 г. мы узнаем о разнообразной зерновой продукции крестьянских хозяйств в деревнях этого монастыря. Характер документа таков, что о том, как организованы их хозяйства, ничего не сказано. Но в другом, более позднем документе прямо говорится о трехполье в этих деревнях.[448]

Из источников по истории сельского хозяйства в древней Руси долгое время оставались в стороне дополнительные статьи о приплоде скота и пчел, о прибыли от высеваемого зернового хлеба и от укашиваемого сена, и о «сиротьем вырядке», имеющиеся в списках Карамзинской группы Правды Русской пространной редакции.[449] Еще В. О. Ключевский указал на любопытные черты русского сельского хозяйства XIII в., отраженные в этой поздней вставке в Правду Русскую. Уже он отметил, что в основу каждого пункта этих фантастических расчетов положен реальный «инвен-

---

[447] ПКМГ II, стр. 257. — В писцовой книге 1548 г. сказано, что село Медна с четырьмя деревнями тянет к городу Торжку (и поэтому в ней не описано — *Г. К.*).

[448] АФЗ I, №№ 201 (1391 г.) и 205 (1495—1511 гг.).

[449] Правда Русская, стр. 352—354, 377—380 (текст этой вставки помещен между статьями 52 и 53).

тарь» какого-то села, «кажется Ростовской области».[450] То, что это вставка, не подлежит сомнению.[451] Она не имеет прямого отношения к содержанию Правды Русской.[452] Это математические выкладки, не имеющие практического значения. Но в то же время при чтении всех пунктов этих исчислений (по всем видам скота, по зерну, сену и т. п.) легко выделяется реальная основа каждого: то определенное число овец, свиней, то количество высеянного хлеба; в совокупности же они создают законченную живую картину какого-то очень давно существовавшего сельского хозяйства.

М. Н. Тихомиров в «Исследовании о Русской Правде» достаточно убедительно показывает, что в основу фантастических подсчетов приплода скота и прибытка зерновых хлебов на полях земледельца взяты данные одного типичного для Северо-Восточной Руси XIII—XIV вв. крупного сельского хозяйства.[453] В этом хозяйстве, как легко определить из текста вставки, имелось скота: 22 овцы, 22 козы, 3 свиньи, 3 назимых свиньи, 2 кобылицы, 1 «лонская телица», «двои пчелы». Указана мощность зернового хозяйства и размер посева зерновых хлебов. «А в селе сеяной ржи на два плуга» — ржи высевалось 16 кадей; собиралось хлебов ежегодно: 40 копен немолоченной ржи, 15 копен немолоченной полбы, 21 половник молоченого овса, 6 половников ячменя; укашивалось 5 стогов сена.[454]

И. И. Смирнов также указал на «статьи о резах» Карамзинской группы списков Правды Русской как на замечательный источник для характеристики экономики Северо-Восточной Руси XII, XIII и XIV вв. и для решения вопроса о применении трехпольной системы земледелия в это время.[455] Объяснение того, каким путем такие фантастические математические выкладки могли попасть в юридический сборник, содержавший текст Правды Русской, дает С. В. Юшков.[456] Встает вопрос — к какому времени могли относиться сведения о сельском хозяйстве, положенные в основу математических выкладок, и к какому району принадлежало это хозяйство.

Списки Правды Русской Карамзинской группы появились довольно поздно. Текст протографа создан в результате компиляции

---

[450] В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 1. Изд. 6, М., 1916, стр. 284—285.

[451] М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 178; С. В. Юшков. Русская Правда, происхождение, источники, ее значение. М., 1950, стр. 129—139.

[452] С. В. Юшков. Русская правда..., стр. 129—139.

[453] М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 178—180.

[454] Правда Русская, стр. 352—354, 377—379.

[455] И. И. Смирнов. О путях исследования Русского централизованного государства. ВИ, 1946, № 4, стр. 37—38.

[456] С. В. Юшков. Русская Правда..., стр. 134.

из списков Троицкой и Пушкинской групп.[457] И когда М. Н. Тихомиров, высказываясь о времени появления этой записи о приплоде скота и о прибыли от урожаев хлеба, датирует ее XIII—XIV вв., то правильнее выбрать более позднюю границу — XIV в. Дело в том, что счет на гривны, куны и резаны, имеющийся в статье, — давний счет, но в таких таблицах математических выкладок он мог удержаться дольше, чем в актах юридических и других документах формального значения. М. Н. Тихомиров и С. В. Юшков расходятся во мнениях о районе, где находилось хозяйство, цифрами которого воспользовался составитель вычислений.[458] М. Н. Тихомиров, основываясь на упоминании в этой вставке «ростовской кади», говорит об области Ростовской, а С. В. Юшков, используя то же известие о «ростовской кади», стоит за Новгородскую землю. Для нас это различие не существенно. Важно единодушие во мнении, что исходным материалом для записки с математическими выкладками о приплоде скота, о прибыли урожая, о пчелах и т. п. были сведения о когда-то (в конце XIII—начале XIV в.) существовавшем хозяйстве.

Дополнительные статьи о приплоде скота и прибыли в урожае дают основания существенно расширить хронологические рамки применения трехполья в Северо-Восточной Руси. Они позволяют относить его не только к началу XIV в., но и ко времени более раннему.

Малочисленность дошедших до нас за два столетия по всей Северо-Восточной Руси материалов о трехполье — прямое отражение общей малочисленности материалов о сельскохозяйственном производстве в XIV—XV вв. Лишь массовой гибелью документов XIII—XV вв. можно объяснить отсутствие сведений о трехполье в Рязанском княжестве, в Тверской и в Ростовской земле, тогда как есть указания на трехполье в княжестве Кубенском, уровень хозяйства которого был заметно ниже. Следя за развитием полевого пашенного земледелия, мы в равной мере внимательно учитывали как материалы о трехполье, так и все встречавшиеся в документах сведения о подсечном земледелии. Подводя итоги материалам о подсечном земледелии, мы отмечали, что подсека уже к XIV в. заметно отступила перед полевым пашенным земледелием; в документах XIV—XV вв. подсека чаще выступает как наиболее простой способ обработки лесного участка под полевое пашенное земледелие. А в других случаях, когда подсека специально разрабатывалась для посева зерновых, эти подсечные участки оказывались лишь дополнением к основной полевой пашне земледельца. С включением наших данных о трехполье общая картина процесса развития земледелия приобретает особую ясность и конкретность: вытеснившее подсеку полевое

[457] Правда Русская, стр. 40—41.

[458] М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 480; С. В. Юшков. Русская Правда..., стр. 135.

пашенное земледелие выступает в четко оформившейся трехпольной паровой системе земледелия.

Будет серьезной ошибкой, если силу доказательности наших материалов мы будет определять только количеством зарегистрированных случаев трехполья. Два первые из указанных нами ранних документов, рассказавшие о трехполье (меновная Троице-Сергиева монастыря 1428—1432 гг. и духовная Патрекея Строева 1392—1427 гг.) рисуют нам картину хозяйства в пяти селах разных землевладельцев Волоцкого, Рузского, Дмитровского и Переяславского уездов. Это старые села, их хозяйственное становление можно уверенно отнести к середине XIV в., значит и трехполье во всех этих селах — старое, привычное. По хозяйственному укладу эти села типичны для центра Северо-Восточной Руси. Нами отмечен ряд прямых указаний на трехполье в крестьянских деревенских хозяйствах, — это единичные свидетельства, но о явлениях типичных, вероятно массовых для начала и середины XV в., а их приуроченность к сравнительно позднему времени находит объяснение в том, что рассказы о крестьянских хозяйствах вкраплены в документы судного производства, которые дошли до нас, к сожалению, лишь от середины и конца XV в.

Документы открывают возможность узнать и оценку землевладельцами трехполья как формы организации земледельческого производства. Сопоставление документов митрополичьего дома и их изучение убеждает, что трехполье было принятой системой земледельческих хозяйств, принадлежавших митрополичьему дому. Администрация митрополичьего дома настойчиво проводит линию на то, что земледелие может вестись только на основе применения трехпольной паровой системы, что наличие трех полей естественно и необходимо для каждого земледельческого хозяйства.[459] Наметившееся в качестве догадки мнение, что крестьяне в деревнях Цареконстантиновского монастыря применяли трехполье, находит подтверждение в последующих распоряжениях митрополичьего дома о взаимоотношениях крестьян с монастырем: о том, чтобы все три поля общего пахотного клина были равны и чтобы монастырские крестьяне в каждом поле пахали на монастырь пашни не меньше определенного администрацией размера.[460] Такая же забота об обеспечении трехполья в земледельческих хозяйствах прослеживается и в деятельности администрации Троице-Сергиева монастыря.[461]

Трехполье привычно и для дворцовых сел.[462] В том, что трехполье и представителями власти считалось естественной формой для земледельческих хозяйств XV в., нас убеждает грамота вели-

[459] АФЗ I, №№ 51, 52.

[460] Там же, №№ 201 (1391 г.), 205 (1495—1511 гг.).

[461] АСЭИ I, №№ 85, 365, 424.

[462] АФЗ I, № 166; АСЭИ I, № 649. — Все говорит за паровую систему земледелия и трехполье в селах великой княгини Софьи Витовтовны, — см.: ДДГ, № 57, стр. 178.

кого князя о приведении в порядок хозяйства Ергольского яма. В грамоте говорится: «Да и земли бы еси отмерил к яму ямщиком на пашню и пожен на сено и ямским конем на выпуск, чья земля ни буди, которая пришла въкруг яму во всех трех полех по десяти десятин в поле, да на шестьдесят копен сена».[463] Грамота дана в 1512 г., но упомянутая в ней норма обеспечения ямщиков пашней и сенными угодьями, равно как и расчет на применяемое в земледельческом хозяйстве трехполье, делается, конечно, на основе еще старой практики XV в.

Малочисленность сведений о сельском хозяйстве и земледелии в Северо-Восточной Руси проистекает из того, что самый богатый источник по этому вопросу — писцовые книги — не дошел до нас. Такие книги были составлены по большинству земель-княжеств, но ни одна из них не дошла. Имеющиеся выписи о земельных владениях митрополичьего дома по отдельным волостям и селам очень коротки, лаконичны, в них только перечислены деревни, указано количество дворов; конкретные же данные о хозяйстве — о пашне и сенных покосах — не приводятся.[464] Такие данные приведены лишь в отдельных случаях. На основе этих более подробных выписей можно уверенно говорить о широком, массовом распространении трехполья. Таковы описания переданных митрополичьему дому бывших великокняжеских Симизинских сел Владимирского уезда,[465] описание села Глинкова, принадлежащего Троице-Сергиеву монастырю.[466]

[463] АСт., № 84, стр. 140—142 (Ергольский ям — в Белозерье, между Кирилло-Белозерским монастырем и Череповесью, ближе к последней).

[464] В копийной книге митрополичьего дома приведены выписки из писцовых книг конца XV—начала XVI вв. о митрополичьих владениях во многих уездах; см.: АФЗ I, № 12 (1490—1491 гг.), стр. 29—33 (на волость Караш Ростовского уезда); № 22 (1491—1492 гг.), стр. 40—42 (на села в Переяславском уезде); № 23 (1519 г.), стр. 42—46 (на поместные земли в Переяславском уезде); № 39 (1498—1499 гг.), стр. 54—55 (на село Пушкино Московского уезда); № 165 (1497—1498 гг.), стр. 148—149 (на митрополичьи владения в Юрьевском уезде); № 166 (1498—1499 гг.), стр. 149—152 (на митрополичьи владения во Владимирском уезде); № 169 (1501—1502 гг.), стр. 154—156 (на владения (села и деревни) в Костромском уезде); № 170 (1502—1503 гг.), стр. 157 (на владения в Вологодском уезде).

[465] В выписи из писцовых книг П. Г. Заболотского (1498—1499 гг.) записано: «В Опольском стану Симизинских сел великого князя: сельцо Чоково, церковь... А крестьян (перечислены дворы крестьян и их имена, — *Г. К.*)... А пашни великого князя было во всех трех полях по 16 десятин в поле, а сеяли на десятине по две четверти ржы, а яри вдвое. И та пашня дана христианом на оброк. И всее пашни христианские во всех трех полех по сту десятин без трех десятин в поле. Великого князя сельцо Железово (идет перечень дворов, — *Г. К.*)... И всех 10 дворов, а людей 10 ч. А вытей христианьских 7. А пашни великого князя было во всех трех полех по 11 десятин в поле, а сеяли на десятине по две четверти ржы, а яри вдвое, а пашня дана крестианом на оброк. А всее пашни христианские во всех трех полех по 30 и по шти десятин в поле» (АФЗ I, № 166, стр. 152).

[466] См. перечневую выпись о селах и деревнях Троице-Сергиева мо-

Паровая система земледелия в земледельческих хозяйствах XIV—XV вв. Северо-Восточной Руси выступает в форме трехполья. Широким повсеместным распространением трехполья и определялся процесс развития земледелия в это время в Северо-Восточной Руси. Утрата писцовых книг не позволяет привести цифры, которые могли бы показать массовость и значительность этого процесса. Но то, что вследствие гибели источников оказалось невозможным показать в отношении Северо-Восточной Руси, вполне осуществимо в отношении Новгородской земли.

ПИСЦОВЫЕ КНИГИ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Основным источником при изучении сельского хозяйства Новгородской земли во второй половине XV и в начале XVI в. являются Новгородские писцовые книги.[467] НПК содержат по времени двоякого рода фактические данные о сельском хозяйстве Новгородской земли: сообщаемые в них материалы «старого письма» рассказывают о том, что было в Новгородской земле в период ее самостоятельности, т. е. в 1460—1470-е годы, а данные «нового письма» сообщают сведения на момент составления писцовых книг, т. е. о том, что было в 1495—1505 гг.

Регулярно проводимые писцами сопоставления всех данных старого письма с письмом новым указывают на прямую связь между ними, на общность их содержания. Из основных задач, возложенных на составителей НПК, — учет материально-производственной мощности хозяйств, связанное с ним положение этих хозяйств в тягло и выявление «дохода», выплачивающегося крестьянами старым и новым землевладельцам, — две первые непосредственно соединялись с описанием и оценкой крестьянских земледельческих хозяйств. В определении, данном новгородскими властями окладным единицам «сохе» и «обже» и расцененном московским великим князем как основа руководства для писцов при установлении тягла, ясно указана земледельческая база народного хозяйства и то, что размер пашни служил основным показателем мощности крестьянского хозяйства. В писцовых книгах определение писцами размера тягла увязывалось с данными о величине посева зерновых хлебов. Независимо от этого сведения о размере запашки имеют самостоятельное значение — как материал, характеризующий земледельческую основу каждого хозяйства. Именно от размера посева зависел и размер дохода землевладельца.

настыря в Радонеже (по писцовым книгам 1503—1504 гг.) в волостях Воре и Корзеневе, пополненную данными до 1540 г. В ней дается перечень сел, деревень и крестьянских дворов, а об одном селе записано: «Село Глинково; два поля того села в Кинеле в Переяславском уезде, а третье поле в Радонеже и в Радонежской стороне» (АСЭИ I, № 649 (1503/4—1540 гг.), стр. 567).

[467] См. выше, гл. I, стр. 32—36.

Материалы о размере запашки (точнее, о количестве высеваемых зерновых хлебов) и о сенных покосах даются только в новом письме, т. е. рассказывают о посеве и покосе в 1495—1505 гг., но они приведены в такой форме, что по ним можно судить о состоянии земледелия в Новгородской земле в «старое время», т. е. в период самостоятельности Новгорода. Перед нами описание одних и тех же крестьянских хозяйств, не претерпевших за минувшие 15—20 лет никаких существенных перемен.

«Старое», «первое» письмо служило основой «письму новому» — число дворов, людей, количество обеж по каждой волости дается в форме сопоставления данных того и другого письма. Что было налицо при «новом письме» писец видел сам, но он сравнивал и корректировал свои сведения, полагаясь на сведенные в систему данные «старого письма». Как данные о размере старого и нового «дохода», так и сведения об обежном окладе по «старому письму» близки друг к другу. Они указывают, что никаких существенных перемен в описываемых крестьянских хозяйствах (в деревнях) за время от «старого письма» (от 1470-х годов) до «нового письма» (1490-е годы) в этих хозяйствах не произошло: структура хозяйства, его организация и техника несомненно остались прежними.

А. М. Андрияшев высказал предположение, что «старое письмо» — не книги, не сплошное описание, выполненное писцовой комиссией, а материалы типа черновых, первичных записей, различных по времени, — опросных данных, «сказок» представителей крестьянского мира, местных властей, феодальной администрации и т. п.[468] Между тем факт, что в «старом письме» регулярно приводятся данные о количестве дворов и числе людей в каждой деревне, о том, в какое тягло она положена, и с этими данными всегда сверяется «новое письмо», указывает на существование систематизированного, окончательно оформленного «старого письма».

Мнение А. М. Андрияшева решительно расходится с тем, что говорит о «старом письме» сам документ. Имеются прямые указания на «первых» писцов, работавших в Деревской и Обонежской пятинах.[469] Говорится о «книгах старых» Вотской, Обонежской и Шелонской пятин.[470] А. М. Гневушев с убедительной аргументацией отмечает, что в Вотской пятине это «первое письмо» было осуществлено не позднее 1491 г.[471] «Сказки» и другие первичные материалы об оброках («доходах»), выплачивавшихся новгородским землевладельцам, о различных повинностях крестьян собира-

---

[468] А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли, стр. VII—X.

[469] НПК I, стр. 151, 153; НПК II, стр. 142; ОПК, стр. 49, 51 и 52.

[470] НПК III, стр. 273, 413; НПК IV, стр. 26, 158; ВПК I, стр. 185, 202, 294; ОПК, стр. 23, ОВПК, стр. 15.

[471] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 27.

лись, конечно, «по живому следу», непосредственно за конфискацией боярских и других вотчин.[472] Они разновременны и, вероятно, были не единообразными по содержанию. Включая обязательный минимум новых данных о хозяйстве, материалы о «доходах» феодалов могли существенно различаться в изложении деталей и в степени подробности, с какой перечислялись выполняемые повинности и выплачиваемый натуроброк. На это указывают выделяющиеся своей подробностью и конкретностью сведения о «доходах» и повинностях в некоторых крупных боярских, монастырских и владычных вотчинах.

И «доход» землевладельцам, и «обежный оклад» (государственные оброки) определялись в прямом соответствии с мощностью зернового хозяйства и животноводства, с объемом продукции земледелия, скотоводства и других разделов крестьянского хозяйства. Поэтому-то мы и говорим, что материалы «нового письма» НПК (о запашке и о покосе) пригодны для суждения о состоянии земледелия и скотоводства в Новгородской земле не только для конца XV—начала XVI в., но и для 1460—1470-х годов.

Изучающему сельское хозяйство важно помнить, что, несмотря на срок до двух десятилетий от первых конфискаций и десятка лет от конфискаций поздних, дошедшие до нас НПК передают ничем не искаженные сведения о новгородских волостях-вотчинах, деревнях и селах времен новгородской старины.

В писцовых книгах сведения о земледелии, о размере посева стоят на первом месте в описании каждой деревни или двора. Описывая в НПК деревни и волости Новгородской земли, писец непосредственно за перечнем дворов и указанием имен хозяев пишет: «Сеют ржи (столько-то) коробей» (Деревская и Вотская пятины — НПК I, II и III, ВПК I и II); «сеют (столько-то) коробей» (Бежецкая пятина — НПК VI; эта формула встречается на стр. 1—34); «пашни (столько-то) коробей» (Шелонская пятина — НПК IV и V). Есть записи и другого образца: «... а христианские пашни шестьдесят коробей на ржаную»,[473] «... а пашни у них церковные на десять коробей на ржаную...».[474] Здесь всегда говорится о размере посева основного зернового хлеба — ржи, т. е. озимого хлеба, — и подразумевается наличие ярового поля (т. е. с хлебами яровыми — овсом, ячменем, пшеницей и др.) и поля парового.

Во всех приведенных случаях естественно видеть сокращенную формулировку более ясной фразы: «Сеют в поле ржи (столько-то) коробей, а в дву (в остальных двух полях, — *Г. К.*) потому ж». Именно так говорится в более поздних новгородских

---

[472] Это мнение развито и хорошо аргументировано Вяч. Егоровым в его рецензии на работу А. М. Гневушева (ЖМНП, 1917, № 9, отд. 2, стр. 92—94).

[473] НПК III, стр. 180.

[474] Там же, стр. 183, 548, 552, 553, 556, 637, 680, 712, 756 и 832.

писцовых книгах 1530—1560-х годов. Подобной полной фразой рассказывает о размере запашки составитель писцовой книги Шелонской пятины 1539 г. Григорий Собакин «с товарищи»: «...пашни в одном поле (столько-то) коробей, а в дву потому ж».[475] В приведенной фразе ясно сказано о трех полях, сообщена же цифра посева лишь в одном из них (обычно в озимом поле, в котором высевалась рожь), так как этого достаточно для того, чтобы знать о количестве высеянных хлебов на всех трех полях. Есть случаи, когда одни и те же погосты описаны в писцовых книгах 1498 и 1501 гг. и в книге 1539 г. Переворота в земледелии за эти годы, конечно, не произошло. Но о хлебной запашке рассказано по-разному. В ранних книгах — лаконичная фраза: «...пашни (столько-то) коробей». В писцовой же книге 1539 г. сказано более ясно: «...сеют ржи в одном поле...а в дву потому ж». Суть только в различной манере письма писцов. И там и тут содержание одно и то же. Так, в писцовой книге 1498 г. в Болчинском погосте указаны деревни Дубесна, Дубеченка, Козулино, Межники, Сажичи, Мишурино, Жаравково, Березовица и пустоши Хверестол, Заболотье, Аврамова, Лутово, Бакча,[476] а в книге 1539 г. в том же погосте, кроме деревень Заболотье, Дубечна, Козулино, Межник, Березовица, Жыровка, Дубечна, Большое, Мишурина и Сажичи, указаны еще деревни Бокачь, Хверьсть, Обрамова и Лутова, бывшие ранее пустошами.[477] В первой, ранней книге о посеве в этих деревнях сказано краткой формулой — «пашни... (столько-то) коробей»; в книге же 1539 г. — ясная фраза: «пашни в поле (столько-то) коробей, а в дву потому ж».

В литературе неоднократно приводились убедительные доказательства и прямые свидетельства документов о том, что во всех случаях употребления в НПК 1495—1505 гг. кратких формул о размере посева всегда одинаково подразумевалась практика трехполья. На это указывают В. И. Владиславлев,[478] В. И. Сергеевич,[479] А. М. Гневушев,[480] Л. В. Данилова.[481] Приведен ряд

[475] Такая форма записи о размере крестьянской пашни применяется в писцовой книге Шелонской пятины 1539 г. — «письма Григория Собакина с товарищи» (НПК IV, стр. 237—522), в писцовой книге Вотской пятины 1539—1541 гг. (Писцовая книга Вотской пятины 1539 г., под ред. А. М. Гневушева. Новгород, 1917) и в писцовой книге Бежецкой пятины 1545 г. (НПК VI, стр. 38—564). В первой из указанных писцовых книг слова «а в дву потому ж» приводятся после указания размера пашни в каждом селении, а в двух остальных писцовых книгах они приводятся после указания общего итога запашки по земельному владению помещика.

[476] НПК IV, стр. 160 и 161.

[477] Там же, стр. 408—410.

[478] В. М. Владиславлев. Обжа. ЖМНП, 1892, кн. 8, стр. 235.

[479] В. И. Сергеевич. Древности русского права, т. III. СПб., 1911, стр. 90.

[480] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 65—66.

[481] Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения..., стр. 26—27 (см. ссылки на НПК V, стр. 105, 114, 287, 316, и НПК VI, стр. 223).

прямых свидетельств именно в этом смысле в писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. Так, там написано: «По Юрьеву писму Константиновича Сабурова (т. е. в писцовой книге Обонежской пятины 1496 г., — *Г. К.*): Дер. на Путке речке Филипковым посиденьем да Васюковым Ивановых детей, а ныне... двор пуст, пашни было в одном поле 2 коробьи бес четвертки, а в дву потому ж...».[482] Это место мы находим и в дошедшем до нас отрывке писцовой книги Ю. К. Сабурова (1496 г.): «Дер. на Путке речке: во дворе Филипко да Васко Ивашковы дети, сеют ржи 2 коробьи без четвертки...».[483] Сокращение фразы за счет пропуска «а в дву потому ж» показано совершенно ясно. О том же — и столь же убедительно — говорит другое место писцовой книги 1563 г. В Погосте Никольском на Пудоге описана «дер. надо Мневцом Судьин Наволок... а было в ней по старому писму 2 обжы бес трети; и тое и деревни 2 поля вода розмыла, а осталось третье поле, сеют в поле ржи коробью, сена косят 10 коп, 2 трети обжы, а обжа пуста».[484] За счет двух размытых полей посев убавился на две трети, т. е. на две коробьи, поэтому и в оклад положено только на $^2/_3$ обжи, вместо бывших ранее $1^2/_3$ обжи. В писцовой книге Шелонской пятины 1501 г. письмá Матвея Ивановича Валуева сказано о дворцовом селе в Паозерье: «...а пашни великого князя в том селе в поле по 24 десятины, а на десятину сеют по коробье с четверткою ржи».[485] Это место пересказано в позднейшей писцовой книге той же Шелонской пятины письмá «Ивана Григорьевича Белеутова да Алексея Жеребцова с товарищи» 1551 г.: «...а пашни царевы великого князя в том селе по писцовым книгам Матвея Валуева да Ивашки Свербеева в поле 24 десятины, а на десятине сеяли по коробье с четью ржи, и в дву полях потому же. А по новому писму пашни в поле 30 одна десятина, а в дву полях потому ж».[486]

Приведенные нами цитаты из писцовых книг и сопоставление записей о размере посева из писцовых книг разного времени и разных составителей, рассказывающих об одних и тех же деревнях и даже об одном и том же времени, ясно говорят о том, что составители писцовых книг 1495—1505 гг. писали о количестве высеваемого хлеба краткой формулой — «сеют в поле ржи (столько-то) коробей» или «сеют (столько-то) коробей», «пашни (столько-то) коробей», а составители писцовых книг 1530-х годов и последующих лет употребляли уже более полную и ясную фразу — «сеют в поле ржи (столько-то) коробей, а в дву потому ж». Рассказывают же писцы об одном и том же — о существовании в деревнях трех полей. Величина посева, как правило,

[482] ОПК, стр. 154.
[483] Там же, стр. 5.
[484] Там же, стр. 181; см. также стр. 89, 98, 129, 249.
[485] НПК V, стр. 287.
[486] Там же, стр. 316.

указывалась ими только в отношении ржаного (озимого) поля, а на другом поле соответственно сеялись яровые хлеба, в то время как третье стояло под паром.

Однако те, кто сомневался в освоении трехполья земледельцами Новгородской земли, приводили еще новые мотивы для того, чтобы обосновать свои сомнения. Так, А. А. Кауфман в нескольких работах, следовавших одна за другой в 1911—1917 гг.,[487] возражал против достоверности приводимых в НПК конца XV в. цифр о размере посевов и против истолкования этих сведений как свидетельств о трехпольной паровой системе земледелия в Новгородской земле. Первый его аргумент заключался в том, что записи «сеют ржи (столько-то) коробей», по его мнению, не говорят о существовании трех полей уже потому, что в НПК 1495—1505 гг. нет слов «а в дву потому ж». Он возражал В. И. Сергеевичу, потом Н. Нордману, В. Ф. Загорскому и, наконец, выступил с возражениями против развернутой и ясной аргументации за трехполье А. М. Гневушева. Мы убедились, что чем больше и внимательнее вчитываться в документы и в первую очередь в писцовые книги, тем яснее становится надуманность, неоправданность этого аргумента А. А. Кауфмана, исходящего из буквы применяемых кратких формул в письменных источниках.

Помимо этого аргумента, А. А. Кауфман указывает еще на то, что самый счет земельной запашки на три поля мог иметь лишь чисто условный характер.[488] В подтверждение такой оценки он ссылается на работы И. Н. Миклашевского и Ю. В. Готье, в которых действительно приводятся примеры учета запашки по трехполью, в то время как у землевладельцев в составе эксплуатируемых угодий имелись и перелог, и пашенные леса. Но в данном случае А. А. Кауфман упускал из виду то, что указанные им авторы изучали хозяйства иного времени и других районов, и при этом в переломный период их истории. И. Н. Миклашевский[489] имел дело с учетом пашенного земледелия на просторах степной южной окраины в XVII в., и больше во второй его половине. Ю. В. Готье изучал сельское хозяйство Замосковного края

---

[487] А. А. Кауфман. 1) Отзыв о сочинении Н. Н. Нордмана «Опыт статистической обработки писцовых книг около 1498 г. (рукопись)». Отчет о 53-м присуждении наград гр. Уварова. Записки АН, VIII серия по Ист.-филолог. отд., т. IX, № 5, 1912, стр. 55—177; 2) Новгородские писцовые книги в статистической обработке. Вып. 1. Погосты и деревни Шелонской пятины по письму 1498—1501 гг. Пгр., 1915, стр. 1—50. (Предисловие. Статистические итоги); 3) К вопросу о приемах историко-экономического изучения писцовых книг. Русский истор. журнал, кн. 3—4, 1917, стр. 146—185.

[488] А. А. Кауфман. Отзыв о сочинении Н. Н. Нордмана..., стр. 93—94.

[489] И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. М., 1894, стр. 35—37.

в XVII в.,[490] после перенесенного в первые десятилетия XVII в. тяжелого хозяйственного и политического кризиса, когда масса земель, еще за 5—10 лет перед описанием бывших полевыми пахотными, в годы их описания уже лежала в перелоге, а из тягла они изъяты не были, не были исключены и из учета как важный фонд поместных земель. И на южной окраине, и в Замосковном крае в XVII в. «перелог» действительно мог пересчитываться на пахотную землю. Но соображения, высказанные И. Н. Миклашевским и Ю. В. Готье, неприложимы к обстановке Новгородской земли XV в. По существу, у А. А. Кауфмана основную роль в этих рассуждениях о записях в НПК играло стремление доказать отсталость сельского хозяйства Новгорода. Он пишет: «Мыслима ли... такая огромная (какая получается при трехполье) крестьянская запашка в условиях нашего севера, да еще в конце XV столетия, когда хозяйство было частью трехпольное с навозным удобрением, частью даже подсечное, безусловно не допускающее значительного расширения запашек».[491] Непосредственно с этим связывалось убеждение автора в широком распространении в XV в. в Новгородской земле подсечного и переложного хозяйства, в том, что Новгородская земля в конце XV в. еще только «переживала переход от первобытных форм переложного и подсечного хозяйства к трехполью».[492]

Не доверяя прямым указаниям составителей НПК о повсеместной практике трехполья в Новгородской земле, А. А. Кауфман при решении вопроса о характере полевого хозяйства в Новгородской земле предложил свой метод истолкования материалов НПК. По его мнению, записи в НПК о размере запашки в деревнях — «сеют в поле (столько-то) коробей ржи (с подразумевавшимися словами „а в дву полех потому ж“)» — это лишь отвлеченные, не отвечавшие действительности формулы. Лучшим показателем при установлении системы полеводства, по мнению Кауфмана, могут служить хлебные оклады, приведенные писцами в отношении ряда сельских поселений и волостей.

В НПК наряду со сведениями о размере запашки в каждой деревне приводятся также данные об оброках, выплачивавшихся крестьянами землевладельцам, или, как они именуются в НПК, сведения о «доходах» землевладельцев и их слуг. Чаще всего это был оброк натурой, т. е. продуктами крестьянского хозяйства.[493] Более простой формой натурального оброка была издольщина — выплата определенной доли из всего урожая зерновых хлебов:

---

[490] Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937, стр. 62—63.

[491] А. А. Кауфман. Отзыв о сочинении Н. Н. Нордмана..., стр. 96.

[492] А. А. Кауфман. К вопросу о приемах историко-экономического изучения писцовых книг, стр. 178.

[493] А. А. Кауфман. Отзыв о сочинении Н. Н. Нордмана..., стр. 151.

«половье» (т. е. половина), треть, четверть или «пятина» (т. е. пятая часть). Последующей (по естественному ходу развития ренты) формой феодальной земельной натуральной ренты являлась выплата натуральной ренты зерновым хлебом в установленном количестве (как сказано в НПК, «хлеб поспом»), т. е. оброк выплачивался зерновыми хлебами, в установленном для каждого хлеба количестве. А. А. Кауфман рассуждает: «хлеб поспом» является прямой заменой выплачивавшейся ранее доли урожая: $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$; поэтому количество посопного хлеба — озимой ржи, яровых (овса, ячменя и пшеницы) — отражает истинное количественное соотношение (пропорцию) посева (или урожая) зерновых хлебов. Исходя из этого положения, А. А. Кауфман и предлагает на основе пропорции озимых и яровых хлебов устанавливать типы севооборотов или систему полеводства в Новгородской земле. Он говорит о трех таких основных типах севооборота, якобы применявшихся в Новгородской земле в конце XV—начале XVI в.[494]

Чистое трехполье, по мнению А. А. Кауфмана, существовало на тех землях, где а) количество вносимой крестьянином в оброк ржи равно количеству овса, а других яровых хлебов нет; б) количество овса равно сумме озимой ржи и яровых — ячменя, пшеницы; в) количество ржи в хлебном окладе равно сумме овса и других яровых.

Смешанное хозяйство было, по А. А. Кауфману, на землях тех хозяйств, где а) количество ржи строго равно количеству овса, а сверх того в состав хлебного оклада входят некоторые количества яровых — ячменя и пшеницы; б) количество овса в окладе заметно превышает количество ржи, а кроме того, указаны еще другие яровые хлеба.

Переложное хозяйство залежного или подсечного типа А. А. Кауфман усматривал там, где а) в хлебный оклад входит только рожь и овес, причем количество овса в полтора, два, три раза превышает количество ржи; б) при большом преобладании овса над рожью в оклад входят еще и другие яровые; в) количество ржи превышает все яровые вместе взятые, — в последнем случае, по мнению А. А. Кауфмана, по целине производился не один, а два или более посева ржи, а затем уже посевы яровых.

Ошибочно утверждение А. А. Кауфмана о том, что данные о посопном хлебе отражают действительное соотношение высевавшихся или уродившихся на крестьянских полях озимых и яровых хлебов и потому на основе их пропорции можно определить практиковавшуюся в этих хозяйствах систему земледелия. На деле землевладелец, заменяя издольщину посопным хлебом, брал из зерновых хлебов лишь те, которые были больше нужны ему, и в той пропорции, какая больше его устраивала, поэтому соотно-

[494] Там же, стр. 152, 155—157.

шение хлебов в посопном оброке могло резко расходиться с их пропорцией при посеве и в урожае. Неудивительно, что вместо стройной общей картины полеводческого хозяйства у А. А. Кауфмана получились выводы о крайней пестроте систем земледелия, якобы применявшихся в разных деревнях, даже в пределах небольшого района — одной волости или одного погоста. Так получилось даже несмотря на то, что А. А. Кауфман вместо более полных данных (тех НПК, в которых сказано о размере посева в деревнях и об оброке как «новом», так и «старом») использовал лишь данные краткой перечневой книги 1498 г. по Шелонской пятине, в которой сказано (и притом кратко) только о «новом доходе», т. е. о доходе в 1495—1505 гг., и совершенно отсутствуют сведения о посеве. Такой выбор писцовой книги был удобен Кауфману для обоснования своих выводов, но он не оправдан со стороны полноты и качества источника.

Произвольность избранного А. А. Кауфманом пути для решения вопроса о системе полеводства отметила Л. В. Данилова. Изучая земледелие в Новгородской земле, она на примере подробно обработанных ею данных НПК о крупных вотчинных хозяйствах отметила, что, если судить по положениям А. А. Кауфмана и показаниям НПК, получается не только неестественная пестрота в системах полеводства отдельных деревень одной и той волости или погоста; более того, создается впечатление, что в одних и тех же деревнях при «письме старом» (т. е. в 1470—1480-е годы) и при «письме новом» (1495—1505 гг.) крестьяне как будто бы вели свое полевое хозяйство по совершенно различной системе: правильное трехполье заменялось подсекой, и наоборот. И все это — на протяжении 15—20 лет.[495] Получается, что способы ведения зернового хозяйства скоропалительно совершенно необъяснимым причинам постоянно менялись.

К многочисленным примерам получившихся у А. А. Кауфмана несуразностей, приведенным Л. В. Даниловой, можно добавить еще большое их количество: они обнаруживаются на каждом шагу при чтении НПК. Когда А. А. Кауфман высказывался против существования трехполья, первым его аргументом было указание на то, что в НПК писцы писали о высеве хлеба (ржи) «в одном поле», но не добавляли обычного «а в дву по тому ж». А. А. Кауфман не подверг необходимому внимательному исследованию комплекс дошедших до нас НПК, а изучая Шелонскую пятину, он ограничился лишь несколькими произвольно им выделенными писцовыми книгами. До нас дошла писцовая книга по этой пятине 1539 г.[496] В ней дано подробное описание поместных земель. О размере посева в ней всегда записано: «...сеют в одном поле

[495] Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения..., стр. 27—29, 301—327; А. А. Кауфман пользовался перечневой или платежной (краткой) писцовой книгой Шелонской пятины 1498 г.: НПК V, стр. 1—70.

[496] НПК IV, стр. 237—522.

(столько-то) коробей, а в дву по тому ж». Значит, о трехполье в указанной писцовой книге сказано с полной ясностью и этого документа не могут касаться отмеченные выше сомнения А. А. Куфмана. В бо̀льшей части хозяйств, описанных в ней, в посопном оброке овса указано вдвое большем количестве, нежели ржи,[497] а то и с добавлением еще других яровых хлебов.[498] Если следовать А. А. Кауфману, то перед нами примеры подсечного или залежного земледелия, между тем как писец в отношении всех этих хозяйств ясно свидетельствует о практике трехполья. Есть в этой писцовой книге и случаи, когда при оброке «поспом» количество ржи и овса равно (значит — случаи трехполья); правда, таких случаев намного меньше, чем тех, когда преобладает в оброке овес.[499] Встретились и такие факты: в Дегожском погосте этой же пятины в оброке указано 22 коробьи овса, $2^1/_2$ коробьи ячменя и 48 коробей пшеницы, а ржи нет;[500] или другой пример: в оброке указано только $2^1/_2$ коробьи ржи, овса же 23 коробьи, ячменя $3^1/_4$ коробьи, пшеницы 2 коробьи.[501] Разъясняет нам оба эти факта третий: в большом хозяйстве (в $30^1/_2$ обеж) в оброке землевладельцу отмечено 48 коробей овса, $13^1/_2$ коробей ячменя (жита), $6^3/_4$ коробей пшеницы, а ржи нет; в «доходе» же ключнику указано 6 коробей ржи и 6 коробей овса.[502] Значит, рожь действительно высевалась (и мы думаем, что высевалась в большом количестве во всех указанных хозяйствах), но она не всегда включалась в посопной оброк. Совершенно ясно, что, заменяя издольщину посопным хлебом, землевладелец по своему усмотрению устанавливал, какие зерновые и в каком количестве должны входить в посопной оброк. И когда ему не было надобности в получении ржи, он исключал рожь из оброка. Но рожь — этот основной озимый хлеб — обязательно высевался крестьянами. Поэтому на сведения о соотношении озимых и яровых хлебов в посопном оброке при решении столь серьезного вопроса, как определение систем полеводства в земледельческом хозяйстве Новгородской земли, полагаться нельзя.

Но все же, может быть, действительно в НПК есть записи, по которым можно установить истинное количественное соотношение высевавшихся озимых и яровых хлебов различного сорта? В НПК встречаются записи такого типа: «...а за третной хлеб положено хлеба поспом: ржи 9 коробей, овса 18 коробей»; «...а за четвертной хлеб поспом хлеба: ржи 17 коробей, овса 31 кор.,

[497] Там же, стр. 243, 258, 261, 265, 266, 274, 278, 287, 288, 329, 331, 347, 360, 364, 376, 469—470, 502, 522.

[498] Там же, стр. 256, 264, 270, 273, 280—282, 289, 327, 358, 361, 369, 372, 375, 385, 419, 427, 439, 441, 490, 494, 508.

[499] Там же, стр. 306, 394, 435, 478, 496. — О «смешанных системах», когда при равенстве ржи и овса указаны еще другие яровые, см.: там же, стр. 295, 300, 309, 311, 342, 343, 414—416, 418, 421, 422, 430, 434.

[500] Там же, стр. 271.

[501] Там же, стр. 338.

[502] Там же, стр. 413.

ячменя 5½ кор.»; «...а за третной хлеб: ржи 24 кор., овса 24 кор., ячменя 12 кор.».[503] Таких записей свыше полутора десятка. В основном они — в писцовых книгах Вотской пятины.[504] Смысловой характер их таков, что в некоторых из них действительно отражено количественное соотношение высевавшихся разных зерновых хлебов. Среди этих записей в трех случаях овса и яровых вдвое больше, чем ржи (т. е. озимого хлеба), в семи случаях больше в полтора раза и лишь в трех случаях почти поровну. По установкам А. А. Каумфана получается, что только в трех случаях, т. е. у одной пятой части хозяйств, была паровая трехпольная система земледелия, а во всех остальных — переложная система типа подсечной. Чтобы понять маловероятность и неоправданность такой оценки, следует учесть также то, что А. А. Кауфман без достаточных оснований рекомендует свои признаки для различных систем полеводства, — это мы покажем ниже. Теперь же считаем необходимым обратить внимание еще на другие данные о зерновых оброках, приводимые писцами. В писцовых книгах, наряду со сведениями о размере третного или четвертного оброка, указанного в количестве зерновых хлебов в коробьях, в общих сведениях о хозяйстве крестьян той или иной деревни приводятся данные о размере высева озимого хлеба («в одном поле»). Если в оброке действительно указана треть урожая, четверть его или пятая доля, то, умножив количество ржи в оброке соответственно на три, четыре или пять, мы можем получить цифру полного урожая озимого хлеба. Сравнив же с тем, что действительно указано в посеве писцом, получим цифру урожайности в «сам'ах». Но, к нашему разочарованию, эти цифры урожайности таковы, что принять их невозможно: лишь в одном случае они показывают урожай «сам 3»,[505] в трех — «сам два и две трети»,[506] в одном — «сам два с третью»,[507] в четырех — «сам 2»[508] и в трех случаях — «сам полтора» или «сам один с третью».[509] Иными словами, урожаи по таким данным кажутся столь низкими, что земледелец отказывался бы сеять на своих полях. На самом дело было, конечно, иначе. Поэтому следует признать, что указываемое в писцовых книгах количество посопного зерно-

[503] ВПК I, стр. 11, 143; НПК III, стр. 363.

[504] НПК III, стр. 363, 480; ВПК I, стр. 11, 143, 145, 237, 238; ВПК II, стр. 36, 50, 77, 79, 81, 84, 86, 187; НПК IV, стр. 210 (Шелонская пятина).

[505] ВПК I, стр. 245 («сеют 6 коробей, и за третной хлеб в оброке ржи 6 кор.»).

[506] ВПК I, стр. 237 («сеют 3 коробьи и за четвертной хлеб ржи 2 кор.»); ВПК II, стр. 77 («сеют 56 коробей, за третной хлеб ржи 50 кор.») и 84 («сеют 54 коробьи, за пятинный хлеб ржи 30 кор.»).

[507] ВПК II, стр. 86 («сеют 70 коробей, а за третной, за четвертной и за пятинный хлеб — оброк 32 коробьи»).

[508] НПК IV, стр. 210 («сеют 83 коробьи, а за четвертной и за пятинный хлеб ржи в оброке 39 коробей»); ВПК I, стр. 11, 143 и 238.

[509] ВПК II, стр. 36 (сеют 50 коробей, за третной хлеб ржи 26 коробей), 79 (сеют 41 коробью, за третной хлеб ржи 18 коробей) и 81 (сеют 50 коробей, за третной хлеб ржи 28 коробей).

вого хлеба не выражало доли истинного урожая, а значит — об урожайности по этим данным судить нельзя.

Ошибкой А. А. Кауфмана является не только использование всяких без разбора записей о посопном хлебе. Здесь Кауфман поступал совершенно произвольно. Не менее произвольными являются и те показатели соотношения озимых и яровых хлебов, которыми Кауфман предложил пользоваться при установлении систем земледелия, применявшихся в Новгородской земле в конце XV—начале XVI в. Он определяет их на основе своих ничем не подкрепленных соображений. Между тем совершенно достоверные данные о том, сколько при трехполье высевалось ржи и сколько овса, в условиях равенства озимого и ярового поля, приводятся в документах XV и начала XVI в.: «...а сеяли на десятине по две четверти ржи, а яри вдвое».[510] Соответственно этому и урожай овса на десятине при исчислении в объемных мерах намного выше урожая ржи. В тех случаях, когда овса высевалось на десятину вдвое больше, чем ржи, и получался соответственно вдвое больший урожай овса, мы должны видеть лишь пример равенства озимых и яровых полей, т. е. случай, естественный для трехполья.

Далекие от сельскохозяйственной практики исследователи не всегда помнят это. Для устранения напрасных сомнений в данном вопросе напомним, что то же соотношение, т. е. двойной высев в объемных мерах овса на десятину по сравнению с рожью, считалось естественным и в XIX в. По пятилетним сведениям Центрального статистического управления, средняя для России густота посева ржи близка к восьми мерам на казенную десятину, а овса — около 16 мер на десятину.[511] Это азбука дореволюционной трехпольной системы земледелия.

---

[510] В выписи 1498—1499 г. из писцовых книг Владимирского уезда в отношении сельца Чоково сказано: «А пашни вел. кн. было во всех трех полях по 16 десятин в поле, а сеяли на десятине по две четверти ржи, а яри вдвое»; то же и в сельце Железове (АФЗ I, № 167, стр. 152). Так же рассказано и в сотной на дворцовое село Буйгород, — но подробнее, — и в отношении многих других селений (АФЗ II, № 178 (1543—1544 гг.), стр. 176 и 177). А в отношении одной деревни Переяславского уезда на суде сказано: «высеял (крестьянин, — *Г. К.*)... ржи десять четвертей, а овса пятнадцать четвертей да две четверти ярицы» (АСЭИ I, № 582 (1495—1499 гг.), стр. 461).

[511] А. Фортунатов. Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М., 1893, стр. 182—183. — О том же говорят и материалы многочисленных губернаторских отчетов XIX в., хранящихся в ЦГИА СССР (ф. 1281). См., например, отчеты Тверской губернии за 1838 и 1839 гг. (оп. 3, д. 27, лл. 2 об.—3; д. 74, л. 3 об.), Владимирской губернии (оп. 3, д. 46 за 1838 г., лл. 4—5), Рязанской губернии (оп. 3, д. 50 за 1839 г., лл. 4—5 об.), Псковской губернии (оп. 11, д. 114 за 1831 г., л. 22 об.), Ярославской губернии (оп. 11, д. 183 за 1830 и 1831 гг., лл. 37, 105 и 105 об.), Вологодской губернии (оп. 11, д. 29 за 1812—1825 гг., лл. 62—63 об., 105—106 об., 139—140 об., 180—181 об.; д. 30 за 1828 г., л. 30 об.), Вятской губернии (оп. 11, д. 37 за 1804—1809 гг., лл. 36—37, 191—192, 275—276, 353—354, 415—416, 462—463, 514—515). Во всех случаях — трехполье, а соотношение посева озимых и яровых равно 1 : $1^1/_2$ или 1 : 2.

Эти ясные указания на совершенно различную густоту посева озимой ржи и яровых хлебов (для овса в первую очередь), а вместе с этим и на большое различие урожая (в объемных мерах) на озимых и яровых полях говорят о том, что, как бы мы ни расценивали соотношение урожая яровых и озимых хлебов, данные об этом в НПК свидетельствуют в пользу трехполья, а не против него. Здесь мы оставляем в стороне и то, что взятые из сведений о «доходах» цифры не выражают истинного соотношения урожая озимых и яровых хлебов. Землевладелец брал с крестьянина тот зерновой хлеб, который ему был нужен, не зависимо от пропорции полученного крестьянином урожая разных зерновых хлебов. В то же время достаточно ясно, что выраженный в объемных мерах урожай всех яровых хлебов обычно был намного выше урожая озимой ржи.

Мы подробно разобрали высказывания и всю аргументацию А. А. Кауфмана против признания трехполья как основы земледелия в Новгородской земле, так как в них видели отражение всех издавна существовавших в старой дореволюционной историографии предвзятых мнений об отсталости сельского хозяйства древней Руси.

Писцы — составители НПК, как очевидцы, свидетельствуют (кроме немногих случаев, указанных нами ниже) о трехполье во всех деревнях и селах Новгородской земли, рассказывая о размере посева зерновых по известной уже нам формуле — «сеют в поле ржи (столько-то) коробей...», — подразумевая при употреблении краткой формулы еще слова: «а в дву по тому ж». А. А. Кауфман, вместе со всеми изучавшими НПК, считает, что если писцы — составители писцовых книг — не имели возможности измерять поля и другие земельные угодья, то они все же досматривали описываемые ими деревни и села, их поля и, вероятно, еще и некоторые угодья. Напомним, что наличие больших полей вблизи жилых построек деревень при паровой трехпольной системе земледелия коренным образом меняло облик этих поселений. В селениях же старого типа с подсечным земледелием (которое А. А. Кауфман сближает с переложной системой земледелия) зерновые хлеба сеялись на непрерывно менявшихся лесных участках, и лес окружал жилища. Составители писцовых книг не могли смешать эти различные селения или хозяйства. Верная оценка тяглоспособности и материальной мощности каждого земледельческого хозяйства была одной из основных задач писцов, и только в условиях правильного ее разрешения можно было обоснованно установить тягло — положить каждое хозяйство в обжи и сохи. Тяглоспособность каждого хозяйства, каждого двора зависела от состояния основы этого хозяйства — от его земледельческой отрасли. Состояние земледелия, материальный его вес определялся размером запашки. Правильная регистрация этой земледельческой основы хозяйства требовала верного пони-

мания его организации. Писцы, приступая к описанию, конечно, хорошо представляли то, что они должны были описывать. Перед ними ясно вырисовывался облик типичного для Новгородской земли земледельческого хозяйства. Его фундамент составляли крестьянские хозяйства («дворы»), основой которых являлось полевое пашенное земледелие на прилегающих к каждому двору полях. Таких полей было три, они отвечали привычной для московских писцов трехпольной паровой системе земледелия, применяемой и земледельцами Новгородской земли. При обычном равенстве этих полей писцам было достаточно сказать о размере посева в одном поле, как становилось ясным все земледельческое хозяйство, вся его хозяйственная мощность. Основное поле — озимое, где высевалась рожь. Размером посева ржи характеризовалась вся земледельческая основа хозяйства. По такому плану, по такому образцу московские писцы и приступили к своей работе, считая заранее, что на всей основной территории Новгородской земли они встретятся именно с таким земледельческим крестьянским хозяйством, которое ведется на основе применения паровой трехпольной системы.

В нашем представлении приказные люди — основа административного финансового аппарата московского великого князя — это люди большого жизненного опыта, умевшие трезво оценивать все происходящее вокруг, а явления хозяйственной жизни — в первую очередь. Конечно, у тех, кто определял задачи и порядок описания Новгородской земли, так же как и у тех, кто практически должен был выполнить это большое задание, были достаточно полные сведения о том, как жил и работал новгородский крестьянин-земледелец. Мы твердо уверены, что трехполье, с его резким отличием от подсечного земледелия, московские писцы хорошо знали еще дома и привыкли к нему. И именно поэтому все описание Новгородской земли выглядит в НПК особенно четким и ясным. Так складывается впечатление о почти повсеместном (ниже мы особо выделяем район Задней Корелы) распространении и господстве паровой трехпольной системы земледелия.

Мы разделяем высказанное рядом исследователей мнение, что крестьянин древней Руси в ведении своего хозяйства не считал нужным обязательно следовать одному шаблону. Общее признание преимуществ паровой системы и трехполья и принятие их крестьянином не мешало существенно менять соотношение при посеве озимых и яровых хлебов, свободно определять выбор и количество последних. У крестьянина оставалась возможность разрабатывать и подсеку. Естественно и то, что оставались районы, в которых победа трехполья и паровой системы над посекой не была столь решительной. Здесь мы должны признать, что материалы, сообщаемые по этим вопросам писцами, трудно уловимы и приходится полагаться лишь на косвенные указания.

НПК дают большой цифровой материал о посеве зерновых хлебов во всех десятках тысяч деревень Новгородской земли. Как правило, такие сведения даются по селениям (по деревням и селам), реже по дворам-хозяйствам. Постоянные указания на число дворов в селениях и в волостях, обязательное перечисление дворов в каждом селении с поименованием их владельцев и живущих в них глав самостоятельных семей дает нам возможность изучать и отдельные хозяйства, основные производственные единицы сельского хозяйства. Писцы сообщают о размере посева в коробьях. Указания в источниках, современных НПК, дают возможность с некоторым приближением определять и общий размер запашки по хозяйствам.[512]

Цифры о посеве зерновых хлебов по отдельным хозяйствам и в целом по погостам и пятинам внимательно изучались и подытожены в исследованиях по истории народного хозяйства Новгородской земли. В отношении Деревской, Вотской и Шелонской пятин, писцовые книги, которые дошли до нас в лучшей сохранности и полнее других, данные о размерах посевов сведены в работе А. М. Гневушева в приводимую нами табл. 2.[513]

Таблица 2

Размеры посева зерновых хлебов в крестьянских хозяйствах трех новгородских пятин в 1495—1505 гг.

Размер посева ржи (в коробьях)	Деревская пятина		Вотская пятина		Шелонская пятина	
	количество хозяйств	%	количество хозяйств	%	количество хозяйств	%
От 1 до 1.5	1775	9	167	1	—	—
От 1.6 до 2	7826	40	813	5	22	0.5
От 2.1 до 2.5	8325	42.5	5155	32	536	8.5
От 2.6 до 3	1616	8.5	4286	27.5	594	9.5
От 3.1 до 3.5	—	—	3733	24.0	4484	70.5
От 3.6 до 4	—	—	430	2.5	693	11.0
От 4.1 до 4.5	—	—	1255	8.0	—	—
Всего . . .	19542	100	15839	100	6329	100

[512] О соотношении коробьи ржи и площади посева в НПК сказано: «...а пашни великого князя в том селе (у Троицы в Паозерье) в поле по 24 десятины, а на десятину сеют по коробье с четвертью ржи» (НПК V, стр. 287). Текст этот, взятый из писцовой книги 1501 г., повторен в писцовой книге 1551 г. с добавлением: «...в дву полях по тому ж» (НПК V, стр. 316).

[513] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 229. — Таблица составлена А. М. Гневушевым на основе более подробных данных, приведенных им в Приложении V, в котором указаны группы сельского населения и размеры крестьянского хозяйства по погостам Деревской пятины (стр. 362—392), Вотской пятины (стр. 392 и 422) и Шелонской (стр. 422—439); взяты средние цифры на двор по погостам.

В соответствии с указаниями в документах о том, что на одну десятину высевалось $1^1/_4$ коробьи ржи, эти данные о посеве, выраженные в коробьях, переводятся А. М. Гневушевым в таблицу о площади крестьянской запашки на один двор. В таблице указываются большие цифры для разрабатываемой полевой пашни у крестьян. В Шелонской пятине, например, средняя величина пашни на 1 двор во всех трех полях исчисляется от 11 до $12^1/_2$ десятин; она много ниже в Вотской пятине (9—8 десятин) и уже вдвое меньше в пятине Деревской (от 5 до $6^1/_4$ десятин).[514]

Таким образом, площадь разрабатывавшихся под пашню полей колебалась в пределах от 5 до $12^1/_2$ десятин. Такое количество десятин полевой пашенной земли для крестьянского хозяйства — большая величина. Однако следует учесть, что приведенные в таблицах А. М. Гневушевым данные — это средние величины размера посевов по целым погостам. На деле же и в этих трех пятинах были отдельные хозяйства с гораздо меньшей площадью посева — например, с посевом ржи в 1 коробью в одном поле, т. е. с площадью поля в $^4/_5$ десятины. В этом случае площадь всех трех полей была 2.2 десятины. Отступления от средних величин посева могли быть и в сторону увеличения. А. М. Гневушев указывает, что имелись крестьянские хозяйства с посевом до 6.5 коробей в одном поле; в этих случаях общая площадь полей будет уже свыше 15 десятин.[515]

В работе В. Ф. Загорского отмечается, что в Шелонской пятине посевы в хозяйстве от 4 до 6 коробей в одном поле являются наиболее частыми.[516] Это значит, что площадь крестьянских полей от 9.6 до 14.4 десятин для Шелонской пятины не являлась редкостью. В отдельных же многосемейных дворах посев показан в 20 и в 25 коробей в одном поле (т. е. 16—20 десятин в поле).

Не всегда легко объяснить столь большую разницу в посевах. Указание на очень низкий посев (до одной коробьи в поле) заставляет думать, что были такие хозяйства, которые и в нормальных условиях, т. е. в урожайные годы, не обеспечивали себя зерном, между тем как с этих хозяйств наравне с другими шел большой оброк феодалу хлебом. Этот разрыв между хозяйствами с большими посевами и хозяйствами с малой площадью посева зерновых хлебов объяснить будет еще труднее, если присоединить к ним материалы о посевах в Обонежской пятине.

Материалы всех восьми описанных в писцовой книге погостов Обонежской пятины 1496 г. тщательно изучены в работах И. Л. Пе-

---

[514] Там же, стр. 231.

[515] Такие случаи указаны в Щепецком погосте Шелонской пятины (там же, стр. 229).

[516] В. Ф. Загорский. История землевладения Шелонской пятины в конце XV—XVI веках. СПб., 1909, стр. 66—67.

рельман и В. Н. Бернадского. В отношении размера посева ржи эти данные сведены ими в приводимые нами табл. 3 и 4.

Таблица 3

Размеры посевов ржи в четырех погостах Обонежской пятины [517]

Погосты	Всего описанных деревень	Меньше 1 коробьи	1 коробья	От 1 до 2 коробей	От 2 до 3 коробей	От 3 до 4 коробей	Более 4 коробей
Никольский в Шунге (север озера Онего).	150	13 (8.7%)	13 (8.7%)	68 (45.3%)	29 (19.3%)	16 (10.7%)	11 (7.3%)
Покровский на Вытегре (юго-восточный берег озера Онего).	120	25 (20.8%)	12 (10%)	48 (40%)	25 (20.8%)	10 (8.4%)	—
Никольский на Оште (юго-западный угол озера Онего).	266	120 (45.1%)	39 (14.7%)	84 (31.6%)	20 (7.5%)	3 (1.1%)	—
Ильинский в Веницах, на реке Ояти.	210	125 (59.5%)	33 (15.7%)	46 (21.9%)	6 (2.9%)	—	—
Итого . . .	746	283	97	246	80	29	11

Мы указывали, что посев в поле одной и полуторых коробей ржи на хозяйство совершенно недостаточен для обеспечения семьи хлебом, особенно если учесть, что крестьянин был обязан платить немалый оброк тем же хлебом и платить еще «обежную дань» великому князю.[518] В Шелонской, Вотской и Деревской пя-

[517] И. Л. Перельман. Новгородская деревня в XV—XVI вв. ИЗ, т. 26, 1948, стр. 153. — Таблица заимствована из этой работы, посев в ней исчислен на деревню — двор; величина процента внесена нами.

[518] Яркий пример — деревня Новоселье в богатой волости (бывшей Аркажского монастыря) Лопастицы Деревской пятины. В этой деревне три крестьянских двора; сеют ржи $1^1/_2$ коробьи, т. е. по полкоробьи на хозяйство, а сена всего 15 копен, по 5 копен на хозяйство. А доход с них (с трех): 3 гривны деньгами, 3 коробьи ржи, 3 коробьи овса, $1^1/_2$ коробьи пшеницы, $1^1/_2$ коробьи ячменя, 3 четверти хмелю, 3 барана, 3 куров, 3 сыры, 3 горсти льну, 3 поярка, 3 остромка сена, 3 сажени дров; да ключнику: 3 деньги, $1^1/_2$ четверти ржи, $1^1/_2$ четверти овса, 3 куров,

Таблица 4

Размеры посевов ржи в южных погостах Обонежской пятины [519]

Погосты	Дворов с посевами			Средний посев на 1 двор (в коробьях)
	менее 1 коробьи	1—1½ коробьи	свыше 1½ коробьи	
Пелушский	81 (64%)	42 (33%)	3 (3%)	0.84
Койвушский	53 (36%)	83 (57%)	10 (7%)	1.05
Озерский	25 (28%)	50 (57%)	13 (15%)	1.18
Хотславльский: (Никольский на Готслав волоке)	16 (16%)	54 (52%)	33 (32%)	1.57

тинах таких хозяйств указано немного. Иная картина наблюдается в указанных выше погостах Обонежской пятины, описание которых дошло до нас. 97% дворов в Пелушском и 93% в Койвушском погосте составляли хозяйства с посевом до полуторы коробьи, а в Озерском и Хотславльском погостах таких хозяйств было соответственно 85 и 68%. В Ильинском-Веницком погосте свыше ¾ хозяйств имели посев в 1 коробью и ниже, а в Никольском-Оштинском погост таких хозяйств было 60%. Низкие показатели полевой пашенной земли не могут объясняться только тем, что в указанных восьми погостах Обонежской пятины население занималось промыслами, рыболовством и охотой. О большом народнохозяйственном значении рыболовства можно говорить только в отношении Шуньгского погоста [520] и с некоторой долей вероятности — Вытегорского и Оштинского погостов. Население занималось охотой (особенно в Веницком погосте, меньше — в остальных четырех южных погостах), но ни охота, ни рыболовство, ни оба промысла в сочетании не могли и здесь служить основой хозяйства. Писец считает такой основой земледелие [521] и на первом месте отмечает размер посева; об охоте же и рыболовстве мы узнаем лишь из сведений о натуральном оброке в доходе владельцу и о денежном доходе. Деньги, вероятно, получались от сбыта пушнины.

3 сыры, 3 горсти льну, 3 поярка, 1½ овчины (НПК II, стр. 787—788). Как могли крестьяне платить столь большой оброк при ничтожной запашке и малом закосе? Писцы указали, конечно, оброк, фактически выплачивавшийся. При посеве ½ коробьи ржи урожай ее будет 1½—2 коробьи, не больше, и если уплатить землевладельцу и ключнику по ½ коробьи, то хлеба не останется и на посев; тем более недостаточен сенной покос. Следует считать, что, помимо отмеченного писцами, крестьяне еще где-то косили сено и сеяли хлеб.

[519] В. Н. Бернадский. Общественное разделение труда..., стр. 123.

[520] См. ниже, стр. 289, 293.

[521] Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения, стр. 211—212.

В. Н. Бернадский, изучая четыре указанных южных погоста Обонежской пятины, отметил, что земледелие все же издавна было основным занятием населения этих погостов. Натуральный оброк продуктами земледелия занимал важное место среди дохода землевладельцев. Размер же посева указан столь малым, что трудно получить с такой полевой пашни количество зерновых продуктов, достаточное для уплаты натурального оброка и для обеспечения своей семьи. В «старом доходе» в этих южных погостах, наряду с основными зерновыми хлебами, заметную роль играли лен, хмель (в Пелушах и Койвушах) и продукция животноводства. Лен особенно хорошо выращивается на подсеках, не требуя там никакого удобрения. Напрашивается мысль о разработке крестьянами подсек в этих погостах; писцы же не отмечали посевы на подсеках.

Существование подсеки в качестве дополнения к полевой пашне, — конечно там, где много лесов, где были условия для заведения подсек, — естественно для многих районов Новгородской земли. Мы уже отмечали использование для подсечного земледелия лесных массивов между погостами на территории Обонежской пятины. Мы указали на «посекирную пашню», непрерывно разрабатывавшуюся здесь в конце XVI—начале XVII в.[522] в районах обычного трехпольного земледелия. Вернемся еще раз к той «Дозорной книге Обонежской пятины Ивана Льговского 1619 г.», в которой мы нашли прямые указания на широкое распространение подсечного земледелия на территории, прилегающей к южному побережью Онежского озера. Подсечное земледелие здесь выступает под наименованием «посекирной пашни». «Посекирная пашня» была обычной в практике крестьян тех мест. В этой дозорной книге указано: «И ныне дьяк Иван Льговской тое волостку Ножмо-озеро приписал платежом к Оштинского погоста к отхожим Шимозерским волосткам, потому что... та волостка стала на их угодьях на черном лесу до Веницкого рубежа (землю приписал к Шимозерской волости, — *Г. К.*)... И в черный лес им ходити и лес сечи Оштинского погоста Шимозерским волосткам в поверстном лесу с теми же шимозерскими крестьяны посекирно, кто где поспел».[523] Следовательно, речь идет о подсечном земледелии, корни которого уходят в глубокую древность; в изучаемое нами время (более раннее, чем описанное) подсеку — «посекирную пашню» — считали обычной для Обонежской пятины.

---

[522] См. выше, гл. II, стр. 140. — Район распространения посекирной пашни, указанный в документе, примыкает к Ильинскому погосту в Веницах на Ояти и к Никольскому погосту на Оште (или к Оштинскому погосту).

[523] Указанная выше Дозорная книга Обонежской пятины письма Ивана Льговского 1619 г. (лл. 245 и 245 об.).

Такая догадка подкрепляется и документами — писцовыми книгами Обонежской пятины. Писец, составитель более поздней писцовой книги Обонежской пятины — 1563 г., — Андрей Лихачев, внося различные исправления и дополнения в писцовую книгу 1498 г., письма́ Юрия Константиновича Сабурова, внес ряд дополнений о лесах, эксплуатировавшихся под подсеки. В одном случае поводом послужили починки, не записанные в писцовой книге 1498 г. Ю. К. Сабурова. А. Лихачев пишет: «Да у тех же починков отхожие поженные, пашенные земли меж мхов и болот в длину 10 верст, поперек на пол-2 версты».[524] Отхожие пашенные земли в лесах меж мхов и болот — это подсеки, разрабатывавшиеся крестьянами разных погостов Обонежской пятины. Подсечным земледелием в такой форме, вероятно, занимались крестьяне и остальных пятин. В других — правда, несколько необычных — случаях А. Лихачев отметил пашенный черный лес в качестве угодья: «А угодья у Никольского монастыря... лесу черново в Конпоге в выставке в длину 10 верст, поперег пол 4 версты, а дают тот лес пахати заволостным крестьяном из пятого снопа».[525] И еще: «А угодья... Лес у них черной пашенный и непашенный».[526] И в том и в другом случае — прямые указания на подсечное земледелие. Но это записи писца 1563 г. К этому времени, т. е. через 50—60 лет после составления первых НПК, писцы научились лучше учитывать всякие угодья, были приучены к этому. Вероятно, стали примечать и подсечное земледелие. Обычным же правилом для писцов — составителей писцовых книг, и в первую очередь Новгородских писцовых книг изучаемого нами времени, — было полное безразличие к пашне на подсеках, к черным пашенным лесам. Это обстоятельство необходимо учитывать, когда мы имеем случаи указаний на чрезвычайно низкий размер посева. Это ясно не только в отношении южных погостов Обонежской пятины, или Веницкого погоста на Ояти, или других погостов Обонежской пятины, но и вообще при учете материалов о земледелии в Новгородской земле.

Ю. К. Сабуров был авторитетным лицом в московском приказном административном аппарате. Те правила описания земледельческого хозяйства, которые рекомендовали равнодушие к разработке подсек, при строгом внимании к запашке полевой, конечно, были правилами не только для одного Ю. К. Сабурова, писца Обонежской пятины, но безусловно общими правилами для всех писцов конца XV в. Писцы заносили далеко не все. Они старались ограничить свои задачи, стремясь в этом случае к большей простоте характеристик и ясности, особенно полезной при такой кропотливой и сложной работе, как составление писцовых книг. В НПК имеется в этом отношении очень показательный пример.

[524] ОПК, стр. 85 (погост Пиркиничский на Свири).
[525] Там же, стр. 114.
[526] Там же, стр. 154.

Мы имеем в виду описание Задней Корелы. Население ее платило денежные и натуральные оброки и несло повинности вне связи с земледелием, и потому в описаниях ее довольно многочисленных деревень и хозяйств (в Задней Кореле свыше трех тысяч луков) мы совершенно не встречаем сведений о земледелии.

Вернемся еще раз к материалам по восьми погостам Обонежской пятины. Характер выплачиваемых ими натуральных оброков указывает на совмещение земледелия с промыслами. Но не во всех указанных погостах условия для занятия рыболовством, охотой и другими промыслами были одинаковы. В различном положении было и земледелие. В ряде деревень и во многих хозяйствах, по данным письма, посев зерновых был столь ничтожен, что жить с него было нельзя. В действительности дело обстояло, вероятно, не совсем так; как мы уже говорили, фактически посев, по-видимому, был большим за счет не отмеченных писцами подсек.

Но все же черты бедности, отсталости во многих селениях и хозяйствах Обонежской пятины выступают столь ясно, что о них нельзя не говорить. Особенно низкой запашкой выделяются Ильинский Веницкий погост на Ояти. У 75% дворов посев равен одной коробье или меньше коробьи. Хозяйства бедны, малопродуктивны. В отношении ряда хозяйств писец указывая, что «сеют ржи полкоробьи, треть обжи», вынужден отметить: «Доходу не было».[527]

Согласие на такую оценку и писцом, и землевладельцем, конечно, было дано не без колебаний. И тот, и другой без особых серьезных оснований не могли отказаться от взимания доходов с крестьянина, не могли согласиться с его «бесполезностью». В данном примере следует отметить, что из указанных случаев в пяти сказано: «Доходу не было, жил во льготе»; значит, предполагалось, что хозяйства выправятся и будут снова платить оброк.

Хозяйство Веницкого погоста и четырех других южных погостов Обонежской пятины особо внимательно изучено В. Н. Бернадским. Он высказал предположение, что это группа погостов с низким уровнем земледелия, при котором полевое паровое пашенное земледелие сочетается с разделыванием подсек; земледелие совмещается с промыслами — с охотой, в некоторых погостах и с рыболовством; хозяйство в них натуральное в основе, хотя большая доля оброков выплачивается деньгами. Деньги получаются от продажи мехов.[528]

Хозяйства с малым посевом зерновых хлебов (до 1 коробьи на двор) имелись и в Деревской, и в Вотской, и в Шелонской

[527] Там же, стр. 43, 45 (отмечено по 4 таких хозяйства), 46, 47 (отмечено по одному такому хозяйству).

[528] В. Н. Бернадский. Общественное разделение труда..., стр. 122—132 (см. особенно стр. 130).

пятинах.[529] В таблице, составленной А. М. Гневушевым, они не видны (табл. 2), так как там приводятся лишь средние цифры посева дворов всего погоста или больших селений, но их можно найти в большом количестве, читая текст писцовой книги.

В цифровые показатели о размерах посева зерновых хлебов должны быть внесены серьезные коррективы. Писец говорит только о том, что близко, на глазах, и что он видел. Он знает полевую пашню — и на деле видит только такое трехпольное земледельческое хозяйство, к какому он уже, вероятно, привык у себя в Северо-Восточной Руси. Он рассказывает о посеве зерновых в полях в короткой (урезанной) лаконичной формуле и, конечно, считает, что каждый читающий без колебаний и ошибок поймет, что при указании цифры посева речь идет о посеве основного хлеба — ржи, т. е. хлеба озимого. Но писец не видел того, что делалось в лесу, за пределами полевого клина. Он мог увидеть и учесть приполки, полянки и участки вблизи полей, но об исправном учете подсек он думать не мог и заниматься этим сложным делом не хотел. У представителей фиска зоркость на предметы обложения вырабатывалась постепенно. Разрабатываемую в лесу подсеку вообще не легко обнаружить, а так как она дает продукцию лишь в течение 3—5 лет, то трудно ее и учесть как объект обложения. Составители НПК были «пионерами» в деле учета земельных угодий. Мелочи (например учет подсек — несущественных объектов обложения) не должны были отвлекать их от других исключительно ответственных задач.

Внимательное изучение НПК позволяет сделать достаточно ясный вывод о земледелии в Новгородской земле. НПК знают только трехполье и говорят о зерновом хозяйстве земледельцев, показывая распространение земледелия в форме паровой трехпольной системы во всех сельских поселениях Новгородской земли. В цифрах посева коробей озимого хлеба НПК характеризуют земледелие каждой волости, каждого погоста. Итоговые цифры посева озимых хлебов легко исчисляются по погостам и по пятинам. Таков основной вывод. Он достаточно ясен и является полным ответом на главный наш вопрос — о системе земледелия. Имеющийся небольшой материал о подсечном земледелии ни в какой мере не колеблет этого ясного итога. Подсека сосуществует с трехпольем. В лесных районах земледелец при наличии свободных рук разрабатывал подсеку, пополняя этим путем свои запасы зерновых хлебов, льна и репы. Те случаи, которые позволили нам проследить наши источники (и в первую очередь писцовые книги), — это лишь отдельные примеры явлений, вероятно достаточно широко практиковавшихся.

---

[529] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 230, Приложение V, стр. 379, 383, 385, 389, 391, 393; А. Кауфман. Новгородские писцовые книги в статистической обработке, стр. 41.

Мы указывали, что трехполье не исключало разработку подсек, пашню на полянках. Трехполье при почвенных условиях Новгородской земли возможно было только при условии применения удобрения, внесения навоза. Разрабатывались, правда, удаленные от дома участки и без внесения навоза, пока родила земля. Запустевшие окультуренные пашни «пахались наездом», и едва ли удавалось удобрять их.

Паровая трехпольная система земледелия требовала неуклонного выполнения ряда агротехнических правил. В их числе были правила, касающиеся и плодосмена. Но земледелец, руководствуясь своими интересами и общей обстановкой, мог отступить от них, и даже значительно. По-видимому, эта значительность отступлений и вызвала случаи, когда писцы вместо обычных указаний на посев ржи отмечали посев «яри» — яровых хлебов: «А сеют яри (столько-то) коробей». Таких случаев немного.

Некоторые из советских историков хозяйства Новгородской земли, ссылаясь на наличие в НПК таких записей о земледелии, говорят о значительной практике лядинного земледелия (А. М. Гневушев), а другие (Л. В. Данилова) о двухпольной системе земледелия. Но стоит присмотреться внимательнее к случаям посева «яри» — и окажется, что говорить о серьезных отступлениях от трехполья нет никаких оснований. Указания на дворы-хозяйства, в которых «сеют ярь», не многочисленны. В Деревской пятине только 80 таких дворов на $19\frac{1}{2}$ тысяч описанных, в Шелонской — лишь 4 двора на 6300, в Бежецкой — 3 двора на 1914, в Обонежской пятине не отмечено ни одного такого хозяйства. По данным четырем пятинам это — лишь кажущееся отступление от трехполья. В процентном отношении они составляют ничтожные десятые или сотые доли процента к обычным трехпольным хозяйствам. Больше случаев посева «яри» в Вотской пятине.[530] По оброчным волостям великого князя, владельческим и поместным, в Вотской пятине формула «сеют яри (столько-то) коробей» употреблена в отношении 520 дворов из общего числа описанных 15 800 крестьянских дворов; в процентном отношении это составит только 3.3%. Лишь в дворцовых волостях таких случаев несколько больше — указано 529 таких дворов-хозяйств. Однако районы, где расположены эти хозяйства (у моря, в центре рыбных промыслов, на многолюдных погостах, в густонаселенных

[530] Все случаи указаний писцов на «посев яри» прослежены нами; подсчет дворов-хозяйств, к каким они относятся, также произведен нами. По Деревской пятине такие указания на «ярь» имеются в НПК I (стр. 290, 401), НПК II (стр. 449, 450, 460, 462, 494—498, 630, 631, 663); по Вотской пятине — в НПК III (стр. 539, 540, 648—650, 655, 656, 661, 665, 666, 669, 677—679); ВПК I (стр. 336—339, 342—344, 349, 350, 354—359, 361—368, 371, 372, 379—407, 410—417, 426, 427, 429, 430), в писцовой книге дворцовых земель (ОВПК, стр. 20—23, 30, 52—58, 61, 62, 65, 67—76, 78—82); по Шелонской пятине — в НПК V (стр. 215); по Бежецкой пятине — в НПК VI (стр. 1, 2).

районах или вблизи дворов землевладельцев), и сам характер описанных хозяйств свидетельствует о том, что в данном случае нельзя усматривать ни упадка хозяйства, ни понижения уровня земледелия.

Близкое ознакомление со всеми случаями записей о посеве «яри» в писцовой книге дворцовых земель Вотской пятины показывает, что посев яровых хлебов не исключал посева ржи (озимой ржи). Об этом говорят сведения о натуральном оброке, который выплачивали хозяева, высевавшие «ярь». В указанных нами районах Вотской пятины оброк чаще всего взимался деньгами,[531] но встречается довольно много случаев взимания издольного натурального оброка.[532] Все это не дает возможности узнать, что фактически сеялось в крестьянских хозяйствах. Когда же оброк взимался прямо зерновым хлебом,[533] то в составе этого натурального оброка зерном в равном количестве фигурируют рожь, овес и ячмень. Следовательно, когда писец отмечал, что «сеют яри (столько-то) коробей», это еще не значило, что посев ржи не производился. А если рожь высевалась, то были и озимые поля, и пар, вносился и навоз, в противном случае хлеб бы не родился. Отступление от нормы заключалось, по-видимому, только в том, что яровых высевалось несколько больше, чем при обычном трехполье. Предпочтение яровым хлебам (озимая рожь остается в посеве этих хозяйств, но, видимо, в меньшем количестве) отдают, вероятно, не от крайней нужды, не из-за невозможности поступить иначе, а учитывая большую пользу и выгодность посева овса или пшеницы вместо ржи. Таких хозяйств сравнительно немного.

Наряду с записями в НПК, выделявшими посев «яри», т. е. вообще яровых хлебов, следует указать и случаи, когда особо оговариваются посевы ячменя: «сеют в поле ячмени коробей (столько-то)».[534] НПК отмечают районы, в которых культура морозоустойчивого ячменя идет на смену другим зерновым хлебам. Рядом с такими указаниями можно поставить и случаи, когда о посеве ячменя говорится одновременно с посевом ржи, но количественно ячменя сеют много больше.[535] Указания о предпочтительном посеве ячменя относятся к северным районам Обонежской пятины. Раньше мы отмечали, что посевы ячменя в древней Руси уходили далеко на север, до полярного круга. НПК еще раз подчеркивают высокие качества ячменя как морозостойкого зернового хлеба.

Изучение сельского хозяйства Новгородской земли мы ведем, черпая сведения из НПК, но не вся Новгородская земля описана

[531] ОВПК, стр. 22, 23 и 30.
[532] Там же, стр. 61, 62, 65, 67—76, 78—82.
[533] Там же, стр. 52, 53, 54, 55, 56, 57 и 58.
[534] ОПК, стр. 157, 158, 160—162 (Спасский погост на Выг-озере).
[535] Там же, стр. 71—73 (Тулом-озеро Соломенского погоста).

в НПК. Не были описаны земли Севера — Поморье, Обонежье, Подвинье. С сельским хозяйством Обонежья мы частично познакомились уже по материалам нескольких погостов, описанных в писцовой книге Обонежской пятины. Выше мы привели материал о хозяйстве Севера Новгородской земли [536] и отметили большую роль охоты, морского промысла и рыболовства в этом крае. А районы Подвинья и Обонежья были в то же время и местами успешного развития земледелия.

Основным источником для ознакомления с сельским хозяйством Подвинья и Обонежья является сохранившийся актовый материал. НПК рассказывают нам о Новгородской земле второй половины XV—начала XVI в. Актовый же материал ведет нас к концу XIV и началу XV в. Народное хозяйство Севера Новгородской земли обрисовывается в этом материале постепенно усложняющимся и совершенствующимся. Сельское хозяйство выступает здесь своеобразным сложным комплексом. В то время как охота и рыболовство отступили на второй план или принимали характер самостоятельных промыслов, развитие сельского хозяйства шло по линии освоения и совершенствования земледелия. Здесь, на Севере, зерновые хлеба скоро стали основным продуктом питания. Производство же зерновых продуктов было делом сложным вследствие неблагоприятных климатических условий и малоплодородной почвы. Выделялись в этом отношении лишь районы широких пойм некоторых рек.

Успехи в решении этой задачи на Севере выражались в распространении полевого пашенного земледелия. Документы говорят о разделанной недавно с большим трудом «орамой» пашенной земле, указывают на поля, полосы, «гоны земли», «лоскуты земли». Из них складывалась полевая пашенная земля и отдельного хозяйства, и селения.[537] Рожь, ячмень и овес [538] сеялись и на полях и на подсеках. Этим больше стиралась грань между полем трехпольной системы, посевами на лесных полянах, подсеках. Есть основания считать, что пшеница оказалась не приспособленной к условиям северного холодного климата и здесь не разводилась. Нет прямых свидетельств и о посевах льна и конопли, но можно думать, что то и другое разводилось и на Севере.

Следует отметить большое внимание к зерновому хозяйству на Севере. Зерновой хлеб высоко ценился. При продаже земли продавался и зерновой хлеб. Особенно заботился земледелец об обе-

---

[536] См. выше, стр. 95—97 и гл. IV, стр. 286—288, 290—293.

[537] Там же.

[538] ГВНП, № 155 (середина XV в.), стр. 202, и № 315, стр. 305; Сиб. и Шахм., № 131 («А имать старцам..., Николы в Шунги с дому... Николы с Вязищ на всякий год пять коробей ржи, пять жита, десять овса»).

спечении хозяйства семенами и о сохранении семян. Многократны указания на семенную, особо учитываемую и сохраняемую рожь и ячмень (жито).

В хозяйственной трудовой деятельности жителя Севера с большой отчетливостью выступает напряженная работа по обеспечению хозяйства зерновыми продуктами, постоянная забота о надежных источниках получения этих продуктов. За всей этой заботой о хозяйстве все же можно заметить, что вопрос о снабжении хлебом еще не был прочно решен. Хлеб как особенная ценность передается вместе с завещанной или с продаваемой землей; зерновой хлеб, вопреки традиции, довольно часто фигурирует в составе «пополнка».

В XV в. на хозяйстве Севера Новгородской земли особенно сказалось развитие промыслов: охоты, морского промысла, рыболовства и солеварения. Но это не помешало развитию сельского хозяйства и его основных отраслей — земледелия и скотоводства. Большие успехи, достигнутые в этом направлении, поставили Север в один ряд с промысловыми и сельскохозяйственными районами Руси.

Сведения о размере посевов (в коробьях), подбитые по пятинам, в качестве общего итога дают очень внушительные цифры. По Деревской пятине размер посева озимых был 39 628 коробей и яри 81 коробья, а по Вотской пятине — ржи 48 659 коробей и яри 2782 коробьи, всего 51 391 коробья.[539] По 48 погостам Шелонской пятины, описание которых достаточно полно дошло до нас, посев выражался в 32 898 коробей озимой ржи, из них 30 807 коробей — на крестьянских полях.[540] Соответственно этому в еще более крупной цифре выражался посев яровых хлебов.

При несомненном исключительном богатстве НПК как источника сведений по истории народного хозяйства, писцовые книги все же не дают ответа об урожайности хлебов. НПК содержат количественные показатели о зерновых хлебах, выплачиваемых крестьянином землевладельцу в качестве натурального оброка. Путей же, чтобы от этих данных перейти к данным об урожае, нет никаких. Положение как будто меняется ко второй половине XVI—XVII в. Но и в XVI—XVII вв., когда в руки историков народного хозяйства поступают документы, прямо рассказывающие о посеве хлебов и об урожае (посевные книги, ужинные и умолотные книги по крупным вотчинам), законченное решение вопроса об урожайности в широком масштабе народного хозяйства далеко не обеспечено. Приведенные в этих источниках сведения о размере посевов, об урожае и обмолоте хлебов в отдельных хо-

[539] По Деревской и Вотской пятинам взяты данные из работы: А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 361—422 (Приложение V). — Подсчет произведен нами.

[540] А. А. Кауфман. Новгородские писцовые книги в статистической обработке, стр. 95.

зяйствах, бесспорно, ценны. Они хорошо рассказывают о продукции описанных в источниках хозяйств. Такие частные данные приближают к решению вопроса об урожайности, но надежным ключом к полному его решению в масштабе народного хозяйства служить не могут. Неполнота материалов, усложняемая ненадежностью многих источников, служит причиной тому, что даже в отношении XIX в. (его первых двух третей) историки русского народного хозяйства не могут прийти к ясному решению вопроса об урожайности хлебов.[541]

ЛЕТОПИСИ О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ И О ЗЕМЛЕДЕЛИИ В ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Трудности, испытываемые при изучении сельского хозяйства древней Руси, проистекающие из малочисленности сведений о нем, особенно сказываются при изучении народного хозяйства Псковской земли. Этим объясняется как отсутствие специальных работ историков о народном хозяйстве Псковской земли, так и то, что в их довольно многочисленных работах о Псковской земле нет глав о сельском хозяйстве, равно как не уделено должного внимания этому вопросу и в общих трудах по истории народного хозяйства.

Псков лишен источника, подобного Новгородским писцовым книгам. Дошедшие до нас грамоты и частные акты Пскова малочисленны. Лишь немногое и случайное, касающееся сельского хозяйства, затронуто в отдельных статьях Псковской судной грамоты. Советские археологи не забывают об изучении сельских поселений Псковской земли, но их усилия на этом участке, не в пример разысканиям в других землях-княжествах, пока еще не дали больших результатов. Поэтому в качестве основного источника о сельском хозяйстве и земледелии в Псковской земле выступают летописи.

Псковские летописи выделяются среди других богатством содержания, конкретностью сообщаемых сведений и несравненно большим интересом к жизни широких масс городского и сельского населения; но и в них основное внимание сосредоточено на политической жизни, на жизни господствующего класса.

Первое место в псковских летописях занимают рассказы о борьбе с внешними врагами, о вторжениях их на территорию Пскова, об ответных военных ударах, о мероприятиях по строительству оборонительных сооружений Пскова и его пригородов, по строительству новых городов-крепостей.

С запада на Псковскую землю непрерывно нападали «немцы» — Ливонский орден. В истории Пскова лишь кратко-

[541] В. К. Яцунский. О некоторых отстающих участках нашей исторической науки. История СССР, 1959, № 3, стр. 17—36 (см. особенно стр. 23—24).

временными передышками выглядят периоды, когда заключались и действовали соглашения о мире с Ливонским орденом или когда, отвлеченный борьбой с Литвой, орден оставлял в покое Псковскую землю. На юге столь же неспокойным соседом была Литва. Великий князь литовский нередко выступал в качестве союзника Пскова. Князь брал обязательство оберегать военной силой мирную жизнь Пскова или осуществлял руководство псковскими войсками, но бывало часто, что Литва выступала против Псковской земли, войска ее вторгались на псковскую территорию. Литовский великий князь стремился подчинить себе Псков или захватить часть его территории.

Описывая отдельные эпизоды этой напряженной борьбы с «немцами» и с Литвой, деятельность союзников, князей-полководцев, присылаемых московским великим князем или великим князем литовским, поведение дружин и войск этих князей, летописи попутно сообщают сведения о состоянии своей страны, о жизни населения городов и сел. В указаниях на то, чего стоили Пскову и непосредственно сельскому населению Псковской земли эти вторжения врагов, борьба с ними, материальное обеспечение союзнических войск и княжеских дружин, формирование собственных военных отрядов, — мы получаем сведения о сельском хозяйстве. Мы узнаем о степени материальной устойчивости, о мощности народного хозяйства Пскова, отдельных его районов, о значительности и характере материальных потерь, о способности к восстановлению истребленного.

Вчитаемся в события, изложенные в одной такой летописной записи, и постараемся представить, какой была страна, в которой эти события происходили, и как жил в ней народ, участник событий. В записи 1348 г. рассказывается: «Развергоша мир со псковичи, переехавше Немцы Норову, повоеваше села псковскаа. По том, того же лета, воеваше села около Острова, и поидоша ко Пскову подле Великую реку, воюючи села, и подъехавше пожгоша хоромы на Завеличье, и поидоша ко Изборску, воюючи села псковскаа и изборскаа, а псковичи тогда бяше у Ворешка (г. Орешка, — *Г. К.*)».[542] В этой записи для нас любопытно подчеркнуть не столько то, насколько был широк размах вторжений, сколько то, в какой мере была заселена псковская территория. От северной границы Псковской земли (район реки Наровы) в местах, прилегающих к восточным берегам Чудского и Псковского озер, в районе Пскова, в Изборске и Изборской волости (западнее Пскова), в Острове и Островской волости (южнее Пскова), тянулись сельские поселения Псковской земли. В записи под этим же годом («лета 6856») говорится о том, что псковичи заявили князю Андрею Ольгердовичу об отказе от него, на что его отец, великий князь литовский Ольгерд, ответил на-

[542] ПЛ 2, стр. 98 (1348 г.).

падением на псковские волости и разграблением их, а сам Андрей «с полочаны пригнавше без вести, повоеваше неколико сел Вороночской волости».[543] Такие летописные записи типичны для псковских летописей, как прямое отражение обстановки, в какой жила Псковская земля в XIV—XV вв. Объединяя сообщаемые в них сведения о псковских пригородах и волостях в одну общую картину, мы убеждаемся в освоении сельским населением всей Псковской земли. Многочисленные псковские пригороды были центрами волостей с достаточным по численности сельским населением.

Летописные записи, как и вся история Псковской земли, свидетельствуют о большой жизнеспособности, о прочности материальной базы этих волостей, пригородов и в целом всей земли. Именно здесь уместно вспомнить летописную запись о неожиданном разбойничьем нападении в 1406 г. литовского великого князя Витовта на Псковскую землю. Летописи в этой записи не без оснований клеймят его самыми нелестными эпитетами, сообщая о его внезапном нападении на Псковскую землю при наличии мирного договора: «...а сам поиде на Псковскую волость... прьвое прииде на Коложьскую волость... овых (жителей ее, — *Г. К.*) иссече, а иныа поведе во свою землю, а всего полону взяше 11 тысящ муж, и жен и детеи, опроче сеченых; а под Вороночам городом наметаше рать мертвых детеи 2 лодьи...».[544] Большая цифра взятых в плен жителей Коложской волости, указываемая всеми псковскими летописями, говорит о большой численности населения в Коложской волости — одном из южных районов Псковской земли.

О подобном же событии рассказывается под 1480 г. о городе Кобыльем. После ожесточенных боев крепость была взята, «а город огнем съжгоша и церковь и люди, мужеи и жен и малых деткы несть числа, а друзии сказуют 4000 без 15 душ».[545] А под 1502 г. написано: «Остров выжгоша Немци на Великои реки, месяца семтября 8 день; а душ 4000 скончалося, овы згореша, а иныа истопоша, овы мечю предаша, а иныа в плен поведоша».[546] К этим записям следует еще добавить, что наряду с человеческими жертвами враг наносил неисчислимый материальный ущерб, разоряя край, уничтожая посевы, угоняя скот. Но недолго оставался край разоренным. Быстро восстанавливались все потери. Вместо разрушенного города-крепости появлялся

[543] Там же, стр. 26, 27, 99.

[544] Там же, стр. 111—112 (1406 г.); ПЛ 1, стр. 28. — Цифра полона в этой записи, равно как и цифры в других записях о людских потерях, вызванных нападением врагов, приблизительна; но несомненно то, что летописец, говоря так о событиях в Кобыльей и Островской волостях, имел намерение отметить и многочисленность населения в этих волостях.

[545] ПЛ 2, стр. 221 (1480 г.).

[546] Там же, стр. 224.

новый с прежним или с другим названием; восстанавливалось хозяйство.

При рассказе о фактах, указывающих на жизненность, стойкость Псковской земли, на способность ее населения быстро восстанавливать свои силы и материальную мощь, следует еще напомнить о пережитых Псковом эпидемиях чумы. Этот бич населения средневековья с особой силой и многократно проносился над Псковской землей. Псковские летописи указывают на 14 длительных эпидемий, перенесенных населением Псковской земли с 1341 по 1560 г. Каждая из них была тяжелой катастрофой.[547] Эпидемия чумы в 1352 г. опустошила почти всю Русскую землю. Из подробного рассказа о ней в псковских летописях видно, что для Пскова она была не менее грозной, чем для Москвы и всей Северо-Восточной Руси. После эпидемии 1420—1421 гг. некому было жать хлеб. В 1465—1476 гг. чума свирепствовала больше двух лет. Псковская земля, с ее многочисленным и деятельным сельским и городским населением, в этих рассказах летописей выступает как страна жизнеспособная, экономически сильная, стойкая в борьбе и быстро накапливающая силы в мирное время.

Обратимся теперь к летописям, чтобы ознакомиться со сведениями о сельском хозяйстве. Мы уже отмечали, что взоры составителей летописных сводов обычно обращены к жизни господствующего класса, интерес же к вопросам народного хозяйства и к явлениям сельской жизни проявлялся не часто, лишь в меру прямой связи таких явлений с важными политическими событиями в жизни страны. Было правилом, что летописная запись о состоянии урожая, о неблагоприятных для хлебов атмосферных условиях попадала в летописный свод только потому, что эти явления сельскохозяйственной жизни вели в дальнейшем к неурожаю, дороговизне хлеба, к голоду и катастрофической смертности.

С этой стороны содержание псковских летописей оказывается несколько необычным и потому особо интересным для нас. Прежде всего записей об урожае хлебов, о погоде, о ценах на хлеб в псковских летописях гораздо больше, чем в других. Необычно и то, что среди всех этих летописных записей нет ни одной, которая действительно была бы вызвана неурожаем, сопровождавшимся катастрофической голодовкой и массовой смертностью. Правда, и для Псковской земли характерна прямая тесная зависимость сельского хозяйства от условий погоды. Хлеба здесь также страдали от слишком дождливой осени, плохого лета, от ранних морозов осенью, от заморозков и снегопа-

[547] См.: ПЛ 2, стр. 29, 107 (1341 г.); ПЛ 2, стр. 31, 111 (1404 г.); ПЛ 2, стр. 29—30, 113—115 (1406—1407 гг.); ПЛ 1, стр. 34 (1420—1421 гг.); ПЛ 2, стр. 40, 121, 135 (1425 г.); ПЛ 2, стр. 135 (1442 г.); ПЛ 1, стр. 73, и ПЛ 2, стр. 54, 161—163 (1465—1467 гг.); ПЛ 1, стр. 80 (1487 г.); ПЛ 1, стр. 94, и ПЛ 2, стр. 225 (1506 г.).

дов поздней весной или в начале лета. Снижались и даже пропадали по этим причинам урожаи, но, судя по рассказу летописи, неурожаи эти не вели к каким-либо особо тяжелым последствиям.

Всмотримся внимательнее в эти сообщения. Под 1303 г. записано: «Бысть зима тепла без снега и на лето бысть хлеб дорог велми»;[548] под 1314 г.: «Изби мраз всяко жито, и бысть драгость люта, по пяти гривен зобница; и бяше притужно людем велми; бяше же та драгость много время».[549] Есть основания в данных случаях считать, что затянувшаяся дороговизна хлеба тяжело отражалась на положении бедноты. Многим действительно было «притужно вельми», могли быть и единичные жертвы голода, но положение, по-видимому, все же было не таким, чтобы псковскому летописцу расценивать подобный неурожай как бедствие, сопровождавшееся голодной смертью многих. Между тем летописец хорошо знал, что во многих других землях-княжествах древней Руси неурожаи выливались в настоящие народные бедствия и что именно так писалось и в новгородских летописных сводах, в тверских, в московских и др.

Наряду с двумя приведенными записями из псковских летописей, можно привести еще немало подобных, сообщающих также о неурожаях или гибели урожаев вследствие неблагоприятных условий погоды, вызывавших повышение цен на хлеб, приводивших к ухудшению жизненных условий, но в обстановке Псковской земли переживавшихся без больших потрясений, сравнительно легко; и псковские летописи это специально отмечают.

Чтобы приблизиться к лучшему пониманию того, почему в Пскове неурожаи не вызывали тяжелых катастроф, воспроизведем запись о неурожае 1420—1422 гг.: «На всю Рускую землю бысть глад велик по 3 годы: и преже в Новгороде и по всемь их волостем, и на Москве, и по всеи Московской и по всей Тферской. И толми бысть тамо дорог хлеб, яко на едином ковризе дати полтына, али каково портище, а ржи наша четверетка, чего кто запросил, а инии съ усердиемь даваху; а еже бы где зобница купити ржи или овса, таковых мало обретаху; и мнози з глада мряху. А въ Пскове тогда бяше старых лет клети всякого обилиа изнасыпани на Крому; и поидоша ко Пскову новгородци, Корела, Чюдь, Вожани, и тферичи, и москвичи, и просто рещи съ всеи Руской земли, и бысть нахожение их во Пскове много множество. И начаша, по волостем и по пригородом и въ Пскове купяще рожь, возити за рубежь; и въ Пскове тогда бяше зобница ржи по 70 ногат, а жита (ячменя, — *Г. К.*) зобница по 50 ногат, а овса по 30 ногат, а на полтыну ржи пол третьи зобницы. И от-

[548] ПЛ 2, стр. 22, 88.
[549] ПЛ 1, стр. 14; ПЛ 2, стр. 22, 88.

толе псковичи заповедаша не продавати за рубежь ржи и никакова обилья. А нахожих людеи начаша изо Пскова провадити и изо всех волостей».[550] Но большая часть пришельцев осталась, и очень многие из них («несть числа») умерли в городе Пскове, в пригородах его и по волостям. «И бе глад по три годы».

Сообщения других летописей полностью подтверждают правдивость рассказа псковского летописца. В Московском летописном своде конца XV в. рассказ под 1420 г. (6928 г.) о большой эпидемии в Костроме, Ярославле, Галиче, Плесе, Ростове и других городах заканчивается словами: «И тако вымроша, яко и жита бе жати некому, ...и бысть глад по мору».[551] В записи 1422 г. (6930 г.) читаем: «Глад бысть велик по всей Русскои земли и по Новгородскои, и мнози людие помроша з голоду, а инии из Руси в Литовъское выидоша, инии же на путех с глада и з студени помроша».[552] О потоке голодных, устремившихся в Псковскую землю, сказано в словах Московского летописного свода: «...а инии из Руси в Литовъское выидоша».[553] К этому еще добавим: запись в Псковской летописи и запись в Московском своде появились независимо друг от друга. Напрашивается ясный вывод: в Псковской земле имели возможность делать и делали запасы хлеба. Такое положение было обычным для Пскова.

Псковским хлебом в периоды плохого урожая питалось и население зарубежных стран. Об этом говорит известие под 1434 г.[554] Из него мы узнаем о голоде и дороговизне хлеба в соседней Ливонии, с которой у Пскова были постоянные, временами очень оживленные торговые связи. Из сообщения о том, что в Псковской земле хлеба было много и он был дешев, следует заключить, что хлеб был доступен для населения Ливонии и вывозился туда.

Интересуясь зерновыми хлебами, мы не можем оставлять без внимания указания в уже цитированной записи 1422 г. «на клети в Крому» (т. е. в псковском кремле) с большими запасами хлеба в них. Об этих складах хлеба на Крому неоднократно упоминается в летописях. Под 1496 г. рассказывается, что подосланный немцами Чюхно поджёг Кром, «и клетей много погорело, и ржи много и платия..., а рожь горелую сыпали ...на Пскову реку».[555] В 1510 г. клети на Крому были уничтожены по приказу великого князя Василия Ивановича.

---

[550] ПЛ 2, стр. 38—39; ПЛ 1, стр. 35.
[551] ПСРЛ XXV, стр. 244, 245.
[552] Там же, стр. 245.
[553] Там же.
[554] ПЛ 1, стр. 42 («Того же лета в Немецкои земли бысть глад и хлеб дорог велми, а во Пъскове ... дал бог хлеба много по 9 денег зобница ржи»); см. также: ПЛ 2, стр. 44, 129.
[555] ПЛ 1, стр. 82.

Чей был там хлеб? Мы уже видели, что этот хлеб продавался, и так как указанная нами запись относится к тяжелому голодному году, то, значит, этот хлеб продавался по высокой цене. В литературе высказывается догадка, что в клетях на Крому делались запасы зерна на случай войны и осады города, что это был общинный хлеб г. Пскова. Но почему тогда велась торговля этим хлебом? Кем, каким учреждением или какой организацией могли создаваться такие запасы общинного хлеба? На чьи нужды и на чью потребность рассчитаны эти запасы? Только ли на время войны и осады, или, может быть, и на случаи неурожаев?

Предположение о том, что в клетях на Крому хранился общинный хлеб, расходится с характером политического строя Пскова. Хозяева Пскова — небольшой круг бояр, и естественнее предположить, что на Крому были клети с их боярским хлебом. Кром был надежным местом хранения боярского хлеба, боярского добра; подобно этому новгородские бояре хранили свой хлеб и свои богатства в монастырях и в каменных подвалах церквей. Запасался же хлеб, конечно, для торговли. Следует помнить, что в этих клетях на Крому был не только хлеб, но и платья,[556] т. е. вообще имущество и запасы товаров. Клети эти были хотя и за стенами, но не очень далеко от псковского торга, до 1510 г. размещавшегося на площади, также внутри крепостных стен. В указаниях на запасы хлеба в клетях на Крому для нас важно то, что Псков обладал излишками хлеба, мог его вывозить и торговал им.

К числу других свидетельств о хорошем обеспечении зерновыми хлебами Псковской земли и о первостепенном значении производства зерна и других сельскохозяйственных продуктов для народного хозяйства Псковской земли можно отнести ряд других летописных известий, касающихся сельского хозяйства. Летописец следит за переменою погоды, потому что она могла отразиться на урожае хлебов; он рассказывает и о таких явлениях, которые могли повредить урожаю, но на деле плохо на него не повлияли. Летописец сообщает: «Бысть сухо вельми, а хлеба много»; [557] «Бысть много дождевья вельми, наполнишася реки, аки весне, а хлеба бог умножи»; [558] «Умножи... всякого обилья».[559] Говоря о том, что в апреле—мае 1471 г. были весенние большие морозы, — «а дубиа младое и ясень и папороть вся мраз признобн»,[560] — летописец указывает, что урожай зерновых хлебов («обилие») сохранился.

---

[556] Там же.

[557] ПЛ 2, стр. 110 (1403 г.).

[558] Там же, стр. 111 (1404 г.), стр. 144 (1455 г.); ПЛ 1, стр. 52 (1455 г.).

[559] ПЛ 2, стр. 42 (1427 г.).

[560] Там же, стр. 180 (1471 г.).

Еще больше встречается указаний на неблагоприятную погоду, вызвавшую частичную гибель урожая, причем летописец не находит оснований, чтобы говорить о каких-либо тяжелых последствиях этого.[561] Часто сообщается и о том, что, несмотря на неблагоприятную для посевов погоду, на длительные сильные дожди, на мороз или на жару и засуху, урожай все же был не плох и хлеб дешев.[562] И, наконец, лучшим выражением признанного и подчеркнутого современниками благополучия звучат завершающие отдельные годовые записи, два слова: «хлеб дешев».[563] Все это свидетельствует о том, что сельское хозяйство, а особенно производство зерновых хлебов, пользовалось большим вниманием и в среде, выдвигавшей летописцев. Составитель летописи в данном случае подчеркивает, что местные природные условия способствовали успешному занятию земледелием.

Рядом со всеми этими записями стоят еще сообщения о ценах на зерновой хлеб. Одни из них связаны с известиями о плохом урожае, о неблагополучии с продовольствием, а хлебные цены характеризуют его.[564] Другие же (и их больше) сообщают цены на некоторые зерновые хлеба для осведомления,[565] в расчете на то, что они интересны читателю как цены на важнейший товар местного псковского рынка. Создается определенное впечатление, что хлебом в Пскове много и охотно торговали, что хлеб был тем товаром на псковском рынке, который определял его конъюнктуру. Все эти частые известия о состоянии урожая зерновых хлебов, о благоприятной и неблагоприятной для урожаев погоде, о ценах на хлеб появляются в псковских летописях с первых лет XIV в. и хотя сообщаются нерегулярно, но достаточно многократно на протяжении XIV, всего XV и начала XVI в., вплоть до падения самостоятельности Пскова. Из цен в первую очередь называется цена на рожь, а за нею — но реже — цена на овес, еще реже — на жито (ячмень) и на пшеницу.

Постоянный интерес к хлебным ценам указывает на важное место зерновых хлебов среди товаров на псковском рынке. Преобладание высоких оценок урожая и то, что такие оценки

---

[561] ПЛ 1, стр. 43 (1435 г.); ПЛ 2, стр. 45, 131 (1435 г.); ПЛ 1, стр. 151 (1453 г.); ПЛ 2, стр. 49, 140 (1453 г.), стр. 80 (1476 г.), стр. 156 (1468 г.).

[562] ПЛ 2, стр. 159 (1464 г.) («Того же лета месяца июля бысть дозгя много, и бысть вода велика, аки весне, наполнишася источники и реки, а хлеб бысть десев зобница ржи по 17 денег, а овса по 7 денег, а пуд соли по 3 денге»).

[563] ПЛ 2, стр. 116 (1407 г.), стр. 40 (1425 г.). — Запись 1469 (6977) г. заканчивается фразой: «Того же лета дал бог во Пскове хлеб и все сполу десево; а со всех сторон мирно и тишина велика» (ПЛ 2, стр. 167).

[564] ПЛ 2, стр. 38 (1422 г.), стр. 42 (1427 г.), стр. 252, 292 (1499 г.).

[565] Там же, стр. 34, 115 (1407 г.), стр. 40 (1425 г.), стр. 116 (1407 г.), стр. 24 (1428 г.), стр. 43 (1429 г.), стр. 44, 129 (1434 г.); ПЛ 1, стр. 42 (1434 г.); ПЛ 2, стр. 159 (1464 г.), стр. 164 (1467 г.), стр. 200 (1476 г.).

даются нередко именно в случаях неблагоприятных показателей погоды, говорит о высоком уровне производства зерновых хлебов. Урожаи хлеба не только вполне и с избытком покрывали собственные потребности земледельцев, но зерновые хлеба направлялись и на местный рынок и вывозились за пределы Псковской земли.

При оценке сельского хозяйства Псковской земли и продуктивности зернового производства следует принимать во внимание постоянную необходимость выделять немалое количество продовольствия и фуража на нужды войны, на оборону страны. Кроме воинских сил из своего коренного населения, приходилось содержать дружины и другие воинские силы князя. Летописи, например, рассказывают, каким тяжелым бременем ложилось на плечи населения удовлетворение нужд и запросов князей с их приближенными и войском, присылавшимся Москвой или литовским великим князем. Много наносили убытка хозяйству и проходившие через Псковскую землю войска союзников. Чтобы составить правильное представление об устойчивости псковского сельского хозяйства, надо учитывать также постоянно наносившиеся хозяйству удары со стороны вторгавшихся в Псковскую землю врагов.

У нас нет прямых указаний на то, как велось сельское земледельческое хозяйство. Сложившееся же общее впечатление позволяет предполагать серьезные успехи, достигнутые в этой его отрасли. Из общего обозрения напряженной деятельности жизни населения Псковской земли создается впечатление, что ее сельские жители освоили все для них пригодное на сравнительно небольшой территории родного края. Конечно, в Псковской земле было еще много мест, вообще недоступных для освоения, особенно если учесть уровень техники в изучаемый нами период; среди таких мест в первую очередь могут быть указаны немалые пространства болот. Важно также отметить, что Псковская земля была краем, благоприятствовавшим широкому приложению подсечного земледелия.

Дошедшие до нас псковские документы мало напоминают о существовании подсеки. Но, конечно, следует учитывать, что при освоении леса под пашню рубка, расчистка и выжигание леса неизбежны, неизбежна в этом смысле и подсека. Псковская судная грамота, затрагивающая в нескольких своих статьях вопросы землевладения, различает два вида земель — «земли польние»,[566] т. е. полевые пашенные, и «земли лешие» — леса.[567]

Едва ли можно сомневаться в широком распространении полевого пашенного земледелия в Псковской земле. Можно ставить лишь вопрос о том, в какой форме выступает оно и есть ли

[566] ПСГ, ст. 9.
[567] ПСГ, ст. 10.

основания считать, что и в Псковской земле XIV—XV вв., подобно Новгородской земле XV в. и Северо-Восточной Руси, трехполье стало господствующей системой земледелия.

Имеющиеся немногочисленные источники ничтожно мало говорят об организации сельского хозяйства, о приемах ведения земледелия. Статья 44 судной грамоты упоминает яровые и озимые хлеба. О широкой давней практике культивирования озимых и яровых хлебов говорят и все цитированные нами летописные записи об урожаях, о ценах на хлеб и т. п. Небогатые археологические материалы также позволяют думать о развитом полевом пашенном земледелии. В слое XIII в. был обнаружен малый сошник двузубой сохи.[568]

Летописные записи приближают нас к ответу на вопрос о системе земледелия, господствовавшей или просто распространенной в Псковской земле. Среди многих, обычно кратких сообщений о неблагоприятной погоде, влиявшей на состояние хлебов и на урожай, имеется несколько более подробных. Они живо рисуют сельскую жизнь, крестьянские поля в ответственные моменты произрастания и созревания хлебов. В записи 1468 г. читаем: «Того же лета... нача находити дожь силен, какъ христиани ржи пожяли, месяца июля, да тако и иде всь месяць бес престани и все лето, и месяца августа и сентября и октября вси четыре месяци, и наполнишася реки и ручьи и болонья, аки весне водою, а у христиан много по полю вершеи погнили, а траву водою по рекам и по ручьям отняло, тако же и ржеи по селом не засеяли мнози, многых делма туч дожгевных».[569]

Перед нами выступает картина псковских полей во вторую половину лета и осенью 1468 г. В июле, когда на озимых полях уже поспела рожь, начались проливные дожди, и шли они непрерывно четыре месяца (по октябрь); поспевавшие яровые хлеба погнили неубранными на полях. На третьем, паровом, поле крестьяне должны были в августе (в крайнем случае в начале сентября) посеять рожь (озимый хлеб), но многие из-за проливных дождей не успели ее посеять; эти поля остались пустыми.

Возьмем еще отрывок из записи 1484 г.: «Того же лета в Петрово говение и по Петрове дни идяще дождя много, и наполнишася реки и источници и езера аки весне; а рожь тогда цветяще, превратися многи ржи на метлу и на костер; а ярового обилиа тогда бог умножи».[570] Здесь дана картина хлебных полей во второй половине июня—в начале июля (по ст. ст.). Идут обильные дожди. На озимом поле к этому времени начала цвести рожь; непрерывные дожди помешали ее цветению и созреванию, но зато на тех же полях взяли силу сорняки — метляк

[568] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 31.
[569] ПЛ 2, стр. 165.
[570] Там же, стр. 64.

и костер, — они заглушили рожь; в это время на соседнем поле (на яровом) под влиянием дождей быстро и хорошо росли и выходили на колос яровые хлеба (ячмень, пшеница и овес), урожай которых к осени оказался очень высоким.

Приведем записи следующего, 1485 г.: «Буди же и се ведомо, яко сие лето въ Псковской земли многым христианомь бысть велми притужно о хлебе, понеже с осени пал снег на талую землю, и потом быша мрази, а земля чрезо всю зиму бяше тала, и по мхамь и по болотом воды и грязи люты не померзли, и по удолом где по низкым местом под снегом подпрел корень ржаныи; и егда бысть весна, по Велице дни съ три недели (апрель месяц ст. ст., — *Г. К.*) бысть ведряно и солнечно и красно, и по том бысть студено и мокрослот с морозом, и померже вшедъшеи ржаный корень, и бысть черна земля; и по том не бысть дожгя и до Петрова заговенья, а ярь сеяна в суху землю не начат усходити... (За этим следует некоторый перелом в погоде, — *Г. К.*). И оттоле начаша дождеве мнози быти по местом; а по иным местом засуха велми бяше; и где бяше дождеве, умножи бог ярового всякого обилья, а рожь инде събраша семяна ржаныя, а инде и съ избытком, а инде и жати нечего, и засеяша старою рожью».[571] А дальше сообщение о поднявшихся ценах на зерновые хлеба: «...и тогда купиша четвертку ржи по 7 и по 8 денег, а жита четвертка по 5 денег, а овса зобнича по 10 и 12 денег».[572] Мы привели столь большую выписку, потому что она рассказывает ярче, убедительнее и законченнее, чем может рассказать автор. Перед нами правильно организованное трехполье, причем ясно показана жизнь на каждом из трех полей. Добавить нечего, кроме того, что рассказчик, прекрасно знавший сельскую жизнь, сельскохозяйственное производство, имея в виду всю Псковскую землю, описал судьбу урожая ржи, посеянной в августе—сентябре и ушедшей в талой земле под снег, судьбу яровых хлебов и посева на новом озимом и пока еще паровом поле. В летописи живо представлена жизнь на полевом клине сельского поселения, типичного для Псковской земли. Перед нами картина сельской трудовой жизни, определяемая привычной для всех полевой пашенной паровой трехпольной системой.

Можно только напомнить о том, что произрастало на псковских полях: основное — рожь, за нею овес, жито (ячмень), пшеница (яровая или озимая).[573] Выращивались также репа, конопля, капуста [574] — то и другое на специально обрабатываемых участках в поле или на особо огороженных конопляниках или капустниках. Дошедшие документы не называют льна среди

[571] Там же, стр. 66—67.
[572] Там же, стр. 67.
[573] ПСГ, ст. 44.
[574] ПЛ 2, стр. 56.

выращиваемых злаков. У нас нет сомнений, что лен выращивался с успехом в Псковской земле — как на собственную потребность, так и для экспорта. Именно о широко распространенной культуре льна напоминает вызвавшая замешательство «льняная грамота», — связанное со вспышкой классовой борьбы во Пскове событие 1485—1486 гг.[575]

Рассмотренные материалы о сельском хозяйстве в Псковской земле, при всей их отрывочности и досадной малочисленности, все же позволяют говорить о ведущей роли сельского хозяйства в народном хозяйстве Псковской земли. Материальная устойчивость народного хозяйства Псковской земли, способность быстро залечивать раны, нанесенные внешними врагами, восстанавливать силы и вновь выступать жизнедеятельной цветущей страной может быть объяснена лишь наличием сравнительно высокого для того времени уровня сельского хозяйства.

Отмечаемая в летописях с XIV в. достаточная обеспеченность зерновыми хлебами дает основание говорить о высоком уровне земледелия в Псковской земле; летописные записи 1460—1470-х годов, рисующие состояние полей в Псковской земле, указывают на повсеместное распространение и господство здесь паровой трехпольной системы.

ОГОРОДНИЧЕСТВО И САДОВОДСТВО

Известия о занятиях огородничеством обычны в письменных памятниках XII—XIII вв. Они касаются Киевской Руси, Смоленска, Новгородской земли.[576] О существовании в городах садов и огородов узнаем как из летописных сообщений XII—XIII вв., так и более поздних — XIV—XV вв.[577] Существование садов в Новгороде подтверждено открытиями археологов.[578] Огороды, чаще огороды-капустники, указываются как важнейшая составная часть земледельческого (крестьянского и владельческого) хозяйства в первых по времени и сохранности актах Новгорода, Троице-Сергиева монастыря, Переяславского уезда, Галича, Белозерска.[579] Наиболее многочисленны сообщения об огородах в актах Севера Новгородской земли XIV—XV вв.[580] Следует

[575] ПЛ 1, стр. 79, 80; ПЛ 2, стр. 65, 66, 68, 69.

[576] Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 97, 151, 183; Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа мирликийского, стр. 17; Житие Авраамия Смоленского и службы ему. Приготовил к печати С. П. Розанов. СПб., 1912, стр. 14 ,16, 45, 46; ДАИ, стр. 8; ГВНП, № 105.

[577] ЛЛ, стр. 322, 332; ПНЛ, стр. 351; ЛН IV, стр. 429; ПСРЛ XXV, стр. 310.

[578] А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. СА, 1958, № 2, стр. 227.

[579] ГВНП, № 105; АСЭИ I, №№ 6, 18, 20, 33, 65, 116; АСЭИ II, №№ 6, 10, 12, 28, 238; АСЭИ III, №№ 28, 176.

[580] СКГЭ I, №№ 4, 8, 13, 14, 17, 22, 24, 28, 32; СГ, № 58; Шахм., № 7, 11, 19, 20, 22, 23, 24, 31, 78; АСЭИ I, № 6; ДАИ, № 4; ГВНП, № 231.

отметить большое внимание к огородничеству в Псковской судной грамоте и в псковских летописях: огородничеству здесь придавалось особенно большое значение.

Из разводимых на огородах культур на первом месте указывается капуста. Естественно представлять огород непосредственно примыкающим к дому земледельца, связанным с его усадьбой — «дворищем». Огороды-капустники (или, как их просто называют, капустники) располагались отдельно, на местах, для них более удобных. Выращивание капусты и являлось одной из целей устройства огородов. Из овощей капуста являлась, по-видимому, наиболее широко распространенной. Как мы видим, она заходит далеко на Север, ее выращивают и в Смоленской земле, равно как и в районе Радонежа. Капуста указывается в составе натурального оброка почти во всех пятинах Новгородской земли.[581]

Огородники были весьма заметной категорией среди трудового эксплуатируемого населения в Псковской земле. О частых конфликтах огородников с их «государями» свидетельствует наличие в Псковской судной грамоте статьи о порядке разрешения таких конфликтов.[582]

Упоминая об огородах-капустниках, источники не указывают других овощей, выращиваемых на огородах. О них мы узнаем из сообщений об овощах, продававшихся на рынках, и из записей монастырских хозяйственных книг о покупке рассады, семян для посадки в огороде, о покупке овощей, ягод и фруктов для потребления. В таможенной Белозерской грамоте (1497, 21 мая) есть такое место: «А привезет хто белозерец городцкой человек и окологородец и изо всех волостей белозерских лен, лук, чеснок, орехи, яблока, мак, золу, деготь, и им (откупщикам тамги, — *Г. К.*) имати с воза по дензе...».[583] Лук, чеснок и мак, конечно, выращивались на огородах. В расходной книге Костромского Ипатьевского монастыря (около 1553 г.) имеются записи: «Купил на монастырь семени росадного и родковного и свеколнаго, и огурешного и всяких семян огородных на полчетверта алтына»; «Купил на монастырской огород росады...»; «Купил семяни огуречново...»; «Купил на монастырь капусты вилые на братью и на гости триста кочней, дал четыре гривны, купил в капусту чабру, мяты и луку на пят денег, потому што капуста и мята в монастыре ся не родила...».[584] Из этой записи видно, что на

[581] НПК II, стр. 853—856; НПК III, стр. 92, 94, 738—740, 852; НПК IV, стр. 289; ВПК I, стр. 301, 302, 304, 306, 307, 310. — О широком потреблении капусты в Пскове и о торговле ею указывает летописная запись: ЛП 2, стр. 56.

[582] ПСГ, ст. 42, 44.

[583] АСт., № 68, стр. 95.

[584] Отрывок из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря около 1553 года. Сб. археолог. инст., кн. 6, под ред. Н. П. Лихачева, СПб., 1898, стр. 127—137.

огороде монастыря выращивались капуста, редька, свекла, огурцы, лук, мята. Капуста и мята в год, когда производилась запись, уродились плохо. К этому списку надо прибавить еще чеснок, указываемый в книгах других монастырей, и мак, упомянутый в Таможенной Белозерской грамоте. Конечно, в монастырских огородах ассортимент выращиваемых овощей и всякой зелени был намного разнообразнее, чем в огородах крестьянских. Очень может быть, что когда крестьянин имел огород-капустник, то ему и не было нужды еще в другом особом огороде. Но следует привести здесь еще другое соображение. Обычно огород непосредственно примыкал к двору земледельца, входил в его усадьбу, как часть этой усадьбы. Капустники же устраивали отдельно, при этом для капустника могли быть использованы удаленные участки, прилегающие к низинам с торфяной перегнойной почвой, использовались участки на поймах рек.

Рядом с капустником, в качестве специального же огорода, упоминаются конопляники и хмельники. Конопля требует богатой перегноем почвы, рыхлой и проницаемой. Торфяные (низовые) почвы при условии унавоживания особенно хороши для конопли. Конопля гораздо требовательнее к климату, чем лен. Ее вегетационный период довольно велик: 18—22 недели до созревания семян; сумма тепла за вегетационный период 220—2900° С (ср. с рожью и ячменем, — см. стр. 219). Она чувствительна к утренникам. Но все это не мешало тому, что конопля выращивалась в изучаемый нами период даже далеко на севере.[585] В данной И. М. Крюкова (село Медна) указывается на наличие в житнице большого количества семени конопляного.[586] Конопля и семя конопляное указываются в составе натурального оброка во всех пятинах Новгородской земли.[587]

Хмельники встречаются в документах Севера,[588] но нет никаких оснований считать, что выращивание хмеля в огородах-хмельниках ограничивалось Севером, даже если принять во внимание, что хмель мог собираться и в дико произраставших в лесу хмельниках.[589] Хмель, необходимый при варке пива, был распространен повсеместно. Он был важным товаром как для внут-

---

[585] Д. Н. Прянишников. Частное земледелие, стр. 567—571; СГ, № 33 (1479—1480 гг.) (Корельский берег); СГКЭ, № 68 (1531—1532 г.) (Двинский уезд).

[586] АСЭИ I, №№ 71, 328 (конопляник).

[587] См.: Материалы, указатели к словам «конопля», «семя конопляное»; также см.: А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 201—207.

[588] Шахм., №№ 45, 52, 56, 90—92; СГКЭ I, №№ 52, 61; ЦГАДА ф. 1187, № 2 (1529 г., В.-Устюг).

[589] АСт., №№ 36 (Звенигородский уезд), 82 (1509 г., Пошехонье); АФЗ I, № 100 (Звенигородский уезд). — В последнем документе записано: «И яз князь Юрий Иванович... рыбы ловити не велел, а в Оксиньинском лесу и в болоте хмелю брать и дров и хворосту сечи не велел». В лесу указаны хмельники; см.: Шахм., №№ 45, 90—92.

ренней, так и для внешней торговли.[590] Он фигурирует рядом со льном в договорных грамотах Новгорода с князьями в числе немногих товаров, в отношении которых указан размер таможенной пошлины.[591] Летописная запись Псковской летописи указывает на очень большое колебание цен на хмель за весьма короткий промежуток времени.[592] По-видимому, хмель был товаром, пользовавшимся большим спросом за рубежом. Он отмечается повсеместно в натуральном оброке во всех пятинах Новгородской земли.[593] Можно думать, что так же широко разводился и собирался хмель и в Псковской земле и в Северо-Восточной Руси.

Разбирая материал об огородах, мы имели в виду в первую очередь огороды в хозяйствах земледельцев, обслуживавшие их собственные запросы. Указания продукции огородничества в Таможенной грамоте и записи (пусть они и поздние) в расходных книгах монастырей о частых покупках овощей, огородных семян и т. п. позволяют считать, что огородничеством занимались специально и для производства товара на рынок.

Следует еще особо указать на огороды в усадьбах феодалов.

Существование благоустроенных больших огородов и садов у крупных землевладельцев (у князей, бояр, иерархов церкви, у монастырей) доказывает наличие среди слуг и холопов у крупных светских феодалов, — и прежде всего у князей великих и удельных, — специалистов «огородников» и «садовников». Их работа в садах и огородах велась в одном плане, с единой целью — удовлетворить большие запросы своих высоких хозяев, «государей».[594] Огородники как «мастеры» высоко ценятся «государями». О них мы находим указания в ряде договорных грамот (докончаний) великого князя Василия Дмитриевича с серпуховским князем Владимиром Андреевичем, с серпуховско-боровским князем Василием Ярославичем[595] и в духовных верейского князя Михаила Андреевича и князя Ивана Юрьевича Патрикеева.[596]

Вероятно, результатом умелой работы этих огородников являются выращиваемые «с особой заботливостью и усердием» вкус-

[590] АСт., № 68 (Белозерская таможенная грамота).

[591] ГВНП, №№ 1, 2, 3, 6—26 (1264—1471 гг.) и др.; Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868, стр. 45; ДПЛ, стр. 3.

[592] Во второй Псковской летописи под 1467 г. записано: «А хлеб бог дал тое лето во Пскове дешев...; толко был хмель силно дорог по 60 денег ползобение; толко того было не на велико время... а он ссел, и по 15 денег зобница хмеля доброго; тако же было и в Новегороде» (ПЛ 2, стр. 164).

[593] Материалы под словом «хмель»; А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 201—207.

[594] С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. Сб., посвящ. В. О. Ключевскому, М., 1909, стр. 563—604 (см. особенно стр. 568—569).

[595] ДДГ, №№ 13 (стр. 39), 27 (стр. 71), 45 (стр. 121, 134, 137, 140), 56 (стр. 171, 174), 58 (стр. 182—186).

[596] ДДГ, №№ 80 (стр. 306, 308), 86 (стр. 346).

ные дыни в Москве, приводившие в восторг Г. Герберштейна и других иностранцев. Для выращивания таких дынь и других овощей устраивались высокие грядки, в изобилии применялся навоз, следили, чтобы растениям не мешало излишнее тепло и влага и чтобы не пострадали они от холода.[597] С. Герберштейн писал о том, что было в первой четверти XVI в. Описанные же им благоустроенные огороды в имениях феодалов со столь высокой по качеству продукцией появились намного раньше XVI в. Вероятно, и «огородники и мастеры», упоминающиеся в договорной великого князя Василия Дмитриевича (1390 г.), были также большими умельцами в своем деле.

Крупные феодалы, обеспечивая себя садами, имели и специалистов по уходу за ними. В духовных и договорных грамотах великих и удельных князей обычны указания на сады и садовников. В духовной серпуховского князя Владимира Андреевича упоминаются Бутов сад, Терехов сад, Гичаков сад в Москве. Названия этим садам, по-видимому, присвоено по их устроителям.[598] В документах сообщается и о других садах в Москве и во многих городах,[599] в монастырских владениях при монастырях и в селах.

Лишь плохим состоянием источников следует объяснять малочисленность сведений о садах в Северо-Восточной Руси. Внимание к фруктовым деревьям и вероятное использование и дикорастущих яблонь и груш отмечается при отводе границ между земельными владениями.[600]

В летописях при описании грозы и выпавшего града величину его определяют «с яблоко».[601] Можно бы думать, что сады не пользовались вниманием земледельцев, сельского населения. Как будто бы можно найти и объяснения такому невниманию. В летописях указывается на несколько случаев гибели садовых деревьев от непогоды и сильных морозов.[602] Риск гибели садов

---

[597] См.: С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908, стр. 98—99.

[598] ДДГ, № 17 (1401—1402 гг.).

[599] Упоминания о садах см.: ДДГ, №№ 28, 29 (1433 г., духовная князя Юрия Дмитриевича, в которой указано на сады в городе Галиче), №№ 57 и 61. — О садовниках: там же, № 17 (владение серпуховского князя Владимира Андреевича); № 84 (владения рязанских князей), стр. 334, 335, 339; № 86 (владения князя Ивана Юрьевича Патрикеева), стр. 346.

[600] АФЗ I, №№ 44 и 40° (Московский уезд), №№ 73 и 80 (Дмитровский уезд), № 181 (Владимирский уезд); АСЭИ I, № 504 (Малоярославецкий уезд), № 571 (Переяславский уезд), № 601 (Муромский уезд); АГР, № 16, стр. 13 (Бежецкий верх). — В одном случае отмечается при осмотре границы: «а у отца моего была в том болоте груша отынена тыном» (АСЭИ I, № 485, стр. 366).

[601] ПНЛ (1157 г.), стр. 30 («Град же яко яблъков боле»); ПЛ 2, стр. 223 (1487 г.), («Бысть град велик с яблоко с садовое»).

[602] ЛН IV, стр. 429 (1421 г.); 1477 год: «Месяца мая 31 мороз велми велик был и всяк овощь поби огородной и садове и все обилье». —

от морозов мог, конечно, снижать интерес к садоводству. Когда же мы обращаемся к материалам Новгородских писцовых книг, то у нас получается ясное впечатление, что садоводством очень интересовались и в ряде районов сады успешно разводились.[603] Сады оказываются распространенными очень неравномерно. Их больше всего в Шелонской пятине. Даже по кратким, очень отрывочным сведениям писцовых книг можно заметить, что многие из садов были довольно большими и, конечно, удовлетворяли не только потребности самого хозяина.

Приведем некоторые данные о садах в Шелонской пятине. Сады в 35—50 яблонь здесь поименованы «садками», т. е. маленькими садами. Указаны сады в 50 яблонь и 50 вишен, в 90 яблонь, в 50 яблонь, в 30 яблонь и 20 вишневых деревьев,[604] но есть сады в 109 яблонь, в 117 яблонь,[605] указан сад в 350 яблонь и 100 вишен; два сада, «а в них 900 и 70 деревьев да 60 яблоней леших».[606] Что отметил писец, назвав яблони «лешими», т. е. лесными, — не очень ясно. Вероятно, это лесные яблони-дички, непривитые; значит остальные деревья в садах — окультуренные, привитые.

В этих сведениях показан и состав садовых деревьев, названы яблони и вишни. Мы уже отмечали, что в одном из документов упомянута груша, но не в саду.

Весьма вероятно, что при изобилии лесных ягод — малины, смородины и др. — не возникало особой необходимости разводить их в садах и огородах.

Все это дает основание считать, что садоводство в отдельных районах играло существенную роль в народном хозяйстве. В разведении садов и повышении уровня огородничества и садоводства были заинтересованы прежде всего крупные землевладельцы, для которых сады и огороды являлись средством удовлетворения своих повышенных жизненных требований и запросов.

Немногое можно сказать об орудиях труда, применявшихся в огородничестве и садоводстве. Основное орудие — лопата (заступ). Употреблялись и мотыги.[607] Мотыгой следует считать «лыскарь», названный в «Житии Сергия».[608] Огороды, конопля-

---

ПСРЛ XXV, стр. 310; ЛНик. IV, стр. 170. — С. Герберштейн сообщает о гибели веток плодовых деревьев от зимней стужи в 1525/26 г. (Записки о московских делах, стр. 98).

[603] См.: Материалы, указатель к словам: «сад», «яблоня», «дерево вишневое».

[604] НПК IV, стр. 28, 93, 440, 470, 479, 483, 485; НПК V, стр. 154—156, 223, 241, 289, 296.

[605] НПК V, стр. 291, 302.

[606] Там же, стр. 271, 414, 454.

[607] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 48—50.

[608] ЖС, стр. 94.

ники, хмельники и местами успешно разводимые сады играли важную роль в сельском хозяйстве древней Руси.

ЗЕРНОВЫЕ ХЛЕБА И ДРУГАЯ ПРОДУКЦИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Основная продукция земледелия на Руси — зерновые хлеба. С вытеснением подсечного земледелия в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси яснее определился состав культивировавшихся зерновых хлебов, место каждого из них и их соотношение. По своему значению и количественному весу среди всех зерновых хлебов на первом месте стояла рожь. Ее называют всегда первой в перечне хлебов во всех источниках. Ценой на рожь определялся уровень хлебных цен, состояние продовольственного рынка.[609] Ржаной хлеб был основным продуктом питания. Фактически рожь была единственным озимым зерновым хлебом. Рожь как озимый хлеб более устойчива, чем другие зерновые культуры, к резким колебаниям погоды; уходя под снег, рожь хорошо переносит даже суровую зиму Севера.[610] Летом она созревает раньше яровых хлебов, и потому ей не угрожают ранние заморозки.[611] Рожь ценна и длинной соломой, дающей материал для крыш и хорошую подстилку для скота, образующую потом обильное и высококачественное удобрение — навоз.

Рожь в XIII—XV вв. выращивалась и была основным зерновым хлебом во всех землях-княжествах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Об этом ясно говорят все письменные памятники того времени.[612] Лишь в самых северных районах Двинского края и Беломорья она уступает место ячменю.[613] Ячмень заходил дальше на Север, чем все остальные зерновые хлеба.[614] Для крайних северных районов ячмень — основной

[609] ПНЛ, стр. 66 (1228 г.): «И въздорожиша все по тьргу: и хлеб, и мяса, и рыбы, и оттоле ста дороговь: купляху хлеб по 2 куне, а кадь ржи по 3 гривне, а пшеницю по 5 гривен, а пшена по 7 гривен»); ПНЛ, стр. 69 (1230 г.): «Изби мраз на Въздвижение... обилье по волости нашеи, и оттоле горе уставися велико: почахом купити хлеб по 8 кун, а ржи кадь по 20 гривен, а въ дворех по пол-30, а пшенице по 40 гривен, а пшена по 50, а овсе по 13 гривен». Раннее указание на рожь в летописи — в 1127 г., см.: ПНЛ, стр. 21—22, а также стр. 205—208.

[610] «Озимая рожь выдерживает морозы в 20° (Р) в бесснежные зимы, а хороший снежный покров гарантирует ее и от более сильных холодов» (Д. Прянишников. Частное земледелие, стр. 257).

[611] И. В. Якушкин. Растениеводство. М., 1947, стр. 40 и 51.

[612] Материалы, под словом «рожь».

[613] В НПК указан посев ячменя взамен обычного посева ржи в некоторых деревнях Олонецкого погоста и Спасского погоста на Выго-озере (у моря) Обонежской пятины (ОПК, стр. 71—73, 157, 158, 160—162); преимущественно посев ячменя отмечается в районах Севера Новгородской области (СГКЭ I, №№ 3, 4, 11, 15, 21, 27, 29, 30, 33 и др.; Шахм., №№ 1, 16—18, 25, 31, 35, 44, 51, 56, 75, 93, 104, 112; Сиб. и Шахм., №№ 116, 117, 122, 125; СГ, №№ 52 и 67, — здесь ячмень называли «житом»).

[614] Ячмень разводился (в дооктябрьский период) на севере до 70° северной широты. См.: Д. Прянишников. Частное земледелие, стр. 256;

продовольственный хлеб. У него более короткий вегетационный период, для созревания ему надо меньше тепла, чем другим зерновым хлебам,[615] но как зерновой продукт он менее ценен, чем рожь. Хлеб из ячневой муки быстро черствеет и теряет свои вкусовые качества. Из ячменя делалась крупа, приготовлялся хороший солод; солод же играл большую роль в питании населения древней Руси: из него приготовлялось сусло, а потом и пиво.

Широкое и преимущественное распространение ячменя на Севере хорошо показано в источниках.[616]

С этой стороны от ячменя резко отличалась пшеница. Она более требовательна и к почве и к климату. Поэтому пшеницы сеялось не только меньше, чем ржи, но и меньше, чем овса, несмотря на то, что на рынке пшеница всегда ценилась намного выше, чем ячмень и рожь. Пшеница — зерновой хлеб центра и южных районов Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. К Двине относится одно указание на пшеницу, и притом в позднем документе (1532 г.); их немного и в документах Белозерья.[617] Убедительным аргументом в пользу широкого распространения пшеницы служат указания на нее в НПК — во всех пятинах Новгородской земли.[618]

Более широко по районам и в большем количестве, чем пшеница и ячмень, высевался овес.[619] Вегетационный период у овса длиннее, чем у ячменя, и поэтому он не заходит так далеко на север. Он несравненно менее требователен к почве, чем пшеница. Из овса путем специальной обработки получались

А. А. Кичигин. К истории культуры ячменя на территории Коми АССР. стр. 132—137.

[615] Вегетационный период составляет для ячменя 86—96 дней, для овса 98—103 дня, для пшеницы 98—100 дней. Сумма градусов за вегетационный период равна для ячменя 1750°, для овса 2100°, для ржи 1800°, для пшеницы яровой 2000°, для пшеницы озимой 2100° (Д. Прянишников. Частное земледелие, стр. 257). На севере ячмень был известен под наименованием «жито»: «пополнка сорок пудов семянного жита да двадцать пудов ржи» (СКГЭ I, № 21).

[616] Материалы под словами «ячмень», «солод ячный»; см. также: АСЭИ I, №№ 71, 607, 607а; АФЗ I, № 222. — В ряде районов ячмень называли «житом», см.: НПК IV, стр. 53, 84, 86—91, 128, 165, 168, 190, 224, 239, 247, 254, 256, 264, 270, 271, 273, 277, 280, 282, 285 и т. д.; НПК V, стр. 3, 20, 28, 31, 52, 62, 63, 120, 397 (Шелонская пятина Новгородской земли). Солод делался также из ржи, из овса, — см.: Материалы под словами «солод овсяной», «солод ржаной».

[617] СГКЭ I, № 71, стр. 64; АСЭИ II, №№ 186, 283 и 291.

[618] Материалы под словом «пшеница»; см. также АСЭИ I, №№ 43, 70, 71, 155, 221, 260, 261, 431, 432, 582; АСЭИ II, №№ 186, 283, 291; АФЗ II, №№ 97, 139, 186; АСЭИ III, №№ 166, 490.

[619] Материалы под словами «овес», «крупа овсяная», «толокно», «заспа», «солод овсяный»; см. также АСЭИ I, №№ 43, 70, 71, 155, 221, 260, 261, 294, 431, 582; АСЭИ II, №№ 285, 292, 418, 419, 426, 457; АСЭИ III, стр. 640; АФЗ I, стр. 14, 17, 22, 108, 180, 195.

высокопитательное толокно и овсяная крупа.[620] Эти продукты очень удобны при походе или когда приходилось работать вне дома. Ими снабжались войска и все те, кто отправлялся в далекий путь. Однако овсяная мука хуже сохраняется, чем ржаная или пшеничная. Овес и в древней Руси являлся лучшим зерновым фуражом. В этом смысле он был не столько важен для крестьянского хозяйства, сколько для хозяйства феодалов, для войск и для тех, кто обслуживал транспорт.

Ячмень, овес и пшеница — яровые хлеба. О ржи мы говорили как об озимом зерновом хлебе. Но древняя Русь знала и яровую рожь.

Яровая рожь в письменных памятниках XIV—XV вв. выступает прежде всего под названием «ярицы». «Ярицу» следует отличать от «яри», обозначающей вообще яровые хлеба в таких фразах, как «сеют яри (столько-то)» или «ярь сеяли».[621] В этих фразах «ярь» противополагается «озими», «озимице» — озимым хлебам. В одной правой грамоте конца XV в. записано: «А ту господине, рожь и ярь, на коей стоим, сеял яз, высеял... ржи десять четвертей, а овса пятнадцать четвертей, да полчетверти ярицы».[622] Здесь ясно различается «ярь» — вообще яровые хлеба — и видовое понятие «ярица»; это особая разновидность яровых хлебов. Ярица неоднократно упомянута в НПК.[623] Она была хорошо известна и в более позднее время — в XVIII и в XIX вв.[624]

В данной И. М. Крюкова Троице-Сергиеву монастырю, датируемой около 1430 г., приведен перечень зерновых хлебов, завещанных И. М. Крюковым монастырю: «...а в житнице хлеба: семьсот коробе ржи, две тысячи коробе овса, пятдесят коробе пшеницы, пятдесят коробе жита, овыдници пятдесят коробе, гречю и гороху и коновель чет[ы]ре-десят коробе...».[625] В специальной литературе по истории земледелия нет разъяснений, что такое «овыдь», а в словарях (областном архангельском и В. И. Даля) они не убедительны. «Овыдь», «овудь» упоминается не только в древних документах. О ней говорят и письменные

[620] НПК V, 163, 193; НПК VI, стр. 13; ДПЛ, стр. 23; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I. М., 1905, стр. 210, 211—213.

[621] НПК II, стр. 427, 450, 452; НПК V, стр. 215; АСЭИ I, № 641.

[622] АСЭИ I, № 582 (1495—1499 гг.), стр. 461.

[623] «А нового доходу... хлеба поспом 4 коробьи ржи, 4 коробьи овса, 4 коробьи ячмени, четверка пшеницы, четверка ярицы» (НПК III, стр. 331. — Подобные же указания см.: НПК III, стр. 334; НПК V, стр. 241).

[624] И. В. Комов. О земледельческих орудиях. М., 1791, стр. 293, 294; Алексей Засецкий. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия в Вологодском уезде. Тр. ВЭО, 1773, ч. 23, стр. 224—225 («сеется и яровая рожь, но с небольшим умолотом, сам 3. Перед озимой — чище и зерном более, а колосом мельче и соломою ниже»); Д. Н. Прянишников. Частное земледелие, стр. 335.

[625] АСЭИ I, № 71, около 1430 г. (село Медпа в 122 километрах от города Твери по дороге к Торжку).

памятники XVII—XVIII вв., ее знали и в XIX в. Хорошее пояснение об «овыди» мы находим в «Историческом и топографическом описании Олонецкого наместничества» (1780 г.): «Овыдь видом и вкусом на рожь похожей, помельче зерном... сеется в одно время с яровым хлебом и созревает в продолжение одного лета».[626] В описании приписного Ильинского монастыря (приписан к Тихвинскому монастырю) говорится об умолоте овыди, об овыди, хранящейся в житницах, и о помоле ее на муку.[627] Отмечена овыдь и в ведомостях Олонецкой губернии о посеве и урожае зерновых хлебов.[628]

Среди зерновых хлебов, указываемых источниками, отмечена еще полба в одной из дополнительных статей списка Карамзинской группы Правды Русской пространной редакции.[629] В этом документе сказано о полбе и ничего нет о пшенице. Нет ли здесь порчи текста?

В летописных записях среди продовольственных товаров упоминается «пшено». О «просе» — пшене — говорят и археологические материалы.[630] Пшено указывается наряду с горохом, с различными крупами и гречихой в продовольствии, выдаваемом должностным лицам.[631] Просо, греча и горох высевались в яровых полях.

Мы можем говорить о прочно установившейся культуре гречи в древней Руси. На посевы большого количества этой культуры (до десятка коробей в деревне) указывают Новгородские писцовые книги. Греча здесь упоминается в Никольско-Передольском погосте в южной части Вотской пятины,[632] в южных и юго-западных погостах Шелонской пятины и во всем Холмском погосте Деревской пятины (ее юг).[633] Гречиха дает лучший вид крупы. Она отличается быстрым ростом, ее вегетационный период очень короток, и потому она может произрастать в северных широтах. Гречиха не требовательна к почве.[634] По-видимому, эти качества и обеспечили ее прочное включение в число разводившихся зерновых культур. Однако у гречихи есть и слабое место — всходы

---

[626] ЛОИИ, архив, ф. 36 (Воронцовское собрание), № 518, л. 33 об.

[627] Там же, ф. 112 (Тихвинский монастырь), кор. XV, д. 16, лл. 163, 167, 170.

[628] ЦГИА СССР, ф. 299, оп. 1, за 1830 г., д. 7, лл. 130—131. — Овыдь как разновидность яровой ржи описывает Я. В. Толмачев в работе «Четырнадцатилетние опыты в сельском хозяйстве в северной полосе России» (Тр. ВЭО, 1851, т. 2, стр. 43—71).

[629] Правда Русская, п. 11 в дополнительных статьях, стр. 354 и 379.

[630] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 50—57.

[631] Материалы под словами «пшено», «просо», «горох», «греча»; см. также: С. Герберштейн. Записки о московских делах, стр. 79; АСЭИ I, № 71 (около 1430 г.).

[632] НПК III, стр. 202, 203, 226, 227, 228, 250, 251.

[633] НПК IV, стр. 227; НПК V, стр. 423; НПК II, стр. 827—842, 853—880.

[634] И. В. Якушкин. Растениеводство, стр. 149.

ее нередко гибнут от весенних утренников.[635] Несомненно, не в одной Новгородской и Торжковской области культивировалась гречиха в изучаемое нами время, но, к сожалению, сведения о других областях до нас не дошли.

Непритязательность к почве и устойчивость к весенним утренним заморозкам послужили причиной более широкого распространения гороха, чем гречихи. Горох отмечается в НПК всех пятин; наравне с гречихой он назван и в перечне зерновых хлебов села Медна. Горох, наряду с пшеном, солодом и солью, включен в число продуктов, выдаваемых проезжим должностным лицам.[636]

К зерновым культурам относятся также лен и конопля — прядильные растения, обеспечивавшие население материалом для одежды; естественно предполагать их повсеместное распространение во всех земледельческих районах — если не обеих культур, то той или иной из них.[637] Такую картину и рисуют нам НПК в отношении Новгородской земли; и если таких же данных мы не встречаем в отношении Северо-Восточной Руси, то причиною этого является лишь бедность и односторонность содержания ее источников. Из НПК мы узнаем, что конопля имела меньшее распространение по сравнению со льном, но и о конопле — семени конопляном — и о поскони в писцовых книгах есть достаточный материал.[638] Указания на коноплю и конопляники имеются в отношении далеких северных районов[639] и центрального района Северо-Восточной Руси.[640] Лен отмечается в числе товаров, с которых князь Новгородской земли собирал таможенную пошлину. Об этом говорится в договорных грамотах Новгорода с князьями, начиная со старейшей из дошедших до нас (1266 г.) и кончая предпоследней договорной грамотой (1471 г.) Новгорода с московским великим князем.[641] Предметом торговли был лен-волокно. В Новгородских писцовых книгах лен встречается в составе натурального оброка в виде волокна, пряжи и, наконец, в виде полотна или изделий из полотна. Многочисленные указания на лен в НПК систематизированы А. М. Гневушевым, из составленных им таблиц видно широкое распростра-

---

[635] Там же.

[636] Материалы, под словом «горох»; Правда Русская, ст. 9 (пространная редакция), стр. 406—407, 105, 124, 149; см. также: ДПЛ, стр. 3.

[637] Особо важное место льна и конопли в хозяйстве земледельцев древней Руси подчеркивается наличием в «Уставе Ярослава, суды святительскыа» особой статьи о краже их: «Аще мужь иметь красти конопле или лен и всякое жито, или жена, митрополиту 3 гривне» (ПНЛ, стр. 483).

[638] Материалы, под словами «конопля», «посконь», «семя конопляное».

[639] СГ, № 33 (1479—1480 гг.) (на Корельском берегу); СКГЭ I, № 68 (1531—1532 гг.); о поставке в войска семени конопли, см. стр. 430.

[640] АСЭИ I, № 328 (1462—1470 гг.) (Переяславский уезд), № 71 (около 1430 г.) (село Медна); АГР, № 16 (Бежецкий верх).

[641] ГВНП, №№ 2, 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26. — В качестве товара лен отмечается и в Таможенной Белозерской грамоте: АСт., № 68, стр. 95.

нение культуры льна.[642] В писцовых книгах говорится о сырье-волокне и об изделиях из льна, выплачиваемых зависимым крестьянином феодалу и государственной власти. Правда, этот оброк, судя по НПК, выплачивался не всеми крестьянами, на деле же редкое крестьянское хозяйство могло обойтись без льна. В писцовых книгах есть указания и на трудовую повинность, на барщину, связанную с обработкой льна и приготовлением из него изделий.[643] Мы уже говорили выше, что лен сеялся не только в полях, но и на подсеках и на полянках в лесу, где он давал количественно и качественно хороший урожай.

На полевой пашенной земле, а также и на подсечных участках высевалась репа — корнеплод, игравший заметную роль в питании сельского населения древней Руси.[644] Репища — места посева репы — указываются в Бежецком и Костромском уездах, в северной части Белозерья[645] и во владениях на Севере Новгородской земли.[646] Посев репы производился и на полевой пашне. Обычно это делается в паровом поле. Сеяли репу в июне, а в августе (по ст. ст.) она становилась такой, что ею можно было пользоваться; полностью же ее урожай собирали поздно осенью. На полосе, на которой высеяна репа, озимый хлеб (рожь) сеять уже нельзя, на этом «репище» весной высевали один из яровых хлебов — пшеницу, ячмень.[647]

Приведенный перечень того, что выращивалось на полях земледельца, дает нам основание говорить о внимательном отборе и зерновых хлебов, и масляно-волокнистых культур и корнеплодов для разведения их на полях. Выбрано то, что лучше всего отвечало нуждам и потребностям сельского населения и вместе с тем соответствовало местным особенностям почвы, климата, надежно обеспечивая лучший урожай. Для каждого района жизнь выработала свое сочетание зерновых хлебов и других выращиваемых культур. На севере, конечно, не было гречихи, не

---

[642] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 201—202. — В таблицу необходимо внести дополнения: а) так как писцы зарегистрировали «доход» не по всем владениям (см. гл. V нашей работы, пояснения к табл. 5, стр. 321), то отсутствуют указания на лен Ясеновичского, Крестцовского и Бронницкого погостов (НПК III, стр. 490, 491; НПК I, стр. 39—49; НПК II, стр. 393—395, 445—447, — здесь описаны монастырские волости) и по всей Задней Кореле (ВПК II, стр. 120—188); б) имеются большие пропуски из-за невнимательного чтения НПК; как и следует ожидать, лен сеялся по всей Новгородской земле всеми земледельцами.

[643] НПК VI, стр. 24—31; см. также: АФЗ I, № 201.

[644] См. выше, стр. 88—89.

[645] НПК III, стр. 32; НПК IV, стр. 12; НПК V, стр. 289; АСЭИ I, №№ 258 (1544—1457 гг.), 629 (около 1490 г.); АСЭИ III, № 467; АСт., № 32 (разводная на земли князей Кемских; после 1462 г.).

[646] СГКЭ I, №№ 1, 5, 6, 10—12, 14, 19, 21, 24, 26, 30; СГ, № 54, стр. 158; Шахм., №№ 1, 2, 5, 7, 11, 12, 14, 24, 27, 35, 83, 94.

[647] Ник., стр. ОХХХIII («Да в Лонское репище высеяно 2 чети пшеницы... да четь ярицы»).

было и пшеницы на крайнем севере, там меньше сеяли овса, местами избегали сеять и рожь, на первый план выдвигался ячмень; далеко на север была распространена и репа.

Основными источниками при решении вопроса о времени посева и сбора зерновых хлебов являются летописи. В летописных источниках такие сведения попадаются случайно, они говорят о времени сбора хлебов и о времени посева лишь в связи с рассказами о необычных метеорологических явлениях. Из них-то мы и узнаем, что ранние осенние заморозки являлись главной угрозой урожаю. Мы привели известия новгородских летописей о гибели вследствие осенних морозов озимицы и яри в 1127 и 1161 гг. Мороз был причиной гибели урожаев в Новгороде и в 1215, 1230, 1251, 1420, 1436, 1453 гг.[648] Это осенние морозы, но они не столь уж ранние, чтобы губить урожай. Они падают на 14 сентября (1230 г.),[649] на 15 сентября (1420 и 1421 гг.),[650] на 5 сентября (1453 г.) [651] (по ст. ст.). Лишь один раз указано, что мороз случился осенью в самую жатву (1436 г.);[652] сообщается о выпадении снега 1 сентября (в 1448 г.) [653] и о гибели яровых хлебов (в 1466 г.) вследствие морозов, дважды нагрянувших во второй половине августа (18 и 27 августа), о чем сообщено и в Московских летописных сводах и в Велико-Устюжском своде;[654] в последнем особо отмечено, что не пострадали от мороза лишь посевы ячменя. Так как срок созревания яровых хлебов во многом зависит от времени их посева, то, вероятно, именно запоздание с посевом яровых хлебов приводило к тому, что заморозки в начале сентября (а по новому стилю в 20-х числах сентября) оказывались неожиданными, очень ранними и губили яровые хлеба. Летописи сообщают несколько случаев, когда зерновые хлеба уходили неснятыми под снег. Таких случаев немного. Один связан с нападением внешнего врага в 1371 г.,[655] другой был вызван ранними морозами и эпидемией чумы — некому было жать (1420 г.).[656]

Наряду с ранними морозами или заморозками и выпадением снега летом или весной после посева хлебов, летописи указывают и на губительное влияние на урожай длительных дождей. Так, в Псковской летописи сообщается об очень дождливой осени в 1468 г. Дожди начались с июля месяца, «когда крестьяне ржи

---

[648] ПНЛ, стр. 54, 69, 80.
[649] Там же, стр. 69; ЛН IV, стр. 210.
[650] ПСРЛ XXV, стр. 243; ЛНик. III, стр. 236.
[651] ПЛ 2, стр. 140.
[652] ПНЛ, стр. 418; ЛАвр., стр. 36.
[653] ЛТв., стр. 494.
[654] ЛВ II, стр. 151; ЛТип., стр. 186; Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 86 («По всей земли Русскои хлеб призябл; ржи иныя ушли, а иныя призябли; а яровое жито все призябло, оприче ячьмени»).
[655] ЛНик. III, стр. 14.
[656] ЛЛьв., стр. 232.

пожали», и длились непрерывно август, сентябрь и октябрь; по полям много несжатого хлеба погнило, а озимые хлеба (рожь) из-за дождей не могли посеять.[657] Нечто подобное повторилось и в 1467 г.[658] и летом 1484 г.[659]

Под 1331 и 1332 гг. мы встречаем летописную запись: «Бысть меженина велика в земле Русьскои дороговь и глад хлебныи, и скудота всякого жита; сию же дороговь неции глаголють рослую рожь».[660] Лаконичность записи не дает материала для того, чтобы понять, что наименовано «рослой рожью» и чем это было вызвано. Более вероятны догадки Н. М. Карамзина и М. Д. Приселкова,[661] которые считали, что «рослая» — это проросшая из-за сильных и длительных дождей рожь, сложенная в копнах на полях. Рожь могла также из-за дождей наклониться, упасть и прорасти. Полегание хлебов и прорастание известно и в наше время. Но едва ли такое явление могло быть столь массовым, что вело к гибели всего хлеба, к дороговизне и голоду. Летописи указывают и другие случаи, когда дождливая погода не позволяла убрать урожай с полей;[662] в этом сказывалось и запоздание с созреванием хлебов вследствие позднего посева, и медленность их уборки серпами.

Рассказывают летописи и о засушливой погоде. В знакомой нам записи Новгородской летописи за 1161 г. говорится о засухе летом и о пригоревшем хлебе:[663] В 1366 г. отмечена засуха, сильный зной, гибель урожая, хлебная дороговизна и «голод великий».[664] То же было в 1371 и в 1374 гг.[665] Зачастую засуха и жаркая погода вызывали лесные пожары, горели леса, болота — «воздух дымился». Но сухая солнечная погода не была столь гибельной для урожая в лесной стороне, как морозы или сильные дожди.

Немалые беды приносило и такое стихийное бедствие, как нашествие грызунов-мышей. В летописях рассказывается и о вредителях растительности полей и леса (саранча). Так, под 1407 г. кратко сказано: «Того же лета чрьвь окрилате и идяше с востока и до запада, и пояде древо и посуши».[666] Рассказ этот подробнее изложен в записи 1410 г. «Преже бо сеа зыми, по 3 лета, летяше

---

[657] ПЛ 2, стр. 165.
[658] Там же, стр. 200.
[659] Там же, стр. 64.
[660] Троицкая летопись, стр. 361; ЛТв., стр. 418.
[661] Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. 1, примеч. 322 к т. IV, стр. 122; Троицкая летопись, стр. 361.
[662] РогЛ, 1370 г., стр. 93; Троицкая летопись, стр. 390; ПЛ 2, стр. 200.
[663] ПНЛ, стр. 31.
[664] ЛВ II, стр. 6 («Того же лета (1366, — *Г. К.*) бысть сухмень и зной велик и въздух куряшеся и земля горяше, и бысть хлебная дороговь повсюду и глад велий велик, и с того люди мряху»).
[665] ПСРЛ XXV, стр. 186—187; ЛНик. III, стр. 21.
[666] ЛТв., стр. 473.

черви бели, яко мотиль, тоже от полудне гряде к полунощи идяше; преходяше реки, поля и жита, и на лесы идяше, и пояде и посуши древо елное и того ради и скора, рекше белка, вся изгыбе, не имыи кормля в сухе древе».[667] В этой записи летописец встревожен не только за земледельцев, но и за тех, кто занят охотничьим промыслом.

В летописях отмечаются случаи дороговизны продовольствия, отсутствие хлеба на рынке и случаи тяжелых голодовок. Голод охватывал отдельные земли-княжества, а в ряде случаев летописи сообщают о голоде «по всей Русской земле» (1229 г., 1230 г., 1309 г., 1332 г., 1366 г., 1371 г., 1408 г., 1421—1422 гг., 1431 г., 1443 г.). Голоду 1229—1230 гг., длившемуся несколько лет, особенно тяжелому по последствиям, предшествовал неурожай 1228 г.,[668] голоду 1309 г. предшествовал голод и мор в 1308 г.: «Бысть казнь... на человеки, мор на люди и на кони и на всякий скот. Мышь поела рожь, и овес, и пшеницу, и всякое жито, и того деля бысть дороговь и меженина зла».[669] Тяжелые голодные годы — бедствия, являющиеся чаще результатом ряда обстоятельств, а не только одного неурожая. Голодовки — явление, характерное для средневековья, — переплетаются с эпидемиями, с «мором». Так было в 1308—1309 гг., в 1420—1422 гг. «Великий мор», пришедший с Запада и отмеченный в 1417 г. в Новгороде, Пскове и Торжке, в 1420—1427 гг. ходил по всем русским городам и землям-княжествам, захватывая то одно, то другое.

Были свои местные условия, которые в одном случае способствовали безболезненному изжитию неурожаев и стихийных бедствий, а в других лишь усиливали остроту и тяжелые последствия этих бедствий. В Пскове, вероятно в силу лучшего состояния сельскохозяйственного производства, было обычным наличие хлебных запасов. В Новгороде, где была дороговизна хлеба, тяжелые голодовки были более частыми, на поднятие хлебных цен, на отсутствие резервов и подвоза хлеба, вероятно, оказывало влияние поведение господствовавшего боярства, сокрытие им запасов хлеба, спекуляция, неустойчивость и неупорядоченность денежного обращения и, конечно, худшее, чем в других местах, состояние земледелия. Освоение паровой системы земледелия и широкое распространение трехполья привели к повышению уровня земледелия. Этими достижениями в области сельскохозяйственного производства и отмечается феодальная социально-экономическая формация.

Мы все же должны указать на относительность этих достижений. Земледелие оставалось бессильным против резких климатических колебаний, не могло справляться и с сорняками;

[667] Там же, стр. 479—480.

[668] ЛЛ (1228 г.), стр. 451 («Рожь не родися по всей нашей земли и дорого бысть жито»).

[669] Троицкая летопись, стр. 353.

удобрение полей и повышение урожайности были весьма относительными, недостаточными; даже частичный недород или нападение вредителей хлебов (мышей) могли привести хлебный рынок к состоянию, граничащему с катастрофой. Это те свойства сельского хозяйства, которые в равной мере были характерны как для феодальной Руси, так и для других государств и стран средневековой Европы.

По летописным записям определяются и сроки созревания зерновых хлебов и время их уборки. На обширной территории древней Руси они различны в разных районах, но мало отличаются от сроков, знакомых нам по данным старой дореволюционной деревни.

Рожь поспевала в конце июля, и примерно с 20 июля начинали ее убирать. Яровые хлеба поспевали на 10—15 дней позднее ржи. Хлеба жали серпами. В работе В. П. Левашевой эти орудия уборки урожая подвергнуты тщательному изучению.[670] Они менялись медленно. В изучаемое время установился единый тип железного серпа с зубьями. Сжатый хлеб связывался в снопы и складывался на полях для просушки и лучшего дозревания зерна в бабки, или в суслоны, по 7, 10, 17 штук в каждом. При задержке обмолота хлеб складывался на поле в скирды, стога, копны различных размеров (до нескольких сот снопов в стогу или в скирде).

Перед обмолотом хлеб просушивался в овине. Овин известен нам с глубокой древности.[671] Он одинаково распространен на севере,[672] в центральных областях Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.[673] Различие в устройстве овинов заключалось в том, как было организовано отапливание овина и сушка хлеба — необмолоченных снопов. Более простой вид — яма,[674] в которую накладывались дрова — пни, копани, толстые чурки. Шедший из ямы дым сушил развешанные на «колосниках» (во втором этаже) снопы. Взамен ям устраивались печи, в которых сжигались дрова; сушка хлеба в этом случае производилась идущим вверх дымом. В документах имеются указания на овинные ямы и печи, или на печища овинные.[675] Снопы просушивались в овине,

---

[670] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 60—73.

[671] ПНЛ, стр. 486; Устав св. великого князя Владимира о церковных судах и о десятинах. Пгр., 1915, стр. 18, 19, 51, 69.

[672] СГКЭ I, №№ 12, 18, 24, 26, 29, 32; Шахм., №№ 3, 12, 19; Мух., стр. 594, 597; Шл., №№ XXV, XXVI.

[673] ОГКЭ II, № 89 (Белоозеро); АСт., № 36 (Звенигородский уезд); АСЭИ I, №№ 523 (Костромской уезд), 543 (Дмитровский уезд), 641 (Переяславский уезд); АФЗ I, №№ 2а (Юрьевский уезд), 258 (Костромской уезд); АСЭИ III, №№ 56, 247.

[674] АСЭИ II, № 543; ОГКЭ III, стр. 36; ЦГАДА, ф. 281 (ГКЭ), № 3729/17 (по Дмитрову); ф. 1203, Копийная книга Спасо-Ефимьевского монастыря, л. 709 об.

[675] АГР, № 29, стр. 19; ЦГАДА, ф. 1203, Копийная книга..., Правая грамота, лл. 703—706.

чтобы добиться полного обмолота зерна. Высушенные снопы раскладывались рядами по ровному, хорошо утрамбованному току в гумне и обмолачивались цепами. Летописец образно рисует картину молотьбы: «В лето 6975... ставяся езеро Ростовское нача выти; бысть того по две недели, и ночи людем по граду не даде спати, как в шестере молотят или в осмере и напосле протяжено застучит...».[676]

Молотьба в овине на гумне падала на самые ранние утренние часы, и соседям хорошо было слышно, как стучат поочередно цепы всех принимающих участие в молотьбе. В привычном для всех шуме по очередности удара цепов, по ритму можно различить, сколько молотит человек, и в летописи указано — «шестеро» или «восмеро».

Картина, вызываемая летописцем в воображении читателя, интересна не только живостью передачи завершающего этапа полевых работ; приведенная летописцем картина молотьбы на гумне такова, что, не задумываясь, ее можно поставить рядом с тем, что было в деревне XIX в. Жизнь и работа на гумне и в овине в XV в. ничем не отличались от той же работы в дореволюционной деревне XIX и даже XX в. Предварительная сушка хлеба в овине перед обмолотом считалась необходимой, необходимы были и овины. Овин был мерой для обмолачивания сжатого хлеба. Это была бытовая счетная единица, различная по величине для разных мест, но часто упоминающаяся.

К овину примыкало гумно (гуменник, огуменник). Крытое гумно служило местом хранения хлеба (необмолоченного) и соломы. В одной из судных грамот свидетели показывают: «...а ключник жито делил с половники на гумне». В порядной грамоте сказано: «Жито делити с гумна, а сено копнами».[677] Гумна были местом поизводства многих работ по уборке, обработке и по организации хранения зерновых хлебов.[678] Гумна появились, вероятно, раньше овинов. Как и овины, гумна были и на Севере и в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.[679] В гуменнике же после обмолота веяли хлеб и отделяли полову и мякину. Для хранения их строились «мякинники». В этих хозяйственных помещениях выполнялись работы по льну и конопле — сушка и обмолот их. Очищенный (провеянный) зерновой хлеб хранился в житницах по закромам, засекам.[680]

---

[676] ЛВ II, стр. 151.

[677] АСЭИ II, № 591, стр. 483; Шл., № XXIII, стр. 34—35 (Плужная грамота 1514 г.).

[678] Материалы, под словом «гумно».

[679] СГКЭ I, №№ 13, 22, 26, 45; Шахм., № 45; АСЭИ I, №№ 37 (Переяславский уезд), 584 (Костромской уезд), 591; Шл., №№ XIX, XXII, XXIII, XXV, XXVI (Великий Устюг).

[680] Сиб. и Шахм., № 117; АЮ, № 187; Шл., № CI (1551 г.; Устюг).

Зерновой хлеб для последующей переработки в муку, крупу, толокно, солод поступал на мельницу или обрабатывался дома — его могли молоть на ручных жерновах, толочь в ступах.

Вещевой археологический материал (с большой древности) и письменные источники (с X—XII вв.) свидетельствуют о широком применении ручных жерновов[681] и ступ для помола зерновых хлебов и для приготовления из зерна толокна и крупы (заспы). Можно говорить о появлении водяных мельниц начиная с XIV в. К середине XIV в. ведет сообщение о Гбаловской мельнице. В данной Афанасия Елизаровича Княжнина на селище Гбаловское, датируемой временем игуменства Никона (1392—1427 гг.), первого игумена-приобретателя в Троице-Сергиеве монастыре, говорится: «Дал есмь землю Гбаловское селище с лесом и с луги да старую мельницу пруд, доколе вода поймет... А на сей стороне (реки Консеры, — *Г. К.*), на старом дворищи, где мельник жил, дал есмь двор поставити, избу да клеть...».[682] Дана земля — луга и старая мельница с прудом. Когда-то здесь было село Гбаловское с мельницей и с прудом, жил там и мельник, от двора которого осталось упомянутое в данной дворище. Значит, подлежащая восстановлению старая мельница, как и село Гбаловское, существовала задолго до составления цитировавшейся данной. Все это, вероятно, было еще до основания Сергиева монастыря (1340-е годы). Не позднее середины XIV в. появились мельницы и у великого князя московского, у его сыновей и братьев, упоминающиеся в великокняжеских и княжеских духовных грамотах. В духовной великого князя Дмитрия Ивановича названы село Луцинское на реке Яузе с мельницею, да село с Ходынскою мельницею.[683] А в духовной его двоюродного брата, князя Владимира Андреевича, указаны села Поповское на реке Коломенке с мельницею, Колычевское на реке Неглинке с мельницею, на Усть Мстице мельница, Михайловское село с мельницею и мельница на реке Усть-Яузе.[684] Мы убеждаемся, что водяные мельницы стали необходимой принадлежностью княжеских владельческих сел.[685]

В документах XV в. говорится о мельничных плотинах, прудах и мельницах в ряде районов Северо-Восточной Руси,[686] в Бе-

---

[681] Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 116, 117, 213, 214; ЖС, стр. 64; ДЗ, стр. 34, 35, 71, 72, 95, 107, 119; РИБ VI, стр. 113; АИ, стр. 160; НПК IV, стр. 230 (жерновник).

[682] АСЭИ I, № 6 (1392—1427 гг.). — О мельнике упоминание в берестяной грамоте (Бер. гр., № 167) боярина Юрия Онцифоровича, датируемой концом XIV—началом XV в.

[683] ДДГ, № 12 (1389 г.).

[684] Там же, № 17 (1401—1402 гг.).

[685] Указания на мельницы в других духовных грамотах князей см. там же: №№ 21, 22, 28, 61, 80, 84, 89, 92 и 98.

[686] АСЭИ I, №№ 312 (Владимирский уезд), 389 (Дмитровский уезд), 572 (Московский уезд), 575 (на реке Клязьме), 576, 654; АФЗ I, стр. 46,

лозерье,[687] в Вологде и на севере в районе Великого Устюга.[688] В Новгородской земле источники указывают владычную мельницу в Пидебском погосте,[689] мельницу Валаамского монастыря в Кирьяжском погосте,[690] мельницу в Ладоге.[691]

Любопытны сведения о мельницах в Обонежской пятине в писцовой книге 1563 г. и в Шелонской пятине в книге 1539 г.[692] Здесь наряду с вновь выстроенными мельницами отмечены мельницы, существовавшие еще в конце XV в., а некоторые — и в новгородское время. Получается впечатление, что с концом XV в. строительство водяных мельниц чрезвычайно оживилось.

Мы уже отметили, что большинство мельниц были в составе владельческих, собственных хозяйств и их обслуживали. Но есть возможность указать и крестьянские мельницы, обслуживавшие крестьянские хозяйства: «Да у тое же у боярщины. . ., — пишется в писцовой книге, — у всех деревень поставлена мельница на речке на Лаянке»; «У царевых великого князя крестьян у Васюка да у Иванка... Ивановых детей у Пулозерцов поставлена мельница».[693] Есть и другие указания на крестьянские мельницы.[694]

Мельницы различны по мощности: некоторые с одним колесом, другие с двумя, мелют от коробьи до 6 коробей в сутки. Одни мельницы работали лишь в большую воду весной (когда направят плотину) или весной и осенью, но были мельницы, работавшие и круглый год. Различались мельницы и толчеи, т. е. такие, которые могли молоть жерновами зерно на муку, и такие, которые лишь толкли зерно в ступах (пестами), приготовляя толокно или крупу. А некоторые могли одновременно работать как мельницы и толчеи.

В погосте Ясенском Шелонской пятины, в поместье С. И. Кортмазова, в бывшей боярщине новгородского посадника Олферия Ивановича Офоносова, отмечена на пруду мельница немецкая; поставлена она, вероятно, в конце XV или в первые

48, 49, 53, 55, 56, 77, 113, 172, 224, 225, 277—232; АФЗ II, № 6; Мух., № 285 (Ярославский уезд), стр. 571. — Спор по поводу того, что мельница Петровского монастыря своим плесом подпирала мельницу Симонова монастыря, указывает на большое число мельниц на речках Подмосковья; см.: АСЭИ II, № 372 (1462—1485 гг.).

[687] АСЭИ II, №№ 15а, 247, 290 (лл. 4 об., 5 и 6 об.).

[688] АСт., № 94(1518 г.); ЦГАДА, ф. 1187, № 2.

[689] НПК III, стр. 22.

[690] ВПК II, стр. 140.

[691] НПК III, стр. 960. — Указаны мельники: НПК III, стр. 23; НПК IV, стр. 164, 382, 449.

[692] ОПК, стр. 62, 70, 89, 97, 98, 126, 134, 154, 159, 163; НПК IV, стр. 104, 382, 419, 430, 441, 447, 449, 504.

[693] ОПК, стр. 89, 159.

[694] Там же, стр. 62, 70, 97, 98, 154.

годы XVI в., когда это владение принадлежало дворцовому ведомству великого князя.[695]

Все же, как ни значительны в документах указания на мельницы, у нас нет оснований считать, что эти мельницы могли обслужить всю массу сельского населения. Трудоемкая работа по превращению в толокно, крупу, солод и муку в большей части выполнялась дома при помощи ручных жерновов или пестами в толчеях-ступах.

ОБЩАЯ КАРТИНА РАЗВИТИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ В XIII — XV вв. СИСТЕМА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Наши источники малочисленны, но все же, когда круг вопросов ограничен — требуется установить характер процесса развития земледелия, — мы можем дать ответ достаточно ясный и в полной мере обоснованный источниками. Вторая половина XIII, XIV и XV в. явились временем коренной перестройки сельского хозяйства и совершенствования земледелия, разультатом чего была окончательная победа полевого пашенного земледелия над подсекой, освоение под земледелие новых больших массивов лесной целины, строительство многих тысяч деревень — селений нового типа — и повсеместное широкое распространение трехполья в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Так может быть определен единый, общий для всех земель-княжеств характер процесса развития земледелия.

Оценивая состояние земледелия к середине XIII в. в лесной нечерноземной полосе, мы отметили успешное наступление полевого пашенного земледелия, но не смогли указать на какие-либо большие в нем успехи. Катастрофой монголо-татарского нашествия было сметено и то немногое, что удалось сделать в развитии пашенного земледелия. Встала задача не столько по восстановлению разрушенного, сколько по строительству заново сельского хозяйства многих районов. Уже с первыми вестями о возвращении хозяйственной жизни к былой норме письменные источники Северо-Восточной Руси указали на появление и строительство в лесной полосе нового типа земледельческих селений — деревень. Новизна облика деревни достаточно раскрыта актовыми материалами XIV—XV вв. Северо-Восточной Руси, в которых рассказывается о деревнях, пустошах и починках, а позднее — в массовых описаниях сельских поселений, приводимых в писцовых книгах. Особенность деревень — наличие пахотных полей, достаточных для того, чтобы избавить земледельцев от разработки подсек. Новая деревня — селение, рассчитанное на

---

[695] НПК IV, стр. 441.

земледельческие хозяйства с паровой системой земледелия. По облику таких деревень перестраивались и другие сельские поселения.

Основные задачи, от решения которых зависела победа паровой системы над подсекой, — это восстановление плодородия старых выпаханных участков, повышение урожайности и обеспечение надежности урожаев. Сопоставление показаний источников о подсечном земледелии в древности с данными этнографии и с позднейшими практическими опытами агротехников позволило установить, что единственным надежным путем решения всех этих задач в нечерноземной полосе явилась паровая система с удобрением полей. Сложностью практического ее внедрения объясняется затянувшийся процесс освоения паровой системы, позднее появление тех типов земледельческих хозяйств, из которых состояли деревни. Многочисленность свидетельств о деревнях в актах земель-княжеств Северо-Восточной Руси указывает на массовость и широкий размах в XIV—XV вв. распространения паровой системы земледелия. К началу 80-х годов XIV в. деревня была признана основной окладной единицей на Руси при взимании золотоордынской дани.

Победа паровой системы земледелия над подсекой — важный этап истории земледелия в древней Руси. Рядом с косвенными данными источников об этой победе в документах имеются и прямые указания на поля, паренину и трехполье как основную форму паровой системы. Достоинство свидетельств о сельском строительстве — появление деревень, перестройке других земледельческих селений по облику деревень — заключается в их массовости. Ранние же свидетельства о трехполье единичны. Но и они не все просто констатируют случаи практики трехполья в отдельных хозяйствах. Среди них имеются показания о хозяйствах типичных, характерных для обширных районов, о хозяйствах с давней, привычной практикой трехполья.

Наряду с этим документы отражают важные для нас взгляды на порядок ведения земледельческого хозяйства, взгляды на трехполье владельцев и руководителей крупных хозяйств, администраторов и представителей государственной власти. Так, в документах митрополичьего дома мы встречаем инструкции и распоряжения о неуклонном применении трехполья в подвластных ему хозяйствах. Документы, дошедшие до нас от конца XIV и от XV в., указывают, что трехполье прочно вошло в практику хозяйств митрополичьих монастырей в разных районах Северо-Восточной Руси. Такая же забота о соблюдении трехполья прослеживается и в деятельности администрации Троице-Сергиева монастыря в отношении монастырских владений.[696] Трехполье привычно для дворцовых земледельческих хозяйств и хозяйств удельных князей. Распоряжения правительства также говорят

[696] См. выше, стр. 173—174.

о том, что к концу XV в. трехполье считалось общераспространенной формой зерновых хозяйств. В частности, об этом свидетельствуют распоряжения о приведении в порядок Ергольского яма в Белозерье и об отводе ему пашенной земли для трех полей,[697] инструкции начала XVI в. о порядке описания владельческих хозяйств, вотчин и поместий. В «памяти» писцу (подьячему) Д. Зазиркину, посланному для описи и размежевания земель в Радонежский и Суздальский уезды, сказано: «Да то б еси село Тураково с деревнями описал... (дворы, людей, — *Г. К.*), да и пашни бы еси в них измерил, сколько четвертей пашни в одном поле, а в дву поле потому же; и что сена и лесу пашенного и непашенного, и селищь и пустошей и всяких угодей, да то бы еси все написал на список подлинно порознь».[698] Еще важнее для нас показания документа, относящегося к северному — Вологодскому уезду. В связи с переходом многих боярских вотчин в руки монастырей, монастырским властям — и в том числе игумену Глушицкого монастыря — было дано распоряжение о представлении «выписи» на приобретенные за последние годы вотчины, в которой следовало указать: «...и сколько в которой вотчине сел, деревень и починков, и что в них дворов и людей и пашни в одном поле, и а дву потому ж, и что сена в лесу и всяких угодей».[699]

По такому же образцу составлены писцовые книги Шелонской, Вотской и Бежецкой пятин 1530—1540-х годов.[700] Об общепринятом трехполье говорят и материалы более ранних из дошедших до нас писцовых книг Северо-Восточной Руси — Тверских писцовых книг 1540 и 1548 гг.[701] Можно с уверенностью считать, что здесь указывается очень раннее привычное трехполье, окрепшее еще в период самостоятельности Тверского княжества. В этих книгах постоянны ссылки как на основу на старое письмо князя Федора Алабыша, описывавшего Тверские земли в 1492 г., на грамоты 1486 и 1488 гг.,[702] многочисленны указания на получение вотчин или поместий от тверских великих князей — Бориса Александровича (1426—1461 гг.), Михаила Борисовича (1461—1486 гг.).[703]

---

[697] АСт., № 84, стр. 140—142.

[698] Ув., № 23 (май 1535 г.), стр. 29.

[699] Амвросий. История Российской иерархии, ч. III. М., 1881, стр. 712—714 (1535 г.). — Описываемые земельные владения приобретены раньше этого документа; значит, трехполье в этих вотчинах было освоено еще до продажи их монастырю, т. е. еще в XV в., если не раньше.

[700] Это писцовые книги поместных земель: Шелонской пятины 1539 г. (НПК IV, стр. 237—522), Бежецкой пятины 1545 г. (НПК VI, стр. 35—564), Вотской пятины (Писцовая книга Вотской пятины 1539 г., вып. 1. Новгород, 1917).

[701] ПКМГ II, стр. 40—140, 141—290; И. И. Лаппо. Тверской уезд в XVI в. М., 1893, стр. 11—13.

[702] ПКМГ II, стр. 50, 162, 202, 239.

[703] Там же, стр. 160, 168, 177, 186, 197, 256, 290.

Раньше мы отмечали тверское село Буйгород и большую Буйгородскую волость, подробное описание которых, с указанием на привычное, давнее трехполье и применение удобрения, приведено в поздней сотной (1543 г.). Другие материалы об этом селе и волости позволяют считать, что земледельческое хозяйство в них было на уровне трехполья еще во время самостоятельности Тверского княжества.[704]

Выше мы указывали, что по счастливой случайности до нас дошли документы трех разновременных описаний одного из крупных боярских владений — села Медна с деревнями. Первое описание — в купчей, когда его владельцем был новгородский боярин и посадник Юрий Онцифорович (1380—1417 гг.). В этом документе оно описано кратко как «село Медно с деревнями, с пустошьми и с лесом и со всяким угодьем и с лугом за рекой Тверцой».[705] В селе указана пашня, а наряду с ней сказано о «приоре», т. е. о вновь осваивающемся, в дополнение к существовавшему, пахотном участке. Через 30—40 лет в другом документе «приор Старской» назван «пашней Старской». Земледельцы волости (села и деревень) увеличивали размер полевых пашенных земель, осваивая паровое пашенное земледелие. Немного позднее (около 1430 г.) в данной нового владельца села, московского боярина Ивана Михайловича (Крюкова), приведено описание имевшегося в селе скота и зерновых хлебов. Это село с 16 деревнями; зерновая продукция получалась в виде оброка с крестьянских хозяйств; ее большое количество и состав зерновых создают уверенность, что в этих деревнях и в селе было паровое трехпольное земледелие. Третье описание села Медны с деревнями дошло в сотной грамоте 1544 г. (указано село Медна и 4 деревни — Машутино, Большая Речица, Олехово и Оксиньино) и в Тверской писцовой книге 1548 г. (перечислены остальные 11 деревень и одна пустошь). Здесь указан размер посева в деревнях — «в поле 246 чети, а в дву потому ж».[706]

Трехполье, отмечаемое тверскими документами, — старое, привычное. О нем, вероятно, было ясно сказано в ранних писцовых книгах.

В конце XV в. по указанию великого князя Ивана III Васильевича были подготовлены описания большинства земель-княжеств, вошедших в состав Русского государства. Конкретные сведения о волостях и селениях каждого княжества и основанная на них общая их характеристика, сообщаемые в писцовых книгах данные об экономической мощности и тяглоспособности крестьянских хозяйств, делают писцовые книги ценнейшим источни-

[704] См. выше, стр. 169—170.

[705] АСЭИ I, № 2, стр. 26.

[706] АСЭИ I, № 71, стр. 64, а также: М. Рубцов. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV—XVI вв., вып. 2. Старица, 1905, стр. 20—21; ПКМГ II, стр. 257.

ком сведений о народном хозяйстве древней Руси.[707] В подлинном виде из числа писцовых книг конца XV в. до нас дошли лишь Новгородские писцовые книги, и лишь по ним можно судить о конкретном содержании этих документов. НПК раскрывают картину народнохозяйственной жизни Новгородской земли и вместе с тем косвенным образом свидетельствуют о том, что было в утраченных писцовых книгах других земель-княжеств, помогают правильно истолковывать сохранившиеся выписи из этих писцовых книг, составленные на их основе сотные грамоты и другие документы. Материалы по описанию новгородских земель показывают, сколь грандиозен был задуманный московским великим князем план описательных работ. В отношении Великого Новгорода он не ограничивался составлением писцовых книг только по основной территории Новгородской земли, а предусматривал описание, хозяйственную характеристику и оценку тяглоспособности всех его владений на севере и северо-востоке от Новгородской земли. Разыскания источников в последние годы дали в руки историков новые ценные материалы по этому вопросу. В опубликованной в Историко-филологическом сборнике Коми филиала АН СССР (а затем перепечатанной в АСЭИ III) жалованной грамоте великого князя Ивана III Васильевича волостным людям Перми Вычегодской земли 1484/85 г. указано на составленную незадолго до пожалования этой грамоты московским писцом Иваном Гавриловым писцовую книгу Перми Вычегодской земли. В жалованной грамоте приведена хозяйственная характеристика этого края и сведения о размере государевой дани, какой обложены волостные люди разных районов этого края. Это обширный край по рекам Вычегде, Пинеге, Мезени, Удоре (Важке) и их притокам. Это область охотничьих хозяйств, и за единицу обложения, как и в НПК Вотской пятины (по Задней Кореле), здесь принят «лук». Рядом с упомянутой грамотой дошла еще жалованная грамота великого князя пермскому епископу Филофею (1490 г.) на Вымские и Вычегодские земли, т. е. на район, прилегающий и частично совпадающий с Пермью Вычегодской. Наличие в этой жалованной грамоте конкретных описаний владычных (т. е. епископских) волостей, городков, погостов и деревень, с указанием на дворы и с поименованием их владельцев, позволяет считать, что и этот район был хорошо описан и что в нем были не только охотничьи, но и земледельческо-скотоводческие хозяйства.

[707] Список таких писцовых и дозорных книг XV—XVI вв. дан П. Н. Милюковым в работе «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства» (СПб., 1892, стр. 157—162). Важные дополнения к этому списку приведены М. А. Дьяконовым в его рецензии на указанную работу Милюкова (ЖМНП, 1893, № 7, стр. 225—226). По ходу работы нами указаны выписи из писцовых книг на многочисленные владения митрополичьего дома, на владения монастырей (стр. 174—175), частных лиц и на несколько сотных грамот, — они дополняют указанные списки.

Летописные известия о мероприятиях московского великого князя по захвату владений Великого Новгорода на Двине, в Поморье, по рекам Вычегде и Мезени и ранее опубликованные так называемые «списки Двинских земель» позволяют уяснить события, предшествовавшие составлению писцовых книг. Вероятный составитель писцовой книги Перми Вычегодской земли упомянут в летописях как сын боярский Иван Гаврилович, посланный в числе других московских служилых людей к Устюгу с особым поручением по освоению северо-восточных новгородских владений. А в третьем списке Двинских (точнее, северо-восточных) владений Великого Новгорода, переданных великому князю, указан Иван Гаврилов, принявший управление (после постепенно сменявшихся волостеля Кузьмы Коробьина, а потом Ярца, Федора Борисовича Брюха [Морозова] и Юрия Захарьича [Кошкина]) волостями на Кегроле, Чаколе, Пермскими волостями и волостями на Мезени.[708] Как видим, все это земли, указанные в жалованной грамоте: волостель Иван Гаврилов и описал эти земли. Владение тем или иным районом, землей-княжеством тесно связывалось с обложением государевой данью и другими оброками и повинностями и с обязательным хозяйственным описанием края.

Мы уже отметили, что в хорошей сохранности до нас дошли лишь НПК описи 1495—1505 гг., — тоже не полностью, но до половины общей территории.

Известно, что такие писцовые книги были составлены в конце XV в. по большинству земель-княжеств Северо-Восточной Руси, но они не дошли до нас. Тверь, как и Московское великое княжество, как и многие другие земли-княжества Северо-Восточной Руси, в своем хозяйственном развитии (сельском, земледельческом) не отставала от Новгорода.

До сих пор мы говорили только о Северо-Восточной Руси, оставляя в стороне материалы Новгородской и Псковской земли. Из источников же мы ссылались преимущественно на актовый материал. Между тем актовый материал только в редких случаях может в должной мере обеспечить изучение вопросов истории на-

[708] Жалованная грамота великого князя Ивана III Васильевича волостным людям Перми Вычегодской земли (1484/85 г.): Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР, вып. IV, Сыктывкар, 1958, стр. 243—247; см. также: АСЭИ III, № 291а, стр. 308—311. — Жалованная грамота великого князя Ивана III Васильевича пермскому епископу Филофею на Вымские и Вычегодские земли: АСЭИ III, 291б (1490 г.), стр. 311—315. — Летописные известия: ПСРЛ XXV, стр. 281; ПСРЛ XXVI, стр. 226 (1469 г.). — Три списка Двинских земель: АЭ, № 94 III, стр. 74—75; АСЭИ III, № 15, стр. 31 (1471 г.). — О территории земель, указанных в отмеченных жалованных грамотах, см.: М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I. М., 1909. Приложения: I. Погосты, станы и волости Поморского края в XVII в., стр. 24—32 (см.: Кеврольский, Мезенский и Яренский уезды); см. также: Карта Поморского края в XVII веке.

родного хозяйства. Картина сельского хозяйства приобретает необходимую ясность лишь при наличии массового материала о множестве хозяйств. Из документов древней Руси ближе всего к источникам такого порядка стояли писцовые книги. Но, к сожалению, из состава этих важнейших источников за интересующее нас время в относительной сохранности дошли до нас лишь писцовые книги Новгородской земли. Они включают материалы переписи 1495—1505 гг., а по территории охватывают почти половину Новгородской земли. Мы изучили их и в первую очередь воспользовались материалами о земледелии.

Данные НПК указывают на распространение трехпольной системы земледелия во всей Новгородской земле. Лишь в отношении волостей и деревень Задней Корелы нет прямых указаний на посев хлеба (по формуле «сеют в поле ржи (столько-то) коробей»), да в отношении сравнительно небольшого числа хозяйств сказано, что «сеют яри (столько-то) коробей». В последнем случае возможно предполагать какое-то отступление от трехполья, но незначительное, без нарушения паровой системы.

В нашей старой историографии Новгородской земли неоднократно высказывалось нежелание признавать ясно описанное трехполье, выдвигались при этом различные возражения по поводу неясности описания, высказывались сомнения насчет того, как понимать формулировки писцов. Мы учли и разобрали все эти сомнения и возражения, уяснили суть ошибок и их истоки. Трехполье с достаточным основанием признано писцами — составителями НПК — господствующей системой земледелия в Новгородской земле. В НПК сельское хозяйство описано по состоянию на два момента: во-первых, таким, каким оно было во время конфискации владельческих (т. е. боярских и других) хозяйств, т. е. еще в 1470-е годы, до включения Великого Новгорода в состав Русского государства; во-вторых, каким оно было во время составления НПК, т. е. в 1495—1505 гг. Схема, по какой велось описание новгородскими писцами крестьянских и владельческих хозяйств, напоминает инструкцию, дававшуюся московскими властями писцам, производившими описание земель-княжеств Северо-Восточной земли. Мы знаем, что почти в это же время осуществлялось и задуманное первое описание этих земель. И то, что писцы в своей работе имели в виду трехполье, объясняется, вероятно, тем, что сами эти писцы еще у себя дома сжились с трехпольем и хорошо его представляли, а также, конечно, и тем, что по сведениям, собранным писцами еще до начала описания, хозяйство новгородских крестьян рисовалось им в виде трехпольного. К материалам, склоняющим нас к признанию широкого распространения трехполья в Северо-Восточной Руси, присоединяется еще аргумент: ехавшие в Новгород московские писцы и вновь испомещенные москвичи хорошо знали трехполье у себя дома. Паровая трехпольная система земледелия

имела широкое распространение как в Новгородской земле, так и в княжествах Северо-Восточной Руси, вошедших потом в состав Русского государства. Земли-княжества Северо-Восточной Руси (Тверь и земли Центра) в постановке земледелия не отставали от Новгородской земли.

Немногочисленны источники о сельском хозяйстве Псковской земли. Основной из них — Псковские летописи, они заполнены рядом содержательных рассказов о народной сельской жизни, а иногда и о состоянии земледельческого хозяйства в Псковской земле.[709] В общих описаниях событий средневековья нередки и обычны сообщения о материальной неустойчивости жизни того времени. Неурожаи, недороды, стихийные бедствия приводили к нехватке хлеба, к дороговизне и к голоду. С этой стороны очень показательны сведения псковских летописей. Сообщения в них об устойчивости народного хозяйства Псковской земли стоят рядом с материалами, указывающими на способность быстро восстанавливать народное хозяйство, залечивать раны, часто наносившиеся ему внешними врагами. Судя по летописям, Псков был обеспечен зерновыми хлебами, катастрофические голодовки миновали его. Отсюда — даже при отсутствии конкретных цифровых данных о земледельческом производстве создается определенное впечатление о высоком уровне земледелия в Псковской земле. Записи в летописях 1460 и 1480-х годов, рисующие состояние полей в Псковской земле в некоторые годы, неудачные в отношении погоды, указывает на широкое распространение и обычность здесь паровой трехпольной системы земледелия.[710] Так, победой паровой трехпольной системы земледелия на широком фронте всех земель-княжеств Северо-Восточной и Северо-Западной Руси четко определился общий характер процесса развития земледелия в изучаемый нами период.[711]

---

[709] См. выше, стр. 204—212.

[710] Там же. — Сходную, лишь более краткую запись о неблагоприятной погоде и о гибели урожая вследствие этого мы находим в Устюжском летописном своде: «В лето 6974 (1466 г.). По всеи земли Русскои хлеб прозябл; ржи иныя ушли, а иныя призябли, а яровое жито все призябло, оприче ячмени» (стр. 86). Особое указание на урожай ячменя говорит о том, что летописец имел в виду события на Севере, в районе Устюга, где морозоустойчивый ячмень играл особую роль среди зерновых, а общий перечень высеваемых зерновых, приведенный в записи, указывает на привычное трехполье.

[711] Будет ошибкой и упрощением считать, что с принятием трехполья земледелец практически овладевал вершиной агротехники феодализма. Наши указания на передовые и отсталые районы связаны с признанием очень большой разницы между земледельческими хозяйствами, одинаково оцениваемыми как трехпольные. Во многих случаях трехполье сосуществовало с подсекой; пар применялся, но обработка и подготовка парового поля могла быть очень различной; удобрение применялось, но во многих хозяйствах в недостаточном количестве и редко: слишком маломощным, недоразвитым было животноводство. Еще в начале XX в. были волости с трехпольем, не имевшие ни одной колесной повозки, — это показатель резкой

Этот сложный процесс естественно расчленить на два этапа: первый — развитие на основе паровой системы полевого пашенного земледелия и его победа над подсекой; второй — освоение трехпольной паровой системы земледелия (с внесением удобрения в нечерноземной полосе), широкое его распространение и господство. Первый этап в отношении Северо-Восточной Руси уже освещен нами. Борьба с подсекой за введение полевого пашенного земледелия перешла к нам еще от предшествующего, не изучающегося нами периода. Источники же от времени установления татарского ига и до Куликовской битвы особенно малочисленны; о полевой пашне в земледельческих хозяйствах, о практике паровой системы мы не столько узнаем из прямых указаний на поля и пар, сколько догадываемся и умозаключаем на основе материалов о сельском строительстве, о деревнях и быстром распространении этого типа селений. Такие материалы, усиливаемые прямыми свидетельствами других источников о полях и паренине, становятся столь значительными, что к 1380 г. появились достаточные основания считать паровое пашенное земледелие массовым, широко распространенным в Северо-Восточной Руси.

Сложнее обстоял вопрос с источниками по этому периоду в Северо-Западной Руси, но именно только вопрос с источниками. В этой области, слабо затронутой монголо-татарским нашествием, начавшееся давно (еще в XI в.) и сделавшее заметные успехи полевое пашенное земледелие и паровая система могли беспрепятственно развиваться и в XIII—XIV вв. Отсутствие прямых сведений в Северо-Западной Руси о развитии сельских селений типа деревень с крупными участками полевой пашенной земли оказалось обстоятельством чисто внешним. Сопоставление новгородских актов с писцовыми книгами московских писцов позволило убедиться в тождественности новгородских «сел» в актах XIV—XV вв. с «деревнями» актов Северо-Восточной Руси.[712] При наличии в новгородских и в псковских источниках некоторых прямых указаний на поля и паренину естественно признать, что процесс освоения и распространения парового пашенного земледелия здесь, в Северо-Западной Руси, не отставал от аналогичного процесса в землях-княжествах Северо-Восточной Руси, а вы-

---

отсталости сельскохозяйственной техники. И не случайно, что такая отсталость была в тех же районах Обонежской пятины, где по НПК отмечено сосуществование трехполья с подсекой. Такой район описан в воспоминаниях С. Г. Струмилина, относящихся к 1904—1905 гг. (С. Г. Струмилин. Из пережитого. М., 1957, стр. 188—191). В изучаемое нами время это была территория Олонецкого погоста Обонежской пятины. Другим примером являются материалы о вепсах, относимые также к территории Обонежской пятины — и именно к погостам, в которых трехполье фактически закрывалось подсекой (В. И. Равдоникас. Чухари, Тихвинский край. Краеведч. сб., Тихвин, 1926, стр. 242—261).

[712] См. выше, стр. 119—128.

сокий уровень экономики и народного хозяйства Великого Новгорода и Пскова служит еще одним убедительным аргументом в пользу этого положения.

О трехполье в Новгородской земле у нас имеется по существу один документ, но документ исключительной силы — это НПК. Рядом с ним для Северо-Восточной Руси в качестве свидетельства о широком распространении паровой трехпольной системы можно ставить лишь всю сумму дошедших до нас письменных источников с XIV в. до первых лет XVI в. Но если свидетельства актового и некоторого другого материала XIV—XV вв. Северо-Восточной Руси включают еще ранние указания на трехполье и дают повод к поискам его, то в отношении земледелия в Новгородской земле все сказано в НПК и путь изысканий один — ретроспекция. Эти же ретроспективные догадки позволяют вернее и глубже осознать содержащиеся в мобилизованных нами источниках XIV—XV вв. сведения о земледелии.

Мы не должны упускать из виду тесную взаимосвязь паровой системы и трехполья: трехполье — одна из форм парового земледелия, которое может выступать либо как двухполье, либо как трехполье. В последней форме мы знаем ее и на Руси. Значит, и по времени происхождения трехполью естественно быть связанным с паровой системой. В этом случае истолкование дополнительных статей Карамзинского списка Правды Русской «О резах, о приплоде скота и об урожае» как раннего свидетельства о хорошо организованном хозяйстве с земледельческим паровым, — вероятно, и трехпольным — хозяйством получает веское подкрепление. Когда же встал вопрос об оценке этих статей как исторического источника, то, естественно, возник еще вопрос, в какой мере они являются материалом по истории хозяйства земель-княжеств Северо-Восточной Руси и в какой мере они могут служить источником по истории Новгородской земли. Были высказаны в равной степени убедительные аргументы в пользу и того, и другого решения. Эти соображения подводят нас к достаточно обоснованному выводу: в истории развития сельского хозяйства, а с этим и в истории земледелия Северо-Восточной Руси, Новгородской и Псковской земель, особенно на главных ее этапах, очень много общего, и будет вполне оправданным считать, что этот процесс шел параллельно, временами ускоряясь или замедляясь в отдельных землях-княжествах.

Не следует также упускать из виду и то, что все отметки в документах о практике трехполья указывают лишь на трехполье привычное, издавна существовавшее; поэтому следует думать о более ранней практике трехполья. В целом же, когда мы представим процесс развития земледелия в общей, полной картине, поставив на свои места (в пространстве и в хронологической последовательности) отмеченные документами случаи практики трехполья в их органической связи с давней повсеместной

практикой паровой полевой системы, то увидим, что трехпольная система издавна, еще с XIV в., применялась как в Северо-Восточной, так и в Северо-Западной Руси. Напомним: поступление натуральных оброков в форме ежегодной издольщины с зерновых хлебов требует в качестве необходимой материальной базы достаточно организованных крестьянских хозяйств с надежным ежегодным урожаем.

Изучающим явления хозяйственной жизни далеких времен особо следует помнить, что малочисленность свидетельств, — а во многих случаях и отсутствие их, — следует прежде всего объяснять утратой источников, а не бедностью жизни или тем, что тех или иных предполагаемых явлений вовсе не существовало. Последнее особенно уместно помнить, когда решается вопрос о времени освоения и широкого распространения паровой трехпольной системы земледелия в Новгородской земле. НПК описывают нам сельское хозяйство и земледелие еще в период самостоятельности Новгорода как организованное по трехпольной паровой системе, хорошо устоявшееся в этой форме. Трехполье — результат длительного развития и совершенствования земледелия. НПК же прямо указывают на широкое, повсеместное его распространение и в передовых по хозяйственному развитию районах, и в сравнительно отсталых. Мы уже отметили, что НПК — единственный от последних десятилетий XV в. документ о трехполье. Указывая на тесную связь трехполья с паровой системой земледелия, мы тем самым относим развитие и широкое распространение трехполья в Новгородской земле к очень раннему времени — по крайней мере к концу XIV—началу XV в.

В работах советских историков достаточно единодушно отмечаются рост производительных сил и сравнительно высокий уровень хозяйства в Новгородской земле для второй половины XV в. Указывается на быстрый процесс общественного разделения труда, на развитие товарно-денежных отношений. Так, В. Н. Бернадский отмечает высокий уровень сельского хозяйства в отдельных районах с «избыточным хлебом, вывозившимся не только в близкие города, но и на северо-восток в Обонежье, в Беломорье, в Подвинье».[713] В качестве «типичного» примера преуспевающего сельского района, т. е. района, в котором основой экономики являлось производство сельскохозяйственных продуктов — зернового хлеба и различной продукции скотоводства, — В. Н. Бернадский, изучая западную часть Вотской пятины (уезды Копорский и Ямской), обрисовал Врудский погост.[714] Трудовая деятельность сравнительно многочисленного населения

[713] В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в., стр. 49—51, 53—54.

[714] В. Н. Бернадский. Общественное разделение труда..., стр. 134—141.

этого погоста сосредоточена на производстве зерновых продуктов и на животноводстве. Сопоставление материалов этого погоста с подобными материалами других районов Новгородской земли позволили В. Н. Бернадскому говорить, что в развитии земледелия и скотоводства и чисто сельскохозяйственных отраслей производства можно ясно различать районы передовые, с высоким уровнем земледелия и скотоводства, и районы отсталые. Прямым показателем уровня развития для земледелия является размер запашки, указываемый писцовыми книгами, а для скотоводства — размер покоса, обычно выражаемый в писцовых книгах в количестве копен укашиваемого сена. Для Врудского погоста средний размер посева на двор определялся в 4.7—5 коробей, а закос — в среднем в 17—17.5 копен.[715]

В Вотской и в Шелонской пятинах также обнаруживается большое число погостов с цифрами засева на двор, близкими или превышающими средний размер посева во Врудском погосте, и с цифрами закоса на двор, намного превышающими среднюю цифру по Врудскому погосту.[716] Поэтому есть все основания считать, что районы с высоким уровнем земледелия и скотоводства обширны и многочисленны в Новгородской земле; но рядом выступают отстающие.[717] Такая резкая дифференциация является свидетельством длительного хозяйственного развития Новгородской области по линии земледелия и скотоводства. Это показатель большого возраста изучаемых хозяйственных районов, а значит — и большой давности трехпольной паровой системы земледелия в Новгородской земле.

Хорошей иллюстрацией, подтверждающей очень старую практику паровой системы и раннее применение трехполья в Новгородской земле, служит повествование о прозорливости Варлаама Хутынского, якобы проявленной им во время угрозы урожаю

---

[715] А. М. Гневушев. Очерки..., Приложения, стр. 406, 407, 420, 421.

[716] Из таких погостов в Вотской пятине можно указать: Сабельский, Успенский-Хрепельский, Коситцкий, Передольский, Дмитриевский-Городенский, Никольский-Бутковский, Егорьевский-Радшинский, Городенский, Федоровский-Песоцкий, Егорьевский-Теребожский, Михайловский, Келтушский, Никольский-Ижорский, Михайловский-Сакульский; в Шелонской пятине: Паозерье, Коростынский, Фроловский, Турский, Боротенский, Павский, Логовицкий, Ширский, Хмерский, Шепецкий, Которский, Коситцкий, Скнятинский, Клеменский, Коломенский, Офремовский, Ясенский, Дубровенский и другие. Во всех этих погостах средний посев на двор превышает $4^1/_2$ коробьи и доходит до 6 коробей, а покос в копнах — свыше 20 копен на двор, во многих погостах свыше 30 копен и достигает 40 и 50 копен (А. М. Гневушев. Очерки..., Приложение, табл. V, стр. 394—420, 422—436; В. Ф. Загорский. История землевладения..., стр. 65, 67—69).

[717] Выше (стр. 191—195) нами подробно разобрано состояние сельского хозяйства восьми погостов Обонежской пятины; это поистине отстающие погосты. Писцы, как и всюду, отмечают трехполье в них, другие же сведения дают все основания к тому, чтобы считать там обычным и подсечное земледелие.

в связи с выпадением большого количества снега на озимые поля в июне, во время цветения ржи. В рассказе описывается поделенное на полосы ржаное озимое поле. По ходу повествования вырисовывается прекрасное знание современниками — участниками этого события — всего цикла развития хлебных злаков на озимых полях в мельчайших его деталях: от произрастания семян и роста озими осенью, кущения ее весной и появления колоса до ответственного периода цветения ржи и созревания зерна.[718] Время составления «жития» — первая половины XV в., описанные же события гораздо более ранние,[719] и если нет оснований относить их к жизни Варлаама (конец XII в.) и владыки Антония, то все же рассказанное можно приурочить к XIV в., а то и к концу XIII в. Говоря о единовременности и параллелизме в процессе развития земледелия в Северо-Восточной Руси и Новгородской земле, мы должны помнить, что политическая разобщенность их не мешала тесной связи самого сельского населения как близких соседей.

Общая картина процесса развития земледелия в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси во второй половине XIII—начале XVI в. указывает на движение в едином направлении, на стремление к освоению и широкому распространению паровой трехпольной системы земледелия. Говоря о системе земледелия на Руси в XIV—XV вв., мы можем иметь в виду только эту трехпольную систему. С освоением ее сглаживались многие (но не все) местные особенности сельского хозяйства. В качестве паровой системы еще называется двухполье. Мы отметили свойства двухполья, делающие его практически невыгодным; источники же не дают основания говорить о практическом применении двухполья в древней Руси в изучаемый нами период. Вторая половина XV в. была в данном случае завершающим этапом процесса. Подсека отступила. Но обилие лесов и нужда в хлебе, вызывавшаяся еще и большими оброками, взимавшимися с каждого крестьянского двора, толкали земледельцев на разработку подсек в качестве дополнения к полевой пашне.

Напомним уже приводившееся нами высказывание ряда историков сельского хозяйства о том, что земледелец древности, решая сложные задачи ведения своего полевого зернового хозяйства, был далек от того, чтобы следовать шаблону, в том числе и шаблону трехполья. Когда появлялась возможность, он распахивал и подсеку, эксплуатировал ее, пока она давала урожай, сеял на полях хлеб, какой ему был в данное время нужен, сочетал посев на пахотных полях с посевом хлеба на полянах, подсеках и т. п. Изучая материал о земледелии и крестьянском хозяйстве ряда погостов Обонежской пятины, описанных в писцо-

[718] ЖВ, стр. 22, 24.
[719] История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 264.

вой книге 1498 г., мы пришли к заключению о применении здесь подсечного земледелия. Мы признали, что писцы, составители НПК, не регистрировали посевов на подсеках, они «не замечали» их. Сопоставление записей писцовых книг различных лет и наши материалы о хозяйствах с малой запашкой дают основание считать, что в районах, богатых лесами, разработка подсек, в дополнение к полевой пашне, нередко практиковалась не только в конце XV в., но и в более позднее время.[720] Посевы на подсеках не постоянны, учет их затруднял писцов. Нажимая на налогоплательщиков, писцы стремились и подсечную пашню обложить постоянным (и притом большим) налогом и этим ставили в очень тяжелое положение крестьян. Последние не выдерживали, протестовали, и возникали конфликты.

Именно такое положение создалось в XVII в. у крестьян многих волостей Тотемского и Сольвычегодского уездов. Крестьяне этих волостей «секут черный лес, отходя от своих деревень верст по 5 и по 10 и больше под один хлеб (т. е. разрабатывают подсеку на очень краткий срок, — *Г. К.*), и те де однохлебные места пишете вы (писцы-дозорщики) и мерите (т. е. кладут в оброк)... А на тех местех другой хлеб не родитца и не сеют...».[721] Сочетание трехполья с посевами хлеба на полянках и на подсеках мы отметили и по документам середины XV в.

Разработка под пашню лесных угодий велась одновременно с применением различных форм эксплуатации этих угодий. Так рождались различные формы сочетания трехполья с подсекой. В сельскохозяйственной литературе XIX в. такое сочетание трехполья с подсекой и с плановой эксплуатацией лесов именуется лесопольной системой.

К некоторым отклонениям от строгого следования паровому трехпольному земледелию толкало земледельца и желание в иной пропорции, чем при трехполье, получать зерновые хлеба. Он мог увеличивать посевы яровых, высевать яровые (ранней весной) в озимом поле. Имеются все основания именно так толковать формулу: «Сеют яри (столько-то) коробей».

В истории народного хозяйства изучаемого нами периода особое место заняло сельскохозяйственное строительство, захватившее всю Северо-Восточную и Северо-Западную Русь. Оно выражалось в многообразных формах: в разработке новых лесных тер-

---

[720] Выше (стр. 139—141 и 193—194) был приведен ряд указаний источников на разработку подсек, дополнявших полевую пашню. В Обонежской пятине такие подсеки получили наименование «посекирной пашни».

[721] Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Собрал и редактировал С. Б. Веселовский, т. I. М., 1913, № 129 (1624 г.), стр. 272—273; т. II. М., 1917, №№ 102 (1632—1634 гг.), 116 (девять челобитных крестьян Вожбальской волости Тотемского уезда), стр. 289; см. также: Юшков, № 208, стр. 188.

риторий под полевую пашню, в замене подсеки полем, в смене (в вытеснении) подсеки паровой системой земледелия, в строительстве поселений нового типа — деревень, в перестройке старых селений. Прямым результатом этого массового строительства были те многие тысячи деревень, перечни которых составляют основу содержания писцовых и переписных книг XV и XVI вв. Движение земледельцев для освоения лесной целины в леса, к водоразделам, теперь было качественно иным — деревни садились прочно, не как при подсеке, не как в «посиденье», а на века, осваивая прилегающие к ним угодья, создавая глубоко взоранные, регулярно обрабатываемые и удабриваемые постоянные поля.

При поисках того, что вновь создано среди сельских поселений, опасно ограничиваться только сведениями о «починках», — незамеченною пройдет основная масса вновь возникших деревень. Незамеченными пройдут почти все селения, построенные в конце XIII—XIV и в первой половине XV в., так как от этого времени нет даже актового материала. Между тем лишь редкие из деревень, названных в этих и в более поздних документах, не принадлежат к числу вновь возникших или заново перестроенных. До нас дошли лишь поздние писцовые книги. Вчитываясь в названия деревень в этих книгах и в отчества тех, кто в них живет, мы нередко можем разгадать строителей и определить молодой возраст многих деревень. Деревни называются зачастую по именам тех, кого еще помнят современники. Такой материал обыкновенен во всех судных делах. Писцы иногда употребляют название: деревня — «след» такого-то или деревня — «посиденье» такого-то.[722] В этих случаях ясным становится и молодость деревни, и имя ее строителя. Писец — чужой, пришлый человек, он не знал ни истории деревни, ни ее строителей. И даже когда писец располагал сведениями о селениях («сказки»), то лишь в редких случаях он переносил такие сведения в составляемую писцовую книгу. Но есть счастливые исключения.

Составитель писцовой книги Обонежской пятины 1563 г., описывая «волостку владычню Олонец» Ильинского прихода Олонецкого погоста, по-видимому, имел такую содержательную «сказку». В волости всего описано 197 деревень и починков. Из них новых 18 починков и одна деревня; остальные, старые деревни (178 деревень), были описаны еще в писцовой книге 1498 г. «письма Юрьева Константиновича Сабурова». О каждой из этих деревень обязательно в названии добавлено: «словет Игнатково посиденье», «словет Сенкино посиденье», «Савинское Якушово посиденье»; так сказано почти о всех 178 деревнях.[723] Мы сверили имена и отчества жителей, они ничем не напоминают имен строителей

[722] НПК V, стр. 255; ОПК, стр. 12; НПК III, стр. 396; ВПК I, стр. 147, 150, 151, 162, 163, 172, 253, 287, 294, 306, 342; ВПК II, стр. 123.

[723] ОПК, стр. 65—74.

деревень. Значит, деревни возникли до старого письма, но еще помнят их строителей. Такова история и остальных деревень, попавших в писцовые книги. Конечно, среди них могут быть деревни и села, упоминавшиеся еще в летописях XIII и XIV вв., выстроенные, вероятно, очень давно, даже раньше изучаемого нами периода, но все же это не мешает нам считать списки перечисленных в писцовых книгах деревень, как и деревень, упоминающихся в актах XIV—XV вв. Северо-Восточной Руси, лучшим свидетельством трудовых подвигов земледельцев Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. НПК, перечисляя одну за другой все деревни и села Новгородской земли, развертывают грандиозную картину десятков тысяч этих селений, разместившихся по всей Новгородской земле. За нею следует предполагать живую богатую историю строительства этих десятков тысяч деревень и вложенного в это труда их создателей — важнейшую страницу истории земледелия и сельского хозяйства Руси.

Исследователи отмечают бытовую и материально-хозяйственную устойчивость деревень. И. Л. Перельман проследила это на материале четырех погостов Обонежской пятины, изучив историю крестьянских хозяйств и селений на протяжении целого столетия (от конца XV в. по 1583 г. включительно). Проследив историю всех деревень, она отметила устойчивость их и в заключение высказалась о крестьянском населении этих деревень: «Основная масса крестьян постоянно, из поколения в поколение живет в родных деревнях. Право говорить об этом дает сравнение населения одних и тех же деревень, произведенное по писцовым книгам 1496, 1563—1566 и 1583 гг.».[724] Так же можно понять и общий вывод о сельских поселениях Заонежья в специальной историко-географической работе М. В. Витова.[725] Мы можем говорить об устойчивости деревень как поселений не только в отношении двух-трех поколений наследников, но и на протяжении целых столетий.

В отношении более позднего времени история сельских поселений — деревень — отражена в материалах писцовых и переписных книг XVI и XVII вв., для XVIII столетия — в документах Генерального межевания. В последних документах деревни, указанные в НПК конца XV в., в большой своей части отмечены как существовавшие во время Генерального межевания, причем здесь мы находим данные для характеристики всех угодий, принадлежащих деревне. Другая же большáя часть деревень, из числа подвергшихся более сильному воздействию времени, оказывается скрытой под наименованием пустошей в тех же документах — планах и картах Генерального межева-

[724] И. Л. Перельман. Новгородская деревня в XV—XVI вв., стр. 197.
[725] М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962.

ния.[726] Все это показывает, как прочно ко второй половине XV в. вошла в жизнь нарисованная Новгородскими писцовыми книгами картина сельских поселений — деревень, разместившихся по всей территории Новгородской земли; освоение же оказалось столь законченным, что уже не приходилось после вносить никаких больших дополнений и исправлений в него.

Новгородскими писцовыми книгами конца XV в. описано свыше 15 тысяч сельских поселений. По Вотской пятине их учтено свыше 4200,[727] по Деревской пятине — около 8600.[728] в Шелонской пятине в погостах, описание которых дошло до нас, зарегистрировано в НПК 1498—1501 гг. 2784 селения.[729] Всего селений в этой пятине А. М. Андрияшев насчитывает свыше 6200. По всей же Новгородской земле он насчитывал в конце XV в. свыше 30 тысяч селений. При раскрытии истории земледелия Новгородской земли материалы об этих небольших селениях, выросших по всей территории Новгородских пятин, указывают на далеко ушедший процесс сельскохозяйственного строительства и освоения земельных и других угодий. Поименованные и описанные в НПК десятки тысяч деревень и сел рисуют картину завершенного освоения огромных пространств Новгородской земли. Селения дошли до водоразделов, жители разных речных и озерных бассейнов встретились друг с другом. Каждая деревня являлась законченным во всех отношениях земледельческим хозяйством или комплексом нескольких таких хозяйств. Уровень их земледелия и организация хозяйства характеризуются паровой трехпольной системой.

Подобный процесс сельскохозяйственного строительства происходил и в Псковской земле, и во всех землях-княжествах Северо-Восточной Руси. Его итог конкретно отражен также в десятках тысяч деревень и сел, выросших в результате освоения

---

[726] А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли, стр. XXXIII—XXXIV, XXXVI, XLI—XLIV.

[727] А. М. Гневушев определяет число деревень в Вотской пятине в 3921, сел — в 179, без дворцовых поселений (Очерки..., стр. 131—135, 137, 139); архимандрит Сергий (Тихомиров) — в 4387 деревень и сел (Черты церковно-приходского быта в писцовых книгах Вотской пятины 1500 г. СПб., 1905, стр. 137—140).

[728] А. М. Гневушев насчитывает 8483 деревни и 111 сел (Очерки..., стр. 135 и 136).

[729] А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли, стр. XXIV. — Список селений Шелонской пятины восполняется материалами перечневой книги и писцовых книг 1539—1576 гг., изданных в НПК IV и НПК V. А. М. Андрияшев определяет общее число селений в Шелонской пятине в конце XV в. около 6200. В приблизительных подсчетах итогов по всей Новгородской земле А. М. Андрияшев определяет общее пространство Новгородской земли как равное 282 127 кв. верстам; число же селений, по его исчислению, доходило до 30 000 (стр. LX; см. особенно: А. М. Андрияшев. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. II. Карты погостов. СПб., 1913).

земельных угодий лесной полосы Севера и Северо-Запада Восточной Европы. До нас не дошли писцовые книги со списками селений в этих районах,[730] но многие тысячи деревень и сел уже названы в актах XIV—XV вв.,[731] а лучше сохранившиеся письменные документы XVI в. восполняют этот пробел по спискам селений, приводимым в писцовых и переписных книгах XVI—XVII вв.

---

[730] По Пскову: Писцовые книги Псковской земли (1585—1587 гг.). Сб. Моск. архива Мин. юстиции. Тт. V и VI. Псков и его пригороды. М., 1913—1914.

[731] М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности.

ГЛАВА III

СКОТОВОДСТВО

Второй важнейшей отраслью сельского хозяйства в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIII—XV вв. являлось скотоводство. Среди разводимого в это время скота источники указывают: лошадей (боевых коней; коней, обслуживавших транспорт; лошадей, составлявших основную тяглую силу в сельском хозяйстве); крупный рогатый скот — коров (молочный и мясной скот) и тяглых волов; мелкий скот — овец и коз (они давали шкуры и шерсть для одежды и мясо для питания) и свиней (мясной скот); из птицы — кур, уток и гусей. Весь перечисленный здесь домашний скот хорошо известен еще по письменным памятникам древней Руси X—XII вв.[1] Законодательство строго охраняло права собственности на домашний скот. Особенно большую заботу государственная власть проявляла по защите и обеспечению неприкосновенности княжеского и боярского скота.[2]

Обширные пространства степей и лесостепей Южной и Юго-Западной Руси создавали благоприятные условия для пастьбы сотен и даже тысяч княжеских коней.[3] Такие табуны коней служили источником для пополнения боевыми конями княжеских дружин. В конце XI, XII и начале XIII в. обычным источником пополнения конских стад являлись степные половецкие кони, то захватываемые в виде добычи, то покупаемые у половцев.[4] Из летописей

[1] См.: Материалы, под словами «вол», «говядо», «жеребец», «кобыла», «конь», «корова», «лонщина», «овца», «свинья», «скот», «теленок», «яря», «гусь», «кокощь», «кочет», «куря», «птица», «селезень», «утя»; В. П. Левашева. Сельское хозяйство. Тр. ГИМ 32, стр. 76—93.

[2] Правда Русская, ст. 23, 24, 28, 31, 36, 40 (краткая редакция), ст. 11, 12, 33—35, 37, 40—42, 45 (пространная редакция).

[3] Стада князей Ольговичей Игоря и Святослава, захваченные у них князьями Мстиславичами в районе реки Рохни, исчислялись летописцем в 3000 кобыл стадных и в 1000 коней (ЛИп. (1146 г.), стр. 235).

[4] О половчине, торговавшем в Киеве конями, рассказывается в Посмертных чудесах Николая, см.: Памятники древней русской письмен-

мы знаем, что конные дружины князей Северо-Восточной Руси по боеспособности и численности не уступали дружинам киевских, черниговских и галицких князей.

Значение боевого коня в войсках земель-княжеств не уменьшилось и в XIII—XV вв. Вызванное монголо-татарским нашествием разорение страны, естественно, сказалось на положении с конским составом. Большое число коней погибло во время сражений. Татары забирали коней в качестве трофеев и просто как наиболее ценимую ими добычу.[5] Но нет оснований считать, что конные дружины князей исчезли или потеряли боеспособность вследствие недостатка коней. Победы конных дружин Александра Невского на берегах Невы и на льду Чудского озера, успешный длительный поход русских князей (белозерских и ярославских) с их дружинами на Ясов и Северный Кавказ в 1277 г., предпринятый по распоряжению Золотой Орды, показали высокую боеспособность конных княжеских дружин, крепость и выносливость их конского состава.[6] Конница играла решающую роль в войнах средневековья, в междукняжеских войнах и в отражении нападений внешних врагов. Лучшей демонстрацией боевых сил конницы являются успешные для Руси бои с татарскими войсками в 70-е годы XIV в.[7] и победа русских войск над полчищами Мамая на Куликовом поле в 1380 г.

Огромная сила конницы была собрана, конечно, путем мобилизации конского состава не только из конюшен и стад феодалов, но и у масс земледельческого крестьянского населения. Мы имеем все основания говорить, что Северо-Восточная Русь уже тогда имела большое число коней, способных выдерживать все трудности далеких военных походов.

Выращивание и выучка верховых, боевых и других высокого качества коней были предметом особой заботы землевладельцев-феодалов всех степеней. В крупных владельческих хозяйствах князей и бояр коневодство становилось особой, самостоятельной отраслью. В хозяйствах великих князей появилось специальное ведомство конюшего пути, на которое возлагались задачи по комплектованию, выращиванию, выучке коней, по обеспечению их кормами и пастбищами и по содержанию боевых коней в постоянной должной готовности.[8] В ведении конюшего пути находились

ности XI века. Труд Ефрема, епископа переяславского. СПб., 1888, стр. 25, 48—52.

[5] Захват в Твери среди бела дня татарами лошади из рук местного жителя послужил толчком к восстанию в 1327 г. (ЛТв., стр. 416).

[6] ПСРЛ XXV, стр. 157.

[7] Там же, стр. 199—200 (о побоище на реке Воже).

[8] ДДГ, № 2 (1350—1351 гг.), стр. 7—8 (Докончание великого князя Семена Ивановича и князя Ивана Ивановича и Андрея Ивановича); № 4 (около 1358 г.), стр. 15, 17 (Духовная великого князя Ивана Ивановича); № 12 (1389 г.), стр. 33 (Духовная великого князя Дмитрия Ивановича);

сенные угодья и пастбища. Сведения о них, как и о всем коневодческом хозяйстве, встречаем в самых ранних из дошедших до нас духовных грамотах как великих и удельных князей, так и других феодалов. В этих документах имеются данные и о составе конских стад. Великий князь Семен Иванович дает своей жене из коней 50 ездовых.[9] У князя серпуховского Владимира Андреевича в духовной отмечаются стадо седельное — кони, лошаки и жеребцы — и кобылье стадо.[10]

Мы можем ясно различить в конском составе ездовых коней. Их сравнительно немного, так как в повозках и санях ездили лишь женщины и духовенство. Главную же массу коней составляло стадо седельное — кони (мерины), лошади и лошаки (молодые кони, может быть еще только обучаемые для ходьбы под седлом) и жеребцы. Отдельно паслось кобылье стадо. Среди седельных лошадей различали также коней сумных (ходивших под вьюками), а также лошадей поводных, обозных, возивших большие тяжести, выносливых и сильных.[11] Русские воины, победив татар на Куликовом поле, захватили большие трофеи: «Многу корысть взяша и многа стада коней пригнаша и вельблудов и волов, им же несть числа».[12] Военные трофеи — один из источников пополнения конского состава. Налаживается приобретение у татар верховых степных коней мирным путем — путем купли. Летописи указывают на большой масштаб этой торговли. Так, в летописных записях княжения Ивана III под 1474 г. рассказывается о приходе в Москву из Большой Орды «послов шестьсот, коих кормили, а гостей с конми и с иным товаром было три тысящи и 200; а коней продажных было с ними более 40 тысящ». Пригон ногаями в Москву коней для продажи становится явлением обычным.[13] Степные кони являлись хорошим пополнением, особенно для войск. Ногайские кони были резвыми под верхом конями.

Разрастается ведомство конюшего пути. При княжении Ивана III главой его назначается уже боярин-конюший. А в начале XVI в. учреждается многочисленный по составу конюшенный приказ, причем боярин, стоявший во главе этого приказа, оказывается особенно влиятельным лицом.[14]

№ 17 (1401—1402 гг.), стр. 46 и 50 (Духовная серпуховского и боровского князя Владимира Андреевича).

[9] ДДГ, № 1 (около 1339 или 1327 г.), стр. 8, 10 (Духовная Ивана Калиты), № 3, стр. 14 (Духовная великого князя Семена Ивановича).

[10] ДДГ, №№ 17 (стр. 50), 21 (стр. 59), 22 (стр. 61).

[11] И. К. Мердер, В. Э. Фирсов. Русская лошадь в древности и теперь. СПб., 1896, стр. 13—17.

[12] ЛТип., стр. 148.

[13] ЛНик. IV, стр. 156; ПСРЛ XIII, стр. 65, 68 (пригнано 50 000 коней); М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956, стр. 94—95.

[14] И. Мердер. Исторический очерк русского коневодства и конного заводства. СПб., 1897, стр. 18—20.

Для содержания скота в княжеском дворцовом хозяйстве имелись обширные заливные луга. Такие луга в изобилии имелись у великого князя московского в ряде мест под Москвой. Верейский и белозерский князь Михаил Андреевич владел обширными пожнями по реке Шексне, ее притокам и соседним озерам и речкам. Столь же многочисленные луга и пожни были и у рязанского великого князя, у князей удельных и других крупных землевладельцев-феодалов.[15] В отдельных случаях луга служили местами постоянных пастбищ для княжеских конских стад.[16] Заготовка сена на пожнях и лугах феодалов производилась трудом местных крестьян; это была одна из феодальных трудовых повинностей крестьян. При разбросанности земельных владений у крупных феодалов, равно как при возникавшей у великих и удельных князей надобности содержать коней в отдаленных районах своих княжеств и обеспечивать кормом коней своих слуг, крестьяне были обязаны кормить княжеских коней; нередко на продолжительное время коней ставили «по станам и варям».[17]

Изучаемый нами период особенно богат военными столкновениями: непрекращающиеся феодальные войны, вторжение внешних врагов — с запада «немцев» (Ордена, Швеции, Литвы, Польши), с юга и юго-востока татар. Нередки случаи, когда приходилось и сельскому населению земель-княжеств браться за оружие и выступать в составе ополчения. Прямые известия об этом имеются в псковских и новгородских летописях.[18] Уместно также напомнить, что враг, терпевший урон в конском составе, спешил уже на месте военных операций возместить его за счет местного населения. В Устюжском летописном своде рассказывается о контрибуции, наложенной в 1398 г. Новгородом на осмелившееся подняться против метрополии Заволочье: «. . . а у двинян из их вину взяли 2000 рублев, а 3000 коней».[19]

Хотя коневодству во владельческих крупных хозяйствах и отводилось большое место, задачи его узко ограничивались удовлетворением потребностей самого владельца, его слуг и части его дружинников в верховых боевых конях, да его семьи в некотором числе ездовых повозочных коней. Поэтому вполне справедлива высказанная в работах некоторых историков коневодства и конозаводства мысль, что «главное производство лошадей было

---

[15] С. В. Бархушин. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. Сб., посвящ. В. О. Ключевскому, М., 1909, стр. 569—571.

[16] ДДГ, № 13 (1390 г.), стр. 38 («А что слобода против Боровска, та ны слобода свести, тутo нам слободы не держати. А луга ны не велети ни косити, ни орати по гору, а земля наша. А животине ходити обче»).

[17] Об этой повинности см. стр. 376—379.

[18] Известия о сборе (мобилизации) народного ополчения в Пскове: «Тои ночи срубившися с 4 сох конь» — ПЛ 2, стр. 219; «И псковичи срубилися с десяти сох человек конный» — ПЛ 1, стр. 81; подобные же известия см.: ПЛ 1 (1463 г.), стр. 65 и 66; ЛН IV, стр. 534.

[19] Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 67.

в руках земледельцев».[20] Это касалось и обеспечения войск конским составом.

С ростом численности войск в Московском великом княжестве, с организацией крупных военных операций и далеких походов численно больших сил (против Казани, по Каме, на Север, в южную пограничную полосу, против сил Золотой Орды, на запад, при операциях по присоединению Новгорода, Твери, Пскова, при войнах с Литвой) усложнилась и организация армии. Становились все многочисленнее вспомогательные рода войск, обеспечивавшие расчистку и подготовку дорог, мостов, переправ, подготовку средств для операций по овладению крепостными сооружениями. В связи с этим чрезвычайно возросла потребность в конском составе для вспомогательных родов войск, — как мы сказали бы сейчас, для инженерных войск, — и, кроме того, для занявшей уже большое место артиллерии. Сюда вместе с подводами и с лошадьми, в порядке несения «посошной службы», привлекалось и тяглое сельское население — крестьяне.

Лошадь в изучаемый нами период — основная тяглая сила во всем народном хозяйстве. Помимо работы у своего хозяина-земледельца, лошади нужны были не только для военных нужд, но и для обслуживания всей государственной машины. Развитие народного хозяйства, оживление экономических связей — между землями-княжествами Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, центра с окраинами, связей с зарубежными странами — повышали роль транспорта. Развитие ремесла, внутренней и внешней торговли тесно связывалось с ростом значения транспорта. На тяглой силе лошади базировался весь сухопутный транспорт страны.

К концу изучаемого нами периода ясно обозначается большое число очень оживленных сухопутных путей между важнейшими торговыми центрами, по которым следовали вереницы подвод гужевого транспорта.[21] На водоразделах водных путей, на волоках издавна производилась транспортировка товаров. Местное земледельческое население специализировалось на перевозке этих грузов.[22] Источники в отношении ряда таких районов указывают, что

---

[20] А. Степанов. История коннозаводства в России. Тр. ВЭО, 1866, т. IV, вып. 1, стр. 309—310; см. также: М. Е. Лобашев. Очерки об истории русского животноводства. М.—Л., 1954.

[21] Путешествие Амвросия Контарини. В сб.: Библиотека иностранных писателей о России, т. 1, СПб., 1836, стр. 108—110; С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908, стр. 87—88; Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Перевод с англ. Ю. В. Готье. М., 1937, стр. 56, 60 (Р. Ченслор), 76, 80 (А. Дженкинсон), 87 (Т. Соутэм и Д. Спарк).

[22] В НПК читаем: «Да в Вытегорском же погосте... волок Гостин немецкий, а возят хрестьяне вытегряне... на том волоце соль и иной товар» (ОПК, стр. 17); «...в волости Медведь... Да с ызвоза, что возят (крестьяне, — *Г. К.*) товар из реки изо Пшаги к реце Лузе, оброку 2 рубля» (НПК V, стр. 33).

здесь «волочат» товар от одной реки (или озера) к другой.[23] И, конечно, тяглой силой были лошади. Летом основные грузы направлялись водным путем по многочисленным рекам и озерам. Зимой вдоль этих же рек по санным путям шли товары, перевозимые гужевым транспортом.

Обслуживались не только нужды торговли. По дорогам следовали люди и по своим частным делам, и по служебным поручениям, и в связи с нуждами крупных феодалов, отдельные владения которых обычно были весьма разбросаны.

На этих путях работал оживленный транспорт «ямской гоньбы», выполнявший ответственную задачу внутренней связи в Русском государстве, обслуживавший все учреждения, всех, кто следовал по служебным поручениям.[24] Иностранцы очень высоко оценивали работу ямской гоньбы и вообще работу транспорта на Руси.[25] Они отмечают быстроту езды ямщиков, большую численность коней на станциях, говорят о выносливости коней, их тяглоспособности, непритязательности к корму, к условиям погоды. Те же иностранцы указывают на сравнительно небольшой рост лошадей; наблюдая их преимущественно зимой, обращают внимание на их длинную шерсть. К этим верным, трезвым наблюдениям нередко присоединяются и неоправданные представления о плохом корме лошадей и об отсутствии ухода за ними. Так, есть высказывания, что корм лошадям ограничивался якобы только сеном, яровой соломой и выпасом на лугах, что лошади, как правило, не ковались в древней Руси. Эти ошибочные суждения легко опровергаются показаниями источников.

О практике ковки лошадей еще с очень давних пор свидетельствуют археологические материалы — находки подков, гвоздей подковных; о широком распространении регулярной ковки сообщают записи в приходо-расходных книгах монастырей, — отмечаются плата кузнецам за ковку коней, покупка и изготовление подковных гвоздей.[26] Документами опровергается и высказывание о том,

---

[23] Деб., № 153, стр. 172—173 (волочат товар гостей с волочка на Словенском озере на Порозобицкий и в обратном направлении крестьяне, волостные люди и монастырские); ОПК, стр. 177 («...волочек Кемской, а через тот волочек торговые люди из Ноугородцкие земли ходят с товаром в Заволоцкую землю... а крестьяне... через тот волочек товар волочат, а найму емълют з беремени по деньге»). — См. также: Материалы, под словами «волок», «волочек», «волочити (товар)».

[24] Материалы, под словами «ям», «ям татарский»; см. также гл. V, § 4, стр. 342—344, 356—357.

[25] С. Герберштейн. Записки о московских делах, стр. 87—88. — См. выше сноску 21.

[26] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Великого Новгорода. Тр. НАЭ, т. II, стр. 113, 115; записи в монастырских приходо-расходных книгах: Ник., стр. OLXXIX, OLXXXIX, OXCIV, OC (1567—1568 гг.), OCVII—OCVIII (1581—1582 гг.); РИБ XXXVII, стр. 127—132, 136 (1598 г.); ЛОИИ, архив, колл. 115, кн. 1028, лл. 82—85 (1575—1576 гг.).

что «степным и простым лошадям на Руси никогда не давалось зернового корма».[27] Письменные памятники изучаемого периода ясно свидетельствуют об обратном. Так, еще в Правде Русской, и в краткой и в пространной редакции, сказано о выдаче овса четырем коням вирника: «... конем на рот сути овес».[28] А в уставной грамоте митрополита Киприана сказано об обязательной выдаче овса на корм игуменским коням.[29] В НПК рассказывается примерно то же о корме коням, посещающих волости землевладельцев и их слуг; овес обязательно выдается и коням приставов и слуг, сопровождавших посольства.[30] Овес, имевшийся в большом количестве в житницах боярина И. М. Крюкова, несомненно хранился как фураж рабочим лошадям большого боярского хозяйства.[31]

Лошадь — основная тяглая сила в хозяйстве земледельца. Такою она показана еще в речи киевского князя Владимира Мономаха в конце XI в.[32] О такой же исключительной роли лошади в хозяйстве земледельца сказано при оценке урона, нанесенного Новгородской земле вторгнувшимися внешними врагами в 1240 г.: «А на волость Новгородскую наидоша Литва, Немци, Чудь и поимаша по Луге вси кони и скот, и нелзе бяше орати по селам и нечимь».[33]

На юге Руси пахота производилась волами, запряженными в плуг. «Употребления на пашне волов в Великоруссии не знали», — утверждают в своих работах И. Мердер и В. Фирсов.[34] Но в эту формулу, в общем правильную, дошедшие до нас документы вносят исправления относительно работы с плугом. Волы указаны в селе Медна (в районе города Торжка) среди скота, завещаемого Троице-Сергиеву монастырю боярином Крюковым («А скота рогатого волов, коров и телят полсемадесят»); 10 волов упомянуты в купчей (Бежецкий уезд) Троицкого Калязинского монастыря; указаны волы (немного, несколько голов) и в духовной В. В. Галицкого (Дмитровский уезд).[35] Волы (по одному) упоминаются еще в составе пополнка в актах Дмитровского, Бежецкого, Владимирского, Московского, Суздальского. Переяс-

---

[27] И. К. Мердер, В. Э. Фирсов. Русская лошадь в древности и теперь, стр. 60.

[28] Правда Русская, ст. 42 (краткая редакция), ст. 9 (пространная редакция).

[29] АФЗ I, № 201, стр. 180.

[30] ДПЛ, стр. 83 (1493 г.), 218—219 (1496 г.).

[31] АСЭИ I, № 71. — См. выше, стр. 169.

[32] ЛЛ, стр. 277 (1103 г.).

[33] ПНЛ, стр. 73 (1240 г.).

[34] И. Мердер. Исторический очерк русского коневодства и конноводства, стр. 16; И. К. Мердер, В. Э. Фирсов. Русская лошадь в древности и теперь, стр. 24.

[35] АЭ, № 68, стр. 49; АСЭИ I, №№ 71, 108; АСЭИ III, №№ 8, 100, 490.

лавского, Пошехонского и Рузского уездов.[36] Все эти упоминания волов территориально ограничены центральным районом Северо-Восточной Руси; но несомненно далеко не все дошло в плохо сохранившихся актах. И все же показательно, что о волах нет упоминаний не только в документах северных областей Новгородской земли, но и в НПК, и в документах Великого Устюга, Кубины, Вологды, Белозерья, Ярославского, Костромского и Нижегородского уездов.

Трудно представить земледельческое хозяйство без лошади. Есть несколько документов официального происхождения, в которых предусматривается возможность существования и безлошадных хозяев — «пешцев» — среди сельского населения; в них «пешцы» считаются за неполноценных хозяев-земледельцев, они не могут нести обычного крестьянского тягла.

Отсутствие у земледельца лошади являлось признаком, достаточным для того, чтобы этот земледелец был отнесен к категории особо бедных. Безлошадное хозяйство — хозяйство неполноценное, неустойчивое. В НПК указано около двух десятков крестьянских хозяйств, которые в силу крайней бедности были временно освобождены от несения тягла («доходу не давал, дана льгота»).[37] Естественно предположить, что среди них была большая доля безлошадных хозяйств; но следует учесть, что небольшая запашка, в полкоробьи или в четверку, в этих хозяйствах все же была. Близкими к «пешцам» среди учтенных в Новгородской земле жителей деревень есть основание считать «захребетников». Судя по самому наименованию (а иных данных для характеристики их имущественного и социального положения нет), они в большинстве своем живут «за хребтом» справного хозяина — земледельца крестьянина.[38] И, вероятно, утрата лошади и была тем толчком

---

[36] АФЗ I, № 73; ОГКЭ III, стр. 46, 50; АСЭИ I, № 258; АФЗ I, № 196; АСт., № 90 (два вола); АСЭИ I, №№ 8, 11 (два вола) и №№ 10, 32, 259 141; АСт., № 141 (1539 г.); ЦГАДА, ГКЭ, № 234/4 (по описи Гоздаво-Голомбиевского).

[37] См. гл. II, стр. 95; ОПК, стр. 43—47 (например: «Дер. на горе у Ояти во дворе... сеют ржы пол-коробьи, сена косят 5 копен, треть обжы, а доходу не было...»).

[38] См.: Материалы, под словом «захребетник». — Об основной их массе именно так и говорят составители НПК, что они «захребетники» определенного крестьянина, но есть случаи, когда они названы захребетниками нескольких крестьян («а их захребетник»), а может быть и целой деревни (НПК I, стр. 42, 52, 53, 64, 383 и др.; НПК II, стр. 234, 498, 704, 705, 707, 710, 711, 728, 732, 737—739, 748, 758; НПК III, стр. 25). Но есть значительное число захребетников, живущих самостоятельно в своем дворе, т. е. своим хозяйством (НПК II, стр. 498, 628, 690, 692, 697, 698, 719, 722, 724, 746; НПК IV, стр. 32, 38, 44, 85, 188, 211; НПК V, стр. 132, 134, 166, 167, 248—256, 305). Среди них имеется один захребетник швец (НПК V, стр. 308) и один — пастух (НПК V, стр. 412). — См. также: А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения ее к Москве. Киев, 1915, стр. 178—180.

для земледельца, который привел к потере хозяйственной самостоятельности — к положению захребетника.

Для нас важно подчеркнуть, что при оценке хозяйственной мощности хозяйства, как и при социальной характеристике крестьянина-земледельца, в качестве первого показателя берется наличие лошади в его хозяйстве. Имеется в виду та рабочая лошадь, которая выращивалась, выкармливалась и содержалась земледельцами, т. е. лошадь, на которую в одинаковой степени возлагали и полное обслуживание сельского хозяйства, и обслуживание транспорта всех назначений, — короче говоря, — лошадь, служившая тяглой силой и в народном хозяйстве и в войсках.

Крестьянские хозяйства различны по своей мощности. Различен был у них посев зерновых, размер покосов, разной была доля и домашних промыслов; поэтому, естественно, что далеко не все удовлетворялись одной лошадью, многие держали по две, а с молодняком и больше. Мы должны помнить, что крестьяне своей тяглой силой обслуживали и ям, и торговый транспорт; много работали крестьянские лошади и на землевладельческое хозяйство.

Мы имеем все основания признать вполне удовлетворительно разрешенным вопрос о тяглой силе как в земледельческом хозяйстве, так и в общем масштабе всего народного хозяйства — имеем ли мы в виду обслуживание обычных нужд населения, или транспортировку товаров, или удовлетворение многообразных запросов войск, связанных с обороной страны. Оправданием такой оценки служат несомненно большие успехи в развитии земледелия, в строительстве народного хозяйства, в подъеме его уровня, в росте материального, экономического и политического могущества страны. Ответственную задачу по сколачиванию и формированию воинских сил, по комплектованию и боевой выучке конницы — основного рода войск в средневековье — взял на себя командующий класс, возглавляемый властями земель-княжеств, а потом властями общерусского великого княжения. Опираясь на тяглую силу лошади, земледелец древней Руси успешно справлялся с другими своими разнообразными трудными задачами. Без всяких колебаний и оговорок дали высокую оценку русской лошади иностранцы, хорошо практически узнав ее в процессе работы. Полностью согласуются с этой оценкой и высказывания самих крестьян-земледельцев древней Руси об их опоре и помощнице. Неоднократно цитировавшийся нами И. К. Мердер при оценке русской лошади обращается к народной мудрости. Рабочая лошадь земледельца та, что обслуживала все народное хозяйство, — это кобылка любимого народного богатыря Микулы Селяниновича. В былинах ей противопоставлен верховой богатырский конь воина Вольги Святославича. В глазах народа, по его оценке, крестьянская лошадь — это неистощимый источник силы, бодрости, выносливости, с этой стороны она несравнима с верховым воинским конем, выполняющим лишь одну, сравнительно лег-

кую задачу: «У Микулушки кобылка рысью идет, — говорится в былине, — а конь богатырский Вольги горячится, поскакивает; но кобылка у оратая грудью пошла, а воин Вольга на своем коне далеко отстал».[39] Такова народная оценка русской лошади в изучаемый нами древний период. Ее работоспособность, сила, выносливость не зависит от внешнего облика. Напоминая эту оценку, И. К. Мердер присоединился к ней; присоединяемся к ней и мы.

Источники не дают прямой оценки конского состава древней Руси. Известно только, что русские кони невелики ростом (например, в сравнении с боевыми конями немецких тяжело вооруженных, закованных в латы рыцарей). В Псковской летописи (1407 г.) рассказано о бое «за Камном на Лозоговицком поле» с магистром Ливонского ордена: «...а Немец князеи и бояр много избиша, не толко колко псковичь пало, но и боле, и коней великих немецких много приведоша во Псков».[40] Боевые кони немецких рыцарей по сравнению с лошадьми псковичей были действительно «великими конями». Такие кони не нужны были земледельцам. Историки коневодства считают, что «клепперы» — немецкая (Ордена) порода лошадей, некрупные лошади, — ввозились через Новгород и через Псков в северо-западные области. А из Литвы на Русь попадали жмудские лошади — помесь с клепперами, лошади небольшие, но очень сильные, выносливые и красивые.[41] Это естественно в условиях постоянных оживленных связей Пскова и Новгорода (особенно Пскова) со своими соседями, — связей чаще мирных, торговых, чем военных.

Специалисты, занимающиеся историей нашего отечественного животноводства и коневодства, все же приходят к выводам, что тяглые, сильные, выносливые лошади выращивались в местных условиях путем хорошего ухода, режима и улучшенного корма. Большую роль в этом деле могла сыграть богатая луговая растительность некоторых речных пойм. Относящиеся к XVI в. указания на отдельные районы, где процветало животноводство или коневодство, позволяют считать, что начало успешного развития скотоводства падает на изучаемый нами период. Именно так, вероятно, было в Двинской земле.[42]

Лошади крестьян-земледельцев работали в полную меру своих сил. А совокупно, в массе своей, эти лошади («кобылка Мику-

---

[39] И. Мердер. Исторический очерк русского коневодства и конного заводства, стр. 11. — Автором пересказана цитата из песен, собранных П. Н. Рыбниковым (ч. I, СПб., 1961, стр. 32—33).

[40] ПЛ, стр. 115.

[41] И. К. Мердер, В. Э. Фирсов. Русская лошадь в древности и теперь, стр. 45—47.

[42] М. Е. Лобашев. Очерки об истории русского животноводства, стр. 142—143. — Автор говорит также об обвинской породе лошадей (река Обва — правый приток Камы, район, где в XVI в. развернулась предпринимательская деятельность Строгановых). Он высказывает догадку о связи этой породы с новгородскими и псковскими лошадьми (стр. 30).

лушки») выполняли работу, во много раз превышавшую ту, какая лежала на наездниче ских боярских и княжеских конях. В этом и заключается глубокий смысл и мудрость былины.

Серьезную ошибку допускают те историки коневодства, которые говорят о равнодушии крестьянина к кормлению своей лошади, к уходу за ней. Все определялось крайне ограниченными материальными ресурсами крестьянина. У нас нет возможности в должной мере осветить этот вопрос в отношении крестьянского хозяйства; что же до скотоводства во владельческих хозяйствах, то все необходимые материалы имеются, начиная со второй половины XVI в. От этого времени до нас дошли вотчинные хозяйственные книги ряда монастырей, а в этих книгах — годовые сметы на кормовое содержание многочисленного скота в монастырских хозяйствах. Ко второй половине XVI в. в ряде монастырей хозяйство перестроилось, выросло, во много раз увеличилась численность скота, окрепла и повысилась материальная база скотоводства. Правдами и неправдами монастыри умножали свои сенные угодья; в связи с расширением посевов зерновых хлебов и увеличением оброков кони хорошо обеспечивались зерновым фуражом. Крестьянин не мог доставить своему коню то, что давала ездовым коням администрация монастыря. Но все же из материалов упомянутых смет можно достаточно ясно понять, что считалось нормой, что желательно было давать коню, которым дорожил земледелец.

В монастырских сметах конский состав в соответствии с характером выполняемой работы разбивался на три основные категории: в одной — жеребцы, иноходцы, санники, сюда включены и кошовые (перевозящие грузы) кони; в другой категории деловые (т. е. рабочие) кони — кобылы и мерины; в третьей категории — кобылы стадные (из них овес давался лишь жеребым кобылам, поэтому они названы особо). Первой категории коней зерновой фураж выдавался круглый год. Из деловых коней меринки деловые получали зерновой фураж в течение семи месяцев рабочего сезона, а кобылам деловым, привлекавшимся к тяжелой работе лишь во время пахоты, овес выдавался только в течение восьми недель — «перед сохою и в сошную пору». Кобылам же стадным сужеребым овес давался лишь на 6 недель, именно когда они «сужеребы».[43]

В расходной книге Иосифо-Волоколамского монастыря есть смета и на расход сена. Характерно, что для всех рабочих лошадей (кошовых, деловых и стадных кобыл) и жеребят расход сена рассчитан только на период с 1 октября до 1 мая. В остальное время все эти лошади должны быть на подножном корму, на

---

[43] Архив Института русской литературы, Р. IV, кн. 3, лл. 475—479 об; К. Н. Щепетов. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря. ИЗ, т. XVIII, стр. 112—114.

граве. Мы думаем, что взгляд крестьянина на потребности своей лошади не отличался от взгляда монастырской администрации; вопрос же о кормлении коня зерном хотя бы в страдную пору решался материальной возможностью — был овес у крестьянина или не было его.

Вторая важнейшая категория домашнего скота — крупный рогатый скот: коровы, быки, волы[44] и молодняк (телята). Ко всему крупному рогатому скоту применялось общее для всего вида название «скот». В новгородских летописях под 1311 г. рассказывается об ответном походе новгородцев на Немецкую землю («на Емь»), во время которого они взяли их главный город. «И стояша 3 дни и 3 ночи, волость труче, села великая пожгоша, обилие все потравиша, а скота не оставиша ни рога».[45] В других летописных записях указывается на три категории домашнего скота: кони, скот и овцы,[46] т. е. кони, крупный рогатый скот и мелкий скот. Было и другое наименование для скота — «говядо».[47] «Говядарь» — тот, кто пасет говядо и ухаживает за ним; «говядина» — мясо крупного рогатого скота, а отсюда «лопатка говяжья», «плечо говяжье». Молодая корова, нетель — яловая корова — называлась еще «яловица»; она ценилась за хорошее упитанное мясо. Теленок, телица — коровы в молодом возрасте. «Третьяк» — теленок третьего года. «Лонщина» — теленок на втором году, прошлогоднего приплода.

Как и в отношении лошадей, можно говорить о повсеместном распространении крупного рогатого скота в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Многочисленные указания на коров или на продукцию, доставляемую крупным рогатым скотом, имеются в документах Севера,[48] в источниках всех земель-княжеств феодальной древней Руси.[49]

К сожалению, источники почти не содержат указаний на количество скота в отдельных хозяйствах. Есть лишь один-два таких случая: в духовной Патрикея (Строева) — феодала средней руки — из скота названо шесть лошадей, жеребенок, а коров четыре, да три вола.[50] У крупного феодала И. М. Крюкова после

---

[44] О волах как о тяглом скоте мы уже говорили.

[45] ПНЛ, стр. 93.

[46] ЛЛ, стр. 358; ЛИп., стр. 236, 895.

[47] Правда Русская, ст. 21 (краткая редакция); ЛИп., стр. 521; ПЛ 2 (1427 г.), стр. 42 («Умножи... всякого обилья, хлеба в Пскове по 7 зобниц ржи на полтыну, а говяд 3 яловичи на полтыну»).

[48] Указаны коровы в купчих грамотах в качестве «пополнка» (т. е. добавки к денежной плате) на Севере; см.: Шахм., №№ 1, 5, 73, 74, 81, 82, 89 и 97; СГКЭ I, №№ 9, 11, 12 и 17.

[49] Отмечены коровы в качестве «пополнка»: АСЭИ I, №№ 23, 24, 85, 119, 122, 123, 137, 147, 158, 187, 211, 267, 281, 301, 334, 335, 384, 386, 392, 404, 406, 444, 449, 480, 488, 509, 524, 537, 565, 569, 616, 658; АСЭИ II, №№ 15, 63, 146, 316, 328, 343, 378, 379, 387, 431; АСЭИ III, №№ 103, 104, 105, 121, 162.

[50] АСЭИ I, № 11.

его смерти осталось скота: «...лошаков болших и кобыл болших двадцать двое, а страдных (т. е. рабочих, — *Г. К.*) лошадей двадцать. А скота рогатово волов и коров и телят малых полсема десят (65, — *Г. К.*); коз и овец сто тридцатеро».[51] У дворника князя Ивана Борисовича, владельца села Спасского, была в его дворницком хозяйстве корова, шесть овец, два гнезда гусей, два гнезда кур, две свиньи.[52] Такие случайные данные не могут дать представления об истинной картине животноводства ни для крестьянского хозяйства, ни для хозяйства феодалов.

Крупный рогатый скот — это прежде всего молочный и мясной скот. В Белозерской таможенной грамоте (единственной дошедшей от изучаемого нами времени) «стяг мяса», т. е. туша рогатого скота, стоит первым среди предлагаемых на рынке мясных товаров.[53] Об изобилии мясных продуктов на рынках в городах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XV и в начале XVI в. особенно согласованно и много говорят иностранцы, побывавшие в это время на Руси.[54] Крупный рогатый скот дает мясо самых различных сортов: от телятины до говядины, частями и тушами, свежее, мороженое, вяленое или копченое. О разнообразии мясных продуктов ярко свидетельствуют Новгородские писцовые книги, в которых в составе мелкого дохода называются «полти мяса», «яловицы», «зады яловичьи», «плечи говяжьи», «лопатки говяжьи». А рядом с ними мясо мелкого скота — свинина, окорока мяса, мясо свиное, головы свиные, ветчина, бараны, туши бараньи, лопатки бараньи, плечо баранье.[55]

Материалы писцовых книг убеждают в широком распространении крупного рогатого скота и в обилии мясной пищи, им доставляемой. А приведенные нами данные источников Северо-Восточной, Северо-Западной Руси и Севера Новгородской земли указывают на повсеместное распространение и общее значение крупного рогатого скота для всей древней Руси.

Коровы как молочный скот имели особое значение в обеспечении питанием трудового населения. Прямым указанием на это служат любопытные замечания в нескольких духовных грамотах

---

[51] Там же, № 71, стр. 64. — В данной Анны Ильиной (АСЭИ I, № 90) на села Городище и Перхуровское указано 40 овец и три коровы, передаваемые Троице-Сергиеву монастырю; в тяжбе митрополичьих крестьян Новой Слободки с помещиком Чудином Акинфовым указывается, что крестьяне Акинфова загнали из деревни Новой Слободки к себе четырех коров да 20 овец (АФЗ I, № 2а).

[52] АФЗ II, № 33.

[53] «А хто мясо привезет на санех, городцкой человек белозерец и окологородец, а изо всех волостей Белозерских и им имати у них съ стяга по полуденze..., а десять полоть стяг мяса, дватцать гусей стяг же мяса, тритцать поросят стяг же мяса, тритцать утят стяг же мяса, десять баранов стяг же мяса, тритцать сыров стяг же мяса, двадцать зайцев стяг же мяса» (АСт., № 68 (1497 г.), стр. 94—95).

[54] Путешествие Амвросия Контарини, стр. 109—110.

[55] См.: Материалы, под указанными в тексте словами.

феодалов. Землевладелец Иван Алферьев, отпуская на свободу «женку Федорицу с семьею» (четверо детей), пишет в духовной: «А мои приказщики дадут той женке з детьми корову, да по пяти четвертей ржи, да по пяти овса з году на год на десят лет на всяк год».[56] А в более поздней духовной С. Д. Пешкова-Сабурова о необходимости обеспечения коровой каждой освобождаемой семьи сказано еще более определенно: «И которые у меня казаньского полону полонянки, и прикащиком моим им дати по полтине да по корове, да что люди мои страдные, и прикащиком моим дати им мужю с женою по шесть четвертей хлеба да и коровы их им подавати, а у которых людей коров нет у делавых и прикащиком моим денег им на коровы дати».[57]

Молочная пища и прежде всего молоко в цельном виде было важнейшим продуктом питания семей земледельцев, так как в силу своих особых свойств оно не входило в состав натурального оброка и оставалось для семьи крестьянина. Молочные продукты взимались в виде сыров, сметаны и масла. В этом виде они указаны в качестве продукта питания, выдаваемого должностным лицам.[58] Указываемые в НПК вместе с мясными продуктами в составе мелкого дохода землевладельцам, они свидетельствуют об исключительно важном месте молочного хозяйства в Новгородской земле.[59] Молочные продукты особенно рекомендуются церковью,[60] направляются в войска. Так, в 1469 г. великий князь Иван III Васильевич, желая поддержать устюжан при боевых действиях против татар, посылает им в составе продовольствия 700 четвертей муки и 300 пудов масла.[61]

О массовости крупного рогатого скота в древней Руси говорит материал двух предвоенных археологических находок в Новгороде. Во время раскопок в районе Ярославова Дворища на Торговой стороне в 1937 г. (раскопки Новгородского музея под руководством А. А. Строкова) и в 1938 и 1939 гг. (раскопки Московского университета и Московского отделения Института истории материальной культуры под руководством А. В. Арциховского) был обнаружен большой слой, состоящий почти исключительно из челюстей крупного рогатого скота. А. А. Строков пишет, что на всей площади раскопа (1937 г.) было выкопано около 5 тонн этих костей. Он не высказался о датировке этого слоя. Слой же, следующий непосредственно за тем, в котором были обнаружены остатки пяти деревянных мостовых, А. Строков датирует XII—первой по-

[56] АСт., № 90 (1518 г.), стр. 148—149.
[57] Лих., № XIII (1560 г.), стр. 46.
[58] Правда Русская, ст. 42 (краткая редакция), ст. 9 (пространная редакция); АСт., № 55 (1488 г.) (Уставная Белозерская грамота); ДПЛ, стр. 83, 93.
[59] См.: Материалы, под словами «сыр», «масло», «сметана».
[60] РИБ VI, №№ 23, 26, 39, 48, 60, 139—141, 253, 377, 598, 794, 922 (датируются от первой половины XII до конца XV в.).
[61] Устюжский летописный свод, стр. 88.

ловиной XIII в.[62] При раскопках в 1938 и 1939 гг. на том же Ярославовом Дворище челюсти коров были найдены на 3-м, 7-м и 5-м участках. Количество коровьих челюстей, обнаруженных в третьем раскопе, превышало 15 тысяч, в седьмом — около 5 тысяч и в пятом — до двух тысяч.[63] В подавляющем большинстве они принадлежали коровам, но встречались также лошадиные, овечьи, свиные и медвежьи челюсти. Длина настила из челюстей здесь более 50 м, ширина около 20 м. «Для такого сооружения требовалось убить несколько сот тысяч коров»,[64] — пишет А. В. Арциховский. Настил состоял из нескольких прослоек и накоплялся постепенно. «Во всяком случае это сооружение говорит, что в Новгороде были огромные стада крупного рогатого скота».[65]

При более близком ознакомлении А. В. Арциховский пришел к мысли, что сплошными прокладками из коровьих челюстей (толщиной от 0.05 до 0.1 м) воспользовались для того, чтобы предохранить от гниения возводимые на их основе деревянные мостовые. На раскопанном участке были три яруса мостовых: первый — примерно XV в.; второй — под ним — середины XIV в.; третий, по мнению А. В. Арциховского, можно датировать уже не началом XIV, а концом XIII в.[66] И хотя по первой наметке слой челюстей А. В. Арциховским был отнесен к периоду от 1340 до 1650 г., тесная его связь с открытыми тремя ярусами мостовых позволяет время накопления слоя из челюстей относить к первой половине намеченного А. В. Арциховским периода.

В лесной полосе Северо-Восточной и Северо-Западной Руси мелкий скот представлен овцами, свиньями, козами. Археологи, указывая на количество найденных при раскопках костей животных, в отношении древнего периода (до XIII в.) говорят о бóльшем количестве свиней по сравнению с овцами и козами.[67] Это, конечно, результат обманчивого впечатления от материалов, в которых остатки костей домашних животных позднего времени (первой половины II тысячелетия) перекрываются большим числом костей, отложившихся в глубокой древности, в эпоху широкого распространения охоты. О совершенно ином говорят письменные материалы изучаемого нами периода. На первом месте по широте распространения и по численности стоят овцы, а затем уже свиньи. О широком распространении овец в Новгородской земле убедительно свидетельствуют находки археологами костей этих животных на Ярославовом Дворище в Великом Новгороде.

---

[62] А. Строков, В. Богусевич. Археологическое исследование Новгорода. Новгород, 1939, стр. 14—16.

[63] А. В. Арциховский. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 152—176.

[64] Там же, стр. 157.

[65] Там же.

[66] Там же, стр. 157—161.

[67] В. П. Левашева. Сельское хозяйство. Тр. ГИМ 32, стр. 77.

В 1947 г. Новгородский музей продолжил свои раскопки на Ярославовом Дворище. В раскопе на глубине 1 м открылся слой материкового песка, на нем лежал мощный костный пласт, состоящий в основном из бараньих рогов. Он залегал на площади 26 м^2 и имел толщину 1 м 10 см. По сделанным подсчетам, с него было собрано около 16 тысяч бараньих рогов.[68] Руководитель раскопок Т. М. Константинова пишет, что «вопрос о залегании всех указанных мощных костных пластов, как в данном слое, так и при довоенных находках на Ярославовом Дворище, до сих пор остается неясным».[69] Одно несомненно — эти костные пласты большой древности и дают ценный материал о скотоводстве именно изучаемого нами времени, свидетельствуя о массовости в Новгородской земле как крупного рогатого, так и мелкого скота.

Достаточно беглого знакомства с письменными источниками, чтобы создалось определенное впечатление о повсеместном распространении овец в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, о массовости их.[70] В купчих грамотах и других поземельных актах сведения о домашних животных встречаются в указаниях на «пополнок». В дошедших до нас купчих грамотах Севера XIV—XV вв. встречается также много указаний на овец в составе пополнка[71] и лишь четыре упоминания о том, что в пополнке были свиньи.[72] Такое же соотношение и в Белозерье.[73] Еще более резкое расхождение наблюдается в центральных районах Северо-Восточной Руси.[74] В имении владельца села Меденского указано «коз и овец сто тридцатеро», а свиней нет.[75] В маленьком хозяйстве дворника села Спасского указано «6 овец, два гнезда куров, две свиньи».[76] Свиньи указываются в духовной новгородца Климента.[77] Писец Псковского Шестоднева 1374 г. написал на полях этой рукописи о том, что опоросилась свинья.[78] Свиньи, овцы и козы упоминаются и в дополнительных статьях списков Правды

---

[68] Т. М. Константинова. Археологические работы Новгородского музея в послевоенный период. Новгородский истор. сб., вып. 9, Новгород, 1959, стр. 93—118.

[69] Там же, стр. 101.

[70] См.: Материалы, указатели к словам «овца» и «баран».

[71] Шахм., №№ 2, 22, 24, 26, 33, 34, 38, 40—42, 56, 57, 63, 64, 68, 72, 84, 94, 95, 112; Сиб. и Шахм., № 127; ЦГАДА, ф. 1187 (Гледенгского монастыря), № 2.

[72] Шахм., №№ 19, 80, 92, 111; ЦГАДА, ф. 1187, № 2.

[73] Деб., №№ 5, 36, 37, 39, 44, 87, 89, 90, 91, 146, 147 (овцы); АСЭИ II, №№ 7, 41, 316 (свиньи).

[74] Упоминания овец: АСЭИ I, №№ 27, 45, 51, 60, 69, 88, 110, 141, 143, 161, 167, 168, 190, 227, 234, 240, 242, 268, 285, 287, 324, 380, 387, 390, 395, 410, 426, 427, 452, 471, 546; АФЗ I, №№ 43, 79, 129, 201, 310; АГКЭ III, № 159; АФЗ II, № 33; АСЭИ II, №№ 1—3, 11—13, 16—21, 33, 34, 60, 257, 290, 307, 316, 347, 352, 353, 381, 483а; АСЭИ III, №№ 137, 171, 188.

[75] АСЭИ I, № 71.

[76] АФЗ II, № 33.

[77] Два пам., стр. 8—9; ГВНП, № 105 (не позднее 1270 г.).

[78] ЦГАДА, ф. 381, д. 67, л. 84.

Русской Карамзинской группы; там же указываются: 6 свиней, 22 овцы и 22 козы.[79]

Бараны отмечены в составе «корма», выдаваемого должностным лицам, и штрафа, платимого судьям.[80] Естественно, что мы находим баранов — туши бараньи — на первом месте в натуральном оброке, выплачиваемом крестьянами феодалам.[81] Правда, широко практиковалось взимание натурального оброка и свининой, в том числе окороками, ветчиной, мясом свиным.[82] Но все же мы не можем говорить ни о повсеместном распространении свиней, ни о массовости их разведения. Естественно находить продукцию свиноводства, овцеводства и среди товаров на рынках.[83] При высокой плодовитости свиней на рынках в качестве товара чаще упоминаются поросята.

Огромный перечень указаний в НПК на уплату натурального оброка овчинами говорит о чрезвычайно большом интересе землевладельцев к этой продукции крестьянского хозяйства.[84] Когда великий князь Иван III Васильевич пожелал поддержать устюжан, воевавших с татарами, то вместе с продовольствием и боеприпасами послал им «300 шуб бараньих, да 300 однорядок, инда 300 сермяг».[85] Сермяга — верхняя одежда, сотканная из пряжи овечьей шерсти, грубой ткани.[86] Это была теплая зимняя одежда. Заслуживает внимания и указание на высокую оценку сермяги как одежды на далеком Севере. В купчей на владение угодьями на Кильбо острове и Лотошкове острове говорится, что покупатель этих недвижимостей, Соловецкий монастырь, дал за них «четыре коробьи ржи, да сирмяга, да пяток конопли».[87] Плата совершенно необычная: по-видимому, и рожь, и теплая одежда, и конопля здесь, на далеком севере, были ценней денег.

Овцеводство играло очень важную роль в народнохозяйственной жизни древней Руси. Убедительное свидетельство этому встречаем в летописной записи, касающейся Галицкого княжества в переломный момент его истории, когда галицкий князь Юрий Дмитриевич начинал открытую борьбу с московским великим князем Василием Васильевичем за власть в Русской земле. События

---

[79] Правда Русская, ст. 52 (Карамзинская группа списков), пп. 1—4, стр. 377—378.

[80] ГВНП, №№ 21, 88.

[81] АФЗ I, № 201; Материалы, под словами «баран», «баранина», «лопатка баранья», «овца», «туша баранья», «часть баранья».

[82] См.: Материалы, указатели к упомянутым словам.

[83] В Таможенной Белозерской указываются и бараны, и поросята (АСт., № 68, стр. 95).

[84] См.: Материалы, под словом «овчина».

[85] Устюжский летописный свод, стр. 88.

[86] ЖС, стр. 93 (рассказывается об одежде Сергия: «...но токмо от сукна проста, иже от сермяги, от влас и от влъны, овчаа спрядено и исткано, и то просто и не цветно»).

[87] СГ, № 33 (1479—1480 гг.).

происходили в 1425 г.[88] Для того чтобы убедить Юрия Дмитриевича покориться великому князю, из Москвы в Галич был направлен митрополит Фотий. «А князь Юрьи слышав то (что к нему в Галич спешно направился митрополит, — *Г. К.*) събра всю очину свою и срете его з детми своими и бояры с лучшими людьми своими, и чернь всю събрав из градов своих и волостей и ис сел и деревень, и бысть их многое множество. И постави их по горе града со приезда митрополича, кажа ему многых людей своих».[89] Митрополит не сразу вышел к собранному народу. А выйдя на открытое место у озера, увидел, что вблизи на холмах стояли тысячи собранного народа. «И, возрев на он народ, иже по горе стоящь, и рече князю Юрью: „сыну, не видах столько народа во овчих шерьстех". Вси бо бяху в сермягах. Князь бо хотя явитися, яко многы люди имеа, святитель (митрополит, — *Г. К.*) в глум сих вмени себе».[90] Князь, демонстрируя массы поддерживающего его народа, ставил целью показать свое могущество. Митрополит же, выражая неудовольствие приемом, хотел подчеркнуть своими словами, во-первых, что масса черни — это не опора для князя; во-вторых, что воины без выучки, без блестящего вооружения, без лат не заслуживают никакого внимания.

Для нас в описанной сцене важны две стороны: собранные галицким князем массы народа из числа хорошо экипированных людей несомненно были очень внушительны; а «овча шерсть» и безусловно добротные (пусть и серые, из грубой шерсти) сермяги лучше всего свидетельствовали об успешном развитии хозяйства края, о высоком уровне животноводства и овцеводства в особенности. Следует признать, что и сам галицкий князь Юрий Дмитриевич, демонстрируя свои силы, важнейшею основою этих сил считал прочную материальную базу, возможность хорошо экипироваться, всесторонне подготовиться к борьбе и хорошо снабжаться в дальнейшем за счет цветущего хозяйства страны. Естественно предполагать, что высокая ступень развития животноводства, и именно овцеводства, была присуща Галицкой земле. Это было особенностью ее хозяйства в первой четверти XV в.

В отличие от овец, козы не занимали большого места в животноводческом хозяйстве Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, их гораздо реже называют источники.

Изложение материала о животноводстве будет неполным, если не коснуться вопроса о домашней птице. О курах, выдаваемых на питание вирнику, говорит еще Правда Русская; здесь же сказано о наказаниях за кражу уток и гусей.[91] Ту же домашнюю

---

[88] ПСРЛ XXV, стр. 246.
[89] Там же.
[90] Там же.
[91] Правда Русская, ст. 36 (краткая редакция), ст. 81 (пространная редакция).

птицу знают и законы Псковской судной грамоты.[92] Домашняя птица занимала большое место на рынках древней Руси, хотя рядом с нею могли продаваться утки и тетерева, убитые или пойманные на охоте.[93] Из домашней птицы наибольшее место в хозяйстве занимали куры. О них говорят документы и Севера,[94] и центральных районов Северо-Восточной Руси. Куры и яйца довольно часто называются в составе натурального оброка во всех пятинах Новгородской земли; надо полагать, что куры были столь же распространены и в хозяйствах Северо-Восточной Руси.[95]

Успешное развитие животноводства невозможно без прочной кормовой базы для скота. Такой базой в изучаемый нами период являлись сенные угодья. Летом основная масса скота была на подножном корму, но летний период захватывал меньшую половину года. Приблизительный срок пребывания домашнего скота на стойловом содержании — около семи месяцев в году (с 1 октября по 1 мая); в разных районах и в разные годы он немного мог сокращаться или удлиняться, в зависимости от климата и общих местных условий.

Естественно большое внимание к сенным угодьям как со стороны государства землевладельцев-феодалов, так и со стороны земледельцев-крестьян. Во всех актах, касающихся сделок о земельных владениях, рядом с земельными пахотными угодьями обязательно называются и угодья сенные.[96]

Наибольшую ценность из сенных угодий представляли наволоки в речных поймах, поемные луга, прилегающие к ним, пожни около рек и озер, на местах, затопляемых в весеннее половодье. Они давали самые высокие укосы сена. Поэтому такие сенные угодья служили причиной конфликтов не только между частными лицами, но нередко вели к крупным инцидентам на границе с другими государствами. Новгородские и особенно псковские летописи пишут о частых конфликтах с Ливонией из-за пользования пожнями и лугами на западном берегу реки Наровы, Чудского и Псковского озер, а также рыбными угодьями этих озер и впадающих в них западных рек.[97] Этот вопрос о пользовании рыбными, сенными и бортными угодьями в пограничной зоне

---

[92] ПСГ, ст. 112.

[93] АЭ, № 82; АСЭИ I, № 363; АСЭИ II, № 426; АСЭИ III, № 60; ДПЛ, стр. 83, 93; Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Т. I. Дипломатические сношения с империей Римской. СПб., 1851, стр. 48, 19 и 112; АСт., № 68 (Таможенная Белозерская грамота).

[94] Шахм., №№ 3, 4, 20, 21, 26, 29, 36, 103, 107, 111; Сиб. и Шахм., стр. 9; СГКЭ I, №№ 23, 27, 28, 30, 35, 56 и 59; Деб., № 27.

[95] См.: Материалы, под словами «кура», «яйца»; АСЭИ I, №№ 72, 125, 376, 396; АСЭИ II, №№ 64, 173, 426; АФЗ II, № 33.

[96] См.: Материалы, под словами «луг», «наволок», «пожня», «покос», «сено».

[97] ПЛ 1, стр. 38 («лето 6935»); ПЛ 2, стр. 144 («лето 6967»).

составил важный пункт договора Новгорода с Ливонией, заключенного в 1323 г.[98] Этот же вопрос включен и в проект договорной грамоты 1420 г.[99] О существовании серьезных разногласий между великим князем Александром Ярославичем и Новгородом по поводу пользования пожнями говорят и две самые ранние из числа сохранившихся договорных грамот Новгорода с князьями.[100] Пункт о праве князя на пожни в Новгороде остается обязательным во всех последующих таких договорных грамотах.[101] Естественно, что военная дружина князя, сам князь и его хозяйство должны были обеспечиваться и сеном и лугами. В других княжествах князья захватили в полное распоряжение лучшие поженные угодья и, кроме того, обеспечили себе право на то, чтобы их слуги — дворяне — могли при проезде через селения ставить коней на корм к местному населению и пользоваться лугами, пожнями и даже полями для корма лошадей.

Земледельцы осваивали не только естественные, природой созданные угодья: пожни и наволоки регулярно подчищались, уничтожался кустарник. Места для покосов готовились путем вырубки и расчистки кустарника и леса. Были двоякого рода «притеребы»: одни расчищались под посевы зерновых хлебов, подполки, другие — под покосы. Такими же были и упоминаемые в источниках «росчисти», «россечи», «чищи». Документы говорят еще о «роскосях», а также о сенокосах на «суках» и на «сечах». Крестьяне вели работы по осушению болот, по отводу воды из озер с целью получения там хороших покосов. В ходе разбора тяжбы о сенных покосах в одном из дел обе стороны заявили, что спорные покосы являются их «поделями» (или, иначе говоря, подготовлены их руками). Один из участников тяжбы показывает: «...а то озеро отец мой, Муково, пущал двоича и чистил, и яз... после отца своего то озеро Муково пущал и двоича и чистил».[102]

В другом аналогичном деле говорится, что копали логовину и трубою пропускали воду с наволока с целью улучшения сенного покоса на этом наволоке.[103] Документы указывают и другие случаи, когда пожни являлись «росчистями» старых, давних их

---

[98] ГВНП, № 37, стр. 65—67.

[99] Там же, № 59, стр. 97—98.

[100] Там же, № 2, стр. 117 («А что был отъял брат твои Александр пожни, а то ти, княже, не надобе»).

[101] Там же, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 9, 10, 15, 19 (1264—1435 гг.), стр. 15 («А пожне, что твои и твоих муж пошло, то твое и твоих муж, а новгородские Новугороду») и др. — Формула в более кратком или пространном виде имеется во всех указанных договорных грамотах.

[102] АСЭИ I, № 485 (1470—1490 гг.) (Суздальский уезд); АСЭИ III, № 275 (Данная сотского (крестьянину?) на «лес-князщину» для расчистки его на сенные покосы).

[103] АСЭИ II, 309 (1505 г.); АСт., № 52 (пожня реки Шексны; указан «копаной наволок»).

владельцев,[104] отмечают качественно различные пожни и наволоки — «болотные пожни»,[105] «осочливый луг».[106]

При столь большом внимании к сенным покосам, как основе для ведения животноводства, естественно, что из актов, дошедших до нас, основная часть связана с вопросами владения сенными покосами.[107] Из числа спорных тяжебных дел большая доля также приходится на тяжбы о сенных угодьях.[108] Среди пожен, наволоков и лугов встречаются сенные угодья большой ценности. Они, конечно, в первую очередь были прибраны к рукам феодалами. Имеются указания на такие захваченные крупными землевладельцами луга и пожни в 130, 200, 300, 500, 1500 и в 2000 копен.[109] Лишь в редких случаях большие пожни или луга оказывались в руках крестьянских общин.[110]

Три пожни по 500 копен, которые потравили конские и коровьи стада князей Лыковых и Кашиных-Оболенских у реки Поротвы (Малоярославецкого уезда), принадлежали Троице-Сергиеву монастырю. Луга в устье реки Подоксы (при впадении ее в реку Нерлю), на которых укашивалось около 900 копен, принадлежали Симонову монастырю. Ему же принадлежали луга между реками Нерлей и Ирмосом, тянувшие к селу Омутскому, на них укашивалось до 2000 копен сена. Сенокосные угодья сулили большие выгоды монастырям, так как позволяли держать большие стада скота (в том числе коней), повышать качество обработки земли, а следовательно, и урожайность.

Сенокос — время страды для земледельца. Для администрации монастырей это период особенно настойчивого и искусного наступления на трудовое сельское население. Уместно раскрыть эту сторону деятельности монастырей. О ней записано в судных делах. Например, идет разбор тяжбы за поемные луга между реками Нерлью и Ирмосом, вблизи впадения реки Ирмоса,[111] — на этих лугах ставилось до 2000 копен сена. Их оттягивал от крестьян Симонов монастырь в свою собственность. Дети боярские и старцы — свидетели со стороны монастыря — показывали на суде: «А от тех мест и до сех мест луги косили к монастырю.

---

[104] АСЭИ I, № 651, стр. 573.

[105] Там же, № 490 (1480—1481 гг.).

[106] Там же, № 347 (около 1487 г.).

[107] Там же (акты Троице-Сергиева монастыря), №№ 2, 9, 10, 14, 18, 37, 65, 68, 89, 108, 122, 125, 141, 150, 161, 229, 242, 252, 281, 347, 355, 368, 449, 452, 456, 464, 470, 471, 490, 499, 509, 549, 605, 630, 634.

[108] Там же, №№ 326, 373, 397, 413, 421, 428, 431, 432, 466, 479, 485, 524, 555, 582, 588, 589, 593, 607—635, 639, 642, 651, 658. — Еще больший процент из общего числа документов приходится на документы о сенных угодьях в АСЭИ II и АСЭИ III, включающих документы Кирилло-Белозерского, Ферапонтовского, Симоновского и других монастырей.

[109] АСЭИ II, №№ 205, 309, 493, 492 (в селе Омуцком); АСЭИ I, № 604 (1496 г.) (три пожни по 500 копен).

[110] Такие случаи указаны в НПК; см. ниже, стр. 282—283, 340, 385—386.

[111] АСЭИ II, № 492 (1497—1498 гг.), стр. 532—535.

А преж того... приезжали сами архимандриты с старцы на те луги, да и шатры на тех лугах ставили и церковь у них была на тех лузех полотняна, да сами старцы те луги и косили.[112] А мы дети боярские... тогды на те луги приезжали со своими отцы к архимандриту и к старцам».[113]

Картина эта хорошо дополняется фактами из судной (и правой) грамоты Ярославскому-Спасскому монастырю. Речь идет о двух поженных наволоках, оспариваемых монастырем и крестьянами Борковской волости. Крестьяне указывают, что эти наволоки принадлежали когда-то бывшей здесь деревне, на месте которой сейчас пустошь с дворищем, где раньше были дома и полевая пашня. Свидетели со стороны монастыря показывают, что пустоши и дворища не было на той земле, «а печищо... одно есть, стояла тут изба, да клеть при архимандрите при Варлааме на приезд. Приезжал в сенокос с старцы и с людми тех пожен косити; а в той избе стоял. А что... в том вражке заплотины, а тут два прудца: ловил... архимандрит Варлаам рыбу в речке и в озерках неводом, да в те прудцы сажал себе на ежу».[114]

Конечно, эти парадные выезды архимандрита с шатрами на луга, сулившие богатый укос сена, как и выезды игумена для наблюдения за работой слуг и зависимых крестьян на сенокосе, с одновременным развлечением рыбной ловлей и привольной жизнью на лоне природы, не могут идти в сравнение с летней страдой, переживавшейся земледельцем-крестьянином; для него вызов на монастырский сенокос и барщина грозили тем, что его собственный скот останется без корма на зиму, а урожай хлебов может пропасть вследствие запоздания с их уборкой.

Зимою скот содержался в хлевах, о существовании которых упоминает еще Правда Русская,[115] и в других крытых помещениях. У монастырей для многих сотен лошадей, коров, быков, телят, овец, свиней и т. д. имелись большие конюшни, скотные дворы, коровники, хлевы и свинарники, а также клети, где складывался корм, и т. д. Хлевы[116] для содержания крупного рогатого скота и мелкого скота были необходимой частью в составе крестьянского двора, как и клети,[117] подклети, конюшни и т. д.[118]

---

[112] Там же, стр. 534.

[113] В показании упоминается митрополит Филипп (1464—1473 гг.), который дал монастырю 15 рублей с тем, чтобы администрация монастыря нанимала людей, а сама не наезжала.

[114] ЦГАДА, ф. 281 (ГКЭ), № 14752 (1495—1497 гг., по Ярославлю); АСЭИ III, № 209.

[115] Правда Русская, ст. 38 (краткая редакция), ст. 41 и 58 (пространная редакция).

[116] ЛН IV, стр. 477; ЖС, стр. 17.

[117] АСт., № 53; АСЭИ I, №№ 6, 571, 582.

[118] СГ, № 38, стр. 147 («Се купи избу, да два хлева, да мылню»); Шл.; XCII (1528 г.) («А во дворе изба, да сенник с подклетом, да конюшник, и с сенницею и хоромы, что во дворе»).

Период стойлового содержания скота равнялся 6—7 месяцам; дольше гуляли кони.

Мы видели, что лучшие сенные угодья тем или другим путем попадали в руки феодалов. Возможности для достаточного запаса кормов у крестьянина-земледельца были очень ограниченными. Корма у крестьян не хватало. Скот после зимнего стойлового содержания обычно выходил сильно отощавшим. Если учесть потребности всего скота, начиная с лошади (мы говорим о хозяйстве бедняка) и кончая овцами, то сена необходимо было иметь на зиму по меньшей мере 25—30 копен, при условии, что овцам и другому мелкому скоту и коровам взамен сена будет выдаваться мякина, овсяная и ячная солома. Все это говорит об особой важности для скота летних пастбищ. Летом скот поправлялся, хорошо отгуливался.

Источники прежде всего позволяют установить большое значение «поскотин» как пастбищ в первую очередь для крупного рогатого скота. Раннее указание на поскотину имеется в купчей, датированной в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова» концом XIV—началом XV в., у А. А. Шахматова — временем архиепископства Ивана в Новгороде (от 1388 до 1414 г.). В ней записано: «А межа той (проданной, — *Г. К.*) земли по Верхней руцеи, по поскотину опцую».[119] В другой купчей в составе купленых земель отмечено: «...и подскотини половина, против тих земель. А другая половина той подскотини другим трем селам Евсея Ондроникова, да Степана Васильевича да Остафья Ивановича».[120] В двух других документах о поскотине сказано: «...и с подскотиню участок, а межа той поскотине от погоста по речке то Турокурие, да по вешняку по Зиноевъскую реку; а в ту поскотину скота не пущали, поскотина у них своя и тягло у них свое с княжьостровци».[121]

Эти документы свидетельствуют, что поскотины на Двине существовали давно. Есть поскотины общие, сразу на несколько сел, и есть поскотины, принадлежащие одному владельцу. Пуск скота в такие поскотины строго регулировался. Поскотину считали необходимой и обязательной для успешного ведения скотоводства. Прежде всего поскотины служили для крупного рогатого скота, коров. Поскотина окружена изгородью («огородом»), отделяющей ее от полей и от большого леса. Пасущийся скот мог ежедневно возвращаться на ночь домой; это было необходимо для доения коров. От деревни в поскотину вел прогон.[122] Конечно, в поскотине мог пастись и мелкий скот. Поскотины удобны тем, что скот в них может пастись и без пастуха. В данном слу-

[119] ГВНП, № 123; Шахм., № 39, стр. 60.
[120] ГВНП, № 177 (середина XV в.); Шахм., № 90, стр. 112.
[121] ГВНП, № 182 (середина XV в.); Шл., №№ XCI, CXLIV, L, XXXVII, XLIX, LXXXIII, LVI; ЦГАДА, ф. 1187, № 1 (район Великого Устюга).
[122] ГВНП, № 102; АСЭИ I, №№ 406 и 431.

чае на Севере поскотины небольшие, скота в них немного.

На Севере, кроме поскотин, упоминаются еще «телятники».[123] Телятник — отгороженный участок луга для пастьбы телят. В выделении особого пастбища для молодых телят видна не только забота о развитии животноводства, но и ясное понимание лучших путей его развития.[124] О поскотинах в центральном районе Северо-Восточной Руси можно догадаться из сообщений о коровьих и животинных прогонах.[125]

Летние пастбища выправляли весь скот, способствовали росту и упитанности его, увеличивали удои молока у коров. В изучаемый нами период, когда основным типом поселений являлись маленькие, далеко отстоящие друг от друга деревеньки, было вдоволь мест, где могли бы найти себе корм и мелкий скот, и коровы, и кони. Летняя пастьба всех видов скота обеспечивалась наличием постоянных изгородей — в полях, вокруг поскотин, между лесами и сенными покосами — и наличием «осков», отделявших большие леса. Изгороди устраивались на долгое время. Источники часто прямо говорят о старых изгородях,[126] о старых перегородах; да и само слово «перегорода» указывает на то, что это изгородь большой протяженности и стоит уже давно. Огороды в том виде, в каком они выступают в наших документах, характерны для того уклада хозяйственной жизни деревни, который определяется трехпольной системой. В такой роли они выступают еще на раннем этапе развития трехполья. Постоянные изгороди, существовавшие у каждой деревни как целая система, надежно охраняли посевы и сенные покосы. Содержавшиеся всегда в исправном состоянии, они позволяли использовать все земельные угодья деревни, всю прилегающую к деревне и другую неосвоенную территорию для пастьбы скота. Скот свободно мог пастись на всей этой территории.

Исправному содержанию изгородей отводилось очень большое внимание. Об изгородях говорят как специальные грамоты периода феодальной раздробленности, так и законодательство Русского централизованного государства: «А промежи сел и деревень городити изгороды по половинам, а чьею огородою учинится протрава, ино тому платити, чья огорода».[127] По этому же вопросу имеется указная грамота белозерского князя Михаила

---

[123] ГВНП, № 170 (середина XV в.), стр. 212; Шахм., № 7; СГКЭ, № 14; ЦГАДА, ф. 1187, № 1 (1521 г.).

[124] Значение телятников на Севере хорошо разъясняется в статье: Ст. Негодяев-Кочнев. Описание способа содержания рогатого скота и какие соблюдаемы бывают правила некоторыми любителями скотоводства в Архангельской губернии. Тр. ВЭО, 1804, ч. LVI, стр. 345—354.

[125] АСЭИ I, №№ 406, 431 (около 1474—1475 гг.) (Московский уезд).

[126] Там же, №№ 283, 397, 440, 643 (огороды), 268, 340, 457, 574, 607, 597, 636, 654, 657; АФЗ I, №№ 38, 39, 58, 62, 78, 96, 99 и др.; АФЗ II, №№ 6, 19, 30, 47, 90, 142, 196, 271; АСЭИ II, №№ 86, 94, 290 (лл. 13 об., 21).

[127] Судебники, ст. 61 (суд. 1-й), стр. 27; АСЭИ II, № 290, лл. 9, 23, 24.

Андреевича, в которой говорится: «...а сказывают, что ставите сена на лузех по Шохсне, да тех сен не городите, а их (Кириллo-Белозерского монастыря, — *Г. К.*) стада монастырские по лугом ходят и чье будет сено не в городбе их стадом потравлено, ино им в том пени нет. И вы бы сена городили».[128]

В этой грамоте рисуется картина свободной пастьбы монастырских стад по реке Шексне, по-видимому вдалеке от тех селений, которым они принадлежали. Стада пасутся, когда уже скошена трава с лугов и сено стоит в стогах. Вероятно, это конские табуны монастыря.

Изгороди и осека не позволяли скоту уходить в большой лес; все же для того, чтобы лучше находить скот, на шею коровам, а то и коням привешивались колокола-«ботала». Эти ботала были металлические и деревянные. Они обнаружены археологами и в древних слоях, и в слоях XIII—XV вв. и употреблялись еще в дореволюционной деревне.[129]

В документах наряду с огородом-изгородью еще говорится об осеках. Осека — большие изгороди в лесах из деревьев с необрубленными прутьями; более высокие, чем изгороди, они являлись достаточным препятствием при пастьбе всякого скота, в том числе и лошадей.[130] Осека отделяла селения со всеми их угодьями уже на более широких пространствах, они проводили границу и между лесными угодьями крупного леса. Об осеках мы вспоминали в связи с вопросом о лесах, где могли свободно разрабатываться подсеки.[131] Летом скот пасся на воле беспастушно, но это не значит, что безнадзорно. Надзор и забота была. На летних пастбищах весь скот находил хороший корм для себя.

При характеристике состояния скотоводства степень обеспеченности кормами — важнейший показатель. В Новгородских писцовых книгах приведены сведения и о размере покосов в крестьянских хозяйствах. Нельзя полагаться на безусловную их точность, но как относительный показатель при полном отсутствии других конкретных сведений о сельском крестьянском хозяйстве эти цифры очень важны.

По Деревской пятине общий размер сенных угодий для всех учтенных девятнадцати с лишним тысяч дворов-хозяйств составляет 241 909 копен, что дает в среднем на двор величину покоса в 12.6 копны. По Вотской пятине общей цифрой будет 255 847 копен, а в среднем на двор 17.6 копны.[132] Для пашенных крестьян-

---

[128] Деб., № 157; АСЭИ II, №№ 91 (1450—1486 гг.), 154.

[129] В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 91—92; Н. И. Благовещенский и А. Л. Говязин. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1895, стр. 55—57.

[130] Судебники, ст. 169 (Судебник 1589 г.), стр. 404, 528—529.

[131] Там же, стр. 175—177, 405.

[132] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 362—422. — Подсчеты произведены нами по таблице в Приложении V.

ских дворов Шелонской пятины (по 48 полностью описанным погостам) эта средняя цифра покоса на двор составит 33.7 копны,[133] а по четырем (описанным в дошедшей до нас писцовой книге Обонежской пятины 1496 г.) прионежским погостам средняя цифра будет только 10.2 копны.[134]

Цифровые показатели о размере покосов ряд исследователей пытался использовать для решения вопроса о системах хозяйства на Руси в XV—XVI вв. Впервые это сделал Н. А. Рожков.[135] По его мнению, при решении этого вопроса главным признаком должно служить соотношение между пашней и покосом. Соотношение же это для древней Руси он исчисляет, исходя из указа 1550 г. об испомещении под Москвой избранной тысячи бояр и детей боярских.[136] По его исчислению, таким соотношением будет 10 к 1, т. е. на 10 десятин пашни должна быть одна десятина луга. Эти расчеты принимаются А. М. Гневушевым, и на основе их он устанавливает, что хозяйство в качестве средней нормы должно было иметь на 1 коробью пашни 5 копен сена;[137] при высшей норме, по 6 копен сена на коробью пашни и больше, следует считать, что в хозяйстве скотоводство преобладает над земледелием, а в хозяйствах, имеющих 3—4 копны сена на коробью пашни, преобладает земледелие. Таким путем он исчислил, что в Деревской плотине около 10% дворов с высшей нормой сенных угодий, т. е. дворов с преобладанием скотоводства, в Вотской пятине около 7%, а в Шелонской пятине около 12%; при этом А. М. Гневушев еще отметил, что хозяйства с преобладанием скотоводства сосредоточены во всех пятинах в Новгородском уезде, в основном в окрестностях городов и других больших по численности селений.

На первый взгляд создается как будто ясная картина, где больше развито скотоводство и почему. Если же внимательнее присмотреться к имеющемуся в НПК материалу, то впечатление от сведений о покосах существенно меняется. Рассуждения Н. А. Рожкова о существовании известного среднего соотношения между запашкой и покосами исходят из мысли о необходимости обеспечения каждого земледельческого хозяйства достаточным количеством навоза. Эта мысль навеяна настроениями, характерными для сельских хозяев конца XIX в. На наш взгляд, нет никаких аргументов, чтобы принять за норму соотношения между площадью посева зерновых хлебов и площадью лугов именно ту,

---

[133] А. А. Кауфман. Новгородские писцовые книги в статистической обработке. Пгр., 1915, стр. 94—95.

[134] И. А. Перельман. Новгородская деревня в XV—XVI вв. ИЗ, т. 26, 1948, стр. 152.

[135] Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899, стр. 71—73.

[136] АЭ, № 225, стр. 216—217.

[137] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 196—198.

какая приведена в указе 1550 г. Едва ли указ правительства Ивана Грозного основывался на особо глубоком понимании агротехники того времени. Скорее всего, решалась практически задача, как и чем правительство великого князя могло обеспечить новых помещиков по части земельных и, в частности, сенных угодий. Принималась во внимание практика учета сельскохозяйственных угодий, и в первую очередь угодий пахотных и сенных. Сама же потребность в сенных покосах была очень большой; определялась она необходимостью иметь возможно большее количество скота, потому что скот был нужен в каждом хозяйстве не только как тяглая сила: он давал пищу в виде мяса и молочных продуктов, шерсть, шкуры для одежды, кожу для обуви и т. п., а также навоз, крайне необходимое для земледелия удобрение.

Реальнее нормы сенных покосов, исчисляемые на хозяйственную единицу — на двор. Средние цифры для разных пятин Новгородской земли уже приведены. Обратим внимание на данные по погостам Обонежской пятины. Средняя цифра укоса сена на коробью пашни здесь равна 9 копнам. Значит, хозяйства хорошо обеспечены лугами. Между тем, на двор в среднем укашивалось только 11 копен сена — малое количество, достаточное лишь для того, чтобы содержать одну корову и одну овцу, а с таким количеством скота существовать хозяйству невозможно.

Серьезные возражения Н. А. Рожкову, по поводу его попытки определять характер системы сельского хозяйства на основе приводимых в писцовых книгах данных о размере запашки и сенных покосов у земледельцев, приводит Г. А. Максимович.[138] Он подверг изучению материалы писцовых книг Вяземского уезда 1590-х годов, привлекая для сравнения и контроля материалы хозяйственных писаний Вяземского уезда конца XIX и начала XX в.[139] Сопоставляя приведенные писцами данные с фактическими данными об укосе сена в этих местах и о потребностях в корме у крестьянского скота, Г. А. Максимович ясно показал, что если доверять данным писцовых книг, то оказывается, что даже лучшие крестьянские хозяйства не могли иметь у себя минимального комплекта крупного скота (т. е. лошади и коровы).[140] Вывод Г. А. Максимовича: сенокосы измерялись писцами в XVI в. не только неточно, но и не все.[141] Вывод этот находит полное подтверждение в дозорной книге сенным покосам дьяка Фуника Курцева, данные которой мы приводим ниже.

Среди приведенных нами цифр об обеспеченности крестьянских дворов сенными покосами наибольшую среднюю величину

---

[138] Г. А. Максимович. К вопросу о степени достоверности писцовых книг. Нежин, 1914.

[139] Там же, стр. 8—11.

[140] Там же, стр. 10—11.

[141] Там же, стр. 12.

дает Шелонская пятина — 33.7 копны сена на двор. «34 копны в среднем могли быть достаточны для прокормления, в лучшем случае, одной лошади и одной, едва ли двух коров, может быть с ничтожным количеством мелкого скота», — пишет А. А. Кауфман.[142] В данном конкретном случае замечание А. А. Кауфмана находится в полном согласии с тем, что говорят по этому вопросу документы XV—XVI вв.

В. Ф. Загорский отмечает ряд погостов в Шелонской пятине, в которых обеспеченность покосами на двор выше этой нормы; но и в ней есть погосты с нормой гораздо более низкой, например есть дворы и с 5—10 копнами покоса.[143] Меньшая обеспеченность сенокосами — в Деревской пятине; средняя цифра в погостах — 12, 14, 16 и редко 18—20 копен сена на двор.[144] Однако, по оценке А. М. Гневушева, здесь все же высокая обеспеченность сенными покосами на единицу (на коробью) пашни (свыше 6 копен на коробью пашни), а между тем очень малое количество сена на хозяйство. Среднее положение занимает Вотская пятина. Ряд погостов здесь хорошо обеспечен покосами (в Никольском-Пидебском 55.8 копны на двор, в Тесовском, Оредежском, Петровском, Федоровском-Песотском свыше 35 копен на двор), но есть и плохо обеспеченные.[145] Особенно мало сенных покосов отмечено в погостах Обонежской пятины — около 10—12 копен на двор, а в волостях Веницкого Ильинского погоста от 6.5 до 9 копен.[146] Вывод Г. А. Максимовича в отношении писцовой книги Вяземского уезда вполне применим и к НПК. Составители более поздних писцовых книг (составленных после НПК 1495—1505 гг.) исправляли старые сведения о сенном покосе, дополняя сведениями о не внесенных в книги пожнях, нивах и лугах.[147] А специально проведенная проверка актов на владение сенными покосами, фактический осмотр и отдача заново сенных угодий в оброк установили, что размер сенных покосов в районе, где такая проверка происходила, уменьшен в ряде случаев в 8 и 9 раз.[148]

---

[142] А. А. Кауфман. Новгородские писцовые книги в статистической обработке, стр. 23—25.

[143] В. Ф. Загорский. История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XVI веках. СПб., 1909, стр. 67—68; А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 427, 429, 431, 435, 437, 439 (Приложение V).

[144] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 363, 365, 367, 369, 371, 373, 375, 377, 379, 381, 383, 387, 389, 391, 393 (Приложение V).

[145] Там же, стр. 395, 397, 401, 403, 405, 407, 409, 417.

[146] И. Л. Перельман. Новгородская деревня в XV—XVI вв., стр. 152.

[147] В писцовой книге Шелонской пятины 1539 г. отмечены не внесенные отхожие пожни — нивы и луга (НПК IV, стр. 239, 254, 256, 334, 358, 369, 370, 372, 374, 391, 395, 440, 458, 460, 474, 511); в писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. отмечены пропуски крупных сенных угодий (ОПК, стр. 85, 154).

[148] Дозорщики перемеряли (в 1563 г. в Заверяжье) покосы и установили «покопенный» оброк: «с мелкого сена и с крупного с копны по деньге

Все это заставляет с большой осторожностью относиться к цифровым материалам НПК о размере сенных покосов. То, что было записано писцами в НПК 1495—1505 гг. за той или иной деревней, действительно было, но кроме того имелись еще покосы, не учтенные писцами. Действительная обеспеченность сенными покосами, вероятно, была гораздо более высокой, чем это показано писцами НПК.

Мы уже говорили о потребном на зиму сене и другом корме для скота. На лошадь в Иосифо-Волоколамском монастыре в год полагалось 5 копен сена (кроме овса в страду), «на корову одна копна мерная на 12 недель, да соломы к тому»; «на овцу на одну копна сена на 10 недель, да мякина всякая, да к тому лист на них пасен».[149] На время стойлового содержания скота (с октября до 1 мая) на корову требовалось сена $3^3/_4$ копны, на овцу по 3 копны. При одной лошади, двух головах крупного рогатого скота (корова, нетель или бык) и трех головах мелкого скота требовалось не меньше 21.5 копны сена, при условии, что коням в страду будет даваться овес, коровам зимой — еще овсяная или ячная солома и мякина, а овцам — еще веточный корм.

Из источников НПК содержат наиболее многочисленный и конкретный материал о скотоводстве. Подается же этот материал в различном плане и в двояком виде: с одной стороны, это данные о сенокосных угодьях — о размере закоса; с другой — сведения о так называемом «мелком доходе» землевладельцу и доходе ключнику и посельскому. Составители писцовых книг, рассказывая о мелком доходе, перечисляя состав и количество мясных и молочных продуктов, отдаваемых крестьянином землевладельцу, зачастую раскрывают нам, что производилось в животноводческом хозяйстве крестьянина; а на основе этого уже можно судить о том, какой скот и какая птица были в крестьянском хозяйстве. Многочисленны примеры таких крестьянских хозяйств, которые ежегодно в виде «мелкого дохода» выплачивали землевладельцу и его слугам по барану, по «полти» мяса или окороку, по овчине, по «лопатке бараньей» и еще некоторое количество яиц, сыра и масла. Таких хозяйств можно привести в каждой пятине не по

московской, а с осоки, с болотища с копны по полденьги». На десятину клалось крупного сена 30 копен, а мелкого — 15 копен. Отмечено, что, например, на пожне Александровской по старому письму значился покос в 20 куч (копен), а на деле было 11 десятин без четверти, а так как сено мелкое, то укос — $16^1/_2$ копны. То же на пожне Борок: по-старому 20 копен, а на деле 12 десятин, т. е. сена 180 копен. Данным документом устанавливается: а) невнимательное отношение старых писцов к учету сенных угодий; б) то, что принятый Н. А. Рожковым и А. М. Гневушевым укос с десятины не соответствует нормам XV—XVI вв. — См. список с отписных книг дьяка Фуника Курцова: ЛОИИ, архив, ф. 132, оп. 2, д. 115, лл. 24—24 об.

[149] К. Н. Щепетов. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря, стр. 112; ЦГАДА, инв. 405, Расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря, 1592 г., л. 258. — Мерная копна равна $1^1/_2$ копны волоковой.

одному десятку; имеются волости, в которых каждый двор вносил «мелкий доход» такой величины.[150] Приведем примеры. Теребужский погост Деревской пятины: деревня Боротно,[151] в ней 8 дворов (6 обеж), покос 80 копен, в старом «мелком доходе» указано 6 баранов, 6 овчин, 6 лопаток бараньих, 12 сыров, а по новому письму еще прибавилось 12 сыров, ведро масла. То же самое — и в соседних деревнях. А по всей волости из 23 дворов в 32 обжи мелкий доход составлял 32 барана, 32 лопатки бараньи, 64 сыра, 32 овчины.[152] Обычен еще особый доход по овчине с хозяйства в пользу ключника.[153] Приведем еще примеры хозяйств Деревской пятины. В волости Велиль,[154] в поместье В. С. Дымова, — село Климово; в нем, кроме дворов помещика и его людей, два крестьянских двора, «а христиане сеют ржи 3 коробьи, а сена косят пол 30 копен...»; дохода мелкого: «...2 барана, 2 полти мяса, 2 куры, 2 горсти лну, 2 поярка, 2 остромка сена». В деревне Березоватица — 3 двора, сена 40 копен, а в мелком доходе, между прочим, указаны «3 барана, 3 полти мяса, 3 куры... 3 поярка». В деревне Горка 5 дворов, сена 80 копен, а в мелком доходе (т. е. кроме зерновых хлебов) указаны «5 баранов, 5 полтей мяса, 5 кур, 5 поярков, 5 остромков сена». В волости-поместье еще 6 деревень, и во всех деревнях, при сравнительно небольшом покосе с каждого двора, кроме зерновых хлебов, взималось по барану, по полти мяса, по курице, по поярку шерсти и 1 остромку сена.[155]

Какой же скот, судя по этим данным, был у крестьян-хозяев дворов? Лошадь, конечно, была. Чтобы давать землевладельцу-помещику ежегодно по полти мяса, по барану и по поярку шерсти, крестьянину, конечно, надо иметь не одну голову крупного рогатого скота, несколько голов овец, иметь кур и т. п. Укос же сена небольшой; крестьянин, по-видимому, еще как-то добывал корм для скота. Такая же картина в волости Пересухе.[156] Нет существенных отличий и в волостях Вотской пятины, во Врудском и других соседних погостах.[157] Еще яснее говорят о составе и количестве домашнего скота в крестьянских дворах общие итоги доходов по волостям, и притом не только в Деревской и Вотской пятинах, но и в Шелонской и в Бежецкой.

---

[150] НПК II, стр. 343.

[151] Там же, стр. 133.

[152] Там же, стр. 136. — То же и в других волостях этой пятины; см.: НПК I, стр. 251, 532, 832, 833, 834; НПК II, стр. 747—748, 751, 757, 761, 762, 763, 764, 785—786, 797—798, 806—822, 832, 856.

[153] НПК II, стр. 356—359, 372—374, 380—381.

[154] Там же, стр. 745—747.

[155] Там же.

[156] Там же, стр. 193—204.

[157] Материалы о натуральном оброке этих погостов см.: В. Н. Бернадский. Общественное разделение труда и феодальная рента в Новгородской земле XV в. Уч. зап. ЛГПИ, т. 102, 1955, стр. 134—135; см. также: ОВПК, стр. 20—21, 23, 34, 35, 40—41 и т. д.

Сведениями о выплачиваемом крестьянами натуральном оброке в виде всякой продукции скотоводства заполнены все НПК. Мы указали примеры по Деревской пятине. Указания на такой же мелкий доход имеются еще в большем количестве по Вотской [158] и по Шелонской пятинам.[159] Приведем пример крестьянского хозяйства Вотской пятины. В погосте Зарецком-Спасском, в деревне Зубова гора, «во дворе Лучка Данилов, сын его Гришка, сеют ржи 4 коробьи, а сена косят 10 копен, обжа; а старого доходу шло баран, остромок сена, лопатка баранья, сыр, а из хлеба четверть; а ключнику от всякого овина по получетке хлеба, лопатка баранья. А нового доходу баран, полоть мяса, воз сена, куря, ставець масла, сыр, 20 яиц, 3 горсти лну, руно шерсти, полбочки пива, полчетки хмелю, пол-четвертки семени конопляного, 3 возы дров, 100 кочнов капусты, а из хлеба четверть, а ключнику доход по старине».[160] Перед нами пример рядового крестьянского хозяйства с посевом в 4 коробьи с покосом в 10 копен. В мелком доходе землевладелец (старый боярин) брал, а затем стал брать новый, по барану, по полти мяса. Мы не можем сомневаться, что лошадь — и притом хорошая, тяглая (а то и две) у крестьянина Лучки Данилова была; иначе как бы он мог возить дрова для землевладельца? Было в этом хозяйстве и не одно гнездо кур, так как крестьянин должен был ежегодно давать по куре и по два десятка яиц. Одной головой крупного рогатого скота земледелец не мог обойтись, так как он был обязан ежегодно сдавать землевладельцу полоть мяса и молочные продукты. Должно быть и небольшое стадо мелкого скота, судя по тому, что ежегодно крестьянин отдавал землевладельцу одного барана, две лопатки бараньи и руно шерсти. У Лучки Данилова есть огород — капустник, конопляник и хмельник. В этой же Озеречской волости деревень и хозяйств, подобных Зубовой Горе, еще несколько. В итоге по ней указано дворов 29, а обеж 32: «А нового доходу: 26 баранов, 24 полти мяса, 28 куров, 22 лопатки бараньи, 59 сыров, 26 ставцов масла, 400 яиц... 10 рун шерсти... 81 воз дров, 24 воза сена, 700 кочнов капусты».[161] Как видим, требования ко всем хозяйствам этой волости очень большие, и потому скота — тяглого (лошадей), крупного молочного и мясного, мелкого — должно было быть у каждого крестьянина много. А сенной покос указан незначительный. В этом отношении можно привести еще один показательный случай: в той же пятине, в селе Глазковичи (Заможского погоста), «во дворе Тимошко Шушпанов, сын его Ивашко, сеют ржи 4 коробьи, а сена

[158] НПК III, 225—226, 229—231, 325, 374, 497, 498, 515—516, 606, 607, 608, 610, 619—621, 622—624, 625—626, 685, 686, 701—702, 713, 738, 803, 806, 810, 811, 814, 822, 823.
[159] НПК IV, стр. 89—90, 159; НПК V, стр. 103, 120, 190—191.
[160] НПК III, стр. 738.
[161] Там же, стр. 739.

косят 3 копны, обжа. А старого дохода шло 2 барана, 2 лопатки бараньи... (и хлеб); а нового дохода: 2 барана, 2 полти мяса... 2 лопатки бараньи...» (далее указаны лен и хлеб). Сена же — только 3 копны.[162]

В писцовой книге Вотской пятины очень много примеров, когда в мелком доходе указывается большое количество продуктов скотоводства, выплачиваемых землевладельцу, а сенной покос при этом небольшой. Случаи, когда крестьянин должен давать ежегодно барана, полть мяса, лопатку баранью и молочные продукты, многочисленны, и не только для отдельных деревень, но и для волостей. Так, в волости Матренинской Секирина — село Забродье, в нем 11 крестьянских дворов, 13 обеж. В мелком доходе: 12 баранов, 12 полтей мяса, 12 лопаток бараньих, 6 кур.[163] В деревне Луг один двор, сена косят 10 копен, в мелком и ключничьем доходе указано: баран, полоть мяса, лопатка баранья.[164] В Дягиленском погосте — село Стаища, в нем 31 крестьянский двор, 26 обеж, на всех крестьян только 100 копен сена. С крестьян идет в мелком доходе: 27 баранов, 27 полтей мяса, 27 сыров, 27 коробей солоду, 7 коробей хмелю, 27 кур, 27 ставцов масла, 27 возов сена, 27 горстей льну, «а из хлеба четверть»; ключнику — хлеба по 9 коробей ржи, овса и ячменя, 27 лопаток бараньих, 27 кур, 27 сыров, 27 насадок пива, 27 горстей льну, 2 гривны без деньги и 27 овчин.[165] У нас нет возможности перечислять все подобные, очень многочисленные примеры и по этой (Вотской) пятине. Они свидетельствуют о большой животноводческой продукции крестьянских хозяйств. Мы ограничимся указаниями на них в ссылках.[166] Однако, чтобы правильно понять сообщаемые нашим источником сведения, необходимо помнить, что далеко не все землевладельцы имели желание получать мелкий доход в большом размере и притом мясными и молочными продуктами. Поэтому малый размер мелкого дохода, взимание его деньгами или другой продукцией еще не указывает на малочисленность скота в тех или иных крестьянских хозяйствах.

В Шелонской пятине не меньше прямых свидетельств о большой животноводческой продукции в крестьянских хозяйствах. Приведем примеры о деревнях Шелонской пятины. В Щирском погосте три деревни (бывшие боярина Михаила Берденева); НПК приводят следующий итог их описания: «И всех деревень по старому писму 3, а дворов 5, а обеж 5. А старого дохода с тех

---

[162] Там же, стр. 581.
[163] Там же, стр. 606.
[164] Там же, стр. 606—607.
[165] Там же, стр. 682—683.
[166] Там же, стр. 9—10, 223, 225, 226, 229—231, 299—302, 325, 370, 374, 381, 497, 498, 515, 516, 560, 581, 606, 608—610, 619—620, 623—626, 656, 657, 682, 683, 686, 702, 713, 738, 803, 810, 811, 814, 822; ВПК I, стр. 66—69, 71—73, 272, 276, 277, 280—282.

деревень шло Михаилу Берденеву, и с ключником, 5 полоть мяса, 5 баранов, 10 сыров, 5 денег поклона, 5 пятков льну, 5 овчин».[167] Следовательно, каждый крестьянин из своего хозяйства ежегодно отдавал боярину по одному полтю мяса, по барану, по овчине, по 2 сыра, по пятку льна и по деньге поклону. Опять-таки ясное свидетельство, что, кроме одной-двух лошадей, каждый крестьянин должен был иметь в своем хозяйстве не меньше двух голов рогатого скота (для того чтобы ежегодно одно животное убивать и отдавать мясо боярину), стадо овец, достаточное для того, чтобы две взрослые овцы шли боярину. По Шелонской пятине в НПК имеется много примеров, когда состав животноводческих продуктов в натуральном оброке указывает на наличие достаточного количества крупного скота и стада мелкого скота в каждом крестьянском хозяйстве. Приведем несколько примеров, ограничившись уже упоминавшимся Щирским погостом да соседним погостом Хмерским.

а) Три деревни (Выборово и др.) за Истомой Нащекиным, в них дворов (крестьянских) 5 (7 обеж); в мелком (новом) доходе: 7 баранов, 12 кур, 13 сыров, 3 чаши масла, 120 яиц, 6 овчин, 11 «пятков с горстью льну» и 4 воза сена. б) За Сувором Назимовым 11 деревень (Сковородка и др.), в них дворов (крестьянских) 18 (22 обжи); в мелком доходе (новом): 18 баранов, 18 кур, 27 сыров, 36 «пятков льну», 36 возов дров, 19 возов сена. в) За Иваном Шулепниковым две деревни, в них дворов (крестьянских) 6, (9 обеж); мелкий доход: 8 полтей мяса, 8 баранов, 8 сыров, 7 ставцев масла, куры, «пяток льну», 7 возов отвойных сена, 20 возов дров и ключнику — 8 сыров и лен.

Перейдем к Хмерскому погосту. г) За Волком и племянником Заболоцким — 9 деревень, в них дворов — 38 (41 обжа); мелкого дохода (нового): 40 полтей мяса, 40 баранов, 40 кур, 60 сыров, 40 чаш масла, 800 яиц, 40 возов сена, 20 лопаток бараньих, 24 «пятка льну», и 200 возов дров. д) Две деревни за Истомой Нащекиным, в них 10 дворов (обеж 16); мелкий доход: боров, 17 баранов, 17 кур, 17 сыров, 15 чаш масла, 12 «пятков льну», 120 яиц, 45 возов дров; дохода ключнику: 17 овчин, «3 пятка и 2 горсти льну» и 17 сыров.[168] В писцовой книге этой пятины указаны в мелком доходе: гуси, лебеди, яйца тысячами, а масло пудами.[169]

Знакомясь по писцовым книгам с крестьянским хозяйством одной деревни за другой в каждой волости и погосте и с материалами о мелком доходе, взимавшемся с крестьян продукцией животноводства, мы убеждаемся, что потребность в тяглой силе ряда крестьянских хозяйств была такою, что многие из них не могли удовлетворяться одною лошадью и, вероятно, имели двух лошадей,

[167] НПК V, стр. 103.
[168] Там же, стр. 107, 112, 114, 121 и 125.
[169] Там же, стр. 304, 310 и 314.

а то и больше. Приводимые писцами данные о количестве полтей мяса, плечей и лопаток говяжьих, о количестве сыров и масла, выплачивавшихся в составе мелкого дохода, говорят о том, что у крестьян зачастую было 2—3, а то и больше голов крупного рогатого скота. Большому числу крестьянских хозяйств было необходимо ежегодно платить землевладельцу по барану да по овчине, по лопатке бараньей, руно или другое количество шерсти, да сверх того еще особо давать сыры и по овчине ключнику; значит, необходимо было иметь овечье стадо с двумя-тремя матками. Так, из записей о мелком доходе вырисовывается обычная для крестьянского хозяйства Новгородской земли конца XV—начала XVI вв. численность домашнего скота. То, что величина и состав мелкого оброка были очень различными, еще нельзя расценивать как показатель больших колебаний в величине стада. Объяснения этому разнообразию мелкого дохода естественно видеть в том, что потребности владельцев-феодалов в продукции животноводства различны и они заменяют ее то рыбой, то мехами, то льном-пряжей и льняным полотном или другой продукцией домашнего крестьянского промысла. Весьма часто мелкий доход заменялся деньгами или сокращался за счет увеличения основного оброка. Не исключено и то, что в ряде случаев у писцов не оказывалось в руках столь конкретных данных о мелком оброке, как данные об оброке основном.

Указанное стадо крупного и мелкого скота, характерное для крестьянского хозяйства Новгородской земли, требовало достаточного размера сенных покосов. Мы уже отмечали, что, судя по покосам, указанным в НПК, мы зачастую встречаемся с резким несоответствием размера покоса с тем, что действительно требовалось для хозяйства. Это подкрепляет уже имеющиеся наблюдения о неполноте данных о крестьянских покосах, зарегистрированных писцовыми книгами. Вспомним, что по нашим подсчетам и по подсчетам исследователей животноводства в древней Руси для обычного крестьянского домашнего скота на зиму требовалось 30—35 копен сена.[170] Указ 1550 г. также совершенно ясно определяет норму для крестьянского хозяйства в 30 копен сена (на выть),[171] причем эта норма для всего Русского государства. И то среднее для крестьянского двора стадо, которое предполагаем мы на основе материалов НПК, следует считать в равной мере присущим и Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Фактический же размер покоса, согласно приведенным в НПК данным о крестьянских хо-

[170] Так высказывались А. А. Кауфман, В. Ф. Загорский, Г. А. Максимович. По очень жестким нормам Иосифо-Волоколамского монастыря, на малое стадо из одной лошади, двух голов крупного рогатого скота и трех овец полагалось 21.5 мерных двухсаженных копен сена, а волоковых 32 копны.

[171] «А сена им (испомещаемым боярам и детям боярским, — *Г. К.*) давати по толку ж на колко кому дано четвертные пашни, опричь крестьянского сена; а крестьяном дати сена на выть по тридцати копен» (АЭ, № 225, стр. 217). — В указе четко проведено различие между владельческою помещичьею нормою и потребностью крестьянского хозяйства.

зяйствах, был недостаточен для того, чтобы прокормить такое стадо. Мы думаем, что писцы не все зарегистрировали: в благоприятные годы крестьяне имели сена намного больше того, что указано писцами. И постоянная обостренная борьба за сенные угодья крестьян с феодалами и феодалов-землевладельцев между собой не может объясняться простым желанием присваивать готовое (для крупных монастырей, продававших сено и отдававших на оброк сенные угодья, такие стремления были обычными), но являлась борьбой за то, в чем крайне нуждались. И есть все основания считать, что в крестьянских хозяйствах сена не хватало и весною скот выходил на летние пастбища очень истощавшим. Таково было свойство феодального хозяйства.

Крупные землевладельцы Новгородской земли, подобно феодалам Северо-Восточной Руси, захватывали и держали в своих руках наиболее ценные сенные угодья. Об этом рассказывают НПК. В них особо отмечаются большие пожни и луга с покосом в сотни, а то и в тысячу копен, принадлежавшие великому князю, монастырям и другим крупным землевладельцам. Имеются сообщения об оставлении части таких сенных угодий в пользовании крестьян («косят волостью») за особый оброк. В составе натурального оброка встречаются прямые указания на выплату крестьянами сена — «остромков сена», «возов сена». В числе трудовых повинностей, выполняемых крестьянами в пользу феодалов, указывается и заготовка крестьянами сена для землевладельцев.

НПК свидетельствуют, что скотоводство являлось после земледелия второй необходимой частью каждого крестьянского хозяйства в Новгородской земле. Многообразная продукция скотоводства обеспечивала семью крестьянина продуктами питания, сырьем и материалом для одежды (шерсть, овчины) и обуви. Скот давал необходимый и важный при паровой системе навоз.

Мысль Н. А. Рожкова и А. М. Гневушева о существовании преимущественно скотоводческих или преимущественно земледельческих хозяйств в отношении изучаемого нами периода не имеет достаточных оснований. При известных благоприятных условиях, в смысле обеспечения скота хорошими выгонами и сенными угодьями, скотоводство действительно в том или ином районе могло развиваться более успешно, чем в других районах. Но это не меняло земледельческого облика хозяйства и, конечно, не вело ни к сокращению запашки, ни к переброске сил на разделку новых лугов или других сенокосных угодий. От благоприятных условий для скотоводства земледелие могло лишь улучшаться. Если увеличивалась численность скота, то от этого в первую очередь выигрывало земледелие: росла тяглая сила в хозяйстве — лошади становились крепче, увеличивалось их число. Поля получали больше удобрений, повышалось плодородие земель. Успехи в развитии скотоводства сказывались на всем хозяйстве, не вызывая внутреннего изменения. Отмеченную А. М. Гневушевым высокую

степень развития животноводства в ряде районов Новгородской земли нет оснований истолковывать как следствие специализации хозяйств на производстве мяса и другой продукции животноводства для рынка. Это прежде всего общий результат успешного развития сельского хозяйства, показатель повышения его уровня, общих его успехов, и в первую очередь результат освоения и успешного применения передовой для XIV—XV вв. паровой трехпольной системы земледелия. Достигнутые успехи говорят прежде всего о том, что народное хозяйство Новгородской земли, как хозяйство и всей Северо-Восточной Руси, освоив трехполье, уже успело достигнуть многого на этом правильно выбранном пути. Мы имеем все основания говорить, что скотоводство за изучаемый нами период достигло сравнительно высокого уровня, но, конечно, не лишено было недостатков, присущих феодальному хозяйству.

Скот отгуливался на летних пастбищах, поздней осенью и зимой рынки изобиловали мясом и другой сельскохозяйственной и скотоводческой продукцией. Но, как мы уже отмечали, у большинства крестьян скот был плохо обеспечен кормом на зиму.

Побывавший в Москве зимой 1475/76 г. итальянец А. Контарини писал: «В конце октября река, протекающая посреди Москвы, покрывается крепким льдом, на котором купцы ставят лавки свои с разными товарами. На таковой рынок ежедневно в продолжении всей зимы привозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и прочие нужные припасы; в конце же ноября все окрестные жители убивают своих коров и свиней и вывозят их в город на продажу. Любо смотреть на это огромное количество мерзлой скотины, совершенно уже ободранной и стоящей на льду на задних ногах».[172]

Нарисованная А. Контарини картина служит хорошим подтверждением нашего общего впечатления о благоприятных условиях летнего сезона для скотоводства, об организации и материальной обеспеченности животноводства в древней Руси. К показаниям А. Контарини можно присоединить большое число таких же высоких оценок скотоводства на Руси и богатства рынков древнерусских городов всякого рода продукцией животноводства, причем такие отзывы касаются уже не только Москвы, но и многих других городов.

Успехи в развитии земледелия, равно как и общий высокий уровень сельского хозяйства, во многом определился состоянием животноводства. Выше, говоря о конском составе, мы установили, что Русское государство успешно решало вопросы обороны страны и внутреннего сплочения. Успешно решался вопрос об обеспечении конским составом армии и транспорта. И в крестьянских хозяйствах, несмотря на большую нагрузку, лошадь справлялась с работой, выпадавшей на ее долю. При трехпольной системе животноводство было тесно связано с земледелием, и их успех был общим.

---

[172] Путешествие Амвросия Контарини, стр. 109—110.

ГЛАВА IV

СЕЛЬСКИЕ ПРОМЫСЛЫ И ДОМАШНЯЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Охота, рыболовство и бортничество (наряду с формой профессионального промысла, которое велось в специализировавшихся промысловых хозяйствах) в древней Руси являлись обычным занятием крестьян, оказываясь в этом случае лишь одной из отраслей крестьянского хозяйства. Крестьянин-земледелец выступал еще то в роли охотника, то рыболова, то бортника-пчеловода.

ОХОТА

Когда речь заходит об истории охоты, то естественно вспомнить киевского князя Владимира Мономаха, который много «тружахъся ловы дея». Охоту на крупную дичь и истребление хищных зверей он расценивал как прямую обязанность князей и бояр.[1] Вместе с тем он считал, что на охоте вырабатывается мужество и отвага воина. Действительно, охота была лучшим средством для приобретения навыков в действии оружием, в верховой езде, во владении конем. В изучаемый же нами период княжеская охота превратилась в дорого стоившую «утеху», во время которой для загона зверя и облав отвлекались с работы в страдную пору массы крестьян, а крестьянские луга и поля подвергались потраве.[2] Эта охота — «утеха», — конечно, не играла положительной роли в народном хозяйстве. Вне всякой зависимости от нее существовала промысловая охота, которая давала занимавшимся ею людям средства к существованию и обеспечивала рынок пушниной и всякой другой продукцией охоты.

---

[1] ЛЛ, стр. 240—255 (Поучение Владимира Мономаха).

[2] ЛТв., стр. 251; ДДГ, № 17, стр. 48; ЛНик. I, стр. 159; Н. Кутепов. Великокняжеская и царская охота, т. I. СПб., 1896.

Лесная полоса Северо-Восточной и Северо-Западной Руси изобиловала пушным зверем и пернатой дичью. Пушнина являлась важнейшим экспортным товаром и товаром внутреннего потребления.

Мы уже указывали на Север Новгородской земли (особенно на Поморье, Обонежье и земли Саами) и на бассейны рек Вычегды, Мезени, Пинеги и Печоры как на районы, выделявшиеся обилием пушного зверя и всякой дичи в лесах и рыбными богатствами в многочисленных реках и озерах. Суровый климат, малоплодородная, местами каменистая почва, дикий заболоченный лес не благоприятствовали развитию земледелия. Это был край охотничье-рыболовецких хозяйств.[3] Московские писцы в своей оценке, отделяя такие хозяйства от массы крестьянских земледельческих хозяйств, применяли при описании их вместо сохи и обжи окладную единицу «лук», причем лук приравнивался к обже. Это были охотничьи, рыболовецкие или охотничье-рыболовецкие хозяйства, возглавляемые взрослыми мужчинами, и по числу «мужей» определялось и число луков. В актах Севера отмечен ряд сделок с такими хозяйствами: меняли «два мужа места полешего леса», на «лес полешей и ловища три мужа места..., полмужа места», покупали «полешей лес лесовати 4-ма человеками... в Кеми реке ловить 4-ма человеком». Боярыня Марфа Исакова (Борецкая) с сыном дала «на море в Суме реки... два лука земли, где Парфейко да Першица живут. Ино тои деревни земли страдомыи, и пожни, и лес полешеи и ловища водные и лешеи озера, — тыи два лука».[4] В последнем документе показан характер хозяйства даримой монастырю деревни; двое взрослых мужчин ведут два

---

[3] ГВНП, №№ 128, 135, 141, 146, 148, 194, 197—199, 201—204, 206—209, 218, 220, 257, 264, 266, 267, 273, 279, 280, 286, 287, 291, 296—298, 300, 301, 303, 307, 310, 313, 318, 319, 322, 326; Материалы по истории Карелии, № 31. Петрозаводск, 1941, стр. 113; АСЭИ III, № 291а; см. выше, стр. 235—236.

[4] В. И. Корецкий. Из архива Палеостровского монастыря. Археографический ежегодник за 1957 г., М., 1958, стр. 448 (№ 4); ГВНП. №№ 293, 322, 307; ОПК, стр. 9 («...да того же монастыря на 8 человек полешово леса»). — Об охотничье-рыболовецких хозяйствах на северо-востоке Руси в бассейнах Вычегды, Мезени и других рек на месте нынешней Коми АССР говорят жалованные великокняжеские грамоты волостным людям этих мест (АСЭИ III, № 291а (1484—1485 гг.), стр. 308—311) и пермскому епископу Филофею (там же, №№ 291 (1482—1483 гг.), 291б (1490 г.), стр. 311—315). В первой, данной жителям Перми Вычегодской (пермякам, волостным людям Вычегодской, Вымской, Удорской, Сысольской и Ужговской земель), подтверждается право волостных людей на владение реками, озерами, охотничьими и лесными угодьями, которыми владели их деды и отцы согласно писцовой книге Ивана Гаврилова 1482 г. А с охотничье-рыболовецких хозяйств этих волостных людей «за соболи, за белку, за бобровые гоны и за рыбную ловлю, за кречатьи садьбища и за звериные ловы» устанавливается ежегодная государева дань «по одному соболю с лука; а не будет соболя, ино за соболь четыре гривны». Всего исчислено во всех вышеуказанных землях 1707 луков.

хозяйства и исчислены двумя луками. Можно считать, что именно из таких хозяйств, существовавших в бассейнах рек Вычегды, Мезени и Печоры (нынешней Коми АССР), шел главный поток пушнины.

В НПК московскими писцами «в луках» описан большой многолюдный район Задней Корелы Вотской пятины. Во всей Задней Кореле, т. е. в четырех погостах Корельского уезда — в Богородицком-Кирьяжском, в Никольском-Сердовольском, в Ильинском-Иломанском и в Воскресенском-Соломянском, — вместе с несколькими деревнями Городенского погоста, писцами учтено по старому письму 1938 дворов и 3239 луков, а по новому — 2260 дворов и 3075 луков (из них в Городенском 56 луков); зарегистрировано поименно (в новом письме) такое же количество и «людей».[5]

Описывая волости и деревни Задней Корелы, писцы ничего не говорят ни о размере посева, ни о покосе. Для них это охотничий район, и земледелие в нем писцов не интересовало. За некоторыми волостями в момент составления писцовой книги еще сохранилось название «чернокунских». Черная куна — это старый налог, дань в пользу великого князя или его наместника. Корелу Великий Новгород в XIII—XIV вв. обычно отдавал в кормление великому князю или его наместнику. На деле же в конце XV в. это был такой же земледельческий район, как и другие районы северной половины Вотской пятины. О посеве хлеба в Задней Кореле ничего не сказано; а фактически в составе дохода великому князю или землевладельцам зерновые хлеба занимали большое место. Доход по старому письму указан лишь по 666 лукам, из них с 219 луков шла пушнина и с 13 луков деньги и белки, с 430 луков — деньги + пятина из хлеба, а с 4 луков — деньги и посопной хлеб. По новому письму доход указан по 882 лукам, из них оброк («доход») брали деньгами с 301 лука, а с остальных — деньги и зерновой хлеб или зерновой хлеб в разном количестве.[6] Две волости Задней Корелы были обязаны выплачивать большое количество пушнины (по 880—910 белок).[7] Эта же пушнина — беличьи меха — указывалась часто и в составе «мелкого дохода» землевладельцам с крестьян других погостов Вотской, Деревской и реже Шелонской пятин.[8] А в Обонежской пя-

[5] ВПК II, стр. 9, 15—16, 19, 21, 24, 26, 27, 29—31, 120—188. — Подсчет числа луков и дворов произведен нами; внимательную проверку количества луков и поименное сличение по деревням числа людей с числом луков проделал архимандрит Сергий (Тихомиров), — см. его работу: Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Вотской пятины 1500 года. СПб., 1905, стр. 41—44.

[6] Подсчет дохода произведен нами.

[7] ВПК II, стр. 142 и 172 (волости Китяга и Мегри-Ярви).

[8] НПК I, стр. 1, 55, 58, 60, 89, 92, 93, 116, 117, 123, 124, 133—135, 145, 146, 206, 207, 252—256, 266, 322, 325—330, 334, 335, 439, 441, 442, 592—596, 698, 699, 702—705, 766, 772, 773, 779, 780, 791, 794—802, 804, 892, 897—899; НПК II, 223, 224, 345, 347, 397—405, 487—489, 574—578, 585—590, 594, 768, 769, 771, 806, 866, 869—872; НПК III, стр. 330, 331, 333, 334, 886; ВПК I,

тине с волости Марфы Борецкой шло ежегодно 3094 белки.[9] Так рисуют источники охотницкую отрасль крестьянских земледельческих хозяйств Новгородской земли. Платили не только белками, но и другими мехами, пернатой дичью и ловчими птицами.[10]

Намного беднее материал о крестьянской охоте в Северо-Восточной Руси, хотя в дошедшем до нас актовом материале упоминания охотничьих угодий — путиков, ловищ, перевесий — обычны. Они встречаются в актах Белозерья, Бежецкого верха, Рязанской земли. В одной из белозерских грамот приведен очень содержательный рассказ крестьянина о его строительстве и занятиях в период освоения лесного участка: «А мы, господине, — говорит этот крестьянин, — по тем (вновь освоенным, — *Г. К.*) лесом и путики держали, и ловища ставили, и лесы рассекали и пашни пахали».[11] «Путики» — это расчищенные охотниками в густом лесу тропы, по которым они расставляли («ловища ставили») силки, кляпцы, западни и другую снасть и приспособления для ловли зверя и пернатой дичи, устраивали ямы и т. п. Путик принадлежал одному охотнику, и только он один мог его эксплуатировать. «Держать путик» — значит проторить путик и пользоваться им.[12] Этот же крестьянин говорит не только об использовании охотничьих угодий. Из его слов живо рисуется молодое крестьянское хозяйство, вновь создаваемое в большом лесу. Крестьянин, вырубая лес (готовит подсеку — выжигает лес), распахивает вычищенные участки и вместе с этим занимается охотой (по путикам и ловищам). Регулярно занимался охотой земледелец, выполнявший серьезную задачу по устройству нового хозяйства, по расчистке и по освоению земли под пашню. Перед нами лучший пример совмещения охоты с земледелием. Из этого показания мы узнаем также, что обычные для того времени орудия охоты и различная охотничья снасть были доступны крестьянину, что он, как и всякий другой охотник, мог в совершенстве владеть ими. Наблюдательному крестьянину, сжившемуся с природой, были не меньше, чем любому охотнику, известны все повадки зверей.

Охота давала ценную пушнину и пополняла продовольственный бюджет не только профессионала-охотника, но и крестья-

стр. 102, 103, 239—243, 261—263, 267, 432—441, 451—453, 457, 458; ВПК II, стр. 121, 145, 170, 171, 178—180, 183, 187 (район Задней Корелы); ОВПК, стр. 52, 59; НПК IV, стр. 232; НПК V, стр. 76; НПК VI, стр. 14, 29, 30, 34; ОПК, стр. 1—9, 11—16, 23, 27, 38, 40, 42—44, 48, 52.

[9] ОПК, стр. 36.

[10] См.: Материалы, под словами «заяц», «тетерев», «сокол», «мох оброчный».

[11] АСЭИ II, № 289, стр. 207. — Такое же крестьянское хозяйство см.: АСЭИ III, № 280.

[12] В. А. Мальм. Промыслы древнерусской деревни. Тр. ГИМ 32, стр. 106—138 (см. особенно стр. 106—115); Тр. НАЭ, т. II, стр. 138—148; В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов Коми XIX—начала XX вв. М., 1958, стр. 76—84.

нина. В древности меха зверей были главнейшим материалом для теплой одежды не только богатых привилегированных классов, но и бедняков. Зайцы, например, давали хоть не очень прочный, но теплый мех; зайчатина как пища воспрещалась церковью, но это не препятствовало ее потреблению. Приведенные нами цифры о пушнине, поступавшей от крестьян в составе мелкого дохода феодалам, — это лишь доля того, что давала в общее хозяйство охота сельского населения. Кроме того, что потреблялось крестьянами в своем хозяйстве, многое — и главное — шло на рынок. Меха были товаром, на который спрос всегда был высок.

РЫБОЛОВСТВО

Рыболовство развивалось и осуществлялось в трех основных формах: во-первых, как промысловое рыболовство рыбаков-профессионалов, живших в городах, в рядках, и поселениях городского типа в специальных рыбацких слободах, и рыболовов пашенных, которые жили в сельских поселениях приозерных, приморских районов; во-вторых, как специальные рыбные промыслы в составе крупных вотчин землевладельцев-феодалов, князей-сюзеренов, удельных князей, бояр, монастырей; в-третьих, как рыболовство, осуществлявшееся сельским населением в реках и озерах, расположенных среди их земельных угодий, — рыболовство, совмещавшееся с земледелием, выступающее как отрасль мелкого крестьянского хозяйства.

Промысловое рыболовство рыбаков-профессионалов было рассчитано на обслуживание рынка товарной рыбной продукцией. Рыбаки-профессионалы — одна из обычных категорий посадского населения в городах. Рыба — важнейший продукт питания в древней Руси, и продукция рыболовства занимала важное место в рационе ее населения, в том числе и господствующего класса. С особой отчетливостью это показывают материалы о хозяйствах монастырей. Монастырям удалось сосредоточить в своих руках многие рыбные угодья. Их рыбные промыслы доставляли массу рыбопродуктов, но это не удовлетворяло огромных запросов монастырей, особенно в высококачественной рыбе и икре. Администрация монастырей часто и в большом количестве покупала рыбу, в том числе более ценную красную рыбу.[13]

Для успешной ловли рыбы на реках возводились специальные сооружения — устраивались «перекопани», «глушицы».[14] На ре-

[13] В. О. Ключевский. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. Опыты и исследования. Первый сборник статей, стр. 1—36; Ник., стр. 110—116, 247, 248 и Приложение, стр. OLVIII—OLIX, OLXXXI—OLXXXIV; М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник в XVI в. ИЗ, т. III, М., 1938, стр. 142—143.

[14] АСЭИ II, № 453, стр. 493 (Жалованная грамота великого князя Василия Васильевича Спасо-Ефимьевскому монастырю (1451—1462 гг.): «Да что князь Иван Борисович перекопал Нерль реку, да учинил глушицю,

ках вблизи перекатов специально для улучшения условий рыболовства и повышения уловов рыбы устаривались «езы»: реку перегораживали заборами из бревен, частоколами, плетнями, оставляя лишь небольшие проходы. Через оставленные проходы рыба во время паводков поднималась к верховьям рек, а позднее задерживалась езами. В узкие проходы на малых езах ставили сети, верши и другую снасть для ловли рыбы. Богатые рыбой реки и озера были под особым, зорким наблюдением крупных землевладельцев-феодалов, и сооружение езов на таких крупных реках производилось зачастую по особому разрешению феодала-сюзерена (князя), причем последний сохранял за собой право ловли рыбы в этих езах («ночь княжа» в езу) [15] и, кроме того, облагал особым оброком (рыбой и рыбной продукцией) хозяев, эксплуатирующих ез. Рыбные угодья — тони в больших реках и озерах, богато оснащенные рыбные промыслы — необходимая принадлежность каждого крупного владельческого хозяйства. Их захвату и освоению особое внимание уделяли монастыри. Но все же из массы озер и густой сети рыбных рек в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси феодалы-землевладельцы могли закрепить за собой лишь малую долю. Крестьяне-земледельцы по естественному праву ловили рыбу в озерах и реках, протекавших по территории их волости у их сел и деревень. В XIV—XV вв. езы были широко распространенными сооружениями на реках Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Тяжесть же их сооружения, регулярного восстановления и исправного содержания падала на зависимое окрестное население, на крестьян. Для такого дела приписывались в качестве поставщиков рабочей силы целые волости, требовалось много леса.[16]

Сходное с езом сооружение, — но, по-видимому, меньшего масштаба, — носило в Новгородской земле название «кол»: «Да кол колили на Казимира (боярина, — *Г. К.*) на р. Систи»; «Да в волости (Ковоша, — *Г. К.*) колили кол на Богдана на р. Ковоши»; «Колят пруды и ловят лохы», — говорится в писцовых книгах Вотской пятины. Такие «колы» на небольших реках мы встречаем и в других пятинах Новгородской земли и на Севере ее.[17]

и яз и ту глушицю и перекопань даль великому Спасу... ловят собе рыбку»); АСЭИ I, № 94 (перекопань на Устье реки Клязьмы).

[15] АСЭИ II, №№ 318 и 332.

[16] См.: Материалы, под словами «ез», «бити ез»; ГВНП, №№ 174, 175, 215; АСт., №№ 7, 35; АСЭИ I, №№ 102—104, 141, 146, 148, 193, 294, 333, 362, 371, 434, 624; АСЭИ II, №№ 29, 55, 66, 67, 113, 119, 128, 131, 149, 168, 178, 223, 237, 241, 245, 272, 281, 316 (стр. 281), 318, 332, 360, 365, 417, 452, 469; АСЭИ III, №№ 257, 354, 500; АФЗ I, №№ 201, 219, 234, 235, 287, 296, 298—303, 305, 307, 309; Ув., №№ 7, 12; ДДГ, №№ 12, 13, 17, 57, 61, 89; ПКМГ I, отд. 2, стр. 415.

[17] ОВПК, стр. 25, 59; ВПК I, стр. 13; ГВНП, №№ 104, 201, 202; АЮ, стр. 113, 274, 429 и 432; НПК II, стр. 250, 260 и 273; НПК III, стр. 447, 451, 453, 454, 504, 507, 700, 776, 831, 889; ВПК I, стр. 119, 121, 199, 202,

Орудия лова рыбы и употребляемая рыболовецкая снасть напоминают орудия рыбной ловли близкого нам времени. Среди них разнообразные сети, предназначенные для ловли в больших и малых водоемах, для крупной и мелкой рыбы. Источники называют неводы, неводы поплавные, сети, кереводы, переметы, гарвы; все это — специальные большие сети, различающиеся и общей величиной (по длине и высоте), и размером ячеек.[18] Имеются случаи прямых указаний на то, что неводы в малых озерах для ловли рыбы не пригодны: «...ловят сетьми, а невод не ходит». Упоминаются «бредники», «курицы»; говорится о ловле «саками», которые пригодны для ловли рыбы и весной, еще в полую воду, и зимой, при подледном лове.

На реках, особенно в верховьях рек и на малых речках, где устраивались загородки — «котцы», «колы», — в оставляемых небольших проходах ставили «верши», «морды» и другие плетенные из ивовых или других прутьев и ниток ловушки для рыбы. Использовался период хода рыбы для нереста. Практиковался подледный лов, ловили рыбу сетями, на крючки, «сачили» рыбу. Ранней зимой при тонком льде «глушили» рыбу. Некоторые из указанных способов ловли хищнические, но при большом количестве рыбы в водоемах, при естественных, здоровых условиях жизни водной фауны в реках и озерах того времени такое хищничество не чувствовалось современниками. Широко использовался лов различными крючковыми орудиями — удочками, продольниками, «переметами», «дорожками». В мелководных озерах и реках для ловли крупной рыбы применялись остроги. Острога употреблялась и при «ловле с лучом». Все указанные нами орудия рыбного лова были доступны для крестьян и успешно применялись ими; с этой стороны условия вполне благоприятствовали занятию сельского населения рыболовством в качестве домашнего промысла, вспомогательного в его земледельческом хозяйстве.

Различие в орудиях отражало разницу между промысловым рыболовством и рыболовством крестьян. В перечне добывавшейся

354, 361, 374, 378, 386, 411, 419, 425; ВПК II, стр. 12; ОВПК, стр. 25, 27, 32, 33, 59, 61, 77, 78; НПК V, стр. 230 («На реке Нарове у ивангородцев 30 колов»).

[18] Ник., стр. 118—119; Тр. НАЭ, т. II, стр. 77; М. А. Мальм. Промыслы древнерусской деревни, стр. 117—124; А. В. Максимов. Год на Севере. СПб., 1864, стр. 232—250; В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов Коми..., стр. 91—102. — О рыболовстве «на Онеге озере» и об орудиях лова: ОПК, стр. 123, 124, 135; ГВНП, №№ 90, 122, 143, 221, 255, 305, 306, 322; СГ, №№ 15, 32; Лих., стр. 123; АГР, стр. 76; АЭ, стр. 24, 49, 82, 83, 102; АИ, стр. 126; ДАИ, стр. 8; АСЭИ I, №№ 92, 98, 102, 103, 107, 376; АСЭИ II, №№ 42, 149, 236, 269, 460; АФЗ I, №№ 201 и 222; АФЗ II, №№ 23 и 25; НПК I, стр. 651 и 652; НПК II, стр. 567; НПК III, стр. 43, 48, 118, 197, 204, 228, 293, 299, 306, 311, 325, 999, 353, 550; НПК IV, стр. 132; ПНК V, стр. 113, 134, 414; ВПК I, стр. 11, 46, 73, 89, 91, 132, 197, 234, 344, 372; ВПК II, стр. 34, 78, 84, 108.

рыбы особо выделяется «красная» — более ценная товарная рыба. К «красной» рыбе в первую очередь причислялись осетры, стерлядь и лососевые рыбы. При характеристике же рыболовства крестьян чаще указывается на ловлю малоценной рыбы, в изобилии водившейся в многочисленных внутренних озерах и малых реках Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Источники указывают щук, лещей, линей, налимов, окуней, карасей, ершей и др. В XIII—XV вв. в реках и озерах водилась та же рыба, что и сейчас.[19] Эта малоценная для рынка «белая рыба», вылавливавшаяся рыболовами-крестьянами, составляла очень важную статью в их продовольственном бюджете.

Рыболовство крестьян в реках и озерах своего края, а тем более в водоемах, прилегающих к земельным угодьям их деревень, сел и волостей, было явлением естественным и широко распространенным. Рыбные угодья тянули к деревням и селам, наравне с обычными пахотными, сенными и лесными угодьями. В случаях спорных дел мы видим, как представители крестьян указывают на принадлежность водных рыбных угодий их селам, деревням, и волостям.[20] Эта свобода пользования рыбными угодьями ограничивалась обыкновенно тогда, когда на реке возводился ез или какой-нибудь другое крупное сооружение для рыбной ловли. Заявляя о своих особых правах на земельные (и в том числе и рыбные) угодья, феодалы обычно указывали на сохранение за крестьянами своей вотчины права пользования (в некоторых ограниченных пределах) этими угодьями.[21] Такое право было естественным и по понятиям того времени, так как именно крестьяне вотчины фактически строили езы, они же ремонтировали и обслуживали эти езы, обеспечивали их сохранность и доход с них. Землевладельцы-феодалы, привлекая крестьян к работам по строительству езов, ремонту их и к участию в рыбной ловле, взимали натуральный оброк

---

[19] И. Ф. Правдин. Лососевые рыбы Ленинградской губернии. Тр. Ленингр. общ. изуч. местного края, т. I, 1927, стр. 97—120. — Ранние указания на лососей и сигов см.: Бер. гр., №№ 51, 92, 147, 186. — Осетры, семга, судаки, сиги, нельма, лососи, сиги (и сиги невские) и стерляди отмечены как во внутренних озерах и реках Северо-Восточной Руси, так и в реках и озерах Онежского и Ладожского бассейнов: Ник., стр. XXII, XXIV, OLXIII—OLIX, OLXXXI—OLXXXIV; М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник в XVI в., стр. 142—143; Материалы, под словами «ерш», «карась», «курва», «лещ», «лосось», «лох», «выхлох», «мойва», «окунь», «осетр», «острец», «плотица», «репукса», «сельд», «семга», «сиг», «сиг невский», «стерлядь», «судак», «сущ», «щука».

[20] НПК V, стр. 113; АСЭИ I, № 376; Лих., стр. 123; НПК V, стр. 414 (ловля крестьян Коростынского погоста Шелонской пятины); АСЭИ I, № 98; НПК I, стр. 651; НПК III, стр. 48, 118, 204, 232, 288, 292, 293, 299, 306, 308, 311, 325, 327, 328, 333, 353, 504, 507, 511, 550, 700, 767, 771, 889, 918, 921, 926, 928; ВПК I, стр. 173, 234, 354, 361, 374, 386, 411, 425; ВПК II, стр. 12, 34, 78, 84, 108; НПК IV, стр. 81—83, 155.

[21] НПК V, стр. 99, 118, 295, 300, 315, 340, 414 (указания на право крестьян ловить рыбу в озерах).

продукцией — им шла третья рыба, пятая рыба и т. д., платили рыбу счетом, лыками (корзинами), бочками и т. п.[22] Составители НПК отмечали рыбные угодья — реки и озера — как статьи дохода землевладельцев.[23] Встречаются и такие указания: «А угодей... озера. А те все озера ловят князи (помещики) своими крестьяны; а что уловят рыбы и они делят с христьяны по половинам».[24] Говоря о рыболовстве крестьян, следует отметить, что нередки случаи, когда крестьянина-рыболова, не профессионала, трудно отделить от рыболова-специалиста, посадского человека, — таковы бывают у этих крестьян рыболовные снасти и таков оказывается характер их рыбной ловли.

Об этом рассказывают записи в НПК о рыбной ловле крестьян Обонежья (например, Спасского погоста в Кижах, Обонежской пятины) [25] или озера Селигера.[26] На их органическую связь с сельским хозяйством писцы указывают, называя их пашенными крестьянами.

БОРТНИЧЕСТВО

Бортничество — промысел по сбору меда из бортей, служивших жильем для роев диких пчел. Борть — дерево с естественным или искусственно подготовленным дуплом для пчелиного роя. В излюбленных пчелами лесах осваивались бортные деревья, подготовлялись новые борти; так возникали бортные ухожаи, дававшие их владельцам мед и воск. Мед был ценнейшим продуктом питания как в натуральном виде, так и в несколько обработанном или переработанном в напиток виде. Мед и воск занимали важное место как товар во внешней и внутренней торговле. Воск экспортировался за границу и был одним из тех товаров, спрос на которые не претерпевал колебаний.[27]

Борти указываются на первом плане среди хозяйственных уго-

---

[22] См.: Материалы, под словами «бити ез», «забивати ез», «вершище», «колити кол, пруды», «ловити рыбу на вел. князя, на монастырь, на помещика», «прудити пруды», «десятина из рыбы», «десятое из рыбы», «ловити из пятой рыбы», «ловити из третьей рыбы», «осетрее», «пятая рыба», «третья рыба», «рыба сторожевая», «рыбное».

[23] НПК I, стр. 87, 107, 117—118, 124, 127, 208, 233, 238—240, 243, 267, 274, 279, 287, 291, 296, 298, 302, 303, 305, 310, 311, 313, 315, 333, 340, 343, 353, 358, 363, 364, 366, 371, 374, 382, 424, 434, 443—444, 449, 451, 467, 474, 477, 490, 510, 533, 539, 549, 551, 566, 595, 611, 638, 819, 853, 854, 860, 866, 867, 877, 881, 885, 894, 902; НПК II, стр. 21, 36, 132, 136, 138, 142, 162, 178, 181, 186, 207, 219, 224, 233, 238, 250, 254, 260, 273, 276, 291, 299, 315, 360, 388, 399, 405, 408, 410, 419, 522, 567, 573, 633—634; НПК III, стр. 288, 293, 306, 325, 353; НПК IV, стр. 81—83; НПК V, стр. 295, 300, 340, 414; ОВПК, стр. 25, 27, 32.

[24] НПК II, стр. 798.

[25] ОПК, стр. 74, 75, 113, 124—125, 134—136, 155, 165, 170, 201.

[26] НПК I, стр. 650—652; АФЗ II, № 63.

[27] ГВНП, №№ 41, 61; Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868, стр. 18, 26, 27, 54, 434; ДПЛ, стр. 26, 45, 58.

дий в самых ранних поземельных актах (XII—XIII вв.).[28] Договоры князей с Великим Новгородом от первого до последнего включают статьи о праве князя на пользование бортными угодьями и на специальный оброк медом.[29] Если исключить районы севера, по климатическим условиям не благоприятствовавшие нормальной жизни пчел, то можно сказать, что бортничество было распространено почти повсеместно.

Борти и оброки медом указаны в Шелонской пятине, в Вотской, исключая ее северные погосты, и особенно в Деревской пятине Новгородской земли; в Псковской земле.[30] Главная масса указаний на борти и на бортные леса относится к землям-княжествам Северо-Восточной Руси. Большие борти — на территории Суздальско-Нижегородского княжества, на территории нынешней Мордовской АССР;[31] в Центральном районе — вблизи Москвы, в Переяславском, Радонежском уездах и Рязанском княжестве.[32]

Работа специалистов-бортников была направлена к тому, чтобы не только охранять существующие борти и выбирать из них мед, но и подготовлять новые борти, совершенствовать старые. В Правой грамоте конца XV в. сказано: «И его, господине, борътники старыи боръти ходят, а новыи боръти делают».[33] Бортные деревья находились в лесу на значительном расстоянии друг от друга, поэтому бортный ухожай («борть)», на площади которого было много бортей[34] — деревьев, не только обитаемых, но и старых, покинутых пчелами, и новых, ожидающих появления пчелиного роя, — занимал очень большое пространство. Многие из описанных в документах бортей тянулись на несколько километров и были столь же обширны по глубине.[35] Эксплуатация борт-

[28] ГВНП, № 105; Правда Русская, ст. 32 (краткая редакция), ст. 50, 58[8], 71, 72, 75, 76, 107, 109 (пространная редакция).

[29] ГВНП, №№ 2, 3, 6, 9—10, 14, 15, 19, 22, 26.

[30] ГВНП, №№ 122, 345; ПСГ, стр. 23; Материалы, под словами «борть», «ухожай бортный», «пчелы», «улей», «мед».

[31] ЦГАДА, ф. 281 (ГКЭ), д. 7943 (по Нижнему-Новгороду); Документы и материалы по истории мордвы, т. I, 1940, стр. 251 («Буртаси, черемиси... мордва бортничаху на князя великого Володимера»); А. А. Гераклитов. Арзамасская мордва. Уч. зап. Сарат. унив., т. VIII, вып. 2, 1930, стр. 19, 24, 28, 28 и сл.

[32] ДДГ, №№ 61, 84, 89, 94, 95, 102, 103; АИ, №№ 15, 80, 108, 259; АЮБ I, № 52[I]; АЮБ II, №№ 147[IV], 173[II, III, IV]; АСЭИ I, №№ 11, 155, 193, 195, 333, 340, 342, 489, 560, 609, 610; АСЭИ II, №№ 340, 342, 343, 346, 347, 352, 354, 355, 381, 387, 396, 399, 417, 460; АСЭИ III, №№ 28, 29, 34, 53, 53а, 230, 294, 302, 314, 315, 317—319, 322, 323, 325, 328, 329, 334, 341, 352, 363, 364, 485, 488, 489, 494, 495; АФЗ I, 93, 143, 161, 165, 179, 187—190, 194, 206, 210, 211.

[33] Ув., № 6, стр. 6; НПК III, стр. 5—6.

[34] См.: Материалы, под словами «лес бортный». — В прикупленном Троице-Сергиевым монастырем «лушке» Гороховецкой волости Владимирского уезда «лес бортный, а дерев выделано бортей и старый и новых полторы тысячи» (АСЭИ I, № 333); в Шелонской пятине указан «лес бортный в 351 дерево, а бортей со пчелами 39» (НПК V, стр. 426).

[35] А. К. Пискарев. Древние грамоты и акты Рязанского края. СПб.,

ных ухожаев требовала большей регулярной работы специалистов бортников по содержанию в порядке бортей и их подновлению, по обереганию от хищников.

В результате настойчивого постоянного наступления крупных феодалов на ценные земельные угодья основная масса бортных ухожаев оказалась в руках великого князя, князей удельных, бояр и особенно у монастырей, у иерархов церкви. Эксплуатация их велась при посредстве бортников.[36] Бортники разрабатывали для своих князей-феодалов обширные бортные угодья, поставляя продукцию в княжескую казну.

На изучаемое нами время падают важные нововведения в бортничестве. Неподвижная борть в дереве как место обитания роя пчел начинает заменяться колодой, кузовом, ульем — по-видимому, помещающимися в переносной колоде. Колоды мы встречаем у соседей Западной Руси — в Литве и в Белоруссии.[37] Патрикей Строев, землевладелец средней руки, по духовной грамоте дает Троице-Сергиеву монастырю «село Игнатьевское да трои пчелы».[38] Отдельные улья (вероятно, типа колод) были уже в конце XV в. в центре Северо-Восточной Руси. В Новгородской же земле применялись не колоды, а кузовы.[39] Переход от бортей к пчеловодству улейному,[40] к содержанию пчелиных роев в колодах, кузовах отмечается многочисленными фактами в Деревской пятине Новгородской земли. Переход от бортей к ульям, к созданию пасек вне бортного леса, вблизи селений, открыл более широкие возможности сельскому населению для занятия пчеловодством путем устройства небольших собственных пасек.

Мы уже отмечали, что основная масса бортных ухожаев была захвачена крупными землевладельцами всех категорий. Но были бортные леса, остававшиеся и во владении крестьян, в пользовании окрестного земледельческого населения. В отношении территории Северо-Восточной Руси об этом рассказывают случайно уцелевшие судные дела крестьян с монастырями, с митрополитом о праве владения такими бортными лесами. Из них мы узнаем

1854, № 2; Мух., № 324, стр. 602; С. Б. Веселовский. Подмосковье. М., 1925, стр. 24—25.

[36] ДДГ, №№ 1 (стр. 8, 10), 2 (стр. 11), 4 (стр. 15, 17), 8 (стр. 24), 12 (стр. 33, 35), 17 (стр. 46, 48), 27 (стр. 58, 61), 29 (стр. 73, 74), 55 (стр. 165), 61 (стр. 194, 198), 64 (стр. 208, 211), 65 (стр. 213), 67 (стр. 218, 220), 84 (стр. 334, 335, 339), 94 (стр. 375, 377); Материалы, под словами «бортник», «староста бортный», «медовар».

[37] РИБ II, № 2 (Данная князя Владимира Ольгердовича Никольской церкви села Смедине: «... а идет с того жеребья полколоды меду, а полведра, а полбобра, а полтора въска»).

[38] АСЭИ I, № 11 (1392—1427 гг.).

[39] НПК III, стр. 5—6 («Да в ... лесу великого князя борть дана на оброк Петроку... а ходить ему борть себе... Да в том ухожае борти ему себе и иные делати и кузовы ставити»).

[40] НПК I, стр. 798; НПК II, стр. 302, 304, 312, 744, 745, 748, 751, 757, 762—764, 766—771, 782, 783 (о пчелах улейных, о меде улейном).

о том, что в прошлом, когда бортные леса не были еще закреплены за определенными феодалами, сельские волостные люди свободно пользовались ими; для закрепления за собой борти — дерева, растущего в бортном лесу, — было достаточно факта пользования бортью, т. е. установления своего «знамени» на борти. Об этом порядке говорит еще Правда Русская.[41] Порядок же общего пользования таким бортным лесом именуется «судерев», т. е. предполагается, что в этом общем бортном лесу каждый пользуется своими деревьями — бортями, теми, на которых нанесено его «знамя». Несколько таких дел дошло по Нижегородскому уезду (тяжбы с монастырями волостных крестьян, земледельцев-мордвы и бортников).[42] Совершенная случайность, что такие документы сохранились только по небольшому числу уездов. Но и их достаточно, чтобы знать, что рядом с бортными промыслами землевладельцев бортничеством занимались и крестьяне.

Об этом особенно убедительно рассказывают НПК. Там среди оброков с крестьян в пользу великого князя и испомещенных им помещиков встречаются довольно многочисленные указания на уплату натур-оброка («мелкого дохода») медом. Приводятся там и сведения о бортях, лесах бортных, находящихся в пользовании крестьян. Указывается оброк медом: «половье из меду»,[43] «треть из меду»,[44] «четверть из меду»;[45] при этом отдельно говорится об «улейном меде» и о «бортном меде». Еще чаще размер оброка медом определяется количеством — «пуд меду», иногда и большое число пудов.[46]

Эти свидетельства, касающиеся, правда, трех (из пяти) пятин Новгородской земли, да показательные материалы судных дел,

---

[41] Правда Русская, ст. 32 (краткая редакция), ст. 71, 72, 75, 76, 107, 109 (пространная редакция).

[42] Временник, т. XVII, Смесь, стр. 27—33 (Разъезжая крестьян Гороховской волости с Троице-Сергиевым монастырем, 1529 г., из собрания Беляева, № 48); ЦГАДА, ф. 281 (ГКЭ), № 7943 (по Нижнему Новгороду; Правая судная грамота 1509 г. мордвина Иванта Рамстеева с Нижегородским Печерским монастырем о бортном лесе за рекою Пьяною); ф. 1203 (копийная книга Спасо-Евфимьевского монастыря), лл. 292—293; Мух., № 286 (судное дело (1524 г.) бортника Некраса Чюпрова со Спасо-Евфимьевским монастырем).

[43] НПК I, стр. 15, 24, 31, 54, 60, 61, 798; НПК II, стр. 36, 302, 304, 312, 702, 744, 745, 748, 751, 757, 761—764, 766, 769—771, 777—779, 782.

[44] НПК I, стр. 98; НПК III, стр. 211, 307.

[45] НПК I, стр. 559, 560.

[46] НПК II, стр. 707, 710, 713, 716, 718, 721, 723, 728, 731, 733, 735; НПК V, стр. 52, 146, 147, 253, 311, 421, 422. — Интересно следующее указание писца: «... на волостку, что за Олешкою Мякининым, в Сумерском погосте Шелонской пятины положен за обежную дань, за хлеб и за мелкой доход 100 пудов меду»; рядом же указано: «А по старому писму в той волости был лес бортной, а в нем 39 бортей с пчелами, а дели 351 дерево, и в том лесе ныне пчел нет, а ходити им в тот лес по старине» (НПК V, стр. 425—426). Старорусские тонники давали по три берковца меду (АСЭИ III, №№ 13, 21).

в которых освещаются случаи нарушения прав крестьян на пользование бортными лесами, говорят о том, что рядом с эксплуатацией бортных угодий крупными землевладельцами существовало и бортничество крестьян. Оно велось в каждом отдельном случае в малом масштабе, но являлось хорошим подсобным занятием для земледельца-крестьянина. Необходимая несложная техника могла быть без труда подготовлена самим крестьянином из подручного материала. Сведений же о пчелах у него было достаточно, чтобы понять и усвоить приемы работы бортника. Основное условие — наличие бортных пчелиных семей в окрестных лесах — могло быть в большинстве районов лесной полосы древней Руси.

Сельские промыслы — охота, рыболовство, бортничество — могли существовать раздельно, а могли быть и в каком-либо сочетании; фактически они входили как вспомогательные элементы в крестьянское земледельческое хозяйство и являлись важным подспорьем для крестьянина, составляя одно из направлений в его трудовой деятельности.

ДОМАШНЯЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Продукция сельских земледельческих хозяйств, прежде чем идти к потребителю, нуждалась в предварительной, нередко довольно сложной переработке. В условиях натурального хозяйства, с каким в основной массе мы имеем дело в изучаемый нами период, эта переработка сырых материалов производилась в самом крестьянском хозяйстве и составляла то, что принято называть домашней промышленностью.

Прядение и ткачество. Земледелие давало прядильные растения — лен и коноплю, а скотоводство — шерсть. То и другое было сырьем для прядения и ткачества. Всеобщей потребности в одежде соответствовало общее занятие сельского населения прядением и ткачеством.

Приемы первичной обработки льна, конопли и шерсти животных до превращения их в волокно или в «волну» (шерсть) в древней Руси не отличались от тех, какие применялись в деревнях и в недавнем прошлом. Лен и коноплю дергали, сушили перед обмолотом, а потом мочили или расстилали на сыром росистом лугу, подвергая действию росы и других осадков, чтобы отделить волокно от костры, а затем мяли, трепали и чесали, получая в конечном результате льняное или конопляное волокно разных сортов.[47] Овец стригли специальными ножницами, шерсть били. Археологами в древних слоях и в слоях изучаемого нами периода найдены

[47] Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян в XIX—начале XX вв. Вост. этногр. сб., М., 1956, стр. 459—540.

остатки мялок, трепал, орудий для чесания льна, конопли и шерсти, для битья шерсти.[48]

Орудия производства и техника обработки волокнистых растений и шерсти были близки к тому, что известно из этнографической литературы.[49] О прядении «волны» и льна как обычном занятии (особенно женщин) в древней Руси говорят еще самые ранние литературные памятники.[50] Археологические материалы — остатки тканей, одежд и орудий труда, употреблявшихся при прядении и ткачестве, — позволяют говорить о сравнительно высоком уровне этих промыслов еще в XI—XIII вв.[51] Письменные памятники изучаемого нами периода подтверждают это. «Кросна» — основной ткацкий стан, горизонтальный, четырехподставный, подвижной, с передним навоем (для готовой ткани) и задним навоем (для основы), указывается в «Повести о Петре и Февронии» как орудие, на котором работала дочь крестьянина.[52] «Бердник», производивший «бёрда» — важнейшую часть этого стана, указан в НПК; там же указаны специальные «ставные дворы» в волости боярыни Марфы Борецкой, в них крестьяне ткали полотно для боярыни.[53] Этнографическая литература говорит о наличии кросн почти в каждом крестьянском хозяйстве; это положение можно признать естественным и для XIV—XV вв., так как в мелком доходе, выплачивавшемся крестьянами феодалам, указывается суровое полотно и беленое, холст, попоны, утиральники, «убрусы», «усчина», «вотола» «ряднина» и «частина» и т. п. Крестьяне ткали не только для уплаты оброка боярину, но готовили и для себя одежду и предметы домашнего обихода. Напомним, что собранные в Галиче в 1425 г. многочисленные войска князя Юрия Дмитриевича были одеты в домотканные сермяжные одежды и притом были экипированы добротно.[54]

Наряду с тканьем в составе натурального оброка указывается пряжа льняная и конопляная различных сортов, конопля и лен в виде волокна. Эти сведения о натуральном оброке

---

[48] Сводка археологических материалов о прядении и ткачестве — в работе: М. Н. Левинсон-Нечаева. Ткачество. Тр. ГИМ 33, стр. 9—37.

[49] Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество. — Материал северных губерний — в статье: П. Воронов. Ткачество в Вологодской губернии. Тр. ВЭО, 1861, т. II, стр. 1—13, 19—42.

[50] ПНЛ, стр. 129; ЛЛ, стр. 180; Материалы, под словом «волна».

[51] М. Н. Левинсон-Нечаева. Ткачество, стр. 11, 18, 19; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 187.

[52] М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии. Тр. Отд. древнерусской литературы Инст. русской литературы АН СССР, т. VII, Л., 1949, стр. 215, 230.

[53] НПК III, стр. 273; ВПК II, стр. 132; НПК VI, стр. 23, 24, 29, 31—34; Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 25.

[54] ПСРЛ XXV, стр. 246 (1425 г.); см. также: Материалы, под наименованиями предметов, указанных в тексте.

волокном, пряжей, полотном и изделиями из льна и конопли указывают на повсеместное разведение льна в Новгородской земле; несколько реже сеялась конопля.[55] Меньше указаний на уплату оброка шерстью и изделиями из нее; это легко объяснимо — землевладельцы-феодалы предпочитали с мелкого скота брать оброк овчинами или мясом; но все же имеются указания на «руно шерсти» и «поярки».[56]

НПК, свидетельствуя о повсеместном разведении льна в Новгородской земле, вместе с тем указывают на общее широкое распространение прядения и ткачества как домашнего промысла в деревнях древней Руси. Прядение и ткачество с начала до конца, во всех своих формах, было крестьянским делом. Специалисты ткачи-ремесленники были лишь в городах и селениях городского типа. В продукции ткачества были заинтересованы и феодалы: крестьяне не только давали эту продукцию феодалам в готовом виде, но и изготовляли полотно и другие изделия в боярских, монастырских и княжеских мастерских. Мы упоминаем такие мастерские у Марфы Борецкой, об этом же говорили в уставной грамоте Цареконстантиновскому монастырю. Вдова московского боярина Ксения Ивановна Плещеева дает в приданное за дочерью — в числе слуг-холопов — швею, девку к ларцу, хамовника, девку-тонкопрядицу, бралью-скатертницу.[57]

Рядом с ткачеством широко было распространено плетение и вязание. Из тканей в находках археологов больше всего изделий из шерсти (шерсть лучше сохраняется в земле), среди них много цветных.[58] Установлен огромный список применявшихся органических, растительных красителей: близкое знакомство с природой, хорошее знание ценных свойств растений привело к тому, что наши предки не испытывали недостатка в красителях.[59]

Кожевенное и скорняжное дело.[60] Материалы НПК

---

[55] О культуре льна см. выше (стр. 222—223).

[56] НПК II, стр. 682, 683, 744—748, 751, 752, 755—760, 762, 763, 769, 771, 777, 778, 783—790, 793—798, 807, 816, 826—843, 847—869, 872; Шахм., стр. 60, 129; НПК III, стр. 229, 231, 232, 663, 664, 684, 686, 738, 739, 778, 780, 822, 828; ВПК I, стр. 65, 69.

[57] АЮБ I, № 84[I], стр. 548; АСЭИ III, № 100; АФЗ I, № 201; ЛОИИ, архив, Копии актов Троице-Сергиева монастыря, № 468 (1514 г.).

[58] М. Н. Левинсон-Нечаева. Ткачество, стр. 27—36; Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество..., стр. 499—504, 513, 532.

[59] В. П. Левашева. Добывание и использование вспомогательных производственных материалов. Тр. ГИМ 33, стр. 97—101; М. Н. Левинсон-Нечаева. Ткачество, стр. 36.

[60] В. П. Левашева. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья. Тр. ГИМ 33, стр. 38—60; С. А. Изюмова. К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого. Тр. НАЭ, т. II, стр. 192—222; Г. Поварнин. Промыслы по обработке животной шкуры. В сб.: Кустарная промышленность России, разные промыслы, т. I, СПб., 1913, стр. 51—156; А. Соколов. Скорняжный промысел. Там же, стр. 195—216.

свидетельствуют, что почти каждое крестьянское хозяйство ежегодно выделяло на убой обычно не одну голову крупного рогатого скота и от двух до пяти голов мелкого скота.[61] Городские ремесленные мастерские не могли переработать на кожу все животное сырье; необходимых для этого условий еще не было. Деревня в основном сама удовлетворяла свои потребности в коже. Археологические материалы показывают, что сельское население знало и употребляло в быту и в хозяйстве все основные сорта кожи: юфть, опоек, подошвенную кожу и изделия из нее. Остатки инструментов, находимых в сельских курганах и на селищах, подтверждают естественную догадку, что деревня лесной полосы, потребляя огромное количество кожи, сама готовила и обрабатывала ее; исключением был лишь сафьян и высшие, дорогие сорта дубленой кожи.[62]

Процесс выработки кожи был таким, что вся его несложная техника была доступна земледельцу: требовалось лишь время и труд. Необходимые для переработки животного сырья в кожу вспомогательные материалы — зола, хлебные отруби (овсяные, ячменные, пшеничные) или мука для заквашивания, деготь, жиры (типа ворвани), растительные дубильные вещества (ивовая или дубовая кора) и т. п. — были под руками у сельского хозяина. Но для золки шкуры, потом для заквашивания или бучения ее, а позднее для дубления требовались крупные чаны, и притом не один чан, а несколько. Ткацкие «кросна» могли быть в каждом крестьянском хозяйстве, а «тшан» только в немногих — в кожевнических. И такие кожевнические хозяйства возникали и существовали вне города, в деревне, они не утрачивали свойств земледельческих хозяйств: в источниках указываются кожевники «пашенные крестьяне». Такому сочетанию занятий способствовало то, что выработка кожи удобно совмещалась по времени с земледелием.

В деревнях широко употребляли сыромятную кожу — менее сложной выработки (ее не подвергали дублению), но очень прочную, незаменимую в шорном производстве как материал для конской упряжи и воинского снаряжения. У сыромятной кожи, однако, есть большой недостаток — она боится влаги, в воде размокает, обувь из нее теряет форму. Найден многочисленный материал, показывающий разнообразие обуви в древней Руси — от богатой, из цветного сафьяна и высших сортов дубленой кожи, с твердой яловой подошвой, до простых поршней из сыромятной кожи.[63] Резкой разницы между обувью городской и деревенской не было; но в деревне больше простой обуви — поршней — и

[61] См. выше, гл. II, стр. 277—283.

[62] В. П. Левашева. Обработка кожи..., стр. 40, 41, 44.

[63] Там же, стр. 40—41; С. А. Изюмова. К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого, стр. 196—215; Г. Поварнин. Промыслы..., стр. 91—95.

плетенной из кожаных ремней с пришитой мягкой подошвой. Такая обувь изготовлялась самими крестьянами, она найдена в сельских курганах и на селищах.

Из шкур таких домашних животных, как овцы и козы, наряду с выделкой кожи, вырабатывались еще меховые изделия — овчины. На меха обрабатывались и шкуры пушных зверей; охотнику необходимо было самому заботиться о переработке шкур в меха.[64] Освоение скорняжного дела облегчалось тем, что здесь не требовалось столь громоздкого оборудования, как «чан кожевнический». Несложными были и предварительная промывка шкуры, и ее выквашивание, и обработка с целью очистки от жира и мездры. Мелкие шкуры даже не заквашивались, а намазывались кислым тестом с бахтермяной стороны. Размягченную или заквашенную шкуру скоблили и для удаления жира и влаги натирали мелом или гипсом. Для лучшей выделки еще раз смачивали квасом, очищали, высушивали, шерсть расчесывали, били. Овчины для большей прочности и устойчивости против воды и влаги подвергали дублению. Все это было по силам крестьянину. Охотники (в том числе и охотники-крестьяне) сами обрабатывали шкуры зверей. Это не исключало обработки полученных мехов еще и специалистами-скорняками, которые перед сбытом столь дорогих товаров могли очень многое сделать для повышения их цены.

Мы уже указывали, что некоторые крестьянские волости выплачивали в составе «мелкого дохода» по 800, 900 и даже свыше 3 тысяч беличьих шкур своим землевладельцам-феодалам; нередки случаи уплаты по 10 белок со двора, а по 2—5 шкур со двора выплачивалось во многих волостях.[65] Естественно, что часть белок и других пушных зверей шла и на продажу, тем более что на рынках всегда был спрос на этот товар.

Особо следует сказать об овчинном промысле. В главе о скотоводстве мы уже отмечали особый интерес к разведению мелкого домашнего скота: большое число овчин регулярно поступало от крестьян землевладельцам как часть «мелкого дохода»,[66] но, конечно, не меньшая часть шерсти и овчин оставалась у крестьянина на потребности его хозяйства и для продажи. Так определялся большой вес скорняжного дела и овчинного промысла в домашней промышленности. В XIII—XV вв., при малочисленности теплых тканей для одежды, овчины имели высокую потребительскую ценность. Овчинный промысел — один из тех, в котором ремесло тесно переплеталось с домашней промышлен-

[64] В. П. Левашева. Обработка кожи..., стр. 52—53; Г. Поварнин. Промыслы..., стр. 122 (раздел «Овчинный промысел»); В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов Коми..., стр. 71 и 88.

[65] См. выше, стр. 287—288.

[66] См.: Материалы, указатели к словам «овчина», «шуба», «шуба баранья», «кожух».

ностью. В городах и в торгово-промысловых рядках и селах жили овчинники-ремесленники.[67] В деревнях называются овчинники среди рядовых крестьян-земледельцев;[68] но, как мы уже говорили, выделкою овчин, равно как переработкою шкур пушных зверей на меха, занимались и сами крестьяне. Делать это мог всякий рядовой крестьянин. Те же, кого называли овчинниками, делали это успешнее, лучше; они, по-видимому, обрабатывали не только шкуры от своих овец, но и от овец соседей. Монастырские хозяйственные книги середины XVI в. знакомят нас с овчинниками-отходниками, работавшими на монастыри.[69] В духовных грамотах крупных феодалов среди многих специалистов-ремесленников овчинники не указаны, вероятно, только потому, что их не выделяли из всей массы крестьян.

Лесное дело. Лес — богатство севера. Изобилие лесов в известной мере восполняло суровость природы и бедность почвы. Лес обеспечивал материалами для строительства теплого и прочного жилья, теплых помещений для скота, дешевым доступным топливом. Плотничество — привычное занятие для земледельцев лесной полосы; топором владел каждый, готовя подсеку, устраивая изгороди и свой дом. Были и плотники-профессионалы; они указываются в городах среди ремесленников, в селах и рядках среди непашенных крестьян, среди поземщиков, среди холопов — слуг феодалов.[70] Названы плотники и в деревнях — пашенные крестьяне.[71] К плотницкому делу относится и строительство мостов, плотин, езов и других специальных сооружений для промыслов и хозяйственных надобностей. Леса давали материал для отопления и освещения жилищ; в натуральном оброке, выплачиваемом крестьянином, названы дрова и лучина. В числе товаров в таможенной грамоте указаны зола и деготь, получаемые в результате переработки (сжигания) дерева или его корней. Деготь получали (гнали) из березовой коры. Одновременно с гонкой дегтя следует указать и на смолокурение. Смола и деготь сходны: деготь применялся при выделке кожи, служил смазкой для колесного транспорта; смолой пропитывались строительные материалы, просмаливались суда, лодки, канаты и т. п. Смола и деготь производились крестьянами в лесу, в особо оборудованных ямах.[72] Среди дегтярей есть и непашенные люди, «на поземе», т. е. профессионалы, но большинство — пашенные

---

[67] НПК III, стр. 12; НПК IV, стр. 172, 228.

[68] НПК II, стр. 743; НПК III, стр. 519, 701.

[69] РИБ XXXVII, стр. 11; Ник., стр. OCXIII, OXCIII, и OCXXV.

[70] НПК II, стр. 12, 881, 882, 958; НПК IV, стр. 181, 228—230; НПК II, стр. 30, 482; НПК V, стр. 163, 305; ПСГ, ст. 39, 41 (плотник-наймит).

[71] НПК III, стр. 562; НПК IV, стр. 109; НПК V, стр. 115, 301; АСЭИ II, №№ 230, 411; см.: Материалы, под словами «дрова», «лучина», «деготь», «дехтярь».

[72] ЦГАДА, ф. 1203, д. 1, лл. 708 об.—711; АСт., № 116, стр. 192; АФЗ I, № 194 (яма дегтярная); АСЭИ I, №№ 607, 607а.

крестьяне;[73] главная же масса крестьян, занимавшихся смолокурением, гонкой дегтя, — дегтярями не поименованы.

Рядом с берестой (березовой корой), используемой на хозяйственные нужды, использовался также луб или лыко — внутренняя часть коры липы, вяза или ивы. Береста — стойкий материал, она смолиста, непромокаема, долго не гниет. С молодых деревьев хорошо снимается ленточная береста, употреблявшаяся для плетения разных предметов обихода;[74] из ленточной бересты и лыка плели лапти, готовили веревки и веревочные лычные изделия (дешевую конскую сбрую). Из листовой бересты (снимаемой со ствола большими листами) готовились сосуды (бураки, туесы) для жидких и полужидких веществ; листовая береста — важный строительный материал. Лыко шло на подвои к сохам. Из дерева крестьянами изготовлялись важнейшие орудия производства (основы плугов, сох, бороны, вилы, грабли), орудия транспорта — дровни, сани, пошевни, колы, телеги. Производимые крестьянами дровни-сани и пошевни входили в натуральный оброк крестьян. Дерево шло на изготовление домашней утвари, инструментов для домашнего производства. Среди крестьян источники называют бердника (готовящего бёрда), решетника, ситника (изготовляет сита).[75] Рядом с ними называются то пашенные крестьяне, то ремесленники — специалисты бондарного дела: бочечник, ведерник, ковшечник, учанник.[76]

Приведенные наблюдения над домашней промышленностью и сельскими промыслами крестьян указывают на их тесную связь с ремеслом и промыслами. Домашняя промышленность была источником роста кадров ремесленников и облегчала развитие ремесла; и в то же время развитие ремесла обеспечивало повышение уровня техники сельского хозяйства. Продукция крестьянских промыслов и домашней промышленности, помимо удовлетворения нужд самих производителей, в большой своей доле шла на рынок. Так сельское крестьянское хозяйство постепенно утрачивало характер строго замкнутого натурального хозяйства.

---

[73] НПК III, стр. 881 (на посаде); НПК IV, стр. 173; НПК V, стр. 305 (пашенные крестьяне); НПК I, стр. 51, 618 (на поземе непашенные люди); НПК II, стр. 241, 743, 779; НПК V, стр. 91, 411.

[74] Н. Верещагин. Берестяные изделия. Новый энцикл. словарь Брокгауза и Эфрона, т. VI, стр. 102—105; В. П. Левашева. Изделия из дерева, луба и бересты. Тр. ГИМ 33, стр. 61—93; Н. И. Благовещенский и А. Л. Говязин. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1895.

[75] НПК III, стр. 273, 536, 651, 778; ВПК II, стр. 192; НПК II, стр. 638; НПК V, стр. 177, 288.

[76] ВПК II, стр. 3; НПК IV, стр. 230; НПК III, стр. 883 (живут на посаде); НПК III, стр. 554, 559 (в деревне, пашенные крестьяне).

ГЛАВА V

КРЕСТЬЯНИН И ФЕОДАЛ-ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЕЦ, ИХ СВЯЗИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

ХОЗЯЙСТВО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА-КРЕСТЬЯНИНА

Крестьянское хозяйство — «двор» [1] изучаемого нами времени, — как мы уже видели, характеризуется наличием в его составе двух тесно связанных друг с другом основных отраслей: земледелия и скотоводства.[2] Об этом рассказывают все документы Северо-Восточной Руси, содержащие сведения о сельском хозяйстве; в отношении хозяйства Новгородской земли это систематически излагается в НПК. В описании каждой деревни в НПК приводятся сведения о размере и посеве зерновых хлебов и сенных покосов. Оставались неотмеченными лишь посевы зерновых хлебов, льна и репы на подсеках, разработку которых в дополнение к полевой пашне, можно предполагать в богатых лесами районах как Новгородской земли, так и Северо-Восточной Руси.

Для хозяйств лесной полосы были равно необходимы как пахотные поля и сенные угодья, так и лес для всяких хозяйственных надобностей: с одной стороны, это материал для изгородей, игравших большую роль при трехполье и скотоводстве; с другой — материал для строительства (а также для всяких поделок) и топливо. Участок с мелким лесом или кустарником мог служить и выгоном для скота. Поскотина — выгон для скота — лишь в немногих случаях прямо названа как принадлежность деревень, но выгон был естествен и необходим для каждой де-

[1] Так именуется оно в официальных документах XV—XVI вв.

[2] Здесь мы кратко передаем сведения о составных частях крестьянского хозяйства, уже изложенные нами в главах о земледелии (гл. II), о скотоводстве (гл. III) и о сельских промыслах и домашней промышленности (гл. IV).

ревни. Конечно, в однодворной деревне земледелец для одной или двух лошадей, одной-двух коров и небольшого стада мелкого скота не мог выделять поскотину, обносить ее специальной изгородью и содержать такую изгородь, но у каждой деревни было место, где скот мог пастись, не угрожая потравой полям и лугам.

Крестьянский «двор» — это жилище и комплекс надворных хозяйственных построек: изба с клетью (на подклети), хлев для скота, житница или другое строение для хранения зернового хлеба, баня; несколько поодаль, чаще среди поля, овин и гумно. Изба, с тесно примыкающими к ней хозяйственными постройками, располагалась на усадебном месте — на дворище; непосредственно к дворищу примыкал огород.[3] Отдельно, в пределах поля, устраивались капустник, конопляник.

Если во всех деревнях дворища-усадьбы, огороды, капустники, конопляники, полевая пашня и некоторые сенные покосы принадлежали, как и постройки, строго определенному хозяйству-двору, т. е. хозяину-крестьянину, то другая доля угодий была достоянием всей деревни. Такими были лесные угодья, выгоны для скота (поскотины), некоторые водные, бортные и охотничьи угодья, сенные покосы. В НПК и в актах Северо-Восточной Руси нередки указания на озера, в которых «рыбу ловят крестьяне волостью»; числящимися за волостью оказываются и некоторые более крупные сенные угодья — пожни, заливные луга.[4] Также особо значились и леса — одни за деревней, другие за волостью. Изгороди (огороды, перегороды, коровий или животиный прогон), охраняющие огородные культуры и полевые посевы внутри деревни, а также деревенские сенные покосы, выгоны для скота (поскотина) и непосредственно примыкающий к деревне лес — все это было общим, деревенским, принадлежащим деревне, т. е. живущим в ней крестьянам-земледельцам без приурочивания к отдельным хозяйствам; вся деревня сообща и обслуживала их.

Соседствующие деревни чувствовали себя живущими в едином коллективе; в волости у них было много общего: и лес мог быть общий, и поскотина,[5] и рыбные, и сенные угодья.

Мы уже говорили, что крестьянское хозяйство при всей его кажущейся незначительности было сложным комплексом, в котором занимались и земледелием, и животноводством, и сельскими промыслами; его трудовой коллектив (семья крестьянина) уделял также много внимания и домашней промышленности.[6]

[3] ГВНП, №№ 213—215 и 234; СГ, № 38, стр. 147; Шл., №№ XLV (1539 г.), XLVI (1540 г.), LVII (1540 г.), LIX (1526 г.); Мейчик, стр. 916—917 (вторая половина XVI в.).

[4] О сенных угодьях см. гл. II, стр. 267—271, 273—278, 282—283; об угодьях рыбных — гл. IV, стр. 289—293.

[5] ГВНП, №№ 123, 177, 182, 183; СГКЭ I, № 76 (поскотина мирская всей волости).

[6] См. гл. IV, стр. 297—302.

Различие природно-климатических условий на огромной территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси — от полосы чернозема и мягкого климата на юге (Рязанское великое княжество) до районов Заполярья с его гранитными скалами, валунами, тундровыми и таежными заболоченными лесами на севере (с подзолистой, малоплодородной почвой в средней полосе изучаемого нами района), — служило причиной большого многообразия в облике крестьянских хозяйств и целых деревень, в промыслах крестьян разных районов; мы уже указывали на районы, где рыболовство и охота занимали важное место в крестьянском хозяйстве, не меняя его земледельческого характера (крестьяне оставались «пашенными»). Дремучие леса, изобиловавшие непуганым зверем, многочисленные реки и озера, леса в районах, благоприятствовавших занятию бортничеством, создавали крестьянам-земледельцам условия для охоты, рыболовства и бортничества. Были районы, где эти промыслы занимали важное место в крестьянском хозяйстве: феодалы в составе оброчной земельной ренты получали (в «доходе») меха, продукцию рыболовства и мед. Охота, рыболовство и бортничество могли ограничиваться и малыми масштабами, когда крестьянин занимался ими лишь для удовлетворения потребностей своего собственного хозяйства; но все же в малом крестьянском хозяйстве они составляли очень заметную долю и в труде, и в продукции.

Домашняя промышленность, свойственная деревне XIV—XV вв., существовала, взаимодействуя и тесно переплетаясь с ремеслом. Крестьяне обеспечивали ремесленников сырьем и предметами потребления, а сами получали от ремесленников необходимое оснащение для земледельческих орудий производства и для транспорта, утварь. Из крестьян, специализировавшихся в промыслах, пополнялись кадры ремесленников. Каждое крестьянское хозяйство имело свой живой и мертвый инвентарь: скот и орудия труда.

Таким образом, крестьянское хозяйство изучаемого нами периода являлось примером натурального хозяйства. Но многое из того, что производил крестьянин, все же уходило из его хозяйства: в форме оброков — ренты землевладельцу-феодалу, за которым числилась земля, обрабатывавшаяся крестьянином; в виде налогов и даней, поступавших государству и властям; многое шло и на рынок. Крестьянское хозяйство жило и развивалось на основе своих внутренних сил. Этой основой являлся собственный труд крестьянина, труд его семьи, принадлежавшие ему орудия производства; земля же — основное средство производства — считалась, по нормам феодального права, собственностью землевладельца-феодала, которому и шла значительная доля продукции крестьянского хозяйства в качестве феодальной земельной ренты. Крестьянин с его семьей должен был не только всесторонне обеспечивать себя, сводить свой продовольственный бюд-

жет, фуражно-кормовой бюджет для содержания скота, свой трудовой бюджет (рассчитать свою рабочую силу), но и был обязан еще отвечать на ряд важных внешних запросов, предъявлявшихся к нему сверху не только со стороны землевладельца, но и со стороны государственной власти и ее органов. Свести концы с концами оказывалось нелегко. В главе о скотоводстве мы показали, сколь сложно было сведение кормового бюджета. На всех разделах крестьянского хозяйства тяжелым бременем лежали поборы землевладельца-феодала и его администрации, государственное тягло. Не меньшие трудности были при сведении продовольственного бюджета. Крестьяне — жители лесной полосы — широко использовали все то, что мог давать лес. Кроме строительных материалов, дров, лучины, луба и бересты для поделок, лес еще давал в большом количестве разнообразные ягоды и грибы, служившие подспорьем в продовольственном бюджете крестьянина. В НПК указывается оброк землевладельцу ягодами — брусникой, — причем в большом количестве, по полубочке ежегодно; другие документы говорят о губине, о грибах.[7] Сады встречались сравнительно редко в хозяйстве крестьянина. Огороды были невелики. Большое место в питании крестьян занимала репа, которой сеяли много в древней Руси.

Материалы НПК о земледелии и скотоводстве указывают на большое различие в размерах запашки и покоса в разных крестьянских хозяйствах. Другие документы особо отмечают наличие в сельских районах безлошадных хозяйств — говорят о «пещцах».[8] В НПК отмечено некоторое количество хозяйств, которым вследствие бедности даже была дана льгота от тягла на несколько лет.[9] Мы уже отмечали, что НПК позволяют говорить о наличии в Новгородской земле передовых и отсталых районов по развитию сельскохозяйственного производства; во многих районах эта отсталость связана с развитием в них охоты или рыболовства. Самый богатый источник — НПК — недостаточно раз-

---

[7] НПК III, стр. 666. — Более поздние документы из монастырских архивов XVI и XVII вв. содержат указания на регулярное взимание с крестьян оброков рыжиками, груздями, просто губиной (РИБ XXXVII, стр. 6, 7, 8, 9, 48); в специальных «Приимочных книгах ягод и грибов» Тихвинского монастыря отмечается прием ягод — брусники, морошки, малины; грибов — рыжиков, волнух (ЛОИИ, архив, ф. 132, кн. №№ 299, 341, 345, 367, 607, 610). Выплата орехов и ягод предусмотрена и в мелком доходе по сотной грамоте села Буйгорода (АФЗ II, № 178 (1543—1544 гг.), стр. 177—178). Документы XVI в. указывают на сбор ягод и грибов крестьянами как на обычное занятие (РИБ XIV, № LXXXIII; АСт., № 348, стр. 672).

[8] Имеем в виду два документа: первый относится к Северо-Восточной Руси; это уставная грамота Цареконстантиновскому монастырю (АФЗ I, № 201 (1391 г.)); второй — к Северо-Западной Руси; это грамота о «черном боре» с Новоторжских волостей (ГВНП, № 21 (середина XV в.)).

[9] Речь идет о нескольких погостах Обонежской пятины (см. выше, гл. II, стр. 195).

работан, чтобы широко изучать специфику в хозяйствах разных районов.[10] Можно только уверенно указать на некоторые отдельные как преуспевавшие, так и слабые хозяйства. Но ставить особый вопрос о материальном расслоении среди крестьян в большом масштабе не позволяет и состояние источника, и то соображение, что для раннего этапа развития феодализма, к какому относится изучаемый нами период жизни Древней Руси, взгляд на такое явление как на закономерное в документах не находит оправданий. Среди причин бедности и маломощности крестьян первою и основною были поборы землевладельцев: мы показали, что не менее трети всей продукции — из всех отраслей хозяйства — брал феодал, а рядом было еще государственное тягло и поборы; эта причина — общая для всех крестьянских хозяйств. Содержательный источник — НПК — при характеристике хозяйств (размер запашки, покоса, дохода землевладельцу, основного и мелкого, и обежного оклада) дает эти сведения сразу по всему селению, а не по отдельным хозяйствам; не надежен способ установления размера запашки и тем более размера покоса.

Крестьянские хозяйства, взятые в одиночку, были незначительны по своей продукции, в массе же своей они являлись основой всего материального сельскохозяйственного производства страны.

ХОЗЯЙСТВО ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦА-ФЕОДАЛА

В описаниях владений (вотчин) феодалов-землевладельцев, приводимых в духовных, меновных, купчих и других актах, составлявшихся по указанию самих владельцев, ясно выделяются две обособленные друг от друга составные части этих владений; они не сходны по месту их как в хозяйстве самого феодала, так и в общем народнохозяйственном производстве. Первая часть — это усадьба («большой двор» в НПК) феодала со службами, промысловыми предприятиями и угодьями, относящимися к различным отраслям хозяйства. Обслуживаемая холопами и слугами, эта часть владения составляла собственное хозяйство феодала (князя, боярина, монастыря) и обеспечивала разнообразные, диктуемые его положением, материальные запросы лично его, его семьи и тесно связанных с ним слуг и холопов. Вторая часть владения — это поименованные в актах села и деревни с тянущими к ним угодьями. Деревни и села указываются в актах как полная собственность землевладельца-феодала и подлинная составная часть его хозяйства. В действительности же деревни и села (и даже целые волости), являясь комплексом крестьянских

[10] Размер запашки и покоса очень мал в Деревской пятине. Не является ли причиной этому своеобразие работы писцов — составителей I и II томов НПК? В частности, нередки указания на малую запашку и малый покос, несоразмерные с цифрами основного и мелкого дохода с этих хозяйств.

хозяйств-дворов, жили своей особой жизнью, их хозяйственно-производственная деятельность совершенно не зависела от феодала и его хозяйства.

Право феодала-собственника на земли сел и деревень практически ограничивалось взиманием земельной ренты с крестьянских дворов и выполнением обязательств по отработочной ренте. Завещая, меняя, продавая свои земельные владения, феодал считал необходимым отметить свои особые права на ренту с сел и деревень, но в упомянутых кратких, чисто деловых актах это делалось так, что существо подлинных взаимоотношений между хозяйством землевладельца-феодала и крестьянскими хозяйствами искажалось. Если следовать указанным частным актам, то приходится считать, что никаких самостоятельных крестьянских хозяйств не было. Между тем документы, составленные по инструкциям государственной власти, и притом со специальной целью — учесть состояние народного хозяйства, — показывают, что в каждой вотчине-волости, т. е. в земельном феодальном владении, наряду с собственным хозяйством феодала, в селах и деревнях существовали многочисленные совершенно самостоятельные крестьянские хозяйства (десятки, а то и сотни крестьянских дворов-хозяйств).[11] И нам наряду с изучением владельческого хозяйства и крестьянских хозяйств надлежит особо осветить связь между этими хозяйствами — как по общим экономическим вопросам, так и в сфере производства.

Усадьба — «большой двор» боярина, князя, монастыря, — кроме жилых построек для семьи и для всего окружения владельца, включала еще многочисленные хозяйственные надворные постройки — «службы». В составе этих «служб» — помещения для хранения и обработки продуктов, предназначенных непосредственно для потребления боярина и его семьи, помещения для приготовления пищи (житницы, хлебни, пекарни, ключни, погреба, сушила, квасоварни и т. п.) и для хранения предметов домашнего и хозяйственного обихода, утвари, снаряжения, орудий производства. Большое место занимали специальные постройки для скота, птицы, псарни и т. п.

К усадьбам бояр примыкали сады, огороды, хмельники. Такие усадьбы располагались на берегах рек, вблизи озер, так что сенные, рыбные, охотничьи угодья были у них под рукой.[12]

---

[11] Такими документами являются писцовые книги; до нас дошли писцовые книги Новгородской земли (НПК) конца XV—начала XVI в.

[12] В деловой братьев князей Мезецких (1539 г.) на вотчину их в Стародубе Ряполовском приведено описание усадьбы князя Семена Михайловича Мезецкого: «Досталось князю Семену старое его усадьбищо село Лучкино, а в нем двор княж, 6 дворов княжих, да в селе же непашенных княж Семеновых людей 17 дворов», а затем перечислено 8 крестьянских дворов. Вслед за указанием — «а деревень к селу» — приведен перечень, включающий 43 деревни и 4 починка (деревни небольшие, в 2—4 двора). Указаны расположенные невдалеке от усадьбы пруд в селе Лучкино с мель-

Положение феодала обязывало его к непосредственному, активному участию в общественно-политической и военной жизни страны, а это накладывало определенный отпечаток на все его хозяйство. Многочисленными были лица, нужды которых обеспечивались в хозяйствах землевладельцев-феодалов, — это слуги вольные (в их числе и военные слуги) и холопы. Так было и у светских феодалов, и в монастырях, и в хозяйствах иерархов церкви. Отсюда — большие требования к хозяйству, необходимость вести его на широкую ногу.

В главе о скотоводстве мы уже указывали на большое внимание как светских феодалов, так и монастырей к обеспечению хозяйства достаточным конским поголовьем различного назначения. Кроме рабочих («страдных») лошадей, требовались верховые кони хорошей выучки — боевые кони, кони для повозок (санные), лошади для обслуживания транспорта. В крупном княжеском хозяйстве создавалось специальное ведомство («конюший путь»), занимавшееся пополнением, отбором и выращиванием качественного лучшего конского состава, выучкой его, обеспечением кормами, фуражом, пастбищами.[13]

Животноводство связывалось с серьезной задачей: обеспечить скот достаточным запасом зернового фуража и кормов на зиму, пастбищами на летнее время. Забота о кормах и пастбищах вызывала стремление к захвату и присвоению сенных угодий — пожень и лугов. Погоня за сенными угодьями и борьба за них характерны как для хозяйств великих и удельных князей, так для монастырских и боярских хозяйств.

Сложной и важной отраслью владельческого хозяйства являлось рыбное хозяйство; оно связывалось с содержанием и эксплуатацией многочисленных рыбных угодий — рыбных промыслов, ловель и т. д., зачастую очень удаленных от центра

ницей, пруд с большой плотиной и с мельницей на устье реки Шижехты (при впадении в реку Клязьму), в многочисленных озерах «езы вешняки» и зимние езы, луга и пожни около озер и в пойме реки Клязьмы, охотничьи угодья — перевесья, — в их числе «перевесье чирячье», т. е. утиное (ЦГАДА, ф. 281 (ГКЭ), № 11802 (23) по Суздальскому уезду). Картина усадьбы с перечнем строений дана в деловой вотчинников братьев Юрия и Федора Ивановичей Зворыкиных на село Бужениново Переяславского уезда (1543 г.); в усадьбе указано, кроме большого дома (с горницами, с несколькими клетями, сенями и повалушами), пять житниц (в разных местах), четыре избы, погреб, ледник, поварня «естовая», поварня пивная, мыльня, отдельные клети (с подклетями), конюшенный двор, четыре хлева, овин, гумна, пять дворов деловых людей (боярских); сады, огороды и хмельники у каждого брата; вблизи усадьбы два пруда, озеро, сенные луга, а затем перечислено 40 деревень, принадлежавших этим владельцам (ОГКЭ IV, № 951 (1543 г.), стр. 317).

[13] Об этом см. гл. III; см. также: С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. Сб., посвящ. В. О. Ключевскому, М., 1909, стр. 569—571.

хозяйства. Особенно велик был спрос на рыбную продукцию в монастырских хозяйствах. Рост числа крупных монастырских вотчин, отмечаемый на севере и в Северо-Восточной Руси с конца XIV в., сопровождался особо настойчивым стремлением монастырей к захвату и освоению рыбных угодий. Одновременно с умножением рыбных промыслов, в монастырях и у крупных светских вотчинников появляется особый интерес к приобретению соляных промыслов, и уже не только для удовлетворения собственных нужд в соли, но и как выгодных предприятий.[14] Самостоятельной важной отраслью являлось содержание и эксплуатация бортных угодий.[15]

Феодал — воин (конник) по профессии. Князья и бояре в случае войны выступали во главе группы воинов и даже целых отрядов.[16] Даже мелкий землевладелец, выступая в поход на коне и обеспечивая себя запасом продовольствия, кормом для лошадей и военно-походным снаряжением, должен был иметь слугу и одного-двух поводных коней. Обеспечение боеготовности феодала предъявляло серьезные требования к его хозяйству. Военная выучка феодала и его слуг, необходимая постоянная тренировка в верховой езде и владении оружием осуществлялись при охоте.

Охота-утеха в этих условиях входила в жизнь феодала как обязательная составная часть. Для обслуживания охоты содержались кони лучшей выучки, выделялись специалисты-слуги; вероятно, именно они и сопровождали феодала на войне. В княжеском дворцовом хозяйстве существовало ведомство княжеской охоты с разделами специальной охоты на крупного зверя, охоты псовой (для чего содержались многочисленные псарни), охоты с ловчими птицами; особым разделом была охота на бобров.[17]

---

[14] См. гл. IV, стр. 289—293; см. также: С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство..., стр. 588—595; С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947, стр. 152—154.

[15] См. гл. IV, стр. 294—297; см. также: С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство..., стр. 571—579.

[16] В источниках слабо освещен вопрос о том, из кого комплектовались воины в состав боярских отрядов. У крупных феодалов естественно предполагать в нем землевладельцев-вассалов. Новгородский владыка выставлял большие военные отряды, сформированные из его вассалов (Б. Д. Греков. Новгородский дом святой Софии. СПб., 1914, стр. 446—457). Материалы о землевладельцах — вассалах удельных князей мы встречаем в Тверской писцовой книге 1548 г. (ПКМГ II, стр. 141—402). В НПК приведены сведения о большом числе послужильцев, новгородских и московских бояр, испомещенных в Новгородской земле в 1490-е и 1500-е годы; см.: В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, стр. 325—331; С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение, в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 288—290; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1946, стр. 487—495.

[17] См. гл. IV, стр. 285—288; С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство..., стр. 579—588.

Большое место отводилось охоте и в хозяйствах бояр и мелких землевладельцев.

Забота об оружии, о военном снаряжении в условиях слабо развитого рынка заставляла иметь в своем хозяйстве специалистов-ремесленников по изготовлению и ремонту оружия, военного снаряжения. Оружейные мастера, бронники, седельники, кузнецы и т. п. упоминаются среди слуг феодалов.

Усадьбы — «большие дворы» — феодалов были наполнены десятками, а в ряде случаев даже сотнями слуг-холопов, обязанностью которых, наряду с непосредственным обслуживанием семьи феодала и выполнением работ по его домашнему хозяйству, были организация хозяйства и управление им как в целом, так и отдельными его отраслями. Были холопы — специалисты по ремеслам. Холопы выступали и в составе феодальной администрации.[18] Дошедшие до нас духовные грамоты крупных землевладельцев-феодалов — князей, бояр — сообщают о многочисленных слугах-холопах, о семьях этих холопов и дают любопытные сведения о большой численности подневольных людей. В духовной боярина Василия Васильевича Галицкого перечислено 16 семей,[19] в духовной Марии Петелиной — 24 семьи,[20] в духовной новгородского боярина Евстафия Ананьина — 20 семей.[21] Боярин князь Иван Юрьевич Патрикеев наделяет каждого из своих сыновей и свою жену многочисленными холопами-слугами. Среди этих холопов называются: стрелок, бронник, псари, сокольник, серебряный мастер, портной мастер, мельник, повар, хлебник, садовник, утятник, рыболов, конюхи, истопник, ключники; называются и холопы-страдники, работавшие в сельском хозяйстве.[22] Часть своих людей-холопов он отпустил на свободу.

До нас дошло большое количество таких духовных от XIV, XV и начала XVI в. Все они с достаточной ясностью обрисовывают сложное собственное хозяйство землевладельца — усадьбу со многими «службами», в которых работали и которыми руководили у светских землевладельцев в первую очередь слуги-холопы.[23] У более мелких землевладельцев «служб» было меньше, немного

---

[18] О холопах — домашних слугах и ремесленниках — в вотчинных мастерских хорошо рассказано в рядной Ксении Ивановны Плещеевой (1514 г.), выписки из которой приведены нами выше (гл. IV, стр. 299); указания на холопов, выполняющих организационную, административную работу во владельческих хозяйствах, — в духовных иноки Ефросиньи (АСЭИ I, № 251), Ионы Михайловича Плещеева (АСЭИ I, № 499), Андрея Михайловича Плещеева (АСЭИ I, № 562), князя Андрея Федоровича Голенина (АФЗ II, № 15), Василия Борисовича Тучка-Морозова (АСЭИ I, № 612) и др.

[19] АСЭИ I, № 108 (1433 г.).

[20] Там же, № 228 (около 1440 г.).

[21] ГВНП, № 110 (1393 г.).

[22] ДДГ, № 86 (до 1499 г.).

[23] АСЭИ I, №№ 108, 228, 251, 253, 450; АСЭИ II, № 168; АСт., №№ 40, 79, 90; Ув., № 7; ОГКЭ IV, № 944 (начало XVI в.); АФЗ II, №№ 15, 172.

было «людей»-холопов, но все же «большой двор» резко отделялся от крестьянских хозяйств — просто «дворов».

Выше, знакомясь с общим состоянием сельского хозяйства путем изучения отдельных его отраслей, мы с каждым шагом укреплялись во мнении, что основой сельского хозяйства древней Руси в изучаемый нами период являлось земледелие — производство зерновых хлебов. То же, что мы увидели при ознакомлении с хозяйством землевладельцев-феодалов, как будто расходится с нашей общей оценкой этой ведущей отрасли сельского хозяйства: земледелие, в частности производство зерновых хлебов, в собственном хозяйстве феодалов-землевладельцев в изучаемое нами время занимало скромное место. Однако хлебная зерновая продукция во всех этих хозяйствах также являлась главной материальной основой их продовольственного и общего бюджета, но производились эти зерновые хлеба не в собственном хозяйстве феодала, а поступали извне — из сел и деревень, приписанных к этому хозяйству; производились они, конечно, не слугами и холопами феодалов, жившими в их усадьбах, а земледельцами сел и деревень, зависимыми от землевладельца — князя, боярина или монастыря.

Мы уже указали, что собственное хозяйство землевладельца-феодала в списке недвижимостей (земельных владений), приводимом в духовных, являлось лишь одной частью его владений. За этой частью следовал перечень деревень с крестьянскими дворами, которые составитель духовной или другого акта выдавал тоже за свою полную собственность. Таким образом, население этого села с боярской усадьбой, в котором жил землевладелец-феодал, являлось лишь небольшой долей всего населения вотчины, земельного владения феодала. Материальные блага, составляющие основу этого хозяйства, создавались не здесь. В «большом дворе» — в хозяйстве феодала — лишь перерабатывалось и потреблялось добытое в другом месте: скот, находящийся в конюшнях, коровниках и хлевах этого хозяйства, кормился сеном и фуражом, выращивавшимся и заготовлявшимся в другом месте, далеко от села, в котором жил феодал; пасся этот скот также далеко отсюда; то же касается рыбной и другой продукции, потреблявшейся в собственном хозяйстве землевладельца-феодала. Для нас, изучающих сельскохозяйственное производство и покоящиеся на нем производственные отношения, существует два типа совершенно самостоятельных хозяйств: первое — хозяйство крестьянина («двор»), а второе — хозяйство землевладельца-феодала, его «вотчина» («боярщина»), поместье; их связь и взаимодействие нам и предстоит изучать.

Общей чертой всех крупных владений являлась их лоскутность и разбросанность. Это одинаково ярко выступает на примерах княжеских владений, монастырских, боярских и других более мелких вотчин. В духовной великого князя Дмитрия Ива-

новича говорится о куплях его деда Ивана Калиты: о Галиче «со всеми волостями и с селы и со всеми пошлинами и с теми селы, которые тяглы к Костроме», о Белом озере, также «со всеми волостьми», об «Углече поле», о Тошне и Сяме.[24] Эти владения, завещанные младшим сыновьям великого князя, отстояли далеко от Москвы и составляли самостоятельные уезды, станы или волости, связанные лишь единством центрального вотчинного управления. Столь же разбросанными были владения удельного серпуховского и боровского князя Владимира Андреевича.[25] Путь постепенного накапливания, «примысла», характерен и для боярских, и для всех видов церковных и монастырских владений. Ярким и типичным примером являются владения боярина Федора Андреевича Свибла, крупного воеводы у Дмитрия Ивановича Донского. Свибло, пользуясь своим высоким положением, собрал огромные земельные богатства в своих руках. Из косвенных указаний в княжеских духовных и договорных грамотах[26] устанавливается, что боярину Свиблу принадлежали села в Московском, Переяславском, Бежецком, Нижегородском уездах, в Ростове, Устюге, Вологде, в Отводном стане на Верхней Волге и в Сямской волости (юго-западнее озера Кубенского), — всего не менее 15 крупных владений в шести-семи уездах. При этом необходимо учесть, что в дошедших до нас документах (в княжеских духовных) косвенно отражена лишь доля фактических владений Свибла в конце XIV—начале XV в.

Свибло не был исключением. Подобные явления были в то время обычны как для московского великого княжества, так и для других земель-княжеств.[27] Так было и в Новгородской земле. Примером этого служат владения новгородских бояр Остафия Ананьевича[28] и Федора Остафьевича[29] — отца и сына. Указанные в духовных грамотах «отчины и дедины» этих бояр были разбросаны по ряду районов Шелонской и Бежецкой пятин в Торжке, на Ваге, в Шенкурском и Кокшенгском районах и т. д. Лоскутность и разбросанность по разным пятинам Новгородской земли свойственна и хозяйству Федора Акинфовича, менее крупного

[24] ДДГ, № 12 (1389 г.), стр. 33—36 (последние волости юго-западнее Кубенского озера).

[25] Там же, № 17 (около 1401—1402 гг.), стр. 45—51.

[26] Там же, №№ 20, 21 и 22; С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 146—147.

[27] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 148—150.

[28] В духовной Остафия Ананьевича (ГВНП, № 110 (1393 г.), стр. 166—168) сообщаются сведения, каким путем им получены завещаемые земельные владения: одни — это «отчины и дедины», другие — «купли» самого завещателя, некоторые — «купли его отца», «купли бабы нашей Федосьи»; говорится и о владениях, которые были «пожалованы» его отцу, а то и самому Остафию Ананьевичу: «А что Новгород пожаловал отца моего и меня и дал грамоту на Валжане».

[29] ГВНП, № 111 (1435 г.), стр. 169—171.

новгородского землевладельца, рядную которого с его племянником Матвеем Ивановичем мы подробно разобрали.[30]

В указывавшихся нами дореволюционных работах историков землевладения в Новгородской земле — А. М. Гневушева, архимандрита Сергия (Тихомирова), В. Ф. Загорского и А. М. Андриашева[31] — приведены списки новгородских землевладельцев с перечислением и указанием размера и местоположения их владений. Такие же списки крупных землевладельцев Новгородской земли приведены в работе С. А. Тараканової-Белкиной.[32] Подробной характеристике крупных хозяйств новгородских бояр и монастырей посвящены также упоминавшаяся выше монография Л. В. Даниловой[33] и две работы А. П. Шурыгиной.[34] Во всех этих работах разбросанность и лоскутность боярских владений показана очень ярко. Мы уже упоминали владельцев села Медно, новгородских бояр Онисифора (Ониципора) Лукинича и его сына Юрия Онцифоровича. Сведения об их крупном хозяйстве (и хозяйстве сына последнего, Михаила Юрьевича) дошло до нас в Новгородских берестяных грамотах и в одном из ранних актов Северо-Восточной Руси.[35] Владения этого новгородского боярского рода выходили за пределы Новгородской земли.

В сложности (лоскутности) состава земельных владений феодалов, в разбросанности их, на которую указывают все исследователи истории землевладения как Новгородской земли, так и земель-княжеств Северо-Восточной Руси, находит отражение внутренняя разнородность, несвязанность составных частей этих владений, то, что они длительно и постепенно накапливались в одних руках или в одном княжеском или боярском роде.

Указанные черты владельческих вотчин столь же отчетливо выступают в материалах монастырского землевладения конца XIV—XV в., что легко проследить на примерах формирования крупных монастырских вотчин этого периода: Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Симонова, Спасо-Прилуцкого, Спасо-Ефимьева, Иосифо-Волоколамского и других монастырей.[36]

---

[30] ГВНП, № 122; см. выше, гл. II, стр. 119—123.

[31] См. выше, гл. I, стр. 17.

[32] С. А. Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939, стр. 90—104.

[33] Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955.

[34] А. П. Шурыгина. 1) Новгородская боярская колонизация в XIV—XV вв. Уч. зап. ЛГПИ, т. 78, 1948, стр. 31—62; 2) Новгородская боярская вотчина в XV в. (по материалам вотчины Марфы Борецкой). (Дисс.).

[35] Бер. гр., №№ 94, 97—99, 157, 167, 180, 297, 301 и 311; АСЭИ I, № 2 (около 1380—1417 гг.), стр. 26.

[36] Из большого числа работ по истории землевладения во многих прослеживается протекавший особенно активно в конце XIV, XV и первой

БОЯРЩИНА И КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО («ДВОР») В ИХ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СВЯЗИ

Лоскутность и разбросанность земельных владений феодалов сказывалась отрицательно на прочности и регулярности связи крестьян с хозяйственно-административным центром владельческой вотчины. Некоторые деревни действительно располагались в близком соседстве с «селом-усадьбой» землевладельца, но это была сравнительно малая часть деревень, значившихся в вотчине. Постоянной и прочной связи мешали и общие условия жизни. При бездорожье и низком качестве транспортных средств в изучаемое нами время мало доступными, а то и просто недосягаемыми были уже деревни, отстоящие на 10—20 км. Между тем в каждой вотчине подавляющее большинство деревень приходилось на волости, находившиеся в других погостах или уездах, а то и в других землях-княжествах. Таковы внешние обстоятельства, исключавшие хозяйственно-производственное единство деревень с «большим двором». Да и сам феодал, если он получал все, что могло дать ему крестьянское хозяйство, не был заинтересован в тесной производственной связи с ним. Не следует упускать из виду и большую разницу во внутреннем строе и направлении хозяйственной жизни крестьянского двора и боярской усадьбы.

Каждое крестьянское хозяйство имело свой живой и мертвый инвентарь, жилища, хозяйственные постройки, орудия производства. Крестьянин в своей трудовой, производственной деятельности не имел необходимости обращаться к землевладельцу-феодалу. Поэтому связь между крестьянским и владельческим хозяйством естественнее искать вне самого сельскохозяйственного производства. Феодал был собственником земли, считал себя хозяином всех земельных угодий, которые эксплуатировались крестьянином. И естественно ожидать, что регулярная выплата крестьянином ренты на землю, на которой он сидел и над которой трудился, являлась основной формой связи между феодалом-землевладельцем и земледельцем-крестьянином.

В отношении Новгородской земли об этой стороне взаимоотношений между крестьянином и феодалом ясный массовый материал дают Новгородские писцовые книги. Беднее материалы

половине XVI в. процесс формирования крупных монастырских вотчин. Из них мы уже указывали на работы Н. Никольского и А. И. Копанева о Кирилло-Белозерском монастыре (А. И. Копанев привел данные и о Ферапонтовом монастыре), М. Н. Тихомирова и К. Н. Щепетова об Иосифо-Волоколамском монастыре; в работах С. Б. Веселовского («Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» и «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.») рассказано о формировании земельных владений ряда монастырей Северо-Восточной Руси и митрополичьего дома. Процесс этот ярко выступает в систематизированных по монастырским фондам изданиях актов XIV—XV вв. (АСЭИ I, II и III; АФЗ I и II).

по Северо-Восточной Руси; мы твердо уверены в существовании (в далеком прошлом) материалов, аналогичных новгородским, но они не сохранились, не дошли до нас.

В числе основных задач, стоявших перед составителями Новгородских писцовых книг, был учет боярских, владычных, монастырских и других земель, поступивших в распоряжение московского великого князя и бывших ценнейшим земельным фондом для пожалования вотчинами и поместьями его московских слуг-феодалов. Производя описание этого фонда, писцы, наряду с регистрацией селений и учетом дворов, крестьян-дворохозяев, хозяйственной мощности их, должны были отметить, какую ценность представляли описываемые бывшие новгородские волости-владения, какова «доходность» каждой волости. Переводя это на язык историков, изучающих феодальные отношения, можно бы сказать, что писцы должны были указать, каким фондом феодальной ренты обеспечивался новый землевладелец, получающий ту или иную бывшую боярскую волость. Составители Новгородских писцовых книг, описывая в каждом погосте волость за волостью, отмечая, сколько в них деревень, а в деревнях перечисляя все дворы, называя размер запашки и размер покоса, указывали в отношении каждой волости число дворов (т. е. крестьянских хозяйств), количество установленных обеж (т. е. окладных единиц), а вслед за этим писали, какой «доход» шел (т. е. какая земельная рента выплачивалась крестьянами волости) бывшему землевладельцу-боярину (это так называемый «старый доход», или «доход по старому письму») и какой «доход» выплачивается новому владельцу в момент производства описания (так называемый «новый доход», или «доход по новому письму»). У нас есть все основания считать, что писцы, отмечая все эти сведения о «доходе», с полной ответственностью выполняли эту важную часть своей задачи. Оценивая полную реальность данных о «доходе», мы не должны забывать, что как те, кто платил оброки, так и те, кто получал «доход», не могли быть равнодушными к достоверности сведений, вносимых писцами в такой документ, как писцовые книги.

Нет нужды говорить об исключительной важности данных о доходе землевладельцев-феодалов для изучающих связь между «двором» земледельца и хозяйством землевладельца-феодала. «Доход», как старый, так и новый, расчленялся на три всегда отдельно отмечавшиеся категории. Первая — просто «доход»: это доход с основной продукции крестьянского хозяйства, а поскольку основою крестьянского хозяйства было земледелие — зерновое хозяйство, постольку «доход» и состоял из доли урожая зерновых хлебов, или зернового хлеба «поспом», а потом стал заменяться деньгами. Вторая категория — «мелкий доход»: доход с продукции других отраслей крестьянского хозяйства — животноводства, охоты, рыболовства, бортничества, домашней промыш-

ленности; это доход мясом, молочными продуктами, овчинами, мехами, рыбой, медом и т. п.; и он, конечно, мог заменяться деньгами; по размеру он и на самом деле, по сравнению с основным, был «мелким доходом». Третья категория — «ключнич доход», или «доход посельскому», «поселье» — это доход представителю вотчинной феодальной администрации, он столь же обязателен, как и другие указанные категории; по размеру он не уступал «мелкому доходу», но мог включать и зерновые хлеба, продукцию животноводства (овчины, баранов, полти мяса, масло) и деньги.

Сообщаемые в НПК материалы о главном, основном оброке («доходе»), выплачивавшемся крестьянином землевладельцу, мы свели в таблицу (см. табл. 6).

В табл. 6 приведены итоги сообщенных в НПК сведений о составе и размере основного оброка («дохода»), т. е. оброка с зернового хозяйства, выплачивавшегося крестьянами землевладельцам. Материалы эти систематизированы и суммированы в зависимости от формы, в какой шел этот «доход»: в долях ли урожая («половье из хлеба», т. е. половина из урожая основных зерновых хлебов, «треть из хлеба», «четверть» или «пятина из хлеба»), или оброк в определенном количестве зерновых хлебов («хлебом поспом», как сказано в НПК), или оброк деньгами, или платежи в смешанной форме. Писец, подводя итог по каждой волости (или по более мелкому владению) вначале «по старому письму», т. е. на 1470—1480-е гг., а потом «по новому письму», т. е. на 1495—1505 гг., после указания обеж, дворов и «людей» в волости отмечал: с такого-то числа обеж «доход» шел деньгами, со стольких-то обеж шло «половье (треть, четверть, «пятина») из хлеба», а со стольких-то обеж выплачивался «хлеб поспом» в указанном размере. Отдельно (№ 19) указаны в табл. 6 «обжи оброчные» — это случаи, когда землевладелец устанавливал несколько необычный оброк: рыбой, медом или какой-либо другой продукцией в определенном количестве по какому-то особому условию. Часто писец просто отмечал, что «обжа оброчная» или «с 1 обжи оброк», не указывая, в чем он состоял. Мы разносили эти данные по рубрикам соответствующих форм оброка в отношении каждой волости (владения).[37] Об этих «доходах» вла-

---

[37] Берем пример: «И по старому пис[ь]му в сей волостке... дворов 16... а обеж 32. А старого дохода с 28 обеж ден[ь]гами 8 гривен и 10 денег; ...да с тех же пяти обеж из хлеба половье; а с осминадцати обеж хлеба поспом (указано количество зернового хлеба, — *Г. К.*); а с пяти обеж дохода за все деньгами, и те деньги писаны с теми же деньгами вместе (т. е. входят в «8 гривен и 10 денег», — *Г. К.*); а с четырех обеж дохода не было: пахал их Юрьи (старый боярин, — *Г. К.*) на себя... И по новому письму в той волостке... дворов и с большим двором 23... а обеж $32^1/_2$. А нового дохода с $28^1/_2$ обжи ден[ь]гами $1^1/_2$ рубля 3 гривны и 8 денег... а хлеба поспом (указано количество, —

Таблица 6

Основной оброк «доход» с крестьян землевладельцам Новгородской земли

№ п/п		«Старое письмо» (учет в обжах)			«Новое письмо» (учет в обжах)		
		Деревская пятина	Вотская пятина	Шелонская пятина	Деревская пятина	Вотская пятина	Шелонская пятина
	Чем выплачивается оброк						
1	Деньги	868	376½	196½	577½	480	266
2	Оброк великого князя деньгами	—	—	—	3310½	189	2160
3	Посопной хлеб	58	705	170½	49½	204½	55½
4	Деньги + хлеб посопом	4849	2791½	3284½	4014	5626	3026½
5	Половье из хлеба	68	283½	67½	40½	205½	20
6	Деньги + половье из хлеба	—	522	64	—	291½	5½
7	Треть из хлеба	5	112	134	—	109½	67½
8	Деньги + треть из хлеба	109½	733½	205	81½	1437½	348½
9	Четверть из хлеба	110	617	196	37½	293½	166
10	Деньги + четверть из хлеба	1777½	1891½	991½	1440½	1564	629
11	Пятина из хлеба	28	94	64	3	42	50
12	Деньги + пятина из хлеба	2116½	160	238½	1417	70	231
13	Треть из хлеба + посопной хлеб	—	64½	3	—	9	—
14	Четверть из хлеба + посопной хлеб	61	868	33½	16	304	9½
15	Пятина из хлеба + посопной хлеб	43	110	1½	16	11	1½
16	Деньги + треть из хлеба + посопной хлеб	—	270½	69	—	373½	26½
17	Деньги + четверть из хлеба + посопной хлеб	237	823½	656½	343½	1157½	753
18	Деньги + пятина из хлеба + посопной хлеб	749	162	221½	773½	104½	19
19	Оброчные обжи	—	211	16	—	129½	—
	Учтено						
20	Обложенных обеж	11079½	10796	6613	12120½	12602	7835
21	Льготных обеж	261½	351½	25½	992½	599½	370½
22	Обеж, доход с которых писцами не указан	7269½	3553½	1465½	6378½	378	109½
23	Всего обеж	18610½	14701	8104	19491½	13579½	8315
24	Всего дворов	17348	11069	5597	19743	14230	7467

дельцу «писано подлинно» при описании каждой деревни. На основе этих данных общие данные по волости могут подвергаться перекрестной проверке. Суммируя их по всем волостям-владениям того или иного погоста, мы составили для себя ведомости по погостам, а потом из них получили общие ведомости по тем трем пятинам Новгородской земли, по которым писцовые книги дошли до нас в лучшей сохранности. «Доход» землевладельцу, как и «дань» великому князю, начислялся писцами с «обжи», с условной окладной единицы, поэтому и учет наш — в обжах. В НПК сведения о «доходе», помимо «дохода по старому письму» (или «старого дохода») и «дохода по новому письму» («нового дохода»), могли сообщаться писцами еще на третий, промежуточный момент, когда новгородский боярин был уже выселен и в боярщине появились представители московского великого князя, но новый владелец еще не был посажен. В этих случаях взимали «за старый доход» оброк в пользу великого князя. Многие владения подолгу не поступали в раздачу, и «оброчные земли великого князя» в большом количестве имелись и в момент составления писцовых книг. С таких земель оброк обычно взимался деньгами. Замена хлебного оброка денежным была удобнее для великокняжеской казны. «Оброк великого князя деньгами» (строка 2) значится только «по новому письму»; а «деньги + хлеб поспом» (строка 4) по этой же причине увеличились вдвое в «новом письме» Вотской пятины. Показателен состав оброка с дворцовых земель великого князя: из обложенных $1365^1/_2$ обеж при «новом письме» с $1355^1/_2$ обеж платили «деньги + посопной хлеб».

Не все волости учтены в табл. 6: рукописи писцовых книг Вотской и Деревской пятин дефектны. По Вотской пятине не дошло описаний двух погостов и части третьего; вследствие утраты листов в описании ряда волостей нет итогов. То же и в Деревской пятине. Поэтому общее число учтенных нами обеж меньше общего числа обеж, указанного в работах А. М. Гневушева и Н. Ф. Яницкого. Еще больше дефектов в рукописях по Шелонской пятине. Меньше в табл. 6 и число дворов. В последнем случае причиной было не только то, что итоги учтены не по всем волостям, но и то, что мы учитывали лишь крестьянские тяглые дворы и оставляли в стороне владельческие усадьбы и другие не обложенные, не тяглые дворы. В табл. 6 также не включены сведения по Задней Кореле Вотской пятины. Описа-

Г. К.) ... а с четырех обеж дохода нет: пашет их Ивашко (посаженный вновь помещик, — *Г. К.*) на себя» (НПК III, стр. 134). В табл. 6 все эти сведения (т. е. 32 обжи) помещены в рубрике «Старое письмо», из них четыре обжи — в строке 21 («льготные обжи»), т. е. не облагаемые оброком и данью земли владельца, 5 обеж — в строке 6 («Деньги + половье из хлеба»), 18 обеж — в строке 4 («деньги + хлеб поспом»), 5 обеж — в строке 1 («деньги»), так как весь оброк с них шел деньгами. В рубрике «Новое письмо» — $32^1/_2$ обжи, из них четыре обжи «льготные» (строка 21), а с $28^1/_2$ обеж «деньги + хлеб поспом» (строка 4).

ние Задней Корелы произведено писцами по особому плану, как района по преимуществу неземледельческого, где за окладную единицу принят «лук», а не обжа.[38]

В табл. 6 (строка 22) особо выделены хозяйства (обжи), по которым «писцами доход не указан» ни по «старому письму», ни по «новому». С этих хозяйств «доход» (оброк) землевладельцу шел, только писцы, по особым своим соображениям, не отметили его в писцовых книгах. Так, если волость раньше принадлежала какому-нибудь монастырю и осталась за этим же монастырем, то писцу незачем собирать и включать сведения о доходе: все оставалось по-старому. То же самое происходило, если монастырское владение передавалось великому князю. В этом случае оброк по «новому письму» мог устанавливаться вне зависимости от «старого», и потому данных о «старом доходе» нет. Во многих других случаях регистрация старого или нового «дохода» практически была бесцельной, а потому и необязательной. И не по небрежности, а вследствие признания этой необязательности в таких случаях сведения о «доходе» не приводятся писцами. Так было, например, когда новому землевладельцу, москвичу, великий князь «дал ... землю противу его земель московских», поэтому он был волен по-своему определять размер «дохода». То же происходило, если владение получено в приданое, а также путем мены или дарения. Так, по Деревской пятине сведения о «старом доходе» не указаны для 39% обеж, по Вотской — для 24% обеж, по Шелонской — для 18% обеж. И по «новому письму» нет данных о «доходе» по Деревской пятине для 32.2% обеж, по Вотской — для 2.8%, по Шелонской — для 1.3%.[39] Писцы сведений не указали, а «доход» — феодальная земельная рента — взимался.

От писцовых книг конца XV—начала XVI в. Обонежской и Бежецкой пятин дошли до нас лишь небольшие отрывки, поэтому сведения по ним об основном «доходе» в табл. 6 не включены, а приведены в более удобных местах в тексте исследования.

Вчитываясь в процессе работы над НПК в описание одних за другими всех погостов, волостей и деревень Новгородской земли, мы убеждались, что каждый крестьянин-земледелец был обязан со своего хозяйства отдавать землевладельцу долю урожая зерновых хлебов; это составляло «доход» землевладельцев-феодалов. Сводка материалов НПК о «доходе» землевладельцев, представленная в табл. 6, свидетельствует о полноте охвата всех крестьянских хозяйств этой повинностью; она показывает, что уплата крестьянами «дохода» землевладельцу — боярину, монастырю, владыке, «житьему человеку» и всякому иному землевладельцу — еще во время новгородской самостоятельности являлась всеобщей

[38] См. гл. IV, стр. 286—287.
[39] См. выше, табл. 6.

нормой (как бы законом) для Новгородской земли. Не выплачивался оброк («доход») лишь со льготных обеж, т. е. с хозяйств, имевших льготу от несения государственного тягла (от выплаты обежной дани); такими в НПК сочтены все хозяйства самих землевладельцев и их слуг, церковного причта и хозяйства ремесленников в селах и рядках. В число льготных было внесено еще небольшое число совершенно маломощных крестьянских хозяйств. Им льгота давалась на очень небольшой срок (на 3—5 лет). Общие итоговые цифры табл. 6 подтверждают всеобщность этой нормы для Новгородской земли.[40]

Выплата феодальной земельной ренты («дохода») была в равной мере общей нормой и для Северо-Западной, и для Северо-Восточной Руси.

В Северо-Восточной Руси в изучаемое нами время были «черные волости», крестьяне которых жили не на владельческих землях, а на землях великокняжеских или государственных. Такие волости, не охваченные феодализацией, были и в Новгородской земле. Их можно найти среди волостей Задней Корелы в Вотской пятине (данные о которой мы не включили в табл. 6); они были и в других пятинах,[41] а также в северной и северо-восточной части Новгородской земли, — части, которая оказалась за пределами территории, описанной в НПК.

В 1490-е и в начале 1500-х годов было большое число крестьянских хозяйств (точнее, волостей-владений), которые оставались после конфискации боярских земель не переданными новым землевладельцам-вотчинникам или помещикам. Писцы называли их «оброчными землями великого князя». В период новгородской самостоятельности эти волости были владельческими, чаще боярскими или монастырскими, и с крестьян шел обычный «доход»

---

[40] Всего учтено по Деревской и Вотской пятинам и по 48 погостам Шелонской пятины по «старому письму» 41 415½ обеж и по «новому письму» 41 384 обжи; из них льготных отмечено по «старому письму» 633½ обжи и по «новому письму» 1962½ обжи; обеж, доход с которых шел, но не записан писцами, по «старому письму» 12 288½ и по «новому письму» 6866; обеж, «доход» с которых учтен в таблице и сгруппирован по составу и форме, по «старому письму» 28 488½ и по «новому письму» 32 555½.

[41] Сложный вопрос о государственных землях Великого Новгорода не подвергался специальному изучению. Но в имеющихся отдельных высказываниях можно отметить единство мнений. Так, бывшими новгородскими государственными землями признаются волости Морева, Велиль и Холмский погост в Деревской пятине, наместничьи кормленские погосты и волости в других пятинах, в их числе и район Задней Корелы (Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения..., стр. 44; А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области, после присоединения ее к Москве. Киев, 1915, стр. 257—276). А. М. Гневушевым подчеркнуты отраженные в НПК важные характерные для общин черных волостей черты общественного строя как в указанных погостах-волостях Деревской земли, так и в волостях Смерда, Стержь, Лопастицы и Буец (Очерки..., стр. 270—276).

владельцу (этот «доход» учтен в «старом письме»). Когда осуществлялась конфискация боярских и других владений в Новгородской земле, московские власти строго следили за тем, чтобы в конфискованных вотчинах не было приостановки в уплате крестьянами владельческих «доходов». Лишь только выбывали «старые бояре», появлялись представители великокняжеского фиска (казны) для сбора доходов. В НПК указывается на временную замену старых «доходов» несколько иными: выплата в долях урожая пересчитывалась в «посопной хлеб», а так как «посопной хлеб» тоже было неудобно брать представителю великокняжеской казны, то его пересчитывали на деньги и заменяли денежным оброком.[42] Так, в «новом письме» в большом количестве появился «оброк великого князя деньгами», равно как и «деньги + посопной хлеб». И следует помнить, что по величине и тот, и другой вид переходного типа оброка мало чем отличался от оброка, выплачивавшегося владельческими крестьянами. По табл. 6 можно убедиться, что «доход» в долях урожая на каком-то раннем этапе эволюции феодальной земельной ренты стал основной ее формой, затем из нее («издольщины») как исходной формы владельческого дохода появились (вытесняя ее) «хлеб поспом» (натуральный оброк зерновым хлебом), а потом и денежный оброк.

В таком виде рисуется эволюция форм феодальной земельной ренты в Новгородской земле. Прямой иллюстрацией этого положения являются те многочисленные случаи пересчета оброков, существовавших при «старом письме» (долевого и «посопным хлебом»), в оброк великого князя деньгами при «новом письме».

Для того чтобы крестьянское хозяйство могло регулярно платить землевладельцу высокий «доход» в виде доли урожая, нужно, чтобы это хозяйство по своей организации и продуктивности достигло достаточно высокого уровня. Господство паровой трехпольной системы земледелия в Новгородской земле ко времени ее вхождения в состав Русского государства — убедительный показатель высоты этого уровня, и мы считаем необходимым обратить внимание на закономерность причинной связи между трехпольем и регулярно выплачиваемым высоким оброком.

---

[42] «И по старому письму... 5 деревень, а дворов 6, а обеж 7; старого дохода денгами 6 гривен... а из хлеба с 4 обеж треть, а с обжи из хлеба четверть, а с обжи хлеба поспом... а с обжи ден(ь)гами оброк... А по новому пис(ь)му 7 деревень, а дворов в них 8... а обеж 7... А великого князя оброку положено на те деревни 7 гривен, а за третной и за четвертной хлеб положено хлеба поспом 14 коробей ржи, 14 коробей овса, 7 коробей ячмени. А в котором году не взяти хлеба хлебом, и за хлеб положено денгами за коробью ржи 10 денег, за коробью овса 5 денег, за коробью ячмени 7 денег; итого за хлеб денгами рубль и 3 гривны с денгою. И всего оброку положено на те деревни денгами и за хлеб, и за наместничий корм $1^1/_2$ рубля и 2 гривны и 5 денег, опричь обежные дани» (НПК III, стр. 479—480).

При изучении оброка («дохода») особенно важно определить «вес» — тяжесть этой повинности для крестьян. Когда в таблице подсчитано, с какого количества обеж выплачивалось «половье из хлеба», треть, четверть или «пятина из хлеба», то в этих случаях нетрудно представить себе и тяжесть оброка. Но во многих случаях сказано глухо: «оброк посопным хлебом» и «оброк деньгами», сколько «посопного хлеба» и сколько денег — показать в таблице не удалось. Когда мы читаем в документе подлинные записи о такой уплате оброков, то во всех этих случаях ясно указано сколько денег платилось с той или иной обжи, сколько выплачивалось коробей ржи, овса, ячменя или пшеницы с каждой отмеченной обжи, — т. е. тяжесть оброка определена в документе. Но эти тысячи самых различных по содержанию записей не могут быть систематизированы по группам, пригодным для статистических таблиц: такая систематизация оказывается практически неосуществимой. И перед нами стояла задача — как же, хотя бы с некоторым приближением к истине, определить материальный вес всего выплачивавшегося крестьянами основного «дохода».

Один из обходных путей решения этой задачи подсказан нам самим документом. Оброк зерновым хлебом («хлеб поспом») и оброк деньгами пришли на смену оброку в долях урожая. Записи же в НПК о взимании оброка московской администрацией с конфискованных, но не переданных еще новым землевладельцам новгородских боярщин позволяют считать, что эта замена происходила без резкого изменения в размере оброка: «посопной хлеб» исчислялся в размере, близком к старому издольному оброку, а деньги, вероятно, выражали стоимость ранее платившегося зернового хлеба. Приступая к приближенному исчислению тяжести оброка, мы напоминаем об этой связи — с тем чтобы конкретно показать, каков был вес всего взимавшегося землевладельцами-феодалами «дохода». Оброк «посопным хлебом» и денежный оброк по своей стоимости мало отличались от оброка в треть или в четверть урожая. Именно эту цифру — «треть урожая» — подсказывают нам данные табл. 6 как общую среднюю (а точнее — как величину, эквивалентную «доходу» по всей массе учтенных в НПК обеж, безразлично, исчислялся ли этот «доход» действительно в доле урожая, платился ли он «посопным хлебом» или «деньгами»). Средняя величина оброка приближалась к трети урожая зерновых, во всяком случае можно считать, что она значительно превышала четверть урожая. Мы исходили из следующих данных: в табл. 6 отмечено весьма значительное количество случаев уплаты оброка в размере, превышающем третью долю урожая: «половье из хлеба», «треть из хлеба + деньги», «треть из хлеба + посопной хлеб», «треть из хлеба + деньги и посопной хлеб» (строки 5, 8, 13, 16); немногочисленны случаи уплаты просто «четверти из хлеба» (строка 9), но многочисленны случаи

добавления к четвертной доле урожая денег, «посопного хлеба» или того и другого одновременно (строки 10, 14, 17). Но есть и «пятая доля из хлеба», — правда, преимущественно с добавлением денег или «хлеба поспом».[43] В пользу принятия трети урожая за средний показатель при исчислении веса владельческого дохода (феодальной земельной ренты) говорит еще одно соображение: кроме землевладельца, оброк зерновым хлебом крестьянин платил еще ключнику и посельскому («ключнич доход»); это был достаточно весомый платеж — в полкоробьи ржи и яровых хлебов с обжи и по четверти коробьи зернового хлеба со всякого овина.

Постараемся более конкретно определить, что значит для крестьянского хозяйства уплата трети, четверти или пятой доли урожая. Примем средний уровень урожая для хозяйства феодального периода «сам 3», а средний посев на крестьянское хозяйство — от 3 до 4 коробей. Для приблизительных исчислений удобна цифра посева в 4 коробьи ржи (среднее хозяйство в Шелонской пятине) на хозяйство. Рассмотрим первый вариант; уплачивается «доход» — «половье из хлеба». Урожай озимого хлеба (ржи) 12 коробей; при «половье» 6 коробей идет землевладельцу, 4 коробьи необходимо было оставить для посева; следовательно, крестьянину со всей его семьей оставалось 2 коробьи, т. е. половина того, что он посеял. Второй вариант — «треть из хлеба». Из 12 коробей 4 коробьи идут землевладельцу, 4 коробьи остаются на посев и 4 коробьи останутся для крестьянина и его семьи. В этом случае весь урожай делится на три равные доли, и крестьянину на питание с семьей остается столько, сколько хлеба им было высеяно. Третий вариант: «доход» — «четверть из хлеба». Землевладельцу — 3 коробьи, т. е. 0.75 посеянного хлеба; на посев — 4 коробьи, самому крестьянину — 5 коробей, т. е. 1.25 высеянного хлеба. Четвертый вариант: «доход» — «пятина из хлеба». Землевладелец получает 2.4 коробьи, т. е. 0.6 того, что было посеяно крестьянином, на посев остается 4 коробьи, крестьянину — 5.6 коробьи, т. е. 1.4 высеянного хлеба.

Попытаемся приблизительно исчислить, в какой общей цифре выражался этот оброк с пятин и погостов Новгородской земли.

---

[43] Общее число учтенных обложенных обеж в табл. 6 для «старого письма» — 28 $488^1/_2$; для «нового письма» — $32\,555^1/_2$ (строка 20); оброк в различных долях урожая и в долях урожая с добавлением денег или посопного хлеба в табл. 6 указан: при «старом письме» — $14\,861^1/_2$ обжи, при «новом письме» — 12 470 обеж. Из них «половье» из хлеба и деньги + + «половье» из хлеба (строки 5, 6) по «старому письму» — 1005 обеж, по «новому письму» — 563 обжи; треть из хлеба — всего 428 обеж, треть из хлеба с добавлением (строки 7, 8, 13, 16) по «старому письму» — 1456 обеж, по «новому письму» — $2276^1/_2$ обеж; четверть из хлеба — всего 420 обеж; четверть из хлеба с разными добавлениями (строки 9, 10, 14, 17) при «старом письме» — 7340 обеж, при «новом письме» — 6217 обеж; «пятина» из хлеба — всего 281 обжа, с добавлением (строки 11, 12, 15, 18) по «старому письму» 3702 обжи, по «новому письму» — $2643^1/_2$ обжи.

Мы приняли, что средняя величина выплачиваемого землевладельцу «дохода», если рассчитаем ее в зерновой продукции, будет близкой к $^1/_3$ урожая зерновых хлебов и несомненно намного превысит «четверть из хлеба». При урожае «сам 3» этот «доход» будет равняться ежегодно высеваемому крестьянами количеству зерновых хлебов. Следовательно, основной «доход» каждого феодала-землевладельца равнялся всем зерновым хлебам, высевавшимся крестьянами принадлежавших ему сел и деревень; крестьянин в среднем отдавал феодалу столько хлеба, сколько высевал сам и сколько оставалось ему для прокормления семьи и других потребностей. Для той части Новгородской земли (немного большей, чем половина), описание которой дано в дошедших до нас НПК, эту величину посева зерновых мы знаем.[44] Крестьяне Деревской и Вотской пятины и 48 погостов Шелонской пятины доставляли со своего земледельческого хозяйства «дохода» землевладельцам зерном (или в форме денежного оброка) свыше 120 тысяч коробей ржи и до 180 тысяч коробей яровых хлебов, а всего около 300 тысяч коробей зерновых хлебов ежегодно. Всем крестьянским семьям на питание и все другие потребности оставалось примерно столько же, сколько они отдавали землевладельцу в качестве земельной ренты. Так определяется «вес» (или тяжесть) основного, т. е. зернового оброка. Во всей Новгородской земле крестьяне выплачивали в виде оброка до 4200 тысяч пудов ежегодно. Так было в конце XV—начале XVI в. А если принять более низкую среднюю величину «дохода», например «четверть из хлеба», то общая сумма поступающего землевладельцам ежегодного дохода составит $^3/_4$ от посеянных зерновых хлебов, а в мерах — 90 тысяч коробей ржи и 135 тысяч коробей яровых, всего 225 тысяч коробей зернового хлеба ежегодного дохода.

---

[44] Посев зерновых в Деревской пятине составлял 36 706 коробей, в Вотской пятине — 51 391 коробей (А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 361—422 (приложение V); подсчет наш), по 48 погостам Шелонской пятины (посев крестьян) — 30 807 коробей (А. А. Кауфман. Новгородские писцовые книги в статистической обработке. Пгр., 1915, стр. 94), а всего 121 907 коробей озимых хлебов; наряду с озимой рожью высевались яровые — овес в количестве вдвое большем, пшеница и ячмень в количестве, немного превышавшем количество ржи. При переводе в более знакомые весовые единицы (коробья ржи весила около 7 пудов) 300 тысяч коробей равны 2100 тысячам пудов. Приведенные итоговые цифры посева хлебов и ежегодного «дохода» землевладельцев охватывают лишь ту часть Новгородской земли, описание которой дошло в сохранившихся и дошедших до нас рукописях НПК. А так как в них описано немного больше половины Новгородской земли, то все приведенные итоги посева зерновых хлебов и выплачиваемого дохода следует умножить на два, и общий посев по всей Новгородской земле будет около 240 тысяч коробей ржи и до 360 тысяч коробей яровых хлебов; этим цифрам будет равен и «доход» землевладельцев. Мы условно приняли урожай «сам 3», а если он будет большим, то и «доход» будет соответственно большим.

Землевладельцы получали «доход» не только с урожая зерновых хлебов, но и с продукции всех других отраслей крестьянского хозяйства. Эта часть оброка указывается в НПК под наименованием «мелкий доход» и доход ключнику: и «мелкий», и «ключничий доход» были такими же обязательными составными частями оброка в пользу землевладельца, как и рассмотренный «доход», т. е. основной оброк, и потому они непременно отмечаются в НПК. Казалось бы, в мелких владениях (например, у своеземцев), когда ключник не нужен, не должно бы быть и «ключничьего дохода», но он все же взимался.

В главе о скотоводстве мы указывали, в каком большом количестве и разнообразии направлялась в качестве «мелкого дохода» землевладельцу мясная и молочная продукция крестьянских хозяйств. Мы приводили случаи целых волостей, в которых из каждого крестьянского хозяйства шло землевладельцу по барану, по овчине (и притом еще особо ключнику овчина), по лопатке бараньей, по сыру, по куре, по полти мяса с 2—3 дворов, и еще масло, яйца, шерсть и т. п. Уже с одной волости набирались десятки баранов, кур, овчин, сыров, сотни яиц и т. п. Рядом с продукцией животноводства в том же составе «мелкого дохода» указываются лен и конопля — семя, волокно, пряжа и полотно; за ними продукция охоты — меха, пернатая дичь, ловчие птицы; дальше — рыба и другая продукция рыболовства, мед и, наконец, многообразная продукция крестьянской домашней промышленности.

В НПК рядом с платежами крестьян землевладельцам указывается также обежная дань — основная подать в государственную казну, уплачивавшаяся всем тяглым населением. Ее размер в НПК не указывается; но о нем можно догадаться по летописной записи 1478/79 г., повествующей о событиях последних дней самостоятельности Великого Новгорода. Там, после известного определения величины окладных единиц — сохи и обжи — записано: «И князь великы захотел взяти събжи по полугривне, и владыка съ всеми своими от всего города начаша бити челом, чтобы государь смиловался, имал бы по тому дань, как бьем челом, по 7 денег с 3-х обжеи, а имал бы, пожаловал, по одинова на год. И князь великы тем их пожаловал, что имати ему одинова на год дань с сохи по полугривне съ всех волостеи Новгородских и на Двине и в Заволочьи, на всяком, хто ни паши землю, и на ключникех, и на старостах и на одерноватых».[45] Вероятно, в таком размере — с сохи по полугривне, а с обжи по $2^1/_3$ деньги (новгородских) — и взималась обежная дань в конце XV и в первые годы XVI в. О новых окладах обежной дани сказано в более поздних писцовых книгах: в писцовой книге 1539 г., описывающей поместные земли, отмечаются частые

[45] ПСРЛ XXV, стр. 320.

случаи увеличения поместного владения, и в этих случаях пишется: «А на придаточные обжы положено сверх обежной дани... с обжы по алтыну»;[46] обежная дань в новом, бо́льшем размере установлена только на приданые обжи (с обжи по алтыну); вероятно, налог единовременный. Позднее, в писцовой книге Бежецкой пятины 1545 г., отмечено общее увеличение обежной дани на «четыре московски» (т. е. на две новгородские деньги) с каждой обжи.[47]

Феодал-землевладелец рассматривал все отрасли крестьянского хозяйства как источники «дохода», а свое право землевладельца истолковывал как право на получение земельной (феодальной) ренты со всех эксплуатируемых крестьянами земельных угодий своего владения. У составителей НПК указанное право землевладельца очень конкретно раскрыто в материалах о «доходе». И вполне оправдано указание правительства великого княжества Московского, данное составителям НПК, об учете не только числа обеж и размера пахоты с сенокосом, но и размера «дохода», так как именно этот показатель особенно ценен при учете поместного (владельческого) земельного фонда. Так раскрывается подлинная основа экономических взаимоотношений и хозяйственно-производственной связи между «двором» крестьянина и «большим двором», т. е. хозяйством землевладельца. Получая в изобилии зерновые хлеба, землевладелец, естественно, мог не думать о большой полевой запашке. И действительно, собственная барская пашня в хозяйствах землевладельцев в XIV—XV вв. была небольшой. Такого мнения с достаточным основанием держится Б. Д. Греков; он отмечает, что рост барской запашки и рост барщины обозначились позднее, в XVI в.[48]

В табл. 6 наряду с цифрами, показывающими вес феодальной земельной ренты, имеются некоторые материалы, косвенным образом раскрывающие размер барской пашни в Новгородской земле. Составители НПК не ставили своей задачей описывать владельческие хозяйства, их интересовали прямые производители — крестьяне. Сведения, сообщаемые о владельческих хозяйствах (боярских, монастырских, владычных, купецких и т. п.) отрывочны, не систематичны и, конечно, не полны. Но положение меняется, когда дело доходит до учета полевой засеваемой пашни. Писцы во всех случаях строго учитывали ее, так как по пашне устанавливалось обежное обложение; учитывали пашню и тогда, когда она использовалась во владельческих хозяйствах.

---

[46] НПК IV, стр. 239, 243, 247, 254, 265, 272, 273, 277—278 и т. д. (Писцовая книга Шелонской пятины 1539 г.).

[47] Там же, стр. 40, 42, 44, 50, 52, 54, 58, 61, 62, 64, 66 и т. д. (Писцовая книга Бежецкой пятины 1545 г.).

[48] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 528—531, 534, 537—545, 587—598. — Вопрос о рабочей силе в барском хозяйстве разобран Б. Д. Грековым в его развитии на протяжении XIV—начала XVI в.

В НПК при подведении итога по волости (да и в самом описании) всегда наряду с числом крестьянских обеж указывается, сколько обеж эксплуатировалось во владельческих хозяйствах («пашет помещик» или «пахал боярин на себя»). Так мы получаем некоторые сведения о владельческой запашке в Новгородской земле.

В табл. 6 (строка 21) указаны «льготные обжи», с которых не идет ни доход владельцу, ни обежная дань, — это и есть эксплуатируемые землевладельцами пахотные земли. Их итоговые цифры рассказывают о распространении и общем размере барской пашни. Цифры эти нуждаются в небольшой поправке: «льготными обжами», наряду с владельческими, являются обжи, эксплуатирумые церковным причтом; наравне с владельческими расцениваются и хозяйства «людей», т. е. холопов помещичьих или боярских и их ключников. Показанное НПК число «льготных обеж» оказывается совершенно незначительным, особенно в новгородское время. По «старому письму» (т. е. в 1470-е годы их было в Шелонской пятине меньше трети (0.32)) процента, в Деревской — 1.5%, в Вотской — 2.3% от общего числа обеж. Барская пашня увеличилась с приходом испомещенных Москвой землевладельцев: по «новому письму» (т. е. для 1495—1505 гг.) по Вотской и Шелонской пятинам число «льготных обеж» дошло до 4.4%, а по Деревской — до 5%.[49] Мы и здесь должны учитывать, что в эти цифры входят обжи церковного причта и особенно в большом числе обжи ключников и «людей» помещичьих и боярских. Поэтому нет оснований (в отношении Новгородской земли) говорить о широком распространении барской пашни не только в старое время новгородской самостоятельности, но и в конце XV—начале XVI в.; указанные 4.4 и 5% намного уменьшатся, если вычесть обжи, приходящиеся на причт, на маломощные крестьянские хозяйства, на дворы ключников помещичьих и «людей».

Для понимания перемен, происшедших за время от «старого» до «нового письма», следует принять во внимание еще и то, что увеличение барской пашни произошло не за счет массового стремления землевладельцев оживить свое хозяйство, а за счет активной перестройки своих хозяйств лишь отдельными вновь испомещенными землевладельцами. В «новом письме» выделяется ряд помещичьих хозяйств с большой запашкой — в 6, 7, 8 и даже свыше 10 обеж (в 13, 17—18 обеж).[50] В некоторых

---

[49] См. табл. 6 на стр. 000.

[50] Пашня на 6 обеж: НПК I, стр. 362, 462; НПК IV, стр. 26 и 97. — Пашня на 7 обеж: НПК I, стр. 29, 82, 424; НПК II, стр. 28—30, 124—125; НПК V, стр. 98. — Пашня на 8 обеж: НПК I, стр. 284, 435—436; НПК IV, стр. 177. — Пашня на 9 обеж: НПК III, стр. 170; НПК IV, стр. 95. — Пашня свыше 10 обеж: НПК II, стр. 36 (Сом Линев пашет с людьми 11 обеж); НПК IV, стр. 140 (Ознобишин Иван пашет с людьми

случаях это совместные владения двух-трех братьев; но все это новые для Новгорода землевладельцы. Получив свои земельные владения, они, не теряя времени, стремились возможно быстрее обеспечить себя доходами и расширяли собственную запашку, тем более, что правительство поддерживало их в этих начинаниях. Для нас это новое явление, уже выходящее за пределы изучаемого нами периода. К тому же из одного сообщения о расширении барской запашки нет оснований делать выводы об увеличении барщины.

В НПК во всех отмеченных нами случаях большой барской пашни записывается, что «пашет помещик своими людьми», «со своими людьми», т. е. вместо указания на применение барщинного труда крестьян — прямое заявление об использовании труда холопов. Мы указали больше десятка случаев большой барской запашки; если закрыть глаза на все другое, то можно было бы говорить вообще о большом размере пашни во владельческих имениях. На деле же на всю Новгородскую землю (а точнее — на три описанные пятины) таких указаний немного, при этом очень низок общий их процент к учтенным обжам. То, что сюда включена пашня и «людей» помещичьих, и ключника, совершенно лишает нас оснований говорить о значительности собственно барской запашки в Новгородской земле даже для конца XV—начала XVI в. Новгородские материалы свидетельствуют в пользу мнения Б. Д. Грекова о небольших размерах собственной пашни у землевладельцев-феодалов. Однако у ряда исследователей экономики и социальных отношений в древней Руси мнение Б. Д. Грекова вызвало возражение. Л. В. Черепнин, А. Д. Горский и А. П. Пьянков в своих работах, вышедших в последние годы,[51] согласованно настаивают на широком распространении отработочной ренты (и именно в форме барщины) еще с XIV—XV вв., ссылаясь в основном на материалы Северо-Восточной Руси. Последнее делается не без оснований, так как Б. Д. Греков, говоря о малой барской запашке в XIV—XV вв., имел в виду не только Новгород, но и Северо-Восточную Русь. Мы не имеем возможности отдельно разбирать мнение и аргументацию каждого из указанных авторов, да это и не требуется

$17^1/_2$ обеж); НПК I, стр. 436 (князья Кропоткины, три брата, пашут $13^1/_2$ обеж); НПК I, стр. 135, 140 (три брата Бунковых пашут 18 обеж); НПК I, стр. 107 112 (два брата князья Пужбальские пашут 18 обеж). — Данные о барской пашне в Шелонской пятине приведены в работе: В. Ф. Загорский. История землевладения Шелонской пятины в конце XV—XVI веков. СПб., 1909, стр. 16—18.

[51] Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, стр. 227—232; А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, стр. 234—243; А. П. Пьянков. Формы феодальной ренты в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. Уч. зап. Могил. гос. пед. инст., вып. 1, 1954, стр. 3—30.

по сути дела, так как все они базируются на одном и том же круге источников (на актах Северо-Восточной Руси) и держатся почти одинаковых мнений. При кажущихся решительных возражениях Б. Д. Грекову, все три автора в качестве общей оценки говорят, что для Руси XIV—XV вв. характерно одновременное существование барщинных повинностей и оброков. Их расхождение с мнением Б. Д. Грекова по существу ограничивается различием в оценке доли барщины и отработочной ренты и доли оброчных платежей. Правильная оценка соотношения веса отработочной ренты (барщины) и ренты оброчной зависит всецело от того, в какой мере верно определен характер владельческого хозяйства, с одной стороны, и крестьянского — с другой, насколько глубоко вскрыто существо производственных и экономических связей между ними. В этом плане и интересуют нас указанные работы. Трудности в освещении этих вопросов (а отсюда — ошибки при их решении, расхождения в оценках, особенно в отношении Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.) вызваны не только малочисленностью источников. Главное может оказаться не освещенным, сообщаемые же документами частности и явления второстепенные могут представить все в ложном свете, исказить подлинную картину.

Источники Северо-Восточной Руси и Новгородской земли достаточно ясно говорят о владельческих житницах, обильно заполненных зерновыми хлебами. Но где и кем выращены эти хлеба? Об этом в актах Северо-Восточной Руси мы нередко встречаем или очень противоречивые данные, или столь неясные, что любое мнение по этому вопросу можно представить одинаково оправданным. Но по-иному, предельно ясно, рассказано об этом в НПК в отношении Новгородской земли. Описывая волость за волостью, а внутри каждой волости одну деревню за другой, писцовые книги отмечают направляемый в житницы землевладельцев из каждого крестьянского хозяйства зерновой хлеб в составе ежегодно выплачивавшегося «дохода» землевладельцу. А в общей сумме это составляло по Новгородской земле не десятки, а сотни тысяч коробей различного зернового хлеба, поступавшего в житницы землевладельцев.[52]

Ясная форма этих сообщенных НПК сведений четко раскрывает и организацию земледельческого производства. В этом источнике перечислены все крестьянские хозяйства-дворы (с поименным указанием их владельцев), в которых производились как зерновые хлеба, так и другая сельскохозяйственная продукция, направлявшаяся как «доход» из крестьянских дворов в кладовые землевладельцев. Мы думаем, что такая же картина предстала бы перед нами и в отношении земель-княжеств Северо-Восточной Руси XV в., если бы до нас дошел и от них источник, подобный

[52] См. табл. 6 на стр. 319.

Новгородским писцовым книгам. К сожалению, в нашем распоряжении только актовый материал по земельным сделкам, одна-две уставные грамоты и несколько десятков судных дел. Подобный актовый материал дошел до нас и о Новгородской земле. Нам представился случай сопоставить конкретные материалы, сообщаемые НПК о двух хозяйствах — новгородского боярина и его племянника, мелкого землевладельца, — с одновременными материалами, сообщаемыми в акте о разделе этих хозяйств. Мы считаем, что это конкретное сравнение, результат которого подтверждают и все другие данные об актовом материале в писцовых книгах и им подобных документах, ясно показывает, где и как следует искать более достоверных сведений о народном хозяйстве древней Руси, о взаимоотношениях крестьянина и феодала и о хозяйственно-производственных связях между крестьянскими хозяйствами и хозяйствами землевладельцев.

Разбирая вопрос о сельском строительстве, о селах и деревнях, мы сопоставили сведения о владениях новгородского боярина Федора Акинфовича и его племянника Матвея Ивановича, приведенные в их рядной, с описанием в НПК бывших в их владении сел и деревень — и убедились, насколько различно эти два документа (рядная и НПК) рассказывают об одних и тех же хозяйствах.[53] Между ними нет противоречий, но в рядной — простое перечисление селений и общие глухие указания на «пашенную» и «лешую» землю и другие угодья в этих селениях, тогда как в НПК разбросанные по разным погостам и пятинам деревни и села описаны отдельно — с поименованием всех хозяев-крестьян, с указанием размера посева и покоса в этих деревнях. В НПК нарисована яркая картина хозяйственной жизни волостей, числившихся владениями боярина Федора Акинфовича, особенно интересная конкретностью приводимых данных. В то время, как в рядной говорится только об угодьях владельческого хозяйства (создается впечатление, что все указываемые в этом документе села и тянущие к ним угодья являются частями боярского хозяйства Федора Акинфовича), НПК дает понять, что наряду с «большими дворами», действительно боярскими, в этих селах было много десятков крестьянских хозяйств; НПК указывает эти хозяйства и, называя их владельцев, приводит сведения о размере посевов и покосов в этих хозяйствах. В соответствующих, отмеченных нами местах НПК рассказывается о трудовой жизни крестьян всех этих сел, об экономических хозяйственных связях крестьянских хозяйств с хозяйством боярина Федора Акинфовича и его племянника Матвея Ивановича.[54] В НПК говорится о составе и о размере основного и

[53] ГВНП, № 122; см. выше, гл. II, стр. 119—123, 128; см. также ссылки на НПК на указанных страницах.

[54] ГВНП, № 122.

«мелкого» дохода, выплачивавшегося крестьянскими хозяйствами старому новгородскому боярину Федору Акинфовичу; этим характеризовалась основа экономических связей между описанными в НПК крестьянскими хозяйствами и хозяйством боярина.

Когда мы сравниваем эти документы, то узнаем, что ко времени составления НПК боярина Федора Акинфовича уже не было, ликвидирована была и его вотчина-боярщина, на месте ее появились новые владельческие (помещичьи) хозяйства. Села же и деревни с составлявшими их крестьянскими хозяйствами остались нетронутыми. В них по прежнему порядку текла трудовая жизнь крестьян. Именно НПК, а не рядная, раскрывает нам подлинную картину жизни сел и деревень, составлявших владение Федора Акинфовича и Матвея Ивановича, бывших новгородских землевладельцев. Именно из этого документа мы узнаем о населении всех указываемых в рядной селений, узнаем о трудовой жизни многих десятков крестьянских хозяйств, составлявших деревни и села боярщины Федора Акинфовича. Мы узнаем, что подлинной основой хозяйственной производственной жизни как указанной вотчины боярина Федора Акинфовича, так и всей Новгородской земли были крестьянские хозяйства. Рассматриваемые нами документы составлены разными лицами, имели различное назначение и хотя говорят об одном и том же предмете, но очень различаются по содержанию, так как рассказывают об этом предмете с совершенно разных точек зрения.[55] Составителям рядной было достаточно только назвать селения, которыми они владели, указать на свои «большие дворы», в которых жили сами владельцы, их семьи и слуги, сказать о наличии разного рода угодий, принадлежащих этим селам, чтобы произвести дележ этих владений, — более подробных сведений им не требовалось.

То, что описано в рядной как боярские села Акинфовых с «большими (боярскими) дворами» и с тянущими к ним угодьями, как села, разбросанные по многим погостам разных пятин, на самом деле было мелкими волостями, принадлежавшими Федору Акинфовичу с племянником, — волостями из многих деревень, из которых каждая состояла из нескольких крестьянских хозяйств, живших самостоятельной, независимой от хозяйства бояр Акинфовых производственной жизнью. Подлинная картина жизни боярщины Акинфовых раскрыта в НПК. С этой точки зрения указанная рядная как исторический источник показательна и типична своими ограниченными сведениями о крестьянских хозяйствах для всех частных актов XIII—XV вв. о поземельном обороте как Новгородской земли, так и Северо-Восточной Руси.

---

[55] Там же, стр. 179—181; НПК II, стр. 489—494, 315—319; НПК IV, стр. 356—358, 560; НПК V, стр. 42 и 181.

Из числа новгородских актов столь же показательны духовные грамоты новгородских бояр Остафия (Евстафия) Ананьевича (1393 г.),[56] Федора Остафьевича (1435 г.),[57] посадника Ивана Лукинича,[58] купчая грамота новгородского Ковалева монастыря на села по реке Тихвине и др.[59] Такими же являются и большинство духовных, меновных, деловых, купчих и других актов поземельного оборота XIV—XV вв. Северо-Восточной Руси.

Участники сделок, составители всех этих актов, перечисляя села и деревни с их угодьями как свою недвижимую собственность, как будто не замечали или не хотели признавать, что все эти деревни (да и села) по существу своему крестьянские, так как состояли из совершенно самостоятельных крестьянских хозяйств, существовавших независимо от хозяйства феодала. Дело здесь не только в неполноте сведений как следствии лаконичной характеристики владельческого хозяйства, но и в искаженной оценке фактического положения. Необходимые коррективы к новгородским актам вносят НПК, что выступает с особой наглядностью при сопоставлении уже разбиравшейся нами рядной Федора Акинфовича с описаниями упоминаемых в этом документе сел и деревень, приведенными в НПК. Писцовые книги показывают то, о чем акты умалчивают или что в актах охарактеризовано искаженно, оценено неверно. Такие коррективы обязательны в равной мере для актов как Новгородской земли, так и Северо-Восточной Руси.

Из актов Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. по конкретности материала и важности его для освещения вопроса о связях владельческого хозяйства с крестьянскими хозяйствами и взаимоотношениях между феодалами-землевладельцами и крестьянами выделяется уже упоминавшаяся нами уставная грамота митрополита Киприана Цареконстантиновскому монастырю.[60] Она важна и потому, что, прямо рассказывая о связях владельческого хозяйства с крестьянскими, попутно раскрывает картину состояния этих хозяйств, и не только в год составления уставной грамоты, т. е. в конце XIV в., но и за 30—40 лет до этого.[61] В грамоте прямо говорится о том, что крестьяне обеспе-

[56] ГВНП, № 110 (1393 г.), стр. 168. — Указаны земельные владения в Деревской и Шелонской пятинах, в Шенкурье и в Кокшеньге; в духовной указывается на получение хлеба, кун (денег) и дара с сел при объезде землевладельца-феодала этих сел за «доходами».

[57] Там же, № 111 (1435 г.), стр. 169—171.

[58] Там же, № 120 (не позднее 1471 г.), стр. 177. — Здесь, как и в № 122, говорится о селе с «большим моим двором и хоромами... и со иными окольными сельцы» и со всякими угодьями.

[59] ГВНП, № 121 (XV в.); № 278 (XV в.), стр. 277; № 280 (1451—1452 гг.), стр. 281.

[60] АФЗ I, № 201.

[61] С этой стороны грамота охарактеризована Б. Д. Грековым (Крестьяне на Руси..., стр. 540—543).

чивали монастырь зерновым хлебом; сказано еще о регулярной (пусть в качестве подношений) выплате монастырю продуктов скотоводства, крестьянской домашней промышленности. Следовательно, этот документ ясно показывает, что материальною основою монастырского хозяйства являлась продукция крестьянских хозяйств монастырской вотчины и труд крестьян, т. е. то самое, о чем говорят и НПК.

При сравнительном изучении оброков и трудовых повинностей крестьян Цареконстантиновского монастыря нельзя упускать из виду, что его села и деревни непосредственно примыкали к монастырю, а это облегчало широкое применение крестьянского труда в монастырском хозяйстве. Исследователи, преувеличивающие роль барщины, разбирая данную уставную грамоту, склонны расценивать как барщину и посев на нужды монастыря зерновых хлебов на «игумновом жеребье»,[62] тогда как весь этот «игумнов жребий» был в общем клине деревенских полей, обрабатывался, засевался и убирался полностью крестьянами. Позднейшие распоряжения митрополичьего дома вносят полную ясность в этот вопрос: в строго вымеренных, рассчитанных на трехполье посевных площадях каждый крестьянин должен пахать по пять десятин на себя, а шестую десятину на монастырь.[63] Так как в этом посеве, в выращивании и в сборе урожая все делалось крестьянской заботой и крестьянским трудом, то не остается никаких сомнений, что в данном случае мы имеем одну из форм издольщины — уплату шестого снопа феодалу — или десятинную пашню, по существу равнозначную издольщине.[64]

Оброчные платежи в монастырских вотчинах одинаково обычны как в Новгородской земле, так и в Северо-Восточной Руси. В митрополичьей (типовой) уставной грамоте монастырям[65] об основных статьях дохода и о порядке дележа дохода между старцами монастыря говорится: «А что идет им хлеб из сел монастырских, что на них крестьяне пашуть, или па серебро манастырское пашють; и они то делят межи собою...».

Предполагается существование сел и деревень с земледельческим крестьянским населением, работающим на монастыри.[66]

Митрополит Алексей, отдавая по духовной ряд сел и деревню Чудову монастырю, отмечает: «А все те села даю с серебром и

---

[62] Указанные выше работы Л. В. Черепнина, А. Д. Горского и А. П. Пьянкова; в этом случае с ними согласен и Б. Д. Греков: пахать «игумнов жребий» он считает барщиной (Крестьяне на Руси..., стр. 543).

[63] АФЗ I, № 205 (1495—1511 гг.).

[64] О существе десятинной пашни в XIV—XVI вв. мы говорим ниже.

[65] РИБ VI, № 128, стр. 886—887.

[66] Там же, № 32 (1390—1405 гг.), стр. 264—265 (Ответы митрополита Киприана игумену Афанасию).

с половники и с третники и с животиною».[67] Упоминания о «половниках» и «третниках», естественно, связывается с знакомыми по НПК формами натуральной земельной ренты: «половьем из хлеба» и с «третью из хлеба». Хорошей иллюстрацией к этому служат два случая из жизни вотчин Троице-Сергиева монастыря, записанные в судных делах. На суде заслушаны показания: «На том Маткове (на земле, — *Г. К.*) жил Федор слободчик, а половничал на монастырь Троицкой, и жито делил на гумне с ключники монастырскими...».[68]

Другой случай: «...землею Потаповым владел старец Ферапонтей троецкой, а ключник был Демид, и жито... делил с половники на гумне в том Потапове».[69] В грамоте звенигородского князя игумену Сторожевского монастыря об оброке с крестьян монастырских сел сказано: «Чтобы еси на манастырских селах имал: на Рождество... за дань и за все пошлины с десятины (окладная единица, — *Г. К.*) по пяти алтын, да по десяти гривенок масла, да по два сыра, да по овчине, да на Велик день (на пасху, — *Г. К.*) по 50 яиц; а с Дубацина да с Белдина (села, — *Г. К.*) емли с десятины по гривне, а масло и сыры и яйца емли по тому же. А поселским вели имати на три празники... с десятины по две деньги».[70] Все так же, как и в НПК (т. е. в Новгородской земле): основной оброк выплачивался деньгами, «мелкий доход» — продуктами животноводства; был также и доход «посельским».

Таким образом, регулярная выплата крестьянами земельной ренты — то в размере доли урожая зерновых хлебов, то установленным их количеством на каждый год, то в форме ренты деньгами, — как говорят приведенные документы, в равной мере была обязательной как в Новгородской земле, так и в Северо-Восточной Руси; одновременно с оброком с зерновых хлебов выплачивался оброк («мелкий доход») продуктами животноводства, рыболовства и т. д.

С увеличением численности дошедших до нас документов единичные показания сменяются массовыми. С 1530—1540-х годов сохранились хозяйственные книги монастырей. В «Книге ключей» (1540 г.) Иосифо-Волоколамского монастыря[71] раскрывается организация этой крупной вотчины и особое место в ней старцев-ключников и «посельских». В записях (1532—1534 гг.)

---

[67] Текст духовной приведен в качестве приложения в труде М. Н. Тихомирова «Средневековая Москва в XIV—XV вв.» (М., 1957, стр. 281); духовная датируется «не позднее 1377 г.»; см. указания на «третников»: Мух., стр. 48; НПК V, стр. 156, 218, 238, 293.

[68] АСЭИ I, № 584 (1495—1499 гг.), стр. 466.

[69] АСЭИ I, № 581 (1495—1499 гг.), стр. 483.

[70] АИ, № 100 (1490 г.), стр. 143—144.

[71] Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. М.—Л., 1948.

Долговой книги[72] говорится о составе оброка монастырю, выплачиваемого крестьянами. В составе этого оброка значатся различные зерновые хлеба, продукты животноводства, деньги, изделия домашней промышленности. Учитывая, что все такие оброки должны были доходить до кладовых монастырей, князья обеспечивали беспошлинный провоз крестьянами и монастырскими слугами зерновых хлебов, масла, рыбы и всякой другой продукции крестьянских хозяйств, направлявшейся из волостей (из сел и деревень) в житницы монастырей.[73] Количество перевозимых продуктов исчислялось сотнями возов. Землевладельцы-монастыри Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. вели свое хозяйство тем же порядком, что и новгородские монастыри и строили свой бюджет на основе как крупных поступлений зернового хлеба, продукции животноводства и денег в качестве оброка — феодальной земельной ренты с монастырских крестьян, — так и труда этих крестьян.

Среди новгородских грамот XV в. есть рядная крестьян робичичан (жителей села или волости Робичичи) о натуральном оброке, о дарах и о повинностях, которые должны были выплачивать и выполнять крестьяне Юрьеву монастырю — своему землевладельцу.[74] По назначению и содержанию этот акт един

[72] Там же, стр. 158—159; на лл. 154 об. и 155 об. читаем: «В селе Спасском з десятины по чети; на Велик день 4 деньги посельского пошлины...; по 6 гривенок масла, по 50 яиц; за овчину по три деньги, осмина пшеницы, осьмина конопель; по 2 братины сметаны»; то же собиралось и в других селах. В данном случае перед нами хозяйственная книга 1532—1534 гг. В подлинных приходо-расходных книгах монастырей, в вытных книгах, в «оброчниках», какие дошли от 1550-х и 1560-х годов, указываются и многие сотни и тысячи четвертей различных зерновых хлебов, ежегодно поступавших в составе натурального оброка с крестьян в житницы монастырей: Ник., стр. 44—46, 51—52, 54—56.

[73] Таковы, например, некоторые приведенные здесь жалованные грамоты Троице-Сергиевому монастырю: а) великого князя Михаила Борисовича (АСЭИ I, № 294, стр. 209: «Что посылают в Прилуки и Присеки (в села монастыря, — *Г. К.*) по масла и по заспу, на Шехонской ез по рыбу или [по] что иное... в дву павоскех да двух лодках, или животину погонят из Присек, или их монастырские хрестьяне пешие пойдут... и вы б... пошлин не имали»); б) того же князя на два судна, идущие к Прилукам по хлеб (там же, № 303); в) великого князя Ивана Васильевича (там же, № 352). — Грамоты Кирилло-Белозерскому монастырю: а) великой княгини Марии Ярославны на провоз монастырского жита и соли в ладье и в малых судах рекой Шексной и Луковесью и на «Усть Шексны», а зимой на возах (АСЭИ II, № 207); б) великого князя Ивана Васильевича на провоз судна из Ростова в монастырь с 700 четвертей ржи и 300 четвертей овса (АСЭИ II, № 292). — Грамоты Симонову монастырю дмитровского князя Юрия Ивановича (АСЭИ II, № 427; № 432, стр. 467: «Что их села и деревни в Дмитровском уезде... и коли из тех сел и из деревень жито к ним в монастырь повезут или иное что... во всю зиму на сте возех..., с них мыта не емлют...»). — Жалованная грамота Савину монастырю Звенигородского уезда князя Юрия Ивановича (АФЗ I, № 106). — Все перечисленные рукописи — второй половины XV в.

[74] ГВНП, № 115 (около 1460 г.); истолкование грамоты см.: Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения..., стр. 166—167.

с митрополичьей уставной Цареконстантиновскому монастырю: крестьянам робичичанам по указанной грамоте вменяется в обязанность ежегодно выплачивать зерном 30 коробей ржи и 30 коробей овса и отвозить этот хлеб в житницы монастыря, делать подношения архимандриту монастыря (платить «дар») и монастырским слугам в праздники и при их приезде в монастырь. Перед нами свидетельство о полном совпадении новгородских порядков с тем, что было в Северо-Восточной Руси. Когда мы обращаемся к НПК, то убеждаемся, что устанавливаемые грамотами повинности крестьян в записях писцовых книг выражены в конкретных данных о «доходах» с крестьян в пользу Юрьева, Антониева, Аркажского и других Новгородских монастырей.[75] Рядная крестьян робичичан может быть сопоставлена с записями о «доходах» Юрьеву монастырю, указанных в НПК.[76] Материалы говорят о единстве процесса развития сельскохозяйственного производства и социальных отношений в новгородской деревне и в деревне Северо-Восточной Руси. И картина, раскрытая в НПК конкретным массовым материалом, служит лучшим источником для дополнения и корректировки данных о жизни деревни, сообщаемых в актах XIV—XV вв.

Великий князь Иван III Васильевич, включая Новгородскую землю в состав Русского государства, расценивал ее как исключительно важный при строительстве государства поместный земельный фонд. С точки зрения представителя феодального государства ценность каждого владельческого хозяйства определялась его «доходом», величиной земельной ренты, которую

---

[75] Антониеву монастырю с волости в Которском погосте Шелонской пятины шло «хлеба с сохи $10^1/_2$ коробей ржи, $10^1/_2$ овса, коробья пшеницы и жита (ячменя, — *Г. К.*), а постоанье игуменское: варят на игумена пиво, а зоби конем с сохи $2^1/_4$ коробьи овса, а дару игумену $^1/_2$ коробьи ржи, четвертка пшеницы, масленику $^1/_2$ коробьи ржи, столнику и чашнику и куньщику 3 четвертки ржи, повару и верховникам и конюху 3 четвертки ржи, медовару $^1/_2$ четвертки ржи, посельником $1^1/_2$ коробьи ржи, овса и жита» (НПК IV, стр. 86—87); Аркажскому монастырю с волости Стерж Деревской пятины, кроме «дохода» деньгами и зерновыми хлебами, крестьяне еще «игумену давали со всей волости дару 7 коробей пшеницы, а казначею — деньги и дар зерновыми хлебами, то же стольнику с чашником, дьякону с дьяком, повознику и посельнику» (НПК II, стр. 701). Ранее (на стр. 689—701) были описаны все деревни волости с указанием «дохода» Аркажскому монастырю с каждой из них. Подобный же «доход» платили и крестьяне Лопастицкой волости Деревской пятины (НПК II, стр. 805—806); дьяконами там взимался зерновой хлеб с каждого «дыму» по четвертке ржи.

[76] Кроме «дохода» деньгами, зерновыми хлебами и разнообразного «мелкого дохода» в казну монастыря, указаны оброк деньгами и натурой «архимандриту монастыря и всем пошлинником» и особо за проезд монастырского поборщика, а единицами обложения были особая соха (больше 8 обеж) и «куница»; особо указан оброк с рыбных угодий и оброк медом (НПК II, стр. 824—825; НПК V, стр. 351). О размере «дохода» Юрьева монастыря см.: Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения..., стр. 161—173.

выплачивали крестьяне землевладельцу. Эта мысль была положена в основу всей работы, проведенной составителями НПК по описанию Новгородской земли. Естественно, что ею же руководствовался великокняжеский приказный аппарат, проводивший испомещение новых московских помещиков в Новгородской земле. Особая важность «доходности» вотчины и поместья была в равной мере понятна и главе государства, и его служилому аппарату, и землевладельцам как Новгородской земли(боярам, монастырям, житьим людям, купцам), так и земель-княжеств Северо-Восточной Руси. Те и другие жили за счет «доходов» с крестьян.

К концу XV в. коренным образом изменился состав новгородских землевладельцев: при «новом письме» это были в основном испомещенные Москвою недавние землевладельцы из земель-княжеств Северо-Восточной Руси. Состав их указывает на отбор из очень различных по положению представителей господствующего класса: от княжат и членов боярских родов до рядовых служилых людей разных городов, исстари входивших в состав Московского великого княжения.[77] Многие из них принадлежали к старым боярским родам, но так как их роды измельчали, то они не имели уже вотчин в Московской земле.[78] Для них получение поместья в Новгородской земле и переселение туда представляло несомненную материальную выгоду. Переселение в Новгородскую землю для выполнения нужной правительству службы, конечно, не должно было наносить ущерба испомещенным. Может быть, именно с этим связывалось выяснение доходности каждого нового владения и занесение этих данных в НПК. В писцовых книгах Деревской пятины в ряде случаев в тексте об испомещении нового землевладельца тем или иным количеством деревень или обеж указано: «...дал князь великий. противу его земель московских», или «против ее (боярыни, — *Г. К.*) новоторжских земель», или глухо «противу их земель», «противу их обеж».[79] Здесь прямое указание на то, что при испомещении стремились не нанести ущерба испомещенному.

Но, конечно, многие из направленных в Новгородскую землю имели старые вотчины или поместья. Среди них могли оказаться лица высокого служебного положения, которых прави-

---

[77] Вопрос этот внимательно изучен С. Б. Веселовским с широким привлечением генеалогического материала по боярским родам, служилого дворянства и московских гостей; см.: С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 284—286, 288—299.

[78] Там же, стр. 290—295.

[79] НПК I, стр. 374, 703—705, 713—714, 743, 746, 747; НПК II, стр. 486, 489. — Сравнительная малочисленность таких записей объясняется, вероятно, тем, что писцы не обязаны были делать подобные отметки и не были осведомлены об обстоятельствах выбора и о размере земельного пожалования.

тельству, может быть, было особенно важно связать с Новгородской землей. Естественно предполагать, что когда исконного московского вотчинника жаловали поместьем в Новгородской земле, то едва ли считали при этом обязательным отказ от старых родовых владений. Известно, что владение многими волостями, разбросанными в различных районах — и притом нередко не в одном княжестве, — было делом обычным. И можно считать естественным, что происходило обогащение знати и лиц высокого служебного положения за счет поместий в присоединенном Новгороде.[80] Появилось большое число крупных землевладельческих хозяйств, состоявших из поместий в Новгородских волостях и владений в Северо-Восточной Руси, — конечно, хозяйств с единым строем, с одними и теми же производственными отношениями в той и в другой их части. Первый пример — собственное дворцовое хозяйство московского великого князя Ивана III Васильевича. Оно намного увеличилось за счет конфискованных волостей крупных новгородских землевладельцев. В Новгородской земле оно продолжало вестись в каждой вотчине и волости в соответствии со старым порядком. За дворцом были закреплены ценные сенные угодья владыки, монастырей и бояр. Новгородская часть дворцовых владений была включена в общее дворцовое хозяйство и организационно представляла с ней единое целое.[81] В НПК называются дворцовый дьяк и другие деятели дворцового ведомства; они следят за получением доходов со всех волостей, переданных в хозяйство («во дворец») великого князя, сами получают денежные и более ценные натуральные доходы в волостях, на них падает обязанность организовать планомерную эксплуатацию сенных, рыбных и других угодий дворцового хозяйства.[82]

---

[80] Поместья получили: наместник Яков Захарьин (НПК IV, стр. 6—7), дворецкий И. М. Волынский, дворцовый дьяк Иван Суморок Вокшерин (В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в., стр. 333—335).

[81] Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I, гл. IV, М., 1905, стр. 75—103; А. М. Гневушев. Очерки..., Приложение, II, стр. 291—297. — Составлялись особые писцовые книги дворцовых земель; А. М. Гневушевым издан отрывок такой писцовой книги дворцовых земель Вотской пятины (ОВПК).

[82] Огромными пожнями (в 3700 копен) в Грузинском погосте Шелонской пятины, перешедшими к великому князю «от старых и новосведенных (новгородских) бояр», ведали «дьяк великого князя Иван Суморок (Вокшерин), да Ермола диак дворцовый, да прикащик Гридя Мякотин» (НПК III, стр. 450); дьяк Иван Суморок Вокшерин и дворцовый дьяк Ермола следили за поступлением доходов в казну великого князя, в дворцовое хозяйство, следили за эксплуатацией сенных, рыбных и бортных угодий, сдавали в наем. Об Иване Сумороке см.: НПК II, стр. 328, 702 и 736; НПК III, стр. 5, 363, 450, 451, 454, 461, 488; НПК V, стр. 57. — Дворцовый дьяк Ермола упоминается: НПК II, стр. 634, 636; НПК III, стр. 18, 290, 450, 488. — Указывается также Иван Лугвенев, которому поступали специальные сборы в пользу великого князя — «за

Аналогию тому, что можно наблюдать в дворцовом хозяйстве, мы видим и в новгородских владениях знатного московского боярина князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Великий князь Иван III Васильевич в числе других пожалований дал ему волость Березовец, одну из крупных волостей новгородской боярыни Марфы Исаковой Борецкой. В писцовой книге Деревской пятины дошло до нас описание этой волости.[83] При новом московском владельце, боярине князе И. Ю. Патрикееве, крестьяне этой волости продолжали в прежнем объеме выплачивать ему основной и «мелкий» доход, такой же, какой платили раньше боярыне Марфе Борецкой, выполнять работы в боярском хозяйстве. Новгородские волости были включены в общее хозяйство московского боярина. Тиун боярина следил за поступлением «дохода» с этих волостей (и сам получал с крестьян натуральный оброк зерновыми хлебами и другой продукцией крестьянских хозяйств), за эксплуатацией сенных угодий и особенно многочисленных и очень доходных рыбных угодий.[84] Такое объединение в руках одного владельца новгородских и московских волостей — для нас важный показатель того, что хозяйство велось в них единым порядком, сходными были и взаимоотношения между боярским и крестьянским хозяйством.

Волости в Новгородской земле были даны и князю Василию Ивановичу Патрикееву, сыну Ивана Юрьевича.[85] Среди испомещенных в Новгородской земле московских землевладельцев было немало княжат и представителей знатных боярских родов, у которых, вероятно, рядом с новгородскими волостями сохра-

---

бобра», «за кромину», «за нагату», «за коробщину»: НПК V, стр. 253, 276, 304, 356, 358, 375, 387.

[83] Волость Березовец Жабенского погоста Деревской пятины; по старому письму в ней было 222 двора, 262 обжи (НПК I, стр. 639—652). Поместья князя Ивана Юрьевича Патрикеева отмечены еще в Шелонской пятине (НПК V, стр. 290).

[84] НПК I, стр. 650—652. — Ср. с духовной того же князя Патрикеева (ДДГ, № 86, стр. 345—349).

[85] Например, во Влажинском погосте Деревской пятины (НПК I, стр. 718—720); С. Б. Веселовский отмечает, что князь Василий Иванович Патрикеев получил 219 обеж (Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 297). Получил большую боярщину московский вотчинник Иван Васильевич Ляцкий-Кошкин в приданое от новгородской боярыни Арины, вдовы посадника и воеводы Василия Никифирова, убитого новгородцами в мае 1477 г. (В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в., стр. 298); боярщина включала деревни в шести погостах Деревской пятины, в 174 двора и 178 обеж по «старому письму», а по «новому» — 248 дворов, 198½ обеж (НПК II, стр. 244, 263, 272—280), и еще в Бежецкой пятине (НПК VI, стр. 711—713); Иван Васильевич Ляцкий в это же время владел вотчиной в Кашинском уезде (ДДГ, № 94 (1504 г.), стр. 377; С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 29—30).

нились и московские владения: московское и новгородское соединилось в одном хозяйственном комплексе.[86]

Размер феодальной земельной ренты, ее формы, равно как и характер связи крестьянского хозяйства с хозяйством феодала, менялся с развитием сельского хозяйства. Мы уже указывали на то, что получение регулярной, ежегодно выплачиваемой ренты зерновыми хлебами — долею ли урожая, или определенным (соответствующим такой доле) количеством зерновых хлебов, — стало возможным лишь после того, как был достигнут известный уровень развития земледелия, который обеспечивал ежегодное получение устойчивых, достаточно высоких урожаев. Из приводившихся в настоящей главе материалов о «доходах» монастырей мы знаем, что основной натуральный оброк зерновыми хлебами (позднее заменившийся деньгами) поступал и под наименованием «дара», «поклона» (или поклонного) и «постоянья» («постоаниа») при приезде игумена и администрации монастыря в волость.[87] Такие большие выезды были неуместны, например, в Цареконстантиновском монастыре, у которого все деревни и села были в округе, под боком, но на мирской праздник игумен все же мог приехать. На этот случай указано: «...а в которое село приедет игумен в братшину, и сыпци дают по зобне овса конем игуменовым».[88] Подобное же постановление встречаем еще в Правде Русской: «[вирнику] коне 4 поставити и сути им на рот, колько могут зобати»;[89] или «[вирнику со отроком], а кони 4, конем на рот сути овес».[90] Так старые постановления конца XI—начала XII в., конца XIII—XIV в. (устав мостникам), конца XIV в. (уставная митрополита) связываются с «зобью», — так назывался натуральный оброк фуражным зерном, выплачивавшийся крестьянами феодалу в XV—начале XVI в.[91]

Поездки по волостям имели место и во владычных землях; различали годы, когда посещал сам владыка (т. е. архиепископ

[86] Поместья, полученные наместником Яковом Захарьичем Кошкиным, дворецким И. М. Волынским, дворцовым дьяком Иваном Вокшериным, были дополнением к их московским вотчинам; см.: С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 296—297. — См. выше, стр. 000.

[87] См. выше, стр. 000; см. также: Материалы, под словом «постоянье». — О «даре» архимандриту (к середине XV в. замененном деньгами), когда он приезжал в волость «на подъезд», и о «даре» всем представителям монастырской администрации и слугам говорится в рядной (уставной) крестьянам-робичичанам: всем им «дар» выплачивался рожью (ГВНП, № 115).

[88] АФЗ I, № 201, стр. 180.

[89] Правда Русская, т. I, ст. 42 (краткая редакция), стр. 81.

[90] Правда Русская, т. I, ст. 9 (пространная редакция). — См. также ст. 74, 96, 97, стр. 406—407, 434—435, 444—445.

[91] НПК I, стр. 566—569, 571, 699, 700, 703—705; НПК II, стр. 38, 261, 262, 340—344, 378, 379, 384—387, 389—395; НПК IV, стр. 39, 86, 187; НПК V, стр. 76, 91, 120, 129; НПК VI, стр. 13, 14.

Великого Новгорода), — такой год был «подъезжщий», в этот год размер основного оброка (зерновыми хлебами и деньгами) был большим, — и «год неподъезжщий», когда дело ограничивалось лишь взиманием оброка, и притом в меньшем размере.[92]

«Дар» и «поклон» выплачивались и при приезде должностных лиц.[93] Приезд князя,[94] иерархов церкви (например, владыки новгородского) и должностных лиц, их представлявших, обычно был связан с выполнением ими функций судей и администраторов.[95]

Феодалы при приездах в волости могли выполнять те же самые функции в отношении своих крестьян. В равной мере выплата «дара» и «поклонного» как свидетельства зависимости и подчиненности естественна как в отношениях крестьян с феодалами, так и в отношениях с представителями государственной власти.

В дошедших до нас документах не уделяется внимания этой стороне социальных отношений. Для составителей писцовых книг эти вопросы не представляли интереса.[96] Поэтому записи о них лишь как случайность могли дойти до нас. Так, в НПК при описании в Рутинском погосте Деревской пятины волости, некогда принадлежавшей новгородскому боярину Акиму Ананьину, после перечисления «мелкого дохода» записано: «Да со всее волости на Якима варили две перевары — двадцать коробей солоду, а хмель шол их же (т. е. крестьян, — *Г. К.*). А дару давали Якиму с обжы по три денги, и того полсемы гривны и две денги (т. е. 93 деньги, в волости была 31 обжа, — *Г. К.*). А сено и овес травил у них безурочно. А коли Аким к ним в волость не приедет, и они ему давали за те перевары и за поклонное по полутора рубля новгородцких».[97] Волость Акима Ананьина включала деревни из трех погостов (Рутинского,

---

[92] Это отмечено в отношении двух волостей в Дремяцком и Илеменском погостах Шелонской пятины: НПК IV, стр. 133—134; НПК V, стр. 168.

[93] См.: Материалы, под словами «дар», «поклон», «поклонное», «деньги поклонные», «гривна поклонная», «постоянье».

[94] «Дар» новгородскому князю: «А коли, княже, поедешь в Новгород, тъгда тобе дар емати по постояниям; а коли поедешь из Новагорода, тъгда дар не надобе» (ГВНП, № 7, стр. 18; см. также №№ 1—3, 6, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 23, 26, 27, 110).

[95] «Подъезд» — выезд новгородского владыки в Псков, как главы церкви и представителя новгородского правительства; сопровождался взиманием со Пскова разных сборов. Во время пребывания в Пскове владыка разрешал вопросы суда и различные церковные дела (РИБ VI, стр. 742—743). «Подъезд» — поездка архиереев по епархии — также сопровождался взиманием особого сбора с монастырей, с церквей, с причта (СГ, № 10, стр. 133).

[96] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 37—38, 41—46; А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. I. Списки селений. СПб., 1913, стр. VII—XI. — Оба автора указывают на неполноту сведений о старом доходе, на случайность сохранившихся о нем записей.

[97] НПК I, стр. 439—441.

Великопорожского и Пиросского) Деревской пятины, расположенных по среднему течению реки Мсты. Аким Ананьин — представитель старого боярского рода, его земельные владения отмечены еще в Ясенском погосте Шелонской пятины и в Покровском Сорогожинском Бежецкой пятины.[98] Рассказывать о посещениях боярами своих волостей не входило в обязанность писцов. Но когда в НПК в перечне «доходов» землевладельца говорится о «доходе» солодом, хмелем и овсом — «зобью», — то невольно возникает догадка о том, что в этих волостях-боярщинах когда-то раньше практиковались выезды бояр-землевладельцев в подвластные им волости, — выезды, сопровождавшиеся варкой пива («перевар»), угощением боярина и всех, кто его сопровождал, и уплатой «дара» боярину. Мы знакомимся с одной из ранних форм феодальной земельной ренты.

В записи о «старом доходе» боярина Олферия Ивановича Офоносова с волости в Ясенском погосте сказано: «А старого доходу шло с той волости Олферию с 39 жеребьев (обеж в волости 111, — *Г. К.*) деньгами пол-третья ($2^1/_2$, — *Г. К.*) рубли 6 денег, а из хлеба пятина, а за пятиною 78 коробей солоду ячного, 20 коробей хмелю, 78 коробей овса зоби, 274 хлебов, а мяса 39 полоть, 39 баранов».[99] Текст этот невольно порождает мысль, что в прошлом описанная крестьянская волость посещалась боярами Офоносовыми, предками Олферия Ивановича. Боярский род Офоносовых — старинный в Новгороде. Упомянутый здесь Олферий Иванович вместе со своим отцом Иваном Офоносовым в 1475 г. был «поиман» по распоряжению великого князя Ивана III, как активный сторонник пролитовской партии, и вместе с четырьмя другими боярами Офоносовы были сурово наказаны, а их земельные владения тогда же были отписаны на великого князя.[100] Рассказ о посещениях боярином Ананьиным своих волостей свидетельствует о том, что такие посещения в прошлом широко практиковались не только администрацией монастырей, но и светскими феодалами — новгородскими боярами. Свидетельством о том же служит наличие в натуральных оброках солода, хмеля, овса как «зоби» и продуктов питания.[101]

---

[98] НПК V, стр. 331; НПК VI, стр. 429—437, 495, 571, 768.

[99] НПК V, стр. 379—380. — С каждого «жеребья» выплачивалось по две коробьи солода ячного, по коробье хмеля, по две коробьи овса — «зоби» — и на питание боярину и слугам с «жеребья» по семь хлебов, по полтю мяса и по барану.

[100] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 4; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в., стр. 296.

[101] См., например, запись: «Да с тех же деревень дают Филе (помещику, — *Г. К.*) с четырех перевар солоду и хмелю 14 коробей, да дару коробью пшеницы да коробью ржы» (НПК II, стр. 573). На многочисленные подобные записи указывают упоминания о солоде и хмеле в НПК, отмеченные нами в «Материалах» под этими словами; из них особо отметим: НПК I, стр. 308, 309, 322—334, 441, 442, 445, 449, 814—821, 830—835;

«Старое письмо» НПК, приоткрывая картину жизни новгородской деревни, указывает наряду с крестьянскими дворами и на другие объекты обложения; кроме обжи, называются еще и другие единицы обложения. Так, в монастырских владениях «дар» исчислялся с «человека»,[102] зерновые хлеба взимались с «дыма».[103] В качестве окладной единицы указывалась еще «куница»;[104] в ряде погостов Шелонской пятины в качестве единицы обложения указывается «жеребей».[105] Знакомая нам единица — «соха» — в некоторых монастырских хозяйствах и во владычном хозяйстве при «старом письме» имела иное значение, не то, какое ей придавалось составителями НПК.[106] В Задней Кореле и на севере Новгородской земли еще в конце XV—начале XVI в. в качестве окладной единицы оставался «лук»,[107] а наместничий оброк исчислялся с «начлегов» («наслегов»).[108] «Лук» как окладная единица появился и находил приложение в охотничье-рыболовецких хозяйствах. Преимущественно к охотничьим хозяйствам приурочивалась и «куница» как окладная единица.[109] Все это показывает как с эволюцией хозяйства менялись окладные единицы, менялись объекты обложения.

НПК II, стр. 133—136, 252—254, 291—293, 309—313, 315, 318, 344, 573, 595, 596, 793, 794, 797; НПК III, стр. 93—95, 169, 171, 305, 307, 345; НПК IV, стр. 95, 98, 109—111, 117, 120, 124, 154, 155, 157, 161, 172, 175, 180, 184—191, 199, 201, 202, 206, 211, 215, 216; НПК V, стр. 106—114, 120, 122, 127, 129, 145, 171, 233; НПК VI, стр. 14; НПК I, стр. 43—47, 102, 103; ОВПК, стр. 65, 105.

[102] «Да поклона архимандриту (Юрьева монастыря, — *Г. К.*) с человека по дензе и того со ста и дву человек 7 гривен и 4 денги» (НПК V, стр. 191); здесь в наименование «человек» вкладывается иное понятие, чем у писца: по счету писца в волости 55 человек, а по счету архимандрита — 102.

[103] «А двема дьяконом шло со всее волости с дыму по получетвертке ржы, а брали ту рожь по волости сами, а збирали тое ржы 5 коробей, а опосле за ту рожь имали оброком 4 гривны новогородцкие; а поселской имал у них с тое волости со всякого дыма по четвертке ржы, да по четвертке овса, да по сыру, да по белке, да по горсти лну» (НПК II, стр. 805—806).

[104] «А князь великий... половины волостей не взял, а взял 10 волостей... Порог Ладожский... да Утомля 50 сох, да Кирва да Охона 50 и пол-3 сох, да Перось (Пиросская волость, — *Г. К.*), а в ней 80 куниц и две» (ЛНик. IV, стр. 84; ЛВ II, стр. 195; ЛС, стр. 262; НПК II, 734, 824).

[105] НПК V, стр. 119—121, 125, 138, 139, 289, 315, 334, 364, 379; см. выше сноску 99 на стр. 344.

[106] НПК V, стр. 168; НПК IV, стр. 133—134 (владычное хозяйство); НПК V, стр. 191 (Юрьев монастырь).

[107] См. выше, стр. 287—288.

[108] ВПК I, стр. 117, 118, 152, 153, 210—212, 232, 238, 239, 256; Архимандрит Сергий [Тихомиров]. Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Вотской пятины 1500 года. СПб., 1905, стр. 9.

[109] Об этом свидетельствует наличие волостей чернокунских (ВПК II, стр. 134), деревень чернокунских (ВПК II, стр. 10, 140, 171, 178), обеж чернокунских (ВПК II, стр. 85) и упоминания чернокунцев-крестьян (ВПК, стр. 86, 160, 162, 172—174).

Спорадические, нерегулярные сборы — «поклон», «дар», «постоянье», «зобь» и т. п., — взимавшиеся во время посещения крестьян феодалами или должностными лицами, заменялись регулярными. Так, феодальная земельная рента, выступающая в качестве оброка, приняла в Новгородской земле единую форму «дохода» землевладельцу — основного (зернового), «мелкого» (продуктами животноводства, рыболовства и других вспомогательных отраслей крестьянского хозяйства) и «ключнича дохода».

Ежегодное регулярное получение землевладельцами-феодалами «дохода» — долей всех видов продукции крестьянского хозяйства — показательно для развитой феодальной земельной ренты; практически оно могло реализоваться лишь в условиях достижения этими крестьянскими хозяйствами некоего достаточно высокого уровня. Основою этого «дохода» были зерновые хлеба, что и естественно, так как земледельческое зерновое хозяйство в изучаемое нами время было основою народного хозяйства. Однако когда ставят под сомнение господство оброчной земельной ренты в XIV—XV вв., то указывают на применение отработочной феодальной земельной ренты, и именно при производстве зерновых хлебов. В отношении Новгородской земли такой вывод исключен ясными массовыми материалами НПК. Этот источник отмечает только небольшого размера собственную полевую пашню во владельческих хозяйствах (и притом лишь в части их). Ко времени «нового письма» эта запашка увеличилась; на основе НПК мы отметили ряд помещичьих хозяйств с запашкой свыше 6 и даже 10 обеж у помещика «с его людьми». Характерна запись в писцовых книгах о том, что боярин и помещик пашут «своими людьми» или «со своими людьми». Это позволяет считать, что в описанных владельческих хозяйствах могли обходиться и без применения крестьянского барщинного труда.[110]

В отношении земель-княжеств Северо-Восточной Руси у нас нет источника, подобно НПК, который бы рассказал о «доходах», получавшихся с крестьян землевладельцами-феодалами этих земель-княжеств, но в том, что такой оброк выплачивался (и притом преимущественно зерновыми хлебами), сомневаться нет оснований. Выплата крестьянами оброка — «дохода» — землевладельцам была

---

[110] См. выше, стр. 328—329; в качестве примеров см. еще описание сел в Вотской пятине: НПК III, стр. 423 (село Сольцы), стр. 501—507 (село Подмошье), стр. 601 (село Гостилицы); см. также: Материалы, под словами «люди помещичьи». — Приводим об этом же данные по Вотской пятине: НПК III, стр. 31, 43, 45, 113, 117, 118, 120, 121, 127, 130, 131, 134, 156, 166, 170, 180, 208, 214, 222, 224, 228, 229, 231—232, 241, 253, 261, 319, 328, 330, 331, 367, 380, 383, 423, 428, 501, 522, 524, 588, 596, 600, 605—606, 611, 616, 624, 627, 631—632, 652—654, 659—663, 682, 686—687, 700, 721, 737, 739—740, 751, 766, 800—801, 833, 834, 842, 869, 899, 914—915, 917, 918, 959.

устоем, на котором держался социальный строй Руси XIV—XVI вв. Таков был взгляд самих землевладельцев и государственной власти, посадившей новых помещиков на доходы с новгородских крестьян.

Мы привели материалы о «доходах» и в отношении хозяйств монастырей Северо-Восточной Руси и митрополичьего дома; такие материалы есть у нас потому, что сохранились архивы этих учреждений. В отношении ряда хозяйств светских феодалов мы также имеем сведения об обилии в них зерновых хлебов и о том, что эти зерновые шли из крестьянских хозяйств.[111]

Крестьяне Северо-Восточной Руси платили натуральный оброк подобно новгородским крестьянам. В духовной князя Ивана Юрьевича Патрикеева сказано о сельском хозяйстве: «А што в моих селех у моих ключников моего серебра на руках»; далее называется семь ключников в селах разных уездов. Вслед за этим указано: «А што моих денег во всех моих селех за крестьяне и жена моя Овдотья и дети мои, Василей да Иван, половину тех денег крестьяном отдадут, а другую половину на них возмут...»; «А што моего хлеба во всех моих селех в житницах (т. е. зернового хлеба, ссыпанного в закрома, — *Г. К.*) и стоячего (в стогах на поле не обмолоченного, — *Г. К.*), опрочь московских сел, и тем хлебом жена моя Овдотья и дети мои, Василей да Иван, поделятся».[112] О том же говорят и духовные великой княгини Софьи Витовтовны, удельных князей — Юрия Васильевича князя дмитровского, Андрея Васильевича князя вологодского. В духовной Софьи Витовтовны о зерновом хлебе сказано: «А что будет в тех моих селех въ всех хлеба стоячего на поли, ржи и яри...».[113] В духовной князя дмитровского Юрия Васильевича также говорится о завещании сел «с серебром, что на людях (на крестьянах, — *Г. К.*)», сел «с хлебом, что в земле» и «с хлебом стоячим», а также и

---

[111] Большие запасы зерновых хлебов в житницах села Меденского (или Медна) составились в основном, конечно, из зернового оброка крестьян, принадлежавших владельцу 16 деревень, или с десятинной пашни; так думает и С. Б. Веселовский (Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 157—158). О размере натурального оброка с крестьян Савво-Сторожевскому монастырю хорошо сказано в грамоте звенигородского князя Андрея Васильевича (АИ, № 100 (1490 г.)). Зерновые хлеба и продукция животноводства, выдававшаяся некоторым монастырям посельскими по приказу князей, были частью крестьянского оброка: с села Сижки (АСЭИ II, № 339 (1379—1433 гг.)) десятое изо ржи, пшеницы и овса с села Красного (АСЭИ I, № 43 (ранее 1425 г.)).

[112] ДДГ, № 86 (ранее февраля 1499 г.). — Владения князя И. Ю. Патрикеева были в Коломенском, Переяславском, Дмитровском, Юрьевском, Можайском, Суздальском и других уездах; названо 7 ключников: Головко в селе Маковце, Гридя Панов в селе Протасовском, Шуба Трубник в Нижней слободе, Офонас в селе Моденове, Беспута Иванков, Гридя Страхов, а в (селах) Пилюгине и Сидоровском — Андрейка Страхов (там же, стр. 348).

[113] Там же, № 57 (1451 г.), стр. 178.

о «хлебе заемном в людех».[114] Хорошим документом, умножающим наши сведения об особенностях владельческого хозяйства в большой вотчине, является и духовная удельного вологодского князя Андрея Васильевича. В ней записано: «А что в моих селех, на Вологде и в Торусе, на хрестиянех мое серебро изделное и ростовое, и мое жито на них заемное и оброчное, и которые мои села и деревни за моими детми боярскими с моим серебром, и яз то свое серебро и жито все отдал хрестианом».[115] В этом документе сказано не только о денежной задолженности крестьян, но и о задолженности крестьян хлебом. Ее источник — зерновой хлеб, взятый взаймы, вероятно, в виде подмоги. Учитывает духовная и «жито оброчное», накапливавшееся в житницах князя и числившееся за ключниками в селах под их отчетностью.

Когда выплачивался оброк хлебом, осенью или зимой — санным путем, мы не знаем, но, конечно, следует предполагать и возможность промедления с его внесением. Крестьяне, будучи не в силах выплачивать хлебный оброк в срок и в полном объеме, вероятно, нередко становились должниками своих землевладельцев, и «жито оброчное» уже указано в качестве долга наравне и рядом с «житом заемным».

Помня об особенностях разбираемых нами источников, мы должны предусматривать наличие во всех описываемых вотчинных владениях — наряду с тем, что действительно составляло владельческое хозяйство, — еще и не указываемые в духовных многочисленные крестьянские хозяйства, с их полями и с хлебами на этих полях. Обращаясь же к собственно владельческим хозяйствам, следует учитывать сложный состав этих вотчин, разбросанность их частей. Последнее хорошо знакомо нам по вотчинным и поместным владениям Новгородской земли, в равной мере это свойство присуще большим и малым владениям Северо-Восточной Руси. Каждая волость (или село с деревнями), входившая в боярскую или иную вотчину, включала многие десятки, а то и сотни крестьянских дворов-хозяйств с пашенной землей, т. е. с зерновым хозяйством, а также с животноводством и другими обычными отраслями крестьянского хозяйства, но искать полноценных владельческих хозяйств в таких рядовых волостях нет оснований. Обычно все владельческое ограничивалось в таких удаленных волостях двором на случай приезда землевладельца или двором ключника с небольшим (равным обычному крестьянскому) хозяйством.

В цитированных нами духовных указывается на владельческий хлеб в житницах. Эти запасы могли, конечно, образоваться из получаемого от крестьян оброчного хлеба. О таком оброчном хлебе

---

[114] Там же, № 68 (1472 г.), стр. 222—224 (Духовная грамота князя дмитровского Юрия Васильевича).

[115] Там же, № 74 (1481 г.), стр. 277.

ясно сказано в документах. Но в тех же документах сказано еще о хлебе стоячем на поле, а в одной из духовных указано и на хлеб в земле; может создаться впечатление, что и стоячий на поле хлеб, и хлеб в земле — это зерновые хлеба, выращенные на господских полях. А правильно ли будет предположение о больших барских полях в этих по существу крестьянских волостях? Именно из таких сообщений о хлебах на боярских полях исходят те исследователи народного хозяйства, которые говорят о господстве отработочной ренты и широком распространении барщины еще в XIV—XV вв. Они связывают эти сообщения с указаниями в других документах XV в. на обязанность крестьян выполнять в качестве трудовой повинности «сельское дело», «пахать на монастырь, на митрополита», со сведениями о «пашне на князя» (великого или удельного) или на другого светского землевладельца.[116] Так составляется цепь аргументов в отношении Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., как будто свидетельствующих не только о широкой практике отработочной ренты, но и о большой собственной владельческой пашне как при основной усадьбе, так и в отдаленных волостях.

Мы уже имели случай встретиться с «пашней на монастырь», знакомясь с Уставной грамотой Цареконстантиновскому монастырю. В Уставной грамоте эта пашня на монастырь еще называлась «игумновым жребием». Мы не признали ее за барщину, хотя в этом разошлись не только с Л. В. Черепниным и А. Д. Горским, но и с Б. Д. Грековым. В указанном случае мы считали необходимым отметить, что у монастыря по существу никакого своего поля не было; «игумнов жребий» был в общем клину крестьянских полей; последующие документы хорошо разъяснили, что крестьяне из деревень Цареконстантиновского монастыря были обязаны одновременно с пашней в своих полях еще обрабатывать и засевать «игумнов жребий» и убирать урожай с полос, засеянных на игумена (или на монастырь). Более поздний документ внес полную ясность в этот текст: крестьяне на каждые засеянные в своих полях пять десятин должны были пахать еще шестую десятину на монастырь, что равносильно выплате оброчного шестого снопа.[117] Этот вид повинности носит и другое наименование: «десятинной пашни» или повинности «пахать десятину на мона-

[116] Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. Здесь у автора ссылки на разобранные нами места из духовных великой княгини Софьи Витовтовны, удельных князей и князя Ивана Юрьевича Патрикеева, а также показания о производившихся крестьянами работах (АСЭИ I, № 576; АСЭИ II, № 433), из которых ясно, что говорится не о барщине, а о десятинной пашне, или о пашне на государя; то же самое касается и ссылок на акты митрополичьего дома (АФЗ I, №№ 24, 51, 54, 141, 201, 205, 213—215). За этим идут ссылки о пашне на монастыри (АСЭИ I, №№ 250, 628, 757, 534; АСЭИ II, №№ 368, 375).

[117] АФЗ I, № 201; см. выше, стр. 00.

стырь». Всмотревшись ближе в указания на повинность крестьян «пахать на монастырь», на князя, на боярина и т. п., встречающиеся в документах (именно на них ссылаются Л. В. Черепнин, А. Д. Горский и А. П. Пьянков в своих работах), мы без труда можем установить большую близость этой повинности с десятинной пашней.

Л. В. Черепнин отмечает: «В конце XV в. крестьянин Троице-Сергиева монастыря села Бебякова пахал... десятины на монастырь». Это — выдержка из очень пространного показания на суде крестьянина Васьки Игнатова. Пахал десятины в селе Бебякове на монастырь еще его отец (30 лет), и он пахал десятины 8 лет.[118] Пашня десятин на монастырь являлась основной повинностью (земельной рентой) этих крестьян в пользу монастыря. В чем суть такой повинности? Как определяются при такой десятинной пашне, или при обязанности «пахать на государя», взаимоотношения между землевладельцем и крестьянином? Или — что то же самое — в чем выражаются в этом случае связи между хозяйством феодала и хозяйством крестьянина? Некоторый конкретный материал по этому вопросу нам уже известен из уставной и других грамот Цареконстантиновскому монастырю. Обрабатываемая десятинная пашня в этом случае была на общей площади крестьянских полей; крестьяне пахали, засевали эту землю и осенью свозили готовый хлеб (и солому) в житницы монастыря. Оброк хлебом они уже не платили. Как и в случае с Васькой Игнатовым, это была основная повинность монастырских крестьян; разница лишь в том, что крестьяне Троице-Сергиева монастыря (Васька Игнатов и другие), живя в восстановленных ими пустошах-деревнях Ртищеве, Васисине, Сарычкине и др., на монастырь пахали землю в центральном селе Бебякове.[119]

Исчерпывающе ясные материалы о десятинной пашне приведены в сотной грамоте на дворцовое село Буйгород. В сотной имеются данные о запашке и покосе во всех селениях, состоящих в волости села Буйгорода (57 деревень), приведены итоговые данные, а дальше сказано: «а вытей (окладных хозяйственных, — *Г. К.*) в селе и в деревнях 134 выти, а на выть крестьянские пашни по шти (по шести, — *Г. К.*) десятин в поле, а пахати им на великого князя в селе на Буегороде сто тридцать четыре десятины, с выти по десятине». Любопытно и показательно то, что при перечислении оброчных платежей в сотной указаны оброк за дань, оброк за посошной корм и за различные статьи мелкого оброка, но нет указания на уплату основного оброка с хлебной зерновой продукции.[120] Десятинная пашня заменяла основной оброк. В этом же документе содержится и свидетельство о том, что рас-

[118] АСЭИ I, № 628, стр. 539; см.: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 229.

[119] АСЭИ I, № 628, стр. 539.

[120] АФЗ II, № 178, стр. 176.

пахиваемые десятины засевались крестьянским хлебом и что все на десятинной пашне выполнялось под ответственностью крестьян. В дворцовые житницы свозился уже готовый урожай зерна. В указанной сотной грамоте строго определены требования владельца в отношении этой десятинной пашни: говорится о размере (площади) десятины («а мера десятине в длину восмьдесят сажен, а поперег тридцать сажен»), о том, сколько хлеба следует крестьянам высевать на десятину («а сеяти им на десятину по две четверти ржи, а овса вдвое»), и далее строго напоминается о должном удобрении этих засеваемых на дворец полей («а навоз им возити на великого князя пашню своих дворов по тритцати колышек на десятину»).[121] Эта сотная датируется 1543—1544 гг. До нас не дошли послужившие основой для нее более ранние описания этого села в писцовых книгах (на основе которых составлялись сотные грамоты); но о том, что Буйгород был княжеским дворцовым селом еще в 1480-е годы, есть ясные указания в документах.[122]

О подобной же десятинной пашне в дворцовых селах сказано в документе конца XV в. в отношении Симизинских сел Опольского стана Владимирского уезда,[123] а в НПК Шелонской пятины приведено описание дворцового села Троицкого в Паозерье, с таким же указанием на десятинную пашню и на то, какое количество зернового хлеба должно высеваться на десятине.[124]

Десятинная пашня естественна в крупных земельных владениях, но применялась и более мелкими землевладельцами под наименованием пашни на государя — на боярина, на помещика, на монастырь. Ее коренное отличие от полевой пашни, разрабатывающейся землевладельцем в собственном хозяйстве с применением барщины, заключалось в том, что при десятинной пашне вся обработка пахотного участка, посев хлеба, последующий уход и сбор урожая, — все это производилось крестьянами. Землевладельцу оставалось только в конце лета или осенью получить в снопах на поле готовый урожай; а чаще те же крестьяне свозили весь урожай в житницы землевладельца. Десятинная пашня близка к издольщине, к натуральному оброку.

В полевом пашенном господском хозяйстве наряду с холопами могли также работать и крестьяне; но, отрабатывая в этом случае барщину, они выполняли при выращивании урожая лишь отдель-

---

[121] Там же, стр. 174—177. — Такую же десятинную пашню обрабатывали десять деревень, тянувших к селу Палкину, с $33^1/_6$ вытей по десятине; кроме того, еще три десятины без полутрети пахали «згоном» (т. е. сообща).

[122] ДДГ, №№ 85 (стр. 341—344), 89 (стр. 357, 362), 98 (стр. 408).

[123] АФЗ I, № 166, стр. 152.

[124] НПК V, стр. 287—290. — Если бы у писцов не было необходимости уточнить обязанности крестьян при десятинной пашне, то мы не получили бы ясных указаний ни о величине десятины, ни о том, сколько следовало высевать хлебов, ни о требованиях к унавоживанию полей.

ные операции — каждый раз под наблюдением и по указаниям администрации. В случаях барщины не крестьяне, а слуги землевладельца несли ответственность за весь результат работ и за урожай. Здесь все производилось внутри барского владельческого хозяйства, например обеспечение зерном (и притом высокого качества); выбор культур (что сеять и когда) определялся слугами владельца, они же заботились об удобрении, о качестве обработки полей, об уходе за урожаем. В собственном владельческом хозяйстве, наряду с такими полями (и охотнее, чем поля для зерновых хлебов), заводились возделываемые с особым вниманием огородные участки и сады. В этих огородах и садах работали слуги — холопы землевладельцев (их называют в духовных грамотах). Конечно, и в XIV—XV вв. могла быть барская полевая пашня, но не в таком размере, чтобы именно ее продукцией заполнять барские житницы. Источники, на которые мы уже указывали и число которых можно умножить, говорят, что такая барская пашня обрабатывалась прежде всего «людьми» (холопами) землевладельцев. Позднее (в XVI в.) пришло время, когда материальная обеспеченность, возможность применения улучшенной техники и более совершенной организации хозяйства позволили некоторой части землевладельцев-феодалов заняться перестройкой и расширением своего хозяйства. К тому времени и правительство решительно поддержало землевладельцев в их стремлении расширить свою запашку и шире использовать принудительный труд крестьян; но это случилось позднее.

Десятинная пашня и пашня на государя — «на монастырь», «на князя», «на боярина», только что рассмотренная нами, — легко обнаруживаются в указывавшихся нами духовных грамотах Софьи Витовтовны, удельных князей Юрия Васильевича, Андрея Васильевича и князя Ивана Юрьевича Патрикеева, в актах митрополичьего дома, в которых прямо говорится о крестьянской пашне на митрополита, равно как и в материалах монастырей, отмечающих пахоту на монастырь.[125] Л. В. Черепнин, А. Д. Горский не отличают десятинной пашни, шестого и пятого снопа (в частности, в показательном и хорошо освещенном примере с Цареконстантиновским монастырем) от барщины. Они не замечают и ясной связи между такой десятинной пашней и пашней на монастырь или на митрополита, на князя и все квалифицируют как барщину.[126] Они считают, что все указываемые в актах владельческие житницы заполнялись хлебом с барских полей и что указания на «хлеб в поле стоячей» и на «хлеб что в земле» следует понимать только как свидетельство о засеянных хлебом барских полях. В действительности же барские поля были, но они в XIV—XV вв.

[125] См. выше, стр. 349—350.

[126] А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян..., стр. 176—177 и 240—242; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 227—231.

были столь малыми, что их никак нельзя ставить вровень с полями десятинной пашни и крестьянской пашни на государя. Хлеб, выраставший на такой десятинной пашне, как и на полях, обрабатывавшихся крестьянами «на государя», землевладельцы еще до снятия урожая могли считать своим; и потому называемый в духовных «хлеб на поле стоячей» и даже «хлеб в земле» мог быть хлебом на десятинной пашне и «пашне на государя». Поэтому зерновые хлеба, выращиваемые действительно на основе барщинного труда и на собственной владельческой пашне, по количеству своему несравнимы с зерном, доставлявшимся крестьянами в форме оброка. В духовных, в купчих, в меновых землевладельцы столь внимательно отмечали хлеб на своих полях, что доверчивые читатели забывали о хлебах, выращивавшихся крестьянами для своих землевладельцев. Говорить об обширности барской пашни и о наличии ее в удаленных волостях нет никаких оснований.

Проводя мысль о существовании большой барской запашки в собственных владельческих хозяйствах, указанные авторы приписывают этим хозяйствам задачи, им не свойственные, — непосильно большие посевы зерновых хлебов.

Земледелие как особый раздел владельческого предпринимательства требовало таких сил и средств, каких не было у землевладельцев XIV—XV вв., особенно в тех удаленных от владельческого центра волостях-селах, из которых состояла основная масса земельных владений феодалов. Как могло строиться и вестись земледелие в этих селах, отданных на попечение ключникам, подобных тем, которые перечислены в духовной князя Ивана Юрьевича Патрикеева? Л. В. Черепнин, по-видимому, считает, что раз есть рабочая сила (крестьяне) и есть земля, то успех полевого хозяйства у ключника обеспечен. Но одной даровой силы крестьян далеко не достаточно. Земля требовала хорошей обработки, строгого соблюдения агротехнических требований, ясно определившихся к XV в. Столь же важным и обязательным было удобрение полей. Получение навоза связывалось с животноводством. Одновременно с полевой пашней пришлось бы заниматься и скотоводством. Если бы действительно было так, то под наблюдением ключников в селах были бы обширные постройки, инвентарь. Под их ответственностью, кроме всякого «серебра» и долгов за крестьянами, был бы еще многочисленный, строго учитывавшийся скот, указаний же на это никаких нет. Но был другой путь получения зернового хлеба, помимо обычного оброка, — это десятинная пашня и просто вменение крестьянам в обязанность взамен выплаты оброчного хлеба пахать землю на государя, вкладывая свое зерно, удобрение. Примеры такой пашни на государя нами уже приводились.[127] Ссылки на документы, в которых указана пашня

[127] Десятинная пашня введена в качестве повинности для крестьян нескольких поместий Карачунского погоста Шелонской пятины; помещики

«на монастырь», «на митрополита», «на князя» и десятинная пашня, приведены самим Л. В. Черепниным. Однако оценивая содержание этих документов, он во всех случаях просто решает: раз сказано «пашут на монастырь» или «пашут на митрополита», то это уже отработочная рента, это уже барщина. Между тем во всех этих случаях землевладелец использовал не самую рабочую силу крестьянина, а получал ее результат: готовую продукцию — зерновой хлеб на полях. И естественно, что при составлении документа в сезон, когда такой хлеб еще не созрел или не свезено в житницы вымолоченное зерно, в документах указывается на «хлеб что в земле» и на «хлеб в поле стоячей».

Особый интерес для нас представляют акты более мелких землевладельцев. Из духовной Андриана Ярлыка (1460 г.) [128] мы узнаем о ясно различимых пахотных полях этого землевладельца. Перечисляя ряд принадлежащих ему деревень, он пишет в духовной: «А што в тех деревнях моя рожь старая складена на поли и нынешняя, которая была в земли». И он же сообщает о бывших у него холопах — «людех полных», — а также о наличии «в сельцех и в деревнях на людех серебра дельного и ростового». Холопы, а также крестьяне, на которых «серебро» (долги) у Андриана Ярлыка, — это рабочие люди на его полях; возможно, конечно, привлечение и других крестьян к работе во владельческом хозяйстве. О большом числе холопов сказано в духовной и Осипа Окинфова (1456 г.), составленной им перед уходом на военную «службу великого князя».[129] У Окинфова указаны в селах и рожь, и ярь, есть и рабочий скот (волы). И в том и в другом случае приведенные рядом сведения о собственной пашне землевладельцев, о рабочем скоте и указания на большое число холопов позволяют, по примеру материалов НПК, видеть в этих холопах именно ту рабочую силу, при посредстве которой обрабатывались пахотные барские поля. Рядом с ними работали крестьяне, на которых числилось «серебро дельное», а потом уже и крестьяне, привлекаемые в порядке отбывания барщины. Холопами, занятыми преимущественно земледелием, являлись страдные люди. Документы называют страдников, сидящих на земельных участках; продукцией таких дворов кормился не только сидящий в нем страдник, а большая ее доля шла землевладельцу. В духовных называются еще огородники и садовники — специалисты по земледелию, занимавшие видное место среди слуг и холопов в крупных хозяйствах феодалов.

вымерли или выехали, а их собственные земли и земли запустевших крестьянских хозяйств вменено в обязанность обрабатывать крестьянам в качестве десятинной пашни на государя — на царя и великого князя (Писцовая книга Шелонской пятины 1576 г.: НПК V, стр. 582, 585—587).

[128] АСЭИ II, № 361 (1460 г.), стр. 355. — Андриан Ярлык — в прошлом дьяк великого князя и митрополичий дьяк; еще более подробно рассказано о собственном земледельческом хозяйстве феодала и о большом числе холопов в духовной Ивана Алферьева (АСт., № 90 (1518 г.), стр. 146—150).

[129] АЮБ I, № 84 (1459 г.), стр. 547—548; АСЭИ III, № 100, стр. 137, 138.

Говоря о трехполье, мы указывали на меновную боярина В. Ф. Кутузова с Троице-Сергиевым монастырем, в которой хорошо сказано о трехполье в подлежащих мене селах.[130] Читая меновную, можно подумать, что в описанных в ней угодьях нет ничего иного, кроме собственного хозяйства участников мены — боярина В. Ф. Кутузова и монастыря. Именно так расценил содержание этого документа Л. В. Черепнин и привлек его для того, чтобы продемонстрировать обширность зернового пашенного хозяйства землевладельцев.[131] На наш взгляд, все обстоит не так. В названных в этой меновной селах и в неназванных тянущих к ним деревнях и на пустошах рядом с владельческими хозяйствами были еще десятки крестьянских хозяйств, о которых составители акта даже не упомянули; и пахотные угодья с урожаем здесь не только владельческие, но (в массе своей) и крестьянские. Владельческая пашня и поля действительно есть, но они не столь велики, как может показаться на первый взгляд и как считает Л. В. Черепнин; и потому «хлеб в земле и на поле», рожь, ярь и сено не только владельческие, но и крестьянские. Большая доля хлеба выращивалась в крестьянских хозяйствах, — правда, значительная часть его шла в оброк землевладельцу; многое из засевавшегося, вероятно, обрабатывалось по типу десятинной пашни или пашни «на боярина», «на монастырь», и лишь какая-то доля действительно являлась владельческими полями. Определяя размер барщины, еще предстоит решить, что в этой доле обрабатывалось людьми боярина или монастыря и какую часть в форме барщины обрабатывали крестьяне. Для данного документа характерна неполнота сведений и односторонность оценки владельческой и крестьянской доли, присущие частным поземельным актам. У Л. В. Черепнина приведено еще несколько ссылок на подобные акты; и он, следуя за их составителями, расценивает эти документы как свидетельства большой запашки во владельческих владениях,[132] тогда как на деле производство зерновых хлебов — ржи и яри, как и «хлеба на поле стоячего» и «хлеба в земле», — осуществлялось крестьянами, а на долю действительно барской запашки приходилась лишь некоторая малая часть, причем на владельческих полях далеко не все выполнялось крестьянами, так как первоочередной рабочей силой в этом случае были люди боярские, помещичьи и монастырские.

Все это говорит о необходимости внести серьезные коррективы в высказывания Л. В. Черепнина, А. Д. Горского и А. П. Пьянкова о якобы широкой практике барщины в XIV—XV вв.

Мы показали чрезмерную обременительность оброчной земельной ренты: выплата землевладельцу трети урожая зерновых хле-

---

[130] См. выше, гл. II, стр. 157—158.

[131] Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 230 (ссылка на АСЭИ I, № 62).

[132] Там же, ссылки на купчие: АСЭИ I, №№ 241, 334, 389; АФЗ II, № 30.

бов и большой доли другой продукции хозяйства, конечно, тяжело отражалась на состоянии крестьянского «двора». Бремя зависимости не ограничивалось выплатой оброчной земельной ренты; наряду с ней крестьянин и его семья выполняли большой перечень работ для владельческого хозяйства, в целом составлявших отработочную ренту. Барщина — работа на барском поле — была одной из таких повинностей.

В законодательных памятниках, регулирующих взаимоотношения между землевладельцами и крестьянами, особо указывается на обязанность крестьян «возы возить на государя». Так сказано в Псковской судной грамоте,[133] а в несколько иной формулировке — в статье «О крестьянском отказе» Царского Судебника: «уплата двух алтын за повоз».[134] Указанная рядом с требованием о выплате «пожилого» уплата за повоз являлась компенсацией за прекращение работ по перевозке государю-землевладельцу грузов с урожаем, с продукцией минувшего года. Когда возделывались зерновые хлеба на десятинной пашне, на полях, засеянных для землевладельца, то получаемую продукцию нужно было свезти на двор в житницы землевладельца. То же самое надлежало сделать крестьянину в отношении всей оброчной продукции. Грузы были большие, доставлять надо было не только зерновой хлеб, но и сено, солому, а при надобности и строительные материалы, дрова (лес, дрова и лучину заготовляли крестьяне, лес сплавляли по рекам).[135] При плохом состоянии дорог и больших расстояниях эта транспортировка владельческих грузов была очень обременительна для крестьянина.

В уставной грамоте Цареконстантиновскому монастырю отмечена обязанность крестьян строить и ремонтировать жилые и хозяйственные постройки монастыря.[136] Крестьяне светских феодалов, вероятно, не регулярно, реже, но все же привлекались к подобной работе. И вне сомнений то, что крестьяне активно участвовали в возведении и ремонте изгородей и осеков.

Трудоемкой была заготовка кормов для скота феодала. Заготовка сена на владельческих пожнях и лугах, зачастую далеко отстоявших от центральной усадьбы, могла производиться лишь

---

[133] ПСГ, ст. 75, стр. 17 («А старому изорнику возы вести на государя»).

[134] Судебники XV—XVI вв. Судебник 1550 г., ст. 88, стр. 173 («А за повоз имати з двора по два алтына»); АСЭИ I, № 366. — Повоз с заменою его деньгами отмечен и в НПК (НПК I, стр. 55; НПК IV, стр. 199, 202; НПК V, стр. 155, 179, 269; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I, стр. 203, 204, 205), а раньше — как государственная повинность в грамотах Новгорода (ГВНП, №№ 2, 3, 6, 7, 9, 10, 15, 19, 22, 26). См. также: Материалы, под словами «возити повоз».

[135] АСЭИ I, № 377 («Погонят (крестьяне) троецкие (монастырские) плоты из Ылемны (владения монастыря, — *Г. К.*)»); АСЭИ II, № 382 («дрова гонять (водою)»).

[136] АФЗ I, № 201; Бер. гр., № 157; ВПК I, стр. 118.

крестьянами близлежащих волостей.[137] Подобное же положение создавалось и при эксплуатации рыбных угодий.[138] Сооружение езов, колов и плотин, ремонт и восстановление их перед весенней путиной — все это делалось трудом вотчинных крестьян. Выезжавшие для рыбной ловли слуги и холопы владельца (а из монастырей — старцы) нуждались в помощи крестьян, которых принуждали участвовать в сезонной (весенней, осенней и подледной) ловле рыбы. Крестьяне привлекались и к изготовлению орудий лова. Участвовали крестьяне и в охоте — в облавах и загонах крупного зверя (на лосей, медведей);[139] забивали истоки при бобровых ловах.[140] Трудно сказать, что перевешивало: работы ли на полях или работы по эксплуатации различных угодий и вспомогательные работы при охоте, рыбной ловле и т. п. Разница состояла в том, что одни работы были сезонными, их необходимо было производить регулярно, объем их был известен; другие же всплывали неожиданно, и притом в большом объеме. Было большое различие в распределении их по районам: сенные угодья, а значит и работы по заготовке, хранению и затем транспортировке сена приходились в основном на районы около речных и озерных пойменных пожен и лугов; то же самое надо сказать о рыбных угодьях, рыбных промыслах.

Практически связь землевладельца (владельческого хозяйства) с крестьянином (с крестьянским хозяйством-двором) осуществлялась через ключников[141] (иногда это были посельские, волостели, а то и тиуны); мы уже отмечали и свидетельства о поездках феодалов по принадлежащим им крестьянским волостям. В писцовых книгах, в тех их разделах, в которых рассказывается о выплачиваемых крестьянами «доходах» землевладельцу, обязательно указывается и содержание («доход ключнич», «доход посельскому» — «поселье»),[142] выплачивавшееся ключникам и другим представителям феодальной администрации, при посредстве которых собирались доходы с крестьянских хозяйств землевладельцу. В открытых археологами новгородских берестяных грамотах обнаружены странички с перепиской крестьян и ключников с боярами. В них отражена жизнь крестьян боярской вотчины, взаимоотношения между крестьянами и представителями феодальной

---

[137] См. выше, гл. III, а также: Материалы, под словами «косити сено», «луга», «пожни», «косити на помещика», «искос», «откос».

[138] См. выше, гл. IV, § 2, стр. 289—293.

[139] АСЭИ I, № 492; АСЭИ II, №№ 95, 163, 206, 356, 426; АСЭИ III, №№ 119, 318; АИ, № 117; АСт., № 129; АФЗ I, № 106; АФЗ II, № 187.

[140] АФЗ I, № 201.

[141] См.: Материалы, под словами «ключник», «посельский», «волостель», «тиун». — О тиуне у князя Ивана Юрьевича Патрикеева, о тиунах и других слугах в крупных новгородских боярщинах см. выше, стр. 312, 341, 347—349, 353—354.

[142] Материалы, под словами «доход ключника», «доход посельнич», «поселье».

администрации (наряду с ключниками назван также «паробок», т. е. слуга), тяготы крестьян; отмечены события хозяйственной жизни удаленных боярских волостей.[143] Имеются жалобы крестьян на ключников и просьба о замене одного — грубого, которому ничем не угодить, — другим; сообщается о распоряжении ключника переставить двор. Доводится до боярина просьба об уменьшении слишком отяготительных оброков (податей), так как волость пуста (вследствие ухода крестьян); кощей (слуга) доносит о необеспеченности половников (нет у них коней) и о необходимости оказать им материальную помощь. Сообщаются сведения о ходе работ по уборке урожая с собственного поля боярина, о гибели хлеба и о случаях покражи боярского хлеба.[144] Сфера деятельности ключников очень ограничена: сбор оброков, контроль за выполнением работ крестьянами, за выполнением обязательств по долгам.

Крестьянство выделяло в виде оброков («доходов») огромные материальные ресурсы землевладельцам, обеспеченность же самих крестьянских хозяйств была недостаточно надежной. Снижение урожая, недород или неурожай, случайные невзгоды (град и гибель урожая, эпизоотии, пожары) приводили крестьянское хозяйство к такому состоянию, что оказывалась настоятельно необходимая помощь извне. Такую поддержку естественно было бы ожидать со стороны землевладельцев-феодалов, регулярно собиравших большие материальные средства с крестьян и заинтересованных в прочности крестьянских хозяйств.

Мы уже приводили сведения о «серебре издельном», о «ростовом серебре», о «жите заемном»; это взаимоотношения крестьян с землевладельцами, вышедшие за пределы обычного круга: выплаты оброков и отбывания отработочной ренты.

В практике взаимоотношений крестьян с землевладельцами появились не оформлявшиеся письменными документами сделки о займах крестьян у землевладельцев житом или деньгами, — сделки, возникавшие вследствие того, что крестьянам необходимо было укрепить свое хозяйство. Упоминание в документах «серебра» в таких случаях равнозначно «серебру на людях» или «серебру в людях», с которым мы встречаемся во многих духовных грамотах XIV—XV вв., в данных, меновых и купчих на села и деревни этого времени. Из цитировавшихся нами документов известно, что именно это «серебро» и боярский хлеб доверялись ключникам, ведавшим делами в далеких селах-волостях; все это поручалось им под отчет. В своей духовной великая княгиня Софья Витовтовна не только распорядилась оставшимся после нее имуществом

---

[143] Л. В. Черепнин. Новые данные по истории русского крестьянства XIV—XV вв., в новгородских берестяных грамотах. В сб.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России, к 75-летию акад. Н. М. Дружинина, М., 1961, стр. 32—43.

[144] Бер. гр., №№ 94, 97, 99, 136, 157, 161, 167 (о мельнике), 242, 297, 301, 310, 311, 352, 361, 370.

и недвижимостью, но сочла необходимым подумать и о судьбе тех крестьян, которые, с трудом выполняя лежавшие на них повинности, оказались еще должниками княгини. Особое внимание уделено «крестьянам издельникам», или, как их назвали в духовной, «издельным серебреникам», «крестьянам-серебреникам» и просто «издельникам». «Обыск» о положении издельников во владениях великой княгини мог, судя по тексту самой духовной, дать результат в трех вариантах: одни «издельники» могли еще больше «охудеть», и княгиня Софья Витовтовна в целях их материальной поддержки снимает задолженность с крестьян этой категории;[145] вероятны и случаи, когда хозяйства некоторых взявших ссуду крестьян выправились и крестьянин без ущерба для устойчивости своего хозяйства уже мог выплатить все «серебро»; естественны и вероятны также средние положения. В духовной ясно показано, что все крестьяне, взявшие ссуду под условием «изделья», продолжали вести свое хозяйство, выполняя и обязательства по «изделью».

Приведенный нами выше перечень разнообразных работ, выполнявшихся крестьянами в собственном хозяйстве землевладельца, определяет возможный характер и состав «изделья», «дела», «дела сельского».

Упоминающееся в документах «ростовое серебро» — это денежная ссуда, взятая в «рост», т. е. с обязательством уплаты процентов по ней: обычный заем денег под проценты, но тоже с целью поправить хозяйство. Сообщения о «займе житом» показывают, что основным толчком ко всем этим крестьянским займам были поиски крестьянами материальной поддержки своему хозяйству, и было бы естественно видеть постоянную ответную готовность со стороны землевладельцев оказать такую поддержку. Указанные особенности «издельного серебра» и в еще большей степени «жита заемного» не позволяют сближать или смешивать «серебро» с денежной феодальной рентой. Заем «житом» или «серебром» появляется вне связи с выплатой оброка. Нельзя всякое выплачиваемое крестьянином «серебро» принимать за денежную ренту, равно как недопустимо для изучаемого периода феодальных отношений, помимо установленных ежегодных оброков, еще ставить вопрос о взысканиях недоимок по оброку. Об этом ясно свидетельствуют массовые материалы НПК, посвященные именно исчислению крестьянских оброков. В приведенных в НПК перечислениях многих десятков тысяч крестьянских платежей землевладельцам нет никакой речи о выплатах по хлебной оброчной недоимке. В то же время материалы НПК помогают лучше понять существо «заемного жита» и «издельного серебра». Составители НПК, рассказывая о «доходах», шедших когда-то с крестьян старым новгородским боярам, называют среди этих «доходов», во-первых,

[145] ДДГ, № 57, стр. 178.

«деньги подможные за крестьянами»,[146] «деньги за крестьянами» [147] и «деньги за крестьянами в росте»; [148] во-вторых, «хлеб подможный» [149] и «семена великого князя за крестьянами».[150]

То и другое по своей основе никак не связано с оброком и, отличаясь от оброчных платежей, при всем разнообразии названий рассказывает о явлениях, единых по своему существу. Это расчеты по хлебной и денежной подмоге, по ссудам семенами, зерновым хлебом и деньгами, которые даны крестьянам землевладельцами, или от их имени клюниками, или их посельскими. Указание на семена ясно говорит о том, что служило причиной просьбы о подмоге. Семенная ссуда — это в то же время и подмога хлебом, равно как подмога деньгами по существу мало отличается от хлебной подмоги.

Лаконичные записи о «деньгах за крестьянами» в НПК стоят рядом с записями о «подможных деньгах» и выражают то же самое, а записи о «деньгах за крестьянами в росте» — это та же запись, только высказанная приказным языком, резко напоминавшим об уплате ростового процента. Выплата «роста» обязательна по всем денежным ссудам; в НПК он обычно указывается формулой: «а росту на рубль одна гривна и две деньги»,[151] т. е. около $7^1/_2\%$.

«Жито заемное» духовных грамот Северо-Восточной Руси, равно как и «серебро издельное» и «ростовое», «серебро на людях» и «серебро в людях» всех других актов XIV—XV вв., по характеру породивших их сделок, по исходным моментам их появления составляют одно целое с только что показанными явлениями новгородской жизни. И тут и там — подмога, оказанная землевладельцем крестьянину, и притом всегда не бескорыстная, а ведущая к задолженности, к «серебру» с «ростом» или с «изделье».

Вероятный и естественный инициатор сделки — крестьянин, попавший в беду и остро переживавший нужду в хлебе, в зерне, может быть в самую горячую предпосевную пору, весной, когда израсходован весь продовольственный запас и подошло время посева, с которым уже нельзя медлить.

Нами учтены все встреченные в НПК записи о «подможных деньгах» (о деньгах за крестьянами), семенном хлебе и «подможном хлебе». На огромную Новгородскую землю их оказалось очень немного: число этих записей не превышет четырех десятков.[152]

---

[146] НПК II, стр. 36, 666; НПК III, стр. 601, 803; НПК V, стр. 37, 47, 50, 51, 52, 57, 58, 70, 177, 236, 241.

[147] НПК IV, стр. 160; НПК V, стр. 380.

[148] ОВПК, стр. 50, 52.

[149] НПК V, стр. 51, 52, 232, 234—236, 241, 243, 244, 245.

[150] ВПК I, стр. 145, 148, 149, 238; ВПК II, стр. 78, 79, 82, 84, 86.

[151] НПК III, стр. 601, 803; НПК IV, стр. 160; НПК V, стр. 37, 47, 50, 51, 52, 57, 58, 70, 177, 238, 381; ОВПК, стр. 52.

[152] См. сноски 146—150.

Вероятно, не все писцы регулярно отмечали случаи подобной задолженности, особенно по Деревской пятине. В списке заимодавцев есть богатые и влиятельные новгородские бояре.[153] Когда мы знакомимся с перечнем выплат «семян великого князя»,[154] то не находим случаев такой большой задолженности, которая превышала бы количество высеваемого зерна и потому заставляла бы предполагать многолетнее нарастание долга. Несколько иное впечатление создается от записей о «подможном хлебе» и «подможных деньгах», выданных крестьянам новгородскими боярами. Есть примеры, когда задолженность по зерновым хлебам превышала количество семян, потребных волости для годового сева (таковы ссуды бояр Григория Тучина и Исака Богданова).[155] Подобная задолженность могла накопиться постепенно за несколько лет. При больших запасах зерна в боярских житницах следует отметить ничтожно малый список боярских хозяйств, оказывавших своим крестьянам материальную помощь хлебом, при этом помощь оказывалась одной-двум волостям, в то время как в крупных владениях бояр таких волостей было зачастую больше десятка (например, у Богдана Есипова, у Олферия Ивановича Офоносова, Григория Тучина, Михаила Берденева и др.).[156] Поэтому нет оснований говорить о налаженных регулярных связях по линии сельского производства между крестьянскими и боярскими хозяйствами. На много сотен волостей-владений (даже свыше тысячи), описанных в НПК, случаев подмоги отмечено очень мало. Все говорит за то, что помощь крестьянам со стороны крупных землевладельцев была исключением, отражением каких-то особых, необычайных обстоятельств, а не правилом, не была жизненной нормой.

На размышления иного порядка могут направить случаи подмоги крупными денежными ссудами или семенами, зерновым хлебом в большом объеме. В НПК приведены три случая подмоги

---

[153] Список их с указанием размера «подможных денег» и «подможного хлеба» по Шелонской пятине приведен В. Ф. Загорским (История землевладения..., стр. 98); в списке не указан Олферий Гагин, выдавший «подможные деньги» в суммах 1 рубль, 9 гривен и 1 деньга (НПК III, стр. 601) и 3 рубля, 6 гривен и 10 денег (НПК III, стр. 803); не указаны в списке «деньги подможные» боярина Дмитрия Козонского, значащиеся за волостью в Локотцком погосте Деревской пятины, в размере семи рублей без гривны и без шести денег (НПК II, стр. 36).

[154] ВПК I, стр. 145, 148, 149, 238; ВПК II, стр. 78, 79, 82, 84, 86. — Самое большое количество семян значилось за «волостью на Куйвошах, что была (монастыря, — *Г. К.*) Пречистые с Лисичьи горки» (в Новгороде); записано: «А семян великого князя в той волости за христианы восьмдесят и пол четверты ($83^1/_2$, — *Г. К.*) коробьи ржи двесте и шестьдесят и две коробьи овса, полшесты ($5^1/_2$, — *Г. К.*) коробьи и половина получетвертки ячьмени»; в волости по старому письму было 16 деревень, 25 дворов, 42 обжи; ежегодный посев по новому письму — 141 коробья ржи, т. е. намного больше, чем значилось семян в долгу (ВПК I, стр. 148—149).

[155] НПК V, стр. 52 и 235; В. Ф. Загорский. История землевладения..., стр. 98.

[156] В. Ф. Загорский. История землевладения..., стр. 98.

крупными суммами денег и зернового хлеба. Такой является ссуда, данная крестьянам волости на Порусье Воскресенского погоста Шелонской пятины боярином Дмитрием Козонским. Волость небольшая (39 дворов, 46 обеж), а размер ссуды необычайно велик: «денег подможных» 17 рублей новгородских и 9 денег, да «хлеба подможного» 219 коробей без четки ржи, 380 коробей овса, $23^1/_2$ коробьи ячменя и две коробьи ярицы. Боярин богат, владения его достаточно обширны ($147^1/_2$ обеж) и разбросаны в нескольких пятинах, во многих погостах.[157] Указанная волость — центр его владений. При всем этом и крестьянская волость достаточно богата. У крестьян большие посевы: взятый в качестве ссуды «подможный хлеб» намного меньше того, что ежегодно высевалось крестьянами волости (по данным писцовой книги, в волости ежегодно высевалось 251 коробья ржи и соотвественно намного большее количество яровых хлебов). У боярина здесь большая усадьба («большой двор») с садом из пятидесяти плодовых деревьев. Волость и усадьба расположены на удобной реке, вблизи оживленного города (Старой Русы). Боярину Козонскому принадлежали еще большие отхожие поженные покосы. Вероятно, какие-то особые обстоятельства вынудили крестьян волости взять подмогу, а боярин счел выгодным крепче связать крестьян подмогой в большом объеме.

Следует обратить внимание на одну особенность в задолженности по «подможным деньгам», «подможному хлебу» и семенам. За единым исключением, вся такая задолженность числится целиком за тою или иною волостью, а не за отдельными крестьянами. Можно бы заподозрить небрежность записи или недоработку материалов писцом, но это исключается, так как единственный случай, когда подобная ссуда «подможными деньгами» была выдана «врознь», т. е. отдельным лицам, а не целому волостному коллективу, специально отмечен писцом.[158] Следовательно, как правило, все ссуды — и семенами, и «подможным хлебом», и «подможными деньгами» — выдавались мирским властям волости, а не отдельным крестьянам. Это найдет естественное объяснение, если предположить, что такое обращение за подмогой к землевладельцу делалось при общей нужде, в условиях беды, постигшей всю волость: гибели посева, неурожая, стихийного бедствия и т. п. Конечно, сказывалась привычка в больших делах и особенно в сношениях с боярином выступать всем миром. Такой порядок взаимоотношений крестьян с землевладельцами не предполагал прочных индивидуальных связей какого-либо крестьянина с хозяйством феодала, а это в какой-то мере уменьшало возможность личной

[157] НПК V, стр. 241. — Владения боярина Дмитрия Козонского отмечены: НПК II, стр. 36; НПК IV, стр. 203, 348, 470; НПК V, стр. 16, 51, 136, 241; НПК VI, стр. 282, 675.

[158] НПК V, стр. 380 («Да в тое волости (в Укрепех и в Жедрицах Шелонской пятины, — *Г. К.*) великого князя денег Олферьевских Афонасова за крестьяны врознь 23 рубля бес четверти»).

зависимости крестьян от феодала как следствие зависимости экономической.

Как и в случае с Дмитрием Козонским, именно такое объяснение более оправдано и при рассмотрении причин большой денежной подмоги крестьянам двух волостей боярина Олферия Ивановича Офоносова.[159] Вместе с тем мы предполагаем, что если бы не исключительные обстоятельства «поимания» и высылки еще в 1475 г. этого боярина, то, может быть, и денежные расчеты Офоносова с крестьянами оказались бы более простыми, не осталось бы таких больших сумм за крестьянами. Боярина Олферия Ивановича Офоносова следует ставить в первом десятке самых крупных землевладельцев среди новгородских бояр, он являлся одним из руководителей пролитовской боярской группировки.[160] Связь же с крестьянами по линии денежной подмоги отмечена лишь в отношении двух волостей (еще в двух — малые суммы),[161] тогда как таких волостей у Офоносова было больше десятка. Задолженность крестьян по «подможному хлебу» (или по семенам, что одно и то же) и «подможным деньгам» во всех указанных здесь случаях появилась еще до конфискации боярских вотчин (т. е. до 1470-х годов), отмечена же она писцами уже в 1500-е годы как сохранившая еще силу. Московские писцы перечислили эту задолженность крестьян на имя новых новгородских помещиков или на имя великого князя. В истолковании писцов «подможные деньги» стали просто «деньгами за крестьянами», а по формулировке составителя дворцовых писцовых книг — «деньгами за крестьянами в ростех». К помещикам они перешли с правом на регулярное получение «роста» последними «по одной гривне и 2 деньги» с рубля в год, т. е. около $7^1/_2\%$.[162]

Это связало «деньги за крестьянами» в одно понятие с «ростовым серебром», как «подможный хлеб» стал един с «житом заемным». И мы думаем, что писцы имели достаточные основания, чтобы их так расценивать. Нет «роста» с «подможного хлеба», он не указан и с «заемного жита». Старые церковные канонические правила воспрещали церковникам (причту и монахам) брать

---

[159] Там же, стр. 57, 380 ($49^1/_2$ рублей; $22^3/_4$ рубля). В первом случае сообщение дошло в перечневой книге, оно кратко, нет сведения ни о числе деревень и дворов в волости, ни о размере посева и покоса. Обе волости обширны. О второй волости, описанной более подробно, мы знаем, что указанная писцами задолженность была меньше того ежегодного оброка деньгами (пересчитанный писцом на деньги, он равнялся $28^1/_4$ рублям), какой должны уплачивать крестьяне волости.

[160] В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в. стр. 151, 296, 315—316, 333 и 361.

[161] НПК V, стр. 37, 70 (5 рублей и 2 гривны; 3 рубля).

[162] Все эти записи о задолженности крестьян приводятся в НПК в одном месте с указанием оброка по «новому письму», т. е. платежей в 1495—1505 гг., шедших новому (поставленному Москвой), а не новгородскому землевладельцу; и размер роста (около $7^1/_2\%$) взят не из новгородской старины, а определен московскими писцами.

«рост» (и «насп») с отдаваемых в долг зерновых хлебов; рекомендовалось так поступать и «мирянам».[163] Как будто в согласии с этими старыми установлениями не указан «рост» и на «подможный хлеб» и на «жито заемное». Но в каких-то случаях берущий ссуду или подмогу обязывался отрабатывать «изделье», — это уже не проценты и не «рост»; может быть, именно в этих случаях и появляется «изделье»?

«Серебро ростовое» и «серебро издельное» одновременно с обязательством материального порядка связывало крестьянина с заимодавцем-землевладельцем и другими обязательствами. Крестьянина, обязанного «серебром», начинают именовать крестьянином «серебренником», причем такого «серебренника» ограничивают в его деятельности и в его правах. Если крестьянин-серебренник, захочет переменить местожительство и перенести свое хозяйство в другую деревню, принадлежащую другому землевладельцу, то он, не в пример другим крестьянам, может это сделать лишь после того, как полностью рассчитается за старый долг с прежним землевладельцем. Соответствующие акты общеизвестны, они не носят еще характера законов, общих для всей Русской земли, но всеми толкуются в едином смысле. Столь же ясны и не возбуждают сомнений подобные акты второй половины XV в., ограничивающие переход «серебренников» одним сроком в году (Филипповым днем или Юрьевым днем).

Задолженность крестьян связывала их особой связью с заимодавцем-феодалом. Так было в Северо-Восточной Руси, так было и в Новгородской земле. Именно об этом говорит факт строгого многолетнего учета задолженности и перевода ее с новгородских бояр на помещиков, испомещенных Москвой в новгородские боярщины. Связывая выдачу подмоги с последующей отработкой «изделья» или с выплатой «роста», землевладельцы умножали количество рабочей силы в своих хозяйствах путем более широкого привлечения крестьян к работе в собственных владельческих хозяйствах — в силу долговых обязательств, помимо обычной отработочной ренты.

Мы пользовались лишь той частью материалов о владельческом хозяйстве и владельческой вотчине, которая необходима для освещения их связи с крестьянским хозяйством и для уяснения роли их в общенародном хозяйстве. Но при общей оценке характера этих хозяйств и вотчин мы учитывали не только то, что вотчины обычно состояли из многих, широко разбросанных по разным районам (и княжествам) волостей, но и то, что собственное владельческое хозяйство зачастую оказывалось рассредоточенным по многим селам (по «большим дворам» Новгородских писцовых книг); кроме того, каждый крупный землевладелец имел «большой двор» — усадьбу в стольном городе княжества, и нередко именно эта

[163] РИБ VI, стр. 870; документ дошел в рукописи XV в.

усадьба была местом пребывания семьи князя или боярина и его слуг и здесь были сосредоточены основные «службы» владельческого хозяйства.

Мы указывали на разбросанность волостей в крупных владельческих вотчинах, на слабость, а то и просто отсутствие хозяйственных и производственных связей у деревень и сел этих волостей с центральным владельческим хозяйством. Но было бы ошибочно вследствие этого представлять феодальные владения внутренне ничем не связанными. Землевладелец-феодал, одновременно с правом на получение земельной ренты («дохода») с крестьян-земледельцев в деревнях и селах своей вотчины, выступал как «государь», носитель некоторых судебных и административных прав в вотчине и вместе с тем как оберегатель крестьян в их хозяйственной деятельности. Дошедшие до нас жалованные, иммунитетные и льготные грамоты, с одной стороны, определяли административные и судебные права землевладельцев-феодалов, а с другой — устанавливали льготы по налогам, сборам и по различным видам тягла для крестьян их владельческих вотчин. Мы уже указывали, что такие льготы косвенно укрепляли платежеспособность крестьян при выплате феодальной земельной ренты. Так в феодальных владениях определялась и действовала внутренняя связь зависимых крестьян с вотчиной.

Эпоха феодализма — эпоха господства грубой силы. Крестьяне и их хозяйства особенно нуждались в защите от насилий со стороны всяких проезжих лиц и со стороны других феодалов и их слуг. Это обстоятельство ярко выступает в содержании ряда исходящих от государственной власти специальных грамот против непрошенных гостей и насильников, появлявшихся на крестьянских мирских пирах и братчинах. В качестве обычных нарушителей спокойствия в крестьянском мире называются боярские люди, разные должностные лица и их слуги (наместничьи люди, волостели, тиуны и их слуги) и люди из других, соседних владельческих волостей. Основная часть дошедших до нас таких грамот выдана по просьбе феодалов-монастырей. Мирским крестьянским властям грамоты предоставляли право удалять незванных гостей, причем последние подлежали наказанию за учиненные насилия и обязывались возместить нанесенные убытки.[164] Если в черных волостях мир мог найти силы, чтобы бороться с такими насильниками, то в частновладельческих волостях-вотчинах оберегал крестьян, естественно, феодал-землевладелец с его военными слугами.

Наряду с грамотами о пирах и братчинах следует указать еще на подобные же грамоты о «ездоках», которые постоем, ночевками

---

[164] См.: Материалы, под словами «братчины», «пиры»; см. также: АСЭИ I, №№ 264, 309, 312, 315, 322, 327, 354, 414, 462, 463, 516, 534, 567, 568; АСЭИ II, №№ 386, 426, 448; АСЭИ III, №№ 88, 466; АФЗ I, №№ 70, 88, 97, 113, 134, 145—148, 150, 187, 190, 224, 311, 313; АЭ, № 102; АСт., № 55; Юшков, № 124.

в домах крестьян, потреблением крестьянских продуктов для себя и корма для своих лошадей причиняли беспокойство и большие убытки крестьянам. Грамоты воспрещали такие поступки.[165] Но кто мог заставить «ездоков» соблюдать эти постановления и в должном порядке расплачиваться за взятые продукты и корм, за нанесенные убытки и беспокойство? Кто мог и должен был оберегать крестьян? И в данном случае естественным защитником надлежало быть феодалу, владельцу данной волости, села или деревни.

Документы свидетельствуют о слабости, а чаще прямо и об отсутствии хозяйственно-производственной связи у владельческих феодальных хозяйств с крестьянскими хозяйствами. Но одновременно предполагается, что решение таких важных вопросов, как пользование земельными угодьями, равно как и определение границы, где собственное владельческое отделяется от общекрестьянского, происходило по воле землевладельца-феодала.

Мы подошли к заключительному этапу — к общей оценке взаимоотношений между владельческим и крестьянским хозяйствами. После рассмотрения жизни и деятельности двух типов хозяйств — крестьянского и владельческого хозяйства феодала, — нам следует определить место и оценить роль этих хозяйств в общем народном хозяйстве древней Руси в изучавшийся нами период феодальной раздробленности. При всей первостепенной важности этого вопроса, ни в дореволюционной, ни в современной советской историографии он специально не изучался. Имеющийся (у П. И. Лященко) ответ на него не может считаться удовлетворительным уже по одному тому, что является лишь общим высказыванием о хозяйстве феодального периода, без какой-либо попытки определить важные особенности народного хозяйства древней Руси в переломный период — период коренной перестройки сельского хозяйства в XIII—XV вв. и одновременного изживания феодальной раздробленности.

П. И. Лященко в «Истории народного хозяйства СССР» ошибочно оценивает роль феодальной вотчины в народном хозяйстве древней Руси, когда пишет в отношении XIII—XIV вв. (а также в отношении последующего времени), что «феодальная вотчина становится не только организационной формой хозяйства, но и центром всей хозяйственной системы феодализма».[166] В данном случае Лященко был введен в заблуждение небрежными, краткими и в то же время однобокими, неполными характеристиками феодальным вотчинам, которые давали феодалы своим хозяйствам в составлявшихся ими или по их приказу духовных грамотах,

---

[165] См.: Материалы, под словом «ездоки»; см. также: АСЭИ I, №№ 50, 55, 93, 243, 307, 313, 319, 320, 353, 354, 356, 360, 363 и др.; АСЭИ II, №№ 69, 88, 106, 110, 121, 194, 201, 206, 254, 439, 459, 461, 468; АСЭИ III, №№ 34, 42, 61, 96—98, 109, 257, 278, 282.

[166] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. Изд. 4. М., 1956, стр. 183.

купчих, меновых и других актах XIV—XV вв.[167] В большинстве этих актов, как мы уже видели, в оценках и описаниях завещавшихся, продававшихся или менявшихся вотчинных хозяйств, вопреки истинному положению, совершенно не упоминалось о том, что села и деревни состоят из многочисленных крестьянских хозяйств, — причем последние выдавались за обычную собственность землевладельца, с производственной, организационной и хозяйственной точки зрения полностью якобы находившуюся в его распоряжении. Фактически же на территории каждого владельческого поместья или вотчины, кроме собственно владельческого хозяйства, существовало еще большое количество совершенно самостоятельных во всей своей производственной деятельности крестьянских хозяйств, причем каждое из них когда-то возникло в результате труда крестьянина, а может быть еще труда его отца или предков; оно жило и развивалось самостоятельно на основе своих внутренних сил — труда крестьянина и его семьи, на собственной материальной базе — принадлежащих крестьянину жилища, орудий производства, живого и мертвого инвентаря. Взаимоотношения крестьянских хозяйств с собственным хозяйством феодала ограничивались лишь выплатой оброков феодалу (в НПК они названы «доходом» землевладельца) и выполнением крестьянами некоторых работ в хозяйстве феодала, т. е. выплатой оброчной и выполнением отработочной феодальной земельной ренты.[168] Все это с исчерпывающей полнотой и ясностью раскрывается в писцовых книгах, в составленных на их основе сотных грамотах, в ряде уставных грамот XIV—XVI вв. и в тех частных поземельных актах, в которых описание владельческих хозяйств оказывается более конкретным и подробным.

Составленная по материалам НПК сводная таблица (табл. 6) о «доходе» феодалов Новгородской земли в убедительных цифрах раскрывает истинное существо связей между крестьянскими и землевладельческими хозяйствами. В этой части она имеет общее значение для характеристики производственных и социальных отношений во всех землях-княжествах, впоследствии составивших Русское государство.

НПК знакомят нас с хозяйством Новгородской земли в период, очень важный для истории владельческих феодальных (боярских) хозяйств. Именно в 1476—1489 гг., всего за 15—20 лет до составле-

---

[167] См. выше, стр. 119—123.

[168] Описание хозяйств в ряде НПК ведется по волостям — владениям, но было бы ошибкой в этом чисто техническом приеме описательной работы усматривать следы признания за боярщинами какой-то организационной роли в общем народном хозяйстве. Этому решительно противоречит сообщаемый в НПК фактический материал о взаимоотношениях владельческих хозяйств с крестьянскими; да и сама волость лишь в редких случаях совпадала с действительным размером владений феодалов; к тому же эти волости «старого письма» еще исстари существовали как сельские крестьянские общины-волости.

ния дошедших до нас НПК (1495—1505 гг.), произошла смена всех владельцев вотчин: по решению московского великого князя Ивана III Васильевича новгородские крупные землевладельцы-феодалы — бояре, житьи люди, купцы и др. — были «сведены»; на их месте посажены новые, посланные Москвой землевладельцы — помещики и вотчинники. Хозяйства новгородских бояр прекратили существование. Произошла замена уничтоженных владельческих хозяйств другими, заново создававшимися.

Налицо факт полного исключения, устранения из общего хозяйства Новгородской земли старых новгородских землевладельцев со всем их подсобным аппаратом. Естественно бы ожидать серьезных потрясений народного хозяйства от этой массовой ломки, ожидать кризиса с неизбежным понижением общей продуктивности народного хозяйства. Материалы НПК рассказывают о состоянии земледельческих и владельческих хозяйств в годы, предшествовавшие конфискации («старое письмо»), и после водворения новых землевладельцев («новое письмо»). В литературе прослежен этот интересный период в хозяйственной жизни Новгородской земли. Установлено, что никаких показателей кризиса и замешательства в народном хозяйстве нет. Самый надежный показатель — число дворов. По всем пятинам итоги показывают увеличение числа дворов за эти годы, прошедшие от конфискации до «нового письма».[169]

	Старое письмо	Новое письмо
Вотская пятина	12.972	14.925
Шелонская пятина	3.693	4.934
Деревская пятина	17.152	20.582

Ликвидация боярских хозяйств не отразилась на крестьянских хозяйствах: производственная трудовая жизнь в них шла своим чередом. Вывод из строя одного из двух основных слагаемых народного хозяйства (крестьянских хозяйств и хозяйств боярских) не отразился на общем течении экономической жизни страны. Нашло яркое подтверждение основное положение в марксистской характеристике феодального строя. Крестьянин-земледелец — основной производитель в феодальной Руси; он выполнял эту задачу, будучи главой своего крестьянского хозяйства, рабочую силу которого составляла его семья. Выделяя землевладельцу в качестве оброка большую долю продукции зернового хозяйства и всех других отраслей своего хозяйства и поставляя рабочую силу, крестьянин материально обеспечивал владельческие хозяйства. Выплачивая налоги и непосредственно участвуя в содержании войск и государственного аппарата, в работах по строительству городов, дорог, мостов и оборонительных сооружений, крестьянин создавал базу экономического и военного могущества государства.

[169] Н. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области в XVI в. по писцовым книгам. Киев, 1915, стр. 14—19.

В ином плане строились, жили и развивались владельческие феодальные хозяйства: их основной задачей было удовлетворение личных потребностей и нужд феодала, его семьи и слуг. Достаточная материальная обеспеченность позволяла вести некоторые отдельные его разделы на уровне более высоком, нежели в крестьянских хозяйствах (коневодство, огородничество и садоводство, домашние промыслы и ремесла). К личным нуждам и потребностям феодалов присоединялись запросы и потребности, подсказывавшиеся их особыми обязанностями как государственных деятелей, военачальников и военных специалистов, что в условиях феодального государства заставляло их самих решать задачи по развитию некоторых особых отраслей своего хозяйства (коневодство, некоторые ремесла). В этой части они занимают важное самостоятельное место в общенародном хозяйстве.

Документы XV в. отмечают случаи, когда феодалы оказывали «подмогу» крестьянам семенами и деньгами. Такая «подмога» стоит в одном ряду со ссудами — займами под проценты или с обязательством отрабатывать «изделье». Случаи «подмоги» малочисленны, они носят характер случайный и потому не могут расцениваться как свидетельства о связи по линии производства. Во всех видах «серебра», как и ссуд типа «подмоги» зерном, ясно отражено стремление землевладельцев с выгодой для себя использовать материальные затруднения крестьян, чтобы закабалить их, крепче привязать к себе.

Повышенный интерес к хозяйственному строительству, отмечаемый в XV в., особенно в последние его десятилетия, со стороны некоторых категорий феодалов (особенно монастырей, а в конце XV в. и помещиков) по существу выливался в наступление на крестьян, преследовавшее цели расширения угодий в собственных хозяйствах, увеличения в них запашки за счет крестьян и усиления барщины. Лишь много позднее, когда наступление феодалов на общинные угодья и права крестьян были энергично поддержаны сильной государственной властью, это наступление привело к усилению власти феодалов над крестьянами, а производственная деятельность последних оказалась под жестоким контролем землевладельцев, ограничившим права крестьян на пользование угодьями; и только тогда положение П. И. Лященко об особой организационной, хозяйственной роли феодальной вотчины становится оправданным.

КРЕСТЬЯНЕ ЧЕРНЫХ ВОЛОСТЕЙ, ИХ ОРГАНИЗАЦИЯ. ВОЛОСТНОЙ МИР В ДВОРЦОВЫХ И ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ВОЛОСТЯХ

До сих пор мы имели дело с крестьянами (и с крестьянскими хозяйствами) дворцовых, боярских, монастырских и помещичьих сел и деревень, — или, иначе говоря, с владельческими крестьянами. Кроме них, были еще крестьяне черных волостей, жившие

в деревнях и селах, не принадлежавших никаким землевладельцам-феодалам.

Изучаемый нами период — время роста феодального землевладения и дальнейшего развития феодальных отношений. Черные волости — это районы, которые еще не захвачены процессом феодализации; здесь земля (точнее — села и деревни) еще не стала собственностью феодалов-землевладельцев, их трудовое население было свободно от подчинения какому-либо феодалу. Земли черных волостей — общинные крестьянские земли, а сельское население этих общин — исконно свободное крестьянство. С этой стороны крестьяне черных волостей резко отличались от крестьян, живших в вотчинах и поместьях землевладельцев, как отличались и от дворцовых крестьян.

В вышедших за последние годы работах по истории Руси в XIV—XV вв. обозначилась тенденция к затушевыванию и даже к отрицанию различия между частновладельческими волостями и черными крестьянскими; с этим естественно связывалось и непризнание особенностей в положении крестьян черных волостей по сравнению с владельческими крестьянами.[170] Так, Л. В. Черепнин в своем обобщающем труде об образовании Русского централизованного государства рассматривает волостные черные земли лишь как разновидность феодальной собственности в одном ряду с дворцовыми и частновладельческими вотчинными и поместными землями.[171] Он решительно отвергает подсказанный общим комплексом источников древней Руси и нашедший признание в советской историографии путь развития феодальных отношений, — отвергает взгляд, согласно которому сельская община с общинной собственностью на землю была предшественницей собственности феодальной и лишь постепенно уступала место последней в процессе развивавшейся феодализации. «В построении Л. В. Черепнина по вопросу о тенденциях развития собственности на землю, — пишет по этому поводу И. И. Смирнов в своих заметках на книгу Л. В. Черепнина, — имеется весьма большой пробел: в нем отсутствует исторический предшественник и социальный антагонист феодальной собственности на землю — общинная крестьянская собственность».[172]

Отмечая особое значение вопроса о природе черных земель для понимания основного процесса социально-экономического развития феодальной Руси, И. И. Смирнов тщательно разобрал всю аргументацию Л. В. Черепнина и отметил слабость ее и неубедительность. Начав с прямых высказываний К. Маркса

---

[170] А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян..., стр. 113—162 (см. особенно стр. 119—122, 130—138).

[171] Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 182—183.

[172] И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. ИСССР, 1962, № 2, стр. 138—161; № 3, стр. 137—161, 148.

о месте сельской общины в процессе развития социальных отношений в деревне и развития форм земельной собственности, И. И. Смирнов внимательно проследил все приведенные Черепниным указания на свидетельства документов. Расхождение оценок Черепнина с высказываниями классиков марксизма-ленинизма связывается с упрощенным, поверхностным истолкованием отдельных мест документов, которые лишь с натяжкой можно истолковать в смысле, отвечающем намерениям автора.[173] Так, Л. В. Черепнин (как и А. Д. Горский) придает особое значение тем записям крестьянских показаний на суде, в которых крестьяне называют волостные черные земли землями великого князя; но Л. В. Черепнин (и также Горский) оставил в данном случае без внимания то, что те же крестьяне одновременно называют эти земли «нашими (т. е. крестьянскими) волостными землями». В данном случае Л. В. Черепнин и А. Д. Горский игнорируют и то, что исходным моментом и целью всех многочисленных судебных дел, делопроизводство по которым дошло до нас и служит нашим основным источником, было настойчивое стремление крестьян черных волостей вернуть себе земли (волости), которые они считали своими. Основываясь на упрощенном истолковании записанных в судных делах крестьянских показаний, оба указанных автора забыли о настойчивой, длительной борьбе крестьян черных волостей за свои земли, за самостоятельность и особое положение черных волостей, резко отличающее их от волостей частновладельческих.

И. И. Смирнов с полным основанием подметил, что Л. В. Черепнин в своем определении черных земель как разновидности феодальной земельной собственности опирается на воззрения великокняжеской власти, противоположные тем, каких держались крестьяне черных волостей.[174] Признаки же, которыми, по мнению Л. В. Черепнина, характеризуется (в документах) право собственности великокняжеской власти на черные земли, по существу представляют перечень различных способов (применяемых самой властью) ликвидации черных земель.

И вполне оправдан вывод И. И. Смирнова (и наше исходное положение), что «черные земли» — это русская форма общинной собственности, что собственником черных земель является крестьянская община и что в соответствии с этим (именно только в смысле признания общинной коллективной собственности) черносошные крестьяне — это собственники, а не пользователи черных земель.[175]

Представители государственной власти — великие князья и князья удельные — признавали права крестьянской общины на

---

[173] Там же, стр. 148—151.
[174] Там же, стр. 152.
[175] Там же, стр. 150.

черные земли; но сами предпочитали их расценивать как земли государственные, предвидя возможность при благоприятных условиях воспользоваться этими черными землями в качестве фонда для пожалования в феодальное владение кому-либо из своих слуг. Правда, такого рода раздача черных земель была не столь уж частой; это видно хотя бы из того, что черные волостные земли оставались еще в значительном количестве в XVI и XVII вв. Крестьяне же черных волостей, ясно сознавая свое право на земли волости, тем не менее, когда приходилось в судебных инстанциях высказываться о принадлежности черной волостной земли, нередко называли ее «землей великого князя» или землей своего удельного князя-сюзерена. Но в этом не было отказа от своих прав на волостную землю, а лишь скрыто подразумевалось, что князь, признающий несомненное право крестьян на волостную землю, естественно явится оберегателем этого общинного права на нее. И потому крестьяне называли на суде черные волостные земли землями великого князя, а говоря о себе, что они живут на такой государственной земле, крестьяне подчеркивали этим свою независимость от какого-либо феодала. При этом следует заметить, что таким великим князем являлся не только московский великий князь, но и великий князь тверской, рязанский, ярославский, нижегородский, и князья удельные, не называвшиеся великими князьями, но самостоятельные князья — суверены. Именно в этом смысле говорится о землях княжества Тверского в судном деле Калязинского монастыря с Артемием Острым и о селище Красном и пустоши Крутец,[176] о черных землях Ярославского княжества,[177] о землях великого княжества Рязанского,[178] Белозерского княжества (в судных делах Кирилло-Белозерского и Ферапонтовского монастырей),[179] Нижегородского великого княжества,[180] княжества Вологодского[181] и др.[182] Не охваченные феодализацией районы были во всех землях-княжествах. И чем дальше в прошлое, тем больше было таких общинных земель. Словосочетание «черные земли» встречается в документах еще в конце XIV в., но наименование «черные земли» или «черные волости» с особым смыслом отгра-

---

[176] ЦГАДА, ф. 1193, №№ 29 (33) и 30 (40); АСЭИ III, №№ 172, 173.

[177] Лих., вып. II, № III; стр. 130—131 («а боры и старые лесы — то земля великого князя (ярославского)»); ЦГАДА, ф. 281 (ГКЭ), №№ 14751, 14752; АСЭИ III, №№ 208, 209, 210, 215 и 221.

[178] Лих., вып. II, № XV[1], стр. 242—243; АСЭИ III, №№ 319, 364.

[179] АСЭИ II, №№ 229, 230, 259, 280, 333, 334, 336, 337; АСЭИ III, № 478.

[180] Временник, кн. 18, Смесь, стр. 33—56.

[181] Вологодские акты 1500—1684 гг. Летопись занятий Археографической комиссии. Кн. III. Материалы, стр. 1—2 (Правая грамота по спорному делу о земле Тошенской); АСЭИ III, № 276.

[182] ЦГАДА, ф. 281 (ГКЭ), д. 4819/1 (по Зубцову) и д. 9679/1 (Пошехонье); АСЭИ III, №№ 48 (Костромской уезд), 57 (Волоцкого князя), 223 (Пошехонье), 290 (Вага), 469 и 472 (Переяславский уезд).

ничения от дворцовых волостей и волостей землевладельческих, зависимых от феодалов, в более четком своем значении привилось позднее, уже ко второй половине XV в. Раньше крестьяне этих волостей называли их просто землями князя. В конце XV в. и позднейшее время для таких волостных общинных земель характерно наименование «тяглая черная земля».[183] Другие равнозначащие ее наименования — «волостная земля», «становая земля», «земля великого князя» — также подчеркивают их независимость от землевладельцев-феодалов.

Волость и стан — территориальные единицы крестьянских общин. Наименование «стан» пришло от представителей государственной власти, для них волостная единица была административно-территориальной единицей. Учреждая «стан», представитель великого князя определял район-округ, на который распространялась его административная и судебная деятельность; «стан» по величине и границам обычно совпадал с общинной волостью. Называя общинную землю «землей великого князя», крестьяне подчеркивали особую роль великого князя — верховного собственника — как оберегателя волостных земель от покушения на них частных владельцев. Указывая же, что все это «тяглые черные земли», крестьяне-общинники подчеркивали свою свободу от феодальных повинностей в пользу частных землевладельцев. Их повинности исчерпывались «тяглом», повинностью государственной. И поэтому, когда те или иные деревни из числа находящихся в округе черной волости (или близко соприкасающихся к ней) оказывались пожалованными монастырю или другому землевладельцу, то великий или удельный князь особо предупреждал, чтобы волостная община не претендовала на несение тягла крестьянами этих деревень. Когда часть селений (деревни на Волкове горе) Аргуновской волости оказалась собственностью монастыря, то великий князь Иван III Васильевич писал «в Аргуново старосте и всем крестьяном», чтобы они «тое деревенки в тягло не тянули ни в которую».[184]

В отличие от владельческих волостей крестьяне черных волостей были свободны от натуральных оброков типа издольщины или заменивших ее позднее денежных оброков, а также и от работ по обслуживанию собственных хозяйств феодалов. На крестьян черных волостей с большой силой давили тяготы по несению государственных налогов и повинностей. Основным свой-

[183] АСЭИ I, №№ 244, 326, 430—432, 524, 525, 537—539; АСЭИ II, №№ 229, 250, 333, 375, 307, 368, 402, 404, 414; АСЭИ III, №№ 48, 57, 80, 172, 215, 221, 276, 291б, 472.

[184] АСЭИ I, № 332 (1462—1485 гг.), стр. 241. — Несколько раньше отец его, великий князь Василий Васильевич, дал такое же распоряжение относительно этих же селений «в Аргуново дворскому и всем волостным людем»: «и вы на его людей монастырских (на крестьян деревень на Волкове горе, — *Г. К.*) розметов на мечите» (АСЭИ I, № 156 (1430—1440 гг.), стр. 115—116).

ством таких государственных налогов и повинностей являлась их всеобщность — они были обязательны для всех граждан государства. В классовом феодальном государстве от их выполнения освобождался лишь господствующий класс, т. е. феодалы-землевладельцы да духовенство. При этом и само распределение тягла между разными категориями тяглого населения производилось неравномерно, чем, в частности, обусловливалось большое различие в положении крестьян черных волостей и владельческих крестьян.

По состоянию хозяйства, по производственному облику хозяйств крестьяне черных волостей ничем особым от владельческих крестьян не отличались. Разница если и была, то проистекала из природных особенностей края или района. Наступление феодалов на черные волости интенсивнее происходило в центральном районе Северо-Восточной Руси, черные же волости прочнее и дольше удерживались на севере; в центре феодализация замедлялась в глухих лесных районах, удаленных от хорошо изведанных и освоенных путей сообщения.

Материалы о феодальных повинностях владельческих крестьян (о тяжести феодальной земельной ренты) позволяют легко установить коренное различие в положении крестьян владельческих и черных волостей. В документе, рассказывающем о жизни черной волости, — в льготной грамоте сямского сотского Сидора крестьянам Фоминым, — сказано: «Се яз соцкой сямской Сидор, поговоря с людми добрыми с сямлены, з болшими и меншими... дали есмя Фоминым детем Афонке да Ивашку пустошь Гридкину под двор на двенадцать лет, а учнут жити, в ту двенадцать лет не надобе им великого князя дань, ни волостелевы кормы, ни города не ставят, ни ям, ни (в) вытные розрубы в столец не тянути ни во что».[185] Перед нами раскрыта страница из жизни Сямской черной волости: волостные власти (мир) выделяют двум братьям под строительство хозяйства пустошь с угодьями и дают им для этого льготу на 12 лет от основного тягла и крестьянских мирских повинностей. Указаны главные повинности — дань великому князю, «кормы волостелю», «город ставити», т. е. принимать участие в строительстве оборонительных сооружений; («ям»), — определяемые волостным разрубом (раскладкой) различные повинности и платежи, вносимые в волостную казну («в столец»).

О дани — основной, общей, первой государственной повинности — мы уже неоднократно упоминали. От уплаты дани освобождались лишь феодалы-землевладельцы да духовенство. Величина дани менялась сообразно нуждам государства и обстоятель-

[185] АСЭИ II, № 293 (1493 г.) (льготная грамота, данная сямским сотником крестьянам Фоминым; Сямская волость — на северо-западном побережье Кубенского озера).

ствам. Мы это знаем по упоминавшейся уже нами тяжкой дани, наложенной ханом Тохтамышем на всю Русь;[186] знаем также о «черном боре» с новоторжских волостей — с сохи по гривне, а для конца XV в. в Новгородской земле обежная дань определена по полугривне с сохи.[187]

На уровне государственной повинности выступало кормление должностных лиц — выплата корма наместникам (возглавлявшим управление городом и уездом), волостелям (управляющим более мелкими административными единицами — волостями) и их слугам — тиунам и доводчикам.[188] Из приводившейся нами выписки из грамоты старосте Сямской волости видно, что выплата корма волостелю стоит в ряду первых повинностей крестьян черных волостей. В составе корма — различная продукция крестьянского хозяйства; обычны указания о пересчете натуральных продуктов на денежные платежи. Такие же указания на корм наместнику, волостелям и их тиунам и доводчикам имеются и в НПК; эти кормы должностным лицам в Новгородской земле выплачивались по «новому письму» (т. е. в конце XV—начале XVI в.) в «оброчных землях великого князя», временно состоявших в положении, близком к «черным волостям» (эти земли-волости еще не были розданы новым помещикам, назначенным Москвой).

Судя по Уставной белозерской грамоте и некоторым специальным грамотам Северо-Восточной Руси о раздаче кормлений, кормы выплачивались крестьянами черных и владельческих волостей. Корм волостелю естественен и обязателен для черных волостей. У владельческих же крестьян, судя по массе льготных грамот, уплата наместничьего и волостелева корма была редким исключением. Отмечая, что наместничий и волостелев корм по форме сходны с оброчным натуральным и денежным платежом и что его выплата обычна для крестьян черных волостей, историки, затушевывающие различие между крестьянами черных волостей и волостей владельческих, расценивают корм волостелям и наместникам как обычную натуральную и денежную форму феодальной земельной ренты. На деле же это мелкий платеж, не идущий ни в какое сравнение с натуральным оброком — с «доходом» землевладельцев; и при малой норме корма наместнику в Новгородской земле, по указаниям НПК, один корм выплачивался лишь с 25 обеж, а в Северо-Восточной Руси, судя по актам, один корм шел с шести деревень.[189]

---

[186] См. выше, гл. II, § 5, стр. 100—101.

[187] ГВНП, № 21.

[188] См.: Материалы, под словами «корм волостелин», «— доводщич», «— наместнич», «— тиунов», «— черноборцам», «кормление новое», «— старое», «— тиуну».

[189] НПК IV, стр. 39, 41, 42, 46, 54, 60, 70, 85, 91, 132, 134, 137 и др.; НПК V, стр. 92, 103, 140, 241, 242, 253, 263; НПК II, стр. 558, 630, 633, 634, 636 (в Деревской пятине по одному корму с 30 обеж); Юшков, №№ 69 и 75.

Из платежей и повинностей, причисляемых к государственным, падавших на крестьян черной Сямской волости, после дани и выплаты корма волостелям названы повинности «города ставити» и «ям». Трудоемкая и в то же время важная государственная повинность «городного дела», или «города ставити», предусматривала участие крестьян в работах по возведению, ремонту и подновлению оборонительных сооружений «городов» — крепостей.[190] С военным делом связана еще одна повинность — «посоха», или «посошное дело».[191]

Обслуживание транспортом проезжавших должностных (да и других) лиц в XIV—XV вв. было делом очень сложным и в то же время обязательным; к этому еще присоединялась и необходимость обеспечивать проезжавших продовольствием и жильем, а если у них были лошади, то еще снабжать кормом этих лошадей, если же лошадей не было, то давать подводу (обычно лошадь с седлом) и проводника. Так как практическое удовлетворение этих потребностей падало на крестьян прилегающих к дорогам селений, то обязанность обеспечивать ездоков подводой, а одновременно постоем и кормом оказывалась чрезвычайно обременительной для крестьян. И неудивительно, что «люди» (крестьяне) избегали селиться при дорогах,[192] — особенно если «послы татарские тою же дорогою ходили»,[193] — протестовали, когда мимо их сел и деревень прокладывали новые дороги.[194] Появление ямов — пунктов, на которых проезжавшие могли остановиться и без задержки получить свежих лошадей, — относится к более позднему времени (ко второй половине XV в.). Но еще на рубеже XIV и XV вв., в Уставной договорной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана о повинности по обеспечению проезжавших должностных лиц подводой мы встречаемся со случаем, когда слова «подвода» и «ям» употреблялись в равнозначном смысле: на ям, как на особую организацию, возлагалась обязанность поставлять подводу — лошадей для ездоков.[195]

С устройством ямов обслуживание проезжих должностных лиц несколько наладилось, как улучшилась и служба связи. Но стала более обременительной повинность по обслуживанию ямов:

---

[190] См.: Материалы, под словами «делати город», «дело городное», «города рубити, ставити».

[191] О посохе, посошном деле и городовом деле см.: Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.—Л., 1957, стр. 23—26, 32—36, 116—118.

[192] АСЭИ II, № 410.

[193] Там же, №№ 411 (1494—1499 гг.), 435, 437, 452.

[194] Там же, № 313; см. также №№ 69, 88, 106, 107, 110, 170, 194.

[195] ПРП, вып. 3, стр. 422 (Уставная договорная грамота великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана (1404 г.): «...а ям по старине с шестыи день, а коли мои села князя великого дадут, тогды и митрополичи дадут»).

регулярной, постоянной была поставка крестьянами сменных лошадей на ям, к крестьянам же перешла обязанность возводить постройки для яма. Об этой повинности хорошо рассказывается в грамоте о починке Ергольского яма.[196] Крестьяне должны были заново поставить две избы трехсаженные, два сенника на подклетях, конюшню четырехсаженную, вокруг ямского двора заметать замет или поставить тын, поставить ворота. Все это возлагалось на четыре крестьянские волости, на две волостки и еще на две слободки и два села.[197] Почти все указанные волости, волостки и села — черные крестьянские.[198] Указано брать с сохи по два человека. «Да теми ж бы еси сохами велел хрестьяном от Ерголского яму до Надпорожского яму дороги почистити и мостов по рекам и по болотам и по грязем велел починити. А которые будут мосты погнили... и ты бы велел мосты новые мостити..., а на реках... мосты мостити на клетках...».[199] Текст этого документа убедительно показывает, насколько трудоемкой была повинность, именовавшаяся «ямом». Если здания не требовалось ремонтировать ежегодно, то чинить дороги и ремонтировать мосты, особенно мосты и гати по болотам и по грязи, необходимо было чинить ежегодно после весны и дождливой осени. Повинность яма, как мы уже видели, ложилась преимущественно на крестьян черных волостей.

Если у крестьян черных волостей не было оснований для освобождения от выпадавших на их долю общих государственных повинностей или для частичного снижения их, то у владельческих крестьян достаточно веским мотивом для этого могла быть особая трудность их несения в связи с обязанностью первоочередного выполнения тяжелых и трудоемких повинностей феодальных. Возделывая землю, ведя свое достаточно сложное хозяйство, крестьянин не мог считать себя полным хозяином выработанной продукции, не являлся и полным хозяином своего рабочего времени: земля считалась собственностью феодала, и землевладелец-феодал имел право на свой «доход» с крестьянских хозяйств и на привлечение крестьянина с его семьей для работы в своем владельческом хозяйстве. Незыблемое — и одинаково ясное как для землевладельца, так и для государственной власти — это право феодалов, по мнению и их самих и властей, бесспорно должно было при всех условиях быть реализовано. А отсюда — убеждение землевладельцев (да и властей) в том, что крестьяне,

---

[196] АСт., № 84 (1512 г.), стр. 140—142.

[197] Там же. — Аналогична по содержанию и отводная грамота на землю Селецкого яма на Дмитровской дороге (АФЗ I, № 44 (1510—1511 гг.), стр. 57—58); из нее мы узнаем о жилых и хозяйственных постройках яма, о размере пашенных и луговых земель яма.

[198] А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 186—187.

[199] АСт., № 84 стр. 141; см. также: Материалы, под словом «ям».

живущие в их деревнях и селах, должны быть освобождены полностью или частично от выполнения ряда государственных повинностей. Дошедшие до нас многочисленные грамоты о податных привилегиях — тарханные грамоты, оброчные грамоты о замене таких повинностей выплатой установленного оброка, льготные — указывают на фактически большой вес этих привилегий феодалов-землевладельцев. Так на деле осуществлялось четкое различие в положении крестьян владельческих волостей, черных волостей и волостей дворцовых. Государственные повинности, хотя они и являлись общими и как будто обязательными для всех граждан государства, а практически для всего сельского тяглого населения, на деле оказывались возложенными в основном на крестьян черных волостей. Так делалось с давнего времени в период удельных порядков, так оставалось в течение всего изучаемого нами времени. Приведем для примера свидетельства некоторых грамот. По жалованной грамоте тверского великого князя Василия Михайловича администрации Тверского Отроча монастыря и слугам монастырским и ключникам, «не надобе им никоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни осмьничее, ни иныи которыи пошлины к городу, ни к волостем. Тако же и сиротам (т. е. крестьянам, — *Г. К.*), кто имет седети на земли... Отрочья монастыря и тех монастырев в нашей отчине в Тферьских волостех и в Кашиньских... пожаловали есмы тех сирот: не надобе им никоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни осмничее, ни сторожевое, ни писчее, ни корм, ни медовое, ни иныи которыи пошлины к городу, ни к волости, ни служба, ни дело княже, ни дворьскии, ни старосты ат их не заимают ни про что».[200] По подобным же жалованным грамотам великого князя московского Василия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю крестьянам их села Сватковсконо «не надобе ни мыт, ни тамга, ни ям, ни подвода, ни писчаа белка, ни косткы, ни восменичее, ни лугов моих не косят, ни закостного на них не емлют, ни коня моего не кормят, ни двора моего, ни волостелевых дворов не ставят, ни портного не дают, ни к сотскому ни к дворскому не тянут ни во что, ни иные никоторые пошлины...»[201]

В жалованной грамоте великой княгини Софьи Витовтовны на село Кувакинское[202] указано, что «людям» (крестьянам), живущим в этом селе, «не надобе мыт, ни тамга, ни осмничее,

---

[200] АЭ, № 5 (1361—1365 гг.), стр. 2—3.

[201] АСЭИ I, № 139 (1439 г.), стр. 107.

[202] Там же, № 217 (1448 г.), стр. 152. — Подобное же сказано в грамоте нижегородского великого князя Александра Ивановича Спасо-Евфимьеву монастырю («...и не надобе им никоторая моя дань, ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни татарский проезд, ни городное дело, ни иные никоторые пошлины»): АСЭИ II, № 435 (около 1418—1419 гг.); см. также № 437 (1425 г.), № 452 (1451 г.).

ни весчее, ни ям, ни подвода, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни в черныи с тяглыми людьми не тянут, ни в которые проторы, ни иныи никоторыи пошлины им не надобе». И не менее показательна жалованная подтвердительная грамота великого князя Василия Васильевича Ивану Петелину на его село Скнятиново с деревнями в Кинеле Переяславского уезда: «Что его село в Кинеле Скнятиново и з деревнями, и хто у него в том селе и в деревнях имут жити людей, ино им не надобе ям, ни подвода, ни тамга, ни восмничее, ни мыт, ни косткы, ни сен моих косят и ни коня моего не кормит, ни портное; ни к соцкому, ни к дворскому не тянут ни в какие проторы, ни в розметы...».[203] А в жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича Благовещенскому монастырю Галичского уезда сказано: «И не надобе им (крестьянам монастыря, — *Г. К.*) ни моа дань, ни тамга, ни осмьничее, ни мыт, ни костки, ни гостиное, ни явка, ни весчее, ни писчая белка, ни поголовная, ни подвода, ни алтыновщина, ни посошное, ни к городу не тянут, ни иная никоторая пошлина».[204]

Таким образом, крестьяне частновладельческих волостей освобождались от выплаты дани (чаще с заменою ее и других повинностей оброком), от яма и подводы, от городового дела и посошного, от повинности косить луга на великого (или удельного) князя, ставить двор волостелю, наместнику или великому князю, кормить княжеского (или митрополичьего) коня: «...и с черными тяглыми людьми не тянуть ни в которые проторы». Некоторые из указанных повинностей, относимых на долю черных волостей (косить луга, ставить двор, принимать участие в загонах зверя при охоте, в работах на великокняжеских рыбных угодьях), как будто бы напоминают повинности владельческих крестьян. На деле же, как видно из всего только что сказанного, положение крестьян черных и владельческих волостей было различным по основе своей. Феодальная земельная рента, оброчная и отработочная, по своему весу была основою повинностей владельческих крестьян. Когда же мы представим всю сумму государственных повинностей, выполнявшихся крестьянами черных волостей, то поймем истинные — достаточные — основания для того, чтобы именовать их тяглыми волостями.

А. Д. Горский уделил особое внимание вопросу о повинностях крестьян.[205] Но он применял метод суммарного изучения всех

---

[203] АСЭИ I, № 236 (1450 г.), стр. 166. — Указано, что дана великим князем Василием Васильевичем по грамоте прапрадеда своего, великого князя Ивана Даниловича, и других князей его предков, т. е. основа владения Петелиных относится еще к 1330-м годам.

[204] АФЗ I, № 252 (1477 г.), стр. 216.

[205] А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян..., стр. 172—173, 187—199.

материалов о повинностях, без связи их по месту и обстановке, по времени их появления и более полной активной реализации; в результате автор затушевал резкую разницу между тем, что по существу своему проистекало из основ феодального землевладения, и тем, что определялось общественными и государственными нуждами. Ставя же вопрос о весе повинностей, он не рассмотрел, что та или иная повинность могла быть основной, главной и что именно ею мог определяться конкретный вес всего тягла. На деле у владельческих крестьян такой была феодальная земельная рента (очень хорошо, четко представленная по весу в оброчной — натуральной или денежной — форме, а в форме отработочной ренты — в несколько усложненном виде), состоящая иногда из многих трудно взвешиваемых слагаемых. Весьма вероятно, что ограниченность материалов Северо-Восточной Руси помешала А. Д. Горскому оценить большой вес оброчной (самой весомой) феодальной ренты;[206] в наших руках были НПК — и, по нашему твердому убеждению, они помогли нам вернее решить вопрос о тяжести разных повинностей.

Л. В. Черепнин вместе с А. Д. Горским и в согласии с высказываниями А. П. Пьянкова предложил для XIV—XV вв., свою оценку соотношения между весом оброчной и отработочной ренты. Но указанные авторы упустили из виду, что не всякая пашня на государя, не всякое дело сельское, как и десятинная пашня, являются барщиной или отработкой во владельческом хозяйстве.[207] Многое из того, что поставлялось феодалу, поступало уже в готовом виде в его господские кладовые и житницы. И это очень важно для правильного и полного уяснения взаимоотношений между крестьянским и владельческим хозяйством. Землевладелец-феодал в изучаемое время не был заинтересован в том, чтобы у себя в хозяйстве своим иждивением возделывать зерновые хлеба в количестве, потребном для его хозяйства, да и не был подготовлен к этому. Указанные авторы видели возможность именно такого направления в хозяйствах феодалов, но мало интересовались самим земледельческим производством и потому, по нашему мнению, переоценили отработки и барщину в XIV—XV вв. Так, мы убеждаемся, что приведенные и разобранные нами материалы о феодальных и государственных повинностях владельческих крестьян и крестьян черных волостей отмечают большое различие в положении двух этих категорий сельского населения.

Уделив здесь особое внимание тому, как истолковывают этот материал о крестьянских повинностях А. Д. Горский, Л. В. Черепнин и А. П. Пьянков, мы несколько уклонились от освещения

---

[206] Там же, стр. 176—178.

[207] Там же, стр. 176—178, 252—254 (ср. сказанное нами выше, стр. 349—353).

рассматриваемого нами вопроса о жизни сельской общины в черной волости, и нам надлежит вернуться к нему.

Как пример мы разобрали жизнь крестьян Сямской волости. Во главе Сямской черной волости стоял сотский,[208] в других волостях его обычно именовали старостой. Староста, или сотский, с волостным миром (в цитировавшейся нами грамоте — «с людьми добрыми — большими и меньшими») и решал все общественные волостные дела. Из упоминавшейся грамоты о Сямской волости мы узнаем о «стольце» — организационном центре черных и других волостей.[209] «Столец» — это и казна, в которую вносились оброки и деньги за пользование некоторыми волостными угодьями; здесь же решались вопросы раскладки тягла, порядка пользования угодьями и вообще хозяйственные вопросы волости; здесь было сосредоточено и все делопроизводство по ее хозяйству. Раскладка расходов (волостные «розруба») оформлялись списками (перечнями); были и свои волостные расходы. В «стольце» был сосредоточен учет всех сборов по волости и фактических их поступлений. С развитием феодализма, когда в большинстве сельские общины-волости оказались (полностью или частично) в составе владений феодалов, т. е. были поглощены ими, резко изменилось положение сельских общин — они теряли свою самостоятельность: в частных владельческих волостях роль сельской общины и ее дела сводились до крайнего минимума.

Волостная сельская община не имела утвержденного устава; все в ней зиждилось на обычае; правда, обычай этот в изучаемую нами пору имел большую жизненную силу. Организация сельской общины, ее аппарат мало чем отличались от органов, неизбежных в быту всякого мирского самоуправления: были выборные старосты и мирской сход.[210]

К изучаемому нами времени большая часть сельских общин вошла в состав владений феодалов, была поглощена ими; но, как мы видим, еще осталось немалое число черных волостей, полностью сохранивших свой самостоятельный строй.[211] В круп-

---

[208] АСЭИ II, № 293; см. выше, стр. 374—375.

[209] «Тянуты в столец со крестьян» — значило быть в составе одной сельской общины (АСЭИ I, №№ 340, 584—587, 590—594; АСЭИ II, № 293; АЭ, № 150, стр. 121; АСЭИ III, № 27).

[210] Встречаем указания на мирские избы в Тверском уезде — «в волостке Шестка в с. Андреевском двор беспашенный, а приходят на него Ондреевского села крестьяне на совет ежепятницу, а живет в нем дворник» (ПКМГ I, отд. 2, стр. 305). В Писцовой книге Ивана Льговского (1619 г.) в Мегорском погосте Обонежской пятины и двух волостях — в Конпоге и в Ундоге — указаны «избы мирские схожие, а в них сходятся крестьяне» (лл. 91 об. и 104).

[211] Иллюстрацией к этому положению могут послужить материалы по истории волостей бывшего Белозерского княжества, приведенные и исследованные в работах Н. П. Павлова-Сильванского (Феодализм в удельной

ных владельческих хозяйствах (типа дворцового) волости сохранили основу своего мирского строя: управлялись выборными старостами; «столец» был центром, в котором решались вопросы раскладки тягла, вообще хозяйственные вопросы волости. Мирскими властями решались здесь и вопросы пользования угодьями, но, конечно, в рамках, определявшихся особыми заданиями дворцовой администрации и деятельностью приказных людей этого ведомства, которым вручалась под управление указанная волость. Именно так выглядела жизнь бобровников Каменского стана по уставу, выданному им дмитровским удельным князем.[212] Мало оставалось места для мирского самоуправления в частновладельческих, вотчинных и поместных хозяйствах, но все же кое-что, и притом важное с практической, хозяйственной точки зрения, осталось в ведении волостного и деревенского мира. Мы уже познакомились с постановкой владельческих хозяйств и с формами их связи с крестьянскими хозяйствами принадлежащих им сел и деревень. Их обособленное существование и оторванность основной массы деревень и сел от места расположения владельческой усадьбы(от центра владельческого хозяйства) практически вели к тому, что связь владельцев с крестьянами и их хозяйствами осуществлялась через ключников. В изучаемое нами время большинство землевладельцев не проявляло особого желания вмешиваться в хозяйственную жизнь этих деревень и сел. И потому естественно, что и в частновладельческих волостях мы встречаемся в деревнях и селах с крестьянскими старостами и там остается некоторое место для привычной деятельности мирского самоуправления.

В черных волостях (да и в волостях дворцовых) мирское самоуправление выступает в документах как официально признанная государственной властью местная мирская власть. Упоминавшаяся нами грамота великого князя Ивана Васильевича с указом об освобождении от тягла деревни на Воинове горе адресована «старосте Аргуновской волости и всем крестьянам».[213] К старостам и ко всем крестьянам волости направляет свои указы и белозерский князь Михаил Андреевич.[214] Волостные старосты (а руководителей волостного мирского самоуправления называют обычно старостой, редко — сотским) в качестве официальных представителей волости участвуют в суде наместника или волостеля, присутствуют на суде как уполномоченные от волости, участвуют в размежевании земель.[215] Документы указы-

Руси. Соч., т. III, СПб., 1910, стр. 3—36) и А. И. Копанева (История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 185—202).

[212] АЭ, № 150 (1509 г.), стр. 120—122 (Уставная грамота дмитровского князя Юрия Ивановича бобровникам Каменского стана).

[213] АСЭИ I, № 332.

[214] АСЭИ II, №№ 91, 137; РИБ II, стр. 19, 27.

[215] АСт., стр. 22, 43, 54, 55, 80—82, 84, 86, 93; СГ, стр. 140, 147, 149, 150; Шахм., стр. 4, 7, 27, 28, 60, 69, 70, 110, 145; АСЭИ I, №№ 61, 128, 133, 151,

вают на старост и во владельческих вотчинах и поместьях, выступающих в той же роли мирских представителей.[216]

Волостную общину, несмотря на крайнюю малочисленность дошедших до нас источников, можно проследить и в центральных районах Северо-Восточной Руси, и на территории бывших княжеств Белозерского, Вологодского, Костромского, Рязанского и др., в пятинах Новгородской земли и на Севере Новгородской земли. Волостная сельская община была общераспространенной формой организации крестьянства — как в древности, так и в изучаемое нами время, в XIV—XV вв., и позднее. Живучесть и устойчивость ее и то, что мирское самоуправление, представленное старостой и мирским сходом, оставалось и тогда, когда волость становилась владельческой, объясняется и органической связью общины с хозяйственной и бытовой жизнью, и потребностью крестьян в такой мирской организации. Чтобы понять последнее, необходимо вернуться к начальному этапу истории крестьянской общины-волости и оценить ее роль в жизни крестьян.

На начальном этапе истории сельской общины первоочередным был вопрос об освоении территории, а затем уже, в процессе оформления общины-волости, происходило более строгое установление ее границ. Складывание территории волости по существу заключалось в хозяйственном и трудовом (производственном) освоении лесных, земельных, сенокосных, водных (рыбных) и других угодий.

На этом начальном этапе земледелец был еще тесно связан с подсечной разработкой лесов и потому нуждался в обширных, свободных для такой эксплуатации лесных массивах. Охотничьи «путики» вели также далеко от селений в глубь лесов; туда же, но в иных направлениях, шли тропы к бортным угодьям. С освоением полевого пашенного земледелия и развитием животноводства территория волости должна была охватить и прочно закрепить луговые, пастбищные и особенно поженные угодья в поймах рек и озер; настойчиво осваивались и рыбные угодья. Все эти угодья составляли необходимую принадлежность крестьянских поселений, базу крестьянских хозяйств. Волости

214, 246, 332, 340, 399, 523—525, 583—594, 628; АСЭИ II, №№ 6, 31, 71—73, 83, 86, 91, 112, 126, 136, 137, 148, 162, 165, 173, 211, 230, 259, 260, 265, 268, 275, 277, 285—287, 289, 290, 307, 316, 326, 336, 338, 416, 458, 481, 492; АФЗ I, №№ 93, 135, 136, 138, 152, 163, 166, 178, 184, 185, 194, 215, 222, 226, 248, 255, 256, 259, 261, 306, 309.

[216] См. предшествующую сноску 215; см. также: Материалы, под словом «староста» (указания на актовый материал); НПК I, стр. 154, 210, 215, 226, 227, 345, 450—468, 527—529, 613, 619, 631, 653, 658, 662, 695, 756, 762, 785, 787; НПК II, стр. 461, 579, 688, 703; НПК III, стр. 116, 549, 576, 849, 864, 885, 942, 957; НПК IV, стр. 10, 12, 15, 136; НПК V, стр. 56, 149, 163, 193, 423; НПК VI, стр. 16; ВПК II, стр. 90, 144; ОПК, стр. 5, 10, 25, 28, 32, 37, 42, 46, 48, 51.

«привязывались» к рекам, речкам, зачастую и лесам, от речек обычно получали свои наименования. Освоение территории, узаконение прав на нее и на хозяйственные угодья, охваченные ею, предусматривали предварительное трудовое пользование всеми этими угодьями.[217] Все это могло быть лишь делом рук тружеников-земледельцев, членов волостной и деревенских общин. В актах XIV—XV вв., дошедших до нас, комплекс таких освоенных и принадлежащих деревне или селу угодий определялся формулой: «и куда из этой деревни топор, соха и коса ходили», — все это принадлежало (тянуло) к селению. Иногда в таком акте в упомянутой фразе называлось имя землевладельца, продававшего село или деревню, и нередко могло создаться ложное впечатление о том, что будто бы указанный в акте боярин, игумен монастыря или какой-то другой землевладелец с топором или сохой осваивал угодья. Топор, соха и коса могли быть лишь в руках земледельца-крестьянина, ему принадлежали эти орудия, и лишь земледельцы — члены сельской общины — шли с топором, чтобы разрабатывать, осваивать леса, заводить на подсеках посевы, строить селения; шли с сохой, чтобы обрабатывать землю, с косой, чтобы косить сено. Документы XV в. нередко свидетельствуют о недостаточной ясности территориальных границ между волостями; указывают, что они зачастую проходили по таким большим лесам, где «топор с топором еще не сшолся».[218] Но это нельзя расценивать как наличие в это время (да и в XIV в.) больших белых пятен неосвоенных территорий в землях-княжествах Северо-Восточной Руси, в Псковской земле или на основной территории Новгородской земли. За земледельцем вскоре шел феодал — впереди светский, а потом и монастыри. В свете этих конкретных данных о жизни земледельческой сельской общины яснее определяется, чем она жила, какие дела объединяли земледельцев-крестьян в общину, в каких условиях и на каком материале вырабатывались обычаи, на основе которых жила сельская община изучаемого нами времени.

Общемирское дело начиналось еще с деревни. У деревень были свои общинные угодья — поскотина, сенные угодья; сообща крестьяне деревни пользовались лесом, согласованно с общими интересами эксплуатировали рыбные угодья, бортные угодья, охотились, организуя путики, расставляя снасти и т. п. Трехпольная система земледелия требовала упорядочения пользования полями и прилегающей к ним землей. Содержание в порядке изгородей было важным делом всего деревенского коллек-

---

[217] Такие страницы из истории волостей-общин отмечены у А. И. Копанева (История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 188—189); о том же, как складывались территории волостей Белозерского края и волостей Северо-Восточной Руси, см. у Н. П. Павлова-Сильванского (Феодализм в удельной Руси, стр. 12—24, 23—24).

[218] АСЭИ II, № 287.

тива, в то время как на волость падала забота о содержании и исправности осеков. Волость распоряжалась теми рыбными,[219] сенными и другими угодьями на ее территории, которые не входили в собственное, личное хозяйство крестьян и не были закреплены за определенной деревней. Сообща, волостью или деревней, косили крестьяне пойменные луга, особенно удаленные пожни; различное состояние этих лугов в разные годы подсказывало и поддерживало практику ежегодного передела этих лугов перед покосом.[220] Сообща, волостью, пользовались рыбными угодьями: «озеро... ловят крестьяне волостью»,[221] «волостью кол колили», т. е. в реке устанавливали сооружение для ловли рыбы.[222] А когда по той или иной причине оказывались заброшенными деревни, то пустую деревню «пашут волостью наездом» и сеют там хлеб.[223] В подобных случаях встает вопрос: а кто же будет платить оброки, лежавшие на таких деревнях, кто будет нести тягло и отвечать за него? Ответственность за это берет на себя волость. Ряд именно таких случаев отмечен в НПК. Так, в Дегожском погосте Шелонской пятины оказалось 26 деревень пустых, и еще отмечены две пустоши и селище. Писцы пишут: «И те деревни пустые и пустоши ведают старосты со хрестьяны садят на них хрестьян собе в тягло в тот же оброк».[224] Такие же случаи отмечены в Турском и в Дремяцком погостах той же пятины.[225] Данные случаи относятся к частновладельческим волостям.

В черных волостях, как мы указывали, разверстка тягла была одной из важнейших функций волостной администрации и волостного самоуправления. О том же рассказывается и в документах дворцовых волостей. Так, в уставной грамоте бобровникам Каменского стана сказано: «А те кормы ловчего и тиунов и доводчиков побор дворской з десятскими и з добрыми людьми меж себя мечут с столца по дани и по пашне: которая деревня болши пашнею и угодьем, и они на ту деревню болши корму и поборов

---

[219] См. выше, гл. IV, стр. 290—293.

[220] «Да тое ж волости пожня на море... а косят ее всею волостью» (ВПК I, стр. 121, 131); волостью косят луга и пожни (ОПК, стр. 153; НПК IV, стр. 144, 166, 193, 210; ВПК I, стр. 216, 268). Все приведенные примеры относятся к волостям в частновладельческих феодальных хозяйствах.

[221] НПК V, стр. 135, 192; ОПК, стр. 157; Материалы, под словом «озеро» (в НПК).

[222] ОВПК, стр. 25; НПК III, стр. 447. — См. также: НПК III, стр. 453; ВПК I, стр. 123; ОВПК, стр. 59.

[223] «Пашет волость наездом»: НПК I, стр. 210, 211, 536; НПК II, стр. 488, 578; НПК III, стр. 56, 246; ОПК, стр. 125—127, 129, 130, 132, 151—153, 156, 466. — «Пашут волостью», «пашня волостная»: НПК I, стр. 78, 176. — «Пашут крестьяне наездом»: НПК I, стр. 159, 177, 813; НПК II, стр. 93, 589, 635; НПК III, стр. 246, 331; НПК V, стр. 151, 183, 133.

[224] НПК V, стр. 423.

[225] НПК IV, стр. 59 и 132.

положат; а которая деревня менши пашнею и угодьем, и они на ту деревню менши корму и поборов положат; да собрав те кормы староста с десятскими, да платят ловчему и его гиуну и доводчику побор в городе Дмитрове».[226] В такой же роли выступают объединенные по боярщинам крестьяне в Никольской волости Будковского погоста (Вотской пятины), составившейся из боярщин старых бояр и новосведенных (85 дворов, 83½ обжи). В волости много пустошей, селищ и сенных угодий (лугов). Писец — составитель НПК записал: «А великого князя оброк (заменивший старые боярские «доходы», — *Г. К.*) в той волости всех боярщин крестьяном деньги и хлеб разметовати меж собя по пашне».[227]

Предметом особого внимания черных волостей были земельные угодья, владение и пользование которыми было материальной основой крестьянских хозяйств. Перед крестьянами стояли вопросы о закреплении за волостью этих угодий, об охране их как собственности крестьян волостной общины, о хозяйственном освоении их, о распределении угодий между деревнями и хозяйствами и об установлении порядка пользования ими.[228] Во всем этом сказывалось свойство волостных земель и угодий как собственности общинной, коллективной, а не частной собственности отдельных крестьян. Белозерский князь Михаил Андреевич в своих грамотах отмечает право крестьян Городецкой и Заболотской волостей на выкуп старых волостных пожен, присвоенных Кирилло-Белозерским монастырем.[229] Старосты и «все крестьяне» дают землю церкви, волость выделяет земельный участок и покосы попу.[230] «Мир» отнимает у крестьянина полосу земли, вычищенную им без разрешения мира.[231] Мы уже отмечали случай, когда староста Сямской черной волости Вологодского уезда с «добрыми людьми» (с крестьянами) дал пустошь с угодьями двум братьям крестьянам по «двор» и их новое хозяйство. То же сделал староста Залесской черной волости Костромского уезда. О подобном же случае устройства починка сообщает на суде крестьянин черной волости Волока Славинского Белозерского уезда: «А мне, — говорит он, — тот лес дала волость и староста со крестьяны; и яз... избу поставил».[232]

---

[226] АЭ, № 150 (1509 г.), стр. 121 (Уставная грамота дмитровского князя Юрия Ивановича Каменского стана бобровникам).

[227] НПК III, стр. 291 (волость старых бояр и новосведенных Будковского погоста Вотской пятины).

[228] АСЭИ II, № 165 (старосты волостей присутствуют при размежевании; выше, на стр. 382—383, мы привели сноску с указанием на многочисленные случаи участия волостных старост в разводе земель).

[229] АСЭИ II, №№ 112, 141.

[230] ОПК, стр. 139, 181 (о землях, выделенных церквам); ГВНП, №№ 243, 260, 323; АЮ, № 100, стр. 135.

[231] ЛОИИ, архив, ф. 102, д. 186.

[232] АСЭИ II, № 285.

Указанные здесь документы достаточно ясно свидетельствуют о праве черных волостей распоряжаться земельными угодьями на своей территории. На основе этого исконно осознававшегося права волость считала первоочередной конкретной задачей устройство крестьянских хозяйств, освоение волостных угодий, освоение лесов под земледелие, а значит — и развитие сельского хозяйства. Разработка лесной целины под пахоту, строительство починков, а затем и деревень происходило, как мы видим, при самом активном участии мирской волостной организации, при взаимной помощи соседей крестьян. Помощь могла быть разнообразной, от материальной «подмоги» и помощи соседа своим трудом до общей, мирской трудовой помощи или совместного выполнения одной или просто сходной задачи по хозяйственному строительству. Вспомним, когда у нас шла речь о получении крестьянами подмоги от землевладельцев — новгородских бояр — хлебом (семенами или просто зерном) или деньгами, то мы отмечали, что «подмога» получалась целой волостью.[233]

От строительства сельского хозяйства не стояли в стороне и феодалы-землевладельцы. Они были заинтересованы в появлении новых земледельческих хозяйств на территории их вотчин. В дошедших до нас документах особенно подчеркнута эта сторона деятельности землевладельцев. Последнее понятно — документы обычно составлялись землевладельцами или под их диктовку. И недаром многие из сообщаемых в этих документах сведений еще тогда, в момент появления документов, опротестовывались, отрицались современниками крестьянами.[234] Именно так произошло со сведениями о строительстве починков и новых деревень, сообщенными Кирилло-Белозерским монастырем в Отводной записной книге 1492 г.,[235] со сведениями о строительстве Милобудских починков,[236] о россечах Оникеевой, Лавроковой и

---

[233] См. выше, стр. 362—363.

[234] АСЭИ II, № 289, стр. 203—209 (Отводной докладной список на Колчакские деревни и починки Кирилло-Белозерского монастыря).

[235] Там же, № 290, стр. 210—245 (Отводная записная книга землям Кирилло-Белозерского монастыря от земель великого князя, т. е. от волостных черных земель. — Этим документом подводится итог длительной деятельности монастыря (от 1397 до 1482 г.) по приобретению земельных владений; о характере данного документа и о степени участия монастырских старцев в его составлении рассказано в послесловии редактора-издателя (там же, стр. 245—248). О том, каким путем накапливал монастырь свои владения, и о фактической роли крестьян и самого монастыря в строительстве сел и деревень, вошедших в вотчину Кирилло-Белозерского монастыря, см. в работах: Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века, т. I, вып. II. СПб., 1910, стр. 1—27; А. П. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 86—121, 129—132 и 134—135.

[236] АСЭИ II, № 290, л. 4 об., стр. 215; см. также № 4[б]

Пореевой,[237] о строительстве деревень Захарьиной и Тимкиной[238] и починков на пустоши Кочевинской.[239]

Хозяйственное строительство было всегда в центре внимания волостной общины. Вопросы же, определявшие его содержание, существенно менялись на разных этапах ее истории. На начальном этапе первоочередным было освоение территории, а затем уже и более строгое определение границ волости. Одновременно с этим осуществлялось трудовое хозяйственное освоение земельных, лесных и водных угодий волости.

БОРЬБА КРЕСТЬЯН ЧЕРНЫХ ВОЛОСТЕЙ С НАСТУПАВШИМИ ФЕОДАЛАМИ

Конец XIV и XV в. — время усиления роста феодального землевладения. Сокращался земельный фонд, числившийся за терявшими долю политических прав великими и удельными князьями и их потомками. Перераспределение этого земельного фонда частично удовлетворяло спрос феодалов на земли для вотчин и поместий. Главным же поместным фондом оказывались черные земли.

В этих условиях перед крестьянами черных волостей с особой остротой встала задача по защите своих волостных земель от посягательств соседей — землевладельцев-феодалов. Крестьяне черных волостей выступают борцами за свою «пошлину», за свои права. Волостная община в лице своих волостных, сельских старост и крестьян-старожильцев активно, настойчиво отстаивает свои права на земли и угодья, права на свободное распоряжение ими, вступая в борьбу с землевладельцами-вотчинниками, посягавшими на земли волости.

В первые ряды наступавших феодалов с конца XIV в. выдвинулись монастыри; среди них в Северо-Восточной Руси одним из наиболее активных был Троице-Сергиев монастырь. Группа судных дел из двенадцати докладных судных списков[240] рассказывает о тяжбе крестьян разных селений Залесской волости Костромского уезда с Троице-Сергиевым монастырем за землю, которая издавна была волостной черной, но была захвачена монастырем и теперь эксплуатировалась им. Один за другим предъявляются крестьянами разных селений этой волости иски к монастырю о возврате захваченных им земель-пустошей: Бураковой, Матковской, Мичкова, Носкова, Оглоблиной, Парамонова, Подболотной, Подкосова, Потапова, Стонилова, Стрельникова. В роли свидетелей на суде выступают крестьяне соседних

---

[237] Там же, № 290, л. 9 об., стр. 220—221.
[238] Там же, л. 14 об., стр. 225.
[239] Там же, л. 15 об., стр. 226.
[240] АСЭИ I, №№ 583—594. — Все документы датируются 1495—1499 гг.

селений, крестьяне и старосты соседних, тоже черных волостей. Выступающие знахори-старожильцы помнят события крестьянской трудовой жизни за 60 и даже за 80 лет. В отношении каждой земли или пустоши они рассказывают, кто там из крестьян волости жил и работал, причем оказывается, что все приведенные наименования пустошей произошли от имен крестьян, которые создавали в этих деревнях (потом из-за бедствий опустевших) свои хозяйства.[241]

Важнейшим признаком принадлежности того или иного поселения или угодья к черной волости является несение общего с волостью тягла: «та земля черная тяглая из старины», «яз жил в той земле, а потуги давал в столец в Залесье»; «Яз... был есмь... староста и на ту землю на Носково метал пометы и дань и проторы подводил».[242] Один свидетель говорит: «старостил, есми на Залесье, и помет есми метал — дани и проторы на Потапово (спорная земля, — *Г. К.*), а земля — наша Залесская черная тяглая».[243] Выступающий на суде свидетель был старостой в черной Залесской волости, в нее входила и населенная эксплуатируемая земля Потапово. Староста производил раскладку «даней и проторов» и устанавливал их размер на землю Потапово. Сбор и своевременная выплата тягла — «даней и проторов» — одна из первых обязанностей черных волостей. Деньги, или оброки и дани в другом виде, поступали в «столец» — в волостную казну в село Залесье. Тянуть «со хрестьяны всеми к Залесью к столцу» — важнейший признак принадлежности к данной волости. Этого признака и ищут судьи, разбирающие дело о тяжбе за земли села Зеленцино в Переяславском уезде.[244]

Деятельные, активные волостные организации прослеживаются в актах Белозерья. Среди судных дел крестьян с Кирилло-Белозерским и Ферапонтовым монастырями — большой материал о деятельности волостной организации и их старост. Н. П. Павлов-Сильванский живо обрисовал историю волости Волочек-Славинский — одну из многих черных волостей в Белозерье.[245] Излагаемая в документах и в трудах исследователей история землевладения монастырей Кирилло-Белозерского и Ферапонтова является по существу описанием постепенного захвата монастырями черных волостных земель.[246]

[241] Там же.

[242] Там же, №№ 584, 585, 586.

[243] Там же, № 591, стр. 483.

[244] Там же, № 340 (около 1464—1478 гг.).

[245] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 1—6, 12—27.

[246] Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., т. I, вып. 2, стр. 1—13; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 86—155. — Краткую сводку об образовании земельного фонда Кирилло-Белозерского монастыря с конца XIV в. по 1482 г. дает отводная записная книга земель Кирилло-Белозерского монастыря (АСЭИ II, № 290, стр. 210—247).

Документы говорят о деятельности старост черных волостей и крестьян по защите своих волостных земельных владений. Монастыри лучше, чем другие землевладельцы, понимали выгодность владений пустошами и другими земельными угодьями, на которые можно было перезывать или, выкупив, сажать крестьян. Отсюда особая настойчивость в приобретении запустевших сел и деревень, в захвате сенных и других угодий. За короткий срок, в два-три десятилетия со времени основания, вновь возникающие монастыри становились обладателями крупных земельных вотчин. Так было в конце XIV—начале XV в. с Троице-Сергиевым, Симоновым, Спасо-Евфимьевым, Кирилло-Белозерским, Спасо-Прилуцким, Калязиным, Ферапонтовым монастырями и с многими другими.

В стремлении во что бы то ни стало, не брезгуя никакими средствами, создать себе обеспеченную жизнь монастыри достигли очень многого по линии расширения владений и умножения в них числа крестьян. Нападение врагов, стихийные бедствия, эпидемии, частые в конце XIV и в первой половине XV в. феодальные войны в Северо-Восточной Руси опустошали страну, вызывали кризисы в сельском хозяйстве. Вот в такое-то время монастыри и старались захватить и заселить опустевшие деревни, освоить пожни, рыбные, бортные и всякие другие угодья, принадлежавшие крестьянам.

Из числа уцелевших судных дел XV в. большинство является тяжбами монастырей с соседями-крестьянами за земельные угодья. До трех десятков таких дел падает на Троице-Сергиев монастырь.[247] Среди них на первом плане — случаи захвата монастырем земельных угодий черных волостей. Используются тяжелые времена невзгод: разорение деревень от нападений жестокого врага (Едигеева рать), тяжелый «великий мор» 1420-х годов, разорение от ратных людей и разбоев. В судных делах излагаются многочисленные истории поселений, созданных руками крестьян, а потом разоренных, опустевших и вновь восстанавливаемых крестьянами. В борьбу с сильными монастырями решаются вступать крестьяне черных волостей. Опираясь на силу и авторитет коллектива, они находят средства, чтобы начать и вести судебные дела. Известны случаи, когда крестьяне самовольно (до суда) захватывали то, что некогда было отнято у них. Несмотря на правоту, крестьянам редко удавалось выиграть дело. Судьи поддерживали монастырь. По ходу судебного дела и из показаний свидетелей, старожильцев-знахорей, раскрывается деятельность крестьянской общины черной волости.

Нередко вновь севшие на захваченную монастырем землю крестьяне, не зная истинного положения в далеком прошлом —

---

[247] АСЭИ I, №№ 326, 340, 373, 397, 430, 431, 447, 467, 523, 538, 540, 571, 628, 582—595, 628, 639, 651, 658. — Все документы датируются 1462—1502 гг.

до войны, до «мора», — свидетельствовали на суде, что они знают о данной деревне, пустоши или об угодье как о недвижимости, принадлежащей уже монастырям. Так монастырям удавалось находить поддержку среди плохо осведомленных крестьян, не принадлежавших к волости, выступающей на суде.

Такие судные дела велись и с Симоновым,[248] Спасо-Евфимьевым Суздальским,[249] Кирилло-Белозерским,[250] Ферапонтовым[251] и Калязиным-Троицким монастырями,[252] с митрополичьей кафедрой и ее монастырями.[253] Характерны дела о спорных деревнях и починках митрополичьего дома с крестьянами Ликуржской волости и Минского стана Костромского уезда. Митрополичий дом захватил опустевшие во время «великого поветрия» (1420-е годы) деревни крестьян,[254] и крестьяне никак не могут вернуть их себе.

На руководителях волости лежала ответственность за целостность волостной территории, в частности защита волостных земель и угодий от захвата их наступавшими феодалами. Представители волостной общины путем свидетельств надежных старожильцев, очень хорошо знавших всю жизнь волости (особенно то, что делалось в ней по сельскому строительству), доказывали свои права на старые волостные земли. Старожильцы, свидетели-знахори, выставленные волостью, знали, кто жил еще в далеком прошлом в существовавших 40—60 лет тому назад деревнях, теперь превратившихся в пустоши и захваченных монастырями; они указывали, где были расположены старые деревни и спорные угодья, и таким образом удостоверяли несомненные права волости на спорные земли. Противная сторона — монастыри — находит свои аргументы в указаниях на фактическое владение спорной землей в настоящее время. Судьи говорят в этих случаях: почему крестьяне до сих пор молчали и не требовали по суду возвращения им спорной земли? Особенно часто монастыри ссылались на документы о продаже и дарении, о пожаловании им спорных земель; нередко в предъявленных документах действительно неясно, из каких земель состоял вклад, зачастую одни и те же пустоши, луга и пожни назывались различно. Монастыри и поддерживающая их власть пользовались

---

[248] АСЭИ II, №№ 370, 374, 376 (дело с «числяками»), 375, 381, 387 (монастырь допускает подлог), 388, 388а, 400—407, 408—410, 411, 412, 414, 416, 421, 422, 425, 428, 433.

[249] Там же, №№ 463, 465, 481, 483, 492, 494, 458, 464.

[250] Там же, №№ 229, 230, 259, 260, 277, 285, 287—289, 290 (л. 2), 296, 306, 310.

[251] Там же, №№ 332, 333 (дело с крестьянами Южской волости), 334—338 (дело с крестьянами Волокославинской волости).

[252] ЦГАДА, ф. 1193, д. 29 (39); АСЭИ III, №№ 172, 173.

[253] АФЗ I, №№ 103, 104, 114, 125, 140, 259, 261, 308.

[254] Там же, №№ 254, 258 (Минский стан). — Аналогичная обстановка была и в спорных делах; см.: там же, №№ 306, 309.

этим и, оставляя в стороне ясные показания старожильцев, отстаивавших справедливые требования волостей, решали дело в пользу землевладельцев-феодалов.

Симонов и Спасо-Евфимьев монастыри в очень многих случаях ссылались на приобретение спорных земель путем купли, путем вклада, дарения, а когда дело касалось предъявления документа, то указывали, что во время усобиц и пожаров в их монастырях документы сгорели и они для восстановления своих владельческих прав позднее получали соответствующую жалованную грамоту от великого князя. Власти этих монастырей, Симонова и Спасо-Евфимьева, во всех трудных случаях ссылались на указания жалованных грамот и выигрывали дело, несмотря на противоречившие решению суда показания крестьян-старожильцев, представленных волостью.

Раскрываются характерные черты во взаимоотношениях монастырей с крестьянским миром черных волостей. Монастыри захватывают лучшие, «окультуренные» земли — селища и пустоши, — места, где не столь давно были крестьянские поселения; оттягивают сенные угодья, бортные ухожаи. Наступая, монастыри заводили починки и деревни на самой границе монастырской и черной волостной земли. Захват крестьянских земель осуществлялся в разоренных, опустошенных районах в самых широких масштабах; на пустоши и селища сажали на льготных условиях своих крестьян или крестьян, призванных монастырями со стороны. Монастыри находили поддержку со стороны представителей власти: судьи работали в их пользу. У монастырей оказывается достаточная материальная база, чтобы вести такое наступление. Постепенно в каждом монастыре подбираются, воспитываются из числа «старцев» и слуг кадры, хорошо подготовленные к такого рода «хозяйственной» деятельности по линии расширения своих вотчин, прав и возможностей эксплуатации сельского населения.

Приведенные примеры касаются в основном монастырей центра Северо-Восточной Руси в XV в. То же самое делали и монастыри Севера. Чтобы быть ближе к более верному представлению о масштабе борьбы монастырей с крестьянами соседних волостей, наступления монастырей на черные общинные волости, необходимо учитывать, что в силу плохой сохранности документов до нас дошла лишь небольшая часть дел о конфликтах монастырей с крестьянами.[255]

В силу особенностей комплектования и условий, обспечивавших сохранность дошедших до нас архивных фондов, в них слабо отражены те случаи, когда волостные черные земли присваивались, захватывались светскими феодалами. Но есть и такие слу-

---

[255] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II. М., 1951, стр. 230—252.

чаи, когда в условиях нашествия татар, «великого мора» и междукняжеских войн крестьяне бросали насиженные места или погибали, опустевшие же селения («пустоши») или оставленные земельные угодья захватывались боярами или другими светскими землевладельцами; они указаны в нескольких дошедших до нас делах. Эти земли часто путем вклада, дарения или продажи доставались монастырям и потому отмечены уже в монастырских актах, а иск крестьяне предъявляли монастырю.[256]

Характер конфликтов в дошедших до нас судных делах второй половины XV в. указывает на наступление монастырей на черные волости, на угодья черных волостей.[257]

Н. Н. Покровский, автор диссертации «Актовые источники по истории феодальной собственности в России (XIV—начало XVI в.)», приводит многочисленные указания в сохранившихся источниках на случаи перехода черных земель в руки монастырей, церковных и светских феодалов. Им отмечено свыше двухсот таких случаев за XV в.[258] Волости сплоченно выступают на суде через своих крестьян.[259]

Волостные сельские общины в древней Руси естественно наблюдать во всех землях-княжествах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Этап наступления феодалов на черные волости в конце XIV—XV в. и ответной борьбы крестьян за свои земли и свою самостоятельность охватывает почти все земли-княжества древней Руси. Крестьянское население сплоченно выступало в тяжбах с феодалами-землевладельцами волости. Рядом со старостами выступают крестьяне-старожильцы волостей, авторитетные люди не только в среде крестьян, но и в глазах судей и в глазах противостоящей тяжущейся стороны; среди старожильцев многие в прошлом сами были старостами.

Черные земли служили фондом для испомещения служилых людей и в XV в. Путем великокняжеских пожалований черные земли намного сокращаются. При том состоянии документов, с каким приходится иметь дело занимающимся XIV—XV вв., невозможно разрешить вопрос, в какой мере широко в разных уездах Северо-Восточной Руси были представлены волостные черные земли, и вероятно, что существовали уезды, в которых черные земли были уже захвачены феодалами и сведены на нет. Материалы «старого письма» НПК о землевладении оставлют

---

[256] АСЭИ I, №№ 61, 259, 340, 430, 524, 525 и 615; об этом см.: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 186—187.

[257] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II, стр. 232—235, 239—242 и 247—252.

[258] Н. Н. Покровский. Актовые источники по истории феодальной собственности в России (XIV—начало XVI в.), стр. 238—242 и приложения. Дисс.

[259] АГР, № 14, стр. 10; АСЭИ I, №№ 583—596; см. также ссылки на стр. 396—397.

впечатление, что здесь, в Новгородской земле, феодализация захватила полностью все погосты всех пятин. Находятся землевладельцы-феодалы для каждой земли, как будто для каждого села и деревни. В числе описываемых земельных владений согласно «новому письму», т. е. письму 1495—1505 гг., большое место занимали оброчные земли великого князя. Они могли бы соответствовать черным землям, черным волостям земель-княжеств Северо-Восточной Руси. Но на пути к принятию такого толкования стоит тот факт, что эти «земли оброчные великого князя» в недавнем прошлом были владениями новгородских бояр и других крупных землевладельцев; в течение долгого времени они как общины были лишены самостоятельности. К тому же эти «оброчные земли великого князя» в ближайшее время могли пойти в поместную раздачу. Напомним, что «старое письмо» НПК свидетельствует о законченности феодализации на территории всей Новгородской земли. Можно выделить лишь небольшие районы особо учитываемых наместничьих земель, да остается нерешенным вопрос, не были ли «государственными» земли новгородского владыки, и если не были такими все, то может быть среди них были все же такие погосты или волости, которые несомненно не принадлежали владычной кафедре и потому могли входить в земельный фонд государственных земель Великого Новгорода.[260]

Для нас в данный момент интересен вопрос, в какой мере общинные порядки волостных черных общин имели место в Новгородской земле. Высказывания историков Севера Новгородской земли о землях, не вошедших в описание писцовых книг, единодушны в признании тех порядков, которые характерны именно для черных земель. В актах Новгородской земли привлекает особое внимание то, что наряду со сделками на земельные владения крупных землевладельцев, новгородских бояр, мы встречаемся с большим количеством сделок на землю — куплю, продажу, мену, дарение, завещание, совершенных мелкими землевладельцами, владельцами небольших крестьянских участков, теми, которые сами разработали эти небольшие участки («лоскуты») пахотной, сенокосной и другой земли, сами выстроили все, из чего состояло продававшееся или менявшееся хозяйство — «село земли», — или долю его. Особенно же богат и многочислен материал по этому вопросу от более позднего времени (конец XV—начало XVI в.). Поэтому нам нет особых оснований специально заниматься этим вопросом и следует признать правильным вывод, что на Севере Новгородской земли сельская община играла большую роль.[261]

Исследования о жизни крестьянских общин Севера раскрывают сложный процесс происходившей борьбы волостных общин

[260] А. М. Гневушев. Очерки..., стр. 257—276; Б. Д. Греков. Новгородский дом святой Софии, стр. 218—252 (гл. VI — «Земля св. Софии»).

[261] Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения..., стр. 227—249.

с наступавшими феодалами, с одной стороны, и выделения внутри общины владений мелких и крупных землевладельцев, подрывавших основы общины и в корне менявших ее лицо, — с другой.[262] Естественно было бы ожидать подобных явлений и в волостных общинах Северо-Восточной Руси, но проследить их, видимо, мешает малочисленность источников. В отношении же основной территории Новгородской земли мы можем только указать на отмеченные уже нами случаи. Обычаи мирской общинной жизни сохранялись здесь и во владельческих волостях: были старосты, волостью сообща решались многие вопросы о пользовании волостными и деревенскими угодьями.

Борьба черных волостей с наступавшими феодалами за землю, за волостные, мирские — земельные, сенные, лесные, рыбные и др. — угодья и незримая борьба за самоуправление, ощущавшаяся и во владельческих волостях, составила важную особенность жизни крестьян в изучаемый нами период. Незначительная, когда ведется наблюдение за этой борьбой на примере отдельных селений или одной волости, она выступает как явление крупного масштаба и большого веса, когда удается охватить наблюдением крупный район и учесть результаты за длительный период. Такой пример имеем в истории Белозерского края в XIV—XVI вв. О ходе борьбы и неутешительных для крестьян результатах ее рассказано в труде А. И. Копанева по истории землевладения в Белозерском крае. Ярко выступает напряженность борьбы, в которой крестьянской волостной общине понадобилось выступать в качестве обороняющейся стороны против наступающего агрессора — монастырей-феодалов. Результаты наступления монастырей наглядно показаны на картах, приложенных к этому труду.[263]

СТАРОЖИЛЬЦЫ

Во всех указывавшихся нами судных делах в роли активных представителей черных волостей, наряду с выборными властями, выступают еще крестьяне, особо именуемые старожильцами. Старожильцы за 30—40, 50—60, а то и за 80 лет помнят все важнейшие события в жизни волости и выступают на суде в качестве хорошо осведомленных свидетелей. Особенно остра их память на события, связанные с эксплуатацией земельных угодий волости и успешной производственной деятельностью ее земледельцев-крестьян. В таких случаях память и осведомленность старожильцев изумительна. Из хода судных дел мы узнаем, что старожильцы-знахори знали до мелочей по всем местным приметам

[262] Н. Н. Покровский. К истории крупного светского землевладения в Двинской земле XV—XVI вв. Вестник Моск. унив., ист.-филолог. серия..., 1956, № 2, стр. 125—140.

[263] А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 185—202.

границы своих и соседних земельных владений и угодий. Знали о земельных угодьях, о том, кто пользовался ими; где и когда кто пахал или косил и что сеял; знали на границах земельных владений межевые знаки и «знамена» на межных деревьях и других предметах, а в бортных лесах — бортные знаки («знамена») разных владельцев. Малейшая ошибка, замешательство или неточность в показаниях при особой придирчивости судей и неблагоприятном отношении их к крестьянским свидетелям могли нанести невозвратимый ущерб волости.

Старожильцы — исконные жители волости; именно эта исконная, тесная связь с делами всей волости, непосредственное участие в ее трудовой жизни, тяготы, испытанные совместно с крестьянами волости, обеспечивали старожильцам хорошую осведомленность, большой жизненный опыт, а вместе с тем и большое уважение со стороны соседей; это служило основанием особого их авторитета в глазах судей и тяжущихся сторон.

Старожильцы, как активные участники и организаторы трудовой производственной жизни крестьянского мира, естественно, не оставались равнодушными к тяжбам своих соседей крестьян с наступавшими феодалами. Всматриваясь в состав свидетелей старожильцев, мы видим, что многие из них незадолго до того, как их привлекали в суд в качестве свидетелей по земельной тяжбе, сами были старостами и сообщали суду факты, происходившие в бытность их в этой должности.[264] На наш взгляд, именно из этой среды — общественного, мирского актива старожильцев и одновременно должностных лиц — выделяются инициаторы борьбы крестьян с феодалами.

Поддерживая в тяжбах с феодалами своих соседей знанием фактов и обстановки, в которой завязывались конфликты, старожильцы одной волости встречали сочувствие и поддержку со стороны знахорей-старожильцев соседних волостей. Сообщаемые ими факты исключительны по конкретности и убедительности, они свидетельствуют о важном, большом месте этих крестьян-старожильцев во всей общемирской жизни волостей. Так, раскрывая обстановку, в которой начался захват митрополичьим домом черных крестьянских земель в Ликуржской волости (Костромского уезда), инициаторы иска к митрополиту (крестьяне этой волости) говорят: «Волость... Ликуржская запустела от великого поветрия (от чумы, — *Г. К.*), а те господине (судьи, — *К. Г.*), деревни и пустоши волостные разоймали бояре и митрополиты... за себя тому лет с сорок, а волостных деревень Ликуржских тогды осталось одна шесть деревень с людьми, и нам... тогды было не до земель, людей было мало, искати некому...». Выставленные кре-

[264] О судных делах крестьян черной Залесской волости Костромского уезда с Троице-Сергиевым монастырем см. выше (стр. 388—389); см. также: АСЭИ I, №№ 583—594.

стьянами в качестве свидетелей старожильцы-соседи подтвердили и картину бедствия, и то, как воспользовались крестьянской бедой митрополичьи слуги для захвата запустевших деревень. «И Борис, да Ивашко, да Мартьян, да Федько», — знахори-старожильцы, названные истцами, крестьянами Ликуржской волости, — указав, что они помнят от 70 до 40 лет, сказали: «та церковь, великий Егорей (волостной центр, — *Г. К.*) и те деревни и починки (которые хотели возвратить крестьяне — истцы Ликуржской волости, — *Г. К.*) изстарины земли великого князя (т. е. черные волостные земли, — *Г. К.*) Ликуржские волости тяглые, а опустели... те земли от великого поветрия... и митрополиты... те земли поимали за себя, а тому лет сорок... да припустили к сельцом... а митрополичьих... земль туто изстарины одни три сельца...».[265] В этих типичных показаниях, к которым следует добавить, что старожильцы-свидетели готовы были на месте указать, что запустело «от поветрия» и было захвачено митрополичьим домом, ясно раскрывается тесная связь старожильцев-знахорей с жизнью крестьян, их органическое единство с волостной жизнью, прямое участие и важное место в ней.

Судьи в ходе судопроизводства обращаются к свидетельствам старожильцев, когда ищут доказательства тому или иному факту, так же как обращаются к письменным актам. Акты, как правило, оказывались в руках феодалов-землевладельцев (у монастырей преимущественно); потому было обычным, когда судьи, не имея оснований искать у крестьян письменных документов, обращались к тяжущимся: «А кто ваши старожильцы?»,[266] т. е. свидетели, подтверждающие мнение крестьянской стороны. Старожильцы называются не только в черных волостях. Они в равной мере указываются и в дворцовых волостях, и в частновладельческих — в боярских и других вотчинах и поместьях.

Признание авторитета показаний старожильцев как судебного доказательства выступает с еще большей силой, когда речь заходит о размежевании владений, когда необходимо определить на месте принадлежность земли, угодий. При размежевании земель, при отводе владений и указании их границ, при производстве описательных работ и составлении писцовых книг и при дозорах (когда специально ставился вопрос о проверке фактического состояния хозяйств) старожильцы являлись наиболее авторитетными свидетелями как в глазах местного населения, так и в глазах представителей государственной власти, судей и межевщиков. И потому в указных грамотах великого князя, когда речь идет о размежевании спорных земель, пишется: «И ты бы к ним на те земли ехал, взяв с собою старост и крестьян лутчих, да того бы

[265] АФЗ I, № 254 (1501—1502 гг.), стр. 218—21. — С такой же обстановкой времени «великого поветрия», но в Городском стане Коломенского уезда, знакомят нас показания старожильцев: АСЭИ I, № 414.

[266] АСЭИ II, № 414.

еси обыскал тамошними людми лутчими старожильцы, чьи то земли изстарины, да те бы еси им земли и розъехал».[267] Присутствие старожильцев при размежевании — обязательное условие для признания его законности. «Розвели старожильцы с иконою», — пишется в такого рода документе.[268] Называются десятки таких старожильцев, присутствовавших при «розъезде владений».[269]

Свидетели старожильцы из местного населения не всегда обязательно крестьяне, они могли быть и из посадского, городского населения, и из слуг монастырских, и из служилых людей, и из землевладельцев. Но преимущественно старожильцы были из крестьян, тесно связанных с волостью, с тем районом, в каком происходили события.

Мы изучаем сельское население. Закон (и обычное право) всех земель-княжеств Северо-Восточной и Северо-Западной Руси с конца XIV в. знает одну основную категорию трудового сельского населения — крестьян; и лишь тогда, когда и из крестьян необходимо было выделить наиболее авторитетных лиц, крепче связанных с жизнью волости и деревни, власти и закон (и судебные органы), следуя своим постановлениям и тому, что подсказывали обычай и нормы сельской жизни, в качестве таких называли старожильцев. Дошедшие до нас источники знают старожильцев как давно живущих в той или иной «волости» (говорить в данном случае о волости, а не о вотчине будет вернее); в этих источниках ясно указывается, что «давность» старожильцев солидная, она сливается с «исконностью» жизни их и их отцов и дедов в этой волости (т. е. и тогда, когда в описываемой в документе владельческой волости еще не было феодала-землевладельца).

Такое понятие «старожильства» судебными властями и представителями центральной власти (в судебниках, в судных делах, у межевщиков и у составителей писцовых книг) проведено очень строго. Судебники знают старожильцев-крестьян, — именно таких и только таких, — которые вследствие длительного проживания в том или ином районе и в силу принадлежности к исконному местному населению могли выступать в качестве авторитетных свидетелей на суде по земельным тяжбам. «А судити о землях сыскивати старожилы, хто знает межы, или преж сего ту землю пахивал или живал», — говорит статья 17-я Краткой редакции Судебника 1589 г.;[270] «А в землях судити старожилцы, хто знает

---

[267] АСЭИ I, № 603 (1496 г.) (Указная грамота великого князя Ивана Васильевича Владимиру Гавриловичу Звереву о производстве суда по земельной тяжбе).

[268] АФЗ I, № 130.

[269] Там же, № 256.

[270] Судебники, стр. 356.

межу или преж сего ту землю пахивал и живал», — записано в статье 151-й Пространной редакции Судебника 1589 г.[271]

В памятниках законодательства и в судных делах Псковской земли старожильцев называли «стариками». При «стариках» по Псковской судной грамоте производилось размежевание спорных земельных угодий.[272] О практическом применении этой статьи и об участии в размежевании «старика» мы узнаем из правой грамоты псковским монастырям — Снетогорскому и Козьмодемьянскому.[273]

Указания на старожильцев обычны в судных делах, в разъезжих, в отводных и межевых грамотах; старожильцы выступают здесь одновременно в роли надежных, авторитетных людей и вместе с тем свидетелей — людей большой осведомленности, «знахорей»; поэтому в отдельных документах их именуют просто «знахори». Упоминания старожильцев — волостных крестьян встречаются в судных делах и разъезжих грамотах XIV—XV вв. всех крупных монастырей: Троице-Сергиева,[274] Кирилло-Белозерского,[275] Ферапонтова,[276] Симонова,[277] Спасо-Евфимьева[278] и др.[279] Они встречаются и в тех немногих судных делах (а также межевых), которые касаются светских феодалов.

В жизни сельской волостной общины, судя по документам, старожильцы были активными участниками борьбы за земли, за угодья волости, за общинную волостную собственность. Под наименованием старожильцев выступают те земледельцы-крестьяне, которые в своей деревне и волости были инициаторами и руководителями общедеревенских и общеволостных мероприятий по освоению, планомерному использованию и охране угодий; материалы о старожильцах во всех этих случаях раскрывают большую их роль в разрешении вопросов общемирской жизни, сельскохозяйственного производства, сельского строительства и взаимопомощи. Такие жизненно важные производственные дела и обычаи, связанные в первую очередь с правильным, в общих

---

[271] Там же, стр. 400; см. также стр. 401 (ст. 153, 154).

[272] ПСГ, ст. 106, стр. 23.

[273] ГВНП, № 340 (1483 г.), стр. 327—328. — Представители и того, и другого монастыря сослались («воимяновали») на «старика» Терентия Кудатова, и этот «старик» присутствовал при размежевании спорных земельных угодий.

[274] АСЭИ I, №№ 103, 128, 131, 257, 340, 421, 422, 428, 432, 521, 523—525, 537—540, 557, 571, 582—595, 607—613, 615, 628, 639—642, 651, 658.

[275] АСЭИ II, №№ 286—288, 290 (лл. 16, 22, 25 об.), 306, 307, 310.

[276] Там же, №№ 332, 334.

[277] Там же, №№ 350, 362, 368, 400, 401, 406, 414, 418, 419, 421, 422, 429, 433.

[278] Там же, №№ 481, 492, 493, 497; ЦГАДА, ф. 281 (ГКЭ), № 11790/11.

[279] АФЗ I, №№ 114, 117, 130, 156, 183, 184, 192—194, 230, 231, 233 и др. (монастыри и владения митрополичьего дома); АФЗ II, № 312, 399, 400, 402, 403, 421 и др.

интересах решением вопросов производства, сплачивали крестьян, обеспечивали жизненность сельской общине в условиях наступления феодализма.

Старожильцам уделено большое место и в дореволюционной и в советской историографии.[280] Но историки, занимаясь вопросом о старожильцах, сосредоточили свое внимание не на старожильцах — представителях сельской мирской общины (место и роль которых в сельской крестьянской волостной общине мы уже постарались выяснить), а на старожильцах — старинных крестьянах владельческих волостей-вотчин, правовое и экономическое положение которых, по мнению этих историков, резко отличалось от положения крестьян и черных и дворцовых волостей. Повышенный интерес именно к этой категории старожильцев подсказан тем, что их рассматривают как слой крестьян-земледельцев, который якобы первым потерял право свободного перехода от одного землевладельца к другому. В силу этого соображения на судьбе крестьян-старожильцев владельческих вотчин указанные историки находят более удобным прослеживать процесс развития феодально-крепостнических отношений на Руси. В советской историографии вопрос об этой категории старожильцев — и именно в плане увязки его с проблемой развития феодально-крепостнических отношений — более резко был поставлен и разработан Б. Д. Грековым в его труде «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.».[281]

Мы уже говорили о наступлении феодалов на материальную основу крестьянского хозяйства — волостные земельные угодья, — наступлении, подсказанном желанием увеличить доходность своих вотчин и поместий, о попытках их увеличить оброчные платежи и отработочную ренту; за этим следовало уже наступление на труд и права крестьянина и его семьи, желание на долгие годы закрепить за собой и за своим потомством «доходы» и право на труд крестьян, живших в деревнях и селах их вотчин и поместий. Так окреп особый интерес к старинным крестьянам, самой прочной основе их доходов.

А когда в условиях различных невзгод и усилившегося феодального гнета крестьяне оставляли родные места и переселялись в другие волости, у землевладельцев в качестве отклика на не-

---

[280] Из большого числа таких работ отметим те, к которым еще до сих пор обращаются историки: М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). Очерк I. Крестьяне — старожильцы или старинные. СПб., 1901, стр. 1—74; П. И. Беляев. Древнерусская сеньёрия и крестьянское закрепощение. ЖМЮ, 1916, № 8 (октябрь), стр. 139—179, и № 9 (ноябрь), стр. 129—166; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси...; Л. В. Черепнин. 1) Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.; 2) Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. ПИ, сб. IV, 1955, стр. 307—349; И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв.

[281] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 526—546, 622—643.

приятное для них явление зародилось и вынашивалось заветное желание — закрепить в своей вотчине крестьян, создать условия, которые затрудняли бы их переход и в то же время исключили бы для других землевладельцев возможность переманивать крестьян в свои волости и села. Вместе с тем землевладельцы хорошо сознавали, что первыми, кого выгодно и легко закрепить за собой, являются исконные жители и их вотчины — старинные крестьяне. Среди землевладельцев появилась и крепла мысль, что эта мотивировка будет оправдана и поддержана и самой государственной властью. Так вызревало особое внимание к старинным крестьянам, и в словаре землевладельцев слово «старожилец» получило еще новый смысл: давнего, старинного крестьянина той или иной волости-владения.

Рассмотренное нами наступление феодалов на земли и крестьян черных волостей связывалось с общим повышением хозяйственной и политической активности феодалов-землевладельцев, со стремлением феодалов к расширению своих владений, к повышению их доходности. А к этому был лишь один прямой и надежный путь — увеличение числа зависимых крестьян.

Хорошо известно положение марксизма о значении крестьянина как основного производителя материальных благ при феодализме. «Могущество феодальных господ, как и всяких суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»,[282] — пишет К. Маркс. Действительно, деревня без земледельца — бездоходная пустошь; землевладельцы знали это лучше, чем кто бы то ни было. Поэтому перед ними остро стоял вопрос о привлечении новых земледельцев со стороны на пустующие участки, на пустоши, а еще лучше — о приглашении «на лесе дворы ставити».

Так перед землевладельцами определились две конкретные, насущные задачи: первая — увеличение количества зависимых крестьян путем прочного закрепления тех, кто уже жил в вотчине; вторая — приглашение и поселение крестьян в пустых дворах или на пустошах, а то и на целинном участке, предназначенном к разработке.

Первая половина и середина XV в. заполнены междоусобными феодальными войнами, нападениями внешних врагов и стихийными бедствиями, в результате которых многие районы были разорены и опустошены. Власти стремились поддержать землевладельцев — как тех, кто восстанавливал разрушенные, опустевшие крестьянские деревни, так и тех, кто желал расширить или оживить свои вотчинные или поместные владения. Средством для привлечения таких «пришлых» (вновь поселявшихся) крестьян

[282] К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. I, кн. 1. Процесс производства капитала. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, М., 1960, стр. 729.

или возвращавшихся старых являлись предоставляемые им в особых жалованных грамотах податные льготы, т. е. освобождение этих «пришлых» крестьян от различных видов тягла на 5, 10, 12, а то и на 20 лет. Обычно одновременно в поощрение землевладельца, стремившегося укрепить рабочей силой свою вотчину, давались некоторые, но более урезанные льготы и старым, издавна жившим крестьянам-старожильцам. Так, в этих жалованных грамотах привилось житейское бытовое употребление слов «люди пришлые», т. е. вновь поселившиеся в деревне или волости крестьяне, и «старожильцы» — в значении старых жителей волости, не пользующихся особыми податными льготами в сравнении с вновь заводящими хозяйство.

Значительная численность таких жалованных грамот еще в первой половине XV в., на фоне общей скудости наших источников, навела некоторых исследователей на мысль о важности уже для этого времени вопроса о переходах крестьян и о развернувшейся среди феодалов борьбы за рабочую силу. Возникшие догадки связывались с попытками усмотреть в упоминавшихся грамотах о «пришлых людях» и «старожильцах» отражение важных сторон в социальной жизни феодальных вотчин. Материалы из истории сельского населения ближайших соседних западных стран — Польши, Литвы, Галицкой Руси — подсказывали возможность толковать старожильцев как некое промежуточное звено по пути превращения свободного земледельца-общинника в зависимого, а потом и в крепостного крестьянина. Хотя то, что было в упомянутых нами грамотах XV в., резко расходится с материалами о крестьянах западных наших соседей (позднее об этом мы скажем с бóльшими подробностями), но рисовалась возможность при характеристике общего процесса развития феодализма и социальных отношений в деревне древней Руси сопоставить и сблизить эти явления.

Б. Д. Греков, приступая к исследованию вопроса о старожильцах, счел необходимым прежде всего отметить, что среди сельского населения наших западных соседей, в Галицкой Руси, в Польше и Литве, имеются категории крестьян, аналогичные нашим старожильцам и новопорядчикам, социальное лицо которых достаточно ясно раскрыто в имеющихся там документах.[283] Так, в Польше и Литве среди земледельцев-крестьян, наряду с «людьми похожими», т. е. вольными, пользующимися полным правом свободного перехода от одного землевладельца к другому, указываются «люди непохожие», т. е. крестьяне, лишенные этого права перехода; рядом с ними документы называют еще «прихожих» (т. е. пришлых) людей. «По московской терминологии, — поясняет в данном случае Б. Д. Греков, — мы имеем основание первых («непохожих», — *Г. К.*) — называть „старожильцами“, а

[283] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 520.

вторых („прихожих", — *Г. К.)* — „новопорядчиками"».[284] Переходя же к конкретному изложению вопроса о старожильцах, Б. Д. Греков отмечает, что этот сложный вопрос «тесно связан с нашим представлением об общем ходе развития хозяйств общественных отношений на Руси». И в особом параграфе своего труда, поименованном «Боярщина-сеньерия XIII—XV вв. в Северо-Восточной Руси»,[285] Б. Д. Греков после характеристики эволюции и жизни крупной феодальной вотчины излагает свой взгляд на взаимоотношения между вотчинником и земледельцами-крестьянами. Свои выводы он формирует в ряде тезисов. Последний из них — заключительный — говорит о старожильцах. «Совершенно четко, — пишет Б. Д. Греков в этом тезисе, — обрисовываются две основные категории крестьянства: полноценные тяглецы, исстари живущие на своих участках, и вновь привлеченные в сеньерию путем договоров».[286] Это положение о двух резко различных категориях крестьян является у Б. Д. Грекова основой его оценки положения крестьян, их места в производстве и взаимоотношений между землевладельцами и крестьянами. Указания на особую зависимость старожильцев от сеньера-землевладельца увязывается с таким пониманием эволюции феодально-крепостнических отношений на Руси, при котором старожильцы считаются особой категорией крестьян, первой из всех потерявшей право на свободный переход от одного землевладельца к другому. «Полноценные тяглецы» — это старожильцы; им противопоставлены «новопорядчики». Показательно то, что никаких «новопорядчиков» не упоминают документы XIV—XV вв. Этот термин ввел Б. Д. Греков и разъяснил его содержание применительно к своему пониманию «пришлых» крестьян.

Излагая и аргументируя свой взгляд на «старожильцев», Б. Д. Греков дает понять, что в основание его точки зрения взяты данные о феодальной вотчине — материалы о ее хозяйственной жизни и об отраженных в ней социальных отношениях населения вотчины. Но поскольку в высказанных первых положениях о старожильцах многое оказывается в противоречии с документами, Б. Д. Греков, устраняя эти расхождения, считает необходимым пополнить и уточнить содержание, вкладываемое им в понятие о «старожильцах»; он ссылается на то, что многое новое диктуется меняющейся обстановкой, переменами в вотчинном хозяйстве землевладельцев. Но основное — как в характеристике «старожильцев» и «новопорядчиков», так и оценке направления хозяйственной производственной деятельности владельческой вотчины, в истолковании взаимоотношений между феодалом и крестьянами и связей между владельческим хозяйством и крестьян-

[284] Там же, стр. 437.
[285] Там же, стр. 526—546.
[286] Там же, стр. 546.

скими хозяйствами — остается.[287] Таким является положение о жесткой зависимости старожильцев от сеньера-землевладельца, от их «государя», о потере ими раньше других права на то, чтобы свободно определять место приложения своего труда, выбирать место жительства и самостоятельно распоряжаться своим хозяйством. С этой точки зрения старожильство — самостоятельное звено на пути развития крепостничества. В другой работе Б. Д. Грекова, в той ее части, в которой дается разъяснение о старожильцах, прямо сказано: «Первыми, потерявшими право ухода от хозяина-господина, были крестьяне-старожильцы».[288]

Советские историки хорошо знают академика Б. Д. Грекова по его большому вкладу в разработку истории крестьян и в решение проблемы развития феодализма в древней Руси. Поэтому легко была принята и его теория о старожильцах. В понимании и в изложении принявших ее кое-что дополнялось, уточнялось, излагалось более ясно,[289] а там, где недоставало аргументов, доказательств, принимались меры к тому, чтобы подыскать их.

Из характеристики владельческого хозяйства — вотчины и поместья — в данный момент для нас является важной оценка взаимоотношений между владельческим и крестьянскими хозяйствами. И здесь мы встречаемся с единой по основе установкой, обозначившейся еще в характеристике «боярщины-сеньерии» XIII—XV вв.

Наметившиеся вопросы о «старожильцах» и «новопорядчиках» и логически связанный с ними вопрос о характере взаимоотношений между землевладельцами-феодалами и крестьянами их волостей-вотчин или поместий, а также о характере хозяйственно-производственных связей между владельческими и крестьянскими хозяйствами, поскольку их решение разъясняет положение крестьян, — удобнее и полезнее разобрать отдельно.

Материалы о том, кого называли старожильцами в XV в., конечно, следует искать в уже упоминавшихся нами жалованных грамотах о податных льготах переселявшимся или старым владельцам, налаживавшим свое хозяйство. Если не учитывать указаний на старожильцев, представителей сельских общин и «знахорей» в судах, то других документов со сведениями о старожильцах и нет.

---

[287] Там же, стр. 587, 598, 616—641.

[288] Б. Д. Греков. Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958, стр. 177.

[289] Очерки истории СССР. Т. II. Период феодализма, IX—XV вв. Ч. 2 (XIV—XV вв.). М., 1953, стр. 49—51; учебники для вузов и средней школы; из новых пособий для школы в «Очерках истории СССР, конец XV—начало XVII вв.» (под ред. И. И. Смирнова, Л., 1957) сказано: «Крестьяне старожильцы были поставлены в полную зависимость от феодалов и фактически лишены права перехода. Они были, как говорилось, „крепки земле“» (стр. 25).

Приводим место с указаниями о старожильцах и пришлых людях из одной такой жалованной грамоты великого князя Василия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю: «И яз... пожаловал: которые люди у них в тех селцех и в деревнях (в селе Нефедьевском с деревнями в Угличском уезде, недавно данных монастырю Б. И. Потопчиным, — *Г. К.*) нынича живут старожилци, или кого к собе в то село и в деревьни призовут жити людеи старожилцов, которые переж сего туто живали, или призовут к себе людеи из ыных княженеи, а не из моие вотчины из великого княженья, ино тутошним их людем старожилцем, которые нынича у них живут, и тем их людеи не надобе моя дань на пять лет, а пришлым людем старожилцом, а тем не надобе моя дань на семь лет, а призваным людем из ыных княженеи, а тем не надобе моя дань на десять лет».[290] Подобных жалованных грамот о льготах переселенцам и старым крестьянам, с одновременным упоминанием и сопоставлением старожильцев и пришлых людей, многие десятки.[291] Смысл их и цель пожалования совершенно ясны. В связи с мероприятиями землевладельцев по увеличению числа крестьянских хозяйств в деревнях и селах их вотчин и поместий — путем приглашения крестьян переселиться сюда и здесь, на новом месте, завести свое хозяйство — даются льготы по государственным и иным платежам и повинностям как этим переселенцам, так и тем, кто постоянно здесь живет. Характер льгот и объем их для разных отмеченных категорий различны. Все льготники, отмеченные в указанных грамотах, — крестьяне: одни — старинные, никуда не двигавшиеся; другие — тоже старинные, но выселявшиеся и вновь возвратившиеся в свое старое, покинутое хозяйство; третьи — переселившиеся сюда из другого княжества или из какой-то другой волости Московского княжества. Различие между указанными в грамотах крестьянами-льготниками можно усмотреть лишь в размере льготы. Самая большая льгота дается пришлым, чужим людям: если эти люди из соседней волости или уезда, но из великого княжества Московского, то срок льготы установлен в 7 лет, вышедшему же из иного княжения льгота дана на целых 10 лет. А в том случае, когда возвращается крестьянин, еще ранее живший в этой волости (значит, он сядет в хорошо ему известном хозяйстве, на свое хозяйство), льгота предоставлена всего на 5 лет. Заодно льгота распространена и на

---

[290] АСЭИ I, № 192 (1447 г.).

[291] АЭ, № 39; ДАИ, № 17; АСЭИ I, №№ 44, 128, 131, 133, 139, 191, 192, 217—219, 221, 224, 243, 246, 247, 250, 254, 291, 305, 323, 335, 400, 412, 492; АСЭИ III, №№ 34, 42, 49, 58, 106, 179, 203, 239, 296, 297; АСЭИ II, №№ 66, 156, 164, 169, 192, 199, 386, 391, 397, 417, 448, 452; АФЗ I, №№ 86, 96, 145, 173, 211, 230—324; АФЗ II, № 1; Юшков, №№ 4, 12, 15, 27, 40. — Указания на старожильцев: АЭ, № 38; АСЭИ I, №№ 171, 172; АСЭИ II, № 417; АСЭИ III, №№ 70, 71, 87, 497. — Указания на пришлых людей: АСЭИ I, № 278; АСЭИ II, № 359; АСЭИ III, №№ 71, 355, 360, 389; АФЗ I, № 198; АЭ, № 41.

остальных живущих в волости крестьян — это уже поощрение владельцу волости.

Естественно установление великими князьями таких льгот, оно подсказано желанием экономически поддержать своих землевладельцев-феодалов; и нет причин в этих документах, подсказанных чисто деловыми, хозяйственными соображениями, вести речь о расчленении крестьян-земледельцев на особые, социальные разнородные категории. Также нет оснований и для того, чтобы опираясь на материалы этих грамот, усматривать резкую грань в правах и социальном положении между пришлыми и старожильцами; тем более нет основания доводить эту грань до той резкости и остроты, какая указана в тезисах Б. Д. Грекова.

Обращает на себя внимание описательный характер в наименованиях старожильцев. В цитировавшейся нами грамоте великого князя Василия Васильевича упомянуты: «которые люди в тех сельцех... и нынича живут старожильцы», «люди старожильцы, которые переже сего туто живали» и «тутошние их люди старожильцы, которые нынича у них живут». Рядом с такими словосочетаниями, в том же смысле местных старинных крестьян, называются «тамошние старожильцы».[292] Что здесь: многообразие явлений или неясности бытовой речи в описании и в характеристике одного и того же явления? То же бытописательство выступает и в рассказах о людях пришлых.

Центральный вопрос документов, разбираемых нами, — это вопрос о переходах крестьян. В приводившихся нами цитатах уже встречались указания князей, выдававших грамоты о нежелательности или о запрещении землевладельцам приглашать и переманивать к себе крестьян из вотчин князя или из его княжения. Это не категоричные указания, временами они имеют характер рекомендаций, но и это важно как показатель большой заинтересованности в вопросе о переходах крестьян, заинтересованности в том, как, в каком направлении будет разрешаться этот вопрос. Кроме князей, высказывавшихся за ограничение рамок, в которых был бы допустим переход или «перезывание» крестьян («не из нашего, а из иного княжения», «не из нашей волости, не из наших владений», а из других волостей), высказывались и те землевладельцы, кто принимал меры к оживлению своей вотчины и переманивал к себе крестьян. Показателен факт появления с первых десятилетий XV в. сравнительно большого количества документов, прямо отражавших большой интерес к вопросу о крестьянских переходах как со стороны землевладельцев, так и со стороны представителей государственной власти. Оживление в хозяйственной деятельности землевладельцев, судя по документам, особо

[292] АСЭИ II, № 467а; АЭ, № 20 (1421 г.) («тамошные, тутошные люди волостные»), и т. п. — Это примеры из бытовой житейской речи о явлениях, важных для историка, но это не термины с установившимся правовым или социальным содержанием.

остро ставит вопрос о рабочей силе. В грамотах, наряду с указаниями на обычность переходов крестьян, многочисленны сведения и о переходивших старожильцах; из них некоторые возвращались на старые места.[293] Так документы оказываются в противоречии с тем, что писал Б. Д. Греков о старожильцах и новопорядчиках.

И. И. Смирнов, разбираясь в материалах судных списков по земельным делам крестьян Переяславского уезда с Троице-Сергиевым монастырем, счел необходимым обратить внимание на частые передвижения крестьян и расценил их как результат легкости, с какой меняли место жительства и старые свои хозяйства новые крестьяне вотчины Махрищского монастыря и крестьяне соседней бортной (Ехтовской) волости великой княгини. По оценке И. И. Смирнова, эта необычайная «подвижность, мобильность является существенной чертой, характеризующей статус феодально зависимых крестьян XV в.».[294] При этом конкретно указанные им крестьяне являлись «старожильцами» Федениной деревни, об угодьях которой шел спор. По нашему мнению, неправомерно делать широкие обобщения, на основе частного случая с материалами малого масштаба, тем более ошибочно не обратить внимания на особые, из ряда вон выходящие обстоятельства, которые послужили начальным толчком для этой мобильности крестьян. В материалах уже этих судных списков они ясно указаны: «Едигеева рать» (1490 г.) и «Белевщина» (1438 г.). К этому следует добавить наступление на разоренных крестьян феодалов в рясах, зарившихся и на крестьянские земельные угодья, и на рабочие руки. Сам И. И. Смирнов в этой же статье разбирает подобный материал о Коробовской земле (Московского уезда), где внешним толчком к подвижности послужил «великий мор» 1420-х годов.[295]

Чтобы лучше уяснить силу этих внешних обстоятельств, срывавших крестьян с насиженных мест и превращавших одних в «пришлых», а других в «тутошних», недавно вернувшихся в старые родные места старожильцев, укажем на ряд жалованных льготных грамот Нижегородскому Благовещенскому монастырю (1418—1446 гг.).[296] Эти грамоты интересны еще и потому, что они конкретизируют данные о «старожильцах» и «пришлых» людях. В этих грамотах речь идет о ряде сел, деревень и пустошей

---

[293] АЭ, №№ 18, 20, 39, 44, 51; АИ, № 25; ОГКЭ IV, № 1465, стр. 530; ЦГАДА, ф. 281 (ГКЭ), № 8732 (1436 г., Чудов монастырь); АСЭИ I, №№ 128, 131, 192, 195, 224, 243; АСЭИ II, №№ 192, 425; АФЗ I, №№ 145, 173, 230, 231, 232, 233; АФЗ II, № 1 (1450 г.).

[294] И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв., стр. 137—140.

[295] Там же, стр. 140—141.

[296] АФЗ I, № 230 (1423 г.), № 231 (1438 г.), № 232 (1446 г.), № 233 (конец 1420-х—начало 1430-х годов), № 234 (около 1418 г.).

монастыря. Поскольку это жалованные грамоты, а не судные дела, в них не рассказывается о «великом море», о «Белевщине» и о Мамутяковой рати как причинах, вызвавших уход старых крестьян из сел и деревень этих мест и появление пустошей; но действовали именно эти причины. Стихийные бедствия и феодальные войны, особенно обострившиеся в конце XIV и в первой половине XV в., были истинной причиной смены крестьянами своего места жительства; они действовали с особой силой в центральных районах Северо-Восточной Руси. А монастыри и другие феодалы-землевладельцы, захватывавшие опустевшие селения и не эксплуатировавшиеся угодья, мешали хозяйственному устройству крестьян. Не все, но многие крестьяне в повествовательных материалах жалованных грамот названы в своих селах «старожильцами», другие выступают уже «пришлыми людьми». Именно такой материал сообщают десятки жалованных грамот, в которых сдвинувшиеся крестьяне или просто восстанавливающие свое хозяйство при даровании им податных и других льгот, назывались одни «старожильцами», или «тутошними старожильцами», а другие «пришлыми людьми», а то и «пришлыми (возвратившимися, — *Г. К.*) старожильцами». Для нас здесь важен материал о том, из кого в основном комплектовались «пришлые люди», которых Б. Д. Греков называет «новопорядчиками».

В первых тезисах о старожильцах (в боярщине-сеньерии XIII—XV вв.) Б. Д. Греков разъяснял вводимые им новые понятия о «старожильцах» и «новопорядчиках» методом противопоставления одних другим. Новопорядчики — это «вновь привлеченные в сеньерию путем договоров». Сеньер — полновластный господин для всех подданных, живущих в вотчине, — уже в качестве фактического распорядителя его хозяйственной жизнью вступает в договор с новопорядчиком. Так, помимо желания Б. Д. Грекова, выдвигается категория арендаторов, вольных людей, ни с какой территорией не связанных, всегда готовых откочевать в другую вотчину-сеньерию. И естественно, что Б. Д. Грекову все это было необходимо исправить в работе, сгладить. В специальном параграфе («Крестьяне-новопорядчики») последней части труда «Крестьяне на Руси...» [297] «новопорядчики» обрисованы Б. Д. Грековым во многом по-новому — уже как органическая составная часть крестьян-земледельцев. Действительно, как старожильцы, так и «пришлые», т. е. те, кого называл Б. Д. Греков «новопорядчиками» — названием, не употреблявшимся в документах XIV—XV и первой половины XVI в., — и те и другие были крестьянами, и их гражданское, правовое положение было единым. А для того, чтобы верно понять различие их хозяйств, следует более внимательно всмотреться в существо владельческих и крестьянских хозяйств.

[297] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 711—734.

XV в., особенно середина и вторая его половина, в крестьянской жизни отмечен умножением случаев крестьянских переходов и одновременно с этим случаев перезывания, переманивания крестьян-земледельцев землевладельцами всех категорий. Частые переходы увлекали и тех крестьян, для которых свобода хозяйствования оказывалась урезанной вследствие задолженности и взятых ими в силу этого особых обязательств перед землевладельцами, согласно которым они не могли, не погасив задолженности, уходить и создавать хозяйство в новом месте. Как отклик на нарушение таких обязательств, явились грамоты некоторых удельных князей и московского великого князя монастырским людям — серебреникам, половникам, рядовым юрьевским об «отказе» из-за монастырей только в Юрьев день и при условии полного расчета по задолженности.[298]

Частые случаи перехода от одного землевладельца к другому, казалось, естественно могли вызвать постановку феодалами-землевладельцами вопроса о воспрещении переходов крестьян, или о введении строгих условий для выхода (для «отказа») крестьян; но этого еще не произошло в изучаемое нами время. Была попытка постановки такого вопроса перед московским великим князем, но она не привела к желаемому для части феодалов-землевладельцев результату. Хорошо известны две жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю о разрешении не выпускать крестьян старожильцев из села Присек и из сел в Угличском уезде. Обе грамоты даны великим князем Василием Васильевичем (1455—1462 гг.). Одна грамота, касающаяся крестьян угличских сел Троице-Сергиева монастыря, была дана в связи с тем, что крестьяне («люди») вышли из сел монастыря в села великого князя, великой княгини или в боярские села «сего лета, не хотя ехати на мою службу великого князя к берегу»,[299] т. е. уклонились от выполнения одной из воинских повинностей. Естественно, что великий князь признал этот уход нарушением нормы и приказал вернуть крестьян на старое место. Грамота была ответом на просьбу монастыря. Вторая же грамота необычна по структуре.[300] Ее основной текст включает обычное запрещение боярским людям ездить незваными к крестьянам на пиры («в пиво»). И лишь в конце грамоты говорится о разрешении монастырю не выпускать крестьян из монастырского села Присек: «Такъ жо есьмь игумена з братьею пожаловал: которово их хрестьянина ис того села и из деревень кто

[298] АСЭИ, I, №№ 338, 359; АСЭИ II, №№ 101, 138, 177, 193, 276, 326; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 249.

[299] АСЭИ I, № 265 (1455—1462 гг.), стр. 192—193 (ранее опубликована: АЭ, № 64; АЮБ I, № 37).

[300] АСЭИ I, № 264 (1455—1462 гг.), стр. 192 (ранее опубликована: АИ, № 59).

к собе откажот, а их старожилца, и яз князь велики, тех хрестьян ис Присек и из деревень не велел выпущати ни х кому». Здесь прямо указано на просьбу монастыря, и именно в отношении одного частного случая — села Присек. Великий князь удовлетворил эту просьбу. Почему? — Разбирая иммунитетные жалованные грамоты удельных князей, С. М. Каштанов отмечает, что причиной выдачи таких грамот являлась заинтересованность князей в поддержке столь влиятельных корпораций, как крупные монастыри.[301] Это соображение в полной мере относится и к выдаче данной грамоты: великий князь Василий Васильевич в это время был особенно заинтересован в поддержке Троице-Сергиева монастыря. Следует обратить внимание, на то, что в грамотах речь идет о крестьянах, которых только монастырские власти называют старожильцами. Перед нами решение великого князя московского — от времени, когда Москва терпела еще неудачи в попытках стать во главе всей Русской земли, это частное и временное решение и поэтому не следует расценивать его в более широком плане; оно касается только Троице-Сергиева монастыря. Вопрос о воспрещении или ограничении крестьянских переходов, равно как и вопрос об установлении единого порядка «отказа» крестьян, еще не назрел.

Выше мы отметили прямое высказывание Б. Д. Грекова о том, что старожильцы первыми потеряли право ухода от хозяина-господина; так же излагается точка зрения Б. Д. Грекова в учебниках, учебных пособиях, в научных трудах — теми, кто принял его точку зрения на старожильцев. О жесткой зависимости старожильца, как подданого своего «сеньера» — землевладельца, говорят и первые тезисы Б. Д. Грекова о старожильцах, рассказывающие о XIII—XV вв. Документы же, которые мы цитировали и на которые ссылались, ясно указывают на многие случаи ухода старожильцев со своего привычного хозяйства — на реализуемое право перехода. В тезисах о хозяйстве второй половины XV и первой половины XVI в. Б. Д. Греков пишет, что в XV в. старожильцы — это зависимые люди, как правило, пользующиеся правом перехода;[302] но то, как он изображает взаимоотношения между феодалом-вотчинником и старожильцами, показывает, что, по его мнению, практически о пользовании их этим правом не могло быть и речи: оно было эфемерным правом. В тезисах о старожильцах второй половины XV в. особенно поражает появление дополнений, по которым особенность положения старожильцев определена как резкая, необычная. По-новому и логически не обоснованно звучит и само определение старожильства: «Старожильство определяется не сроком прожитых за землевладельцем

[301] С. М. Каштанов. Из истории последних уделов. Тр. Ист.-арх. инст., вып. 10, 1957, стр. 257—304 (см. особенно стр. 303, 304).
[302] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 641.

лет, а характером отношений между старожильцем и землевладельцем, либо старожильцем и государством». Рядом же тезис: «Старожилец — это феодально зависимый тяглый крестьянин. За выполнение им тягла отвечает землевладелец».[303] Ответственность за тягло может быть именно тем, что можно усматривать в особом характере отношений между вотчинником, старожильцем и государством. Такая ответственность могла бы быть некоторым оправданием особой власти феодала над крестьянином и силы связи его с вотчиной феодала, но именно эта сторона взаимоотношений вызывает серьезные сомнения в ее документальной оправданности.[304]

По-новому, существенно изменяя понятие старожильства, звучит одно из положений Б. Д. Грекова об источниках комплектования старожильцев. В нем говорится о «непосредственно поряжающихся в старожильцы»; и далее Б. Д. Греков добавляет: «... вопрос о необходимости срока пребывания в данной вотчине для превращения в старожильца отпадает».[305] Понимая недостаточность документального обоснования, Б. Д. Греков для подкрепления такого тезиса о непосредственном поряде в старожильцы обращается к трем поздним записям в расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря о поряде людей на земельные участки. Но несмотря на то, что опубликовавшие эти записи И. И. Смирнов и А. Г. Маньков твердо убеждены (вместе с Б. Д. Грековым), что это именно нужные им случаи прямого поряда в старожильцы, на деле эти документы не могут расцениваться как свидетельство о практике таких порядов. Первая запись (1592 г.) говорит о том, что монастырский детеныш «сел на пашне в старожильцах», для чего ему выдана подмога. Вторая аналогичная запись, но несколько более поздняя (1619 г.),[306] рассказывает о том, что один вотчинник отпустил своего крестьянина в Иосифо-Волоколамский монастырь «жити в старожильцах». А в третьей записи (1588 г.) сказано: «... дано крестьянину Савке за поряженной семенной овес 10 алтын, что он сел на пустой доле в старых жильцов, а преж того был он бобыль».[307] Однако все это записи в частных документах, в расходных книгах. Законодательные же акты Русского государства, знают лишь о поряжающихся «в крестьянство», о живущих «во крестьянех».

---

[303] Там же.

[304] Судебники, стр. 93 (комментарий Л. В. Черепнина к ст. 5, его замечания по поводу высказываний С. Б. Веселовского об ответственности феодала за тягло крестьян).

[305] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 641.

[306] Там же, стр. 629—630; И. И. Смирнов. К вопросу о старожильцах. ВИ, 1946, № 8—9, стр. 96—97.

[307] И. И. Смирнов. Превращение бобыля в старожильца. ВИ, 1947, № 12, стр. 87—88; А. Г. Маньков. Записи о старожильцах в приходных и расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря. Научный бюлл. ЛГУ, 1947, № 19.

К этому надо еще добавить: акты законодательства — «Судебники» 1497 и 1550 гг., — в которых отводится достаточно места вопросам социальных отношений, указывают на крестьян, но нигде не говорят о старожильцах в том смысле, какой придают этому слову наши комментаторы. Записи в монастырской расходной книге, где неточности в формулировках не только естественны, но могут быть и преднамеренными, имеют силу только для администрации монастыря. Поэтому говорить на основании их об акте совершенно необычного, нигде не упоминавшегося поряда, по нашему мнению, не следует.

Администрация монастыря, внося подобные записи, не имела намерения указывать, что поселившиеся на монастырской пахотной земле («на пустой доле») бывший крестьянин — «бобыль» — или «детеныш» превратились в земледельца, навечно крепкого монастырю (именно так толкует «старожильца» Б. Д. Греков). Монастырский келарь старец Мисаил Безнин, хорошо знавший законы, иного мнения о «старожильцах». Он знает именно тех старожильцев-знахорей, уважаемых представителей волостной общины, каких признавал и обычай, и закон конца XVI в.[308] В данном случае М. Безнин и для себя, и для вновь поселившегося крестьянина хотел отметить одно: крестьянин сел на новый участок, поэтому ему полагается льгота от тягла по крайней мере на 5 лет. Монастырь же этой льготы давать не желает, тем более что поряжающимся оказана материальная помощь. В приходо-расходной книге записано: «...дано буягородцкому крестьянину Савке за поряженый за семенной овес 10 алтын, что сел он на пустой доле в старых жильцах» (т. е. сел без всякой льготы и, как старые крестьяне, сразу же будет платить все оброки и нести тягло). Это именно «старые» (нельготные) жильцы, а не какие-то особые «старожильцы». А приведенные нами документы свидетельствуют, что сам келарь Мисаил Безнин, под руководством которого велось все хозяйство Иосифо-Волоколамского монастыря,

---

[308] Познакомимся ближе с некоторыми документами из архива Иосифо-Волоколамского монастыря, современными расходной книге. Прежде всего, это разъезжая на земли старицкого князя с землями Иосифо-Волоколамского монастыря. При разделе земли присутствуют специально вызванные 17 старожильцев, крестьян из двух сел монастыря (АФЗ II, № 312 (1565 г.), стр. 33); приведены их фамилии. В другом документе (1595—1596 гг.) монастырь протестует по поводу того, что сосед-помещик отвел земельную границу с монастырем «без целовальников и без сторонних людей и без старожильцев» (там же, № 399, стр. 445—446), указывается на челобитье старца Иосифо-Волоколамского монастыря Мисаила Безнина по этому вопросу. О присутствии старожильцев при отводе монастырской межи рассказывается и в разъездах о земле (там же, №№ 400, 402 (1595—1599 гг.), стр. 447—450), а в следующем документе, в челобитной о разъезде земель (там же, № 403 (1958—1599 гг.), стр. 456), — новый протест по поводу того, что при размежевании леса межевщик «наших... служек и крестьян старожильцев» с отводившими межу крестьянами других владельцев «с очи на очи на ставили».

в качестве признаваемых законом «старожильцев» считал именно «старожильцев»-знахорей.

Документально обосновать резкое разделение между «старожильцами» и «новопорядчиками», особенно в условиях, когда документы XIV—XV и половины XVI вв. никаких «новопорядчиков» не знают, — задача сложная, и Б. Д. Греков исправляет и дополняет свои высказывания об этих категориях. Заканчивая параграф о новопорядчиках в последней части своей работы «Крестьяне на Руси...», Б. Д. Греков пишет: «Новопорядчики — это обедневшие люди (заметим, Б. Д. Греков избегает их называть крестьянами, — *Г. К.*), которые не могут справиться с крестьянским тяглом, не имеют средств начать крестьянское хозяйство, но надеются со временем при помощи землевладельцев встать в ряды крестьян-старожильцев».[309] Этому положению предпослано предупреждение, что «новопорядчики — особая категория сельского населения, которую нельзя смешивать с массой крестьян-старожильцев». А разве крестьяне-старожильцы, т. е. всякие другие крестьяне, не могли оказаться в числе не справляющихся с тяглом? Документы еще первой половины XV в. указывают на многих старожильцев, вынужденных бросать свои родные места, свое хозяйство, надеясь в другом месте устроить его лучше. Тяжелая феодальная эксплуатация, ослабляя крестьянское хозяйство, делала непрочным благосостояние крестьян, и при всякой невзгоде — неурожае, недороде, любом стихийном бедствии, падеже скота или других неблагоприятных обстоятельствах — крестьянское хозяйство могло прийти в упадок.

По нашему твердому убеждению, между «пришлыми» и «старожильцами» разница лишь в количестве льготных лет: для одних 7—10 лет, для других 5—7 лет. А стоит только обратиться к высказываниям представителей государственной власти, как наше мнение — что не было никаких указанных Б. Д. Грековым (и П. И. Беляевым) категорий крестьянства — подтверждается: это ясно определено в законах судебников.[310] Столь же ясно это единство всех крестьян (т. е. отсутствие деления на старожильцев и новопорядчих) показано в описаниях многих десятков тысяч крестьянских хозяйств Новгородской земли.[311]

По существу же настойчивое желание создать впечатление, что трудовое сельское население состоит из двух качественно различных категорий, направлено на то, чтобы заслонить самостоятельную, основополагающую в строительстве и в жизни народного хозяйства роль крестьян. Старожильцы и новопорядчики, в сочетании с фигурой сеньера, заслонили крестьян. Со слов воображаемых высказываний этих сеньеров создан и тип «новопоряд-

---

[309] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 734.
[310] См. ниже, стр. 425—427.
[311] См. выше, стр. 316—322, 328—330, 366—369.

чиков» — малоценных, с их точки зрения и ненужных потому, что они какое-то время не работали на господина.

Вызывает серьезные возражения нарисованная Б. Д. Грековым картина жизни вотчины-сеньерии XIII—XV вв. и вотчины XV—XVI вв. Отведя первое место рассуждениям о «старожильцах» и «новопорядчиках» — категориях, различимых и имеющих свой смысл и содержание лишь с точки зрения сеньера-феодала, — Б. Д. Греков не нашел возможным обрисовать крестьян в их подлинном единстве как социальную категорию и созидательную силу, противостоявшую феодалам. При наличии отдельных высказываний не сделано необходимой полной ее оценки. Между тем крестьяне, уже с первых указаний источников на них, выступают как важная социальная категория со строго определенным содержанием. Ранние из дошедших до нас письменных памятников, в которых встречается термин «крестьяне» с ясным значением трудового сельского населения, относятся к концу XIV в. В хорошо известной уставной грамоте митрополита Киприана Царевоконстантиновскому монастырю земледельческое население деревень монастыря называется в начале общим, характерным для языка церковных деятелей наименованием — «сиротами монастырскими», а затем уже «христианами (т. е. крестьянами, — *Г. К.*) монастырскими»: «И Киприан митрополит... так рек игумену и христианом монастырским: ходите же вси по моей грамоте, игумен сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дело монастырское делайте».[312]

Совершенно сходное сочетание этих двух терминов встречается в новгородской жалованной грамоте «сиротам» Терпилова погоста о порядке несения тягла.[313] Первый документ относится к району г. Владимира и датируется 1391 г., а второй — к Новгородской земле и датируется 1411 г. В жалованной грамоте ярославского князя Федора Федоровича Толгскому монастырю речь идет о таких же крестьянах монастыря; в ней называются еще «волостные крестьяне» самого ярославского князя, т. е. крестьяне черных волостей.[314] А в жалованной грамоте звенигородского князя Савво-Сторожевскому монастырю говорится о льготах крестьянам этого монастыря.[315] Термин «крестьяне» в это время был уже широко распространен и в Северо-Восточной Руси, и в Новгородской земле; он обозначал все трудовое сельское земледельческое население. Социальное положение крестьянина опре-

---

[312] АФЗ I, № 201, стр. 120. — Грамота датируется 1391 г., но речь идет в ней о взаимоотношениях крестьян с монастырем еще с более раннего времени (может быть, с середины XIV в.); см. выше, стр. 334—335.

[313] ГВНП, № 89, стр. 146 («Даша грамоту жаловалную на вече... сиротам Терпилова погоста... А хто крестьянин Терпилова погоста в Двинскую слободу воидет...»).

[314] АСт, № 1 (1400 г.), стр. 1.

[315] АИ, № 15 (1404 г.), стр. 23—24.

делялось зависимостью от лица, владевшего в порядке феодальной собственности землей, на которой жил и трудился крестьянин; а в черных волостях, где земля принадлежала самой волостной общине, крестьянин был свободным членом общины.

По написанию слово «крестьянин» встречается в различных формах: «крестьянин», «хрестьянин», «християнин», «христьянин», поэтому на первых порах оказывается трудно отличимым от слова, указывающего на принадлежность к христианской религии. Письменные памятники отражают процесс происходившего постепенно различения вообще всех христиан, противопоставляемых не только магометанам-татарам, но и вообще чужестранцам,[316] от христиан-крестьян — тоже массовой категории населения, — жителей сельских поселений, деревень, т. е. земледельцев. В летописных записях и в других литературных памятниках не всегда можно уловить это смысловое различие. Постепенно «крестьянин» как термин социальнсй категории ясно отделяется от «христианина» как термина категории населения, выделяемой по признаку вероисповедному.[317] О «христианах», противопоставляемых людям иной, не христинской веры, письменные и особенно литературные памятники говорят с XI в. Слово «крестьяне» как обозначение ясно определившейся социальной категории появилось позднее, его мы начинаем встречать с конца XIV в.

В отличие от слова «деревня», которое с опозданием стало распространяться в Новгородской и особенно Псковской земле, слово «крестьянин» сразу становится одинаково общераспространенным в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.[318] Слово «крестьянин» вытесняет местные (ограниченного хождения) термины («сирота», «смерд»), а также слова с неясным содержанием («селяне», «сельчане», «люди бедные», «люди меньшие»), под которыми, вероятно, подразумевалось зависимое сельское население; многие слова превращаются в термины видового значения по отношению к «крестьянину»: половник, серебреник, юрьевский и т. п.

Широкое распространение слова «крестьянин» совпало по времени с четким оформлением социальных признаков трудового сельского населения — земледельцев Руси. Понятие о «крестьянах» связывалось с их трудовой деятельностью в качестве земледельцев, оно было широкообъемлющим, совпадало с понятием о всей массе трудового сельского населения. Поэтому неудиви-

[316] ПСРЛ XXV, стр. 239 (1408—1409 гг.); Троицкая летопись, стр. 453 (1398—1399 гг.).

[317] ПНЛ стр. 348 (1337 г.), стр. 396 (1401 г.), стр. 398—399 (1404 г.), стр. 416 (1430 г.); ПЛ 2, стр. 131 (1435 г.) («А того лета изби мраз рожь, и бысть убыток крестианом хлебом»).

[318] АФЗ I, № 201; АСЭИ I, № 61; АСЭИ II, №№ 91, 112, 319, 351; ГВНП, №№ 89 (1411 г.), 234, 243 (Новгород); ПЛ 2, стр. 165 (1468 г.) («...как христиани ржи пожяли»), стр. 200 (1475 г.) («...ино христиане по селом многи по всем волостем ржи не жяли»).

тельно, что на первом этапе, в период вынашивания слова «крестьяне», в языке церковников оно тесно переплеталось со столь же массовым словом «христиане». Время распространения слова «крестьянин» совпадает с периодом наибольшего гнета от татарского ига. Но ошибочно связывать его происхождение с татарами или средой, близкой к татарам.[319] Это слово народного языка, и потому оно общераспространенное; и в литературные памятники, и в деловой приказной язык, и в акты законодательства оно вошло со строго определившимися признаками термина, отражающего социальные отношения. Волостная, сельская, мирская организация — крестьянская организация.

«Старожильцы» и «пришлые» — слова бытового, житейского языка — о крестьянах одних и тех же деревень: об издавна здесь живущих и только что поселившихся. Выше мы приводили документы об этом, приведем еще. В рассказе о крестьянах в жалованной середины XV в. говорится: «Пожаловал есмь (великий князь Василий Васильевич, — *Г. К.*) церковных христиан и митрополичих, что ся остали на церковных пустошех на Погорелицких Федяйка, да Микитку, да Левона, старых оброчников церковных домовных, а з дву деи пустошеи их два товарищи розошлися, а придут опять на Погорелицкие на те пустоши жити, или иных христиан на те пустоши призовут в тот оброк и тем всем христианам старожильцем и пришлым не надобе моа... дань».[320] И в другом документе: «...и хто у них в тем селце людей живет старожилцов, или которые... люди разошлися ис того селца или с тое пустоши..., да опять поидут в то селцо... и тем людем не надобе моя дань на пять лет... А кого к собе в то селцо и на пустошь призовут людей из иных княженьи и тем людем пришлым не надобе им моя дань на десять лет... а отсидят свои урочные лета, ине потянут в дань и в пошлины по силам с своею братью с крестьяны».[321]

---

[319] Такую ошибку допустил Б. Д. Греков: «„Крестьянин“ — термин, появившийся в части Руси, наиболее угнетенной татарами, — пишет Б. Д. Греков. — Магометанин-татарин считал себя высшей расой по сравнению с христианином. Христианин стал символом принадлежности к черной кости. Так появился и затем удержался в Северо-Восточной Руси этот термин» (Опыт периодизации истории крестьян в России. ВИ, 1946, № 8—9, стр. 16). В монографии «Крестьяне на Руси...» это объяснение смягчено и сделано неясное добавление; там сказано: «„Крестьяне“ как термин появился при татарах, и мы знаем, почему он не сразу вытеснил другие старые термины» (Крестьяне на Руси..., стр. 511). На стр. 520 сделана попытка разъяснить, как происходило это вытеснение, но она ограничилась повторением заявления о происшедшей замене старого слова новым.

[320] Жалованная грамота великого князя Василия Васильевича митрополиту Ионе на Погорелицкие пустоши: АФЗ I, № 173 (1448—1461 гг.); также см. выше, стр. 405 и сноска 291.

[321] Жалованная несудимая и льготная грамота великой княгини Софьи Витовтовны Троице-Сергиеву монастырю (АСЭИ I, № 131 (1438 г.)).

Изучение материалов о крестьянском и владельческом хозяйствах привело нас к таким выводам об организации, производственной жизни и связи этих хозяйств, и о взаимоотношениях крестьян и землевладельцев, которые решительно расходятся с мнением Б. Д. Грекова. Правда, расхождения эти не касаются раннего периода, когда крестьяне выступали в составе сельской общины, а землевладельцы-феодалы делали первые шаги в наступлении на общинные земли и крестьян. В полном объеме эти расхождения обрисовываются в характеристике боярщины-сеньерии и в теории о старожильцах и новопорядчиках, развитой еще П. И. Беляевым и, надо прямо сказать, во всем ее облике и со всей социальной характеристикой населения воспринятой Б. Д. Грековым. Первое, что мы никак не можем оправдать, — это то, что Б. Д. Греков не указал на самостоятельность крестьянских хозяйств и на их особое, важнейшее место в народном хозяйстве. Выше мы постарались нарисовать по возможности полную картину трудовой жизни и организации крестьянского хозяйства и жизни владельческого хозяйства, его организации, отраженных в нем социальных отношений, его уклада. С Б. Д. Грековым мы пользовались одним и тем же материалом, но делали это по-разному. В обрисовке уже того, как проходил процесс формирования крестьянских и владельческих хозяйств, на чем и как создавалась их основа, мы присоединяемся к мнению Б. Д. Грекова.

Возражая В. О. Ключевскому по поводу его высказываний о перехожем крестьянине-арендаторе, Б. Д. Греков писал: «Он (В. О. Ключевский) не допускает мысли, что боярин стал боярином потому, что овладел населенной землей и заставил работать на себя сидевшего на этой земле смерда».[322] И далее, в связи с вопросом о возникновении боярского землевладения, говоря о таком же крестьянине-смерде, Б. Д. Греков продолжал ту же мысль: «Смерд начал пахать землю за много столетий до появления боярства, пахал на себя и на своих родных, не зная над собой никого, кому бы он был обязан принудительно отдавать часть своего труда или продукта. Сидел он на земле, которую в той или иной степени считал своей».[323] Смерд — крестьянин-общинник. Говоря о смерде-общиннике, Б. Д. Греков мог иметь в виду южную Киевскую Русь времени Правды Русской. В наших черных волостях Северо-Восточной Руси крестьяне-общинники XIII—XV вв. выполняли ту же роль земледельцев-тружеников, создававших деревни и села, передававшиеся потом землевладельцам-феодалам в их вотчинное или поместное владение.

«Землевладельцы осваивали крестьянскую населенную общинную землю», — пишет Б. Д. Греков о начальном периоде развития феодализма в Северо-Восточной Руси, а в отношении зем-

[322] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 712, 522.
[323] Там же, стр. 716.

левладения более позднего периода он, указывая на жалованную грамоту князя рязанского Олега Ивановича, говорит: «Перед нами... уже знакомый нам акт передачи государственной властью населенной земли в руки частному владельцу с наделением его правами сеньера».[324] Конечно, практически возможны были и такие случаи, когда отдельные частные владельцы создавали хозяйства руками своих холопов, а потом несколько расширяли их, окружая село деревнями, но эти случаи были очень редкими сравнительно с указанным выше путем, притом это случаи формирования небольших по размеру феодальных владений.[325] Откликаясь именно на этот вопрос, Б. Д. Греков пишет: «Рассуждения о том, что землевладельцы занимали лишь пустую землю, а затем уже заселяли ее обезземеленными смердами (крестьянами) на основе арендного договора, не имеет под собой никакой почвы».[326] Так появлялось и крупное землевладение: «Наиболее распространенный способ их (земель) освоения — это приобретение различными путями уже давно населенной земли. Об этом совершенно ясно говорят источники, когда оперируют терминами „волость", „село"».[327] Мы уже имели случай указывать на эти взгляды Б. Д. Грекова, когда отмечали ошибочность представления о сущности феодализма и процессе его образования у С. Б. Веселовского в его труде «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси».[328] Мы напоминаем о нашем согласии с Б. Д. Грековым в этой части его высказываний для того, чтобы в дальнейшем, когда нам придется говорить о резком расхождении в оценке крестьянского и владельческого хозяйств, было яснее, с чего начинаются эти расхождения.

Описывая дальше процесс превращения общины в феодальное владение, Б. Д. Греков говорит: «Над волостью и селом (над волостной общиной и ее частью, — *Г. К.*) таким образом надстраивался новый этаж, появлялся собственник, хозяин земли и людей».[329] Из предшествующего изложения вопроса о «старожильцах» мы знаем, что Б. Д. Греков называл это феодальное

[324] Там же, стр. 524—525.

[325] Там же, стр. 680.

[326] Там же, стр. 526. — В историографии достаточно прочно и с полным основанием утвердилось мнение, что сказания в агиографической литературе о строительстве монастырских владений-вотчин в пустынных местах не отвечают действительности. Обычные в «Житиях» сообщения о нападении местных жителей на захватчиков монахов ясно указывают, что земли были уже освоены сельскими общинами. И без достаточных оснований И. И. Смирнов пытается воскресить старую легенду в отношении Троице-Сергиева монастыря: И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв., стр. 141—142. См.: И. И. Бурейченко. К вопросу о дате основания Троице-Сергиева монастыря. Сообщение Загорского гос. истор.-художеств. музея, вып. 2. Загорск, 1958, стр. 3—11.

[327] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 533.

[328] См. выше, гл. I, стр. 23.

[329] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 534.

владение «боярщиной-сеньерией». Термин «сеньерия» — не из наших документов; Б. Д. Греков внес его в свою работу, следуя за высказываниями П. И. Беляева как в характеристике феодального владения XIII—XV вв., так и в основных моментах общей оценки процесса развития феодальных отношений на Руси в это время и во второй половине XV и в XVI в.[330] Пояснен и смысл этого термина: «...феодал землевладелец стал государем для своих подданных». Как же происходило превращение волости-общины в такое феодальное владение? Рассматривая этот вопрос, Б. Д. Греков еще раз отмечает необоснованность предположений Л. Е. Михайлова и М. А. Дьяконова, что власть имущие занимали пустую землю и потом уже приглашали к себе арендаторов, т. е. обезземеленных смердов (крестьян), а затем пишет: «...сильные мира сего путем внеэкономического принуждения ставили в зависимость от себя массу полноценных земледельцев; надо признать и наличие крестьянской общины, и внутренние процессы, проистекавшие внутри нее, и наступление на общину поддерживаемых государством высших классов». Б. Д. Греков еще раз повторяет фразу, что «включение новых кадров крестьянства под ее власть (под власть светской и духовной знати, — *Г. К.*) шло и могло идти прежде всего именно... путем внеэкономического принуждения сидящего на своей земле и ведущего собственное хозяйство крестьянина, превращения крестьянской массы в своих подданных».[331]

У Б. Д. Грекова особенно подчеркнуто, что превращение свободной крестьянской волостной общины в барщину-сеньерию и крестьянских масс в подданных сеньера шло и могло идти лишь внеэкономическим путем. Но он не указал, во что, по его представлениям, вылилось включение крестьянской волости или сел и деревень во владельческую вотчину, как было связано владельческое хозяйство с крестьянскими. Признавая обрисованную П. И. Беляевым боярщину-сеньерию, Б. Д. Греков в тезисах

[330] Так, у Б. Д. Грекова (Крестьяне на Руси..., стр. 627, 823) мы читаем цитаты из П. И. Беляева: «П. И. Беляев... под старожильцами подразумевает крестьян, живущих в сеньёриальной зависимости подданных помещика» (П. И. Беляев. Древнерусская сеньёрия и крестьянское закрепощение, стр. 174); «Сеньёрия расцвела в XV—XVI вв. на почве исконной вотчинной власти»; и дальше: «...крестьянская крепость была по существу исконным явлением и означала собою принадлежность земледельца к составу населения территориальной единицы, где государем был землевладелец. Крестьянин был прикреплен не к земле и не к господину, а к сеньёрии, так же как подданный к своему государю» (там же, стр. 173). О боярщине-сеньерии высказывался и Н. П. Павлов-Сильванский (Феодализм в удельной Руси, стр. 174—178); конкретное описание боярщины-сеньерии дано им по материалам НПК, оно сильно разнится от представления о том же предмете у П. И. Беляева; в боярщине Н. П. Павлова-Сильванского есть место и крестьянскому миру и вотчине.

[331] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 626, 627. — Во втором издании нет фразы о превращении «крестьянской массы в своих подданных» (стр. 81).

о «старожильцах» охарактеризовал сеньера, главу боярщины, как полновластного господина не только боярского хозяйства, но и всех крестьянских хозяйств, по договору садившего «новопорядчиков» на крестьянские участки. Но как сельская община с ее крестьянами подошла к этому положению? Да и было ли все в действительности так, как представляется по характеристике, данной боярщине-сеньерии П. И. Беляевым и принятой Б. Д. Грековым? Вспомним, что после приведенной цитаты из работы П. И. Беляева Б. Д. Греков пишет: «Прикрепленные крестьяне — это и есть старожильцы, иначе вековые, природные, искони вечные».[332] Прикрепление крестьянина — это «крепость к земле», «крепость к сеньерии», — такими «крепкими» к земле или к сеньерии представляются Б. Д. Грекову и старожильцы.

В полном согласии с этими положениями сформулированы первые тезисы о старожильцах, о времени и условиях их появления. «Вопрос о происхождении старожильцев, — говорится в первом тезисе, — не может быть отделен от вопроса о происхождении основной массы зависимого тяглого населения вотчины сеньерии»; «Зависимое тяглое население в вотчине, — гласит тезис второй, — появилось вместе с рождением класса крупных землевладельцев и есть результат прежде всего внеэкономического принуждения». Б. Д. Греков считает необходимым отметить естественность и оправданность этого процесса. Он пишет: «...одно несомненно, ясно: каждое из правительств, каждый землевладелец старался оберечь свои рабочие руки. Чем сильнее землевладелец, тем с большим успехом он справлялся с этой задачей». Это «оберегание» представлялось в единой форме внеэкономического принуждения — в форме крепости к земле, к сеньерии. А так как наиболее ценной оберегаемой частью населения, зависимого от сеньера-феодала, являлись старожильцы, то по ходу своих рассуждений Б. Д. Греков делает вывод, «старожильство — явление очень старое, едва ли не ровесник Русскому государству, которое без сильного экономически класса землевладельцев, способного взять в руки власть, без податей и, стало быть, тяглецов существовать не могло».[333]

Невысказанной предпосылкой всех приведенных суждений является представление о том, что без крайних мер принуждения (без закрепощения) крестьянин не будет прочно сидеть на земле. Нами уже был приведен большой материал, ясно свидетельствующий, что крестьянин-земледелец (смерд киевской верви, а позднее крестьянин сельской общины-волости Северо-Восточной и Северо-Западной Руси) был намного крепче

---

[332] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 823 (см. выше, в сноске 330, приведенную Б. Д. Грековым цитату из работы П. И. Беляева).

[333] Там же, стр. 640 (и тезисы на стр. 641).

связан со своей родной землей, с волостью, с деревней и своим хозяйством, чем бояре и дружинники, ездившие за своими князьями.

Взгляд о том, что феодализация тесно связывалась с закрепощением крестьян (с лишением их права перехода), с еще большей ясностью развит И. И. Смирновым, принимающим выдвинутую Б. Д. Грековым теорию о старожильцах.

И. И. Смирнов неоднократно высказывался на эту тему, — в последний раз в прямой связи с тем, как следует понимать постановку вопроса о старожильцах в жалованных льготных грамотах XV в. Для более ясного разрешения этого вопроса, тесно связанного с общей проблемой развития феодализма и крепостничества, И. И. Смирнов обращается к начальным моментам феодализации и появления крестьянской зависимости. «Киевская Русь не знала права крестьянского перехода», — пишет он. Не имея данных для доказательства этого положения, молчанию источников он противопоставляет цепь отвлеченных рассуждений, которые должны нарисовать картину феодального закрепощения крестьянина и подвести читателя к высказанному им, И. И. Смирновым, положению. «Переход крестьянина из одного места в другое включал в себе момент разрыва общинных отношений и выхода крестьянина из своей общины. В Киевской Руси порвавший со своей общиной крестьянин-смерд становился изгоем (т. е. человеком лишенным общественной защиты, — *Г. К.*)... Крестьянин, перешедший с черной земли на землю владельческую, терял право собственности на общинную землю и получал от землевладельца землю уже не на праве собственности, а на феодальном праве владения — пользования, включавшего в себя как экономическую, так и политико-юридическую зависимость крестьянина от феодала». В другом месте, возражая уже против истолкования процесса развития социальных отношений в древней Руси дворянско-буржуазной историографией, И. И. Смирнов пишет: «...возникновение крестьянских переходов... в действительности представляло собой одно из выражений процесса разрушения сельской общины и закрепощения крестьян-общинников феодалами-землевладельцами».[334] Но все это отвлеченные суждения, пригодные лишь в условиях молчания источников. Между тем по ряду важнейших из затронутых вопросов они говорят достаточно ясно. Например, указывая на социальные категории, из которых пополнялись изгои, сельских земледельцев

---

[334] И. И. Смирнов. 1) Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв., стр. 148; 2) Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе. В сб.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР, М.—Л., 1942, стр. 102. — Об изгоях см.: Устав вел. князя Всеволода о церковных судех, и о людех и о мерилах торговых. ПНЛ, стр. 487; см. также ст. 1 «Правды Русской» (краткой и пространной редакций) и комментарии к ней (т. I, стр. 70, 104, 292; т. II, стр. 48—57).

в их составе источники не называют. Совершенно по-иному рисуют они процесс феодализации, превращение общинной крестьянской земли в феодальную собственность. Об этом рассказал сам И. И. Смирнов, возражая Л. В. Черепнину (что нами уже было отмечено). Несогласованность приведенных высказываний автора с другими его же собственными высказываниями, уже продиктованными большим фактическим материалом, имеется и в других местах. Документы ясно указывают на многочисленные случаи фактической реализации крестьянами своего права перехода. Это документы Северо-Восточной Руси — правда не XI—XII, а XIV—XV вв. И. И. Смирнов должен считаться с этими многочисленными свидетельствами документов — и, чтобы не отказываться от ранее высказанных (не оправданных источниками) положений, он пишет: «Я считаю, что право крестьянских переходов возникает в XIV в. и в XV в. переходы нарастают». Что же, произошел в это время какой-то особо серьезный перелом в социальных отношениях, во взаимоотношениях крестьян с феодалами-землевладельцами? Крепость ослабили? Безусловно, следует признать большую разницу в жизни сельского населения Южной и Юго-Западной (Киевской) Руси и населения Северо-Восточной и Северо-Западной Руси; процесс феодализации мог не везде совпадать во времени и в формах, но общее его направление было единым. Мы не можем согласиться с приводившимися общими, отвлеченными суждениями о процессе феодализации в Киевской Руси и вообще в древней Руси на ранней его стадии. Но считаем необходимым подчеркнуть свое согласие с оценкой И. И. Смирновым содержания тех, разбиравшихся нами, жалованных льготных грамот XV в., от которых отталкивается Б. Д. Греков в построении своей теории о старожильцах. И. И. Смирнов пишет: «... рассмотренные формулы жалованных льготных грамот не означали ни запрета переходов крестьян, ни ограничения крестьянских переходов... Эти грамоты выражали собой определенную форму борьбы с переходами крестьян, однако борьбы не путем юридических „запретов", а путем определенной системы финансовых стимулов и санкций».[335]

Развитые Б. Д. Грековым положения о крепости крестьян боярщины-сеньерии и об осуществлении сеньером-феодалом всей полноты власти как государя и как хозяина-руководителя не только собственного боярского хозяйства, но и крестьянских хозяйств в деревнях и селах принадлежащей ему вотчины, решительно расходятся с ясными массовыми показаниями источников о крестьянских и владельческих хозяйствах Новгородской земли и Северо-Восточной Руси. Так, теория о «старожильцах» и «ново-

---

[335] И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв., стр. 148 и 147.

порядчиках» еще раз оказывается в резком противоречии с приведенными здесь свидетельствами документов.

Содержащийся в источниках конца XIV и XV в. фактический материал, особенно уставных грамот, и массовые данные писцовых книг и сотных конца XV—начала XVI в. позволяют достаточно ясно представить, как выглядели на деле экономические их хозяйственные связи между владельческим и крестьянскими хозяйствами. Основа — самостоятельные крестьянские хозяйства, а выплачиваемая крестьянами феодальная земельная рента (в НПК она названа «доходом») являлась главной статьей дохода владельческих хозяйств.

Все это рассказано в основном по материалам конца XIV и XV в. Но может быть, в более раннее время облик боярщины-сеньерии был иным, близким к обрисованному в тезисах Б. Д. Грекова (и в работе П. И. Беляева)? Таких ранних материалов ничтожно мало. Как цельный и лучший источник по хозяйству крупного феодала выделяется духовная («рукописание») Климента-новгородца, датируемая 50—60-ми годами XIII в.[336] Доподлинно сказать, кем был новгородец Климент, составитель этой духовной, сказать трудно, но несомненно то, что для своего времени он не мелкий землевладелец, что он был богат и близок к воинским делам. М. Н. Тихомиров считает вероятным, что это упомянутый в новгородской летописи Климент тысяцкий новгородский. Его земельные владения — четыре села, с малыми селищами, каждое с ценными бортными угодьями, в селах зерновое земледельческое хозяйство, домашний, рабочий и мелкий мясной скот. Приведены особые распоряжения о верховых боевых конях. Не сказано, кем велось сельское хозяйство; вероятно, были холопы. Нет ни слова о сельском земледельческом населении (т. е. о крестьянских хозяйствах) во владениях Климента. Если он боярин, а тем более тысяцкий (если это так), то зависимые крестьяне-земледельцы должны были быть у него; но, вероятно, их материальная связь с боярином и значимость были столь слабыми, что Климент считал неуместным говорить о них в духовной.

Изучая в НПК материалы о «старых доходах» новгородских бояр и монастырей, мы отметили, что в более раннее время «доходу» — основному, мелкому и ключничьему — предшествовали спорадические сборы феодалами всякой натуральной продукции, постоянные подношения им «дара», «поклона» и т. п. Практиковались поездки феодалов по вотчинам, когда вершение судебных, административных и других дел сопровождалось приготовлением пива — «перевары», взиманием различных натуральных сборов и установлением праздничных сезонных сборов. И эта старина не подходит к абстрагированному облику «боярщины-сеньерии».

---

[336] Два пам., стр. 5—17; ГВНП, № 105.

Мы с особым вниманием изучили сведения писцовых книг, уставных грамот, сотных, выписей из писцовых книг, акты, рисующие крестьянские и владельческие хозяйства, их связь друг с другом и взаимоотношения, свели к итоговым показателям содержащийся в них массовый материал по многим десяткам тысяч крестьянских и не одной тысяче владельческих хозяйств. Эти же источники сообщают конкретный материал о таких отраслях крестьянских хозяйств-дворов, как зерновое хозяйство, скотоводство. Знакомясь с тем, какими уходили под власть феодалов волости, села и деревни, и с указаниями на полноценность крестьянских хозяйств, составляющих эти села и деревни, мы, естественно, должны считать, что утрата крестьянскими хозяйствами этой полноценности и самостоятельности была бы неестественной; она противоречила бы интересам самих феодалов.

И все же крестьянские хозяйства — как самостоятельные, как составная часть каждого селения и каждой волости — не учтены Б. Д. Грековым; они в его пояснениях полностью поглощены владельческими хозяйствами. Б. Д. Греков пользовался источниками по своему выбору, причем оказался обойденным массовый материал. Даже при изложении особо заинтересовавшего его вопроса о «старожильцах», как мы видели, он ограничился использованием лишь отдельных грамот и не учел их общих данных, характеризующих одновременно и «старожильцев», и «пришлых людей». Владельческое хозяйство им обрисовывается на материалах вотчины князя Ивана Юрьевича Патрикеева. В доказательство того, что управление всем сельским производством и в этой вотчине велось по воле господина-феодала, Б. Д. Греков указывает как на основу вотчинного аппарата на семь ключников. Разбросанность, лоскутность владений феодалов отмечена и самим Б. Д. Грековым.[337] Оброчные платежи, и по его мнению, были основой феодальной земельной ренты; и лишь самостоятельная спокойная деятельность земледельцев деревень, сел, волостей могла гарантировать надежность такой оброчной системы. Все указывает на то, что мысль о полновластном хозяине — владельце всеобъемлющей вотчины-сеньерии — не оправдана фактическим материалом. И даже если мы учтем как возможность обязательных порядов и заключения договоров с сеньером «пришлых» крестьян, то все же должны признать, что «новопорядчик», прибывая для устройства собственного хозяйства, был прежде всего заинтересован в том, чтобы скорее и более прочно войти в крестьянскую среду. Порядок пользования земельными и сенными угодьями, выгоном для скота был делом деревни, а не феодала и его слуг. Самую действенную, необходимую помощь могли ока-

[337] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 534. Разбросанность и лоскутность в особой степени присущи вотчинам Патрикеевых, владения которых начали складываться лишь в XV в.

зать и оказывали «пришлому» соседи-крестьяне.[338] В письменных источниках нередки указания на переманивание крестьян землевладельцами, на то, что они «сажали» крестьян «на пустошах жити». Но и здесь внимательное ознакомление с материалами не дает оснований особенно завышать роль землевладельцев, когда дело касается сельскохозяйственного строительства. Землевладельцы-феодалы (фактически их слуги), конечно, заботились об увеличении своих доходов, но основное сельское строительство велось и во владельческих волостях самими крестьянами деревень и волостей. Об этом ясно говорят материалы НПК и прежде всего имеющиеся в них материалы о хозяйственном использовании пустующих угодий, о строительстве починков, о появлении новых хозяйств с ростом населения и увеличением числа семей в хозяйстве.

В подтверждение особых прав феодала-землевладельца над своими подданными Б. Д. Греков указывает на якобы существовавшую ответственность феодалов за несение тягла крестьянами. Нами приведен материал из НПК, показывающий, как ставился этот вопрос в Новгородской земле; он не оправдывает такого мнения.

Содержание льготных жалованных грамот XV в. о перезываемых крестьянах говорит не в пользу выдвинутого Б. Д. Грековым положения о двух категориях крестьянства — о «старожильцах» и «новопорядчиках». Решающий удар по этой теории наносят акты законодательства конца XV—середины XVI в.

В 1497 г. появился «Судебник» молодого Русского государства. Все неясное, не завершенное в области законодательства и правоотношений было окончательно установлено в этом Судебнике. Есть в нем важное постановление и о гражданских правах крестьян — о праве перехода, т. е. по главному вопросу взаимоотношений крестьян с феодалами-землевладельцами. Этому вопросу посвящена специальная статья «О христианском отказе». Ее текст гласит: «А христианом (крестьянам, — *Г. К.*) отказыватися из волости,[339] из села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин (крестьянин, — *Г. К.*) поживет за ким год да поидет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да поидет прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет, а

---

[338] В разобранных И. И. Смирновым материалах судного дела крестьян бортной волости с Махрищским монастырем обращает на себя внимание тесная связь крестьян черной волости с волостью монастырской и ее крестьянами. Это указывает на единство крестьянских обычаев в черных и владельческих волостях. См.: И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв., стр. 138—139.

[339] Во втором «Судебнике», исправившем неясности этой статьи, написано: «из волости в волость, из села в село» (Судебники, ст. 88, стр. 172).

поидет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре годы поживет, а он весь двор платит».[340] Мы привели весь текст статьи; так как он до предела ясен, то избавляет от необходимости дополнительно комментировать его. Установлен единый закон для всех крестьян — значит, едины все земледельцы, зависимые от землевладельцев, все они крестьяне и имеют право отказа (т. е. право на свободный уход из села или деревни землевладельца в другое место, — вероятно, к другому землевладельцу, а может быть и в черную волость), но при соблюдении условий, четко определенных в этой статье.

Но эта ясность и четкость закона, повторенного потом в новом «Судебнике» (1550 г.) почти текстуально, — лишь с исправлением недописанного и с пояснением тех мест, где можно было рассказать еще яснее, — не удовлетворила Б. Д. Грекова. Он не может согласиться с определенным, не оставляющим места для кривотолков указанием на единство крестьян, с отсутствием даже каких-либо намеков на «старожильцев» (конечно, и с полным невниманием к «новопорядчикам»). Отстаивая теорию о «старожильстве», Б. Д. Греков и в этих, совершенно изменившихся условиях, все же пытается спасти свою и в старом состоянии не оправданную теорию. Не считаясь с ясностью текста, он все же ставит вопрос: «О каких крестьянах идет (и во втором «Судебнике!» — *Г. К.*) речь?». И разъясняет: «Если взять вторую половину статьи, начиная от слов: „А которой христианин, поживет за кем год...“, то совершенно очевидно, что речь идет о новиках, поряжающихся на разные сроки. Но первая половина статьи говорит о старожильцах».[341] Очевидно, скажем мы, другое: если крестьяне пользуются правом перехода, то на новом месте они могут прожить и год, и два, и три, и четыре, но из-за этого они не потеряют качества крестьянина и закон не назовет их иным наименованием.

В 1952 г., когда готовилось новое академическое издание «Судебников», Л. В. Черепнин, комментировавший статью 57, соглашался с Б. Д. Грековым и писал, что «он дал и наиболее правильное толкование ст. 57 „Судебника“.[342] Однако в дальнейшем более глубокое изучение документов позволило ему отойти от подмены единых земледельцев-крестьян «старожильцами» и «новопорядчиками». «„Судебник“, — пишет Л. В. Черепнин в своей монографии, — уже не говорит о каких-либо разрядах крестьянства, употребляя обобщающий термин крестьянин-христианин».[343]

Упоминавшиеся в документах XIV и XV вв. «старожильцы» были не такими, какими во что бы то ни стало хотел их пред-

---

[340] Там же, стр. 27.

[341] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 643 (изд. 2 — стр. 97).

[342] Судебники, стр. 93.

[343] Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 251.

ставить Б. Д. Греков, а «новопорядчиков» вообще не называют документы ни этого, ни другого времени. «Старожильство (по своей основе) явление очень старое, — пишет Б. Д. Греков, — ровесник Русскому государству».[344] Б. Д. Греков говорит, что уже в начале XV в. возникла мысль о запрещении государственной властью права перехода крестьян. Практически эта мысль была очень далека от реализации не только в начале или в середине, но и в конце XV в. «Центральная власть еще не была достаточно сильна для осуществления политики полного юридического закрепощения крестьян», — пишет Л. В. Черепнин.[345] Мысль о том, что именно старина может и должна быть признаком, на основе которого следует определять крепость крестьянина и принадлежность его к земельному владению того или иного феодала, издавна жила среди феодалов, реализация же ее пришла с большим запозданием — лишь в конце XVI в., когда вопрос назрел, а власть оказалась способной его разрешить. Когда крепостничество действительно стало оформляться, то в качестве документа, устанавливающего старину, были привлечены (с конца XVI в.) писцовые книги. «Старину» надо было доказать документально. Писцовые книги, а позднее переписные книги в этом случае выполняли роль крепостных актов.[346]

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XVI в.

Ликвидация крупного боярского землевладения в Новгородской земле и испомещение множества новых землевладельцев — важнейший, показательный факт аграрной политики молодого Русского государства. Материалы НПК указывают на необычно широкий масштаб этого мероприятия и его ясную направленность, свидетельствующую о том, что в данном случае мы имеем начало нового направления и в аграрном вопросе, и в области социальных отношений. Правительство готовило военные кадры и преданных ему служилых людей в одном из важнейших на будущее время районов Русского государства.

Главное было сделано уже ко времени завершения «нового письма» (1505 г.), но еще оставался большой резерв поместных

[344] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 640. — На стр. 421 в сноске 334 мы приводим и разбираем суждения И. И. Смирнова о крепостничестве еще в Киевской Руси, по существу своему тесно примыкающие к высказываниям Б. Д. Грекова о глубокой древности старожильства.

[345] Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 249.

[346] М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения..., стр. 34—35; А. А. Новосельский. Дела «о крестьянстве» как источник для изучения истории закрепощения свободного сельского населения на юге России в XVII в. Археогр. ежегодник за 1962 г., М., 1963, стр. 147; Г. Е. Кочин. Писцовые книги в буржуазной историографии. ПИ, сб. II, стр. 145—146.

земель в виде так называемых оброчных земель великого князя. Дело шло, конечно, не о решении аграрного вопроса в интересах повышения уровня народного хозяйства, а о пополнении кадров служилых людей, о введении в состав господствующего класса новых сил, преданных новой власти. Правительство не только раздает земли (следует отметить, что все это ценные земли, наследие давних владений новгородских бояр), но заботится и о том, чтобы данные поместья достаточно обеспечивали материально новых владельцев; помещикам по мере возможности открываются перспективы для хозяйственного роста, для повышения доходности полученных владений. Это населенные волости или части их; НПК дают возможность судить о гарантированной доходности этих поместий.

В связи с этим вносятся важные разъяснения по вопросу о взаимоотношениях крестьян с землевладельцами. Они характеризуют, на какой основе в условиях руководства новой государственной власти определялся размер поборов господствующего класса с зависимых земледельцев. «Великий князь Иван Васильевич всеа Руси» в 1502 г. пожаловал поместьями в Дегожском погосте Шелонской пятины Афанасия Иванова сына Мосеева четырнадцатью деревнями (18 дворов, 37 человек, а обеж $25^1/_2$); указан взимавшийся ранее «доход»; дальше же сказано: «А Офонасю с сыном тот доход все имати себе... А что из тех обеж Офонасей с сыном возмет собе или своим людем обежь на пашню, и им с тех обеж на крестьянех своего доходу не имати; а что Офонасей с сыном прибавят на крестьянех своих доходов, и они в том волны, только б было не пусто, чтоб великих князей и дан и посошная служба не залегала...».[347] А в 1493 г. аналогичное пожалование поместьем в том же погосте получил Семен Александрович Огарев (в 15 деревень, 21 двор, 36 человек, а обеж $31^1/_2$) с такими же правами — заводить свою запашку на крестьянских полях, а размер крестьянского дохода определять по своей воле: «...а что прибавит на крестьян своего доходу, и он в том волен, только бы было не пусто».[348] Феодальная земельная рента рассматривалась государственной властью как содержание помещику; предусматривалось, что помещик за это обязан службою великому князю. С этой стороны очень показательны отношения с крестьянами у мелких помещиков, поселенных в Ивангородском уезде, названных в НПК «ивангородцами»;[349] а в литературе еще и «пятиобежниками», так как

---

[347] Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I, отд. 2, стр. 9. — Отметим: говорится о дани и о «посошной службе», — заботы правительства направлены на обеспечение военных потребностей страны.

[348] Там же, стр. 7.

[349] К. В. Базилевич. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. ИЗ, № 14, 1945, стр. 62—80.

размер их поместной дачи был около 5 обеж.[350] Эти отношения ограничиваются только тем, что «ивангородцы» из общей суммы дохода, собираемого с крестьян того или иного села или волости, берут свою долю, причитающуюся соответственно числу выделенных на них обеж (4—6 обеж); «И тот доход имати им («ивангородцом») собе по розчету по обжам».[351] «Ивангородцы» не имеют уже дела с какими-то определенными, зависящими от них крестьянами, они только берут свою долю из общей суммы оброка, собранного в селе. В целях удобства расчета натуральный оброк исчисляется в деньгах. «Ивангородцы» — мелкие служилые люди в пограничном районе. Они составляли гарнизон вновь выстроенной крепости Ивангорода.[352]

Возложенная на плечи крестьян обязанность материально обеспечивать служилых людей в примере с «ивангородцами» выступает в особенно открытой форме. О связи же между крестьянином-земледельцем и землевладельцем по линии производственной в данном случае не могло быть и речи.

Регулярно внося в разных видах феодальную ренту, поддерживая своим трудом собственное хозяйство феодала, земледелец-крестьянин содержал феодала-землевладельца. Выплачивая государственные налоги и корм административному аппарату и выполняя государственные повинности, земледельцы-крестьяне материально обеспечивали государственную машину. Большие тяготы и повинности ложились на их плечи и в период организации крупных военных походов, осуществления военных операций. Это дополнительное, экстренное тягло. Оно падало и на горожан, но основное бремя несли крестьяне. Проиллюстрируем это на двух примерах. Первый — поход Ивана III на Новгород в 1477—1478 гг. Псковские военные силы участвуют в этом походе. Иван III требует дополнительно: «И ко Пскову князь великои своего боярина прислал, чтобы псковичи ему еще и тем послужили, сколко муке пшеничнои и рыбе и меду прислали пресного, а иное бы съ всякым торгом купчи псковъскыа там к нему в силу (т. е. в войско, — *Г. К.*) под Великои Новгород съ всякым товаром торговати сами ехали. И псковичи же и всем князю великому в тыа часы по его слову, и хлеб и мед и муку пшеничную и колачи и рыбы пресныа, все сполу покрутивь своими извожникы к нему послали, а с ними поехали и инии купцы псковьскыа многыа съ иным товаром съ разноличным съ многым. И по том князь великои иного боярина къ Пскову о по-

[350] Вопрос этот с большими подробностями об условиях создания гарнизона Ивангорода, о времени испомещения и о составе «ивангородцев» и «пятиобежников» разобран В. Н. Бернадским в работе «Новгород и Новгородская земля в XV в.» (стр. 325—331); «пятиобежник» назван в писцовой книге 1571 г. (НПК V, стр. 567—568).

[351] НПК III, стр. 543, 544.

[352] К. В. Базилевич. Новгородские помещики..., стр. 77—80.

уска́х и о мостниках (о транспортных средствах, о паузках — плоскодонных речных судах для перевозки войск через водные преграды, — *Г. К.*) прислал; и псковичи и тое к нему по его слову послаяли под Великои Новьгород».[353] Второй пример: в 1536 г. великий князь воюет с Литвой. Возводится город на озере Себеж. По приказу, отданному великим князем, Псков «и людей насадиша (воинский гарнизон, — *Г. К.*), да и корм им даша, везоша на 3000 конех: овсяной заспы 3000 четверти, да 3000 полтей свиных, да 3000 четверти солоду, а гороху 360 четверти, а семени конопляного 360 четвертей».[354]

Решение аграрного вопроса и обеспечение базы для разрешения вопросов внешней политики ведется в данном случае в полном соответствии с политикой в области социальных отношений. «Судебник» 1497 г. московского великого князя дал разъяснения по важнейшим вопросам взаимоотношений крестьян с землевладельцами. Отмеченные нами жалованные грамоты новгородским помещикам определяли направление, в каком помещики могли конкретно изменять оброчные и трудовые повинности крестьян и при желании перестраивать свое собственное хозяйство. В «Судебнике» важным моментом было ясное указание об обязательности «отказа» при переходе крестьянина к новому владельцу и о процедуре «отказа». Важным нововведением была и обязательная выплата «пожилого» землевладельцу уходящим крестьянином. На чем основывалась эта выплата? Плата за былое пользование надворными постройками? Но они возведены самим крестьянином! Плата за окультуренные земельные угодья? Но их разработка тоже была делом крестьянина. Это, конечно, одна из мер, затруднявших переход крестьян.

Говоря об аграрной политике, мы не должны забывать и того, что молчаливое согласие и фактическое поощрение хозяйственной, приобретательской, а по существу захватнической и эксплуататорской деятельности монастырей вливало в среду землевладельцев-феодалов свежую большую силу. Большие материальные средства и наличие многочисленных квалифицированных кадров возможных руководителей хозяйства обеспечивали самые широкие перспективы хозяйственного (эксплуататорского по существу) строительства перед монастырскими вотчинами.

Общие мероприятия правительства по урегулированию взаимоотношений между феодалами-землевладельцами по существу своему в первую очередь отвечали интересам землевладельцев. Аграрная политика открывала новые возможности для господствующего класса в его хозяйственной деятельности. То, что только намечалось в середине XV в. как перспектива в перестройке собственного владельческого хозяйства, в XVI в. обещало стать реальностью.

[353] ПЛ 2, стр. 214.
[354] Там же, стр. 228.

ВЫВОДЫ

Изучаемый нами период истории сельского хозяйства Северо-Восточной и Северо-Западной Руси характеризуется распространением и совершенствованием полевого пашенного земледелия в лесной нечерноземной полосе. Первый этап этого сложного, длительного процесса — переход от подсеки к пашенному земледелию — в основном был пройден еще в период, предшествовавший изучаемому нами времени. С середины же XIII до конца XV в. происходит окончательное освоение паровой системы земледелия, широкое повсеместное ее распространение в форме трехполья и в Северо-Восточной и в Северо-Западной Руси.

Переход от подсеки к пашенному земледелию мог осуществляться лишь в условиях применения глубоко взрыхляющих почву пахотных орудий. Таким орудием в лесной полосе была двузубая соха. Ее дальнейшее совершенствование (обеспечившее большую глубину пахоты, рыхление, перемешивание, а потом и переворачивание вспахиваемого пласта на одну сторону) создало условия для применения навозного удобрения, необходимого в нечерноземной полосе при паровом земледелии и трехполье. Распространенная гипотеза о происхождении сохи из суковатки и о многозубости древней русской сохи (черкающей сохи) не имеет достаточных оснований ни в показаниях письменных источников, ни в данных этнографии или языка. Не оправдано и стремление к тому, чтобы в свете этой гипотезы интерпретировать находимые остатки пахотных орудий: многозубые сохи неприменимы ни при переходе от подсеки к пашенному земледелию, ни при пашенном земледелии.

Длительность перехода к паровой системе земледелия обусловливалась не столько трудностью разработки лесных массивов под пашню, сколько сложностью решения другой задачи: нужно было восстанавливать плодородие эксплуатировавшихся участков и повышать урожайность полей. Надежным являлся лишь один путь — применение навозного удобрения на полях, а этот путь связывался с увеличением численности домашнего скота, с перестройкой скотоводства. В замедлении этого процесса в Северо-Во-

сточной Руси сказался и тяжелый урон, нанесенный народному хозяйству нашествием монголо-татар.

Распространение паровой системы земледелия и трехполья во второй половине XIII и в XIV в. в Северо-Восточной Руси привело к широкому размаху сельского строительства: параллельно с восстановлением разрушенных хозяйств, в землях-княжествах развернулось движение в новые лесные районы для их освоения; обязательное наличие полей в каждом селении и общий фронт полевых работ в них при трехполье в корне меняли облик земледельческих селений, вызывали перепланировку старых сел. Отраженное в древнерусской лексике народное самосознание закрепило особое название «деревня» за этими новыми сельскими земледельческими поселениями, а за самим земледельцем закрепило наименование «крестьянин». Летописная запись 1384 г. о «тяжелой дани по полтине с деревни», наложенной Тохтамышем на население всех русских земель-княжеств, является свидетельством широкого распространения деревень к этому времени и вместе с тем показателем больших достижений ко второй половине XIV в. в распространении полевого пашенного земледелия. Земли-княжества центра Северо-Восточной Руси были областью, в которой процесс восстановления сельского хозяйства и его реконструкции на новой основе парового земледелия и трехполья проходил наиболее интенсивно, и именно здесь яснее определился новый облик земледельческих селений и закрепилось за ними название «деревня».

Несмотря на дававшую себя знать временами политическую и хозяйственную обособленность земель-княжеств и на некоторое различие в их природных условиях, мы можем, учитывая лишь различие в темпах, говорить о едином общем направлении процесса развития земледелия и сельского хозяйства как в Новгородской и Псковской землях, так и в землях-княжествах Северо-Восточной Руси (от подсеки к полевому пашенному земледелию и к паровой системе земледелия в форме трехполья) и об общем едином результате: отмеченное НПК широкое повсеместное распространение трехполья в Новгородской земле еще в период ее самостоятельности ко времени образования Русского государства было свойственно и землям-княжествам Северо-Восточной Руси.

Деревни XIV—XV вв. невелики: многие в 1—2 двора. Но это не дает оснований представлять крестьянина как одиночку-индивидуалиста, а деревню как хутор. Земледельцы деревень были спаяны в коллективе волостной общины единством материальной базы — волостных и деревенских земельных угодий — и прочным единством обычаев общины. В волостях, охваченных феодализацией, круг деятельности волостной общины чрезвычайно сужен, но ее неписаные права, ее «пошлина» сохраняли всю силу обычаев в крестьянском миру. В более полном объеме права волости-общины присущи лишь «черным волостям». Роль волост-

ной общины и ее деятельность особенно ярко раскрываются в XIV—XVI вв., в многочисленных спорных судебных делах крестьян с крупными землевладельцами о волостных землях; в этом нашла прямое выражение напряженная классовая борьба в древней Руси того периода. Положительная организующая роль волостной общины была особенно большой на главном этапе сельскохозяйственного строительства, когда земледельцы, овладевая паровым земледелием и вводя трехполье, наступали на лес и строили сотни и тысячи новых деревень. Организация взаимной помощи и поддержки, общее согласованное, планомерное использование земледельцами вновь осваиваемых земель и угодий, осуществляемые волостными общинами в это время, были особенно важными и действенными.

Крестьянин-земледелец — основной производитель в феодальной Руси; он выполнял эту задачу, будучи главою своего крестьянского хозяйства, рабочую силу которого составляла его семья. Сельскохозяйственное производство древней Руси было суммой того, что производили десятки и сотни тысяч этих крестьянских хозяйств-дворов в ее землях-княжествах. О его размере красноречиво говорят цифры НПК о посевах крестьянами хлебов, о «доходах», которые землевладельцы получали с крестьян всеми видами продукции крестьянских хозяйств.

Рядом с крестьянскими земледельческими хозяйствами строились и существовали собственные владельческие хозяйства феодалов. Основным их назначением было удовлетворение личных потребностей и нужд феодала, его семьи и слуг. Документы не дают оснований говорить о прямой производственной связи между собственными владельческими хозяйствами и крестьянскими хозяйствами: те и другие строились и функционировали обособленно и независимо друг от друга. Экономическая их связь определялась тем, что крестьянское хозяйство являлось источником «дохода» (т. е. зерновых хлебов, рыбы, мяса и других продуктов скотоводства, рыболовства, охоты), регулярно выплачивавшегося крестьянами землевладельцам, и добавочной рабочей силы, т. е. источниками феодальной оброчной и отработочной ренты. Феодальная земельная рента являлась материальной основой владельческих хозяйств. Базируясь на этой высокой материальной обеспеченности, землевладельцы могли с лучшими результатами, чем крестьяне, развивать такие отрасли хозяйства, как коневодство, садоводство, огородничество, пчеловодство, создавали у себя специализированные ремесленные мастерские.

В XV в. и особенно в последние его десятилетия отмечается рост интереса у землевладельцев-феодалов к их собственному хозяйству, к повышению его доходности; практически это выливалось в наступление на крестьян. Правительство молодого Русского государства рядом жалованных грамот и других постановлений указывает землевладельцам на их права по увеличению

оброков, расширению собственной запашки и угодий и усилению барщины. Этим определялось начало новых утеснений крестьян в их хозяйственной деятельности, которые в дальнейшем, в совокупности с последующими мероприятиями по ограничению крестьянских переходов, крайне сузили рамки хозяйственной самостоятельности крестьян — до превращения их хозяйств в лишенные какой-либо самостоятельности мелкие единицы феодальной вотчины.

Введением и широким распространением трехпольной системы земледелия не только разрешалась проблема производства зерновых хлебов, но на новой основе перестроилось и скотоводство. Могли успешно развиваться и другие вспомогательные отрасли крестьянского хозяйства — охота, рыболовство, бортничество, — поскольку соответствующие угодья оставались в распоряжении крестьян. Успешно развивалась домашняя промышленность, ее продукция сделала тесной связь деревни с рынком. Среди товаров, появлявшихся в городах на местных рынках, наряду с продукцией ремесленников, важную долю составляла продукция деревни. Таблица о составе оброка, выплачиваемого землевладельцам крестьянами Новгородской земли, указывает на большую долю платежей деньгами. Это свидетельство растущей товарности крестьянского хозяйства, в основе все же натурального.

Рост народного хозяйства вел к оживлению связей как внутри земель-княжеств древней Руси, так и между ними. Политическая разобщенность между княжествами, существовавшая до образования Русского централизованного государства, не означала ни изоляции по хозяйственной линии, ни разобщенности культурной между разными частями русского народа. С повышением уровня народного хозяйства крепли силы и создавалась база для единого, могучего Русского государства. В этих условиях ощутимее выступало органическое кровное единство земель-княжеств.

Обозрение общей картины развития сельского хозяйства за изучаемый нами период, процесс его постепенного роста свидетельствуют о неуклонном накоплении сил, о создании материальной базы для экономически сильного государства, обеспеченного большими материальными ресурсами для государственного и военного строительства.

Вторая половина XIII, XIV и XV вв. заполнены исключительным по масштабу приложения и по массе вложенных сил подвигом трудового народа древней Руси, в результате которого огромные пространства северных лесов были освоены под полевое пашенное земледелие; получили жизнь десятки тысяч новых поселений — деревень, построенных прочно, надежно, на столетия, доживших до наших дней; были созданы или структурно обновлены сотни тысяч хорошо организованных и по тому времени высоко продуктивных земледельческих хозяйств.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГР	— Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский, т. I. Киев, 1860.
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I. 1334—1598 гг. СПб., 1841.
АСт.	— Русская историческая библиотека, изданная Археографическою комиссиею, т. XXXII. Архив П. М. Строева. Пгр., 1915.
АСЭИ I, II, III	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. I. М., 1952; т. II. М., 1958; т. III. М., 1964.
АФЗ I, II	— Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. I. М., 1951; ч. II. М., 1956.
АЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографическою экспедициею Академии наук, т. I. СПб., 1836.
АЮ	— Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1838.
АЮБ I, II, III	— Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографическою комиссиею, т. I. СПб., 1857; т. II, СПб., 1864; т. III, СПб., 1884.
Бел.	— Д. Лебедев. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. М., 1881.
Бер. гр.	— в изданиях: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г., №№ 1—10). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г., №№ 11—83). М., 1954; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг., №№ 84—136). М., 1958; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г., №№ 137—194). М., 1958; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг., №№ 195—318). М., 1963; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг., №№ 319—405). М., 1963.
БСЭ	— Большая Советская энциклопедия. Изд. 2.

ВИ — Вопросы истории (журнал).

ВПК I, II — Переписная окладная книга (писцовая книга) Вотской пятины 7008 г., вторая половина. Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете, кн. 11, 1851; кн. 12, 1852.

Временник — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.

ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею, т. I. СПб., 1846.

Два пам. — М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950.

Деб. — Н. Н. Дебольский. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. Вестник археологии и истории, изд. СПб. Археолог. инст., вып. XIII, СПб., 1900.

ДЗ — Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Изд. АН СССР, Памятники древнерусской литературы, вып. 3, Л., 1932.

ДКр. — Сборник Русского исторического общества, т. XLI. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. СПб., 1884.

ДПЛ — Сборник Русского исторического общества, т. XXXV. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. I. СПб., 1882.

ЖВ — Житие Варлаама Хутынского, в двух списках. Памятники древней письменности, изданные Обществом любителей древней письменности, вып. 41, СПб., 1881.

ЖМГИ — Журнал Министерства государственных имуществ.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ЖМЮ — Журнал Министерства юстиции.

ЖС — Житие преподобного Сергия (Радонежского) чудотворца и похвальное ему слово, написанное Епифанием Премудрым в XV веке. Памятники древней письменности, изданные Обществом любителей древней письменности, вып. 58, СПб., 1885.

ЖСт. — Житие святого Стефана, епископа пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археографическою комиссиею, СПб., 1897.

ИЗ — Исторические записки.

ИСССР — История СССР (журнал).

КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.

ЛАвр. — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. XVI. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. СПб., 1889.

ЛВ I, II — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856; т. VIII. Летопись по Воскресенскому списку, продолжение. СПб., 1859.

ЛЕ — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910.

ЛИп. — Летопись по Ипатьевскому (Ипатскому) списку, изданная Археографическою комиссиею. СПб., 1871.

Лих. — Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. I. Духовные и договорные грамоты; вып. II. Грамоты правые. СПб., 1895.

ЛЛ — Полное собрание русских летописей, изданное Постоянною историко-археографическою комиссиею Академии наук СССР, т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. I. Повесть временных лет; вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку; вып. 3. Приложения: продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Изд. 2, Л., 1926—1928.

ЛЛьв. — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. XX. Первая половина, Львовская летопись. СПб., 1910.

ЛН I — Новгородская летопись по Синодальному харатейскому списку (так названная Новгородская первая летопись), изданная Археографическою комиссиею. СПб., 1888.

ЛН IV — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею. Изд. 2. Т. IV, ч. 1-я. Новгородская четвертая летопись, вып. 1. Пгр., 1915; вып. 2. Л., 1925.

ЛНик. I, II, III, IV — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. I — т. IX, 1862; II — т. X, 1885; III — т. XI, 1897; IV — т. XII, 1901. СПб.

ЛОИИ, архив — Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

ЛС — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913.

ЛТв. — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863.

ЛТип. — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. XXIV. Типографская летопись. Пгр., 1921.

Материалы	— Материалы для терминологического словаря древней России. Составил Г. Е. Кочин. М.—Л., 1937.
Матер. Кар.	— Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941.
Мейчик	— Д. М. Мейчик. Грамоты и другие акты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции, их форма, содержание и значение в истории русского права. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. 4-я, М., 1884.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
Мух.	— Сборник Муханова. Изд. 2, доп. СПб., 1866.
Ник.	— Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века, т. I, вып. 2. СПб., 1910.
НПК	— Писцовые книги Новгородской земли 1495—1505 гг.; см.: НПК I, II, III, IV, V, VI; ВПК I, II; ОВПК; ОПК.
НПК I, II, III, IV, V, VI	— Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею, т. I. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г., первая половина, СПб., 1859; т. II. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г., вторая половина. СПб., 1862; т. III. Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 г., первая половина. СПб., 1868; т. IV. Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1885; т. V. Книги Шелонской пятины. СПб., 1905; т. VI. Книги Бежецкой пятины. СПб., 1910.
ОВПК	— А. М. Гневушев. Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины, 1504—1505 гг., содержащий опись части дворцовых земель этой пятины. Киев, 1908.
ОГКЭ III, IV	— Сергей Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. 3. Верея, Волоколамск, Дмитров и Звенигород. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1912, кн. III, М.; вып. 4. Кострома «с товарищи» и Переяславль-Залесский. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1917, кн. II и III и отдельно, М.
ОПК	— Писцовые книги Обонежской пятины, изданные Археографическою комиссиею. Л., 1929.
ОРГИМ	— Отдел рукописей Государственного исторического музея.
ПИ	— Сборник Проблемы источниковедения.
ПКМГ I, II	— Писцовые книги Московского государства. Под редакцией Н. В. Калачева, ч. I, отд. I. СПб., 1872; отд. II. СПб., 1877.
ПЛ 1, 2	— Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941; вып. 2. М., 1955.
ПНЛ	— Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.
Правда Русская	— Правда Русская. Под ред. Б. Д. Грекова, т. I. Тексты. М.—Л., 1940; т. II. Комментарии. М., 1947.
ПРП	— Памятники русского права, вып. 1. 1952; вып. 2. 1953; вып. 3. 1955. М.

ПСРЛ XXV, XXVI	— Полное собрание русских летописей, т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.—Л., 1949; т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.—Л., 1959.
ПСГ	— Псковская судная грамота, изданная Археографическою комиссиею. СПб., 1914.
РИБ II, VI, XII, XIV, XXVII	— Русская историческая библиотека, изданная Археографическою комиссиею, т. II (сборный). СПб., 1875; т. VI. Памятники древнерусского канонического права, часть первая (памятники XI—XV вв.). Изд. 2. СПб., 1908; т. XII. Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. 1. СПб., 1890; т. XIV. Акты Холмогорской и Устюжской епархии, кн. 2. СПб., 1894; т. XXXVII. Приходо-расходные книги Павлова-Обнорского (за 1568—1570 гг.) и Болдина-Дорогобужского (за 1585—1607 гг.) монастырей. Пгр., 1923.
РОБАН	— Рукописный отдел Библиотеки АН СССР.
РОБИЛ	— Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина.
РогЛ	— Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею. Изд. 2. Т. XV, в. 1. Рогожский летописец. Пгр., 1922.
РОГПБ	— Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
СА	— Советская археология.
СГ	— Н. С. Чаев. Северные грамоты XV в. Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг., вып. 35, Л., 1929, стр. 121—164.
СГКЭ I, II	— Сборник грамот Коллегии экономии, т. I. Пгр., 1922; т. II. Л., 1929.
Сиб. и Шахм.	— И. М. Сибирцев и А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV в. Исследования по русскому языку, т. II, вып. 5. СПб., 1909.
СЭ	— Советская этнография.
Судебники	— Судебники XV—XVI вв. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1952.
Тр. ВЭО	— Труды Вольного экономического общества.
Тр. ГИМ 32, 33	— Труды Государственного исторического музея. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., вып. 32. М., 1956; вып. 33. М., 1959.
Тр. НАЭ	— Труды Новгородской археологической экспедиции, т. I. М., 1956; т. II. М., 1959.
Троицкая летопись	— М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950.
Ув.	— Описание актов собрания графа А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым. Под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. М., 1905.
Уч. зап. ЛГПИ	— Ученые записки Ленинградского государственного Педагогического института им. А. И. Герцена.
Уч. зап. МГУ	— Ученые записки Московского государственного университета.
ЦГАДА	— Центральный государственный Архив древних актов.
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР.

Чтения	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
Шахм.	— А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. В серии «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3, изд. Акад. наук, СПб., 1903. (Тексты грамот даны в части II, озаглавленной «Приложения»).
Шл.	— В. П. Шляпин. Акты Великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря, ч. I. Великий Устюг, 1912.
Юшков	— Акты XIII—XVI веков, изданные А. И. Юшковым. Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. II. М., 1898.

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

Бабка (снопов) 227.
Баня 305.
Баран 261, 263—265, 277—282, 318, 327, 344.
Барская (боярская, владельческая) пашня — барское поле 75, 319, 328, 331, 335, 346, 349, 351—354, 369, 428, 434.
Барщина 75, 223, 270, 328, 330, 331, 333, 346, 349, 351, 352, 354—358, 369, 380, 428, 434.
Белка, беличьи меха (в «доходе») 226, 286—288, 301, 345.
Бердник — изготовляющий берда; бердо — одна из основных частей ткацкого стана 298, 303.
Береста — материал из коры березы 303, 307.
Берестяные грамоты 31, 32, 43, 118, 314, 357, 368.
Бобр, бобровые гоны, бобровые ловы — места обитания и охоты на бобров; сбор «за бобра» 311, 347, 357.
Бобровник 411, 412.
Боров 281.
Борозда, борозда загонная, борозда плужная, — сошная — отделяют в поле полосы (служат водостоком), получаются в процессе пахоты сохой или плугом 49, 72, 135.
Борона, бороновати 54, 55, 67, 76, 77, 134, 145, 303.
Бортник, староста бортный, бортничати 36, 285, 294—297.
Бортничество 36, 285, 293—297, 306, 317, 434.
Борть — борти новые и старые, борти делати — ходити, бортище, бортный ухожай, лес бортный 124, 293—296, 383, 384, 394, 407.
Ботало — колокол, привязываемый на шею пасущегося скота 273.
Бочечник, бочка 279, 292, 303, 307.
Боярщина — земельное владение, волость, вотчина боярина 18, 33, 34, 88, 120—122, 230, 313, 314, 316, 333—341.
«Боярщина — сеньерия» (теория о ней), «волость — сеньерия» 18, 403, 404, 408, 410, 414, 417—420, 422—424.
Бралья, бралья-скатертница — ткачиха специалистка по изготовлению браных тканей 299.
Братина — посудина 337.
Братчина — пир (мирской) в деревнях и селах 365; ср. пир.
Бродяжничество (теория о бродяжничестве крестьян в буржуазной историографии) 9, 10—16, 19, 114, 420, 421.
Бронник — ремесленник, изготовлявший воинское снаряжение 312.
Брусника 307.

[1] К часто упоминающимся наименованиям предметов (зерновые хлеба, двор, деревня, село), названиям документов и терминам (земледелец, крестьянин, землевладелец) мы даем лишь выборочные указания наиболее важные места работы. В ряде случаев читателя достаточно ориентирует оглавление, но оно лаконично, и поэтому мы посчитали полезным в указатель включить наименования: «теория о бродяжничестве крестьян», «боярщина-сеньерия», «феодализация земли», «крепостничество» и др., — приведя указание на страницы с материалом по этим важным вопросам.

Бурак — берестяный сосуд для жидких и полужидких продуктов 303.
Бык 200, 270.

Валек (у плуга или сохи) 57, 58.
Варя — мелкая административно-территориальная единица; «по станам и варям» (ставить коней на прокорм) 252; ср. перевара.
Ведерник — ремесленник, изготовляющий ведра 303.
Ведро 295.
Верблюд 251.
Верховник (в составе монастырских слуг и администрации) 338.
Вершалина — тип примитивной бороны 55, 76.
Вершь, верешь, вьршь — хлеб, урожай 78, 88, 210.
«Вес» — тяжесть повинностей и оброков крестьян 321—327, 342—346, 379, 380.
Весь — поселение 106, 107.
Веточный корм 277.
Вилы 61, 303.
Вишня, дерево вишневое 217.
Воз (дров, сена, репы) 88, 213, 279—281, 337.
Возы возити — повинность 356. См. повоз.
Вол 48, 169, 249, 251, 255, 256, 260, 354.
Волна — шерсть 297, 298.
Волнухи — грибы 307.
Волок, волочек — путь между реками и через леса между населенными районами 151, 253, 254.
Волокно (лен и конопля) 297—299, 327.
Волокуша — род бороны 76; ср. вершалина.
Волостель — администратор, ведавший волостью 357, 365.
Волостка — волость, владение 193, 318, 377.
Волость — при многих значениях слова «волость» (напр., волость — земля-княжество, административно-территориальная единица в составе княжества, уезда и погоста) важнейшим по содержанию и более близким к изначальному значению естественно считать волость, сельскую общину. Волость— община 18, 19, 269, 270, 290, 305, 362, 370—373, 381—385, 394, 395, 398—400, 412, 414—421, 424, 431—433. Волость черная тяглая 322, 365, 369—372, 374—378, 381,—385, 391—398, 401, 432. Волость дворцовая 197, 369, 373, 378, 381, 382, 384, 424. Волость владельческая, волость — владение (боярщина, вотчина, поместье) 34, 177, 309, 313, 314, 367, 369—371, 373, 377, 378, 382, 384, 385, 400, 425. Волость — административно-территориальная единица 109, 111, 151, 154, 161, 163, 164, 166, 182, 183, 202, 203 и др. Волость кормленская наместничья 322. Волость черно-кунская 287.
Волочити товар 253, 254, 368, 369; ср. волок.
Ворота (у ямского двора) 377.
Воск («полтора воска») 293, 295.
Вотола — ткань 298.
Вотчина 19, 84, 123, 177, 233, 309, 313—317, 323, 339, 340, 348, 357, 365—367 и др.; «вотчина-сеньерия» 414, 417, 418, 424; см. боярщина, «боярщина-сеньерия».
Вотчинник — владелец вотчины 311, 314, 316, 340, 341, 368 и др.
Выгон, выпуск (для скота) — пастбище 110, 127, 174, 283, 304, 305, 424.
Выть — окладная единица 154, 282, 350.
Вязание 299.

Гарь («пашня на гарях») 13, 56, 136, 147; см. подсека.
Гать 377.
Гвозди (подковные) 254.
Глушить рыбу 291.
Глушица — заводь (нередко искусственная) в реке 289, 290.
Гнездо (гусей, кур) 261, 264.
Гной — удобрение, навоз 133, 149, 150, 152, 153; гноевозец 149.
Говядарь 260; говядо 249, 260.
Год подъезжий, неподъезжий 343; см. подъезд.
Голод, глад 91, 204—206, 211, 225, 226, 238.
Гоны бобровые 286; см. также «загон».
Гоны земли 96, 97, 149, 199.
Горница (в доме землевладельца) 310.
Городное дело — повинность населения 368, 374, 376.
Городок — селение (в Пермской земле), вероятно, с оборонительными сооружениями 235.

Городьба — обязанность сельских хозяев огораживать поля, сено 273; см. изгорода, осек.
Горох 142, 156, 162, 220—222, 430.
Государь — владелец хозяйства и в значении «государя» вотчины 99, 213, 215, 365, 404, 419, 420.
Грабли 61, 203.
Греча, гречиха 142, 156, 169, 220—222.
Грибы 307.
Гривна поклонная см. поклон, поклонное.
Грузди — грибы 307.
Груша — дерево грушевое 216, 217.
Гряда (в огороде) 216.
Грядиль (у плуга и рала) 48, 49.
Губина — грибы 307.
Гужи (у хомута) 60, 74.
Гумно — место молотьбы сжатого хлеба 99, 228, 305, 310, 336; гуменник 228; гумнище 96.
Гуси 249, 261, 266, 281.

Дань, дань государева, дань обежная (в Новгородской земле) — оброк, платеж (деньгами и натурой) 35, 43, 91, 92, 100, 101, 109, 191, 232, 235, 236, 286, 287, 296, 306, 320, 322, 323, 327—329, 336, 374—376, 378, 389, 405, 416, 428, 432.
Дар — платеж, подношение феодалу-землевладельцу и должностным лицам 334, 337, 338, 342, 343, 346, 423; ср. поклон.
Двор — жилье и хозяйственные постройки 99, 119, 134, 229, 305.
Двор — крестьянское тяглое хозяйство; основная производственная ячейка 34—36, 109—112, 120—128, 154, 155, 175—177 и др.; регистрация дворов в Новгородской земле дошла до нас в НПК, общий их итог по сохранившемуся описанию дан на стр. 189, 368, а итог обеж на стр. 319 и 325. Параллельно в НПК зарегистрированы: дворы ключничьи и людей владельцев, а под наименование «двор большой» — дворы самих вотчинников и помещиков 120—122, 308, 309, 312, 313, 328, 333, 334, 357, 362, 364 и др.
Двор скотный 270.
Дворец — дворцовое хозяйство 340, 341, 351, 382.
Дворище — место бывшего двора, усадебное место крестьянина 113, 213, 229.
Дворник 120, 261, 264.
Дворский — должностное лицо в дворцовом хозяйстве 378, 379, 385.
Дворы пожилые см. пожилое.
Дворы ставные — ткацкая мастерская боярыни Борецкой 298.
Двухполье 79, 83, 130, 155, 156, 197, 240, 243; см. паровая система земледелия.
Девка к ларцу — холопка 299.
Деготь 213, 300, 302, 303.
Дегтярь 302, 303.
Дедина — владение, унаследованное от деда 314; ср. отчина.
Дело, дело монастырское (т. е. землевладельца), дело сельское — работа на землевладельца 349, 359, 414.
Деньги — оброк деньгами, «доход» деньгами 317—324, 337, 338, 359, 429; оброк великому князю деньгами и деньги в других видах «дохода» 319.
Деньги за крестьянами — подможные, деньги за крестьянами в росте 347, 360—363; см. подмога.
Деревнище 11.
Деревня — основное сельское земледельческое поселение с конца XIII века 16—18, 24, 84, 89, 99 и др.; о строительстве деревень 99—128; о деревнях в Новгородской земле 118—128; общинные черты деревни 16, 305, 381—384, 432.
Деревня — окладная единица 100—102, 109, 232.
Дерево бортное 293, 294.
Дерево, деревья плодовые, садовые 216, 217, 362.
Десятина — окладная единица 336, 337.
Десятский в дворцовой волости 385, 386.
Детеныши — слуги в монастырском хозяйстве 411, 412.
Дичь, дичь пернатая 285, 286, 288, 289, 327.
Доводчик — один из низших судейских чинов администрации 375, 385, 386.
«Дом» — хозяйство крупных церковных иерархов 115, 173, 232, 347.
Домашняя промышленность 24, 257, 297—306, 317, 318, 327, 335, 337, 369, 434.

Дорога («чистити дорогу»), дорожное дело — повинность сельского населения 253, 375, 377.
«Дороговь» — дороговизна на основные продукты питания, связанная с неурожаем 41, 42, 205, 215, 218, 225—227; указания на цены 41, 204—209, 211, 215, 218, 219, 225, 238, 260; цена на овощи 213, на хмель 215.
Доход — оброчная феодальная земельная рента: доход основной — с зерновой продукции крестьянского хозяйства 122, 175—177, 181—184, 187—192, 195, 223, 256, 287, 317—326 и др.; доход мелкий — с другой продукции крестьянского хозяйства и особенно от скотоводства 122, 261, 262, 277—280 и др.; доход ключнику и посельскому — представителям вотчинной администрации 122. 277—281, 318, 325, 327, 336, 337, 346, 357, 423; доход старый и новый 34, 35, 122, 317—321, 323 и др.; см. также издольщина, оброк, рента.
Древо ельное — лес еловый, отмечен как корм «скоры» — белок 226.
Дрова (в натуральном оброке) 191, 214, 227. 302, 307.
Дровни 303.
Дубление кож 300, 301.
Дуга 57.
Дым — единица обложения 338, 345.
Дыня 216.
Дышловая парная упряжка 48, 51.
Дьяк и дьякон (среди монастырских служителей) 338, 345.

Ез — сооружение для рыбной ловли 4, 290, 291, 302, 337. 356.
Ез вешний и зимний 310; бити ез — повинность кретьян 293.
Ездоки — проезжие служилые люди и феодалы, которым предоставлялся корм и постой 365, 376.

Жатва 79, 118, 210, 211, 224—227.
Женка — холопка во владельческом хозяйстве 262.
Жеребей — доля 121, 157.
Жеребей — окладная единица 344, 345.
Жеребей игумнов — участок в деревенских полях, урожай с которого шел игумену 335.
Жеребец 249, 251, 259, 260.
Жернова (мельничные) 230, ручные 229.
Жерновник (изготовляющий жернова) 229.
Животина — домашнее животное 252, 336, 337.
Животноводство см. скотоводство.
Жилец старый (крестьянин) 411, 412.
Житница — помещение для хранения обмолоченного зерна 168, 170, 214, 220, 221, 228, 255, 305, 309, 310, 331, 337, 338, 347, 348, 350, 351, 354, 356, 361, 380.
Жито — зерновые хлеба (всякие) 41, 78, 87, 88, 167, 168, 206, 222, 224—226, 228, 238, 336—338; жито яровое (всякое) 224, 238.
Жито — ячмень 158, 169, 199, 205, 208, 211, 218—220, 338; жито семянное 200.
Жито заемное и оброчное — долг крестьян владельцам 348, 354, 358, 363, 364.

Загон (зверя) 285, 357, 374.
Загон — поле, разделенное на полосы 135; см. также борозда загонная.
Закром, засек — в житнице для хранения зерна 158, 169, 228.
Залежь, залежное земледелие; залежным земледелием называют (пренебрегая ясностью терминологии) и земледелие подсечное 76, 130, 145, 182, 184.
Замет — забор вокруг двора с хозяйственными постройками 377.
Западня (для лова зверей) 288.
Заполица, заполье — места в прилегающих к полям лесах, которые используются для покосов и для посева зерновых хлебов, льна, репы 82, 99, 146, 147.
Заспа — крупа 219, 337, 430.
Заступ 44.
Захребетник 256, 267.
Заяц, зайчатина 261, 289, 290.
Землевладение, землевладелец 25, 26, 29, 30, 98, 119, 124, 125, 262, 305, 310, 325—330, 339, 368, 370, 372, 374, 404, 408, 410, 430 и др.; см. также феодализация.
Земледелец 118, 130, 135, 256, 257, 267, 383, 384, 402, 414—418, 423, 424, 433 и др.; см. крестьянин.
Земледелие — см. пар, подсека, полевое пашенное земледелие, системы земледелия.

Земли государственные (в Великом Новгороде) 322.
Земли дворцовые 33, 197, 198, 320, 370 и др.
Земли наместничьи, владыки (новгородского), государственные 394.
Земли частновладельческие (вотчинные, поместные) 33, 322, 327 и др.; см. землевладение.
Земля — область, княжество 21, 32, 91, 97, 109, 118, 119, 123, 125, 150, 151, 160, 169, 174 и др.
Земля — угодье, предмет купли, мены, дарения 99, 119, 120, 160—162, 164, 165, 174, 317, 321, 377, 398, 399 и др.
Земля великого князя, земли оброчные великого князя 33, 120, 320, 322, 375, 376, 394, 420; ср. оброк великого князя.
Земля волостная черная, общинная 12, 138, 322, 370—373; см. волость — община.
Земля лешая (лесная) 120, 121, 136, 209, 322; земля орамая (вспаханная), орамица 96, 100, 199; земля отхожая 194; земля пашенная, пахотная 97, 109, 114, 116, 117, 127, 153, 164, 180, 194, 322, 377 и др.; земля полевая, польная 109, 116, 117, 120, 121, 153, 164, 180, 199, 209; земля посекирная 140.
Зерновые хлеба, зерно 38, 41, 42, 80—84, 86, 87, 91, 94, 96, 126, 128, 137, 167, 169—171, 175, 176, 181, 189, 196, 207, 218, 223, 224, 227—230, 234, 241, 242, 257, 259, 287, 304, 305, 313, 317, 318, 325—328, 331, 335, 337, 338, 346, 347, 352, 356, 361, 380, 433, 434; см. жито, овес, рожь, пшеница.
Знамя — знак собственника на борти, на межном дереве 53, 296, 395.
Знахорь — см. старожилец-знахорь.
Зобь — зерновой фураж коням должностных лиц и феодала 338, 344, 346.
Зола 213, 300, 302.
Золка — один из этапов при обработке кожи 300.
Зуб (сохи, бороны) 48, 49, 54, 56—58, 76—78.

Ивангородец 270, 305, 310, 376, 381; см. также пятиобежник.
Изба 270, 305, 310, 361, 376.
Извоз, ызвоз 253; извожники 429.
Изгой — человек неблагоприятных обстоятельств, оторвавшийся от своей социальной среды 421.
Изгорода, изгородь — огород (см.) 39, 272, 273, 302, 304, 305, 356, 385.
Изделье 359, 364; издельник, издельный серебреник 359; см. серебро, серебреник.
Издольщина — разновидность феодальной натуральной ренты 181, 182, 184, 198, 241, 324, 325, 335, 351, 373; см. половье, треть, четверть, пятина из хлеба.
Икра 289.
Искос — повинность крестьян косить (заготовлять) сено 357.
Истопни́к — холоп, слуга 312.

Казна (великого князя, монастыря, черной волости) 338, 340, 381.
Казначей 338.
Капуста 211, 213, 214; капуста вилая 213; кочны капусты 279.
Капустник — огород 116, 151, 211, 212, 214, 279, 305.
Квасоварня 309.
Клепперы — порода немецких лошадей 258.
Клетки — устои у мостов 377.
Клеть — жилое строение, а чаще кладовая 206, 207, 270, 305, 310.
Ключ — подразделение в сельских владениях монастырских хозяйств 336.
Ключник 32, 191, 228, 312, 327, 329, 330, 336, 347, 353, 354, 357, 358, 378, 382, 428; см. также «доход ключнич».
Ключня — хозяйственная постройка 309.
Кляпцы — охотничья снасть 288.
Кобыла, кобылка, кобылица — 61, 169, 171, 249, 257—261; кобылы деловые 259; кобылы стадные 249, 259, 261; кобылы жеребые, сужеребые 259.
Ковка (лошадей) 254.
Коврига (хлеба) 205.
Ковшечник (изготовляющий ковши) 303.
Кожа 275, 300, 302; кожа дубленая, подошвенная, сыромятная 300.
Кожевенное дело 299, 300.
Кожевники 300.
Кожух 301.
Козы 169, 171, 249, 261, 263—266.
Кокошь — курица-наседка 249.

Кол — сооружение для рыбной ловли 290, 291, 357; колити кол 290; «колили кол волостью» 285.
Кола — колесная повозка 303.
Колачи — хлеб 429.
Колода (с пчелиным ульем) 295; колода меду 295.
Колосники — сооружение в овине из жердей, на них при сушке необмолоченного хлеба развешивались снопы 227.
Колышка (навоза) 154, 351.
Коневодство 251—253, 255, 258, 259, 369, 433.
Кони 57, 58, 60, 74, 89, 249, 250, 252—255, 257—260, 271, 272, 285, 310, 430.
Кони боевые 245, 246, 252, 310, 423; кони великие (немецкие) 258; кони верховые 246, 251, 252, 257—259, 310, 423; кони деловые 259; кони ездовые 251, 252; кони иноходцы 259; кони кошевые 259; кони ногайские 251; кони поводные 251, 311; кони санники 259, 310; кони седельные 251; кони сумные 251; см. лошадь.
Конница 250, 257.
Конопля, конопель 169, 199, 211, 214, 222, 228, 265, 279, 297—299, 327, 337; см. семя конопляное и посконь.
Конопляник 116, 151, 211, 214, 217, 222, 279, 305.
Конь — боевая единица и «человек конный» 252.
Конюх 338.
Конюший боярин 251; конюший приказ 251; конюшенный путь 250, 251, 310.
Конюшня 151, 153, 250, 270, 313, 377; конюшенный двор — 310; конюшник 270.
Копань — нижняя (у корня) часть прочного дерева, материал для поделок 56, 57, 58.
Копань, копати логовину, копаной наволок 266.
Копна (хлеба) 227; копна (сена) 242, 269, 274—277; см. покос.
Кора сосновая — суррогат пищи 88.
Корм (скоту) 254, 259, 260, 267, 268, 271, 277, 310, 378; корм веточный 277; корм зерновой 255, 259, 260; корм подножный 267.
Корм (коням князя, его слуг, ездокам) — обязанность крестьян кормить коней князя, его слуг и т. п. 251, 252, 255, 259, 268, 311, 366, 378, 379; «коней (князя) ставити по станам и варям» 252; см. также потрава.
Корм волостелин, доводщич, ездокам, ловчему, наместнич, тиуну, черноборцам — вид особого оброка с крестьян 323, 366, 374, 375, 385, 386, 430.
Кормление 287; кормление новое, старое 375.
Кормля — пища лесных зверей 226.
Коробщина («за коробщину») — специальный сбор в пользу великого князя 341.
Коробья 83, 220, 230, 237, 242, 256, 265, 274 и др.; в коробьях высеваемого хлеба указывается размер крестьянской запашки; см. посев.
Корова 169, 249, 260—263, 270—273, 275, 305.
Коровник 151, 270.
Коса 44, 384.
«Косити сено» (на землевладельцев) — одна из тяжелых трудовых повинностей крестьян 252, 270, 356, 357, 378, 385. «А сена косят (крестьяне деревни) столько-то копен» — формула записи в НПК I—III о размере покоса; см. покос.
Костер-сорняк 210, 211.
Кострика, костра (у льна и конопли) 297.
Косуля — соха 72, 77.
Кочет-петух 249.
Кощей — слуга, холоп боярина 358.
Красители (для тканей) 299.
«Крепь» — крепость, крепостной акт на владение землей 170.
Крестьянин, крестьяне 107, 120, 138, 154 и др.; и особо 304, 308, 414—417, 419, 420.
Крестьяне дворцовые, владельческие 369, 370, 374, 375, 379, 400, 404; см. волости дворцовые и владельческие, а также: двор, хозяйственные производственные связи между крестьянским двором и владельческим хозяйством, феодально-крепостнические отношения.
Крестьяне черных волостей — черносошные тяглые 369—394; см. волость черная.
Крестьянство 403, 414, 415, 417, 419; см. община сельская крестьянская.

Кром (в Пскове) 206, 207.
Кромина — «за кромину» — специальный сбор в пользу великого князя 341.
Кросна — крестьянский ткацкий стан 298.
Крупа 221, 229—231; крупа овсяная, ячневая 219, 220.
«Куда (из данной деревни, села) топор, соха и коса ходили» — формула в поземельных актах XIV—XV вв. о границе земельных владений сел и деревень 98—100, 112, 139, 140, 157, 384.
Кузнец 312.
Кузов — пчелиный улей 295; «кузова ставити» 295.
Кулига — подсечное угодье 137.
Куна — мех 287; см. черная куна.
Куница — единица обложения 345.
Кунщик — слуга и должностное лицо в монастырском хозяйстве 338.
Купец 429.

Лапти 303.
Лебедь 281.
Ледник 310.
Лезвие (лемеха, ральника, сошника) 44, 51.
Лемех 44—48, 51, 52, 56, 58, 64, 76, 77, 130.
Лён 158, 191—193, 196, 199, 211—215, 222, 223, 227, 278—281, 297—299, 304, 327, 345; лён волокно 222, 223, 278—280, 298, 299, 345; лён полотно 222, 282, 298, 299; лён пряжа 222, 282, 298, 299.
Лес — угодье 112, 114, 123, 136, 138—141, 157, 193, 194, 226, 229, 243, 244, 271, 272, 304, 307, 384, 432; лес-болото 140, 165, 194, 211; лес бортный 294—297, 302; «лес вопчей (общего пользования — *Г. К.*), царев» 439; лес-«дичь» 123, 138; лес, «который не в мере» 138; лес непашенный 140, 194, 244; лес пашенный, пахотный 136, 137, 139—141, 165, 180, 194, 233, 234; лес поверстный 139, 141; лес полешей 286; лес «пустой от века не пахан» 138; лес «старь», старый 138, 139; лес страдомый 96, 97, 136; лес черный 139, 193, 194, 244.
Лесное дело 302, 303.
Лесопереложная система — теория о лесном перелоге 130—132.
Лист липов — суррогат пищи 88.
Лов, «ловы деяти» — ловля зверя 36, 285, 289.
Ловище, лов звериный — охотничьи угодья 114, 121, 286, 288; «ловища (охотничьи снасти — *Г. К.*) ставили» 288.
Ловчий 385, 386.
Лодка, ладья 337.
Лонщина — годовалое домашнее животное 249, 260.
Лопата 217.
Лоскут (земли, чаще пахотной и реже сенокосной) 96—98, 146, 194.
Лось 357.
Лошадь 48, 51, 58, 60, 67, 74, 75, 97, 249, 251, 253—260, 263, 270, 273, 275, 279, 281, 304; лошади братские (обслуживающие старцев, братию монастыря) 310; лошади жмудские (порода) 258; лошади обвинские (порода) 258; лошади обозные 251; лошади рабочие 255, 257, 259; лошади степные 249, 251, 255; лошади страдные (т. е. рабочие) 255, 257, 259; см. также кобыла, кони, клепперы, мерин.
Лошак 169, 251, 261.
Луб 303, 307.
Луг 126, 146, 157, 229, 234, 252, 254, 268—270, 272—276, 285, 305, 310, 357, 377, 391; луг заливной 252; луг осочливый 269; луг поёмный 267, 269, 385.
Луговая переложная система 86.
Лук — овощи 213, 214.
Лук — окладная единица 128, 195, 235, 286, 287, 345.
Лук земли 286.
Луч — рыбная ловля с «лучом», т. е. с огнем 291.
Лучина 302, 307, 356.
Лыко — материал 303; «лыко на подвои к сохам купили» 76; изделия из лыка 303; «лыко» — плоская плетеная корзина для хранения и перевозки рыбы 293.
Лыскарь — мотыга 217.
Люди — учетная (при кадастре) статистическая единица 34, 121, 122, 154, 266; «человек» — «люди» — окладная единица 286, 287, 345; ср. «муж».
Люди бедные, безлошадные (крестьяне) 415, 358; люди большие, добрые, меньшие 374, 415; люди владельческие (холопы) 254, 270, 309—313, 329, 346, 355; люди

волостные, люди волостные черные тяглые 235, 236, 254, 286, 296, 373, 379; люди деловые 262, 310; люди лучшие 397—399; люди непашенные 127, 170, 302, 309; люди пашенные 327; люди на позёме (ср. позёмщики) 302; люди полные (холопы), страдные 262, 354.
Люди служилые 236, 427—429.
Ляда, лядина — угодье при подсечном земледелии 136—138, 155.
Лядинное огневое (подсечное) земледелие 78, 136, 197.

Мак 213, 214.
Малина 217, 367.
Масленик — слуга и должностное лицо в монастыре 338.
Мастер, мастеры — огородники и садовники 215, 216; мастер оружейный, портной, серебряный 312.
Мастерская ремесленная 62, 64, 65, 299.
Мед 293—296, 306, 318, 429; мед бортный 296; мед улейный 295, 296; мед пресный 429.
Медведь 269, 357.
Медовар 295, 338.
Межа, межевание 396—399.
Мельник 229, 312, 358.
Мельница (водяная) 229—231, 310; мельница немецкая 230.
Мерин 61, 251, 259; меринки деловые 259.
Метлá — сорняк 210.
Меха 195, 282, 289, 290, 301, 302, 306, 318, 327.
Мир — сельская община 365, 432; мир волостной черных и дворцовых волостей 362, 374, 381—386, 432; мирской уклад и обычаи в частновладельческих волостях 384, 395, 416, 419; мирское дело в деревне 382—385, 432; мирской сход 381—383; мирские избы схожие 381.
Молотьба 228.
Молочная продукция скотоводства (крестьянского): молоко, масло, сметана, сыр и др. 167, 191, 261, 262, 277—282, 318, 327, 336, 337, 345, 433.
Морошка 307.
Морской промысел 118, 199, 200.
Мост (мостити и строить мосты) — повинность сельского населения 302, 368, 377.
Мостник 430.
Мотыга 55, 67, 217.
Мотыль — вредитель (саранча) 226.
Мох — суррогат пищи 88.
Мох, мхи — угодья 140, 194, 211; мох оброчный — облагаемый особым оброком, как охотничье угодье, 288; мох повёрстный 140.
«Муж», «мужа место полешего леса» — учитываемая при кадастре и обложении мужская сила 286.
Мукá 221 (из овыди), 229—231 262, 300; мука овсяная 220; мука пшеничная 220, 429; мука ржаная 220; мука ячневая 219.
Мшарина — мох 97.
Мыльня 310.
Мыши — вредители зернового хлеба 226.
Мякина 271, 277; мякинница 99.
Мялка 298.
Мясная продукция скотоводства (крестьянского): баранина, ветчина, говядина, голова свиная, зад яловичей, лопатка баранья, лопатка говяжья, мясо вяленое, копченое, мороженое, свежее, свиное, окорок, плечо баранье, плечо говяжье, полть мяса, полть свиная, стяг мяса, туша баранья, туша говяжья, часть баранья, часть мяса, яловица 218, 260, 261, 265, 275, 277—282, 318, 327, 344, 430, 433.
Мята 213, 214.

Навоз 72, 87, 94, 133, 134, 146, 148, 149, 151—155, 197, 198, 216, 218, 274, 275, 284, 351, 353, 431.
Навои — части ткацкого стана (у «кросн»): передний для готового полотна и задний для основы 298.
Наволок — земельное сенокосное угодье 96, 267—269; наволок копаный 268; наволок поженный 268, 270.
«Наезд» см. пашня наездом.
Назём — удобрение 134, 149, 153; назёмщик 149; ср. навоз.
Наим — плата за выполняемую работу и арендная («празговая») плата 138, 254, 340.
Наместник 287, 340, 342.
Народ 266, 434.
Насошка — орудие обработки земли 55, 56, 65, 67.

Натрава — удобрение 133.
Начлег, наслег — окладная единица 345.
Нетель — нетелившаяся корова 260.
Нива 136—138, 146; прятати ниву, делати ниву — 137, 138; нива отхожая, припашная, росстрадная, нива паренпны, нива яровая 137, 138; нивище 138.
Новина, новь 134, 146.
«Новопорядчик» и «новик» 402—404, 407, 408, 413, 414, 420, 422, 424—427; см. «теория о старожильцах»
Ногата — денежная единица 205.
Ногота, нагата («за нагату») — специальный сбор в пользу великого князя 341.
Ножницы (для стрижки овец) 297.
«Ночь княжа» в езу — натуральный оброк от рыбного улова в езу 290.

Обжи — оглобли у сохи 60.
Обжа — мелкая окладная единица (треть сохи) в Новгородской земле 58, 74, 175, 317—323; обжи льготные 319, 322, 329, 330; обжи оброчные 318, 319; обжи, оброк с которых писцами не указан 319, 321, 322; обжи придаточные (т. е. обжи со вновь полученных владений) 328; обжи чернокунские 345; см. черная куна.
Обилие — урожай хлебов, зерновые хлеба 88, 205, 207, 210, 211, 218, 260.
Облава (на диких зверей) — участие в облавах при охоте — повинность крестьян 285, 357.
Оброк — основная форма феодальной ренты в Новгородской земле, выступает под наименованием «доход» 35, 169, 181, 191, 236, 244, 253, 319, 324, 325 и др. (см. доход); оброк натуральный 177, 181—186, 193, 195, 198, 213—215, 219, 259, 262 и др.; оброк денежный 319 (см. деньги); оброк великого днязя деньгами 319, 320, 323; оброк за дань — 350; оброк за посошной корм 350; оброк за рыбную ловлю, за пользование угодьем 174.
Оброчник — крестьянин, основные платежи которого (рента) заменены выплатой оброка 416.
Оброчник — документ: в хозяйственном делопроизводстве монастырей книга о раскладке и взимании оброка с крестьян 387.
Обувь 300, 301; обувь плетеная 301.
Обычай в мирской общинной жизни 395, 398, 412, 425, 432.
Община сельская крестьянская 9, 16, 23, 305, 306, 308, 370, 371, 373, 381—384, 386—388, 391, 394, 395, 399, 400, 412—421, 424, 431—433.
Овес 83, 84, 88, 121, 142, 154, 156, 158, 160, 167—169, 171, 177, 219, 200, 255, 259, 260 и др.; овес семянной 411, 412.
Овин — хозяйственная постройка 96, 99, 227, 228, 310.
Овин — счетная единица сжатых, но необмолоченных хлебов 79, 228, 279, 325.
Овощи 94, 155, 156, 213, 215, 216.
Овсище — участок, засевавшийся овсом 96.
Овцы, овцеводство 169, 171, 249, 260, 261, 263—266, 270, 271, 275, 278, 281, 297, 301.
Овчина 192, 265, 277, 278, 280—282, 299, 301, 317, 318, 327, 336, 337.
Овчинник 301, 302.
Овыдь, овыдница — зерновой хлеб 169, 220, 221.
Оглобли (у сохи, у рала) 51, 57, 58, 60.
Огневое подсечное земледелие 9, 11, 78, 129; см. подсечное земледелие.
Огнище — подсечное угодье 89, 137.
Огнище — место когда-то существовавшего дома (с печью), противопоставляется дворищу 270.
Огород (овощной) 88, 110, 115, 149, 151, 212—217, 305, 307, 309, 316, 352.
Огород, огорода — изгородь 96, 133, 134, 159, 271, 272, 305, 385.
Огородничество 212—217, 369, 433; огородник 213, 215, 216, 354.
Огурцы 214.
Одежда 265, 290, 297, 298; одежда домотканая 298, одежда теплая, одежда зимняя 265, 299.
Одерноватый — холоп 327.
Однорядка — верхняя одежда 265.
Однохлебные места — недолговечные подсеки: «сеют один хлеб

(по один год), а другой хлеб не родится не сеют» 244.
Озеро—рыбное угодье 286, 289—293, 305, 306, 309, 310.
Озимица, озимь — озимый хлеб, посев озимого хлеба 78, 79, 142, 220, 243, 326.
Оклад, окладная единица, оклад обежный 177, 179, 321, 327, 345.
Омеши (сохи) 43, 61, 78.
Опоек — тонкая кожа, выделанная из шкур молодых телят 300.
Ополье 89, 90, 150.
Орамица — орамая земля (см.) 96.
Оратай, орач — пахарь 57, 258.
Орати — пахать землю 89, 133—135, 149, 252, 255.
Орехи 213, 307.
Осек 139, 272, 273, 356, 385.
Осетрее — сбор, платеж новгородскому князю 293.
Отвал (у пахотного орудия) 46.
Отказ — право и порядок перехода крестьянина от одного владельца к другому 409, 410, 425—426, 430.
Откос — трудовая повинность 357; ср. искос.
Отрез — часть пахотного орудия 44, 45, 51; см. также чересло, резак.
Отрез — пахотное орудие специального назначения 76.
Отчина — владение, унаследованное от отца, противопоставляется «дедине»: 111, 160, 314, 378.
Охота 95, 109, 124, 192, 195, 199, 200, 263, 297, 306, 307, 311, 312, 317, 327, 434; охота — «утеха» 285.
Охогничьи и охотничье — рыболовецкие хозяйства 286, 287.

Пал — подсечное угодье 89, 136, 137, 147.
Пар, паренина 39, 85, 86, 130—156, 158—161, 164, 167, 210, 232, 238, 239; пары многолетние 144—147.
Паробок — слуга, холоп 358.
Паровая система земледелия — паровое пашенное земледелие 79, 83, 84, 86—89, 91, 117, 127, 129, 130, 133, 134, 141, 142, 147, 148, 150—155, 174, 175, 226, 231, 232, 239, 242, 284, 431, 432; см. двухполье, трехполье.
Пасека 295.
Пастух 256, 271.
Пастьба, пастбище 250—252, 271—273, 277, 310; пастбище общее 252.
Паузок, павозок 430.
Пахарь 75.
Пашня, пашня полевая 143, 164, 239, 243, 244, 270 и др., пашня крестьян 177—183; о размере запашки, посева крестьян см. посев; пашня землевладельцев см. барская пашня, пашня ключника, пашня людей владельческих 329, 330, 346; см. обжи льготные.
Пашня десятинная, пахати десятину 335, 347, 349—355, 380.
Пашня лесная, пашня на гарях, пашня на сечах 140, 141, 146, 147 и др.; см. подсека.
Пашня на государя — на землевладельца 335, 349—355, 380; см. барщина; пахати на серебро — см. серебро, серебреник.
Пашня наездом 115, 143.
Пекарня 309.
Перевара — угощение и дары землевладельцу-феодалу при приезде в волость к крестьянам 343, 423.
Перевера — специальный сбор и платеж с крестьян боярину в тот год, когда он не приезжал 343, 344.
Перевесье — снасть охотничьи и охотничье угодье 96, 288, 310; перевесье чирячье (т. е. на уток — чирков) 310.
Перегорода 272, 305; ср. огород, изгородь.
Перекопань 289, 290, ср. копань.
Перелог, перелог лесной — особая (в теории переходная к паровой) система земледелия 130, 131.
Перелог, переложная система земледелия 131, 132, 180, 181; переложное хозяйство залежного или подсечного типа 182, 185, 187.
Переложная луговая система земледелия 85, 86.
Переход — право свободного перехода крестьян от одного владельца к другому 10, 400—402, 404, 406, 407, 409, 410, 421, 422, 425—427, 430, 434; см. феодально-крепостнические отношения.
Печище 113, 227.
Печь 227.
Пешец — безлошадный крестьянин 256, 307.
Пиво (в натуральном оброке) 214, 219, 279, 280, 423; «пиво варити» в приезд землевладельца

338, 423; «пиво» во время мирских пиршеств 409.
Пиры (общественные, мирские) 365, 409; ср. «братчина».
Писцовые книги и акты 32, 35, 36, 94—100, 118—128, 152—154, 164, 166, 168—170, 174, 175, 233—237, 244—248, 276, 277, 286—288, 292, 293, 307—310, 317—322, 331—334, 337, 338, 350, 351, 355, 367, 368, 414, 423, 424, 427.
Писцы 34, 35, 176, 237, 245, 286.
Письмо новое, старое 121, 123, 175—177, 287, 317—322, 325, 329, 345, 346, 367, 368, 375, 393, 394, 427.
Плетение (тканей) 299.
Плот (при сплаве) 356.
Плотина (на реке, у пруда) 230, 270, 302, 310, 357.
Плотник, плотничество 302.
Плоть — плотина у сохи и у других пахотных орудий 55, 56, 60, 64.
Плуг 37, 38, 42—52, 55, 57, 58, 72—76, 90, 135, 140, 303.
Плуг — окладная и учетная единица 43, 44, 73, 171.
Побор, поборы 307, 308, 428.
Поборщик — слуга и должностное лицо в монастыре 338.
Повалуша 310.
Повар 312, 338.
Поварня естовая, поварня пивная 310.
Повинности (крестьян) государственные 34, 195, 296, 373—380, 405, 429; повинности феодальные 34, 177, 195, 337, 338, 377—380, 405, 429; повинности трудовые 252, 283, 292, 335.
Повоз 356.
Повозник (в монастыре) 338.
Погост — административно-территориальная единица 17, 106, 119—126, 319—321.
Погост — селение 106, 107, 235, 271.
Погреб 61, 309, 310.
Подвода 376—380.
Подвои (у сохи) 60, 71, 74, 75, 132, 303.
Подданный 401, 408, 410, 419, 425.
Подель — разработанное угодье 268.
Подклеть 270, 305, 377.
Подкова 254.
Подмога 348, 360—362, 364, 369; подмога хлебная 360, 363, 369; см. также деньги подможные, хлеб подможный.
Подошва (у плуга) 49, 74.
Подполок — обрабатываемая невдалеке от поля земля 268.
Подсека — подсечный участок 9, 11, 12, 55, 56, 65—67, 76, 78, 81, 82, 88, 97, 100, 101, 117, 129—132, 136—148, 152, 153, 155, 172, 193, 196, 199, 209, 223, 231, 243—245, 273, 302, 304.
Подсечное земледелие 7, 10—15, 21, 26, 66, 67, 71, 77—79, 86, 89, 91, 94, 101, 114, 115, 125, 129, 135, 136, 139—141, 143, 144, 147, 150—152, 154, 167, 172, 181, 182, 185, 187, 188, 193—195, 209, 218, 231, 232, 238, 239, 243, 244, 431, 432; см. также лядинное огневое земледелие и посекир.
Подъезд 342, 343; см. также год подъезжей.
Пожег (на подсеке) 137.
Пожилое 356, 430; дворы пожилые 425, 426.
Пожня — сенное угодье 112, 114, 136, 157, 168, 174, 252, 267—269, 276, 277, 283, 284, 286, 305, 310, 340, 357, 362—385, 391; пожня болотная 269; пожни отхожие 362.
Позём, поземщик — оброк, получаемый владельцами дворов с живущих в них поземщиков; поземщик — человек, живущий в чужом дворе с уплатой позёма 302, 303.
Поклон — платеж, дар феодалу-землевладельцу и должностному лицу 281, 342, 343, 346, 423; гривна поклонная, деньги поклонные, постоянье, поклонное 343; «поклонное» равнозначно «дару» (НПК I 441).
Покос 35, 81, 122, 128, 143, 170, 176, 177, 192, 242, 256, 257, 267—269, 276, 280, 308; о размере сенного покоса 273—284, 317, 322, 328, 332, 350.
Полба — зерновой хлеб 171, 221.
Поле — степь 94.
Поле — открытое место 94, 95.
Поле (пахотное) 39, 58, 69, 81, 88, 95—100, 109, 115, 127—130, 132—135, 138, 141, 142, 145—147 и др.; поле озимое 84, 159—161, 168, 177, 188 и др.; поле паровое 84, 133, 134, 158, 160, 161, 168, 177, 188 и др.; поле яровое 84, 156, 158—161, 168, 177, 221, 223; поле третье (как признак трехполья) 159—166; польце 96—98.

Полевое пашенное земледелие 77—79, 89—91, 94, 95, 100, 101, 117, 123, 125—128, 147, 157, 175 и др.
Ползун (у плуга) 44, 45, 48.
Полица (у сохи) 46, 53, 71, 72, 75. 76, 94, 132, 133, 152.
Половник (овса, ячменя) — бытовая мера 171.
Половник — крестьянин, сидящий на половье 228, 336, 358, 409, 415; половничати 336.
Половье (из хлеба) — разновидность издольщины 182, 318—320, 324, 325; половье (из меда) 286.
Полоз (у рала и плуга) 50, 75.
Полоса, полоска (в поле) 96, 97, 100, 199, 243.
Полотно 327; полотно суровое и беленое 298.
Полочка (у плуга) 45, 46.
Поляна, полянка 81, 88, 96, 99, 111, 138, 143, 146, 147, 195—197, 223, 243.
Поместье 278, 317, 328, 339—341. 367, 388, 400, 401, 404, 405, 417, 428, 429.
Помещик 121, 261, 278, 322, 339, 347, 363, 368, 375, 412, 419, 428, 430.
Понады — часть пахотного орудия 76.
Пополнок, пополонок — приплата сверх основной цены 200, 255, 264.
Попона 298.
Поросенок, поросята 261, 265.
Портище — ткань, одежда 205.
Поршни — обувь 300.
Поряд (в старожильцы) 411, 412.
Поряд (в крестьяне) 411, 412, 420.
Посев зерновых хлебов 35, 81, 117, 122, 128, 143, 171, 175—180, 182—196 и др., о размере посева табл. 2, 3, 4, 189—192, 200, 326; о густоте посева 350, 351.
Посекир, посекирная лесная пашня 136, 140, 141, 193, 244.
Поселение 24, 91, 100, 105.
Поселье — «доход» посельскому 357.
Посельник — слуга, должностное лицо в монастыре 338.
Посельский — должностное лицо сельской феодальной администрации 357.
Поселянин 57.
Посиденье, сиденье, седенье — наименование (непрочных) поселений предшественников или близких по типу старым селам Новгородской земли 179, 245, 246; ср. село земли.
Посконь — волокно и пряжа из (мужской) конопли 222.
Поскотина 82, 271, 272, 304, 305; поскотина общая, мирская 271, 305.
Послужильцы 311.
Посоп, посопной хлеб 182—186, 287, 317—320, 323—325, 334, 347.
Посоха, посошная служба, посошное 253, 376, 379, 428.
Постоянье — приезд и сбор подношений феодалом в своем владении 338, 342, 346.
Постромки 285, 305.
Потрава 285, 343.
Потуги — тягло и повинности 114, 389.
Починок 11, 102, 113, 116, 117, 121, 127, 128, 138, 152, 153, 194, 245, 310, 386, 391, 397, 425.
Пошевни — повозка на полозьях 303.
Пошлина — старые установившиеся поборы 337, 378, 379, 416.
Пошлина — обычай 432.
Пошлинник — слуга и должностное лицо в монастыре 338.
Поярок — шерсть (руно) с молодой овцы первой стрижки 191, 192, 278, 299; ср. яря.
Приказчик 262, 340.
Приор — вновь освоенный участок пашни 147, 234.
Приполок 196; см. подполок.
Присох, присошек (у сохи) 133.
Притерб 268.
Причт церковный 322, 329.
Проводник — повинность крестьян 376.
Прогон коровий, животинный 271, 272.
Промыслы сельские 24, 36, 37, 124, 127, 192, 195, 282, 298, 303—305.
Просо 82, 156, 221.
Пруд 229, 270, 290, 310; прудити пруды — повинность крестьян 293.
Прядение 297—299.
Прядильные растения 94, 155, 297; см. лён, конопля.
Пряжа 265, 299, 327; пряжа льняная и конопляная 298 и 299.
Псарня 309, 311; псарь 312.
Птица домашняя 249, 266, 267, 277, 309.
Птицы ловчие 288, 289, 311, 327.

Пустошь — земельное угодье, место ранее бывшей деревни 11, 12, 88, 98—102, 106, 110—117, 123, 127, 128, 135, 141, 143, 152, 153, 157, 161, 162, 165, 231, 233, 234, 246, 247, 270, 350, 355, 372, 386, 388—392, 396, 401, 407, 408, 416, 427.
Путик — охотничье угодье 96, 288, 289, 383, 384.
Пушнина 285, 287—290.
Пчеловодство (улейное) 295, 433.
Пчелы 170—172, 294—297; пчелы улейные, улей 295.
Пшеница 83, 84, 156, 160, 167, 169, 177, 182, 184, 198, 199, 208, 211, 218, 221, 223, 224, 324, 326, 337, 338, 347; пшеница озимая и яровая 219.
Пшено 218, 221, 222.
Пятина из хлеба — издольщина, выплата пятой доли урожая 120, 121, 182, 185, 287, 318—325, табл. 6, 344, 352.
Пятиобежник 428, 429.
Пятый сноп — «пахати (лес) заволостным крестьянином из пятого снопа» 194, 352.

Развилье (у сохи) 65.
Разделка леса, разработка леса, рассекати лес 117, 143, 244, 245, 288, 289.
Рало 37, 38, 42, 43, 45, 48—52, 57, 58, 63, 65, 66, 71, 76.
Ральник 44, 48—50, 52, 55, 57, 62—65, 71.
Рассоха 60, 64, 65, 70, 71, 74, 75.
Редька 214.
Резец — часть сохи 76.
Рема — гарь 56.
Ремесленники 32, 127, 170, 301, 302, 306, 322.
Ремесло 36, 301, 306, 312, 369 и 433 (вотчинное).
Рента феодальная земельная 306, 307, 309, 316—323, 325—328, 342, 346, 350, 365, 368, 379, 380, 433; эволюция форм ренты 342—346; рента натуральная 277—282, 319, 323—327; см. также — издольщина; рента денежная 319, 320, 428, 429, 434; рента отработочная 309, 330, 331, 346, 349—354, 356, 358, 379, 400, 401, 430, 433; см. барщина.
Репа 88, 89, 196, 211, 223, 224, 304, 307.
Репище 88, 96, 97, 223.
Решетник — ремесленник, изготовляющий решета 303.
Ржище 99.
Рог — единица счета крупного скота 260.
Рога (бараньи) 264.
Рогаль — рукоятка у сохи 60, 74.
Рожь 79, 83—86, 88, 97, 120, 121, 154—158, 218—220 и др.; рожь «рослая» 225; рожь семенная 200; рожь яровая 220; см. также ярица.
Роздель — вновь разработанный лесной участок 136, 139.
Розмет 379, см. тягло.
Розруб (волостной) — тягло 381.
Рой пчел 294, 295.
Роскось — сенное угодье 268.
Роспашь, «роспашь топорная земля» 97, 136.
Россечь — пахотное угодье 136, 268.
Рост — ссуда с выплатой процентов 359, 360, 363; ростовое серебро — деньги, выданные в долг, в качестве ссуды, с регулярной выплатой процента с них 364.
Росчисть 136, 268.
Руно шерсти 279, 282, 299.
Рыба сторожевая — платеж 293.
Рыбное — оброк 293.
Рыболов 32, 118, 285, 312 (холопы), 185 (рыбак-профессионал).
Рыболовецкая снасть: бредень, бредник, верша, вершище, гарва, дорожка, керевод, крючки, курица, мережа, морда, невод, невод поплавной, острога, перемет, продольник, сети малые и большие, с мелкими и крупными ячейками 290, 291, 293.
Рыболовецкие угодья 96, 109, 112, 267, 290—292, 297, 309—311, 338, 341, 357, 380, 383, 384; см. также лов, ловля рыбная.
Рыболовство 95, 109, 192, 195, 199, 200, 285, 289, 290, 297, 304, 306, 307, 317, 336, 434; рыболовство крестьянское 289, 291—293; продукция рыболовства: икра 289, рыбы: ерш, карась, курва, лещь, линь, лосось, лоха (выхлоха), мойва, налим, нельма, окунь, осетр, острец, плотица, репукса, сельдь, семга, сиг, сиг невский, стерлядь, судак, сущ, щука 290, 292, 311, 313, 318, 327, 336, 337; рыба белая, красная, крупная, мелкая, рыба пресная 289, 291, 292, 429, 433.

Рыжики — грибы 307.
Рядина — ткань 298.
Рядовой юрьевский 409, 415.
Рядок — селение 389, 302, 322.

Сад 149, 212, 215—218, 307, 309, 310, 352, 362.
Садбище кречатье — охотничье угодье 286.
Садовник 215, 216, 312, 354.
Садоводство 212, 216, 217, 369, 433.
Сани 61, 251, 261, 303.
Сапожное ремесло 300.
Сафьян 300.
Сачити — ловить рыбу саком 291.
Сборы (всякие): алтыновщина, весчее, восмничее (осмничее), гостиное, закосное, костки, медовое, мыт, писчее, поголовное, портное, сторожевое, тамга, явка 378, 379.
Свекла 214.
Свинарник 270.
Свинья 170, 171, 249, 261, 263—265, 270.
Своеземец — мелкий землевладелец феодал в Новгородской земле 120—122, 327.
Седельник — ремесленник, изготовляющий седла 312.
Седло 251.
Секира 139, 140; см. посекир.
Селезень 249.
Селище 11, 99, 110, 111, 114, 152, 159, 160, 163, 229, 233, 372, 386, 392; селища малые 423.
Село 106—110, 119, 126, 233—234, 245, 246, 255, 261, 266, 267, 272, 308—317, 333, 335, 346, 378, 379, 394, 405, 407—410, 416—418, 423—425, 429, 432; село земли 108, 109; села окольные, сельца малые 120; см. также посиденье.
Сельское дело 349.
Сельчане, селяне 415.
Семена огородные — огуречные, рассадные, родковные (редька), свекольные 213, 215, 315.
Семена ржаные, семена ярные (яровые), семена ячменя 168, 200, 211, 243.
«Семена великого князя за крестьяны» 360—363; ср. подмога, жито заемное.
Семя конопляное 214, 222, 279, 430.
Сени 310.
Сенник 220, 377.
Сенница 220.
Сено 88, 121, 149, 157, 165, 170, 171, 174, 179, 191, 233, 242, 252, 254, 256, 259, 268, 282—284, 343, 356; сено болотное 276, 277; сено крупное 276, 277; сено мелкое 276, 277; сено осока 277; сенокосные угодья 97, 100, 109, 116, 127, 148, 151, 155, 170, 251, 259, 267—273, 275—277, 284, 292, 304, 309, 383, 386, 390, 392, 424; о размере сенных покосов см. покос.
Сеньер (вотчинник) 408, 410, 413, 414, 418, 419, 422, 424; см. «боярщина, сеньерия».
Серебреник 364, 409, 415; серебренник издельный, серебреник-крестьянин 359.
Серебро 335, 347, 358, 359, 369; серебро дельное, издельное 348, 354, 358, 364; серебро на крестьянах («что на людях в деревне»), серебро на крестьянах ростовое 347, 348, 354, 358, 359, 363, 364.
Сермяга — верхняя одежда из грубой шерстяной ткани 61, 265, 266, 298.
Серп 37, 44, 225, 227.
Сеча — подсечное угодье 136, 147, 268; «пашня на сечи» 136.
Сечи лес (для подсеки и деревни) 136, 140; сечи посекирно 140; сечи (новины) 134.
Силок — охотничья снасть 289.
Сироты 147, 378, 414, 415.
Системы земледелия 78—87, 129—175, 180—187, 240—244; см. паровая система земледелия — трехполье, двухполье, лесопольная система и лесного перелога, а также подсечная огневая система.
Ситник — (изготовляющий сита) 303.
Сито 303.
Склад плужный — земляной валик, выпаханный плугом для обозначения земельной границы 72.
Скора — пушной зверь 226.
Скорняжное дело 299—301; скорняк 301.
Скот, скотоводство (животноводство) 249—284; см. кони лошадь, крупный рогатый скот 249, 260—264, 270, 271, 278—282, 300; а также молочная и мясная продукция; мелкий скот 249, 264, 267, 271, 272, 279, 300—302, см. овцеводство. О специализировав-

шихся скотоводческих хозяйствах 381—383, а также см. «покос».
«Служба» — повинности 378, 409.
Смерд — земледельцы — общинники, феодально зависимое население древней Руси (XI—XIII вв.) 107, 415, 417, 418, 420, 421.
Смола, смолокурение 302, 303.
Смородина 217.
Смык—примитивная борона 67, 76.
Снопы 227, 228, 351, 352; см. пятый сноп, шестой сноп.
Соболь — пушной зверь; как и куницей (в прошлом), соболями в конце XV в. был определен платеж государевой дани 286.
Сокол — ловчая птица 288; ср. садьбища кречатьи.
Сокольник 312.
Солод 222, 229, 230, 280, 343, 344, 430; солод овсяный 219; солод ржаной 219; солод ячный 219, 344.
Солома 153, 155, 218, 220, 271, 277, 350, 356; солома яровая 254, солома овсяная и ячная 271, 277.
Соль 208, 222, 253, 311, 337; солеварение 290, 311.
Сорняки 76, 80, 81, 83—86, 144.
Сотский — представитель сельской администрации, выборный в волости 268, 374, 379, 381.
Соха — окладная единица 93, 175, 187, 252, 255, 286, 303, 337, 338, 345, 377.
Соха — пахотное орудие 37, 43, 48, 51—60, 63—67, 69—77, 92, 97, 116, 129, 130, 132, 133, 135, 140, 152, 210, 384, 431.
Сошник 37, 45, 52, 53, 58, 60—66, 68—72, 74—77, 92, 94, 129, 132, 210.
Ссуда семенная 360; см. подмога.
Ставец — посуда 279—281.
Ставити коней на корм — право феодалов 268; см. корм коневый.
Стан — административно-территориальная единица 161, 163, 166, 252, 314, 373, 382, 391, 397.
Стан ткацкий 299, см. кросна.
Становщик — должностное лицо, ведавшее станом 138.
Старец, старцы — монахи, возглавляющие хозяйственные ведомства монастыря 169, 269, 279, 335, 336, 357.
Старик (в Пскове) 399: ср. старожил-знахорь.
Старожильцы — (теория о старожильцах, которые, якобы, первыми именно вследствие старожильства утратили право перехода) 400—413, 416, 419—422, 424—427; пришлые 401—403, 405—408, 413, 416, 424, 428; старый жилец 411, 412; «старожильцы, которые переж сего туто живали» 405; «тутошние люди старожильцы, которые ныниче у них живут» 405, 407, 408; старожильство 404, 410, 420, 426, 427, а также: люди похожие, непохожие, прихожие 402.
Старожильцы-знахори 12, 13, 19, 31, 113, 152, 159, 168, 388—393, 395—400, 404, 412, 413.
Староста 327, 383; старосты черных волостей 373—375, 381—383, 386, 388—390, 393, 395—397; старосты дворцовых волостей 378, 385, 386; старосты частновладельческих волостей 382, 383 385, 386, 395, 397; старостити — 389.
Стог сена, хлеба 227, 272.
Стойловое содержание скота 148, 151, 267, 271, 277.
Столец 374, 381, 382, 385, 389.
Стольник — слуга и должностное лицо в монастыре 338.
Стрела (у лемеха) 76.
Стрелок 312.
Стужень (у сохи) 75.
Ступа 229.
«Судерев» — порядок пользования бортными деревьями в общем лесу 296.
Судно (речное) 337.
«Суки» — подсечное угодье 79, 147, 268.
Сукно 265.
Суковатка — примитивное орудие обработки земли 54, 55, 64, 66—68, 76, 431.
Суслон (снопов) 219, 227.
Сушило — хозяйственное помещение 309.
Сыпца — натуральный оброк 225, 342; ср. «зобь».
Сыросека — подсечное угодье 146.

Телега 303.
Теленок, телята 169, 171, 255, 260, 261, 270, 272.
Телятник 272.
Тетерев 267, 289.
Тиун — должностное лицо судебно-

административной власти 341, 357, 365, 386.
Ткань 265, 298, 299.
Ткачество 37, 297—299.
Товар 253, 254, 429.
Толокно 219, 220, 229—231.
Толчея 230; ср. мельница.
Тонкопрядица — холопка, специалистка по прядению 299.
Тонник — владелец рыбных промыслов 296.
Тоня — рыбное угодье 96, 290.
Топор — 37, 53, 61, 138, 302, 384.
Транспорт гужевой, торговый, ямской 253, 254, 257.
Трепало — орудие для очистки льняного и конопляного волокна от кострики 298.
Третник — крестьянин 336; ср. половник.
Треть из меду — издольщина 296.
Треть из хлеба — оброк, издольщина 182, 184, 185, 318, 319, 323—326 и др.
Третья рыба — издольщина 292 и 293.
Третьяк— трехгодовалое домашнее животное 260.
Трехполье — паровая трехпольная система земледелия 12, 14, 15, 17, 21, 26, 78—87, 89, 91, 128, 130, 141, 154—168, 170, 172—175, 180, 182—188, 196—197, 211, 212, 226, 231—234, 237—247, 272, 284, 323, 335, 355, 431—433.
Труба (для осушения луга) 268.
Туес 303; ср. бурак.
Тын 377.
Тяглец — тяглый человек 403, 420.
Тягло — повинности и оброки 74, 175, 256, 271, 307, 308, 365, 373, 374, 379, 381, 382, 385, 386, 388, 389, 402, 411, 425, 429, 430; раскладка (размер, разруб, помет) тягла (волостного, вытного, пометов, кормов, поборов, даней и проторов) 373, 374, 379, 381, 382, 385, 386, 388, 389.

Убрус — платок, полотенце 298.
Угодье 13, 155, 316, 332—334, 366, 369, 383, 384; см. пастбищные, пахотные, поженные, сенокосные угодья; угодья общинные деревенские, бортные, лес, пашня наездом, поскотина, угодья рыбные, сенные 384, 385, 395, 399, 400; угодья волостные 395, 399, 400, 407.
Удобрение 13, 39, 72, 129, 134, 143—155, 181, 227, 232, 234, 238, 239, 351—353, 431; см. гной, навоз, назём, натрава.
Ужинка — хозяйственное угодье 157.
Улей 294, 295.
Упряжь, упряжка конская (одноконная, тележная и дышловая парная) 51, 58, 71, 75, 300.
Урожай 205—208, 221, 223—225.
Усадьба, усадебное место 113, 213, 214, 305, 308—310, 312, 313, 316, 320, 362, 364, 365; усадбище 309.
Усчина — ткань 298.
Утеха — охота 285.
Утиральник — полотенце 298.
Утки 249, 266, 267; утятник 212.
Ухожай бортный 294, 295, 392.
Учанник — вероятно, изготовляющий «учаны» — речные суда 303.
Участок — земельное угодье 96, 148.

Феодализация земли — процесс образования феодальной земельной собственности 10, 23, 309, 314—316, 322, 370—372, 388, 390, 391, 393, 394, 417—421, 428—430.
Феодально-крепостнические отношения (процесс их развития) 402—404, 409—411, 414, 415, 418—422, 427, 428.
Фураж зерновой — конский корм 220, 255, 259, 310.

Хамовник — специалист ткацкого дела 299.
Хворост 214.
Хлеб зерновой 87, 88, 91, 115, 155, 158, 170, 172, 182, 204 и др.; хлеб в житницах 169, 347, 348, 352; хлеб на корню, в земле, стоячий на полях («в стоги») 138, 157, 168, 169, 347, 349, 352—354, 360.
Хлеб заемный в людех 348, см. жито заемное; хлеб подможный 360—364, 369 — см. подмога; хлеб третной — см. треть из хлеба; хлеб четвертной — см. четверть из хлеба.
Хлеб — коврига 344.
Хлебник — слуга в домашнем хозяйстве феодала 312.
Хлебня — пекарня 309.
Хлев 151, 153, 270, 305, 310, 313.
Хмель 193, 214, 215, 279, 280, 343, 344; хмелище — угодье с растущим хмелем 121.
Хмельник 115, 214, 218, 279, 309, 310.

Хозяйства землевладельца-феодала и крестьянина в их связи 309, 313—314, 319, 325—326, 330—332, 336—338, 347—353, 358—364, 366—368, 382—385, 403, 408, 411, 412, 417, 418, 424; см. также «двор», «большой двор».
Холоп 107, 265, 299, 302, 308, 310, 313, 329, 352—354, 357, 418, 423; семьи холопов 262, 312; холоп-страдник 354.
Холст 298.
Хомут 48, 57, 60.
Хоромы 202, 270, 334.

Целина 76, 81, 82, 124, 130, 231.
Цеп 228.

Чабра — трава 213.
Чан, тшан — чан кожевника, упомянут как единица обложения (хозяйство кожевника-ремесленника) 298.
Частина — ткань 298.
Чаша 281.
Чашник — слуга и должностное лицо в монастыре 338.
«Черви бели окрыляти» — вредители (вероятно, саранча) 225, 226.
Черезседельник 74, 75.
Чересло (резак, отрез) 44—46, 49, 51.
Черная куна — старый налог мехами (дань) в Новгороде князю или его наместнику с особо выделенных погостов и волостей 287; ср. соболь, дар соболями.
Чернозем 90, 129, 149.
Чернокунские волости, деревни, обжи 345.
Черный бор 375.
Чернь 266.
Чертеж 147; чертежище 97, 147; чертить 11; чертить лес — срезать кору с деревьев для подсушивания леса при подготовке разработки подсеки; чертеж и чертежище — подсечные участки, подвергнутые такой обработке.
Чертеж, чертец — пахотные орудия (их наваривали и вострили), а может быть металлические основные их рабочие части 76.
Чеснок 213, 214.
Четверть из хлеба — натуральный оброк, издольщина 182, 184, 185, 279, 318, 319, 323—326 и др.
Чистити дороги, чинити мосты — дорожная и мостовая повинности крестьян 377.
Чистити лес, подсеку — готовить подсеку 136; чистити болото, озеро (под сенокос) 136, 268.
Чисть, чища, чищеба — подсечное угодье 136, 137, 168.

Швец 256.
Швея 299.
Шерсть, шерсть овечья (в натуральном оброке) 265, 266, 278, 279, 282, 297—299, 301, 327.
Шестой сноп — издольщина 335, 349, 352.
Шкура 275, 300, 301.
Шорное дело 300.
Шуба 61, 301; шуба баранья 265, 301.

Яблоки 213, 216.
Яблоня 216, 217; яблони лешие 216, 217.
Яйца 267, 277, 279, 280, 327, 336, 337.
Яловица 260, 261.
Ям — учреждение 354; ям — станция 174, 233, 254, 377; ямской двор 377; ям — сбор 254, 374, 376—379; ям татарский 254.
Яма дегтярная — место, где производилась гонка дегтя 302; яма овинная — остаток овина 227.
Яма — кладовая для хранения овощей и других продуктов 94; яма для ловли зверя 288.
Ямская гоньба 254, 257.
Ямщик 174, 254.
Ярица — яровая рожь 142, 156, 168, 186, 220, 362.
Ярмо (при воловьей упряжке) 48, 51.
Яровое — яровые хлеба 79, 177, 182, 184, 211, 244, 325, 326.
Ярь — яровые хлеба 41, 78, 79, 136, 141, 157, 158, 168, 169, 174, 177, 185, 186, 197, 198, 211, 220, 237, 244, 347, 354, 355.
Яря — молодая овца 247.
Ясак — дань татарам 245.
Ячмень 61, 83, 88, 131, 142, 156, 160, 171, 177, 182, 184, 185, 198, 208, 211, 218—220, 223, 224, 238, 280, 323, 324, 326, 361, 362.

О ДЕНЕЖНОМ ИСЧИСЛЕНИИ И УПОМИНАЮЩИХСЯ ЕДИНИЦАХ ВЕСА, МЕРЫ И СЧЕТА И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К НЕКОТОРЫМ ТЕРМИНАМ

Денежный счет. Рубль московский = 2 полтинам = 10 гривнам = = 33 алтынам + 2 деньги = 200 деньгам; алтын = 6 деньгам. Рубль московский = 100 новгородским деньгам, а деньга новгородская равна 2 московским.

Рубль новгородский (с 20-х гг. XV в.) = 2 полтинам = 15 гривнам + 6 денег = 216 деньгам; гривна = 14 деньгам.

Меры веса. Кадь или оков = 4 четвертям = 8 осминам = 14 московским пудам. 1 четверть = 2 осминам = $3^1/_2$ пудам.

Половник = $^1/_2$ кади = 7 пудам.

Коробья (в НПК, иногда в кратком написании «корья») = 4 четвертка м (или четкам) = 16 четверникам; четка = 4 четверникам. Коробья равнялась двум московским четвертям, а вес ржи в коробье уже будет равняться 7 московским старым пудам.

В Пскове рядом с коробьей стояла зобница. Она вдвое больше коробьи, ее вес 14 пудов (московских). Зобница = 2 ползобеньям (или позобеньям) = 4 четверткам = 14 (московским) пудам. А 1 ползобенье = 2 четверткам = 7 (московским) пудам. Такой зобница стала приблизительно с середины XV в., а до этого она была на $^1/_3$ легче и равнялась $9^1/_3$ пуда.

Берковеск (берковец) = 10 пудам.

Меры жидкостей. 1 бочка = 4 насадкам = 10 ведрам; насадка = = $2^1/_2$ ведра.

Для сена применялись бытовые меры: воз, копна или куча и остромок. Их основная и относительная величина очень колеблется. Определяют приблизительный средний вес копны в 5 пудов, в то же время в литературе очень по-разному определяют копну, одни считают средний укос сена на десятине 10 копен, а другие — 20 копен. Нами приведены сведения о дозоре сенных покосов в районе Новгорода в 1563 году. Авторитетные писцы дозорщики считали, что укос сена на десятине равнен для крупного сена 30 копен, а для мелкого — 15 копен. Не определен и неясен по величине остромок сена, А. М. Гневушев считает в среднем его равным половине воза.

В НПК указываются особые меры для волокна льна и конопли. Горсть льну волокна (в среднем столько, сколько по ходу работы захватывалось в горсть) = $^1/_5$ пятна льну, причем вес ее мог быть около $^1/_2$ московского фунта (200 грамм).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К НЕКОТОРЫМ ТЕРМИНАМ

Жито (ячмень) горное и жито луговое. Выбор лучшего зернового материала — важнейший вопрос для земледельца. Любопытный с этой стороны материал включают две крестьянские порядные 1617 года.[1] Крестьяне Кирил Иван. Данилов и Леонтий Андр. Бобров поряжаются у Антониева Сийского монастыря на деревню Горку Матигорской волости (район г. Холмогоры), каждый на свой участок. В своих обязательствах они пишут: «А давати мне, Кирилу (а в другой порядной — мне Леонтию), с той деревни з году на год в монастырь по 15 мер ржи да жыта горнего по 10 мер, да лугового жыта по 11 мер; да мне ж ставити на монастырь сена попрежнему по 30 куч в первую косу зеленого». Строгое различение жита (ячменя) горного и лугового, конечно, имеет основания в особых качествах этого материала. Следует учесть, что в указанных районах Подвинья четко различают «горные земли» или «земли на горе» и «островные» или «луговые» земли. Первые — это пашни по коренным высоким берегам Северной Двины, а «луговые» или островные, на пойменных землях, заливаемых весенним половодьем.[2] В условиях использования указанных различий в почве, вероятно получилось и различие в зерновом материале. В третьей более поздней крестьянской порядной сказано и об обработке почвы при таких посевах: «А назем возить и пары орать и парить на горе в четвертые под рожь орать, а лугу трижды орать. А семяна на землю класти казенные (т. е. монастырские, — *Г. К.*) на гору и взмати за горные горним хлебом» (т. е. брать и рассчитываться за горное жито горным же зерном, — *Г. К.*) [3]

Истобник — Источник[4] рассказывает о Демитке истобнике Марфинском (Марфы Исаковой Борецкой, — *Г. К.*), руководившем ткацкой мастерской этой боярыни. Для нас интересны сведения не столько об этом истобнике, сколько о ткацкой мастерской. Мастерская помещалась в нескольких «ставных дворах», т. е. в дворах или избах с ткацкими «ставами» (станами или кроснами). Три двора были в погосте Кострицком и три двора в деревнях Заполек и Холохол. С крестьян погоста и этих деревень, кроме хлеба, шло 700 локоть белья. «А лен (волокно, — *Г. К.*) берет Демитко истобник с волости, да им дает (всем крестьянам волости, — *Г. К.*) по пятку на обжу и они прядут; да к тому им (работающим на станах, — *Г. К.*) придает пряжу в то ж белье».[5] В год состав-

[1] Исторический архив, VIII, М., 1963, № 7—8, стр. 112—113.

[2] Ф. И. Резников. Земледелие в бассейне Северной Двины в XVII—XVIII вв. Сб. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», вып. IV, М., 1960, стр. 75—76.

[3] Исторический архив, VIII, № 58, стр. 159.

[4] НПК VI, стр. 23—24.

[5] Там же.

ления писцовой книги (в 1501 году, когда Марфа Борецкая подверглась каре и из Новгорода была выслана) Демитко истобник уже работал на великого князя, а лен с волости и белье (из мастерской) собирал на великую княгиню. Он заведовал мастерской и всем изготовлением белья для княгини, сырьем для которого служил лен, выращивающийся крестьянами волости. «Истобник», вероятно, от «истобка», истъба, истба 298.

Руно — выросший за полный (годовой) сезон урожай (зерна и соломы) на полях, травы на лугах и пожнях, шерсти на овцах и козах: «И семяны мне (поряжающемуся крестьянину Захарию, — *Г. К.*) на тое деревенку ржаные и ячные класти свои и руно с тое деревенки в те три лета снимати рожь и ячмень, и сено мне Захарьи все на себя. А давати мне Захарьи с тоя деревни... за руно празги на всякой год по два рубля денег».[1] В «доходе» землевладельцу с волости (в НПК) указано по 10 рун шерсти, значит — шерсть снятая за сезон с 10 овец.

Утеха — житейское наименование княжеской охоте. В духовной грамоте серпуховского и боровского князя Владимира Андреевича (1401—1402 гг.) приведено следующее указание наследникам: «А дети мои, брат в братень удел и в матери своеи удел не вьеждают на свою утеху, опроче того, ажо ся путь получит поперек удела ехати».[2] Понятно, что проезд охотящегося князя на многих десятках, а то и сотнях лошадей, со множеством слуг — егерей, псарей, сокольников и т. д. — наносил большой урон не только лугам, но и крестьянским и владельческим полям, поэтому и запрещался этот проезд, но запрещение не было категоричным: если будет путь, «поперек» без остановок и охоты, то он допустим.

---

[1] Архив ЛОИИ, ф. 5, коробка VI, № 34, порядная 1601 года.
[2] ДДГ, № 17, стр. 48.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. История сельского хозяйства Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XIII—начала XVI в.	7
История сельского хозяйства древней Руси в дореволюционной и советской историографии	7
Источники сведений о сельском хозяйстве древней Руси	27
Глава II. Земледелие	41
Орудия обработки земли	41
Состояние земледелия в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси к середине XIII в.	77
Нашествие монголо-татар и разорение Руси в XIII в.	91
Источники о сельскохозяйственном производстве второй половины XIII, XIV и начала XV в.	93
Сельское строительство: деревня, пустошь, починок	102
Паровая система земледелия и подсека	129
Трехполье	155
Писцовые книги о земледелии в Новгородской земле	175
Летописи о сельском хозяйстве и о земледелии в Псковской земле	201
Огородничество и садоводство	212
Зерновые хлеба и другая продукция земледелия	218
Общая картина развития земледелия в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIII—XV вв. Система земледелия	231
Глава III. Скотоводство	249
Глава IV. Сельские промыслы и домашняя промышленность	285
Охота	285
Рыболовство	289
Бортничество	293
Домашняя промышленность	297
Глава V. Крестьянин и феодал-землевладелец, их связи и взаимоотношения	304
Хозяйство земледельца-крестьянина	304

Хозяйство землевладельца-феодала 308
Боярщина и крестьянское хозяйство («двор») в их хозяйственной связи 316
Крестьяне черных волостей, их организация. Волостной мир в дворцовых и владельческих волостях 369
Борьба крестьян черных волостей с наступавшими феодалами 388
Старожильцы 395
Аграрная политика и крестьянский вопрос в конце XV—начале XVI в. 427
Выводы 431
Список сокращений 435
Предметно-терминологический указатель 441

Георгий Евгеньевич Кочин

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НА РУСИ
В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ
РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА
Конец XIII—начало XVI в.

Утверждено к печати
Ленинградским отделением института истории
Академии наук СССР

Редактор издательства *Э. С. Востокова*
Художник *В. В. Грибакин*
Технический редактор *Н. Ф. Виноградова*
Корректоры *Г. А. Аухимович* и *Г. А. Мошкина*

Сдано в набор 18/XII 1964 г. Подписано к печати 27/III 1965 г. РИСО АН СССР № 51-131В. Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆. Бум. л. 14¹/₂. Печ. л. 29 = = 39.73 усл. печ. л. + 4 вкл. Уч.-изд. л. 33.01 + 4 вкл. (0.33). Изд. № 1659. Тип. зак. № 1105. М-28030. Тираж 1300. ТП 1964 г. № 20. *Цена 2р. 20 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука», Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12